INSPIRIA

БОЛЬШОЙ КРУГ

Shortlisted
The Booker Prize

18+

МЭГГИ ШИПСТЕД

INSPIRIA

Большой круг
Мэгги Шипстед

Аннотация
Мэгги Шипстед. Большой круг
«Джозефина Этерна»
Лос-Анджелес, 2014 год
Неполная история Миссулы. (Монтана)
Гастролеры
Неполная история Гризли-Сидящего-в-Воде
Грейс Келли
Дом добродетели
Предстань, предстань
Неполная история о шестнадцатом и семнадцатом годах Мэриен
Да и нет
Улица Миллионеров
Космический гул расширяющейся Вселенной
Свадьба
Дымовые завесы
Приют
Неполная история семейства Грейвз
Лавка древностей
Неполная история семейства Грейвз
Раз упал, это навсегда

Война
Отдайся страсти
Война
Проблески
Война
Небесный ветер
День Д
Созвездия
Полет
Гризли-Сидящий-в-Воде
Полет
Сознательное погружение
Лос-Анджелес, 2015 г.
Конец

Аннотация

«Захватывающая история о женщинах, лавирующих между традициями и предрассудками, чтобы получить то, что они хотят». – Рон Чарльз, The Washington Post

Мэриен Грейвз была сорвиголовой всю свою жизнь. После встречи с пилотами-каскадерами она навсегда влюбляется в небо. В четырнадцать лет Мэриен бросает школу и встречает богатого бутлегера, который предоставляет ей самолет и оплачивает уроки пилотирования. В 1950 году она отправляется в свое самое захватывающее приключение – полет вокруг земного шара, и бесследно исчезает.

Полвека спустя Хэдли Бэкстер, скандально известная голливудская актриса, получает предложение сыграть Мэриен Грейвз. Возможно, эта роль поможет ей раскрыть тайну знаменитого исчезновения? И примириться с трагедией, которая изменила ее жизнь.

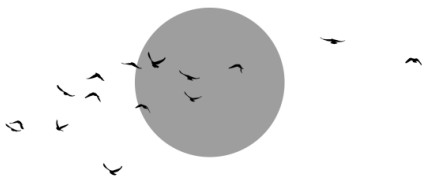
Мэгги Шипстед
Большой круг

Maggie Shipstead
GREAT CIRCLE
Copyright (c) 2021 by Maggie Shipstead

© Шукшина Е., перевод на русский язык, 2023
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

МЭГГИ ШИПСТЕД



БОЛЬШОЙ КРУГ

INSPIRIA
Москва
2023

Брату

Круги моей жизни все шире
и шире –
надвещные – вещие суть.
Сомкну ли последний?
Но, видя в мире суть, я хочу
рискнуть.

Покуда вкруг Господа, башни
веков,
не вскинется дней моих тьма…
Не важно кто – сокол я, вихрь
с облаков,
высокий ли стих псалма.

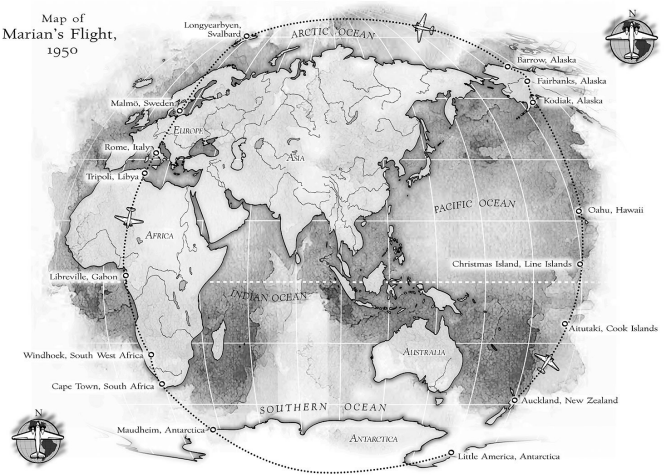
Райнер Мария Рильке, «Часослов»
(пер. А. Прокопьева)

Если ножом разрезать шар на две ровные половины, окружность среза будет представлять собой *большой круг*, то есть самый большой круг, который можно начертить на шаре.

Экватор – большой круг. Как и любая долгота. На поверхности шара, например Земли, кратчайшим расстоянием между

двумя точками будет дуга, являющаяся частью большого круга.

Через противоположные точки, например Северный и Южный полюса, можно провести бесконечное число больших кругов.



Литл Америка-III,
ледниковый шельф Росса, Антарктида
4 марта 1950 г.

Я родилась странницей. Я скроена для земли,

как морские птицы для волн. Некоторые летают, пока не умрут. Я поклялась себе: мой последний спуск будет не беспомощным падением, а нырком баклана — сознательным погружением, нацеленным на что-то в глубине моря.

Собираюсь в путь. Попытаюсь подтянуть круг снизу, свести конец с началом. Хотелось бы, чтобы линия стала плавным меридианом, идеальным, упругим обручем, но наш маршрут исказила необходимость: случайно раскиданные острова, аэродромы для заправки. Я ни о чем не жалею, но буду жалеть, стоит лишь себе позволить. Могу думать только о самолете, ветре, береге — таком далеком, там, где опять начинается земля. Погода налаживается. Мы, как могли, заделали течь. Я скоро улетаю. Ненавижу день, не имеющий конца. Солнце кружит вокруг меня, как гриф. Хочу звездной передышки.

Круги, поскольку они бесконечны, поразительная штука. Все бесконечное поразительно. Но в то же время бесконечность — пытка. Я знала, что горизонт поймать нельзя, и все-таки гналась за ним. Глупо, но у меня не было выбора.

Все вышло не так, как я думала, теперь круг почти замкнулся, начало и конец разделены последним, страшным массивом воды.

Я думала, когда-нибудь смогу сказать, что видела мир, но мира так много, а жизни очень мало. Я думала, когда-нибудь смогу сказать, что что-то закончила, но теперь вообще сомневаюсь, что можно что-то закончить. Я думала, мне не будет страшно. Я рассчитывала стать больше, но поняла, что я меньше, чем думала.

Никто никогда этого не прочтет. Моя жизнь — мое единственное достояние.

И все же, и все же, и все же[1].

Лос-Анджелес
Декабрь 2014 г.

Мне стало известно о Мэриен Грейвз только потому, что одна из подружек дяди в детстве часто оставляла меня в библиотеке и как-то раз я наткнулась на книгу под названием «Отважные женщины неба» или что-то в этом роде. Мои родители, однажды поднявшись в воздух на самолете, не вернулись, и оказалось, та же судьба постигла немало отважных женщин. Я заинтересовалась. Думаю, я искала человека, который сказал бы мне, что авиакатастрофа не худший способ уйти из жизни, хотя, если бы кто-нибудь

[1] Сноски: 1

Последняя запись из «Море, небо, а между ними птицы. Утраченный журнал Мэриен Грейвз». Нью-Йорк, Д. Уэнслес и сыновья, 1959.

действительно так поступил, я бы решила, что в той голове полчища тараканов. В главе о Мэриен говорилось, что ее воспитывал дядя, отчего у меня мурашки побежали по коже, поскольку меня тоже воспитывал (типа воспитывал) дядя.

Славная библиотекарша нарыла мне книгу Мэриен «Море, небо» и что-то там еще, и я пыхтела над ней, как астролог, изучающий звездную карту, в надежде, что жизнь Мэриен каким-то образом объяснит мою собственную, скажет, что делать и как быть. Почти вся ее писанина была мне не по зубам, хоть я и уходила со смутным желанием превратить свое одиночество в приключение. На первой странице дневника я большими печатными буквами вывела: «Я РОДИЛАСЬ СТРАННИЦЕЙ». Больше, правда, так ничего и не написала, ведь как двигаться дальше, если вам десять лет и вы все время торчите дома у дяди в Ван-Найсе или таскаетесь на пробы для рекламных роликов? Вернув книгу, я напрочь забыла про Мэриен. И почти про всех отважных женщин неба, честно. В восьмидесятые о Мэриен вдруг вышла одна мутная телепередача, ее немногочисленные неугомонные поклонники до сих пор стряпают свои версии в интернете, но она не заняла такого места, как Амелия Эрхарт. Многие

считают, будто знают что-то об Амелии Эрхарт, хотя на самом деле ничего они не знают. Это вообще невозможно.

То, что меня часто бросали в библиотеке, оказалось неплохо, поскольку, пока остальные дети корпели в школе, я сидела на бесконечных складных стульях в бесконечных коридорах на всех кастингах для маленьких белых девочек из Большого Лос-Анджелеса (или для девочек неопределенной расы, что равнозначно белым) в сопровождении нянь или подружек дяди Митча — категории, которые иногда шли внахлест. По-моему, его барышни время от времени проявляли обо мне заботу, чтобы он увидел в них материнские наклонности, а стало быть, пригодный матримониальный материал, но, по правде сказать, для поддержания огня в отношениях со стариной Митчем так себе стратегия.

Мне было два года, когда родительская «Цессна» упала в озеро Верхнее. Так все полагали. Никаких следов не нашли. За штурвалом сидел мой отец, брат Митча, и направлялись они в хижину одного друга где-то в медвежьем углу — романтическая поездка с целью, как выразился Митч, воссоединения. Невзирая на мой нежный возраст, он говорил мне, что мать никак не мог-

ла остановиться и трахалась со всеми подряд. Его слова. Кажется, Митч не вполне разобрался в концепции детства. «Но они никогда и не разбежались бы, — еще говорил он. Зато в броских названиях Митч разобрался точно. Он начинал с постановок третьесортных телефильмов типа «За любовь нужно платить» (про пристава таможенной службы) и «Убийство на День святого Валентина» (угадайте с ходу, про что).

Родители оставили меня на соседа в Чикаго, но, согласно их последней воле, меня всучили Митчу. Больше в общем-то никого не было. Никаких дядюшек, тетушек, а бабушка с дедушкой представляли собой сочетание чего-то мертвого, чужого, далекого и ненадежного. Митча нельзя назвать плохим человеком, но натурой он обладал голливудской, предприимчивой, и не успела я прожить у него и нескольких месяцев, как он попросил меня об ответной услуге — принять участие в кастинге для рекламы яблочного пюре. Потом нашел мне агента, Шивон, и я с такой регулярностью снималась в рекламе, ток-шоу и телефильмах (в «Убийстве на День святого Валентина» играла дочь), что не помню, когда не играла и не пробовалась. Это казалось обычной жизнью: опять и опять ставить пласт-

массового пони в пластмассовое стойло, а кругом ездят камеры, и незнакомые взрослые говорят тебе, как надо улыбаться.

Когда мне исполнилось одиннадцать и Митч перешагнул от телефильмов недели к музыкальным клипам, а потом и вовсе, сцепив зубы, втиснулся в мир независимого кино, случился мой легендарный прорыв — роль Кейти Макги в детском кабельном ситкоме о путешествиях во времени под названием «Крутая жизнь Кейти Макги». На съемочной площадке я вела безукоризненную, окрашенную в леденцовые цвета жизнь — сплошные остроты, четкие сюжетные линии и комнаты о трех стенах под раскаленным небом прожекторов. Щеголяя в столь вызывающе модных нарядах, что меня недолго было принять за подросткового духа времени, я нещадно переигрывала, после чего шла запись надрывного зрительского смеха. А когда не снималась, то благодаря нерадивости Митча делала по большому счету все, что хотела. Мэриен Грейвз писала в своей книге: «В детстве мы с братом гуляли сами по себе. Я считала — и долгие годы меня никто не переубеждал, — будто вольна делать что угодно и имею право ходить, куда только найду дорогу». Я, наверное, была задира и сорви-

голова похлеще Мэриен, но мне думалось так же. Мир стал моей устрицей, а свобода — соусом миньонетт. Жизнь подбрасывает тебе лимоны, ты срезаешь с них кожуру и украшаешь свой мартини.

Когда мне было тринадцать, бренд «Кейти Макги» стал бешено продаваться, а Митч, сняв «Турникет», вывалялся в успехе, как обдолбанная свинья в дерьме, и на наши с ним совместные гроши перевез нас в Беверли-Хиллз. Однажды, когда я уже не ошивалась в Долине[2], парень, игравший старшего брата Кейти Макги, познакомил меня со своими мерзкими богатыми друзьями-старшеклассниками, и те стали таскать меня с собой, водить на вечеринки и лазить в трусы. Митч, скорее всего, даже не заметил, как часто меня не было дома, поскольку его самого обычно тоже не было. Иногда мы, оба пьяные, сталкивались, возвращаясь домой в два-три ночи, и просто кивали друг другу, как участники какой-нибудь скандальной конференции в коридоре гостиницы.

Но выпадало и хорошее: тьюторы на съемках «Кейти Макги» оказались нормальные и твер-

[2] Сноски: 2

Долина Сан-Фернандо в Лос-Анджелесе, где располагаются многие известные киностудии. — *Прим. пер.*

дили мне, что нужно поступать в колледж, а поскольку мне нравилось слово и сериал подошел к концу, я, обладая немалым дополнительным весом как телезвезда по разряду «Б», ввинтилась в Нью-Йоркский университет. Я уже сложила вещи и собралась в дорогу, как Митч жахнул передоза, и если бы я не была готова ехать, то, возможно, так и осталась бы в Лос-Анджелесе и тоже довечеринкалась бы до морга.

И еще кое-что, может, хорошее, а может, и плохое: после первого семестра мне дали роль в первом фильме «Архангел». Иногда я задумываюсь, что вышло бы, если бы я вместо кино окончила колледж, перестала сниматься и меня забыли бы, однако вряд ли я смогла бы отказаться от тех огромных денег, которые принесла мне Катерина. Значит, все остальное не суть важно.

В крупинке моего высшего образования нашлось время для введения в философию, и я узнала о паноптиконе, проекте идеальной тюрьмы Иеремии Бентама, где в центре гигантского кольца камер находится крошечное помещение надзирателя. Нужен всего один надзиратель, поскольку он может надзирать в любой момент, а мысль о том, что за вами надзирают, действует намного сильнее, чем реальный надзор. Потом

Фуко превратил это дело в образ: для крепкой дисциплины и власти над человеком или населением нужно лишь заставить их думать, что за ними, *возможно*, надзирают. Вероятно, профессор хотел подвести нас к заключению, что паноптикон ужас какой плохой, но позже, когда после «Архангела» я стала слишком знаменитой, мне хотелось сесть в дурацкую машину времени Кейти Макги, перенестись в ту аудиторию и попросить его поразмыслить об обратном: если вместо надзирателя в центре конструкции оказываешься ты, а за тобой, что бы ты ни делала, надзирают — или могут надзирать — тысячи, миллионы.

Однако вряд ли у меня хватило бы духу попросить профессора хоть о чем-нибудь. В Нью-Йоркском университете все пялились на меня, поскольку я была Кейти Макги, а мне казалось, на меня пялятся, зная, что я недостойна там находиться. Возможно, и недостойна, но достоинство не измеришь в лаборатории. Невозможно знать, достоин человек чего-либо или нет. Может, и нет. Поэтому, когда я из-за «Архангела» бросила учебу и вернулась к миллиону обязанностей, к жизни, в которой у меня не было выбора, к распорядку дня, который определяла не я, мне стало легче.

В университете я в полном смятении листала толстый, как словарь, список курсов, бродила по кафе и смотрела на разные блюда, на стойки с холодными закусками, горы кренделей, контейнеры со злаками, на машину для мороженого с таким чувством, будто меня просят решить какую-то архиважную загадку, загадку жизни и смерти.

Когда я лажанулась по полной и сэр Хьюго Вулси (да, именно сэр, оказавшийся моим соседом), рассказав мне про байопик, который он вознамерился продюсировать, достал из холщовой сумки книжку Мэриен — книжку, о которой я не вспоминала пятнадцать лет, — я вдруг опять перенеслась в библиотеку, где рассматривала небольшой томик в твердой обложке; там могли содержаться все ответы. Ответы годились. Что-то, чего мне хотелось, хотя я никогда не могла догадаться, чего именно мне хотелось. Я даже не знала толком, что значит хотеть. Мои желания, как правило, представляли собой мешанину из невозможных, противоречивых импульсов. Я хотела исчезнуть, как Мэриен; хотела стать самой знаменитой на свете; хотела сказать важные слова о мужестве и свободе; хотела быть мужественной и свободной, однако ничего про это

не знала, знала только, как делать вид, будто я что-то знаю, а это, по-моему, и есть актерство.

Сегодня мой последний съемочный день в «Пилигриме». Я сижу в подвешенном на шкивах муляже самолета Мэриен, скоро меня раскачают над огромным резервуаром с водой и сбросят. На мне оленья парка, которая весит тысячу фунтов, а, намокнув, будет весить миллион; я стараюсь не показывать, как мне страшно. Некоторое время назад Барт Олофссон, режиссер, отвел меня в сторонку и спросил, действительно ли я хочу выполнить трюк сама, с учетом того, ну ты понимаешь, что случилось с твоими родителями.

— Мне кажется, я хочу это испытать, — ответила я. — Мне кажется, я могу использовать трюк для исцеления.

Он положил мне руку на плечо, надел свое самое пафосное лицо гуру и сказал:

— Ты сильная женщина.

Хотя исцеление в общем-то невозможно. Поэтому-то мы все время его ищем.

На актере, играющем Эдди Блума, моего штурмана, тоже оленья парка, а на лбу водонепроницаемая ампула с якобы кровью, поскольку от удара он должен вырубиться. В жизни Эдди обычно

сидел на штурманском месте позади кресла Мэриен, но сценаристы, два агрессивно-веселых брата с прическами и лицами, как у мальчиков гитлерюгенда, решили, будет лучше, если во время смертельного погружения он будет на первом плане. Да ради бога, как скажете.

Мы в любом случае рассказываем не ту историю, что случилась на самом деле. Это-то я знаю. Однако не могу утверждать, будто знаю правду о Мэриен Грейвз. Ее знала только она сама.

Мое погружение будут снимать восемь камер: шесть стационарных и две у водолазов. Снять нужно с одного дубля. Максимум с двух. Съемки дорогие, наш бюджет, и так-то небольшой, теперь вовсе сдулся, точнее, свалился в минус, но коли уж вы зашли так далеко, то единственная возможность выйти — пройти. В лучшем случае потребуется день. В худшем я утону, обо мне, как о родителях, тиснут некролог, с той разницей, что у меня ненастоящий самолет, ненастоящий океан и я даже не пытаюсь куда-то долететь.

— Ты уверена, что хочешь сама?

Постановщик трюков проверяет мое обмундирование, деловито копается у меня в паху, прощупывая в колючем оленьем меху ремни и карабины. Как ему и положено, у него дубленое

лицо, дубленая одежда и, после парочки не самых удачных починок, манера ходить, как у героя кукольного мультика.

— Абсолютно.

Когда он отходит, нас поднимает и раскачивает кран. На том конце бассейна экран, создающий некий горизонт, отделяющий воду от неба, и я теперь она, Мэриен Грейвз, которая летит над Южным океаном, мой топливомер на нуле, и я знаю, что никуда не могу вырваться оттуда, где нахожусь, а нахожусь я в нигде. Я думаю, холодная ли будет вода, сколько времени пройдет, прежде чем я умру. Продумываю возможности. Вспоминаю клятву самой себе. Нырок баклана.

— Мотор! — кричит голос у меня в наушниках.

Я опускаю штурвал ненастоящего самолета, как будто хочу влететь в центр Земли. Шкив наклоняет нос самолета, и мы погружаемся в воду.

«Джозефина Этерна»

Глазго, Шотландия
Апрель 1909 г.

Недостроенный корабль. Корпус без труб, сверху удерживаемый на стапеле крюком стального крана, а снизу — деревянной тележкой. За кормой, под бессильными цветками гребных винтов, в неожиданном солнечном свете протекала Клайд.

От киля до ватерлинии корабль был ржаво-красным, а сверху, специально для спуска на воду, его покрыли подвенечно-белой краской. (Белый эффектнее для газетных фотографий.) Когда отсверкают фотовспышки, когда судно одиноко постоит у речного причала для оснастки, по бокам на толстых канатах подвесят доски, на них встанут люди и выкрасят борта и заклепки корпуса в блестяще-черный.

Поднимут две трубы, закрепят на нужном месте. Палубы обошьют тиком, панели коридоров и кают-компаний — красным деревом, орехом и дубом. Появятся диваны, канапе и шезлонги, кровати и ванны, морские пейзажи в позолочен-

ных рамах, боги и богини в бронзе и алебастре. У китайского фарфора для первого класса будут позолоченные ободки и золотые якоря (эмблема пароходства L&O). Для второго класса — синие якоря и синие ободки (синий — цвет пароходства). Третий класс удовольствуется простой белой фаянсовой посудой, а экипаж — оловянной. Подгонят товарные вагоны, полные хрусталя, серебра, фарфора, камки и бархата. Краны поднимут на борт три рояля, которые будут раскачиваться в сетях, как животные на негнущихся ногах. По трапу вкатят рощицу пальм в кадках. Подвесят канделябры. На палубах вставят друг в друга стулья, похожие на челюсти аллигатора. Скоро через специальные люки в бункеры под ватерлинией, подальше от изящества, погрузят первую порцию угля. Глубоко в недрах разведут первый огонь.

Но в день спуска на воду корабль еще лишь раковина, голая, необорудованная стальная колодка. В его тени теснилась толпа: шумные группки портовых рабочих, явившиеся полюбоваться зрелищем семейства Глазго, мальчишки, торгующие газетами и бутербродами. Великолепное синее небо знаменем развевалось над головами. В городе тумана и сажи такое небо

могло служить лишь добрым предзнаменованием. Играл духовой оркестр.

Миссис Ллойд Файфер, Матильда, супруга нового американского владельца корабля, стояла на помосте, украшенном сине-белыми флагами, с бутылкой виски под мышкой.

— Разве не шампанское? — спросила она у мужа.

— Не в Глазго, — ответил тот.

Матильде предстояло разбить бутылку о корабль, окрестив его именем, о котором она с трудом могла думать. Ей не терпелось услышать разряжающий напряжение звон стекла, выполнить свою задачу, но приходилось ждать. Наступила какая-то заминка. Ллойд суетился, время от времени обращаясь к корабельному инженеру, словно окаменевшему от волнения. На помосте мялись несколько несчастных англичан в котелках, шотландцы из судостроительной компании и еще пара человек — откуда они, Матильда определить не могла.

Корабль уже наполовину построили, когда L&O, основанное в Нью-Йорке ее тестем Эрнстом в 1857 году и унаследованное Ллойдом в 1906 году, приобрело погибающее английское пароходство, его заказавшее. («Заказавшее

корабль», — всегда поправлял Ллойд. Но для Матильды корабль был «он».) Когда кончились деньги, обшивка шла полным ходом и возобновилась, стоило долларам Ллойда обратиться в фунты стерлингов, а потом в сталь. Люди в котелках, прямо из Лондона, мрачно обмениваясь замечаниями о прекрасной погоде, проектировали корабль, спорили над чертежами, выбрали разумное название (Ллойд его не принял). И все для того, чтобы в итоге вышел дешевый фарс: рогоносцы в тщательно вычищенных шляпах на помосте, украшенном развевающимися флагами, бурлящий у них под ногами жизнеутверждающий марш духового оркестра. Для облегчения хода корабль обмазали салом, и Матильда чувствовала тяжелый животный дух, пропитывающий одежду, обволакивающий кожу.

Ллойду хотелось, чтобы новый лайнер придал пароходству сил. К моменту смерти Эрнста его флот устал, устарел, лишь трампы (в основном) еще вели привычную торговлю на побережье, несколько грузо-пассажирских суден, пыхтя, пересекали Атлантику, да парочка изможденных парусников моталась в Тихом океане по торговым путям зерна и гуано. Этот лайнер не станет

ни самым большим, ни самым быстрым, ни самым роскошным, что будут ходить из Европы, не составит угрозы для монстров пароходства «Уайт стар», строящихся в Белфасте, но, по утверждению Ллойда, будет солидной ставкой за столом толстосумов.

— Какие новости? — пролаял Ллойд, напугав ее.

Вопрос он адресовал Эддисону Грейвзу, капитану Грейвзу, стоявшему подле, — настоящему дылде, хотя вечная сутулость будто подразумевала заблаговременные извинения за высокий рост. Он был худ, почти тощ, но кости массивные, тяжелые, наподобие дубин.

— Проблема со стапелем, — ответил он Ллойду. — Слишком длинный.

Ллойд посмотрел на корабль и нахмурился:

— Корабль будто в оковах. А задуман для воды. Ты так не думаешь, Грейвз? — Он вдруг резко оживился: — Ты не думаешь, что корабль просто великолепен?

Над ними нависала носовая часть, острая, как лезвие ножа.

— Хороший будет корабль, — мягко ответил Грейвз.

Эддисон Грейвз, назначенный первым капи-

таном корабля, приехал на церемонию спуска на воду с Ллойдом, Матильдой и четырьмя их сыновьями — старшим Генри, семи лет, младенцем Леандром, которому не исполнилось еще и года, Клиффордом и Робертом — между ними; всех их куда-то отвели две няньки. Матильда надеялась подружиться с Грейвзом в пути. Он не был угрюм, никогда не грубил, но его замкнутость, казалось, не пробить. Ничего не дали даже самые смелые ее попытки заглянуть за фасад.

— Чем вас привлекло море, капитан Грейвз? — спросила она как-то за ужином.

— Если долго идти в одном направлении, миссис Файфер, окажешься на море, — ответил Грейвз, будто упрекая ее в чем-то.

Для нее он теперь олицетворял классическую мужскую непроницаемость. Ллойд любил его всей душой, как не любил, похоже, никого, уж точно не Матильду.

— Я обязан ему жизнью, — не раз повторял он.

— Твоя жизнь не долг кому-то, — возразила она ему однажды. — Или же если она не вполне твоя, то ее так и не спасли.

Но Ллойд только рассмеялся и спросил, не думала ли она стать философом.

В молодости Грейвз и Ллойд вместе служили

на парусном судне. Грейвз был матросом, а Ллойд, только-только окончивший Йель, полуделал вид, будто он тоже матрос. Эрнст, отец Ллойда, заявил, что если сын намерен унаследовать L&O, то должен натаскаться (буквально). Когда бедолага Ллойд у берегов Чили упал за борт, Грейвз, быстро и метко бросив канат, вытащил его. С тех пор Ллойд благоговел перед Грейвзом как перед своим спасителем. («Но канат-то ухватил ты, — говорила Матильда. — Висел-то на нем ты».) После Чили вслед за Ллойдом по карьерной лестнице в пароходстве поднимался и Грейвз.

Помост вышел из тени. От пота корсет у Матильды затвердел и царапал кожу. Ллойд, похоже, считал, что она родилась со знанием того, как крестить корабли.

— Просто разбей бутылку о нос, Тильди, — сказал он. — Очень просто.

А как понять, в какой момент? Они не забудут ей сказать? Она знала только, что, когда корабль сдвинется, ей должны подать сигнал (но кто именно, неясно) и нужно ударить бутылкой по носовой части, окрестив корабль «Джозефина Этерна», по имени любовницы мужа.

Несколько месяцев назад за завтраком она спросила Ллойда, как будет назван корабль, и он

ответил, не опустив газеты.

Матильда поставила чашку обратно на блюдце, и та не дрожала. Она могла гордиться по крайней мере этим.

Когда Ллойд женился на ней, Матильда была молода, но не слишком, ей шел двадцать второй год — против его тридцати шести, и, будучи достаточно взрослой, поняла, что выбрали ее за состояние и репродуктивный потенциал, не по любви. Матильда лишь попросила Ллойда вести себя почтительно и тактично. Она высказалась до помолвки, а он, любезно ее выслушав, согласился: в пользу личной свободы в браке говорит многое, особенно поскольку его так долго устраивала холостяцкая жизнь.

— Значит, мы понимаем друг друга, — сказала она, протянув ему руку.

Ллойд торжественно пожал ее, а потом поцеловал невесту, во весь рот, поцелуй был долгим, и она, не желая того, постепенно влюбилась. Не повезло.

Однако Матильда, сдержав свое слово, как могла, примирилась со скитаниями Ллойда и сумела обратить страсть на детей, поддержание своего гардероба и себя самое. Она знала, Ллойд привязан к ней и более нежен в постели, чем, по ее

предположениям, некоторые другие мужья, хотя знала также, что она совершенно не в его вкусе. Он предпочитал темпераментных, неукротимых женщин, обычно старше Матильды, часто старше его самого и уж точно старше тезки корабля, капризной брюнетки Джо, которой было всего девятнадцать. Но Матильда знала достаточно, чтобы понимать, как часто все губят именно те, кто выбирает полную противоположность себе.

Имя корабля стало скверной наградой за ее терпение и великодушие, и, на минутку оказавшись одна, подальше от позвякивающего китайского фарфора и глаз обслуги, она пустила слезу. Затем взяла себя в руки и вернулась к исполнению обязанностей — как обычно.

На помосте Ллойд нервно сказал ей:

— Скоро.

Она попыталась приготовиться. Держать слишком короткое горлышко было неудобно, особенно в шелковых перчатках, и бутылка, выскользнув из руки, с глухим звуком упала в опасной близости от края помоста. Матильда подняла бутылку, и тут кто-то тронул ее за плечо. Эддисон Грейвз. Аккуратно взяв виски, он дал совет:

— Лучше снять перчатки.

Она сняла, и он, обернув одну ее руку вокруг

горлышка, ладонь другой приложил к пробке.

— Вот так. — Капитан провел рукой дугу. — Не бойтесь, размахнитесь как следует, потому что, если бутылка не разобьется, это плохой знак.

— Спасибо, — пробормотала Матильда.

Стоя на краю помоста, она ждала сигнала, но ничего не происходило. Передняя часть корабля — огромный вздернутый нос горделивого, надменного существа — не двигалась. Мужчины взволнованно переговаривались. Корабельный инженер куда-то исчез. Она ждала. Бутылка стала тяжелее. Заболели пальцы. Внизу, в толпе, двое мужчин принялись пихать друг друга, поднялся гул. Один ударил другого по лицу.

— Тильди, ради бога!

Ллойд тянул ее за рукав. Нос ускользал. Как быстро. Она не ожидала, что подобная громадина может двигаться с такой скоростью.

Матильда наклонилась и швырнула бутылку вслед удаляющейся стальной стене. Неловко, через руку. Та ударилась о корпус, но не разбилась, а лишь отскочила и упала на стапель, выпустив от соприкосновения с бетоном фонтан осколков и янтарной жидкости. «Джозефина» удалялась. Река за кормой, сначала поднявшись зеленым

пузырем, разбилась в пену.

Северная Атлантика
Январь 1914 г.
Четыре года и девять месяцев спустя

Ночь, «Джозефина Этерна», курс на восток. Бриллиантовая брошь на черном атласе. Одинокий кристалл в стене темной пещеры. Величественная комета в пустом небе.

Под огнями и ульем кают, под людьми, надрывающимися в красном жару и черной пыли, под обросшим ракушками килем, в темноте проплывала стая трески, сбитое множество изгибающихся тел с выпученными глазами, хотя кругом царил сплошной мрак. Под рыбой — холод, давление, пустые черные мили, странные светящиеся создания, выискивающие крупинки пищи. Затем песчаное дно, голое, за исключением еле заметных следов, оставленных глубоководными креветками, слепыми червями и существами, которые никогда не узнают, что существует такой феномен, как свет.

Вечер, когда Эддисон Грейвз, явившись на ужин, обнаружил, что Аннабел сидит рядом с ним, был вторым по выходе из Нью-Йорка. Он неохотно покинул мужскую тишину мостика и спустился в вибрирующий, искрящийся гвалт

кают-компании. В жарком, влажном воздухе пахло едой и духами. Холод океана, прилипший к шерстяной форме, испарился; тут же выступили капли пота. У стола, зажав фуражку под мышкой, он ссутулился в поклоне. Лица пассажиров лучились жадным желанием завладеть его вниманием.

— Добрый вечер, — сказал он, садясь и расправляя салфетку.

Он редко находил удовольствие в беседе, и, уж конечно, не в самовлюбленной болтовне, которой от него ждали пассажиры, достаточно состоятельные или важные, чтобы получить место за капитанским столиком. Сперва он заметил лишь бледно-зеленое платье Аннабел. С другой стороны от него сидела пожилая дама в коричневом. Официанты в ливреях принесли с кухни первое из длинной вереницы вычурных блюд.

Ллойд Файфер сделал Эддисона капитаном, едва вступив в права наследства L&O, когда еще не осела на могиле отца потревоженная земля. За ужином в «Дельмонико», дождавшись стейка, Ллойд вручил ему корабль, и Эддисон лишь кивнул, стараясь не выдать восторга. Капитан Грейвз! Наконец-то бывший оборвыш с фермы в Иллинойсе исчезнет навсегда, будет растоптан

каблуками начищенных ботинок, выброшен за борт.

Но Ллойд поставил условие:

— Тебе придется быть обходительным, Грейвз. Придется преобразиться. Платят, в частности, и за это. Не смотри на меня так. Не так страшно. — Он помолчал, глядя на друга тревожным взглядом. — Справишься?

— Да, — ответил Эддисон, поскольку самолюбие пересилило страх в сердце. — Конечно.

Официанты лавировали между столами, разнося чашки с консоме. Справа от Эддисона миссис имярек в коричневом платье во множестве подробностей излагала историю жизни своих сыновей, выговаривая каждое слово так медленно и четко, будто зачитывала условия договора. Появился и исчез ягненок с мятным желе. Затем жареные цыплята. За салатом, во время небольшой паузы в рассказе соседки Эддисон наконец обернулся к женщине в бледно-зеленом платье. Та представилась Аннабел и показалась совсем молоденькой. Грейвз спросил, впервые ли она едет в Британию.

— Нет, — покачала головой соседка, — была уже несколько раз.

— Значит, вам понравилось?

Она помолчала, а потом безразлично ответила:

— Не особенно, но мы с отцом решили, что мне на какое-то время лучше уехать из Нью-Йорка.

Любопытное признание. Он пристальнее всмотрелся в нее. Девушка опустила голову и вроде бы полностью сосредоточилась на еде. Аннабел была старше, чем он сначала решил, к тридцати, и очень привлекательна, хотя неаккуратно нанесенные румяна и губная помада придавали ей расхристанный, воспаленный вид. Молочного оттенка волосы, как грива у лошади соловой масти, а ресницы и брови такие светлые, что их почти не видно. Она резко подняла голову и встретилась взглядом с капитаном.

Голубую радужку глаз прочертили светлые, бледные, как солнечные блики, пересекающиеся круги, и в этих глазах он увидел явное, бесстыдное предложение. Грейвз помнил такой взгляд у женщин на берегах Южного океана, лениво лежавших в тени с обнаженной грудью, у проституток, наполовину прикрытых мраком портовых городов, у караюки-сан, указывавших ему дорогу в освещенные фонарями комнаты. Он бросил взгляд на ее сидевшего напротив отца, цветущего, поджарого мужчину, разглагольствовавшего на публику и, очевидно, забывшего про дочь.

— Вы брезгуете, — тихо сказала Аннабел. — Говорить с ними. Вижу, поскольку я тоже.

Извинившись, Эддисон отказался от десерта. Кое-что требует его внимания, прошу простить. Он вышел из кают-компании и, поднявшись два марша по трапу, резко распахнул дверь с надписью «Служебный вход», очутившись на пятачке открытой палубы за мостиком.

Облокотился на леера. Вокруг никого не было. Море слегка пенилось. По ясному безлунному небу выгнулся мраморный поток Млечного Пути.

Грейвз брезгливо, вежливо отказался, отвернулся от молодой женщины и спросил другую соседку, что еще интересного та может рассказать о детях. Но Аннабел по-прежнему пылала в поле бокового зрения. Зеленое платье, бледные ресницы. Взгляд. Такой неожиданный. Голубое пламя, неподвижное, чужое.

Некоторое облегчение пришло в рабочей атмосфере мостика и потом, когда ему в полночь принесли кружку кофе, но она все пылала. В ванной — из воды торчали костлявые колени — он позволил руке опуститься к чреслам, думая о ее раскрасневшихся щеках, выбившейся на затылке пряди бледных волос.

Когда Аннабел постучалась к нему в дверь, было далеко за полночь. Она так и не сняла зеленое платье-видение. Эддисон не знал, как пассажирка отыскала его каюту, но зашла она энергично, как будто ей приходилось видеть его уже множество раз. Девушка, оказавшаяся меньше ростом, чем он считал, доходила ему до середины груди и сильно дрожала. Первые несколько минут он не мог заставить себя дотронуться до нее — от холода кожа у нее посинела и заледенела.

Нью-Йорк
Сентябрь 1914 г.
Девять месяцев спустя

Дети плакали.

Аннабел неподвижно стояла у окна спальни в принадлежавшем Эддисону доме красного кирпича (черная отделка, черная дверь с латунным молоточком, у реки) и смотрела через улицу на черную кошку, спящую на окне третьего этажа. Она часто видела эту кошку. Иногда та, водя хвостом, следила за голубями, клюющими что-то на нижней решетке. Когда кошка водила хвостом, Аннабел тянуло погрозить ей пальцем. Когда кошка замирала, замирала и она. Ночью, лежа без сна, она водила пальцем, пока тот не начинал болезненно ныть и неметь. Бранчливый

жест. Тик-так.

Непереносимый, перекрывающий друг друга рев близнецов достиг апогея.

Лучше оставаться у окна, чем подвергаться риску, что опять вспенятся и запахнут пемзой видения, как бывало всякий раз, когда она подходила к люльке. Не надо идти на кухню, там ножи. Не надо приближаться к подушкам и тазам с водой. Не надо брать детей на руки, поскольку можно поднести их к окну и выбросить. «Дрянь», — послышался голос матери. «Дрянь, дрянь, дрянь».

Во время одной из тюремных отсидок в интернате, наутро после нешуточной грозы она сделала несколько неуверенных шагов с крыльца дортуара в слепящий, хрупкий, скользкий мир. Все клены на центральной лужайке заключили в тесные стеклянные коробы, как зубами, усеянные сосульками. Когда дети начинали плакать, Аннабел становилась похожа на те деревья: сначала пустила корни, а потом замерзла. Детский плач казался таким же далеким и безответным, как крики птиц, кружащих над заполненными льдом гнездами.

Когда они родились, Эддисон находился в море на «Джозефине». Схватки у Аннабел начались

четвертого сентября, на три недели раньше срока, и прошло больше суток, целая вечность, прежде чем затемно шестого сентября, в первый день сражения на Марне, близнецы были наконец изринуты. Она не могла придумать никаких имен и махнула рукой в знак согласия, когда акушерка предложила Мэриен, а врач Джеймса, чтобы звать мальчика Джейми.

Теперь, когда она знала, что значит кричать, истекать кровью, ужас родов граничил для Аннабел с ужасом войны. Роды стали еще одним кошмаром, к которому обращался рассудок, когда она ослабляла бдительность. Опять являлся таз с красной водой, врачебные ножи, щипцы. Опять перед ней были лиловые дети, перемазанные кровью и чем-то вроде заварного крема, маленькие, как щенята, и опять возвращался дикий страх, испытанный ею, когда она впервые увидела их, мимолетная, безумная уверенность, что врач держит в руках ее органы, что ее выпотрошили. Акушерка говорила, роды — тяжкое испытание, но потом придет радость. Или эта женщина говорила неправду, или, что более вероятно, Аннабел не нормальная мать.

Когда детям было пять дней, вернулся Эддисон. Он озадаченно посмотрел в колыбель, а потом

перевел взгляд на Аннабел. Та со спутанными волосами, провоняв потом, лежала на кровати. Она отказывалась мыться, поскольку врач утверждал, что теплая вода стимулирует выработку молока, а молодая мать твердо решила пересохнуть.

— Тогда в холодной воде, — предложила дневная кормилица. — Чтобы смягчить раздражение.

Аннабел ответила, что скорее умрет, чем примет холодную ванну.

— Ваше дело — дети, а не я, — сказала она. — Оставьте меня в покое.

В молчании она не уступала Эддисону. На следующий день тот опять уехал.

— Всего-навсего приступ меланхолии, — объяснила кормилица. — Я уже такое видела. Скоро вы придете в себя.

В себя.

Воспоминания о мраке ее первых лет. Синие от луны занавески детской, рядом отец, он обнимает ее. Больше никто ее не обнимал. Тепло другого тела пьянит. Она рефлекторно хватается за ворот его шелкового халата и чувствует, как он дрожит. На этом воспоминания заканчивались.

Семь лет. Она стоит в кладовке дома в Мюррей Хилле, задрав платье, а в ногах у нее сидит сын кухарки, мальчик лет одиннадцати. С по-

рога рваный крик, и влетает что-то огромное, заполошное. Шумная няня с большой грудью и черным подолом заполняет небольшое пространство, как сорока, залезшая в воробьиное гнездо. Кухаркин сын вопит, пока его лупят. Няня крикнула всего один раз, вначале, а потом, таща Аннабел вверх по лестнице и запирая ее в кладовке, молчала и только возбужденно сопела.

В кладовке темно, но через замочную скважину через коридор видно ее детскую, желтое одеяло на кровати и куклу, брошенную на пол лицом вниз.

— Я плохо себя вела? — спрашивает она у няни через дверь.

— Сама знаешь, — отвечает та. — Хуже девочек не бывает. Тебе должно быть больше, чем стыдно.

«А что там, за стыдом?» — думает Аннабел, скрючившись между совками и банками с лаком для мебели. Если ее поступок так ужасен, почему отцу, богу этого дома, у кого куда больше власти, чем даже у матери или няни, можно трогать место, за которое сын повара предложил ей лимонный леденец, только чтобы посмотреть, место, которое няня называла капусткой? «Наш с тобой секрет, — говорит ей отец, имея в виду

свои посещения, — мама ничего не должна знать, поскольку ей будет завидно, как сильно он любит Аннабел, как Аннабел любит папу и как им тепло вдвоем».

В тот день, когда она показала капустку кухаркиному сыну, мать избила ее по голым ногам и по попе, называя «дрянью, дрянью, дрянью».

Первый врач прописывает ежедневные холодные ванны и вегетарианскую диету.

Няня отказывается отвечать на любые вопросы о том, что значит «дрянь».

— Такие разговоры лишь подстегнут тебя.

Хотя однажды, когда Аннабел спрашивает, плохая ли капустка и у мальчиков, няня выпаливает:

— Глупый ребенок, у мальчиков нет капустки, у них морковка.

Создается впечатление, что «дрянь» как-то связана с овощами.

С чувством неловкости, вины, по причинам, которые она не может объяснить, Аннабел, когда за ней никто не смотрит, в детской или в ванной начинает трогать свою капустку. Ощущения мягко притупляют разум, погружают в приятную атмосферу и даже имеют свойство прогонять нежелательные воспоминания, например осве-

жеванного ягненка, виденного ею на кухне с высунутым языком, или мать, называющую ее дрянью. Они приглушают даже мысли об отце. Отец уверяет, что старается делать нечто приятное. Значит, если от его посещений ей становится страшно, с ней что-то не так. Она должна попытаться исправиться.

Девять лет. Аннабел просыпается от порыва холодного воздуха, утреннего света; желтое одеяло сдернуто. Мать стоит над ней, держа одеяло, как матадор — капоте. Слишком поздно. Аннабел понимает, что во сне ее руки забрались под ночную рубашку.

— Дрянь, — выплевывает мать, склонившись над ней, будто готовый упасть топор.

На следующую ночь няня связывает ей руки, и она спит с переплетенными, как на молитве, пальцами.

— Твоя мать прекрасная женщина, — говорит отец, гладя веревки на запястьях, но не развязывая их. — Но она не понимает, мы просто хотим, чтобы нам вместе было тепло.

— Я дрянь? — спрашивает Аннабел.

— Все мы немного дрянь, — отвечает отец.

Второй врач стар и похож на собаку, у него отеки под глазами, пятнистая кожа и длинные

мочки ушей. Щипцами он извлекает из стеклянной банки одну-единственную пиявку. Раздвигает ей ноги.

Звон закладывает уши. Затемняющий все белый свет вихрится метелью, потом его разрывает резкая струя нюхательной соли. Врач выходит побеседовать с матерью, оставив дверь открытой.

— Перевозбуждение, — объясняет он. — Очень серьезно… Но пока нет оснований отчаиваться.

Еще больше холодных ванн и раз в неделю тетраборат натрия. Ей не позволяют никаких приправ, ярких красок, быстрой музыки, ничего живого, возбуждающего. Перед сном полная ложка сиропа из бутылочки янтарного цвета, погружающая ее в бездонный сон. Несколько раз утром она чувствует у себя на подушке слабый запах табака, но ничего не помнит.

В день, когда она с ужасом просыпается на окровавленной простыне — ей двенадцать, — мать говорит, что она не умрет, но кровь будет каждый месяц, как напоминание: нельзя — да, опять, всегда, — быть дрянью.

Примерно в то же время еще два события: во-первых, она обращает внимание, что не слышит больше на подушке запаха табака, и, во-вторых, ее отправляют в интернат. Жизнерадостный

щебет других девочек, их книжки, молитвы на сон грядущий, тоска по дому, письма мамам, радостные танцы по парам, возня с волосами, пощипывание щек, чтобы разрумяниться, — ото всего этого она чувствует себя мрачным пауком, шныряющим среди веселых туфелек. В приступе ярости понимает, что ничего не знает о мире. Ее держали вдали от него.

Как избавиться от ужасающего невежества?

Быть внимательной. Подслушивать. Просеивать информацию и усиленно искать зацепки. Наугад брать книги из библиотеки, другие воровать у девочек, особенно запрещенные, которые те прячут. Прочесть «Грозовой перевал», «Остров сокровищ», «Двадцать тысяч лье под водой» и «Лунный камень». Прочесть «Дракулу» и пережить ужас ночных кошмаров про Ренфилда, безумного зоофага в сумасшедшем доме, скармливающего мух паукам, пауков — птицам, поедающего птиц и мечтающего употребить в пищу как можно больше жизней. Стащить «Пробуждение» и мечтать о том, как зайдешь в море, хотя ты никогда не заходила ни в какую воду, кроме ванны. (Даже в интернате ванны у нее холодные.) Из книг постепенно набрать путаных сведений: существуют и другие представления о стыде

и «дряни», чем у матери. Догадаться: оказывается, иногда женщины хотят, чтобы их трогали мужчины. (Над некоторыми книгами девочки вздыхали и откидывались на подушки. «Как романтично», — говорили они, но не ей, Аннабел считалась странной.) Уверившись, что все уснули, она опять начинает трогать штучку; та уже не капустка, а заветный орган, уже не по-детски бездвижная, а живая, животная. Ощущения становятся резче, как будто остренький рыболовный крючок, цепанув за нервы, куда-то ее тащит. Ей открылись мерцание, звон, пульсация, вспышка.

Раз в неделю в интернат приходит молодой человек учить девочек играть на пианино. Он наклоняется над сидящей на скамейке Аннабел и длинными пальцами берет низкие, гулкие ноты. Он почти такой же белокурый, с изогнутыми, удивленными бровями и заметными следами расчески в волосах. Как-то раз она берет его руку и кладет себе на платье, над штучкой. Ужас на лице молодого человека смущает Аннабел.

Ее с позором переводят в другую школу, рангом пониже, но через месяц вызывают домой, поскольку умерла мать. Отец держится вежливо, правда, холодно и смущенно, кажется, он забыл о своем прежнем желании тепла. Няня исчезла,

а когда Аннабел спрашивает о ней, отец отвечает: она уже слишком большая, чтобы иметь няню, не правда ли? Аннабел принимает такую горячую ванну, что выходит оттуда, как будто ее сварили.

(Лишь позже, подслушав разговор на похоронах, она узнает, что мать выпила целый флакон снотворного.)

Третья школа, та, с кленами, снежный буран. Учитель истории старше учителя музыки и не боится Аннабел. Он находит предлог вызвать ученицу к себе в кабинет.

— Как рыба в воде, — говорит учитель, избавив ее от невинности на провисшем диване. — Я видел это в тебе. Видел, что ты такая и есть.

— Что вы имеете в виду?

— В твоих глазах. Ты разве не хотела меня соблазнить?

— Наверно, — отвечает она, хотя точно не знает, чего хотела.

Она просто отвечала на его взгляды и позволила ему совершить то, что хотел он, почувствовав тупую, режущую боль; оба практически не раздевались. Потом, когда она шла по школьной лужайке, на нее навалилась грусть, которая, видимо, является послевкусием любого челове-

ческого общения, но опыт не неприятный, и она охотно явилась к нему в кабинет, когда он вызвал ее в следующий раз. Прежде он отвернулся и что-то с собой сделал, необходимое, по его словам, чтобы не было ребенка. С опытом она научилась извлекать из его манипуляций мерцание и звон, иногда даже пульсацию и вспышку, но грусть все равно оставалась.

— Давай убежим, — предлагает он, а она смотрит на него с дивана, обескураженная тем, что он думает, будто им есть куда податься.

Из последней школы ее не исключают, а в шестнадцать выдают аттестат, и она возвращается в Нью-Йорк. Изо всех сил старается вести внешне респектабельную жизнь в качестве незамужней половины отца, его спутницы на ужинах, приемах, в путешествиях. Пытается быть хорошей, избавиться от дрянных потребностей. Но изгнать их можно, только отрубив себе голову и продолжая жить. У нее появляются любовники. Мера их скромности различна.

— Может, тебе стоит подумать о замужестве? — спрашивает отец.

Оба знают, что в Нью-Йорке никто не мечтает на ней жениться, несмотря на его состояние.

Занятия любовью приносят облегчение, да,

но кроме того позор, слухи и презрение. Она хотела быть другой, не таскаться по мужчинам, не гнуться под тяжестью мрака, не испытывать жадных желаний. Но у нее не получилось. Не получилось ни в Нью-Йорке, ни в Лондоне («Может, английский муж?» — предложил отец), ни в Копенгагене («Может, датский?»), ни в Париже («Может?..»), ни в Риме (об итальянском муже речи не было). Не получилось и на «Джозефине». Она не думала, будто может зачать ребенка, уверенная, что ее дрянная матка совсем сгнила.

— Эддисон Грейвз, — сказала она отцу, убедившись в беременности.

— Кто?

— Капитан. Капитан корабля.

В тот вечер, когда она познакомилась с Эддисоном, отец после ужина отправился в курительную комнату, вверив Аннабел дамской гостиной, откуда та с легкостью улизнула. Она стояла на корме «Джозефины», внимательно смотря на черную воду, на поднимающиеся от гребных винтов серебряные облака водяной пыли. Страх прошил ее, приковав руки к леерам. Она представила порыв ветра, удар холода, огромные кромсающие лопасти, удаляющиеся огни корабля.

Будет ли у нее время проследить, как корабль

пропадет за горизонтом? Останется ли она одна в центре черной звездной сферы? Будут ли последним, что она увидит, бесчисленные, беззвучные искорки света? Не может быть большего одиночества. Или, думала она, большей правды. По ее опыту, близость к другим человеческим существам в общем-то не уменьшает одиночества. Она представила, как опускается все глубже, глубже, оседает на дно океана. Последняя холодная ванна, чтобы погасить огонь.

Ветер пронизывал платье. Она не могла предсказать, когда ослабнет сила воли, но той ночью дрянь ее спасла, отодрала от кильватера и потащила в каюту Эддисона. За ужином он увидел ее, какая она есть. И понял с такой силой, будто дал пощечину.

* * *

Возможно, Аннабел вспомнит, какие дети красивые, взяв их на руки, предложила дневная кормилица. Какая же она счастливая, у нее такие здоровые дети, ведь некоторые теряют своих при рождении, бедняжки.

— Господь создал женщину матерью.

— Если у вас есть хоть капля здравого смысла и если вы любите вашего Бога, держите их от ме-

ня подальше, — ответила Аннабел, и испуганная кормилица, подхватив детей, ушла, хлопнув за собой дверью спальни.

Вопреки совету доктора, она разместила объявление в газетах о найме кормилиц до рождения близнецов и взяла первых же откликнувшихся женщин. Обе утверждали, что замужем. Ни одна не предложила объяснения тому, почему ее грудь изобилует лишним молоком, а Аннабел не спрашивала.

— По моему мнению, подобная практика недалека от проституции, — сказал доктор. — Часто их собственные дети живут в чудовищных условиях, чтобы они могли продавать молоко. Едва ли позволительно называть таких женщин достойными.

Однако достоинство этих женщин Аннабел не интересовало.

Когда она на рассвете вышла от Эддисона и вернулась в свою каюту, отец не спал и, еще в бабочке и фраке, сидел у себя возле пустого стакана и полной пепельницы в ожидании, оставив дверь между их комнатами открытой.

— Аннабел. — Он выглядел старым, усталым, отчаявшимся. — Что я должен делать иначе?

— Ты должен дать мне поспать, — ответила

она, закрывая дверь.

Нью-Йорк
Октябрь 1914 г.
Месяц спустя

Ллойд Файфер в трауре внешне не отличался от Ллойда Файфера на вершине счастья. Пальто и шляпа безупречны. Воротничок выстиран и накрахмален идеально. Узел галстука безукоризнен. Он ходил быстрым шагом.

Но в течение месяца Ллойд Файфер, проигрывавший жизнь и привычки Ллойда Файфера, являлся не более чем приведенным в движение панцирем, пустой оболочкой. Внутри разлилась тень, струйка дыма, дух мрака, проглядывающий наружу, когда он просматривал декларации, обсуждал цены на уголь, ел на обед крабовый ньюбург и драл любовницу. То, что было прежде, — жовиальный, хоть и безжалостный мужчина, полный презрительного ума и неистощимой энергии, — похоже, отлетело вместе с последним вздохом сына Леандра.

Дифтерия. Шесть лет.

Матильда еще не выходила из своей спальни (отделенной от спальни Ллойда их гардеробными и совместной гостиной) и почти ничего не ела. Выживших мальчиков — Генри, Клиффорда и Ро-

берта — убрала с глаз подальше няня, и Ллойд не знал, как они проводят время: угрюмо сопят или вопят и дерутся. Он никогда не интересовался детскими делами и не подозревал, что, если потеряет одного, из его недр поднимется такая боль, черная, первозданная, как нефть.

Генри, которому было двенадцать, как-то вечером пришел к нему в кабинет и вежливо попросил отправить его в школу. Ллойд выразил сомнения, сказав, что мать в нем нуждается.

— Но она даже не хочет меня видеть, — возразил Генри. — Не отвечает, когда я стучу.

— Женщины, желая продемонстрировать глубину и возвышенность своих чувств, — ответил Ллойд, — прибегают к театральным приемам. Потакание лишь продлит спектакль. Она появится, как только поймет, что не имеет смысла продолжать.

Мальчик ушел уязвленный и мрачный. На рассвете, устав лежать без сна, Ллойд сбросил одеяла и широкими шагами прошел через смежные комнаты в спальню Матильды, намереваясь выбранить жену за оцепенелость и велеть ей взять себя в руки. Но прежде, чем он успел заговорить, Тильди, лежа в постели, безмолвно подняла руки, и Ллойд, упав в них, зарыдал у нее на груди.

Файфер впервые плакал о Леандре, не считая дня смерти, когда он, принимая ванну, скорчился, опустив лицо в воду, и рыдал туда. Он и Тильди не обнимал, с тех пор как… Он не помнил. Он плакал, а она гладила его по голове; он плакал, пока не уснул.

Утром он вышел из ее комнаты, не сказав ни слова. Но на следующую ночь опять пришел, и ее тепло растопило его. На третью ночь он задрал ей ночную рубашку и любил ее.

Прошла неделя, день и ночь поменялись местами. Днем правил дух мрака, а по ночам тело жены его изгоняло. Ллойд не знал, что думала Тильди о его визитах, но в это утро, когда он уходил из дома, она сидела с мальчиками за завтраком, очень бледная, молчаливая, но живая и с выпрямленной спиной.

* * *

Шофер довез Ллойда почти до конца Бродвея, практически до того места, где Манхэттен окунает большой палец в океан. После рождения Роберта, третьего сына, Ллойд и Матильда продали дом в Грамерси-парк и, присоединившись к миграционной волне изысканных душ на север, переехали в новый дом на 52-й ули-

це, что удлинило его дорогу на работу. Файфер думал переместить контору L&O хоть немного повыше — некоторые его дела уже управлялись с Челси Пирса, — но ему не улыбалась мысль лишиться матерого, повязанного друг с другом конгломерата контор пароходств и кассовых залов в южной части острова.

Однако Ллойд боялся стать таким же упертым, как его отец. Даже когда состояние Эрнста заметно выросло, он наотрез отказался переезжать с семьей из тесной квартиры на Перл-стрит. Вытерпев воспитание одного ребенка, он решил не дарить жене другого. Эрнст переходил от парусов к пару слишком долго, без единой капли воображения. Дома говорил только по-немецки, покупал только немецкоязычные газеты и, казалось, не питал ни малейшего интереса к стране, где он обосновался, к стране, которая, выходя за пределы своих возможностей, производила деньги подобно гигантской машине.

Ровно в восемь шофер остановился перед солидным зданием из известняка и открыл Ллойду дверь. Тот проигнорировал преувеличенные приветствия портье и быстро прошел по вестибюлю с колоннами к лифтам. В ранний час девятый этаж пустовал. На стенах висели гигантские

карты с помеченными маршрутами, утыканные кнопками, обозначающими местоположение кораблей, его уточняли ежедневно. Оставшиеся небольшие просветы занимали картины в рамах с изображением кораблей L&O, на самом видном месте — «Джозефина Этерна» и ее сестра поновее «Мария Фортуна», окрещенная при спуске на воду в честь стареющей сопрано, в которую на тот момент времени был влюблен Ллойд.

В кабинете Файфера его помощник, восхитительно ненавязчивый молодой человек, уже разложил на столе утренние газеты. Обычно Ллойд просил чашку чая и деловито пролистывал издания, но сегодня сидел неподвижно, уставившись на заголовки о войне. Немцы бесчинствуют в Бельгии. Вырытые траншеи становятся могилами для живых. Война проникает в саму землю Европы.

Внезапная алая вспышка бешенства, как будто его толкнули на угли. Он мечтал, чтобы Германия проиграла войну, чтобы отец воскрес из мертвых и увидел это. Мечтал, чтобы все узнали, как это — потерять сына. Чтобы черная пелена горя покрыла всю планету.

Тысячи уехали из Нью-Йорка, стремясь вернуться в страны своего рождения, чтобы принять

участие в бойне. Иммиграция наоборот. Однако волна энтузиазма схлынула, и корабли L&O шли на восток заполненные менее чем наполовину. Ллойд думал, а вернулся бы в Германию Эрнст, взял бы винтовку в свои старые костлявые руки. Может быть. А может, нашел бы какой-нибудь неприметный способ помочь отечеству. Шпионами или контрабандой оружия и продовольствия. А может, оказался бы слишком упрямым и слишком медлительным даже для прибыли.

Ллойд крутанулся и посмотрел в окно. На западе между зданиями виднелся Гудзон. Он надеялся заметить «Джозефину», когда она несколько позже будет подходить к Челси Пирсу. Подумал, неплохо бы выпить по глоточку с Эддисоном Грейвзом.

Ллойду мешало его немецкое происхождение. Второе имя, Вильгельм, теперь звучало как обвинение, германский отцовский саботаж. Но война может принести и новые возможности. Для него может найтись роль, партия, и он ее сыграет. Он не то, что отец.

Тут пришло и было изгнано воспоминание о том, как Генри тихо закрывает за собой дверь кабинета.

* * *

— Как жена? — спросил Ллойд Эддисона.

У него не хватило духу поинтересоваться новорожденными детьми, появившимися на свет всего за пару недель до смерти Леандра, несправедливый подарок судьбы.

Эддисон рассматривал свой виски.

— Если честно, одному богу известно. По-моему, не вылезает из постели. Кормилица говорила мне, не выказывает никакого интереса к детям, не моет их, не кормит. Она сказала, что иногда у молодых матерей бывают проблемы, но никто еще так не пугал ее, как Аннабел. «Жуткий мрак», так она выразилась.

— В нашем доме тоже мрак. Надо бы помечать двери, как во время чумы.

— Мне жаль. Ты получил мои соболезнования?

— Да, вероятно. Не знаю. — Виски Ллойд предпочитал джин. Он отпил глоток. — Боюсь, все это не имеет значения, соболезнования и тому подобное, но все равно спасибо. А почему Аннабел в таком состоянии? Что-то не так с детьми?

— Нет, совершенно здоровы.

— Она больна?

— Видеть врача не хочет. Ненавидит врачей.

Но не думаю, что дело в болезни, по крайней мере в болезни тела. Она вроде как оплакивает их рождение, словно… В общем, я не понимаю.

— Заставь ее обратиться к врачу.

— Да, наверное, стоит.

— Ты слишком долго был в море.

— Там я знаю, что делать.

Кости на лице Эддисона выступили даже больше обычного, незаполненная кожа свисала между скулами и челюстью, лоб затенял глаза. Дух мрака зашевелился в груди Ллойда, он завидовал Аннабел, которая нежилась в постели, выматывая мужа, забросив детей, наверняка не имея ни малейшего представления о страдании, выпавшем ему с Матильдой. Файферу вдруг нестерпимо захотелось очутиться дома и чтобы Матильда гладила его по голове. Он никогда не говорил другу, но до его свадьбы несколько раз встречал Аннабел на приемах, кроме того, до него доходили слухи о ней, столь неприглядные, что поверить в них казалось трудно.

— Ты слишком терпелив, — сказал он Эддисону. — Вели ей встать, быть полезной. Женщины любят быть полезными. Напомни, как она счастлива. Смени ей обстановку. Напомни, что она жива. — Он чувствовал, как краснеет. Голос стал

хриплым. — А если понадобится, выкопай из кровати лопатой.

Эддисон поднял взгляд, в котором было что-то неясное. Упрек? Беспокойство?

— Возможно, ты прав, — тихо ответил он.

Северная Атлантика
Декабрь 1914 г.
Шесть недель спустя

«Джозефина Этерна» горела. Плавучий погребальный костер, горы огня. Она кренилась на правый борт — медленно, очень медленно, — будто прилаживаясь, как погрузиться в океан.

Гладкая черная вода. Густой синий предрассветный туман, разбавляющий яркое пламя. Под поверхностью бахромка рваной стали и выдранных заклепок, вода — вода, которая заливала топки и кочегаров в котельных, заполняла носовые трюмы и поднималась по трубам, лилась из раковин, ванн и туалетов, бежала по проходам вниз и по лифтовым шахтам вверх, вода, которая — медленно, очень медленно — укладывала корабль набок, тянула нос вниз. Моторы омертвели, гребные винты застыли. Дым валил из лестничных шахт, и пассажиры в белом ночном белье — уже призраки — валили вместе с ним.

Эддисон собирался тонуть. Он будет стоически ждать на палубе, пока вода не поднимется до пуговиц мундира, не покроет золотые эполеты, не смоет его. Представляя себе подобное, он всегда знал, он сделает достойный выбор, но никогда не думал, что на борту может оказаться его жена, и уж точно не два младенца. Именно он настоял, чтобы Аннабел поехала в путешествие. Ему пришлось чуть не выкапывать ее из постели лопатой, как и рекомендовал Ллойд, но что-то нужно было предпринять.

— Ты не можешь оставаться несчастной вечно, — сказал он ей.

— Почему бы и нет? — ответила Аннабел.

Свежий морской воздух пойдет на пользу, уверял он, не чувствуя никакой уверенности. Отдавал приказы: корабль, воздух. Она уступила. Никаких кормилиц, решил он. За детьми придется ухаживать самой. Она уступила. Аннабел поднялась на борт, как багажное место, молчаливая, пассивная, неповоротливая.

В известной степени эксперимент казался удачным. До того Аннабел не ухаживала за детьми ни дня, но, поставленная перед необходимостью, каким-то образом поняла, как их пеленать, менять подгузники, засовывать в ротики буты-

лочки с теплой смесью из коровьего молока, сахара и масла печени трески, приготовленной по рецепту ночной кормилицы и поставляемой в любое время из камбуза. Эддисон, возможно, злорадствовал бы, если бы не что-то неправильное в том, как Аннабел исполняла материнские обязанности: с пустыми глазами, механически, как рабочий у конвейера. Однажды вечером он застал ее на корме; она стояла и смотрела в темную воду.

Когда произошел взрыв, они шли уже пять дней и оставался еще один полный, удлиненный туманом день до Ливерпуля, поскольку они входили в часть океана, ощетинившуюся перископами и напичканную минами.

На борту находилось всего пятьсот двадцать три пассажира, разместиться могло еще два раза по столько же. Экипаж насчитывал больше людей.

Когда грохнуло, Эддисон не спал. Еще до рассвета, сходя с ума от рева одного из близнецов, он, пока Аннабел кормила второго, схватил бутылочку, ребенка и вернулся в кровать.

Как только резиновый сосок оказался во рту, ребенок успокоился, вперившись бледными глазами в лицо отца. Эддисон ослабил пеленки,

и появились две розовых ручки в пятнах.

— Это который? — спросил он.

Аннабел сидела так, что лицо ее было в тени.

— Не знаю. Не важно.

У него на коленях пульсировал ребенок, растопыривая и опять сжимая маленькие пальцы. Прежде чем услышать взрыв, Эддисон почувствовал, как в ушах изменилось давление. Звук был везде, пронизывал воздух. Корабль содрогнулся и, кажется, даже перекосился. Скрежет, мгновение мертвой тишины, затем полилась вода. Вибрирующий скрежет, опять тишина.

— Что это? — спросила Аннабел. Резко, но без испуга.

Эддисон торопливо оделся.

Часть лееров правого борта покорежилась и погнулась. Поднявшись наверх осмотреться, Эддисон отпрянул от дыма и пара. Пронзительно, доводя до исступления, верещал сигнал пожарной тревоги. На мостике он велел телеграфировать в машинное отделение: «Остановить», хотя моторы и так испустили дух. Отправил третьего помощника вниз проверить. Уже заметно накренился правый борт. Грейвз постоял неподвижно, глядя на свои ботинки, просчитывая. Туман давил на окна капитанского мостика,

как повязка на глаза.

— Приготовить лодки, — распорядился он. — Дать сигнал общей тревоги.

Радист в радиорубке отбивал отчаянные сигналы — точки, тире. Ближайший корабль, торговое судно, находилось в тридцати морских милях и «шло на полной скорости». Но оно появится не раньше чем через два часа.

Эддисон внимательно смотрел на огонь, крен правого борта, синий туман, черную воду.

— Покинуть корабль, — сказал он первому помощнику, который крикнул это другим офицерам, а те передали дальше.

Странное эхо не затихало, а становилось громче. На шлюпочной палубе царила полная неразбериха. Стараясь перекричать возбужденных пассажиров, вращающиеся шлюпбалки, шипение пара, вопили в мегафон члены экипажа. Эддисон ходил по кораблю, пытаясь навести порядок. Он отлучится лишь на мгновение, говорил он себе, лишь убедиться, что Аннабел с детьми садится в лодку, и коротко, мужественно с ними проститься.

Он прокладывал путь сквозь дым и шум.

То простое обстоятельство, что Аннабел в каюте не было, дошло до него медленно, как во сне.

Два запеленатых младенца орали в люльке. Аннабел не было ни в кресле, ни в кровати. Не было в ванной, где из труб хлестала вода. Багровые лица детей исказились от негодования, губчатые розовые языки завивались в раззявленных ртах. Эддисон открыл платяной шкаф, но, разумеется, Аннабел не было и там. Он вышел в коридор, позвал ее, еще раз, громче.

Давным-давно Грейвз воспитал себя так, чтобы не испытывать сомнений. Если бы он засомневался, бросая канат Ллойду, его друг утонул бы и никогда не стал бы ему другом. Но теперь, ожидая посреди каюты, что сейчас что-то изменится, придет какое-то решение, он колебался. Наконец, все еще обуреваемый сомнениями, подошел к шкафу, достал из ящика свой пистолет, зарядил его и бросил в карман мундира. Вынул детей из люльки, взяв по одному на руку.

Вниз по погнутым трапам, за тяжелую погнутую стальную дверь, опустив ручку локтем и толкнув ее плечом. Маленькие болтающиеся головы вызывали у него беспокойство, тела-личинки нести было неудобно. Опять очутившись на палубе, проталкиваясь сквозь охваченную паникой толпу, он тянул шею и вертел головой, разыскивая Аннабел. Где она? Вопрос стучал

у него в голове оглушительно, безжалостно. Тихий голос откуда-то из немого нутра ответил: «Ты ее не найдешь». Если бы она хотела вернуться, то не ушла бы.

У выступившего из воды левого борта возле лодок, которые еще не спустили на воду, которые не горели и не оказались в воздухе, шли ожесточенные сражения. Опасная щель разверзалась между закрепленными на правом борту шлюпками и кораблем.

Он как раз проходил мимо, когда опускающаяся лодка завихляла на канатах и из-за веса опрокинулась, выбросив людей в воду, где их и так было уже много. Эддисон не слишком им сочувствовал. Люди гибли, но он тоже скоро погибнет.

У шлюпки под номером двенадцать он остановился. Щель расширялась. Эта лодка из последних, что можно будет спустить на воду. Одной рукой он прижал к себе детей, другой достал пистолет и выстрелил в воздух.

Пассажиры закричали и, отпрянув, пригнулись, как высокая трава от порыва ветра.

Размахивая пистолетом, Эддисон пробился к краю палубы.

— Назад! — велел он. — Отойдите назад.

Он освободил пространство в виде полумесяца,

чтобы те, кто садился в лодку, могли разбежаться, прежде чем перепрыгнуть щель, полосу черной воды далеко внизу. Матросы у шлюпочных балок, вероятно, сами уже простившись с жизнью, при помощи багров с крюками пытались удержать лодку в стабильном положении. Дети кричали, но Эддисон их почти не слышал.

Он по очереди отбирал тех, кто должен был занять место в лодке, вытаскивая людей из толпы, давая знак пистолетом, когда приходило время прыгать через расщелину. Женщины и дети. Женщины подбирали юбки и прыгали. Ни одна не упала в воду. Он начал искать, кому может поручить своих детей, кто точно выживет.

* * *

Лодка заполнилась, но он так и не увидел лица, внушившего ему доверие. Все чужие, просто женщины с испуганными глазами, дрожащими или лепечущими что-то губами. На руках у него будущие сироты. Он подошел к краю, ухватив за пеленки одного, чтобы передать его. Грейвз не знал, кто это из близнецов. Он мечтал сбросить свой груз и наконец почувствовать, как поднимается вода.

Его ошибкой было посмотреть ребенку в лицо,

комок беспомощного возмущения. От одного лишь взгляда у него все помутилось, как после апперкота в челюсть. Вода отступила, выплюнула его. Как он мог доверить детей незнакомой женщине в маленькой, неустойчивой лодке? Как мог отправить их по морю, полному тонущих людей, которые будут тянуться, хвататься за весла и борта, словно глубоководные чудища? Он вдруг увидел, как лодка переворачивается, как белые детские пеленки тают в глубинах, будто полотняные саваны — такими он, будучи матросом, помогал обматывать покойников, прежде чем спустить в воду. Нет, он сам должен увериться, что они живы, сам должен увидеть, как они доберутся до земли или погибнут.

Он прижал к себе близнецов, сделал два больших шага и прыгнул в лодку. Плотно сидящие женщины отпрянули, и он полуупал-полувстал среди них, согнувшись, чтобы защитить детей. Восстановив равновесие, он вытянулся во весь рост и прокричал изумленным членам экипажа:

— Опускайте!

Привычные выполнять приказы и помня про пистолет, они, скрипя шкивами, принялись за работу. Лодка под номером двенадцать с грузом, состоящим из женщин, детей и одного

мужчины, отделилась от толпы, дыма и стала опускаться мимо огня, выбивающегося из иллюминаторов, словно пальцы угодивших в ловушку демонов. Медленно, рывками она достигла воды, коснувшись ее с легким всплеском.

Нью-Йорк
Июль 1915 г.
Семь месяцев спустя

Новорожденный сын Файфера, появившийся на свет ночью после непродолжительных родов. Ребенка отняли от матери, превратив в отдельную личность, перерезали пуповину, помыли, укутали и покормили грудью. Георг, названный в честь короля, пятый сын, хотя впятером сыновья Файферов никогда не соберутся на земле.

Ллойд рухнул возле Матильды в одежде, но сняв галстук, между ними лежал крошечный Георг.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил он.

— Устала, — ответила она, слегка сомневаясь, нужно ли так говорить. — Но счастлива. И мне легче оттого, что я счастлива. Такой подъем… Я помню это по другим, но не считала такое еще возможным.

Ллойд приложил палец к щеке младенца. С тех пор как Матильда поняла, что беременна,

незадолго до потери «Джозефины», Ллойд, из суеверия и в знак искупления, оставался ей верен. И восемь месяцев находил мир в монашеской жизни только с одной женщиной. (Хотя в том, как благодаря войне росло его состояние, сыпля веселым дождиком поверх уже существующего, не было ничего монашеского.)

В истории с «Джозефиной» Файфер проявил легкомыслие, горячность и непрофессионализм, им руководили гнев на отца и горе после смерти Леандра, и он заплатил ужасную цену. Конечно, сотни сгоревших и утонувших заплатили еще большую. А Эддисона Грейвза посадили в Синг-Синг[3].

Ллойд хотел лишь внести свою лепту в борьбу против немцев, сделать хоть что-нибудь и, когда его друг сэр Джеральд де Редверс предложил контрабандой провозить на его кораблях оружие в Англию, ухватился за эту мысль. В спешке он ни с кем не посоветовался, не принял никаких мер предосторожности, даже не сказал Эддисону, что находится в ящиках, а только попросил его — по сути приказал — закрыть глаза на отсутствие товара в декларации.

---

[3] Сноски: 3

Тюрьма строгого режима недалеко от Нью-Йорка. — *Прим. пер.*

Однако, как Ллойду стало ясно теперь, нельзя грузить на корабль оружие с той же беспечностью, как и ситцевые отрезы, хотя он по-прежнему не знал, какой фактор в истории со взрывом стал решающим. Ящики, похоже, были надежные. Его уверяли, все упаковали как следует; он также полагал, что и в трюме их разместили как следует. Скорее всего, что-то другое пошло не так, правда, узнать это не имелось возможности. Какая-то ерунда. Что-то, в чем он просто не может быть виноват, не прямо.

— Все потому, что я не разбила бутылку, — сказала Матильда несколько дней спустя. — Я прокляла корабль.

— Ты тут ни при чем.

— Тебе не надо было называть его именем той девки.

— Ты права. Прости.

Он не помнил, чтобы когда-то извинялся перед Матильдой. Ее беременность стала спасательным кругом, за который они ухватились после первого потрясения, связанного с «Джозефиной», после ужаса, порожденного ночным телефонным звонком, телеграммами с цифрами спасенных и погибших, списками имен, мучительной перепроверкой этих цифр и имен, фотографиями

переполненных палуб грузового судна, подобравшего выживших, включая фотографию Эддисона Грейвза, живого, с двумя детьми.

Файфер сразу понял, что общественное негодование главным образом падет на голову Эддисона (пресса прозвала его «капитан Трусость»), знал также, что Грейвз никогда никому не скажет про таинственные ящики, не указанные в декларации по просьбе Ллойда. Эддисон опять спасет его. Ему было жаль, очень жаль друга, но что он мог поделать? Не захочет же Эддисон, чтобы L&O рухнуло, поймет: самому Ллойду никак нельзя в тюрьму. Матильда, разумеется, ничего не знала про ящики, предназначенные для Джеральда де Редверса. Она уже столько прощала Ллойду. Он не мог надеяться, что простит и такое.

Затонувшая через пять месяцев после «Джозефины» «Лузитания» — страшная трагедия — его выручила, Ллойд не мог отрицать. Кто взялся бы с уверенностью утверждать, что немцы не подорвали и «Джозефину», может, и по ошибке, в тумане, но не признали? (Ллойд предложил версию некоторым журналистам, посулив заманчивое поощрение желающим предать ее гласности.) Про «Лузитанию» тоже ходили слухи, что у нее на борту имелось какое-то оружие. Люди любят

заговоры и не слишком ошибаются: корабельные трюмы — подходящее место для хранения тайн. После кораблекрушения Ллойд поставил крест на перевозке оружия. Правда, отпала нужда. Корабли L&O грузили сталью, лесом, резиной, пшеницей, говядиной, медикаментами, шерстью, лошадьми, и что еще там было нужно. Он приобрел несколько танкеров, которые в свою очередь вызвали у него интерес к нефтяной промышленности, достаточный, чтобы открыть небольшой филиал в Техасе, скромное экспериментальное представительство, населенное парочкой геологов, несколькими нефтяными авантюристами и агентом, заключавшим договоры на аренду пустырей. Ллойд назвал свое предприятие «Нефтью свободы», «Либерти ойл».

Файфер предложил британскому правительству исключительно щедрые условия (не чистый альтруизм, поскольку грузовые трюмы оставались в его распоряжении), и «Мария Фортуна» принялась за работу как транспортное судно Канадских экспедиционных сил. Аккуратная покраска исчезла под мешаниной из беспорядочных полос, шашечек, ложных носовых волн, призванных сбить с толку дальномеры. Вполне возможно, когда-нибудь Соединенные Штаты

вступят в войну, а если это произойдет, понадобится больше кораблей. И Ллойд будет готов.

Некоторые его суда могут погибнуть, но теперь Файфер меньше боялся потерь, у него была прививка. Дух мрака оставил Ллойда, а может, он впустил его в себя, не заметив. Грусть еще давила, но сердце продолжало биться, легкие расширялись и сжимались. Безукоризненно белый воротничок, энергичная походка. У него не осталось времени на любовниц, на приятную вечернюю игру в любовь. Он воззвал к своему достоинству. (Несмотря на благие намерения, приступ верности продлится до конца войны, но не дольше.) Всю потребность в разнообразии Ллойд перевел в дело. Он станет титаном. Пока он в самом начале. Спящий малыш, которого впервые овевал легкий ночной ветер, являлся сыном нового Ллойда Файфера.

Недалеко от Миссулы, Монтана
Май 1923 г.
Восемь лет и пять месяцев спустя
после гибели «Джозефины»

Мэриен и Джейми Грейвз шли по тропинке над рекой, Мэриен впереди, Джейми позади, высокие для своего возраста, почти одинаковые, не считая девчачью косичку. Светловолосые,

худые, они мелькали между деревьями, через которые пробивались косые лучи солнца, густые от пыли и пыльцы. Оба были в байковых рубашках и комбинезонах, заткнутых в резиновые сапоги, купленные норвежкой Берит, экономкой дяди. Сапоги громко шлепали по ногам. Гап-гап-гап.

Дальше сидел дядя Уоллес с акварельными красками и блокнотом плотной бумаги, куда он переносил реку, деревья и горы. Там, где на воде и скалах отсвечивало солнце, он оставлял крошечные пустоты белого. Осознанно Уоллес воспринимал сейчас лишь направление взгляда и кисточки. Рисуя, дядя не помнил, что когда-то ему вручили двух маленьких воспитанников и он выпустил их в дикую природу, как пару собак, точно зная, что они в конце концов вернутся. Если бы он переживал за детей, то не мог бы рисовать, стало быть, он не переживал.

Еще дальше, в котловине древнего ледникового озера, где расположена Миссула, у низовья притока, носившего название Рэттлснейк, стоял дом в стиле королевы Анны, с фронтонами, застекленной верандой и круглой башенкой. В нем обитали Уоллес, близнецы и почти всегда — Берит, изо всех сил старавшаяся предотвратить

полный разор. Хотя снаружи дом имел запущенный вид — краска отслаивалась, не хватало досок, — а старая мебель совсем износилась, она следила за тем, чтобы по крайней мере не копилась пыль и все было выдраено и начищено. На заднем дворе находилась конюшня на одно стойло — для серого мерина по кличке Фидлер — и флигель, куда Уоллес пускал друзей, когда они ссорились с женами или у них кончались деньги.

Рэттлснейк бежал мимо дома, под железнодорожным мостом, впадая затем в реку Кларк Форк, которая пересекала город и текла дальше на северо-запад. В то время Кларк Форк заканчивалась в озере Панд-Орей, здесь же сливались Блэкфут, Биттеррут и Томпсон, за озером начиналась река Колумбия, впадавшая в Тихий океан.

По мнению Уоллеса, вода всегда течет к чему-то большему.

— Но ведь нет ничего больше океана, — сказала как-то Мэриен.

— Небо больше, — ответил Уоллес.

Близнецы знали, что, если идти дальше по течению, будет старая хижина, потом полоса белого потока, а потом — самое восхитительное — покореженный ржавый «Форд» с открытым верхом.

В зависимости от того, как стояла вода, он иногда оказывался на берегу, а иногда наполовину погружался в реку.

Узкая, в рытвинах тропинка могла пропустить только пешехода или всадника. Как машина очутилась в реке, оставалось загадкой. Уоллес не знал. Берит не знала. Богемствующие университетские друзья Уоллеса строили фантастические догадки, но в конечном счете не знали тоже.

Пройдя хижину, Мэриен и Джейми заторопились, хотя оба старались этого не показать. Руки оставались в карманах, осанка наводила на мысль о неторопливой прогулке, но ноги зашагали быстрее. Обоим хотелось, сев за треснутый руль «Форда», «поводить» машину. Второй обычно изображал механика, бандита или слугу — тоже замечательные роли, но не такие великолепные, как водитель. Изредка, для разнообразия, машина превращалась в корабль, и они крутили руль, играя в то, что за штурвалом их отец. Иногда корабль тонул, и они вместе с ним.

Дети знали, что говорили об их отце, и злились, что по его милости им приходится довольствоваться участью детей знаменитого труса. Мать в их играх не фигурировала никогда.

Они обогнули последнюю излучину и рванули бегом, размахивая худыми руками, толкая друг друга на рытвины и камни (гап-гап-гап). Но выбежав из-за деревьев, вместо того чтобы одолеть финальный отрезок, оба замерли.

От талого снега река поднялась, и машина глубоко ушла в воду; колеса и то, что осталось от панели пола, затопило. Ошметки передних колес зацепились за камни, хотя и не очень крепко. Кузов покачивался на воде.

— Будет больше похоже, что мы ведем, она качается, — сказала Мэриен.

— А если оторвет? — спросил Джейми.

— Боишься?

— Нет, просто не хочу утонуть.

— Здесь не утонешь. Это всего лишь речка.

Джейми с сомнением посмотрел на воду. Гладкая коричневая середина реки бугристая, неспокойная, из-за камней в воде и стремительных, холодных, напирающих снизу потоков покрыта белыми барашками.

— Можно поиграть в хижине, — помялся он.

— Боишься, — процедила Мэриен.

Вместо ответа Джейми бросился в воду. Вода заливалась в сапоги, но он упорно брел вперед, как человек, который тащит за собой огромный

камень. Обычно они плавали нагишом, но машина крайне неприятна для кожи: сплошное зазубренное железо, отслаивающаяся ржа, задубевшие клочки кожи и обрывки отсыревшей шерсти, цепляющиеся к проржавленным пружинам. В общем, в сапоги залилось, все промокло. Джеймс поставил тяжелую ногу на подножку и забрался на водительское сиденье. Тормозной рычаг торчал из воды, как тростник.

Мэриен не понравилось, что машина двинулась под легким весом Джейми, что белая вода пнула бампер, как Уоллес, когда его «Кадиллак» застревал в грязи.

— Не иди сюда! — крикнул Джейми. — Я никому не скажу, что ты трусиха.

Но Мэриен зашла в реку. Быстрое течение, неровное дно — она развела руки, удерживая равновесие. Ледяная вода плескала ей в сапоги.

— Пересаживайся, — сказала она Джейми, добравшись до машины.

— Ты всегда водишь. Обойди.

— Тут слишком глубоко.

— Тогда перелезь.

Когда Мэриен схватилась за край провалившегося заднего сиденья, машина накренилась и правое переднее колесо оторвалось от камней.

Она отпустила руки, бултыхнувшись обратно в реку. Корпус машины развернуло, так что вода ударила прямо в бок, и пол ушел вниз. Джейми, разинув рот, смотрел, как его колесница покачнулась и плавно двинулась к глубине и более свободному течению. «Форд» медленно кружился и бороздил воду, радиатор постепенно исчезал под водой.

Далеко он не уплыл. Как только колеса опять нащупали камни, на Джейми хлынула вода. Мэриен бегала по берегу, звала его. Бледная голова пропадала и опять появлялась над водой, гладкая, маленькая, ее уносило все дальше. С трудом удерживая равновесие на скалистом берегу, Мэриен поскользнулась и на мгновение совсем потеряла брата из виду. Задыхаясь, пригибаясь под ветками деревьев, она обежала излучину. Джейми сидел на песчаной балке и тяжело дышал, с него стекала вода, комбинезон потемнел и отяжелел, сапоги куда-то делись. Он встал на ноги и издал дикий, торжествующий вопль, какой она слышала только у взрослых мужчин. Потом топнул ногами, взял с земли камень, швырнул его в реку и раскинул костлявые руки. Ее затопила жуткая зависть. Это она хотела быть тем, кто выжил.

Оссининг, Нью-Йорк
Август 1924 г.
Год и три месяца спустя

Когда Эддисон вышел за ворота Синг-Синга, его уже ждал адвокат, Честер Файн, в вечно мятом костюме-тройке, погруженный в книгу, которую держал в руке. Честер прибыл из города поездом и так же поехал обратно, уже вдвоем с Грейвзом, оба молча смотрели на ускользающий Гудзон. Много лет Честер был единственным посетителем Эддисона. Как-то ранним воскресным утром явился Ллойд Файфер, но Эддисон отказался выйти к нему. Позже служащий в тюремной лавке уведомил, что Ллойд положил на его счет сорок долларов, однако Эддисон благоразумно не потратил деньги. Ллойд прислал также несколько писем (их Эддисон выбросил нераспечатанными) и предложил купить его дом по завышенной цене, о чем Честер сообщил однажды в воскресенье.

— Мистер Файфер просил меня передать вам, это меньшее, что он может сделать. — В переполненной комнате для свиданий оба сидели на деревянных табуретах, между ними шла перегородка высотой по пояс. Честер был в своем мятом костюме, Эддисон в серой робе. — Он,

по его словам, хочет что-нибудь сделать для близнецов.

— Близнецам его деньги не нужны.

— Но когда-нибудь могут понадобиться. А Файфер никогда не поносил вас и не превращал в козла отпущения, по крайней мере публично. Многозначительное молчание.

— Однажды, в молодости, я вытащил его из воды. Он проникся. — Эддисон протер ладонями глаза. — Нет, продайте дом кому-нибудь, кто не Файфер. Из вещей продайте все, что можно продать, а остальное выбросьте.

— Все? Там нет ничего, связанного с воспоминаниями? Не сохраните для близнецов ничего на память о матери?

— Ничего.

Когда Эддисон вышел (на шесть месяцев раньше, благодаря упорным стараниям Честера Файна), ему выдали сорок три доллара и шестьдесят шесть центов, лежавшие на его счету в лавке. Он опустил их в нагрудный карман. Из вещей у него была только тощая картонная папка, крепко перевязанная веревкой.

На Центральном вокзале Честер Файн пожал ему руку, пожелал удачи, выразил надежду, что они еще свидятся, вручил билет на поезд и,

приподняв шляпу, ушел. Эддисон осмотрелся. В высокие окна величественно падал бледный свет. Над окнами на мирном сине-зеленом небе виднелись изысканные знаки зодиака и немногочисленные звезды. Под настоящими звездами он стоял более девяти лет назад.

Великолепный мраморный пол вестибюля, проходы усеяны людьми. Люди торопились, грохотали, как разбросанные шарикоподшипники. Их множество, спешка, благополучие, свобода дезориентировали, даже пугали. Эддисон привык к постоянному надзору и неосознанно полагал, что, вернувшись в мир, все еще будет знаменитым капитаном-трусом «Джозефины Этерны». Он ждал у ворот Синг-Синга улюлюкающие толпы, ждал узнавания, оскорблений, где бы ни оказался. Но вместо этого увидел суетливых, равнодушных незнакомцев. Под нарисованными звездами, ощутив тошнотворную волну радости, он понял: его забыли.

Эддисон купил бутерброд с ветчиной, опустил сорок долларов Ллойда Файфера в кружку попрошайки, спустился в туннель и сел на экспресс до Чикаго. Прождав почти целый день, не осмелившись выйти из здания вокзала, он занял место в поезде и отправился в Миссулу.

* * *

Ясная, теплая ночь, яркая, почти полная луна. Уоллес Грейвз ждал на станции. Он прихватил с собой одну из домашних собак — черно-белую, длинноногую, — и теперь оба смотрели, как на путях растут огни паровоза, и слушали усиливающееся шипение. Выбросив волну жара и заскрежетав тормозами, подъехал локомотив. В скользящих, замедляющихся прямоугольных рамках желтого света люди стояли, надевали шляпы, подхватывали вещи. Открылись двери, сошли пассажиры, носильщики навалили сундуки на тележки. Уоллес выхватил на перроне сутулую, высокую фигуру Эддисона. Он поднял руку, и Эддисон кивнул, как будто поздоровался со знакомым, а не с братом, как будто встреча не была завершением почти двадцатилетней разлуки. Обняв его, Уоллес почувствовал, что прижимает к груди очень крупный скелет.

— Где твой багаж? — спросил он.

Эддисон наклонился поздороваться с псом.

— У меня ничего нет.

— Но вот же. — Уоллес указал на тонкую картонную папку под мышкой Эддисона. — Что там?

Эддисон прокашлялся:

— Твои письма, фотографии, что ты присылал. И твои рисунки детей.

Эддисон ни разу не поблагодарил за десятки портретов, посылаемых Уоллесом, и тот полагал, что все они пропали на тюремных свалках. Это были всего лишь почеркушки, наброски на скорую руку чернилами и акварелью, и все же мысль о гибели любых его изделий приводила младшего Грейвза в беспомощный ужас. И теперь при виде аккуратно перевязанной тонкой картонной папки у него свело горло.

Когда Эддисон ушел из отчего дома, чтобы провести жизнь на море, Уоллес был маленьким мальчиком, отстоявшим от брата на десять лет и несколько безымянных надгробий под ореховым деревом. Мертворожденные. Одиннадцать лет спустя, удрав от неразговорчивых родителей и с выматывающей все силы семейной фермы, он отправился по адресу, который царапал в верхнем левом углу Эддисон, надписывая свои короткие ежегодные письма.

Дом красного кирпича недалеко от Гудзона. Эддисон уже в юности был замкнут и непроницаем, однако пустил Уоллеса жить посреди скудной обстановки и диковинных сувениров из даль-

них стран. Он даже оплачивал художественную школу брата.

Уоллес кивнул:

— Пойдем. Сюда.

Длинный серый «Кадиллак», предмет особой его гордости, был припаркован перед зданием вокзала. Машина появилась у него во время Великой светлой полосы 1913 года, в тот месяц, когда Уоллес играл подряд во всех шахтерских городках и выиграл не только «Кадиллак», но и золотой песок, позволивший ему посетить все бордели, мимо которых он проходил, а потом еще купить дом. (Мудрое оказалось решение — поместить средства в дом перед Великой черной полосой 1915 года.) Уоллес не поленился поставить машину под фонарем, чтобы Эддисон мог получше рассмотреть ее и восхититься — еще блестящая черная отделка, откинутый верх, толстые шины с глубоким протектором (так хорошо выезжать на пленэр), передние и задние сиденья из черной кожи, от души расцарапанные собачьими когтями.

— Мэриен в нее влюблена, — сказал Уоллес. — Она забавная. Все время торчит на улице, полирует что-то, возится с мотором. Бывая у механика, я ее тоже высаживаю, чтобы она видела.

— Ты писал.

— Просто ты ни разу не ответил. — Уоллес элегантно открыл пассажирскую дверь, жестом пригласив брата занять место в машине. Первым на заднее сиденье змеей забрался пес. — Тебе, должно быть, не терпится увидеть близнецов. Они хотели поехать со мной, но я решил, не стоит наваливаться на тебя толпой. В любом случае уже поздно. Они будут спать, но ты сможешь заглянуть к ним. Когда не холодно, они спят на веранде. Ну, когда не опасно холодно.

— Знаю. — Эддисон захлопнул дверь. — Я читал письма.

— Но не отвечал. — Уоллес обошел машину и сел на водительское сиденье. — Хотя спасибо за… ну… финансовую поддержку. Она пришлась очень кстати. — Он включил мотор и отъехал от тротуара. — До дома недалеко. Я пригрозил Джейми и Мэриен страшными карами, если они разбудят тебя утром. Они ужасно рано встают. И до самого вечера привыкли развлекаться сами. Ходят на речку, в горы. Даже не знаю куда. Надеюсь, это не звучит так, что я не уделяю им достаточно внимания: если бы я и попытался, то не смог бы их остановить. Обычно они берут лошадь. Ты водишь?

— Нет.

— На море особо и не нужно.

— В тюрьме тоже.

— Наверно, нет. Ты быстро научишься. Я покажу. Мэриен уже умеет, только пока не может жать на педали и смотреть выше руля одновременно. Или одно, или другое. Джейми меньше хочет чему-то учиться, он менее упорен, я бы сказал. Обычно пропускает Мэриен с ее увлечениями вперед. Не будет пихаться локтями. Он… ну, нежный, что ли. Увидишь. А вождение… как только освоишь, будешь передвигаться сам. Можем даже приискать для тебя машину. Я думаю, тебе понравится…

— Уоллес, — перебил Эддисон, — а здесь есть где поплавать?

— Поплавать?

— Да.

— Дай подумать. — Уоллес сбавил скорость, желая доставить брату удовольствие. Нет, Кларк Форк не годится, Биттеррут тоже, не ночью. Кое-что пришло ему в голову: — Найдем.

Он свернул на запад и скоро очутился на грунтовой дороге, перешедшей в грязный проулок. По бокам росли редкие деревья, воздух был свеж. В свете фар косуля будто переплыла ухабистую

дорогу и ускакала. Когда машина подпрыгнула и заскрежетала, Эддисон поморщился и Уоллес подавил рефлекс извиниться. Как будто это он придумал купание, как будто вообще все он придумал.

Младший Грейвз никогда не хотел детей, собирался навсегда остаться холостяком и тем не менее ни секунды не замедлил с утвердительным ответом на вопрос Честера Файна по телеграфу, готов ли он взять двух младенцев, которые вырастут в двух детей, будут жить в его доме, отнимать у него время и требовать части его внимания. Уоллес отмел свои нездоровые пристрастия куда-то на обочину, чтобы не маячили на виду. Все добровольно. Он изучал Джейми и Мэриен, разгадывая характер собственного брата, ведь он никогда его толком не знал. Думал, откуда упорство Мэриен — от отца или мифической Аннабел, от кого у Джейми почти лишающий разума ужас при виде страданий животных. Мальчонка помирал от выпавших из гнезда птиц, раненых кроликов, бродячих собак, избитых лошадей. От жестокости в жизни не уйти, пытался объяснить ему Уоллес, но Джейми было не так легко убедить или утешить. Ничего удивительного, что у них дома редко бегало меньше пяти собак.

Хотя Уоллесу не терпелось передать Эддисону часть ответственности за детей, он удивился своей радости, когда брат (немногословно) принял его предложение остаться в доме после освобождения, и своему облегчению, когда тот дал понять: он не собирается тут же забирать детей. Уоллес не понимал, что боится потерять их.

Проулок заканчивался на пологом поросшем травой подъеме, фары под углом били вверх, в никуда.

— Тут внизу небольшая запруда, — сказал Уоллес, выключая мотор.

В воздухе загремел нестройный оркестр насекомых.

Эддисон вышел, аккуратно положил куртку на сиденье, сверху — шляпу и зашагал к воде. Уоллес двинулся за ним. Это была небольшая излучина, заиленный участок в форме полумесяца, там, где река меняла течение. Посередине на маслянистой поверхности плавала луна. Эддисон, растягивая узел, задергал галстук и рывком, как будто избавляясь от петли, снял его через голову. С таким же нетерпением сбросил рубашку. В лунном свете Уоллес увидел позвонки на спине, тени под лопатками. Эддисон стянул ботинки, носки, повозился с ремнем и пуговицами на по-

ясе, наконец брюки и трусы упали к его ногам, обнажив бледные ягодицы. Он вошел в воду на костлявых, как у цапли, ногах. Когда вода поднялась почти до колен, что-то будто сломалось в нем и он бросился в воду, брызгаясь, ныряя, набирая скорость. Собака с лаем кинулась следом.

Уоллес скинул одежду и тоже зашел в воду, правда, более осторожно, дно запруды засасывало ноги. Он набрал воздуха и ушел под воду. Вынырнув, обнаружил, что может стоять на цыпочках, хотя и с трудом. Эддисон плыл, раскинув руки, его грудь прорезала водную гладь, он смотрел в небо. Собачий кильватер углом разбивал луну.

— Нормально? Это то, что ты хотел? — спросил Уоллес.

— Я ничего не хотел много лет, — ответил Эддисон. — А потом захотелось поплавать.

* * *

Все девять с лишним лет, проведенных в Синг-Синге, Эддисон очень мало спал. Его пристанище, три на семь футов, из известняка, добытого давным-давно умершими заключенными, стало могилой, где после отбоя он лежал без движения, без сна, слушая храп, бормотание и мастурбирующие ритмы восьмисот мужчин, набитых

по шестеро в одинаковые камеры. На корабле он спал всегда, как бы ни бушевало море или была неудобна постель. В тюрьме постоянное бодрствование сознания казалось особенно суровым видом наказания, назначенным не судом, а его душой.

Он не уснул и во флигеле, не измял на узкой кровати белые простыни и сине-белое лоскутное одеяло, сшитое знаменитой Берит. В комнате Грейвз нашел ящики и коробки. Уоллес сказал брату, что они принадлежат ему, прибыли морем пару лет спустя после того, как его законопатили в Синг-Синг. На наклейках было указано имя Честера Файна. Задернув занавески, Эддисон вскрыл наугад один ящик. Книги — его книги — из нью-йоркского дома. В остальных сувениры, собранные в плаваниях: маски, деревянные статуэтки, рога, плетенки, черепаший панцирь, поднос из Бразилии с крылышками бабочек под стеклом, выложенными радужными кругами. В других Эддисон нашел аккуратно обернутые и упакованные работы Уоллеса нью-йоркской поры, которые тот оставил ему в качестве арендной платы. Корабли в порту. Шумные улицы. Гудзон. Дом красного кирпича.

Обвинение признало: выжив, капитан Грей-

вз, строго говоря, не нарушил закона. Однако указало: Международная конвенция по охране человеческой жизни на море требует от капитана оставаться на борту, пока в безопасности не окажутся все пассажиры, в противном случае он виновен в преступной халатности. Более того, Грейвз размахивал смертельным оружием, препятствуя пассажирам, даже женщинам, занять место в лодке, что можно квалифицировать как убийство при смягчающих обстоятельствах. Погибли пятьсот два пассажира и члена экипажа — сгорели, утонули или умерли от переохлаждения в спасательных жилетах. Основная версия заключалась в том, что от тлеющего в бункере огня загорелся угольный мусор, бывший повсюду под палубами, по этой причине взорвался один из котлов, после чего разнесло правую часть корпуса судна.

Капитан Грейвз, возражал Честер Файн, в худшем случае занял одно место в лодке, но у него на руках были дети-близнецы, сын и дочь. Кто осудит человека за спасение собственных детей?

Так кто же, задавалось вопросом обвинение, несет ответственность за взрыв? Кто ответствен за дееспособность экипажа? За безопасность, невредимость корабля? Кто?

Я один, говорил Эддисон Честеру Файну, умоляя его полностью признать вину и не торговаться о мере искупления. Но Честер с невозмутимой решительностью мольбы игнорировал. Плевать на бушующие в обществе страсти, улягутся. Когда-нибудь, твердил он, Эддисон пожалеет о том, что выбрал путь мученичества. Зачем тогда было спасать близнецов? Чтобы опять их бросить? В итоге единогласное решение: виновен в непредумышленном убийстве. Десять лет на берегу Гудзона.

И Эддисон, испытывая нечто вроде облегчения, пропал в Синг-Синге.

Уоллес прислал студийную фотографию с первого дня рождения близнецов: двое детей в белых платьицах важно сидят в вольтеровском кресле с аккуратно причесанными, слабыми бледными волосами. Присылал и портретные рисунки, тронутые акварелью. Эддисон так и не пришел к определенному выводу, кто из близнецов кто, а спрашивать считал идиотизмом. Каждый год в их день рождения он получал по фотографии, и постепенно младенцы превратились в длинноногих детей с невероятно светлыми волосами. Мэриен, с недоверчивым взглядом и слабой, упрямой улыбкой, имела некоторое сходство

с Аннабел, что, в сочетании с рассказами Уоллеса о ее своенравии, беспокоило Эддисона. Джейми лучился искренней нежностью.

Где-то глубоко, в потемках души Грейвз считал, что, если бы не взял Аннабел и близнецов на борт «Джозефины», взрыва не было бы, хотя по большому счету практически не сомневался: виной тому стали ящики Ллойда. Или он сам, поскольку не добился ответа на вопрос об их содержимом, поскольку позволил Ллойду махнуть рукой: дескать, слишком сложно заносить в декларацию.

Когда ночь побледнела до олова, Эддисон на пару дюймов раздернул занавески. Звезды одна за другой уходили со сцены, изящно, даже торжественно, и накатило воспоминание: рассвет на «Джозефине», отдельные замешкавшиеся пассажиры в вечерних нарядах, еще на палубе или бегут по коридорам, падая, спотыкаясь, сверкая. Он чувствовал, как палуба ходит у него под ногами. Слышал запах океана.

Нет, это запах запруды, не океана. В волосах, на коже. Глина, не соль.

Когда свет стал лавандовым, с веранды вынырнули две маленькие фигурки, за ними выскочили три собаки. Близнецы были в одинаковых синих пижамах и, если не считать длинные волосы Мэ-

риен, почти неразличимы — белокурость, худоба. Они посмотрели в сторону флигеля, как пугливые косули. Эддисон стоял неподвижно. Через минуту Джейми отвернулся, повозился с пижамой и выпустил дугу мочи. Мэриен отошла в другую сторону, опустила штанишки и присела в траву. Собаки покрутились, понюхали и, задрав лапы, последовали их примеру. Управившись, все двинулись к конюшне.

Мотор в груди Эддисона приводил в движение поршни в конечностях. По настоянию Уоллеса ночью, заглянув на веранду, он увидел на подушках бледные головы и, нахмурив лоб, кивнул, как человек, которому показали нечто непревзойденное, чем надо бы восхищаться, но что только смущает.

Эддисон как можно незаметнее перешел к другому окну. Мэриен в пижаме уже сидела без седла на лошади чалой масти, держа вожжи, а Джейми, вскарабкавшись на ограду загона, перебрался оттуда на лошадь и устроился позади нее, свесив голые ноги. Они свернули к реке и исчезли, бока лошади еще какое-то время мелькали между деревьями, собаки семенили следом.

Эддисон никогда точно не знал, верить ли в свое отцовство, но ему не хотелось оскорблять

Аннабел. Теперь он поверил. Увидел по рукам, ногам, по форме стоп, а также менее осязаемому признаку — по тому, как организовывался вокруг детей утренний воздух. А еще он считал — был твердо убежден, — что ему нечего им предложить. Ему никогда не понять, что им говорить, как быть отцом, дарить тепло. Он может лишь огорчать и причинять боль.

Во дворе стояла тишина. Грейвз умылся в тазике, выскользнул из флигеля и быстро зашагал обратно той же дорогой, которой привез его сюда Уоллес. В кармане лежало меньше трех долларов, но кое-что хранилось в нью-йоркском банке. Не бог весть что, но пока хватит.

Вскоре после восхода солнца он сел на поезд и поехал на запад.

Лос-Анджелес, 2014 год

ПЕРВОЕ

Если бы не история с Джонсом Коэном, мне бы не досталась роль Мэриен Грейвз. Хотя тогда я этого не понимала. Только в груди — я четко ощущала — давило что-то тугое, как будто хотелось растоптать чей-то песочный замок. В детстве со мной часто такое бывало. На съемочной площадке хотелось разбуяниться, разгромить пластмассовую конюшню с пластмассовым пони на пластмассовые кусочки, но я никогда не позволяла себе ничего подобного, пока не стала старше, пока не превратилась в Кейти Макги и не стала гонять по 405-му шоссе на заднем сиденье чьих-то «Рендж Роверов» со скоростью сто десять миль в час. Я только хохотала и визжала, но испытывала ощущение, будто что-то ломаю.

В общем, не знаю, почему я поехала с Джонсом. В тот момент я бы ответила: захотелось, однако мне не хотелось, по-настоящему нет. Было скучно, тревожно, грустно. Ну и что? Не это заставило меня взять Джонса за руку и выйти на свет. Я устала от яркого света, но, разумеется,

благодаря своему фортелю лишь еще больше подставилась под него.

Воспоминания обрывочны. Помню, сидела с Джонсом в клубе, в отгороженной маленькой нише для випов, на причудливом двухместном диванчике траурного, викторианского вида с высокой черной спинкой, загибающейся над нами крылом какого-то жука. Помню татуировку Джонни Кэша у него на предплечье, его кожаные манжеты и бирюзовые кольца. Источники утверждали: мы «уютно устроились» и «флиртовали», я «соблазняла» и «чего только не вытворяла» с «известным бабником», но не помню, я предложила уйти или он. Не помню точно, что я несла, но точно дразнила его, выпытывая подробности о знаменитых женщинах, с которыми он спал. Я была серьезна, потом шаловлива, потом нежна и ранима. Смутно помню, как он рассказывал мне, что свой следующий альбом «обкромсает по самые помидоры» — только он и гитара. А я сказала «потрясающе», «в десятку» и я типа за, поскольку Джонс хоть и мудак, но действительно великий гитарист. Помню, когда мы проходили мимо призрачного гардеробщика, присматривающего в освещенной красным пещере за ненужными в Лос-Анджелесе пальто, я поскользнулась

на гладком полу, ненадежная туфля поехала вбок. Наверное, тогда я и взяла Джонса за руку. Хозяйка пожелала нам приятного вечера — миловидная, изголодавшаяся девушка, бросившая на меня плотоядный взгляд, — дверь открылась, и ночь взорвалась. Даже пьяная — все вокруг шаталось и вертелось, — я знала, что они ждут, что мое лежбище усеяно их дурацкими шляпами «Кэнгол» и черными кожаными шмотками, что они бдят, а в ожидании курят и ведут идиотские разговоры, что их мотоциклами и «веспами» забит весь квартал. Дверь открылась, и тут же появились длинные черные морды их фотоаппаратов. Защелкали затворы, заблестели вспышки. Они все напирали, пока я чуть не задохнулась от света. Парни Джонса отпихнули их назад, освободив для нас проход к машине.

— Хэдли! Джонс! Вы вместе? Хэдли, а где Оливер? Вы расстались?

На фото у меня слишком короткое платье. Я, осоловелая, с бесстыжим взглядом и полуулыбкой, цепляюсь за руку Джонса. Ну хоть, садясь в машину, удержала ноги вместе.

Они торжествующей толпой ехали за нами до дома Джонса, летели, взрываясь белым светом в моем окне, даже затемненном молочно-чер-

ным глянцем японской эмали. В машине, помню, Джонс языком играл моей серьгой, протягивая крючок через мочку, пока наконец хлипкая мешанина бриллиантов не повисла у него на улыбке — известный трюк на вечеринках, вроде как завязать узлом плодоножку вишни. Помню его дом, похожий на пещеру, с непременными огромными абстрактными картинами, все остальное белое, как небо в анекдоте про небо. Помню татуировку высоко на внутренней стороне бедра, настоятельный призыв крошечными буквами: «Люби меня».

Когда мы встретились на пробах к первому «Архангелу», Оливер был женат. Ему стукнуло двадцать, а его жене — сорок два, она являлась театральным директором из Лондона, рассекала в сапогах с заклепками и асимметричных пиджаках авангардных японских дизайнеров, благородная, как римский сенатор. Он не ушел от нее ко мне. Он вообще от нее не ушел. По словам Оливера, после их второй годовщины она заявила: ее страсть к нему лопнула, как сильно надутый шарик, уничтожив самое себя.

Я ничего не знала про свет, толком не знала, пока мы с Оливером впервые не появились на публике, взявшись за руки. Это было на пре-

мьере второго сезона. Мы тайком спали уже три месяца, но жутко страдали от шпионского всевластия и опровержения слухов. Он первым вышел из машины, и тысячи полоумных сучек за ограждением завопили, как будто их жгли живьем. Когда он обернулся, протянул мне руку и потом не отпустил ее, меня опалили грохот и свет. Я решила, будто сейчас испарюсь и ничего от меня не останется, кроме сгоревшей тени на красной дорожке. На фотографиях я пялюсь в объективы, как военный преступник перед трибуналом. Оливер улыбается, машет рукой. Свет — передатчик его красоты. В жизни он слишком красив, в кино его будто парализует. В пространстве же между прожектором и экраном он преобразуется в такое, на что почти нестерпимо смотреть.

Вообще-то звуки и свет на красной дорожке предназначались не совсем для нас. Благодаря нашей связи история показалась настоящей, а полоумные сучки так хотели настоящей истории, что совсем потеряли рассудок. Наиболее радикальную секту отступников составили авторы экстремального эротического фанфика. Они бродили по туннелям интернета, выкапывая лабиринты, где могли откладывать свои желания и выкармливать их, как личинки.

Они крушили все ради себя и даже этого не знали. Не втыкались, что им не понравятся книги, которые дадут именно то, чего они хотят. Люди любят истории, оставляющие некое разочарование, не дающие полного удовлетворения. А сучки хотели, чтобы «Архангел» был скроен по их самым тайным прихотям, но в то же время чтобы до него никто не дотрагивался. Когда мы меняли в фильме какую-нибудь мелочь, они тут же выходили на связь. «Дом Лизвет небесно-голубой, а не сине-зеленый, бараны». Или: «Когда Гэбриел и Катерина целуются в первый раз, на нем шапка белого медведя, но не СЕРАЯ, а БЕЛАЯ, и вы должны это ЗНАТЬ, потому что так В КНИГЕ».

Мы с Оливером, конечно, тоже были ненасытны. Наши герои жили в нас. Мы думали, что сможем, как на восходящих потоках, воспарить на всех сыгранных нами томлениях и страстях. Сойдясь, мы чувствовали себя щедрыми, будто имели некие обязательства перед историей, рассказываемой в фильме, и исполняли их. Но полоумные сучки писали и о нас. О нас, людях, Хэдли Бэкстер и Оливере Трэпмене, лос-анджелесских актерах, а не о Катерине и Гэбриеле, порожденных воображением Гвендолин и живущих в несуществующем царстве Архангела.

Как-то мы решили прочесть фанфик про себя, просто из любопытства. Сначала смеялись над опечатками, потом затихли. Пока мы читали липко-потную фантазию о том, как трахнулись в первый раз, я сидела у Оливера на коленях. «Я хочу только тебя», — сказал мне Оливер в той истории, как Гэбриел говорит Катерине тысячу раз. «Навсегда». Но затем движением, которое шокировало бы милого вежливого Гэбриела, Оливер из фанфика задрал «дорогое платье от дизайнера» и всунул мне свой «пульсирующий член». «Давай, — стонала Хэдли. — О да. Ты такой пылкий, такой знаменитый, и я очень-очень тебя любю».

Оливер закрыл компьютер. За окном появилась колибри, привлеченная утренним светом, разгоравшимся на стене моего дома. Она зависла и пристально на нас посмотрела, радужная грудка замерла в пространстве, крылышки от скорости почти невидимы. Мы находились на оживленном перекрестке, где пересекались реальности. Чувствовали небесный ветер.

«Я очень тебя любю», — начали мы говорить друг другу.

«Мы» надежнее, чем «я», когда ты там, внутри, но это такая неустойчивая, непрочная штука,

в любой момент готовая тебя отшвырнуть и в конечном счете бросить на милость «я». Став «мы», ты становишься и «они», мишенью, которую надо отследить и сфоткать. Наградой. Каменоломней, то есть тем, что надо сторожить. А еще шахтой. Нас вдвоем отслеживали и фоткали в Нью-Йорке, Париже, Санкт-Петербурге, Кабо, Кауаи, на яхте недалеко от Ибицы, на вечеринках после катания на лыжах в Гштаде, в продуктовом магазине, на заправке, с похмелья в бургерной «Умами». Они бурили нас на предмет рассказов, пикантных подробностей, правды и лжи, лжи и правды, вопросов моды, вопросов фитнеса, диеты, укладки волос, отношений, ну давай же, про детей, просто что-нибудь. Они оценивали наш прикид, ставили очки нашим фигурам на пляже, заявляли, что я беременна близнецами, что — пардон, уточняю — я хочу забеременеть близнецами, что я нахожусь в центре реабилитации, что мы помолвлены, что наша помолвка расторгнута. Они хотели знать, что у меня в сумочке, в туалете, в списке необходимой парфюмерии и косметики. Они сдирали с нас слой за слоем и превратили во что-то совсем уже выпотрошенное и пустое.

Выходя с Джонсом из клуба, я, кажется, хотела сделать больно именно полоумным сучкам.

В пьяном величии мне представлялось, что я в силах сокрушить их миры. Но, как предсказал бы любой болван, сучки перенесли травму очень легко. Я, разумеется, разбомбила собственный песочный замок, вытоптав его в миленький такой жесткий, плоский, пустой пляж.

Слоган первого фильма был «Раз полюбил, это навсегда». Четвертого, моего последнего, — «Раз упал, это навсегда». На постере отфотошопленный мрачный Оливер и отфотошопленная пухлогубая я наложены на красивый, но жутковатый цифровой город, силуэт которого из куполов цвета золотистого лука припорошен снегом. Каким будет слоган шестого фильма? Десятого? «Раз помер, это, ради бога, навсегда»?

Гвендолин все пишет. На данный момент вышло семь книг. Но даже до того, как меня вышвырнули, мы с Оливером старели быстрее, чем наши герои. Мы не могли быть ими вечно. Точнее, я не могла оставаться Катериной. Всем прекрасно известно: мужчины не стареют, по крайней мере стареют не так, что это имеет значение. Сейчас они снимают пятый. Девчонка, заменившая меня, — подросток.

Гадость в том, что первый раз мы с Оливером действительно трахнулись в машине. Но не

на премьере, а после вручения премии детской аудитории. Первый фильм «Архангела» получил все возможные детские награды. Существует ли ложь больше той, что «я хочу только тебя»? Или «навсегда»? Кто первым сказал, что ничто не длится всегда? Кто первым заметил?

ВТОРОЕ

Наутро, после того как я уехала с Джонсом, из моего дома убралась команда Оливера. Мои телохранитель и помощница рассказали, что ночью, когда в сети появились первые фотографии, пришли его телохранитель и помощник и все собрали. Уже через пять минут после моего прихода моя агент Шивон позвонила разведать ситуацию и вежливо поинтересоваться, чем я думала. После обеда она перезвонила сообщить неполный список недовольных. Ее присутствие в списке подразумевалось само собой, хотя она и не орала, как могла на первых порах, когда мы обе теряли самообладание, если мне приспичивало сняться в рекламе миниатюрной пиццы для микроволновки. В прошлом году я заработала тридцать два миллиона, а она получила десять процентов. Если вы так же знамениты, как я, то вас можно сравнить с гигантским, плавно скользящим мор-

ским существом, экосистемой в себе, питающей тем, что застревает у вас в зубах, колонию мелкой рыбешки.

Алексей Янг, агент Оливера, с кем я спала дважды, тайком, и, может быть, все еще была в него влюблена, сообщил Шивон, что Оливер пал духом и уничтожен. Шивон передала мне. Недовольство выражала студия в целом и ее глава Гавен Дюпре в частности, которому я один раз отсосала, и не потому что хотела. Недовольство выражали инвесторы, Гвендолин-автор-книг-«Архангела», режиссер четвертого фильма, находившегося в монтаже, а также парень, намеченный на роль режиссера пятого.

— Студия — сказала Шивон, — беспокоится, как бы люди — фанаты — не распереживались. Студия боится, что ты разрушила романтическую иллюзию. Ведь очевидно, весь проект зиждется на идее идеальной любви, и мысль…

— Я правда не виновата, если люди так глупы, что не различают реальность и вымысел, — перебила я.

— Да я-то согласна, теоретически, но полагаю, тут можно возразить, что на всех нас лежит ответственность и мы должны защищать наш бренд. Не возьмусь утверждать, будто ты не от-

влекла всеобщее внимание от фильма.

Я промолчала.

— Ты уже говорила с Оливером? — спросила Шивон.

— Нет. Кстати, он тоже мне изменял. Я тебе рассказывала.

— Но настоящей утечки не случилось ни разу. Если дерево изменяет кому-то в лесу и никто не фотографирует… Послушай, я не осуждаю, но ты могла бы вести себя потише. Выражусь иначе. Ты не могла повести себя громче. В пиаре такое равнозначно взрыву террориста-смертника. — Она помолчала. — Или просто неудержимый порыв?

— А разве вообще все — не неудержимый порыв?

Шивон не ответила.

— Ты хочешь знать почему, — сказала я. — Не знаю почему. Джонс мудак.

— Только не говори прессе. Ладно. В общем, что сделано, то сделано. Все хотят последней информации, каких-то деталей, которые позволят понять, к чему вы склоняетесь, чтобы мы начали раскручивать.

— Ты имеешь в виду, сойдемся ли мы опять с Оливером?

— Да.

Хохот вырвался у меня, как будто его кто-то с силой выдавил.

— Ладно, — помялась Шивон. — Хорошо. И последнее. Гвендолин так разволновалась, что студия еще больше разволновалась из-за нее.

— Да пошла она. Серьезно.

— Она очень печется о своем творении.

— Я не ее творение. Она не Бог.

— Нет, но переданные ей права дали тебе, мне и множеству людей немало денег. Она просто хочет встретиться. Гавен Дюпре лично просил тебя встретиться с ней и успокоить.

— На этой неделе я занята.

— Нет, не занята.

Я отсоединилась. Смартфоновскому демаршу не хватило весомости, я просто ткнула пальцем в изображение кнопки. Какое-то время я лежала на кровати, курила травку и смотрела реалити-шоу, где тетки с подтянутыми лицами в бандажных платьях Эрве Леже, расплескивая вокруг мартини, говорили друг другу гадости. Некоторые проделали над собой такую работу, что вместо слов у них получалась каша, так как они не могли шевелить губами. Со сверхъестественно круглыми глазами и съежившимися мордоч-

ками они напоминали кошек, превращенных недоучившимся волшебником в человеческие существа.

Я задумалась, а могу ли провести остаток дней, валяясь в своем доме и пялясь в свой телевизор. Интересно, сколько времени потребуется, чтобы вьюнок нарос на окна и запечатал меня внутри.

Меня вот-вот должны были утвердить на «Архангела», когда Гавен Дюпре во время нашей встречи за завтраком поставил чашку с кофе и очень спокойно, вежливо попросил меня встать и снять одежду.

Я удивилась на полсекунды, а потом смутилась, что оказалась такой идиоткой, чтобы удивляться. Мы находились одни в гостиничном номере в Беверли-Хиллз, сидели напротив друг друга за столиком, где на белой скатерти стояли серебряный кофейный сервиз и многоярусная подставка с миниатюрными кишами, пирожными и круассанами, которыми Гавен все пичкал меня, прежде чем попросил раздеться.

— Обещаю, от одного маленького круассана ты не растолстеешь, — уговаривал он. — Посмотри, какой он крошечный. Просто попробуй. Вкус не повредит.

Не то что я раньше не сталкивалась с подонка-

ми. Они встречаются на любых съемках, в каждом начальствующем звене по цепочке, их будто делегирует какой-то местный союз подонков. Но ставки никогда не поднимались так высоко, даже близко. «Это совсем другое дело», — решили мы с Шивон, назначив встречу. Я так и не поняла, знала ли она, на что меня толкает. Она упомянула, и не раз: Гавен женат и у него дочери примерно моего возраста — тогда восемнадцать.

На вид он был безобидным, довольно тусклым, лет пятидесяти, с полными бледными губами. Очки в проволочной оправе и платочки в нагрудном кармане, грамотно сочетавшиеся с галстуками.

— Мне нужно посмотреть на тебя, — сказал он, и я решила, что такова профессиональная необходимость, не личная.

Я никогда не рассказывала Шивон, не надо ей знать, что я правда через это прошла. Несколько месяцев назад умер Митч, и даже, хотя он никогда толком не «был в курсе» и не «оберегал», я испытывала новое, тяжелое чувство одиночества. Я даже не колебалась. Стояла голая перед Гавеном, по его просьбе чуть развернулась, а когда он достал свой хрен и попросил меня, пожалуйста, взять в рот, взяла.

* * *

Через день после Джонса Коэна я лежала в своем бассейне и смотрела на кружащего грифа. Небо Лос-Анджелеса ими полно, иногда огромные вертящиеся торнадо из грифов громоздятся в облака, только обычно никто не замечает. Я несколько удивилась, даже обиделась, что нигде не было выслеживающих меня вертолетов. Интересно, а папарацци разрешено использовать маленькие любительские дроны? Наверное, нет, поскольку в противном случае они бы их использовали. У них на гербе должно быть написано: «Можем — сделаем».

Меня испугал звонок в дверь. Я подумала, журналюги перелезли через забор и решили штурмовать дом. Еще звонок. Я надеялась, Августина разберется, пока не вспомнила, что отправила ее домой, настойчиво всунув пакет с продуктами и каннабисом, хотя она и не любит травку. А телохранитель, М. Г., ходил караулом по периметру. Я поднялась, прошла к видеодомофону и посмотрела на монитор. Сосед, знаменитый досточтимый сэр Хьюго Вулси («несравнимый, нестерпимый, подсудимый», как он себя именует), наклонился к камере, размахивая бутылкой

скотча, и кричал в переговорное устройство так, будто не верил в его способность передавать или усиливать громкость голоса:

— Куриный супчик для бедных развратников!

Хьюго одевается, как Навуходоносор, если бы тот стал хипстером, и живет с молодым красивым бойфрендом, поэтому меня всегда удивляет, что с техникой он по-стариковски.

— Привет! — сказала я, открывая дверь. — Как ты прошел?

— Сто лет назад ты дала Руди код. Не помнишь? Он тебе кой-чего подкурьерил. — Хьюго изобразил, как затягивается косяком. В основные обязанности бойфренда Руди входило не гулять налево и отслеживать, где лучшая травка в городе, легальная или еще какая. — Там внизу содом. — Хьюго свернул на кухню. — М. Г. надо дать кнут для быков, чтобы он их перелущил.

На нем были гуарачи, штаны на завязочках из бело-синего иката и льняная оранжевая рубашка, расстегнутая ради бус из медвежьих когтей, зарытых на мохнатой седой груди. Хьюго высокий и на диво дородный для человека старше семидесяти, у него звучный, сочный голос и весьма впечатляющий сценический экстерьер. Он налил нам по стакану виски.

— Будем здоровы. — Мы чокнулись. — Руди говорит, интернет горит. Он говорит, ты его подожгла.

— Я заслужила, — ответила я, идя за ним следом в самую большую мою гостиную.

Хьюго уселся на диван и властно указал мне на одно из моих собственных кресел.

— О, я-то не против.

Я подняла стакан:

— Спасибо за виски. Отличный.

— Ты хочешь сказать, воистину шедевральный, всегда рад. Что-то мне не захотелось распивать его с Руди. Для его рецепторов — выброшенный продукт. С таким же успехом можешь плеснуть ребенку. Я хотел быть уверен, что ты утоляешь свою печаль стильно.

— Я больше по опиатам.

— Только, пожалуйста, не сорвись в штопор. Будет страшно бездарно с твоей стороны. И жуткое разбазаривание таланта, разумеется.

— Я пошутила. Хотя, судя по всему, я уже где-то в середине штопора.

— Нет, нет и нет. Джонс и был штопором. А теперь ты оживаешь.

— Все продолжалось… — Я подсчитала: — Тридцать девять часов.

— Бесценная возможность, моя дорогая, для того чтобы — ненавижу выражение, но в данном случае оно уместно — открыть себя заново. Если ты не понимаешь, как ухватить за хвост данный момент, то у тебя вообще нет воображения и я страшно в тебе разочарован.

— Я в самом деле не понимаю, как выгадать на всех, кто меня ненавидит.

Полоумные сучки поливали меня в твиттере: сука, блядь, потаскуха. Я должна умереть, писали они, навсегда остаться в одиночестве, гнить в аду. Слава богу, Оливер от меня освободился, писали они. Мужчины вставляли, что я уродлива и неебабельна, правда, тут же что меня надо бы отодрать и что я задохнусь насмерть от их приборов. Они положили даже на «Архангела». Просто не могли упустить возможность сообщить женщине, что а) они ни в жизнь не стали бы ее трахать и б) они будут трахать ее, пока она не склеит ласты. Я пролистала дальше. Меня забили в колодки, чтобы могла поглумиться вся деревня. В отношении полоумных сучек я совершила террористический акт. Я покусилась на их образ жизни. СПЛОШНЫМИ ЗАГЛАВНЫМИ БУКВАМИ они писали, что я должна помучиться, что меня надо уничтожить. Но на самом деле они хотели, чтобы

я все исправила, отыграла все назад, вернула их туда, где они были раньше.

Время от времени кто-нибудь писал: «Эй, девочка, будь сильной!», и этого было достаточно, чтобы у меня навернулись слезы. А потом кто-нибудь говорил, что Митч отбросил копыта от передоза из-за меня или что моим родителям повезло погибнуть, не пришлось за меня стыдиться.

— Не все тебя ненавидят, — сказал Хьюго. — Только… как ты их там кличешь? Полоумные сучки? Большинству вообще наплевать на «Архангела», а стало быть, и на тебя. Не смотри так, это здорово. Приличные люди, скорее всего, думают, ты стала интереснее, проявила малость твердости. Не то что Оливер какой-то недоносок, нет, роскошный парень, но для тебя он пустоват. Уж я-то понимаю, как привлекательны красивые, пустые парни. Руди тоже трудно назвать сложным, но, понимаешь, я стар. Мне нужен кто-то молодой и легкий, чтобы самым глубоким и сложным желанием у него было удовольствие, и в первую очередь такое, которое можно получить за деньги. Важное качество. Ты вообще-то знаешь, как мало людей на деле способны испытывать настоящее счастье от денег? Огромная

редкость. Руди годится мне сейчас, но в твоем возрасте я хотел чего-то усложненного, чудовищного, такого… — Хьюго обнажил зубы и показал, будто раздирает что-то пополам, — чтобы меня разорвало на части.

Его знаменитый голос эхом отдавался от потолка. Мне захотелось рассказать ему про Алексея, но Хьюго болтун, и я передумала.

— Оливер вообще не объявлялся. Не звонил, не орал на меня, ничего. Полная тишина. Моя агент говорит, что его агент говорит, что он пал духом. Но он изменял мне по крайней мере с одной актрисой и по крайней мере с одной моделью, и бог знает с кем еще, и мне об этом известно. В общем, вся пурга насчет разбитого сердца несколько перебор.

Пренебрежительно махнув рукой, Хьюго уперся в меня самым пронзительным своим взглядом и спросил:

— Что больше всего привлекло тебя в Оливере?

— А ты его видел?

Пронзительность взгляда пошла крещендо. Я сказала:

— Он единственный понял, что значит пережить байду с «Архангелом». Ты же знаешь,

как говорят: выбирать надо того, с кем можно пойти в разведку. Но тут вышло так, как будто ты уже в разведке и там оказался кто-то еще. И вот вы вместе в разведке, а это не фунт изюма.

Я допила стакан. Хьюго сгонял на кухню за бутылкой.

— А потом? — спросил он, разливая. — Разведка потеряла весь свой блеск?

— Оливер стал частью тягот разведчика.

Хьюго элегантно забросил одну руку на спинку дивана, покачивая стакан кончиками пальцев.

— Забудь про любовь, дорогая. Я старый, зацикленный на себе нарцисс, не твоя нянька, так что мне не особо важно, чем ты занимаешься. В основном я тут, поскольку очень люблю вмешиваться. Но как человек, который за много лет немало чего натворил, если позволительно так говорить о себе, полагаю, я обладаю уникальной квалификацией давать советы.

— Тут другое.

— Прошу прощения?

— Для начала ты мужчина, и, когда ты куролесил, не было интернета.

— Ты права. Быть мной было очень просто. — Он нахмурился: — Как-то раз я даже чуть не женился на женщине. На женщине!

— Какая гадость.

— Позволь спросить тебя, каким ты видишь наихудший исход?

— Бесконечный публичный позор. Меня вышвыривают из «Архангела», и я больше никогда не получу работу.

— Он не будет бесконечным. Люди двинутся дальше раньше, чем ты думаешь. Им в общем-то фиолетово. А тебе и не надо больше работать. Ты невероятно богата. Бросай это дело, купи какую-нибудь винодельню. Или козью ферму. Или остров. Опростись. Живи мирно. Чего ты, собственно, хочешь?

Мозг у меня отключился, потом забарахтался, заметался, как охваченное паникой животное. Я могла сообразить только одно: не хочу, чтобы мне было как сейчас. Хочу, чтобы было хорошо. И увидела, как держу над головой «Оскар», а весь зал стоя аплодирует мне.

— Я хочу больше, — сказала я. — Не меньше. Я хочу работать.

Хьюго прищурился и тихо проворчал:

— Хорошая девочка. Не вижу ни одной причины, почему бы тебе не поиметь больше.

— Ну, парочку я тебе наскребу. Никого в Голливуде не волнует, что я изменила Оливеру, но всех

волнует, что я изменила бренду.

Хьюго театрально застонал:

— Тебе нужно выбросить из головы все мысли о каких-то там брендах. Это так скучно. Даже если бы ничего не случилось, тебе все равно велели бы убраться. Какая альтернатива? Ты снимаешься в «Архангеле», пока не постареешь, а потом тебя без затей отпихивают ради кого-нибудь помоложе? По крайней мере, ты предстала интересной, непредсказуемой женщиной, а не смазливой заводной куклой. Все будут смотреть, что ты станешь делать. Ты им больше не пешка. А люди любят, когда кто-то возвращается.

ТРЕТЬЕ

Когда я подростком отрывалась по полной, Митч предложил отправиться в путешествие — только мы вдвоем, куда мне захочется. Он думал, мне будет полезно уехать, а у него все равно был простой между проектами. Я выбрала озеро Верхнее, где пропал самолет родителей.

— Тебе не кажется, что это легкая патология? — спросил Митч.

Я ответила, что просто хочу увидеть озеро. И действительно, хотела — всегда хотела, но еще хотела туда, где не будет обыденности. Модный

тропический курорт не стал бы каникулами, поскольку там мы бы все время ходили пьяные и сталкивались с людьми, с кем и зависали бы. А как раз от упадничества мне и нужен был отпуск.

Мы выехали из Су-Сент-Мари и двинулись по часовой стрелке вокруг озера — тысяча триста миль в арендованном «Рэнглере» с откидным верхом, раздражающий шум которого стал сущим наказанием за то, что мы оказались слишком крутыми для недорогого седана. Я купалась каждый день, хотя вода почти душила холодом. Я все время помнила о затонувшей где-то там «Цессне» и думала: а если микрочастички родителей плавают вокруг меня, как светлячки?

— А они сейчас просто кости? — спросила я Митча, перекрикивая бьющийся на ветру мягкий верх джипа и группу «Перл джем» с канадского радио.

— Возможно, — крикнул он в ответ. — Я не знаю, как много нужно времени.

— Почему он научился летать?

— Что?

— Папа. Почему выучился летать?

— Не знаю. Никогда не спрашивал.

— Почему не спрашивал?

— Не знаю! — раздраженно крикнул Митч, но потом смягчился. — Он не был из тех, кто любит, когда его просят разъяснить самого себя. Это семейное.

Кроме того, Митч не особо хорошо помнил, что нужно интересоваться другими людьми. Несправедливо винить его, но, как некоторые родители талдычат детям мантры типа: «Обращайся с людьми так же, как хочешь, чтобы они обращались с тобой» или «Дела говорят громче слов», Митч говорил: «Однова живем». Причем говорил, открывая бутылку пива после трехмесячного воздержания или проигравшись на рискованных ставках в Санта-Аните. Он был настоящим ОЖ-шником. В детстве я смешила агентов по кастингу, важно передразнивая Митча, когда они спрашивали меня, не хочу ли я продемонстрировать им свою самую широкую улыбку или сняться в рекламе аквапарка. С моими отстойными корешами эпохи Кейти Макги я даже не парилась. Они и так знали.

Митч никогда в жизни не назвал бы себя родителем.

На северном берегу озера из информационных щитов я узнала, что когда-то здесь были горы не хуже Гималаев, а может, и выше, мо-

жет, даже самые высокие горы, существовавшие на Земле, но все они выветрились в ничто, время сокрушило именно этот песочный замок, ледники расцарапали камни догола, а потом и сами исчезли. Я задавала Митчу и другие вопросы о родителях, но он мало что знал или ему не приходило в голову ничего интересного.

Как-то вечером мы остановились на ужин и я спросила:

— А если они не погибли?

Митч похлопал по бутылке с кетчупом.

— Что ты имеешь в виду?

— Если они просто уехали куда-то и не вернулись?

Митч поставил кетчуп и серьезно посмотрел на меня, что было не так-то легко изобразить с учетом ложного ирокеза *à la* Дэвид Бекхэм, какой он тогда носил.

— Хэдли, они бы с тобой так не поступили.

— Или с тобой?

— Они погибли. Вот что произошло. И тебе нужно в это поверить.

— М-да.

Я знала, во что мне нужно верить, но знать и верить не одно и то же.

Там, где я сидела, когда-то были горы выше

Эвереста. Все возможно.

Неполная история Миссулы (Монтана)

Ок. XIII в. до н. э. — февраль 1927 г.

Пятнадцать тысяч лет назад.

С севера надвигается покров льда. К западу от того места, где будет Миссула, тянутся длинные пальцы ледника, они выковыривают реку Кларк Форк. Образуется озеро, оно становится огромным, паукообразным — три тысячи квадратных миль, две тысячи футов глубиной, отражает затененную нижнюю поверхность облаков. Вершины гор превращаются в острова.

В озеро обрушиваются айсберги, плывут, дрейфуют. Иногда заковывают валуны, которые издалека несет на юг: путешествие длиной в сотни, а может быть, в тысячу лет. Когда айсберги тают, скалы погружаются на дно озера.

Озеро становится слишком большим, слишком глубоким, скребет и подкапывает ледяную плотину, пока та не поднимается на поверхность и не разламывается, выпуская воду. Низвергаясь, озеро бурлит над пространством, где будут Айдахо, Орегон, Вашингтон. Впитывается в зем-

лю за три дня, опустошив все вокруг, выбросив энергии в десять раз больше, чем энергия всех рек на нашей планете, хотя никакая статистика не в состоянии подсчитать сокрушительную, разрушительную силу, ее потопность. Как развеселившиеся атлеты, потоки швыряют в воздух громадные скалы и глыбы льда. Вырыты ущелья, смыты стада. Мастодонтов и мамонтов подхватывает, топит, сносит в усталую воду. А еще саблезубых кошек, бобров размером с гризли, жутких волков, гигантских ленивцев, весь огромный утраченный зверинец.

С севера опять наползают ледники и в конце концов опять запирают реку. Озеро опять заполняется водой. Плотину опять прорывает. На протяжении двух-трех тысяч лет цикл повторяется, потом что-то меняется, лед отступает. На пустом дне озера, где сходятся пять горных долин, похожих на перекрученные конечности морской звезды, там, где в один прекрасный день будет стоять дом Уоллеса Грейвза в стиле королевы Анны с заостренным фронтоном, верандой и башенкой, растет трава. Молодые стебли гнутся на ветру.

В какой-то момент — люди. Охотники с каменными орудиями приходят из Сибири, оставляют

резные изображения и рисунки на камне. (Что они делают с этой безбрежно расстелившейся землей? Кто может вообразить синюю сферу, подвешенную в черной бесконечности?) Шуршат листья, извивами текут по долинам реки. Проходят еще охотники с орудиями получше, с более разработанными языками, с мифами о великом наводнении. Типи и каноэ «осетровый нос». Собаки и лошади.

В 1805 году появляются белые люди: Льюис и Кларк идут на запад, а через десять месяцев, увидев Тихий океан, возвращаются другой дорогой.

Из долины на восток, к равнинам, где обитают бизоны, тянется узкое лесистое ущелье, такое удобное для засад. Иногда на пришедших с запада охотников нападают черноногие, люди равнин, владеющие стадами. На месте сражений остаются кости мертвых.

Опять подкрадываются белые люди. Porte de l'Enfer — называют ущелье французские звероловы, из-за костей. Врата ада.

В 1855 году подписан договор между Исааком Стивенсом, губернатором Территории Вашингтон, и местными племенами (флатхедами, пан-д'орей, ктунаха). Документ — прекрасный

образчик своего тлетворного жанра, полный уловок и взаимного непонимания, сулящий между строк смерть и потери. По ночам Стивенсу снится, как скребут лопаты, стучат молотки, деревом и железом скрепляют швы.

Крупная метрополия Врата Ада с населением в двадцать человек становится административным центром нового округа Миссула Территории Вашингтон (на языке салиши «миссула» означает «холодная бурлящая вода»). Скоро здесь уже стоят палатки и крытые дерном хижины, пара захудалых ферм, салун, почтовое отделение, покачиваются повешенные местными вершителями правосудия грабители. В 1864 году округ Миссула становится частью новой Территории Монтана. Выше по течению строятся лесопилка, мельница, и Врата Ада тут же превращаются в город-призрак, все едут в Миссулу, на лесопилку и мельницу.

Больше домов, лавок, улиц. Банки. Газета. Форт для защиты добрых людей Миссулы от еще неистребленных индейцев. В августе 1877 года с лошадьми, скотом и собаками через горы из Айдахо переходит более семисот не-перце, отступающих от армии Соединенных Штатов и ищущих места, где их оставили бы в покое,

места, которого больше не существует.

Они становятся лагерем на берегу реки, их будят солдаты, стреляющие в типи. Солдаты пытаются поджечь типи, им не удается распространить огонь, они пытаются еще. Почти все разбегаются из лагеря, но некоторых детей спрятали под одеялами, и те сгорают заживо. Воины перегруппировываются, атакуют. Солдаты отступают. Ночью лагерь снимается и продолжает движение туда, где будет Йеллоустоун. Индейцы попытаются добраться до Канады, где лагерь Сидящего Быка, но большинству не удастся. Почти всех отправляют в форт Ливенворт.

В 1883 году окровавленный конец Северной Тихоокеанской железной дороги добирается до Миссулы с запада, его надо дотащить, дотянуть еще на шестьдесят миль, чтобы соединить с железнодорожным полотном, проложенным от Великих озер. Это не первая трансконтинентальная дорога, но все же она довольно хороша, довольно величественна, довольно полезна для освоения дикой местности. Улисс Грант скрепляет континент Золотым костылем.

Еще больше мужчин приезжает в Миссулу — грубых, одиноких, голодных. По глоточку, ребята? Или девочку? Попытайте счастья на Уэст-Фронт-

стрит, идите по красным фонарям. Мадам Мэри Глейм, толстой, страшной, принадлежит половина края, а может, и больше. Она найдет для вас девочку из Чикаго, или из Китая, или из Франции (попросите француженку Эмму). Если вам нужны рабочие, она может найти вам китайцев. Если ваши рабочие хотят опиума, она найдет.

В Миссуле появляются телефонный узел и электричество, она становится новым официальным городом в новом официальном штате (Монтана, осн. в 1889 г.). Фермер на своем поле чешет репу над одиноким валуном, похоже, свалившимся с неба.

Поезд идет по равнинам. Уоллес Грейвз, жадный до гор, которых он никогда не видел, едет из Нью-Йорка на запад. Он сходит в Бьютте, какое-то время пробует его на зуб: мустанг, а не город, Вавилон, где мужчины, подтянувшиеся сюда бог знает откуда, скопом спускаются в медные копи, поднимаются, несут свое жалованье в салун или девочкам с аллеи Венеры. Драки на улицах каждый день, каждую ночь: шахтер на шахтера, пьяный на пьяного, ирландец на итальянца, на поляка, на шведа, профсоюз на штрейкбрехеров.

Уоллес рисует сумбурные конструкции шахт,

серых людей с железными ведрами, копер, строения шахты Неверсвит с семью тонкими дымовыми трубами, похожими на воткнутые в землю сигарки. Но не по душе Уоллесу этот город, Бьютт. Он садится в поезд, едет дальше на запад, выходит в Миссуле, остается.

В 1911 году Уоллес вместе почти со всем городом идет на поле возле форта посмотреть, как пилот по имени Юджин Эли вынырнет на биплане Кертисс из горной чаши, пропоров призрачную поверхность древнего забытого озера. Эли на бреющем пролетает над толпой, покачивает крыльями. Недалеко стоят типи индейцев кри. Индейцы, верхом на лошадях, наблюдают за аэропланом.

— Что за мир, — говорит Уоллес Грейвз своей знакомой и, придерживая шляпу на голове, смотрит вверх.

Поезд идет по равнинам. Эддисон Грейвз еще раз просматривает портреты детей, осторожно держа за уголки, чтобы не запачкать.

Уоллес идет пригласить брата к завтраку, но во флигеле никого нет, в комнате все по-прежнему, только вскрыты ящики. Он видит свои старые работы, видит, что они не так хороши, как ему помнилось. Клянет свое молодое «я» за напыщен-

ность, банальность композиции. Дети в главном доме, вернулись с ранней конной прогулки, чего Уоллес не знает, поскольку его не заботит, как они проводят время. Они умыты, причесаны (причесаны! сами причесались!) и в ожидании встречи с отцом сидят за столом, который Берит накрыла к завтраку.

— Он уехал, — войдя, сообщает Уоллес без предисловий. — Ни записки, ничего.

Берит, стоящая у печи, спрашивает:

— Что значит уехал? Куда уехал?

— Просто уехал.

— А вещи? Тоже?

— Не было у него никаких вещей.

Уоллес вспоминает картонную папку. По крайней мере ее Эддисон взял.

Джейми срывается из-за стола, несется вверх по лестнице.

— Он вернется? — спрашивает Мэриен, окаменев от серьезности.

— Не знаю.

— Может, пошел прогуляться.

— Если честно, я думаю, вряд ли. Ты расстроена?

Она думает.

— Я думала, ему захочется нас увидеть. Но бы-

ло бы хуже, если бы он увидел, а потом уехал.

— Не знаю, что хуже.

— Но он может вернуться.

— Может.

— Я бы не хотела, чтобы он остался, если сам не хочет.

— Наверно, — говорит Уоллес. Затем несколько ядовито: — Боже упаси, он сделает что-то, чего не хочет.

— Значит, все останется по-прежнему?

— Думаю, да.

— Ну и хорошо.

— Ты можешь погрустить. Я не обижусь.

Она смотрит в окно и спрашивает:

— Как ты думаешь, куда он поехал?

— Не знаю.

— По-моему, мне было бы еще грустнее, если бы я знала куда.

Уоллес кивает. Лучше только гадать, что он выбрал вместо них.

— Я тебя понимаю.

Какое-то время, несколько недель, кажется возможным, что Эддисон еще вернется. Но листья становятся рыжими, ночи — холодными, а он не возвращается.

— Как ты думаешь, почему он не остался? —

Джейми сидит на табуретке в мастерской Уоллеса, расположенной в башенке, и на ненужном черновике углем рисует мелкую рыбешку, зависшую над каменистым дном реки. — Зачем вообще приезжал?

— Не знаю. — Уоллес стоит у мольберта, с палитры бьют в глаза масляные краски, вокруг пришпиленные наброски. — Я не очень хорошо его знаю. Мы никогда не были так близки, как вы с Мэриен. Я думаю, он хотел остаться, но испугался. — Он наклоняется посмотреть рисунок Джейми: — Отлично. У меня появляется ощущение воды, движения рыб. Очень здорово.

— Испугался чего?

Кисть Уоллеса спотыкается на холсте.

— Вас. Того обстоятельства, что вы есть.

— Догадка, но я думаю, ему не понравилась мысль, что он нам чем-то обязан.

— А почему он решил, что чем-то нам обязан?

Уоллес откладывает кисть.

— Ты очень хороший мальчик.

— Почему?

— Это великодушный вопрос, вот и все.

Джейми тихо говорит угольной рыбе:

— Вообще-то я не думаю, что так уж великодушен к нему.

Жизнь течет по-прежнему. Берит выбивается из сил, поддерживая порядок. Пытается заставить Мэриен носить платья и проигрывает. Вечно не хватает денег. Уоллесу хорошо платят в университете, но он любит играть на деньги. По всему дому спящие собаки.

В свои комнаты, где близнецы спят редко, предпочитая веранду, они натаскали всякие рога лосей, коллекции костей и зубов. На подоконниках вперемешку с шишками и интересными камнями выстроились крошащиеся птичьи гнезда. К стенам пришпилены перья. Они подбирают и человеческие изделия: наконечники стрел, черепки глиняной посуды, пули, гвозди. Джейми переносит то, что находит, на бумагу, выстраивает натюрморты и рисует их, добавляя цвет пастелью или акварелью — их Уоллес потихоньку таскает для него из университета.

— А вот и юннаты! — восклицает Уоллес, когда они вечером возвращаются домой страшно грязные, с набитыми карманами. — Вот и археологи идут с раскопок.

Они прогуливают школу. Если день роскошно солнечный или заманчиво снежный, могут куда-нибудь забрести. У них есть друг, с которым они куролесят, Калеб, сорванец еще покруче,

на пару лет старше, сын проститутки, живущей в развалюхе чуть ниже по течению Рэттлснейка. (Джильда, мать Калеба, выбрала для себя с сыном фамилию по названию реки, что течет с юга, впадая в Кларк Форк на той стороне города: Биттеррут.)

Калеб — изящный мальчик с кошачьими повадками, он не забирает длинные черные волосы, и они спадают на спину, такие прямые, блестящие, что говорят, отец его точно был либо индеец, либо китаец. Калеб шуршит по карманам. У матери ворует самогон, в городских магазинах сладости и рыболовные крючки. Ненавидит мужчин, приходящих в его хижину, ненавидит то, чем занимается с ними мать, но не терпит ни малейшего оскорбления в ее адрес. Не замедлит ударить Мэриен в живот или по руке, как и Джейми. Летом все трое голышом купаются в ручьях и реках.

Хоть Мэриен и Джейми время от времени через щель в занавесках смотрят на Джильду за работой, они никогда это не обсуждают. Джейми переживает из-за того, насколько мужчина больше Джильды, как он бросает на нее свое тело с бездумной силой свайного молота. Маленькие ноги Джильды в грязных чулках подпрыгивают.

Беспомощность огорчает Джейми. Он спасает из реки тонущих пчел, приводит домой бродячих собак, кормит из пипетки брошенных птенцов, затем дает им червей — их он заставляет нарезать Мэриен. Птицы со сморщенными шеями и разинутыми клювами похожи на сердитых стариков. Некоторые выживают, некоторые погибают. Уоллес не очень возражает против собак и других животных.

— Бедняга, — говорит он, глядя на вороненка, такого слабого, что даже не может поднять голову.

— Хватит, — говорит Берит в случае пополнения, но откладывает крохи для собак.

У Джейми повторяющийся ночной кошмар, где он должен выбрать, кого застрелить — Мэриен или собаку. Он не хочет есть мяса.

— Ты умрешь без мяса, — говорит Берит, но он все живет.

Его успокоило, когда в разгар колготни Джильда протянула руку и хладнокровно пригладила волосы.

Мэриен, в ее очередь у окна Джильды, парализовало, когда мужчина (другой, не тот, которого видел Джейми) превратился в дикое животное. У него перекосилось лицо, выгнулась спина, он

толкнул Джильду на кровать и не глядя зарылся у нее между ног. Наконец, попрыгав на ней, как собаки или лоси, успокоился. Животное исчезло, и он опять стал человеком, приветливым мужчиной, поправляющим одежду. И Мэриен начала изучать мужчин — лавочников, соседей, друзей Уоллеса, самого Уоллеса, молочника, почтальона, — пристально вглядываясь в них, отыскивая животное.

Уоллес знает, у Мэриен и Джейми приключения каждый божий день. Он предпочитает оставаться в смутном неведении, не волноваться, что они могут не вернуться. У него свои приключения. Иногда он затемно уходит поиграть в покер, выпить в подпольном баре или придорожной закусочной, к женщинам. Он тихий, но беспробудный пьяница.

Из банка Сиэтла поступает чек на скромную сумму. Приложенное к нему письмо поясняет, что мистер Эддисон Грейвз желает регулярно переводить средства на содержание детей. Уоллес уходит и тут же проигрывает почти все деньги в придорожном притоне. (Один раз, когда дети были совсем маленькие, поступил более щедрый чек — их доля от состояния деда по матери. Ими Уоллес расплатился с долгами.) По дороге домой,

на рассвете, он останавливается и заходит в запруду, куда возил тогда брата, но вода холодная, коричневая, как чай, и он не чувствует себя чистым, он чувствует себя грязным и мокрым. Он плывет и мрачно размышляет: а деньги Эддисон сейчас заработал или то остатки его сбережений? Он думает, брату следовало быть осмотрительнее и не посылать ему так много зараз, но потом вспоминает, что старший Грейвз ничего не знает про его страсть к азартным играм.

Флигель, предназначавшийся для Эддисона, светится по ночам, как двужильная вторая луна, поскольку там обосновалась Мэриен. После краткого визита отца она сама вскрыла все ящики. Чудеса пришлось рассортировывать: рисунки Уоллеса, книги самого разного объема и формата, а еще сверкающая, поражающая воображение куча экзотических предметов. Некоторые не требовали никаких пояснений (коврики, вазы), другие были сама таинственность, например спиралевидный рог животного семи футов в длину с острым концом, завернутый в мешковину и упакованный в длинный тубус, — он лежал отдельно. Мэриен поставила его в угол за печку, и рог стоял там, как забытый инвентарь волшебника. Ей хочется представить, как ее отец покупа-

ет, скажем, вот эту черно-красную плошку, но она не знает, что вокруг. Шумный город? Затерянная рыбацкая деревня? Там жарко? Холодно? Почему из всех плошек на свете он выбрал именно эту? Книги она разложила в шаткие стопки у стены. Она решает прочитать их, одну за другой, в том порядке, как они лежат, и приступает вскоре после того, как ей исполнилось десять. Иногда после возни с машиной Уоллеса или починки велосипедов других детей на страницах остаются черные полосы, но она приходит к выводу: ее отец не из тех, кто будет возражать. Днем она носит книгу с собой, в школу или в горы. По вечерам идет во флигель и читает в кресле у печки.

Отец хоть раз сидел в нем? До подарка судьбы в виде книг она не была читателем и не привыкла сидеть так долго без движения.

Первой книгой из первой стопки, не совсем случайно, оказался «Дракула», после чего ей, как и ее матери, снятся ужасные сны про безумца Ренфилда, скармливающего мух паукам, пауков — птицам, а когда он не может добыть кошку, которая съела бы птиц, пожирающего их сам, живьем. Ей снится то животное у Джильды, и во сне она узнает пожирателя Ренфилда. Конечно, рядом нет никого, кто мог бы сказать ей, что ее

мать тоже пугала мысль о подобных пристрастиях. Чего никто даже не знал.

Среди книг — романы, сборники стихов и несколько томов, где есть картинки с латинскими подписями, на них изображены растения, птицы и животные. Мэриен разрешает Джейми прийти посмотреть, но выносить нельзя. Есть сочинения Шекспира и толстый словарь, его она держит при себе, чтобы смотреть незнакомые слова. Однако в основном там рассказы о путешествиях. Она читает о штормах и кораблекрушениях, о пиратах и армадах, об экипажах судов, где матросы вынуждены поедать своих товарищей. (В снах опять появляется Ренфилд.) Читает о вздымающихся из теплых морей горах Таити, об их изумрудных, укутанных облаками вершинах, о неприступных Гималаях и высокогорных альпийских пастбищах с позвякивающими коровьими колокольчиками. О Джеймсе Куке и Чарлзе Дарвине, о Мэри Кингсли и Ричарде Генри Дане, о Льюисе и Кларке, идущих по той самой долине, где она живет. О ветрах в Магеллановом проливе, которые могут отбросить корабль назад с такой силой, что носовая часть оставит кильватерную струю, о ветрах, которые в удушающих рыжих облаках переносят аравийские пески

на сотни миль в море. О Конго и Ниле, Янцзы и Амазонке. О диких голых детях в жарких странах, которые играют в игры, где надо смотреть и трогать, немного похоже на придумки Калеба в отсутствие Джейми. О громоздящихся горами волнах, о сводящем с ума безветрии, о выписывающих круги акулах, выпрыгивающих из вод океана китах, изрыгающих огонь вулканах. Среди книг нет ни одной, где рассказывалось бы о маленьких девочках, таких, как она, но Мэриен этого не замечает.

Значит, ее отец, помимо того что путешествовал сам, любил читать о путешествиях, совершенных другими. Значит, предположительно, он уважал тех, кто не боится приключений. Ей нравится рассказ Джошуа Слокама об одиночном кругосветном путешествии на маленькой парусной яхте «Спрей», во время которого тот чувствует себя отдельной планетой. Она тоже хотела бы испытать такое чувство.

Однако больше всего ей нравятся рассказы о далеком севере и далеком юге, где провисают отяжелевшие от инея корабельные снасти и свободно дрейфуют голубые айсберги, арками и шпилями напоминающие обледеневшие соборы. Она читает Фритьофа Нансена, Роальда

Амундсена и про пропавшего сэра Джона Франклина, но ей все мало, и она приносит домой еще книг из библиотеки, упиваясь невзгодами Эрнеста Шеклтона и Эпсли Черри-Гаррада. Полюса, кажется, даже не требуют особой смелости — соблазнительно. Идешь туда или пытаешься пойти — значит, смелый. Она натыкается на гравюру с изображением нарвалов, плещущихся на пятачке незамерзшей воды среди арктического дрейфующего льда, их бивни схлестываются в воздухе, как сабли в рукопашной на поле боя. Из угла за печкой она достает длинный рог и идет по заснеженному двору в главный дом.

Уоллес наверху в мастерской, граммофон играет Бетховена. Он кладет книгу на колени, рассматривает гравюру.

— Да, вижу, — кивает он. — Думаю, ты права.

— Бивень нарвала! — восклицает Мэриен. — Здесь, в Миссуле, в Монтане.

Уоллес опять смотрит в книгу и спрашивает:

— Они борются?

— Тут говорится, они так дышат. Ты ведь не думаешь, что отец убил нарвала, от которого бивень?

— Скорее всего, купил.

— А почему и на севере, и на юге так холод-

но? — спрашивает она Уоллеса, опершись на закручивающийся спиралью бивень и перебросив через плечо длинную бледную косу. — Почему там так странно меняются времена года? Почему иногда всегда темно, а иногда всегда светло?

— Не знаю, — отвечает Уоллес.

Он листает книгу, рассматривает изображения эскимосов, собачьих упряжек, айсбергов и бьющих хвостами страшномордых китов. Интересно, видел ли все это брат, думает Уоллес. Мэриен в его глазах ни ребенок, ни взрослая. Он подмечает в ней такую жадность, что теряется.

Мэриен идет по снегу обратно к флигелю, замершему в темноте, как свисающий с бушприта фонарь. Больше двух лет прошло с тех пор, как отец ненадолго в него заходил. Она надеется, что книги объяснят больше собранных им предметов, что, прочитав все, она будет знать все известное ему. И тогда некоторым образом узнает его. А потом, когда станет взрослой, поедет туда, о чем читала, и увидит все сама.

Ночи и дни, зимы и весны.

Гастролеры

Миссула
Май 1927 г.
Три месяца спустя

Утро было холодное, но брюхо Фидлера согревало ноги. Мэриен ехала без седла, отпустив вожжи, пригибаясь под мелькающими в рассветном сумраке сосновыми ветвями. Если Фидлер останавливался пощипать клочья травы, она стискивала голыми пятками его ребра.

Почти каждый день с минувшего сентября, когда ей исполнилось двенадцать, она вставала до рассвета и взнуздывала лошадь. Джейми теперь редко сопровождал Мэриен, может, догадываясь, что она предпочитает гулять одна. В зависимости от ее желаний они с Фидлером или шли вдоль рек — Кларк Форк, Биттеррут, — или блуждали по городу, наблюдая, как медленно кружит тележка молочника, одиноко плетутся домой ночные рабочие и колобродят пьяницы. Если снега было немного, она могла взобраться на гору или вершину ущелья.

В этот день, когда погасли последние звезды

и заголубело, засветилось небо, она свернула от Рэттлснейка и поднялась на гору Джамбо. На крутом подъеме к вершине Фидлер перешел на рысь, а наверху остановился и тут же принялся за траву. На дне долины распластался низкий серебристый туман, прорезаемый крышами и верхушками деревьев. Сзади восходящее солнце играло поверх горной гряды, медленно наклоняясь над Миссулой и рассеивая туман, пока наконец на поверхности реки не блеснул обычный аккуратный дневной свет.

Вытянув ноги вперед и зацепив вожжи, Мэриен легла на Фидлера, забросив руки за голову, ему на бедра. Она почти задремала, когда услышала далекий звук мотора. Наверное, один из местных аэропланов, полуразвалившийся «Дженни» или «Стэндед», которые задешево продавались после войны и на которых летали в основном любители. Звук шел с востока. Громче. Еще громче. Она резко поднялась как раз в тот момент, когда биплан проплывал сверху, стремительный, величественный, как благовествующий ангел, он летел так низко, что она могла бы дотронуться до колес шасси.

* * *

«Летающие Брейфоглы». Так было написано витиеватыми белыми буквами на хвостах «Дженни Кертиссов». Феликс и Трикси бежали из «Летающего цирка» Уилтона Вулфа, почившего в бозе, когда правительство решило, что на расплодившихся после войны праздничных авиашоу слишком много людей празднично ныряют в смерть, и ужесточило правила. Брейфоглы направлялись на запад, в Голливуд, надеясь получить место каскадеров.

Гастролеры и раньше появлялись в городе, за плату сажая людей в аэропланы, совершая фигуры высшего пилотажа и прыгая с парашютом, но Мэриен никогда особо не обращала на них внимания, никогда не думала, что аэроплан может перелететь через горы, за горизонт, отнести ее куда угодно. Может, чтобы вырвать ее из равнодушного созерцания, понадобилась опасная близость аэроплана, рев, красная вспышка крыльев. А может, просто пришло время. Она находилась в том возрасте, когда будущий взрослый трясет кости ребенка, как прутья клетки.

Позже в тот же день Уоллес повез ее на летное поле у горы Сентинел. Это была просто ровная

площадка, размеченная известкой, рябая от барсучьих нор. Не успел он остановить машину, как Мэриен, подобно необъезженному жеребцу, уже мчалась по траве к стоявшим аэропланам.

Человек в комбинезоне механика, стоя на приставной лестнице у открытого капота двигателя, копался в клапанах и цилиндрах. Другой человек, в бриджах и ботинках, лежал на траве в тени под дальним крылом аэроплана и, по-видимому, спал, лицо его покрывала широкополая пастушья шапка. Человек на лестнице выпрямился, обернулся, и Мэриен удивилась, увидев перед собой женщину. На голову та повязала синий платок, лицо перепачкалось смазкой, с руки свисал гаечный ключ.

— Привет, — сказала женщина, опустив взгляд на девочку, а затем подняв его на поле, где стоял Уоллес. — Кто же ты такая?

— Мэриен Грейвз.

— Приехала посмотреть аэропланы? Нашу мощную эскадрилью из двух единиц?

Женщина говорила манерно, нараспев. Вытащив из кармана второй платок, она отерла лицо, еще больше размазав грязь.

— Я их уже видела. Сегодня утром я сидела на лошади, и один пролетел прямо надо мной.

Фидлер дернулся, и она чуть не свалилась. Только она пришла в себя, как проплыл второй аэроплан, выше, но все равно достаточно громко для того, чтобы испугать Фидлера.

— Иногда кажется, что они низко, правда? Хотя на самом деле мы намного выше, чем ты думаешь. Прежде всего безопасность, я всегда… — Она осеклась: — О, ты хочешь сказать, в горах? Так там была ты, милая? Бедняжка, наверно, ужасно перепугалась. Феликс иногда ведет себя ужасно глупо.

— Я не перепугалась.

— Хорошо, что ты приехала, Феликс сможет извиниться лично. Клянусь тебе всем на свете, вышло случайно. Просто глупая ошибка. Рада видеть тебя в полном порядке.

Мэриен собралась с духом и произнесла то, о чем неотступно думала все утро:

— Я хочу полетать.

Женщина наклонила голову и прищурилась, что, как решила Мэриен, должно было выразить сочувствие.

— Боюсь, до завтра мы никого не возьмем, а потом оно стоит денег. Пять долларов. Нам нужно платить за топливо и все такое, мы на это живем. Мне очень жаль, что Феликс напугал тебя, но мы

не можем брать всех желающих, как бы ни хотели. Возможно, мы могли бы дать небольшую скидку, в знак дружбы, но тебе придется спросить у отца, готов ли он платить. Если только ты не накопила… — В последних словах прозвучала надежда.

— У дяди.

— Тогда придется спросить у дяди.

Тут подошел Уоллес и, прикрыв от солнца глаза рукой, улыбнулся женщине:

— Что придется у меня спросить?

— Смелая юная леди хочет полетать на аэроплане. — Платок опять прошелся по смазке, на сей раз успешнее, и проступило длинное узкое, как у борзой, лицо.

— Можно? — требовательно спросила Мэриен у Уоллеса, слишком громко, смущенная тем, что вынуждена просить.

Они с Джейми не получали карманных денег. Похоже, Уоллесу просто не приходило в голову, что им захочется что-нибудь купить, и поэтому под руководством Калеба они пристрастились к мелкому воровству, тягая из городских лавок конфеты, рыболовные снасти и всякую ерунду. На оживленной улице Калеб за час мог незаметно наудить у прохожих монет на три билета в кино

и обед в забегаловке. А когда деньги появлялись, они их тратили, поэтому Мэриен ничего не накопила — ужасная непредусмотрительность.

— Сколько? — спросил Уоллес у женщины.

— Пять долларов за пятнадцать минут, для вас четыре пятьдесят, поскольку мы теперь друзья. И по рукам.

Уоллес улыбнулся Мэриен той же подбадривающей, но уклончивой улыбкой, что и прекрасному голубому небу, и незнакомке с перепачканным лицом.

— Надеюсь, мы вам не помешали, — обратился он к женщине. — Сегодня утром у Мэриен состоялся тесный контакт с одним из ваших аэропланов. Это произвело впечатление.

— Бедняжка. Должно быть, она сильно испугалась.

— Нет, — упорствовала Мэриен. — Мне понравилось. У вас проблемы с двигателем?

— Не больше чем обычно.

— Я разбираюсь в двигателях. И чиню машину Уоллеса, правда ведь, Уоллес?

— Правда, — подтвердил тот. — Мэриен прирожденный механик.

— Превосходно.

Спящий под аэропланом человек зашевелился.

Загорелая рука согнулась, сняла с лица шапку, и из-под крыла, потягиваясь, вышел сухопарый, крепко сбитый, кривоногий мужчина с густыми усами. Он вальяжно двинулся к ним, одной рукой небрежно насаживая шапку на голову, а другой стряхивая со спины траву.

— Феликс, — сказала женщина, — вот та самая бедная девочка, которую ты чуть не снес с лошади.

— Ты! — Феликс на мгновение остановился, уперев руки в боки. — Так вот оно, незамеченное препятствие.

— Простите.

— Все в порядке. Мне не лишне было напомнить, что не стоит выкаблучиваться, если можно так сказать, даже если никто не видит. А чем ты там занималась так рано?

Уоллес с интересом посмотрел на Мэриен, как будто ему впервые пришла в голову мысль самому задать ей такой вопрос.

— Просто иногда поднимаюсь посмотреть.

— Похвально. — Мужчина пожал руку Уоллесу: — Феликс Брейфогл. — Ткнул пальцем в приставную лестницу: — Моя жена Трикси. Летающие Брейфоглы. — Затем Феликс обменялся рукопожатием с Мэриен и, к ее удивлению, задер-

жал ее руку в своей, пристально всмотревшись в лицо: — Никаких сонных мух. Давай еще. Жми крепче. Ты меня не сломаешь.

Мэриен стиснула ему ладонь, как могла, та вздулась.

— Уже лучше. Пара костей хрустнули. Любишь моторы? Хочешь посмотреть?

— Дорогой, — вмешалась Трикси, — боюсь, я тут работаю, а у нас всего одна лестница.

— Любая проблема имеет решение, — ответил Феликс и, подведя Мэриен к крылу, подсадил ее на пропитанную авиационным лаком ткань. — Запрыгивай мне на плечи.

— Феликс, право, — заволновалась Трикси.

— Давай, — кивнул тот Мэриен.

Мэриен села на край крыла, перепрыгнула на плечи Феликсу и, не зная, куда девать руки, ухватилась за его макушку.

— Я не слишком большая?

— Ты хворостинка. — Он прошел с ней несколько шагов к носу аэроплана. — Вот, смотри хорошенько. Э, полегче с волосами. Мне бы хотелось их сохранить.

То, что она увидела, напоминало мотор автомобиля, только еще чудеснее. Она рассматривала пути топлива и воды, запоминала клапаны,

стержни и болты, старательно избегая злобного взгляда Трикси, преследовавшего ее поверх нагромождения металла. Блестящие лопасти деревянного пропеллера были элегантно закреплены под углом, чтобы ловить и направлять воздух.

— OX-5, — сказал снизу Феликс. — Красивый, но протекает, как сито, и жрет масло. Насмотрелась?

— Да, спасибо, — соврала Мэриен.

Феликс опять усадил ее на крыло, схватил за пояс и опустил вниз.

— А вы не знаете, — обратился он к Уоллесу, — где тут поблизости нас не надуют с топливом?

Мэриен подошла к капоту двигателя, похлопав металл, как будто это лошадь, а Уоллес, глядя на нее, предложил Феликсу, если угодно, отвезти его в приличную мастерскую, а потом обратно с бензином. По дороге обещал показать пару мест в городе, где можно расклеить объявления об аэрошоу и полетах.

— И… просто мысль пришла в голову, так что вы вправе отказаться… Если вы ищете пристанище, буду рад предложить вам ночлег.

— Да вы что! Потрясающе.

— А вы завтра покатаете Мэриен и ее брата.

— Конечно.

— А вы, дядюшка Уоллес? — пропела Трикси. — Вы разве не хотите полетать?

* * *

Для Мэриен присутствие гастролеров преобразило дом. С одной стороны, она испытывала незнакомое стеснение за его обшарпанность, полагая, что авиаторы наверняка привыкли к лучшему в жизни. С другой стороны, теперь, когда тут находился Феликс, дому, казалось, открылись сияющие возможности. А у него внутри есть животное? Он тоже хватает Трикси, рычит, у него перекашивается лицо? Она держала его за волосы, чувствовала его плечи между своими бедрами. Хворостинка. Она правда хворостинка? При мысли о Феликсе Мэриен начинала дергаться, нервничать. Она уже таскала его на двор показать машину Уоллеса, поднимала капот, демонстрировала заплатки и крепежи, которые придумала в моторе. Любезный Феликс все время подмигивал и вроде был искренне впечатлен ее автомобильными познаниями. Ей нравились его усы и аккуратная, перетянутая ремнем бриджей талия. Когда он принимал ванну, она проходила мимо чаще, чем требовалось, однажды, притор-

мозив и прижав ухо к двери, слушала редкие короткие всплески.

Разумеется, тут же появилась Трикси. Она надела поношенное мешковатое синее платье, вероятно, из крошечного чемодана, ее единственного багажа. Заметив Мэриен, Трикси остановилась и улыбнулась дрогнувшей, прокисшей улыбкой. Волосы, на сей раз не покрытые косынкой и влажные после ванной, были коротко подстрижены согласно моде, что не шло к ее длинному лицу. Губы она намазала темно-красной, почти лиловой помадой, глаза и брови подвела карандашом. Все это ей не шло. Без рабочего комбинезона она стала только хуже.

— Чего доброго, можно подумать, что ты подсматриваешь, — фыркнула Трикси.

— Я проверяла, есть ли там кто.

Брови поднялись, лиловый рот сжался:

— Любопытство до добра не доводит.

Непросто было объяснить вспыхнувшую между ними враждебность. Мэриен вытерпела колкости, не дрогнув, и стояла, прижавшись спиной к двери в ванную (слабый плеск, тихий кашель), пока Трикси, поправив волосы, не ушла.

* * *

Кроме Джейми, перед которым стояла печеная картошка, на ужин все ели приготовленное Берит жаркое из дичи.

— Ты не любишь жаркое? — спросила Трикси у Джейми.

— Он не ест мяса, — ответила Мэриен.

— Да у него и зуб-то нет, — хмыкнул Калеб, явившийся без предупреждения и без приглашения, что делал частенько. — У него там только нёбо. Поэтому и жует одну картошку. Расплющивает ее языком.

Мать Калеба часто тратила все деньги на выпивку, а он, когда было лень добывать себе пропитание, появлялся у Грейвзов за столом. Берит кудахтала над ним, кормила кусковым сахаром, очищенными фруктами, полными ложками варенья. Думая, что никто не видит, гладила по длинным волосам, чей обсидиановый блеск отвечал чему-то неожиданному в ее упорядоченной скандинавской душе.

— Нет зубов, — поправил Уоллес. Несвойственная ему строгость проявлялась в том, что он вечно исправлял грамматические ошибки.

— Нет зубов? — переспросила Трикси.

— У Джейми прекрасные зубы, — сказал Уоллес. — А у Калеба несколько странное чувство юмора.

Трикси бросила неодобрительный взгляд на Калеба и обернулась к Джейми:

— Не ешь мяса? Почему?

— Противно, — ответил тот.

— Он хочет сказать, противно с духовной точки зрения, — уточнил Уоллес. — Убивать животных для того, чтобы их есть.

— Почему все отвечают за милого мальчика? — удивилась Трикси. — По-моему, у него есть не только зубы, но и язык. Какой ты милый, — обратилась она к Джейми. — Прямо нежный агнец.

Обиженный Джейми не отрывал взгляда от картошки. Калеб смеялся. Уоллес рассказал, что слышал по радио, как молодой пилот Чарлз Линдберг утром вылетел из Нью-Йорка, намереваясь первым в истории пересечь Атлантический океан. После обеда его видели над Ньюфаундлендом.

— Говорят, сейчас он где-то над океаном.

— Над океаном, если ему повезло, и в океане, если нет. — И Трикси усмехнулась, как будто удачно сострила.

— Будь этот Линдберг постарше, — сказал

Феликс, — я бы назвал его самоубийцей. Но он ребенок, так что просто чертовски глуп. Оцениваю его шансы тысяча к одному.

Мэриен попыталась представить океан, но у нее ничего не получилось. Она вспомнила синеву из атласа, рассказы из отцовских книг, но огромность не давалась.

В столовой были флоковые обои и овальный стол с разномастными стульями. В серванте со стеклянными дверцами, где обычно выставляют серебро и хрусталь, хранились собранные Мэриен и Джейми непомерно разросшиеся коллекции камней и костей. Из простой бутылки объемом в пинту Уоллес налил Феликсу и Трикси что-то коричневатое (самогон, окрашенный нерафинированным сахаром, хотя, если угодно называть это виски, ради бога).

— Как вы научились летать? — спросила Мэриен Феликса, чьи волосы еще не просохли после ванной.

Брейфогл вырядился в слишком просторную для него одежду Уоллеса, поскольку их с Трикси вещи Берит постирала и развесила на веревку.

— Во Франции, — ответил он. — В войну. Я хотел летать, а французы были готовы брать американских добровольцев и учить их.

— Я бы хотел посмотреть войну, — брякнул Калеб.

Феликс покосился на Калеба, и вдруг между ним и остальными пролегла дистанция, он будто отстранился от стола и перенесся в другое место.

— Феликс не любит говорить о войне, — заметила Трикси.

Внимание Феликса, похоже, вернулось в столовую:

— Я решу, о чем мне говорить, спасибо.

Он обучался на юге, рассказал Феликс, недалеко от города По. А когда закончил, его откомандировали в эскадрилью, состоявшую из американцев, в Люксей, где расквартировали на вилле возле курорта. В нелетную погоду пилоты отмокали в горячих ваннах или играли в карты и пили. А когда небо было ясным, на бреющем полете отправлялись в разведку или гонялись за наблюдательными аэростатами — огромными серыми водородными бегемотами, покачивающимися над линией фронта.

— Лучше всего с ними разделаться, подлетев поближе и выпустив очередь из пулемета, но, взорвавшись, они, скорее всего, прихватят тебя с собой.

Феликс видел людей, которых разрывало

на куски, разносило снарядами в клочья, подбрасывало на колючую проволоку и их съедали крысы. Раненых, которые ползли и ползли. Куда, по их мнению, они могли доползти? Они пытались оттащить себя от боли. Чтобы человеку умереть, существует куда больше способов, чем он раньше думал.

Однажды в ангар аэродрома бог знает откуда забежала лошадь без всадника, может, приняв его за конюшню. Она страшно горела. Они пристрелили бедное животное, чтобы сократить его мучения.

— А один раз, — продолжил Феликс, — я выстрелил в немца, двигатель загорелся, а пилот вылез на крыло и прыгнул. В огромном коричневом меховом пальто он напоминал падающего с неба медведя. Парашюта у него не было. Он решил лучше разбиться, чем сгореть. Наверное, я поступил бы так же. Его пустой аэроплан какое-то время еще летел, потом развалился.

Уоллес незаметно долил Феликсу.

— И все-таки, — подытожил тот, подняв стакан, — лучше это, чем то, во что ввязался Линдберг.

* * *

Брейфоглы выбрали флигель и его единственную кровать над верандой. После ужина Калеб ушел в ночь, а Джейми и Мэриен отправили наверх, чтобы и духу их не было. Они забрались на кровать Мэриен — рыжая енотовая гончая спала в ногах, — встали на колени и стали смотреть в окно, как Феликс в сумерках сидит на ограде загона Фидлера и курит. Когда к нему подошел мерин, он протянул руку и погладил старика по щеке.

— Представь, у тебя есть аэроплан и ты можешь полететь куда угодно, — сказала Мэриен.

— Зачем он рассказал нам про горящую лошадь?

Обычно присутствие Джейми давало Мэриен ощущение симметрии, правильности, уравновешенности. Без него она казалась себе слишком легким каноэ, предоставленным на милость течения. Джейми более спокоен, менее импульсивен. Балласт. Строго говоря, он не являлся ее частью, но и не был кем-то совершенно другим, как Уоллес, Калеб, Берит или кто угодно.

Однако сейчас она очень хотела от него избавиться, желая думать не о горящей лошади,

а только о Феликсе.

— Ты тут ничего не поделаешь. Выбрось из головы.

— А знаешь, — запальчиво воскликнул Джейми, — иногда мне хочется, чтобы людей вообще не было! Правда.

— Люди тоже гибли. — Мэриен погладила спящего пса, пошевелившегося и развалившегося сбоку от нее, задрав лапу и обнажив пузо. — Миллионами. Разве нет?

— Но лошади не понимали, чем они виноваты.

Джейми не очень утешал вид собственной лошади, которая в тихий вечер стояла на дворе, вела безоблачную жизнь, потому что он слишком ясно представил себе панику и растерянность Фидлера, если бы того подожгли, если бы он бежал и не мог убежать от боли.

— Интересно, почему он на ней женился? — спросила Мэриен, не сводя глаз с Феликса. — Не очень-то она и красивая.

— Какая разница? — ответил Джейми. — Все равно мы их больше не увидим.

Мир за окном — опрятная конюшня, флигель, опаловое небо — вдруг ударил Джейми, будто это иллюзия, коварный покров, под которым бурлит страдание и смерть. И оттого, что Мэриен так

не думала, оттого, что, упершись подбородком в кулаки, а кулаками о подоконник, лишь задумчиво смотрела на незнакомца, мечтая улететь из дома, где им так надежно, ему стало страшно одиноко.

Он пожелал ей спокойной ночи и пошел к себе, за ним поплелась гончая. Пес запрыгнул на кровать, свернулся и угомонился. Все в животном требовало любви: длинные мягкие уши, черная шерсть с рыжими вкраплениями на боках, то, как он уютно прикрыл хвостом нос. Джейми не мог примириться с огромностью страдания в мире. Это выражалось в том, что в сердце поднималась волна жара, начинало покалывать, а в голове становилось легко; не острое, но непереносимое ощущение. Можно было только прогнать его, но, даже обращая мысли на другое, он не избавлялся от него, как человек, живущий у плотины, осознает: по ту сторону его ждет наводнение.

Чтобы успокоиться, Джейми достал из-под подушки блокнот и, усевшись по-турецки, начал рисовать пса.

* * *

Мэриен легла в постель, но спать ей не хотелось. Она думала о Феликсе, перебирала коллекцию воспоминаний дня: его загорелые предплечья, мозолистые руки, запах мыла после ванной, плечи под ее бедрами. Между ногами у нее что-то сдавило. Она положила туда ладонь и испугалась тому, как внутри, словно одуванчик, на который сильно дунули, взорвался шар искр.

Тихие голоса внизу. Она выскользнула из-под одеял, просочилась в дверь и по-обезьяньи спустилась по перилам, чтобы не заскрипели ступеньки. На веранде, за желтым пятном света с кухни сидели Уоллес и Трикси. Мэриен подкралась к открытому окну.

— А откуда все вещи во флигеле? — спросила Трикси. — Феликс так заинтригован.

— Моего брата, — ответил Уоллес.

— Следует ли мне заключить, что он вроде исследователя?

— В известном смысле.

— Он умер?

— Не знаю. Вряд ли. Мэриен любит ходить туда читать.

— Она влюблена в Феликса, — задумчиво сказала Трикси. — Славная девчушка. И головастая. Только, боюсь, она решила, мы с ней соперницы.

— Потому что у нее нет матери. Она не знает, как быть с женщинами.

— Феликс нравится женщинам, ваша девочка не исключение. Я уже устала их отбивать.

— Он, кажется, достаточно привязан к вам, не то что я много в этом понимаю.

— Думаю, да. Достаточно.

Чиркнула спичка. Выдулось облачко дыма.

— Скажите, должно быть, странно иметь детей, свалившихся на вас с неба. Сколько они уже у вас?

— С младенчества.

— Вы очень добры, раз взяли их.

— Нет. Долг. Будь я добрым, я бы… не знаю. Не знаю, что бы я делал. Уделял бы больше внимания. Был бы добрее.

— Я бы подкинула их на церковную паперть. В тростниковой корзине, как Моисея.

— Ох, по-моему, Моисея оставили в корзине в зарослях тростника.

— Все равно, я бы нашла тростник.

Кожу у Мэриен закололо, как будто она сгорела на солнце. Она тихонько поднялась по лестнице,

нещадно виня себя за то, что никогда не думала об огромной ответственности, которую отец возложил на Уоллеса. Как она могла быть такой дурой? Как можно было не понять — Уоллес не хотел ее и Джейми? Он просто слишком добр и никогда не давал этого понять. Она забралась на кровать и посмотрела на освещенное окно флигеля. Навернулись слезы, но Мэриен их сморгнула. Сколько помнила, она собиралась уехать из Миссулы, как только вырастет, но теперь ее решимость встала в пазы и натянулась парусом.

* * *

Утром Уоллес отвез всех на летное поле, и, когда Брейфоглы закачали воздух в шины и заполнили водой радиаторы, трое Грейвзов увидели, как «Дженни» Феликса затряслась по испещренной барсучьими норами траве. Феликс рулил, сидя в задней кабине, а Трикси неподвижно сидела в передней. Когда они пролетали низко над городом, Трикси вылезла на нижнее крыло, ухватилась за расчалку и изо всех сил начала кричать в мегафон голосом ярмарочного зазывалы:

— Летающие Брейфоглы! Только сегодня! В честь Линдберга специальная цена, четыре

доллара за полет! Приходите! Фигуры высшего пилотажа за два! Прыжок с парашютом всего два пятьдесят!

Когда они вернулись и приземлились, Трикси велела Мэриен залезть в переднюю кабину своего аэроплана.

— Обе дамы в небесах, — сказала она скорее Уоллесу, чем Мэриен, которая тщетно пыталась скрыть разочарование, что летит не с Феликсом.

Трикси надела кожаный шлем и защитные очки, но Мэриен осталась с непокрытой головой, полностью отдавшись на волю неба, как и хотела.

* * *

К моменту приземления Линдберг провел в воздухе тридцать часов и тридцать минут и не спал пятьдесят два часа. Пытаясь не заснуть, он летел так низко над водой, чтобы чувствовать соленые брызги. Волны поднимались из темноты, как борозды, сами пропахивающие себя в черном поле.

Он в замешательстве кружил над аэропортом Ле Бурже. Яркие извилистые потоки света текли из желтого озера Парижа, оплетали то, что должно было быть запертым на ночь пустынным пятачком поросшей травой земли. Автомобили,

разумеется. Сотня тысяч людей двинулись в Ле Бурже, чтобы посмотреть, как он приземлится.

Сразу после того как Феликс и Трикси закончили представление и Феликс совершил отчаянный прыжок с парашютом, известие о благополучном прибытии Линдберга в Париж достигло Миссулы. Феликс, опустившись на землю, складывал парашют, когда зазвонили церковные колокола и завыли сирены. Толпа на летном поле заволновалась, послышалось: «Линдберг! Линдберг!», но никто точно ничего не знал, пока не подъехал человек в небольшом автомобиле, гудя клаксоном и крича:

— Он приземлился! Он приземлился в Париже!

Люди обнимались, бросали в воздух шляпы и носовые платки. Во Франции толпа на аэродроме в безумном обожании чуть не разорвала Линдберга и его аэроплан на части, тысячи людей тянулись к высокому человеку и крыльям, покрытым коростой соли.

В Миссуле дорогу к летному полю заполнили автомобили, велосипеды, пешеходы. На «Дженни» хотели полетать столько людей, что с заправки пришлось вызвать грузовик, поддерживавший Брейфоглов топливом до самого захода солнца. Все старались быть ближе к аэропланам, к небу,

посмотреть на город сверху и вообразить себя Линдбергом (самому ему наконец-то позволили заснуть в парижской резиденции посла, а странная судьба уже тащила его дальше).

Но утром, когда Мэриен только собиралась в полет с Трикси, Линдберг был еще где-то над Англией.

— Выключи зажигание! — крикнул Феликс, стоя перед аэропланом.

— Выключила! — откликнулась Трикси из задней кабины.

Феликс взялся за пропеллер и пару раз прокрутил его. Потом ухватился крепче и уперся ногами.

— Включай!

— Включаю!

Феликс еще раз крутанул пропеллер, на сей раз изо всей силы. Несколько коротких всплесков рваного звука, как будто кто-то тасовал карты, и двигатель завелся. Облачка дыма, едкий запах. Затем ритмичное ворчание: вращающийся коленчатый вал, барабанный стук пропеллера. В оконное стекло Мэриен увидела, как его лопасти смазались до невидимости. В кабину ворвался ветер. Аэроплан вибрировал, ему не терпелось взлететь. Она крепко затянула на бедрах

широкий пристяжной ремень.

Они покатились вперед, набрали скорость, запрыгали по рытвинам и кочкам, потом нос опустился, тряска прекратилась, осталось одно скольжение, трава превратилась в размытое пятно. Давление снизу, из-под крыльев. Аэроплан поднимался. Ручка управления, рычаг газа, педали в кабине, где сидела Мэриен (которые Трикси запретила ей трогать), двигались, будто ими манипулировал призрак. Земля отвалилась.

Люди и автомобили перемещались по улицам Миссулы, будто фигуры в непонятной игре. Над рекой, ухватив когтями рыбу, быстро пролетела скопа. Над долиной Трикси резко пошла вверх и без предупреждения сделала сначала бочку, а потом петлю. Высоко над горами она ринулась вниз и загнала аэроплан в штопор. Долина завертелась вокруг них, иначе зашумел двигатель, загудели расчалки, капли горячей воды из радиатора жалили Мэриен в лицо. Трикси вышла из штопора, опять взмыла вверх, поднялась повыше и, опустив нос, вошла в пике. Мэриен понимала, Трикси хочет ее напугать, заставить отказаться от желания летать, но, когда снизу надвинулась земля, внутренности втиснулись в ребра, а тело — в сиденье, испытала лишь

легкость.

Миссула
Октябрь 1927 г.
Через пять месяцев после приезда и отъезда Брейфоглов

— Джейми, — сказала Мэриен, — мне нужно, чтобы ты меня постриг.

Тот лежал на кровати с томом рисунков Одюбона, который Мэриен запретила ему выносить из флигеля. Книгу она увидела с порога, но не стала заострять на этом внимание. В одной руке у нее были длинные ножницы Берит, и она протянула их Джейми:

— Пожалуйста.

— Как постричь?

Она перекинула из-за плеча косу и двумя пальцами показала, будто отстригает ее до основания:

— Вот так.

Вид у Джейми был испуганный:

— Берит нас убьет.

— Но обратно не приклеит. Я могу и сама.

— Ну и давай.

— У тебя лучше получится.

Значит, она не хотела решать одна, ей нужен был сообщник.

— Я никогда никого не стриг.

— Но ты же знаешь, как должно выглядеть.

— Нет, не волосы.

— Ну, пожалуйста.

— Нет!

Одной рукой Мэриен натянула косу, а другую, с ножницами, завела за голову.

— Ты не сделаешь этого, — испугался Джейми.

Когда кромки ножниц со скрежетом сдвинулись, на запястье Мэриен выступили сухожилия. Бледная коса перекинулась на руку, как мертвые цветы. Она потрогала изуродованный затылок, нащупала коротко выстриженное место, вокруг которого сорняками торчали длинные пряди. Остальное лохмотьями упало вперед, на уши. Она хотела гладкости, легкости, но не такого. Любопытство на лице Джейми мешалось с ужасом.

— Ну, вот и сделала, — сказал он.

— Ты не помог! Ты должен был мне помочь! — запальчиво крикнула Мэриен и, беспомощно пыхтя, помчалась вниз по лестнице, потом к флигелю.

Она полагала, Джейми обязан потакать ее прихотям. Брат обязан был понять, она исполнена неколебимой, бесповоротной решимости, потому и просит. Мэриен и резанула отчасти,

наказав его за сомнения в том, что она доведет дело до конца.

Во флигеле Мэриен уселась в кресло и осторожно погладила затылок. Плакала она редко и только если знала, что ее никто не видит (утром, когда ушел отец, она заплакала, лишь отъехав на Фидлере по берегу Рэттлснейка), но сейчас уронила несколько слез. Потом утерла нос и встала разжечь печку. Мэриен знала, Джейми скоро придет ее утешить и все опять будет хорошо. С потолка флигеля, раскачиваясь, свисала эскадрилья аэропланов из картона и папиросной бумаги. После отъезда Брейфоглов она прочла все, что могла найти в симпатичной кирпичной библиотеке Карнеги Миссулы о пилотах и полетах. Линдберг заразил всю страну авиалихорадкой; кроме колонок в газетах, как грибы, появлялись новые издания. На задней стороне обложки одного журнала, обещавшей «Истории об отважных полетах и воздухоплавании», она нашла инструкции и шаблоны для изготовления модели биплана «Стэндед». Первый вышел не слишком хорошо: крылья оказались скрючены и в отпечатках измазанных клеем пальцев; опоры шасси горбились; но она клеила еще и еще, обращая на них все тщание, с которым ей так хотелось бы

повозиться с настоящими летательными аппаратами, и наконец модели стали идеальными.

В какой-то момент, в первые недели после отъезда Брейфоглов, когда она, прикованная к земле, тосковала во флигеле, погруженная в пьянящие воспоминания о кружащейся внизу долине, о гармонии оснастки аэроплана, до нее дошло очевидное: она не может стать пилотом сейчас. Нужно подрасти. Ненамного, так ей представлялось, но не в тринадцать. Может, в четырнадцать или пятнадцать. Наверное, тогда она будет достаточно взрослой, чтобы эти намерения не показались смехотворными. Понадобится инструктор, аэроплан, но она не сомневалась, что все как-нибудь образуется. И еще одно простое обстоятельство пришло ей в голову: если уж она не могла заплатить за полет, то точно не сможет оплачивать настоящие уроки. И Мэриен начала искать более надежный, чем мелкие кражи, доход. Шестнадцать — возраст для настоящей работы; четырнадцать — если у тебя есть школьный аттестат, который она не получила. В библиотеке ей будут платить по десять центов за каждую тележку расставленных книг, но столько тележек там не наберется. Фермеры не возьмут девочку собирать яблоки или доить коров, когда за такой

работой гоняются мальчики. Возможности ограниченны, но она их найдет, поскольку должна стать пилотом. Мэриен не понимала, как другие не видят, кем она станет, почему на ней, вроде яркого наряда, незаметно ее будущее. Вера в то, что она будет летать, напитывала ее мир, представала совершеннейшей истиной.

Во флигель пришел Калеб, не Джейми. Она заснула в кресле, а когда проснулась, он стоял над ней с утыренным Одюбоном под мышкой. Волосы сзади были заплетены в косу толще той, что она отрезала. Рассмотрев ее затылок, он рассмеялся — громко, хрипло, вышло почти ржание.

— Что ты наделала?

— Я хотела коротко.

Она очень боялась, что он спросит почему. Объяснить невозможно. Потому что недавно у нее на груди начали подниматься нежные холмики? Потому что она читала в одной из отцовских книг про то, как женщины, становясь послушницами в монастыре, бреют головы, и хотела пометить себя в знак серьезности намерения летать? Потому что хотела отбросить все лишнее, приобрести плавные очертания, чистоту, быстроту?

Калеб не спросил почему. Он отложил книгу.

— Ты плакала, потому что у тебя теперь нет

волос или потому что ты плохо их постригла?

— Я не плачу.

Калеб снисходительно улыбнулся. Мэриен провела рукой по голому затылку.

— Потому что я плохо их постригла. — Когда она поняла, что это правда, ей стало легче. — Ты не поможешь?

— Ну, хуже не сделаю. Джейми слишком напуган, поэтому не пришел попробовать.

Они расстелили на полу газету, и она уселась в центре. Осторожно, медленно, с расческой и одними кончиками ножниц, Калеб принялся за дело.

— Иногда я стригу Джильду, — сказал он.

— Правда?

— Просто подравниваю кончики. Мне не доводилось начинать с такого дурдома. Насколько коротко?

— Как у мальчика.

— Я мальчик, а у тебя таких длинных никогда не было.

— Ты меня понял. По-настоящему коротко.

— Ладно. — Он продолжал стричь. — Знаешь, поскольку ты и одеваться начала под мальчика, тебя и будут принимать за мальчика.

— Ну и здорово.

— Не хочешь быть девочкой?

— Ты, что ли, хочешь быть девочкой?

— Разумеется, нет.

— Ну вот.

— Но иногда мне хочется быть совсем белым.

Она чувствовала холодный металл на шее, поскребывание расчески, неторопливые прикосновения подушечек его пальцев.

— А почему бы тебе тогда не отстричь косу?

— Короткие волосы не сделают меня белым.

— Нет, но длинные волосы тебя отличают еще больше.

— Я никогда… Мне не стать совсем белым, поэтому смысла нет. Мне плевать, что думают, и всем об этом должно быть известно.

— Значит, не плевать.

— Нет, плевать.

— Нет, не плевать. Тебе важно, чтобы все знали: тебе на них плевать.

— Ладно, может быть. Чуть-чуть.

Через минуту Мэриен призналась:

— Может быть, я отстригла волосы потому же, почему ты их не стрижешь.

— Может быть.

Тишина, одни ножницы.

— Я как-то слышал историю про женщину,

которая вправду превратилась в мужчину, — сказал Калеб.

— То есть — вправду превратилась в мужчину?

— Она была ктунаха. Мне рассказал один старик в Шактауне. В общем, сто лет назад жила женщина, она вышла замуж за торговца каравана, но из-за совершенной неуправляемости ее прогнали. Тогда она вернулась к своим и заявила, что белые мужчины превратили ее в мужчину. И стала мужчиной.

— Нельзя просто так взять и стать мужчиной.

— Она даже женилась. И еще давала себе разные имена. Я помню только Гризли-Сидящий-в-Воде.

— А потом?

— Твердила, что она пророк. Приставала ко всем не по делу, в конце концов ее убили и вырезали сердце. — Калеб опустил ножницы. — Конкурс красоты ты не выиграешь, но лучше, чем было.

Мэриен провела рукой по затылку. Ровнее.

— Здесь нет зеркала.

— Ты мне не веришь?

— Зеркалу я поверила бы больше. — Она встала и попыталась поймать свое отражение в окне. Разглядеть удалось только маленькую голову,

круглую и светлую. — С другой стороны, все будет лучше прежнего.

Калеб, вдруг оживившись, сгреб газету и, скомкав, бросил в печку.

— Тебе не интересно, какова моя цена за стрижку?

Где-то глубоко защекотали нервы. Они уже несколько лет не играли в его игры, но в нем появилась та же покалывающая нервозность. Игры в плен, игры, где по правилам надо снимать одежду, трогать.

— А ты не можешь просто сделать другу одолжение?

— Могу, конечно. Изредка. Я сделал тебе уже тысячу одолжений.

Из печки пошел едкий запах.

— Зачем ты бросил волосы в печку? — спросила Мэриен. — Воняет.

— Короче, цена — поцелуй.

Поцелуи никогда не были частью их игр. Она рассмеялась, ужаленная сильнее, чем если бы он предложил ей раздеться догола.

— Не то что я тебя люблю, — сказал Калеб. — Просто хочу потренироваться на тот случай, когда у меня будет настоящая девушка.

— Большое спасибо.

— Не за что. Плати.

Мэриен не двинулась, и он, раздраженно вздохнув, подошел к ней, глядя смело, насмешливо. Казалось невозможным, что они сейчас прижмутся друг к другу губами, однако это случилось. Точнее, прижался Калеб, сильно. Мэриен, крепко стиснув губы, отпрянула. Калеб усмехнулся:

— В следующий раз, когда тебе нужно будет постричься, придется целоваться получше.

— В следующий раз, когда мне нужно будет постричься, я пойду к парикмахеру.

— Кто-то же должен научить тебя целоваться.

— И вовсе не должен.

— Не будь трусихой.

— Я не трусиха.

— Еще какая трусиха. Вся дрожишь. Я же вижу.

Как бы она хотела, чтобы дрожь прекратилась.

— Может, просто не хочу тебя целовать.

Опять ухмылка:

— Не-а, не то.

Когда Калеб ушел, она уселась, гладя голову. Между ногами сдавило. Она положила туда кулак. Искры, как пушинки одуванчика. Так она трусиха? Мэриен точно не понимала, страх это или только смущение. Ответив на поцелуй Калеба, она бы признала тем самым, что хочет це-

ловаться, в принципе хочет. А она хочет? Опять давит. И вдруг прозрение: она боится не столько целоваться, сколько признаться самой себе.

Мэриен опять положила руку на остриженную голову, чувствуя, как в ней зашевелилась гордость, смешанная с нарастающим давлением, похожим на болт, вкручивающийся в гайку. Стрижка — декларация, а никакое не признание. И все должно быть декларацией, а не признанием. Она перенесла вес на кулак, будто села верхом, покачнулась на нем. Оказалось недостаточно, и она взгромоздилась на подлокотник кресла. Мэриен думала о мужчине-животном, уткнувшем лицо между ног Джильды, о Феликсе Брейфогле, держащем ее за голени, о губах Калеба, подстегивала себя, пока наконец все мысли не исчезли.

Неполная история Гризли-Сидящего-в-Воде

Ок. 1790–1837 гг.

Она появляется на свет в конце восемнадцатого века, там, где позже будет Айдахо, сразу за зимней стоянкой ктунаха. Выпадает из матери, которая всю ночь шла и приседала, шла и приседала, и морозный рассветный воздух бьет ее так, что она кричит. На вид обычная девочка.

История обрывочная, противоречивая, смесь слухов белых людей и коренного населения, створоженная почти до мифа.

Когда подходит время выходить замуж, ей тринадцать; она вспыльчива; у нее широкая кость. Она знает, как находить и готовить пищу, плести из тростника половики, тысячу других вещей. Но ни один мужчина не хочет ее в жены. В негодовании она продырявливает каноэ «осетровый нос», принадлежащее мужчине, который ей нравится больше остальных.

Поблизости проходит группа белых мужчин, группа торговца и картографа Дэвида Томпсона. Ночью девушка покидает место стоянки и идет

через леса.

Утром слуга Томпсона по имени Буавер выбирается из палатки и обнаруживает туземку, которая неотрывно на него смотрит. Сначала он боится, что это привидение, но девушка падает на колени и по камням, по грязи ползет к нему. Буавер всю жизнь ждал женщину, которая вела бы себя именно так.

Новая жена Буавера — девушка, вышедшая из леса, — поначалу не в тягость. Она хлопочет, помогая в лагере, хлопочет в постели Буавера, никогда не устает. Когда мужчины уже едва передвигают ноги, она весело бежит между деревьев. Быстро учит английский и немного французский. Смеется, когда мужчины, стреляя в животных, промахиваются. При переходе через реку безо всякого смущения снимает одежду и заходит в воду, бесстыдно отвечая на взгляды мужчин.

* * *

У многих людей Томпсона жен нет, а мадам Буавер щедра и услужлива, сильна и вынослива. Ее хриплый смех каждую ночь доносится из разных палаток, хоть Буавер и бьет ее или пытается бить. Она бьет в ответ, после чего у него синяки под глазами и разбитые губы, не хуже, чем ее

собственные.

Она должна уйти, говорит Дэвид Томпсон. Он боится, что Буавер убьет ее, и не хочет неприятностей. Она должна вернуться к своим.

Она опять идет по лесам, не зная в точности, где ее племя. Искать приходится довольно долго. При помощи ружья, прихваченного у белых мужчин, она охотится и добывает пищу. Пробираясь между деревьями, представляет себя воином; мысль напрашивается сама собой. Даже не мысль — правда, просто раньше никем не замеченная.

Воссоединившись с ктунаха, она объявляет, что, оказывается, белые люди, обладая сверхъестественными способностями, превратили ее в мужчину.

Она начинает одеваться как мужчина, и этот мужчина дает себе прозвище — Ушедший-к-Духам. Он охотится и ловит рыбу, отказываясь выполнять женскую работу. Заводит лошадь, чтобы ходить с ружьем, и просится в набеги. Воины прогоняют его, но он не отстает, в темноте устраивается на ночлег сразу за их кругом. В сражении добывает трех лошадей и два скальпа. Очень неплохо.

Мужчина хочет жену. Ушедший-к-Духам

подкатывает к девушкам, умеющим находить и готовить пищу, плести коврики, но они его не хотят. Он неистовствует, безумствует. Кричит, что сверхъестественные способности белых людей перешли на него, что стоит хорошо подумать, прежде чем ему перечить, поскольку кто знает, какую кару он может наслать.

Слово — «бердаш». Не идеальное, даже не близкое по смыслу: французское название катамита, мальчика, находящегося на содержании у взрослого мужчины, происходит через искаженные испанское и итальянское от древнеперсидского слова, означающего «раб». Белые звероловы, торговцы, исследователи еще со времен первых набегов на индейцев встречали людей, которые не вполне мужчины и не вполне женщины. Как их назвать? Кто-то забытый, пожав плечами, предложил чудом сохранившееся в памяти оскорбление, которое мать, когда он еще жил в Монреале, бросила его старшему брату. Слово разошлось, закрепилось.

Ушедший-к-Духам появляется в дневниках торговцев и исследователей и снова пропадает. Он одаряет коренное население пророчествами. Все начинается как обычное хвастовство. Он утверждает, что не просто превратился из жен-

щины в мужчину, но что у него есть и другие сверхъестественные способности. Например, дар пророчества.

Тогда дай нам пророчество.

Хорошо. Например, придут великаны. Скоро. Они перевернут землю и закопают все племена. Еще придет оспа. Опять. Ее несут белые люди. Опять. Но, к счастью для вас, Ушедший-к-Духам знает, как защититься. Ритуалами. За умеренную цену.

За ритуалы испуганные люди несут ему дары, но поскольку им не нравятся его пророчества, то не нравится и он сам.

Популярность Ушедшего-к-Духам растет, когда он начинает предсказывать про великого белого вождя, разгневанного на других, не таких белых мужчин, на тех, с кем они встретились. Вождь велел белым мужчинам отдавать сокровища, а не торговать ими. Скоро в извинение он пришлет богатства и дары, а тех накажет за жадность. Скоро.

Он знакомится с женой. Та сидит у озера, не выполняет никакой работы, и столь странное зрелище — женщина, которая ничего не делает, — наводит его на мысль, что у нее нет мужчины. Во время беседы он бросает в воду камушки.

Ее оставил муж. Она думает, как теперь быть.

— Хочешь нового мужа? — спрашивает Ушедший-к-Духам.

Он уже смастерил фаллос из кожи буйвола, который, как он полагает, обманет жену, но та не обманывается. Она, как и он, громко смеется, она, как и он, задира. В первую ночь она выхватывает у него искусственный член и смеется над его размером. Он не успевает остановить ее, и она, задрав ему рубашку, смеется над его грудями. Он прижимает ее к себе и придумывает потереться, обоим нравится.

Она присоединяется к нему, они переходят с места на место, пророчествуют. Она рассказывает кому-то про фаллос из буйволиной кожи, и скоро о нем известно всем. Ушедший-к-Духам подозревает ее в сношениях с другими мужчинами и бьет, хотя она все отрицает, повторяя, что сдался ей пенис. Разве она непонятно объяснила?

Они прибывают на орегонское побережье, в Асторию.

Торговцы Астории отмечают в дневниках прибытие мужа и жены, одетых, как индейцы Великих равнин, в кожаных рубахах, мокасинах и лосинах. Муж говорит по-английски и по-французски, немного на кри и алгонкинских, на дру-

гих туземных языках, но не знает ни одного языка побережья. Он поражает жителей Астории, рисуя точную карту рек и гор на востоке. Если кто-то приближается к его жене, приходит в ярость, даже хватается за нож. Играет в азартные игры. Не умеет пить. Учит прибрежные языки.

В какой-то момент появляется Дэвид Томпсон. Черт меня подери, восклицает он, ведь это мадам Буавер.

Жители Астории чешут в затылках, не понимая, как же они не увидели. Ушедший-к-Духам тянется к ножу, но на самом деле рад, что опять встретил того белого человека, что имеет возможность показать ему: он больше не в его власти.

Июль 1811 года. В Астории принимают решение пойти по реке Колумбия: Томпсон собирается обратно в Канаду; жители Астории намерены основать факторию в глуби материка; Ушедший-к-Духам предлагает свои услуги в качестве проводника.

В один прекрасный день, поднимаясь по реке, группа наталкивается на четверых человек, поджидающих их с семью огромными лососями на продажу. Сквозь нижние челюсти рыб продеты шесты, покоящиеся на плечах мужчин; хвосты метут землю. «Правда, что вы несете оспу? —

спрашивают рыбаки Дэвида Томпсона, бросая мрачные взгляды на Ушедшего-к-Духам. — И еще ведете великанов, чтобы закопать наши стоянки и деревни?»

Нет, отвечает Томпсон. Нет, нет и нет. Конечно, нет.

В дневнике Томпсон записывает: «Я сказал им, чтобы они не волновались, поскольку пришедшие белые люди не принесли оспы, а коренные жители сильны для жизни и… как было в дни ваших дедов, так же будет и сейчас, так же будет и в дни ваших внуков».

Но в дни их внуков ничего не будет так же.

В какой-то момент группа разделяется. Томпсон идет на север, по пути рассказывая историю бердаша — проверенный анекдот, пользующийся неизменным успехом. Жители Астории продолжают путь на восток, их сопровождают Ушедший-к-Духам и миссис Ушедший-к-Духам. Благодаря оптимистичным пророчествам хозяйство Ушедших-к-Духам разрослось и составляет двадцать шесть навьюченных добром лошадей. Как-то вечером Ушедшие-к-Духам, не сказав ни слова на прощание, уезжают, и белые люди какое-то время их не видят.

* * *

Вернувшись, Ушедший-к-Духам, приобретя новую жену, однако потеряв двадцать шесть лошадей, крутится вокруг фактории флатхедов у Миссулы. Он упоминается в дневниках белых людей как Бандош. Или Боудеш. Он приходит вместе с ктунаха, чтобы торговать мехами и покупать выпивку, от которой становится шумным. Вместо оплаты переводит с языков флатхедов и черноногих.

Одна история. Ушедший-к-Духам шел с отрядом воинов. При переходах через реки всегда отставал, но у одного воина появились подозрения. Он спрятался за деревьями, чтобы посмотреть, как тот раздевается, и увидел: у Ушедшего-к-Духам есть груди, но нет пениса, хотя он уверял, будто полностью превратился в мужчину. Ушедший-к-Духам сидит голый в воде, замечает соглядатая и, прячась, уходит вниз. Потом, когда отряд доходит до озера Панд-Орей, вождь говорит воинам, что при желании все могут взять новые имена, поскольку набеги были неудачными и нужно отвадить невзгоды.

Я буду Гризли-Сидящим-в-Воде, сказал Ушедший-к-Духам, попытавшись выгадать на непри-

ятной ситуации.

Сидеть-то ты сидишь, но ты не гризли, сказал соглядатай. Гризли-Сидящий-в-Воде выхватил нож, но, прежде чем пролилась кровь, его отпихнули.

Он становится странным вестником мира, шныряя между племенами, переводя. Бердаши — естественные посредники, они толком ни на одной стороне. (Теперь их иногда называют «два духа».)

В 1837 году отряд флатхедов окружают черноногие. Гризли-Сидящий-в-Воде передает черноногим ложное сообщение, чтобы задержать их, пока отходят флатхеды.

Догадавшись об обмане, черноногие закалывают его ударом в живот.

Другая история. Раны Гризли-Сидящего-в-Воде затягиваются будто по волшебству, и одному воину приходит мысль выдолбить ямку, дотянуться и отрезать кусочек его бьющегося сердца. Но, когда сердце уже не целое, раны перестают затягиваться сами по себе и Гризли-Сидящий-в-Воде умирает.

Значит, не было у него никаких способностей, говорят одни. Он умер, как умер бы любой. Значит, можно не обращать внимания на то, что он

говорил, так как знал не больше, чем мы.

Но я слышал, что его тело долго лежало в лесу и не разлагалось, возражают другие, ни звери, ни птицы не прикоснулись к нему. Странно, правда? Может, это что-нибудь означает?

Может быть, раздается в ответ. Возможно. Кто знает.

Грейс Келли

ЧЕТВЕРТОЕ

Незадолго до разрыва мы с Оливером надели шляпы, темные очки и отправились днем на фильм про супергероя, девятый по счету. Он видел все предыдущие, я не видела ни одного. Я сидела в темноте, жевала тугие леденцы «Ред вайнз», пока у меня не заныли передние зубы, и следила за буйными бредовыми видениями, состоящими из светящихся лиц, скачущих тел, падающих домов, сталкивающихся машин и огненных вспышек. Где-то в темном мерцающем помещении находился запертый сундук, а в нем флакон с таинственным белым светом, и тот, у кого окажется флакон, мог спасти или погубить мир.

Иллюзия в том, сказала я потом Оливеру, что ты — ты, Джо-Любитель-Кино, — тоже можешь обладать экстраординарными способностями и даже не знать об этом или в любой момент превратиться в такого человека. Но данная иллюзия не имеет ограничителей. Неуправляемые силы могут гнездиться в героических человеческих

телах или сжиматься и переноситься с места на место во флаконах и сундуках. Конец всего содержится в крошечном шарике света.

— Да, наверно, — ответил Оливер. — Но больше всего мне нравится, как история разрастается. Как бы уже не просто Вселенная, а расширенная Вселенная. А ты как бы даже не знаешь, насколько огромнее она может стать.

Не может быть расширенной Вселенной, заявила я. Вселенная или есть, или ее нет. Ничто не может быть больше бесконечности.

— Просто так говорят, — пожал плечами Оливер.

* * *

Меня вытащили на постыдную встречу с руководством студии и приговорили пообедать с Гвендолин, сценаристом «Архангела», поручив ее утихомирить. Потом, дескать, посмотрим. Все мрачно намекали на решения, которые будут приняты в перспективе. Шивон делала все возможное, чтобы защитить мое право на личную жизнь, но никто не купился. Я мрачно сидела, не говоря ни слова, а когда меня вынудили, заявила, нет, я не знаю, о чем я думала с Джонсом, нет, вряд ли мы с Оливером опять будем вместе,

и да, не самая была блестящая идея выйти из клуба через главный вход.

* * *

В Голливуде за ланчем сбываются и разбиваются мечты; во время ланча может случиться все что угодно; ланч — альфа и омега. За каждым фильмом — горы пряного тунца и океан «Сан Пеллегрино». Нет, десерта не нужно, а может, у вас есть колд брю? С миндальным молоком. Спасибо.

Когда я пришла, Гвендолин уже сидела. Ее пушистая белая собачка забралась под стул, бдительно следя за всеми ногами. Повсюду таская ее с собой, Гвендолин выбирала рестораны с патио, и наш патио располагался в заросшем внутреннем дворике гостиницы под углами тентов каштанового цвета, похожих на паруса пиратского судна. На то, как я подхожу, она смотрела без улыбки, сложив руки на коленях, при этом туфли на платформе едва доставали до пола. Росту в ней пять футов от силы, и я почувствовала себя придворным, удостоенным аудиенции у королевы-ребенка.

Рябь возбуждения, сопровождавшая меня, пока я шла по патио, должна была выбесить Гвен-

долин, хотя все только и говорили о том, какая я потаскуха, по ходу дела приноравливаясь, как бы украдкой меня снять.

— Приве-ет, Гвендолин, — медленно протянула я надтреснутым голосом любителя травки. — Привет, песик, — поздоровалась я с собакой, чьи черные глаза-пуговки горели беспокойной яростью.

В обычной ситуации Гвендолин устроила бы настоящее шоу. Встала бы, обхватила бы миниатюрными руками мои плечи, отставив на милю бедра (а я нескладно наклонилась бы над ней), и сказала бы что-то вроде: «Великолепная моя девочка!» Она всего-навсего подползала к пятидесяти, так что не знаю, почему вечно обращалась со мной, как бабушка. Но сейчас у нее был такой взгляд, будто она пыталась мысленной энергией превратить меня в камень. А может, не могла пошевелить лицом. Гвендолин начала работать над собой. Через двадцать лет будет кожаный мяч с глазницами.

— Я все знаю, ладно? — плюхнулась я на стул в ответ на ее молчание. — Все-все-все.

Нависший официант покрыл мне салфеткой колени, вручил винную карту и перечислил сорта воды.

Собака Гвендолин тявкнула, и та втащила башку с куриными мозгами себе на колени со словами:

— Он думает, что большой.

Буквально каждый человек, имеющий маленькую собаку, буквально каждый день отпускает именно эту шутку.

— Наверное, трудно быть мальчиком-с-пальчик, — сказала я, заказав водку с содовой.

— Кто-то очень занят, — поджала губы Гвендолин, когда официант ушел.

— Я? — Нахмурившись, я задумалась, а что, собственно, со мной было. — Да нет. Я типа под домашним арестом. Оливер всегда говорил, мне надо оборудовать подземный боулинг. Теперь он пригодился бы.

— Надеюсь, ты не ждешь, чтобы я тебя пожалела.

Ключ к пониманию Гвендолин: она написала книги «Архангела», намечтав свою идиотскую секс-фантазию — Гэбриела — и влюбившись в него. Она работала в ночные смены на каком-то курорте, где проводили конференции по медицинскому оборудованию и бухгалтерскому программному обеспечению, в основном сидела за стойкой, читая толстые книги в мягких

обложках про драконов и сексуальных ведьм, и придумала магический, якобы русский мир антиутопии, рассказывая самой себе истории о запретной подростковой любви. А потом решила, да пошло оно все, — и начала напридуманное записывать. Неплохое решение с финансовой точки зрения.

Еще один ключ: как и остальные полоумные сучки, Гвендолин все перепутала и, приняв актера Оливера за персонажа Гэбриела, влюбилась в него. Всякий раз, как он оказывался рядом, она загоралась бенгальским огнем, искрилась, робела, не могла сосредоточиться и беспрерывно флиртовала, причем мерзко, по-матерински. Я думаю, поскольку Оливер уже был однажды женат на женщине старше него, она считала, у нее есть шанс, но бывшая жена Оливера невероятно крута, не хуже Дэвида Боуи или Шарлотты Генсбур, возраст над ней не властен. Кроме того, Оливер познакомился с ней подростком, романтичным и чувствительным, а сейчас он кинозвезда, рассекающая с другими кинозвездами и изменяющая им с моделями, певицами, а возможно, и со случайными нормальными девушками.

— Хочу быть откровенной, — сказала Гвендолин. — Меня очень беспокоит то, как ты

репрезентируешь «Архангела».

— Не совсем понимаю, что ты имеешь в виду.

— Пожалей меня, Хэдли.

Она заговорила низким, рваным голосом, которого я никогда у нее не слышала, как будто у меня на глазах начала превращаться в чудовище.

— Просто… — И вдруг я почувствовала такую усталость, что не могла больше валять дурака. — Когда я подписывалась, мне было восемнадцать. Я не знала, куда ввязываюсь.

— Конечно, откуда знать, что станешь богатой и знаменитой, если пробуешься на экранизацию бешеных бестселлеров? Ничего подобного в мире еще не случалось.

— Знаю, но это даже не обычная знаменитость. Какое-то цунами знаменитости.

— Вряд ли стоит так легкомысленно упоминать цунами.

Материализовался официант, принеся мою водку с содовой, такой бодрый, профессиональный, как будто не видел, какая напряженная за столом обстановка, как будто не мог подгадать более неудачного момента.

— Мы готовы заказывать?

— Чизбургер без булки, — попросила я.

— Картошку или салат?

— Если бы я собиралась есть картошку, дружок, я бы попросила и булку.

Она надул губы и нацарапал что-то у себя в блокноте.

— Салат ахи без вонтонов, заправку отдельно. — Гвендолин бросила ему меню и, когда он ушел, продолжила: — Ты думаешь, я не знаю, что слава — это сложно? У моего дома круглосуточно дежурит охрана. Лезут изо всех щелей, канюча у меня деньги. Я под огромным давлением, мне очень трудно писать.

— У нас с Оливером другое. Никто не покупает журналы, потому что ты на обложке. Никто тебя не фотографирует, когда ты в машине жмешь на газ. Никого не волнует, какая ты голая, и никто с этой целью не взламывает твой телефон. В любом случае ты не под таким уж давлением, что не можешь писать. Хватит. Просто помолчи.

— Мои читатели хотят еще. Я пишу для них.

— О, ради бога.

— Без меня ты была бы никто. — Заскулила собака, чью голову Гвендолин гладила с такой силой, что прорезались белки глаз. — Лицо на упаковке с готовым обедом на дешевой распродаже. Труп из «Места преступления». Неудачница, покупающая очередные выстрелы

в голову за минет. Я создала целую вселенную. Я придумала историю на миллиарды долларов. А ты? Что создала ты?

До последнего я не знала, что сделаю, попытаюсь ли сгладить или порву все на части, но теперь наступила ясность. Я наклонилась вперед:

— Читая твои книги или даже говоря о них, знаешь, кого люди видят перед собой? Меня.

Я не подозревала, что кто-то такой маленький может выплеснуть столько злости. Она ощущалась физически. Жар и вибрация. Гвендолин превратилась в космическую капсулу, входящую в атмосферу.

— Вот, — плавно подплыл официант, — салат ахи и чизбургер. Без вонтонов, без заправки, без булки, без картошки. — Он поставил тарелки. — Я что-то еще могу вам принести, прежде чем вы начнете наслаждаться ланчем?

— Нет, спасибо. — Я одарила его самой любезной улыбкой Звезды-в-Любезном-Настроении и, когда он ушел, встала со словами: — Какой приятный, профессиональный диалог. Но, боюсь, мне действительно нужно идти.

Она посмотрела на меня в явной растерянности, не зная, как лучше излить свою ненависть. Я порылась в кармане и бросила на стол флешку:

— На память.

ПЯТОЕ

В общем, вы правильно догадались. Мы снимали на телефон Оливера, так что там куча смазанных пиханий, ноздри, подмышки, вторые подбородки, а в какой-то момент телефон вообще падает с кровати. Не лучший продукт в нашей расширенной Вселенной. Оливер все время просил тайм-аут, и тогда я сидела, крутя большими пальцами, а он снимал очередной крупный план своего прибора, как будто сам был Хичкоком, а прибор — Грейс Келли. Как только мы закончили, я хотела стереть видео, но Оливер не дал.

— Я сентиментален, — заявил он.

И у нас обоих оказались копии на флешках, которые мы заперли так, что не хакнуть.

— Взаимно гарантированное уничтожение, — сказала я, хотя, конечно, все было несколько иначе.

Ночью перед ланчем с Гвендолин я, прежде чем сделать копию, просмотрела видео. Наверное, слегка напилась и поэтому звонила Оливеру, но он не подошел к телефону. Я решила, хорошо бы куда-нибудь сходить, но не могла и подумать ни о каком «где». Я решила, хорошо бы

с кем-нибудь трахнуться, но единственным человеком, с кем мне хотелось трахнуться, оставался Алексей, чего как раз и не случилось.

— Это не я, — заявил он, когда мы закончили наш короткий тупиковый роман. — Я себе такого не позволяю.

— Ладно, — ответила я. — Хотя не могу не заметить, что позволяешь.

Я знала, Алексей отличный безжалостный агент, акула, питающаяся только деньгами, но кроме того «семейный». Он выбрал ее — свою жену — и их — сына и двух дочерей. Ну, прямо трудно поверить. Мы перепихнулись-то всего два раза. Один раз на натурных съемках в Новой Зеландии и второй, вернувшись в Лос-Анджелес. А чего я ожидала? Что он ради меня откажется от своей жизни? Подпишется на громкий скандал? Прилепится к девчонке, не окончившей колледж? Да и хотела ли я этого?

— Ты не понимаешь, — объяснил Алексей. — У меня нет презумпции невиновности. И никогда не будет. Если все выйдет наружу, ты даже не можешь себе представить, какими помоями меня зальют. На порядок хуже, чем если бы я был белым.

— Тебя волнует, что о тебе думают? — спро-

сила я.

Он посмотрел на меня, как будто я заговорила на иностранном языке, и протянул:

— М-да-а.

Наша интрижка началась в Новой Зеландии, изображавшей не столь закованную льдом резиденцию Архангела, Мурьянск, где я снималась во втором «Архангеле». Алексей приехал присмотреть за Оливером, но тот велел ему пойти куда-нибудь развлечься и не торчать на съемочной площадке. И меня отослал, так как моя смена закончилась. Оттянитесь по полной, сказал он. Алексей предложил пещеры, где надо в гидрокостюме плыть на спасательном круге и абсолютно темно, светятся только светлячки. Они живут на сводах пещер, выпускают светящиеся, как звезды, нити, привлекающие мух и комаров, которыми и питаются. Бедная мошкара думает, что летит в ночное небо, а на самом деле просто бьет крылышками, чтобы ее сожрали.

В темноте мой круг ударился о круг Алексея, и я схватилась за его холодную неопреновую руку, как одна лодка цепляется за другую. Слышно было только, как мы дышим, как капает, плещется, стеклярусом шелестит вода — все отдавалось тихим эхом. В черной воде отражались

тысячи крапинок-светлячков. Мы медленно развернулись. Я закрыла глаза, а открыв их, будто заглянула в сердце вселенной. Глаза болели, от напряженного взгляда натянулась на лице кожа.

— Тебе не показалось, — спросил Алексей в машине, когда мы возвращались в гостиницу, — что прогулка по пещере равна выходу в открытый космос? Разница несущественна.

Разволновавшись, я посмотрела на него, правда, опасаясь, как бы волнение не придало мне ребяческий вид. Но на лице Алексея отражался мой восторг, мое смущение от такого воздействия туристической ловушки. (На наших гидрокостюмах, спасательных кругах, футболках — везде красовалась надпись: «Приключение в пещере светлячков!») Наш свет светлячков заливал машину.

— Точно, — кивнула я. — Именно это и пришло мне в голову. Небо, хотя и не небо.

И я рассказала ему, что в детстве думала, будто звезды — перфорированное небо, маленькие проколы в какую-то другую, окружающую вселенную, которая только свет. А он рассказал, как его отец любил называть звезды фонариками, вывешенными прошлым, чтобы заблудшие

могли найти по ним дорогу.

— Он полагал, это очень глубокая мысль.

В тот вечер мы опоздали на ужин с Оливером, так как лежали в постели. Однако, потеряв ощущение времени, мы не занимались сексом. То есть занимались, но потом лежали и разговаривали, проводя первые, грубые, радостные раскопки широким черпаком, когда в человеке все ново и неизвестно, и лишь впоследствии придется, достав пинцеты и щеточки, кропотливо работать с хрупким, глубоко залегающим материалом. Я хотела все знать. Я хотела все рассказать. Сияние между нами стало таким ярким, что мы даже не заметили, как померк свет в комнате.

— А вы, похоже, подружились, — заметил потом Оливер в другой кровати той же гостиницы, поглаживая мне живот и пытаясь вызвать у меня интерес к сексу, что сработало, поскольку я еще была на взводе.

— Славный парень, — ответила я. — Мы хорошо провели время.

Когда я вернулась в Лос-Анджелес, Алексей спросил, можно ли приехать ко мне с обедом. Я выбрилась, засуетилась, лихорадочно решая, что надеть (обрезанные шорты, старая рубашка), перестелила простыни и отпустила Августи-

ну. Когда мы сидели у бассейна, поедая миски со злаками, которые он принес из навороченного кафетерия, Алексей сказал, надо ставить точку. Это не я, сказал он. Я себе такого не позволяю. У меня семья.

Я спросила, почему он позволил себе тогда, и получила ответ:

— Слаб.

Мой взгляд упал на авокадо и амарант в миске, на будто пергаментные бугенвиллеи, пурпурными лодочками покачивающиеся на поверхности бассейна. Задним числом мне кажется, Алексею было проще признать слабость, чем свет светлячков. Может, он уже думал о том, что его жена, если когда-нибудь узнает, простит скорее случайную спотычку или необоримое увлечение? А может, о том, с чем ему легче жить самому. А может, пока я изо всех сил рвалась к скоплению искусственных звезд, говорил чистую правду.

Я беспомощно махнула рукой:

— Если тебе так лучше.

— Не лучше. Но оно так.

Мне срочно нужно было сделать что-нибудь, что угодно, только бы отвязаться от овладевшего мной чувства, и я, подойдя к Алексею, встала у него между ног.

— Хэд-ли, — уныло протянул он, однако взял меня за ноги и прижался лбом к моему животу. Потом снял пиджак. Дреды аккуратным хвостом лежали на накрахмаленной белой рубашке. — Если честно, это запрещенный прием, — пробормотал он чуть не про себя. — Ты будто медом обмазана. Иначе…

— Иначе я была бы скучной и противной, а не искристой и изысканной.

Я посмотрела в дальний угол сада, где мой ландшафтный дизайнер, эксперт по засухоустойчивым растениям, рядами высадил ощетинившиеся заостренными листьями юкки, агавы, пальмы — размахивающие оружием марширующие солдаты.

— Интересно, сколько тут просто острых ощущений? — спросил он, гладя меня по ногам.

— Наверное, мы никогда не узнаем.

Это и был второй раз. Возможно, устроив цирк с Джонсом, я хотела ткнуть носом именно Алексея.

Дом добродетели

Миссула
Март 1929 г.
Через полтора года, после того как Мэриен отстригла волосы

День выдался теплый, и разлилось ощущение — даже не звук — скрытого таяния, невидимых ручейков под снегом. Река, не замерзавшая посередине, узкой черной полосой текла между широкими белыми берегами.

Но вечером город опять стиснуло, он затвердел. Над горами, обещая снег, нависли облака.

Развозной грузовик, боковушки которого рекламировали «Хлеб и пирожные Стэнли», с грохотом пересек железнодорожное полотно довольно далеко от центра. Сидевшая за рулем Мэриен на низкой скорости ехала по обледеневшей колее, проложенной другими колесами, уверенно выруливая, когда машина начинала скользить. Ей нельзя застрять в снегу или грязи, ей вообще нельзя привлекать к себе внимание, она необычный развозчик — четырнадцатилетняя девочка, вымахавшая, как иной взрослый мужчина, но то-

щая, в комбинезоне, овечьем тулупе, связанном Берит коричневом кашне и кепке, низко надвинутой на короткие волосы. Полиция, получив свое, оставила ее в покое, однако неосмотрительность не могла привести ни к чему хорошему. Она развозила хлеб и пирожные, да, но кроме того спрятанные в корзинах под фирменными упаковочными тряпками мистера Стэнли бутылки.

Бутылки стали решением.

Когда она отстригла волосы и ее можно стало принять за мальчика (вместо речи гугня, голова опущена), фермеры иногда брали ее как дешевую рабочую силу, но на сборе яблок и отпиливании тыквенных стеблей много не заработаешь. Работа в библиотеке, где она расставляла книги на полки, приносила еще меньше. Все, что она могла придумать, дабы раздобыть необходимые деньги (например, открыть автомастерскую), не годилось для четырнадцатилетней девочки, сколь угодно смелой.

Однажды, отработав на ферме, сгорев на солнце, с болью в руках она лежала на веранде, и в ней шевельнулось слабое воспоминание. Калеб как-то продал винокуру в конце долины пустые бутылки. Он получил достаточно, чтобы

на много недель обеспечить себя леденцами, однако работа показалась ему тяжелой и нудной. «Не буду я рыться в мусоре для этого старого кретина», — буркнул тогда Калеб. А Мэриен могла и порыться.

Винокура звали Забулдыга Норман. Она знала, где его хижина и сарай, в котором он держал свое хозяйство. Гуляя по лесу, слышала запах горячей браги. И, собравшись с духом, постучала в дверь, открывшуюся со скрипом и явившую буйную седую шевелюру и бороду с испуганными, внимательными глазами по центру.

— Чего? — спросил Забулдыга, как будто она уже что-то сказала, а он не расслышал.

— Мистер, вам нужны бутылки? Я могу приносить бутылки, если вам надо.

Пожевав губами, он кивнул:

— Еще бы, мне всегда нужны бутылки.

Десять центов за галлон, пять за кварту, два с половиной за пинту. Она обшаривала проулки позади подпольных баров, хозяйственно-продуктовых лавок, аптек, копалась в городской свалке и на захламленных задних дворах у пьяниц. Заполняла мешки пустыми бутылками — зелеными, коричневыми, прозрачными. На некоторых были этикетки. Канадский виски «Премиум».

Английский джин «Премиум». Скорее всего, подделки, напечатанные бутлегерами, но некоторые походили на настоящие, хоть пойло могло быть разбавлено водой и этиловым спиртом. Прежде чем залить в бутылки свою белую бурду, по-своему добросовестный Забулдыга отклеивал этикетки в кипятке. Мэриен обменивала мешки на купюры и монеты. В конце концов Забулдыга заявил ей, что ему пока хватит, и отправил к мистеру Стэнли, пекарю, который охотно купил ее припасы.

Как-то раз, пока она с грохотом доставала мешки из машины Уоллеса, мистер Стэнли стоял у заднего выхода своей пекарни и курил. (Он выпекал хлеб, варил отруби — запахи, само собой, смешивались, хотя у Стэнли винокурни были рассованы по всей долине.)

— Парень, тебе не хочется расширить дело? — спросил он.

— Всегда ищу дела, — ответила Мэриен. Небольшой приступ угрызений совести: — Но знаете, я не мальчик.

— Так там девочка? — мистер Стэнли наклонился и заглянул под козырек кепки. Сузившиеся глаза, облако дыма, мука на волосатых руках. Она не сомневалась, что он уже давно раскусил

ее маскарад. — Ну что ж, ладно. Тебе не хочется расширить дело, девочка?

* * *

Перед тем как переехать железную дорогу, Мэриен побывала в шести домах, в клубе ветеранов, четырех ресторанах и у двух врачей. Сумеречное небо отяжелело от так и не выпавшего снега. На адресах она выдавала корзины: где-то только выпечку, где-то только алкоголь, а где-то и то и другое. Стучалась в двери, спускалась в подвалы, забирала деньги из укромных скворечников и дупел, оставляя там бутылки. Стэнли не позволял ей развозить по подпольным барам и придорожным кафе крупные партии, требовавшие больше изворотливости и времени, а кроме того, повышавшие риск ограбления. Он держал ее для мелких заказов. Висевший на шее кошелек медленно заполнялся купюрами и монетами; после каждой поездки она вручала наличные Стэнли, тот отсчитывал ей пару купюр, которые она приносила домой и складывала в одном из тайников во флигеле (книги с вырезанными страницами, кошель, прикрепленный снизу к сиденью стула). Стэнли не возражал против того, что она девочка. Остальные его развозчики

воровали выпивку, пытались оттяпать бизнес. Мэриен нет.

Прошлым летом она заявила Уоллесу, что по достижении четырнадцати лет хочет бросить школу.

Они были в его мастерской, и дядя, отложив кисть, вытер тряпкой руки.

— Но почему, Мэриен? Многому нужно научиться.

— Хочу работать. Я уже развожу товары для мистера Стэнли.

Уоллес уселся в кресло, указав ей на другое.

— Слышал.

Он не спросил, что она развозит. Не хотел знать, хотя все равно уже знал.

— По закону я обязана окончить только восемь классов, и несправедливо, что ты все еще нас содержишь, хотя вовсе нас и не хотел. Я буду платить тебе хорошие деньги за стол и комнату.

Он сморгнул, как будто Мэриен, выведя его из гипнотического состояния, прямо под носом хлопнула в ладоши.

— Что значит — я вас не хотел?

— Ты поступил порядочно. Но не ты решил так жить.

— Неправда, Мэриен, вы нужны мне.

— Ты не хотел ответственности.

Он обвел взглядом неоконченные картины, мешанину из кистей и тюбиков краски. Машинально посмотрел на часы, словно надеясь, что ему пора на какую-нибудь мешающую разговору встречу.

— И как ты думаешь жить без образования? Вечно водить грузовик Стэнли?

Она говорила ему это тысячу раз.

— Я буду пилотом.

Уоллес приуныл.

— Все еще?

— Мне нужно накопить на уроки, но я буду платить тебе пять долларов за комнату и стол. Если нет, если у меня когда-нибудь кончатся деньги, я вернусь в школу.

Она не сказала, что уже просила всех пилотов в городе научить ее летать, но никто не взялся. Теперь в Миссуле за ярмарочной площадью имелся настоящий аэродром с небольшими ангарами и бензоколонкой.

Ее инструктор еще не появился, но появится. Она знала. Мэриен заметила, что посул пяти долларов в неделю вызвал у дяди интерес, но он только повторил:

— Пилотом… — Уоллес с минуту подумал,

положив испачканные в краске руки на колени. — Я знаю, Мэриен, ты любишь аэропланы… Не хочу, чтобы прозвучало жестоко, но даже если ты научишься летать… Для чего? Хочешь, как жена Брейфогла, еле-еле сводить концы с концами? Состариться без дома, без детей, без опоры в жизни? Тот позер, ее муж — если они, конечно, женаты, в чем я сомневаюсь, — в какой-то момент удерет, и с чем она останется? Как ты думаешь, что будет с такой женщиной?

— Я должна стать пилотом. И стану вне зависимости от того, буду ходить в школу или нет.

— Тогда ходи в школу.

— Ты удрал, чтобы стать художником, хотя тоже было не практично.

— Тут другое.

— Почему же?

— Не глупи, Мэриен. Потому что я мужчина.

— Не переживай за меня. Никогда не переживал. Зачем начинать?

Уоллес посмотрел на свою картину: поросший выжженной травой холм, скученные облака.

— Если бы не появились вы с Джейми… — Он осекся, потом продолжил: — Да, может, иногда мне и хотелось не иметь груза ответственности, но так мне было бы хуже. Я пытаюсь сказать,

здорово, что вы появились, здорово, что я отвечал за кого-то, хоть и не всегда… заботился. — Он вздохнул и, взявшись за переносицу, закрыл глаза. — Мэриен, мне правда очень стыдно, но у меня нет того, что бы заставило тебя пойти в школу на следующий год, если ты не хочешь.

— Нет?

— Нет.

Мэриен вскочила, наклонилась и, обняв, поцеловала его в щеку:

— Спасибо, Уоллес. Огромное спасибо.

— Не благодари меня, девочка. Я тяну тебя на дно.

Сидя за рулем грузовика Стэнли, Мэриен ехала к публичному дому мисс Долли. Первые ленивые снежинки просеивались сквозь свет фар.

После рейда 1916 года, прихлопнувшего почти все бордели в городе, мисс Долли, похожая на тусклую оплывшую свечу, уцелела и по-прежнему руководила своим заведением на Уэст-Фронт-стрит; ее грязная голубятня несколько лет негромко ворковала в затихшем, потемневшем квартале. Девушкам из закрывшихся борделей приходилось работать в закопченных, неосвещенных подвалах, снуя по проулкам подобно похотливым сусликам. Девушки мисс Долли

были готовы на все, только бы избежать подвальных кроватей, и трудились усердно, хотя и негодовали на Долли, вычитавшую у них за жилье, питание, даже за стирку и воду для ванн, даже за нагревание на плите щипцов для завивки, короче, за все, что только можно придумать.

Мисс Долли удержалась в центре и после исчезновения китайцев, а с ними их лапшичных, прачечных и травников, выводивших девочек из интересных положений. Она удержалась и когда в квартале появились механики и обойщики Армии спасения, и когда колбасник купил соседний дом, где некогда размещался приличный бордель. Она отвела своих девочек от окон, сидя за которыми они привыкли привлекать внимание прохожих, постукивая по стеклу вязальными спицами или наперстками. (Какой волшебный разносился перестук в старые добрые времена, в дни выдачи жалованья, громкий, как от шахтерских молотов, и даже более прибыльный. Стоило ей заслышать дребезжащее стекло или стук игральных костей в стаканчике, у мисс Долли увлажнялись глаза.) Пожар, виной чему, как она туманно намекала, стала то ли полиция, то ли разорившийся конкурент, то ли поборницы трезвости и добродетели, в конце концов выну-

дил ее переселиться в неприметный кирпичный дом к северу от железной дороги. Там не было никакой вывески, сообщающей о размещении женского пансиона, не говоря уже о женском товариществе. Клиенты знали, заходить нужно сзади.

Подъехав как можно ближе к дому, Мэриен припарковала грузовик, отцепила сзади сани, где стояли две корзины с еженедельным заказом, и поплелась по улице, таща их за собой.

Одна из девушек, Белль, открыла кухонную дверь.

— Ты! — воскликнула она, увидев Мэриен. — Заходи!

Белль оделась не для клиентов, на ней было простое синее платье с заниженной талией, шерстяные чулки и серая шаль, а волосы стянуты в низкий узел. Лишь густые румяна и сурьма могли навести на мысль о ее профессии.

Мэриен держала в руках одну корзину.

— Вторая в санях.

Белль выскочила в шлепанцах на улицу и, быстро вернувшись со второй корзиной, провела Мэриен на кухню.

— Хорошо, что ты приехала. У нас почти все кончилось.

Белль говорила это всякий раз, очевидно, забывая о педантичности, с какой мисс Долли распределяла недельную норму. Для щедрых посетителей мисс Долли покупала у бутлегеров и импортную выпивку, настоящие скотч, джин, но большинство с удовольствием пили дешевую брагу мистера Стэнли.

— Посиди немножко. Долли нет.

Мэриен надо было ехать дальше, но внимание девочек мисс Долли ей всегда льстило. Она сняла пальто, кепку и села за стол.

— Она оставила деньги за заказ?

— Вот уж чего не знаю.

Откинув ситцевую тряпку, Белль заглянула в одну из корзин и завизжала. На бутылках стояло пирожное с заварным кремом. В другой корзине, к еще большему своему удовольствию, она обнаружила дюжину профитролей, каждый упакован в отдельный кулечек из вощеной бумаги. Подарки девочкам от мистера Стэнли, который время от времени сюда захаживал.

— Давай съедим один, — предложила Белль. — Всего один, поделим.

И тут же вскочила за ножом. Разрезав профитроль пополам, одну половину она жадно отправила в рот пальцами с накрашенными

ногтями. Мэриен откусила от своей. И тесто, и крем, еще холодные из грузовика, были твердые и вкусные.

Белль, продолжая жевать, скосилась на нее. Девочки мисс Долли так привыкли к раскрашенным лицам и завитым волосам, что мальчуковость Мэриен представлялась им неприличной и возмутительной. Белль протянула руку и пригладила Мэриен волосы, попытавшись пальцами сделать пробор.

— Говорила я тебе, хватит уже стричься так коротко. Выглядит смешно.

— Мне нравится.

— А дядя не против, что ты стрижешься?

Уоллеса у мисс Долли знали хорошо.

— Он и не пытается со мной воевать. Вот экономка пытается. Прячет ножницы.

— Ты сама стрижешься?

— Нет, меня стрижет друг, Калеб.

Белль кокетливо дернула плечиком:

— Наверно, хороший друг, если позволяешь ему себя стричь. Я никому не разрешаю ко мне подходить, кроме Коры. У нее получается. Все время говорю, ей надо в парикмахерши.

Мэриен вспомнила последнюю стрижку, как Калеб потом смотрел на ее голый торс, по-

тому что шея и плечи у нее все еще чесались от обрезанных кончиков. У девочек мисс Долли ей все было страшно интересно. Она смотрела, как они возятся со своими бог знает из чего сшитыми платьишками с оборками, как кокетливые и соблазнительные ужимки стремительно сменяются праздностью и скучающими позами. Притягательность, гуща женского естества возбуждали ее любопытство, хотя она предпочитала — более-менее — косить под мальчика. Девочки Долли были болтливы, ленивы, жестоки, но что-то в них представлялось важным. Они казались разгадкой тайны, которую она толком не могла нащупать.

Какое-то время она расплачивалась с Калебом, только позволяя ему себя целовать. Впускала его язык, странную мускулистую влажность. После последней стрижки он спокойно расстегнул ей рубашку и, приспустив с плеч, уставился на обнаженную грудь. Мэриен вспомнились картины с Иисусом, где Он после бичевания и видно излучающее свет сердце. Но когда Калеб протянул руку и провел большим пальцем по соску, она отпихнула его, и он рассмеялся, как если бы обчистил чужой карман.

Белль встала и, смочив руки в раковине, вплот-

ную занялась волосами Мэриен, разглаживая и разделяя их на пробор.

— Нет, так не пойдет, — сказала она. — Нужна расческа и чуток бриллиантина. Погоди минутку.

Оставшись одна на кухне, Мэриен слушала шаги Белль по лестнице. Потом нечеткие голоса. Из кастрюли на печи вырывался луковый пар. Рядом с печкой находилась дверь, ведущая в подвал. Она открылась, и вошла миссис Ву. Страшная худоба, маленькое круглое личико, волосы с проседью. Миссис Ву без удивления посмотрела на Мэриен, подошла к печи и помешала варево деревянной ложкой. Затем достала из кармана фартука несколько купюр и, протянув их со словами: «От мисс Долли», — опять исчезла в подвале.

Наверху послышались беспорядочные шаги. На кухню вбежала Белль.

— Поднимись. Там всего пара девчонок. Мы тебя переделаем, разоденем, для смеха. Что скажешь? Скажи «да».

— Да.

Грузовик Стэнли может подождать. Ей осталась всего пара адресов.

— Отлично!

Из-под пирожного Белль достала бутылку. В стакан плеснулось самогона на два дюйма. Белль долила в бутылку воды, заткнула ее пробкой и вернула на место.

Наверху Белль провела Мэриен по темному коридору и толкнула дверь в тесную каморку, освещенную розовым светом: на лампу наброшена розовая шаль, розовые обои с раппортом из роз и лилий. На неприбранной кровати на животе лежала Кора в халате и, задрав ноги, читала книгу. Девушка, называвшая себя Дезире, крошечная, но пухленькая, с лицом, съежившимся, как нераспустившаяся почка, сидела за трюмо в туфлях без задников и расчесывала падавшие на спину черные волосы. Для всех места не хватало. Из ящиков маленького комода, как виноградная лоза, свисали шелк и кружева.

— И что мы будем с ней делать? — спросила Белль, имея в виду Мэриен.

Девочки навалились и, не успела она моргнуть, сорвали всю одежду. Они были привычны к наготе и не стеснялись, как и она сама, хотя рассмеялись на мальчишеские кальсоны. Белль хлебнула самогона, протянула стакан Дезире, та отпила и передала его Коре, Кора отдала остатки Мэриен, которая их и допила. Раньше, до того

как Калеб стал ее парикмахером, они втроем с Джейми часто плавали голышом, но тогда это ощущалось первозданным целомудрием, ритуальным обнажением, естественной чистотой. Мэриен прижала кошелек к голой груди.

— Ты думаешь, мы позаримся на твои деньги? — усмехнулась Дезире. — Прости, просто смешно.

— Я не могу их потерять, вот и все.

— Мы сами зарабатываем.

— Сколько?

— По-разному. Спорю, больше, чем ты.

Такой способ заработка Мэриен никогда не рассматривала. У Джильды, матери Калеба, вид всегда был нищенский, но кто знает, как бы она выглядела, если бы не пила.

— У тебя сиськи наконец прорезались, — сказала Кора. Ирландский акцент.

— Где? — спросила Дезире. — Я не вижу ни одной.

— Да вот, — ответила Кора. — Сходи за лупой. — А Мэриен спросила: — У тебя уже есть месячные?

Мэриен, хоть и много читала, не имела ни малейшего представления, что значит девочка, и так от проститутки, в розовой, как кусок кварца, каморке она узнала о ежемесячном про-

клятии, воистину проклятии, по словам Коры, в которых слышался ужас из-за недополученных доходов.

На Мэриен надели черную нижнюю юбку Дезире, кремовый пеньюар, чулки, подвязки и туфли с ремешком на каблуках. Она таращилась на себя в трюмо, а девочки мазали ей волосы бриолином, пудрили лицо, подводили глаза и втирали румяна.

— Это больно?

— Не очень, — ответила Белль. — У кого-то, правда, страшно болит живот. Когда начнется, надо быть поосторожней, можно залететь. Ты ведь знаешь, что это значит? — Мэриен знала. — Но, если случится, приходи к нам, миссис Ву все уладит.

— Как уладит?

— Чуток перебор марафета и чуток поскрести. — Сев на трюмо, Дезире взяла Мэриен за подбородок. — Миссис Ву была девочкой мисс Долли. А потом начала смежное дело, избавляя от неприятностей.

— Значит, она вышла замуж? — спросила Мэриен, пытаясь представить себе мистера Ву.

Девочки засмеялись.

— Приоткрой рот, — велела Дезире. Красная

помада прошлась по окружности губ Мэриен. Дезире отстранилась посмотреть: — Могло быть и хуже.

В зеркале Мэриен увидела смутно знакомого человека. Белки глаз, густо обведенных сурьмой, казались неестественно белыми. Под румянами и пудрой исчезли веснушки. Лицо стало одновременно мягким и жестким, черты резкими, однако еще не вполне определенными.

— И что мне теперь делать?

— Теперь мы продадим тебя по самой высокой цене, — заявила Кора и, стиснув грушу на флаконе духов, направила Мэриен на грудь ароматное облако брызг. — Столько мужиков ищут что-то вроде тебя. Тебе вообще сколько?

— Четырнадцать с половиной.

— Больше, чем было мне, когда я начинала. Ты еще девушка?

— А сколько мне должно быть?

— Не надо, — сказала Белль. — Не ты.

— Это деньги, — заметила Кора.

— Считаешь, твой пример может вдохновить? — спросила Дезире.

Кора обиделась:

— Я больше не живу в одной комнате с восемью братьями и сестрами, правда? И около скотного

двора, где воняет навозом.

— А теперь положи руку на бедро, вот так, — обратилась Белль к Мэриен, — и скажи: «Приветик, мистер, хотите свидания?»

— Приветик, мистер, — важно повторила Мэриен. — Хотите свидания?

Девочки чуть не лопнули от смеха.

— Ты спрашиваешь так, будто предлагаешь свидание на похоронах, — выдавила Дезире.

— Сядь вот так, — попросила Кора, выгнув спину и посмотрев через плечо, — и скажи: «Этот мудошлеп, что ли»

Покраснев, Мэриен подчинилась, но разозлилась на их смех, на грязное слово, на свое отражение в зеркале.

Звонок в дверь. Громкий, гулкий, напугавший всех так, что наступила тишина.

— Как раз когда стало весело, — раздраженно бросила Кора.

— Ни у кого не назначено, — вставила Белль.

— Им не нужно «назначено», — фыркнула Кора.

Послышались приглушенные звуки, миссис Ву кого-то впустила.

— Черт. — Дезире вскочила и начала шарить в ящике. — Это ко мне. Я забыла.

— Кора может пойти, — сказала Белль.

— Нет, Баркли Маккуин привередливый.

— Что ж, большое спасибо, — скривилась Кора.

— Да я не про то, ну, он любит, чтобы все было, как он хочет. Белль, спустись вниз, задержи его на минуту. Кора, помоги мне с волосами.

— Баркли Маккуин? — переспросила Мэриен.

Кора уже отводила волосы Дезире с лица.

— Ты его знаешь?

— Слышала.

— Возьми ребенка, — попросила Дезире Белль, выкручивая из гильзы столбик губной помады.

Мэриен похватала свою одежду с пола.

— Пойдем. — Белль потащила ее за собой. — Мне надо вниз. Долли взбесится, если он уйдет.

— Как-то странно идти в таком виде.

Белль оглядела ее:

— Посмотрим, что будет, когда он тебя увидит.

— Я не могу. — Мэриен отпрянула.

Белл потянула ее за руку:

— Просто ради смеха. Будет весело, увидишь. Они же иначе не могут. Скажи про мудошлепа. Попробуй. Я дам тебе целый профитроль.

Внизу Белль выхватила у Мэриен ее одежду и, зашвырнув в переднюю гостиную, где царил мрак, быстро прошла в заднюю. Мэриен задержа-

лась в коридоре, прижавшись к стене. В дверную щель она видела скрещенные ноги сидевшего мужчины, начищенную черную туфлю с элегантно загибающимся носком. Туфлю, не ботинок, несмотря на снег. Дверь закрылась. В коридоре, не считая электрического бра, тоже было темно.

— Прости-и-ите, мистер Маккуин, что заставили вас ждать, — начала Белль, почти как светская дама. — Дезире будет буквально через мину-у-уту.

— Утверждают, терпение — добродетель. — Посетитель выговаривал слова тихо и с акцентом, похоже на говор шотландских шахтеров, но чище, мягче. — А ведь здесь дом добродетели, не так ли?

Мэриен услышала имя Баркли Маккуина, начав работать на Стэнли. Номинально владелец ранчо. С севера. Его отцу, шотландцу, удалось стать одним из первых крупных скотоводов штата, задолго до того, как появилась необходимость в оградах. Мать происходила из флатхедов салиши. Когда какая-нибудь напасть — облава, взрыв, перехваченная партия — лишала местных винокуров и бутлегеров доходов, те шептали имя Баркли Маккуина. Недавно федералы нагрянули с обыском к Забулдыге, развоpотили

не только его винокурню, но и еще с десяток таких же допотопных заведений, и гуляли слухи, будто в рамках некой договоренности с Баркли Маккуином власти имели нужную информацию. Стэнли знал, рано или поздно дойдет очередь и до него. Говорили, Баркли Маккуину известны все ходы и выходы. Он перевозил пойло через границу на автомобилях, поездах и мулах, на лодках, лошадях и в рюкзаках; вел дела во всех городах Монтаны, а еще в Вашингтоне, Айдахо и обеих Дакотах; придорожных закусочных, подпольных кабаков и магазинов, где можно купить выпивку, у него было не сосчитать; на зарплате у него состояла куча полицейских, юристов, федералов, машинистов, советников, конгрессменов, судей и всех их бухгалтеров; свои запасы спиртного он распихал, где только мог, — от шахт и церковных подвалов до настоящих складов. Говорили, что многотысячное поголовье скота и обширные земли служат ему лишь развлечением. Говорили, что большинство тех, кто работает на Баркли Маккуина, даже не знают об этом.

— Если вам требуется добродетель, мы найдем, — с напускным оживлением хихикнула Белль. — Все для вас, мистер Маккуин.

— Пожалуй, но не сегодня. Дезире скоро будет

готова?

— Сбегаю посмотреть.

Белль выскочила из комнаты и пронеслась мимо Мэриен, театрально поведя плечами.

— Белль, — прошептала Мэриен, — что мне делать?

Та остановилась на середине лестницы, наклонилась через перила и прошептала в ответ:

— Поздоровайся. Скажи, что собираешься войти в дело.

Белль шутила, но подзадоренная Мэриен подумала: а почему бы и нет? Почему не профинансировать мечту о небе за счет мужской похоти? Она опять вспомнила Джильду и то животное. Старые часы в конце коридора отсчитывали секунды, как будто кто-то неодобрительно цокал языком. Мэриен могла бы проскользнуть в переднюю гостиную, надеть комбинезон и уйти, но ее парализовало любопытство. Она услышала нетерпеливый шорох, по полу зацокали туфли. Шаги, и дверь распахнулась.

Что увидел Баркли?

Поток света выхватил длинную тонкую фигуру. Бледные, обведенные черным голубые глаза, хрупкая шея, висящие мешком чулки, поскольку не хватало ног их заполнить, черные лакирован-

ные туфли, под узкими щиколотками похожие на подковы. Маленькую голову покрывала шапка переливающихся волос цвета слоновой кости. Тонкие запястья, длинные пальцы. Она боится, увидел Баркли. Увидел испуг, а затем какую-то искру, что-то во взгляде, напоминающее ощерившиеся зубы. Вызов. Он не понял, что перед ним ребенок. Да и как можно ожидать здесь ребенка? Он думал о Дезире, внутри у него горел жар и все давило.

Что увидела Мэриен?

Элегантного мужчину в черном костюме, белые накрахмаленные манжеты, на черном жилете золотая цепочка от часов, черные волосы аккуратно подстрижены и лоснятся от масла. Широкий нос салиши, полные губы и четко очерченные, покрытые веснушками скулы. Смуглый, глаза темно-синие. Красавцем не назовешь. Глаза посажены слишком глубоко, подбородок тяжелый, как у бойцовской собаки. Баркли на нее смотрит, видела она; чувствовала, его взгляд буквально прикован к ней.

— Ты кто? — спросил он.

Белль спустилась с Дезире, надевшей скромное кремовое платье; уж какие под ним прятались тесемки и оборки, оставалось только гадать. Мэ-

риен попятилась, все еще прижимаясь к стене, а Баркли двинулся за ней. Идиотка, выстрелило в мозгу, как можно было подумать, что она сможет пойти по стопам Белль и ее товарок. Глупый ребенок, разряженный с головы до пят.

— Ты кто? — повторил Баркли.

Мэриен беспомощно посмотрела на Белль, которая, похоже, пыталась подавить душивший ее смех. В таком наряде, под таким взглядом невозможно сказать, что это еще она, Мэриен Грейвз. Ответа нет.

— Просто ребенок, — отмахнулась Дезире, взяв Баркли под руку. — Не наша.

Маккуин не отбросил ее руку, но и не ответил на жест, все еще не сводя глаз с Мэриен. Белль кусала губы, глаза у нее увлажнились от смеха. Дезире была в бешенстве. Их взгляды загнали ее, как гончие псы лисицу.

— Пойдем? — спросила Дезире, повысив голос.

Маккуин покорился и пошел за ней. Когда он проходил мимо, Мэриен плотнее прижалась спиной к стене и отвела лицо, уловив исходящий от его волос запах масла и еще какой-то дух, горьковатый. Она не привыкла к надушенным мужчинам. Баркли замедлил шаг. Мэриен поняла, он хочет, чтобы она подняла на него взгляд,

и еще ниже опустила голову.

— Она просто ребенок, — повторила Дезире. — Мэриен, дуй домой.

— Мэриен, — повторил Баркли.

Мэриен стояла с опущенной головой, пока Баркли и Дезире наконец не поднялись по лестнице и не закрылась дверь. Белль согнулась пополам от смеха.

— У тебя проблемы, — проговорила она, хватая ртом воздух. — О господи.

Мэриен рванула в переднюю гостиную, лихорадочно сбросила платье, нижнюю юбку, чулки, туфли. Какие проблемы? Опять натянула рубашку, комбинезон, сунула ноги в ботинки и, не потрудившись завязать шнурки, пронеслась мимо Белль на кухню за пальто, кашне и пустыми корзинами. Миссис Ву, отвернувшись от плиты, посмотрела в накрашенное лицо Мэриен сначала с изумлением, а потом с отвращением.

— Нет, — покачала она головой. — Нехорошо.

* * *

Мэриен успела домой до сильного снегопада. Поднялась наверх умыться. От мыла щипало в глазах, но как она ни терла, не могла избавиться от следов сурьмы.

Берит испекла пирог с курицей, и Мэриен ела в молчаливом волнении. Для Джейми были вареные морковь и лук, поскольку Берит еще наказывала его, пытаясь заставить таким образом есть мясо. Уоллес куда-то ушел. Джейми рассказал Мэриен, что днем поднимался на гору Джамбо.

— Не увидел ни одного лося. Вот все, что мне удалось.

Он открыл свой блокнот на рисунке белки, забирающейся на ствол дерева. Угольных штрихов немного, но все уверенные. Мэриен ощутила грубость древесной коры, крошечные распяленные коготки, изгиб карабкающегося тельца. С набитым пирогом ртом она спросила:

— Ты что-нибудь знаешь о Баркли Маккуине?

— Ты, наверно, больше моего.

Мэриен знала, Джейми переживает из-за ее работы, хотя ему нравилось, что теперь у них были деньги на лакомства и билеты в кино. На Рождество она подарила ему бинокль и набор акварели.

— А почему ты спрашиваешь?

— Я с ним виделась. Ну, что-то вроде этого. Столкнулась.

Мэриен хотела объяснить, как между ней

и Маккуином в воздухе повисла какая-то неловкость, как от него перешла к ней, но понимала, что все слова превратят встречу в ничто. Или, наоборот, во что-то очень большое.

— Где?

— У мисс Долли.

Джейми вспыхнул:

— Тебе не надо бывать в таких местах.

— Меня никто не видит. Если только они уже не там. А в таком случае им не с руки читать мораль.

— Разговоры ходят.

Мэриен вскинулась:

— Какие разговоры?

— Что ты работаешь на винокура.

— Но это же правда.

— А что у тебя с глазами? Ты похожа на енота.

Она яростно доела остатки куриного пирога. Он не поймет, даже если объяснить.

— Плевать мне на разговоры, — бросила она.

Когда Мэриен шла во флигель, белые снежинки, крупные, как мотыльки, порхая, плавно опускались на землю. Она попыталась читать, но сознание уплывало к мисс Долли. Она неподвижно сидела в кресле, однако воспоминание о встрече с Баркли Маккуином жалило, как змея.

Мэриен надела пальто и опять вышла в ночь. Когда она пробиралась по снегу к хижине Калеба, сердце билось так сильно, что толчки пульса ощущались в шее. В воздухе словно слышалась неявная дробь, невидимые крылышки колибри. Но у Калеба было темно, а когда она постучала по стеклу, он не вышел.

Миссула
Май — июнь 1929 г.
Через два месяца после встречи Мэриен и Баркли Маккуина

Воскресным утром, когда Джейми дремал в постели, получая удовольствие от прохладного утреннего ветра, шевелившего волосы, косых лучей солнца, гревших ноги под одеялом, с лаем вскочили собаки и, вышибив дверь с проволочной сеткой, помчались встречать Уоллеса, шедшего по дорожке к дому. Джейми смотрел, как тот пропихивается через клубящуюся собачью свору, кажется, даже не замечая ее; так человек, намеревающийся утопиться, невнимательно пропарывает волны. Ворот был расстегнут, шляпа съехала на затылок. Накануне вечером Уоллес уехал на машине, значит, по дороге кончился бензин или он въехал в канаву. В такие дни дядя бывал непредсказуем.

Мог молча отправиться в постель и не вылезать оттуда до самого вечера; мог угощать Джейми длинными, веселыми, бессвязными историями, мог горько жаловаться на какую-нибудь мелкую несправедливость за карточным столом, мог просить прощения за неясные обиды или все вместе. Угадать невозможно.

Уоллес распахнул дверь и рухнул на раскладушку Мэриен, распространив застоялый дух пота и перегара. Один пес умудрился проскочить вместе с ним, но остальные остались снаружи и выли, пока Джейми не встал и не впустил их.

— Где твоя сестра?

Заговорив, Уоллес показался не таким уж и пьяным.

— Развозит товар Стэнли, — ответил Джейми, забираясь обратно под одеяла.

— Я знаю, что Стэнли, — мрачно сказал Уоллес. — Она, должно быть, не очень хорошо водила мою машину.

— Что-то сломалось?

Уоллес отмахнулся:

— Ты знаешь Лену? Охотницу?

— Лену?

— Широкая, как мужик, и ходит в мужской одежде. Курит сигары.

Джейми понял, о ком идет речь, хотя не знал женщину по имени.

— Видел.

— Страшная, как смерть.

Джейми неплохо помнил лицо: тяжелое, с широким подбородком, густые брови, нос пестрит, как розовый гранит. Она действительно была уродлива, но прозвучало жестоко.

— В уродливых женщинах есть что-то оскорбительное, — продолжал Уоллес. — Уродливый мужчина — беда, но там все-таки можно эстетически за что-то зацепиться. Уродливая женщина только раздражает. — Припозднившаяся собака еще махала хвостом за дверью. — О, ради бога! — Уоллес вскочил и впустил ее. — Ну, довольна? — Он опять лег. — Вчера Лена заявила, что теперь ходит с ружьем, не с капканами. За столом сидел Фред из Спокана, там, где товарные вагоны, возле Лоло, знаешь?

Джейми кивнул, догадавшись, что Уоллес имеет в виду придорожную забегаловку на юге, сколоченную из двух товарных вагонов.

— Ты знаешь Фреда из Спокана?

Джейми опять кивнул. Он шапочно знал почти всех заядлых картежников, ошивающихся в Миссуле. Они заменили старых университетских дру-

зей Уоллеса, тех, что приходили и спорили, когда Джейми и Мэриен были маленькими, но потом как-то незаметно приходить перестали.

— Фред спросил почему, и Лена ответила, что не хочет по ошибке весной прихватить кормящих матерей. Тогда этот незнакомец, который играл, говорит: «Дорого, наверное, иметь сердце». А Лена сказала, что, если детеныши умрут сейчас, она их не увидит потом в своем капкане.

Джейми слишком заинтриговал рассказ, чтобы ему испытать обычную вспышку отвращения к ловле зверей капканом.

— Похоже, она более предусмотрительна, чем большинство людей. Так машина там? В Лоло?

Уоллес не отрываясь смотрел в потолок веранды, закинув руки за голову.

— Как ты думаешь, если Мэриен станет пилотом, она кончит, как Лена?

— Ты хочешь сказать уродкой?

— Да, мне так кажется. Жесткой, одинокой, а в лицо воткнута сигара. Думаю, сырье у Лены было погрубее, чем у Мэриен, но она… Мне уже трудно вообразить ее в платье. Ты можешь представить себе Мэриен невестой? — Его смех споткнулся, перешел в кашель.

— Нам всего четырнадцать, — напомнил Джей-

ми.

— Знаю, — вздохнул Уоллес. — Знаю. Уже поздно. — Он приподнялся на локте и посмотрел на Джейми: — Может, ты с ней поговоришь?

— Она меня уроет.

— М-м-м… — Уоллес повернулся на спину. — Наверное, ты прав. Как бы я хотел, чтобы к нам еще ходила Берит.

Он так часто запаздывал с жалованьем, что Берит в конце концов поступила к профессорской жене в большой дом к югу от Кларк Форка, хотя и пролила несколько скупых норвежских слез, обнимая близнецов на прощание. Перед уходом она научила Джейми кое-что готовить. Он, разумеется, отказался прикасаться к мясу, но, если кто-нибудь поймает и почистит, готов был жарить рыбу. И Калеб иногда приносил форель. Или Мэриен. Хлеб ей давал Стэнли, и, когда хозяйственных денег, которые Джейми выуживал у Уоллеса, не хватало, она докладывала. Джейми ухаживал за огородом, устроенным, как у Калеба. Иногда в сувенирной лавке центральной гостиницы продавался какой-нибудь его рисунок, но деньги Джейми откладывал для себя. Он старался содержать дом в чистоте, но, поскольку ни Мэриен, ни Уоллес, судя по всему, этого

не замечали и не имели ничего против грязи и беспорядка, постепенно сдавался.

— Как только Берит не пыталась заставить Мэриен носить платья, — сказал Джейми. — Невозможно.

Ничего не ответив, Уоллес закрыл лицо руками.

— Уоллес?

— Я должен тебя кое о чем попросить. — Из-под ладоней голос прозвучал глухо. — Мне нужно, чтобы ты сказал Мэриен, когда она вернется. Я не могу.

— Что сказал?

— Я потерял машину.

— Как это потерял? Где?

— Проиграл. Поставил ее сегодня ночью.

Джейми не сдержался.

— Почему? — крикнул он. — Почему ты поставил именно ее?

Уоллес сел, сбросил ноги на пол. Руки повисли между колен.

— Я выигрывал. Ну, то есть сначала проигрывал.

Потом ему показалось, что колесо фортуны повернулось, как ветер вращает флюгер. На сете он сорвал небольшой куш. Потом опять выиграл,

уже больше, и еще раз, на флеше. Кроме Лены и Фреда из Спокана, за столом сидел рыжеволосый незнакомец в шикарном пальто с меховым воротником. Он достал бутылку канадского виски («Настоящее пойло», — сказал Уоллес) и разлил всем. Уоллеса охватила какая-то легкость.

— Было маловероятно, что я выиграю в следующий раз, но я знал, что выиграю. И выиграл. Я знал, мне надо пару раз проиграть для приличия и убраться подобру-поздорову, но я не проигрывал, даже когда старался.

Фишки, летающие по столу, прибивались к нему, как вольные птахи.

— А потом этот незнакомец спрашивает, не дядя ли я той девчонки, что развозит бухло Стэнли. Я говорю, не понимаю, мол, о чем ты. А он спрашивает: ты ведь Уоллес Грейвз, правда? Он знал имя Мэриен. — Уоллес помолчал. — Он меня взбесил. Я вспомнил Мэриен, вспомнил, как в вашем детстве переживал, только чтобы вы в конце концов вернулись домой, не потеряв по дороге руки-ноги, но теперь, оказывается, я должен переживать из-за ее репутации. Мне надо было уйти. Я знал, что удача кончилась.

Но он остался и проиграл. И проигрывал, и проигрывал. Злобно, мрачно, целеустремленно.

Проиграл все фишки, что-то в долг под расписку, а потом и серый «Кадиллак». Его заполучил рыжеволосый незнакомец в пальто с меховым воротником. Старый автомобиль — кроме дома, последние крохи, оставшиеся после Великой светлой полосы 1913 года, — ездил только благодаря неустанному уходу Мэриен, и, возможно, именно поэтому Уоллес позволил себе его поставить: отомстить, поскольку потеря автомобиля станет для нее особенно болезненной. Невезение, по убеждению Уоллеса, лишь разновидность уныния, источником которого служит внутренняя энергия, а значит, Мэриен — то, как Лена напомнила ему о ней, неприятные слова незнакомца — стала причиной его настроения, а следственно, и полосы невезения.

— Денег на другую нет. — Уоллес утер нос манжетой. — Скажешь ей? Я должен лечь, но ты ведь ей скажешь?

* * *

Когда Мэриен пришла домой, Джейми, верный чувству долга, рассказал ей о проигрыше Уоллеса и вынес ее первое бешенство, заодно не дав вытащить треклятого дядю из постели с намерением содрать с него кожу. Мэриен спросила, почему он

так спокоен, и Джейми ответил, что они не могут яриться оба.

— Значит, если бы я не вышла из себя, то вышел бы ты?

— Может быть. Не знаю.

Они в самом деле напоминали систему шлюзов, одни ворота в поисках равновесия выпускали избыток эмоций, причем со стороны Мэриен обычно грозила опасность переполнения, а Джейми принимал в себя излишек и поднимал уровень, когда вода опускалась. Все думали, что, будучи близнецами, они одинаковые, но это был баланс, не тождество; Мэриен чувствовала, как Джейми, но не являлась им.

Этой ночью, когда они лежали на веранде на раскладушках, Мэриен спросила:

— Как ты думаешь, почему он играет? Нам хватало бы денег, если бы он не играл.

— Я не думаю, что он спит и видит, как бы нас разорить, — послышался в темноте голос Джейми. — Наверно, уже не может не играть.

— Ты ведь не хочешь сказать, что так уж трудно перестать выбрасывать деньги на ветер?

— Я думаю, ему нужны острые ощущения.

— Какие ощущения? Он же вечно проигрывает.

— Но если завяжет, то никогда и не выиграет. По-моему, ему нравится надеяться.

— Надежда не должна стоить так дорого.

— Ты же знаешь, он раскаивается.

Мэриен перевернулась, и раскладушка скрипнула.

— Да. Он даже всплакнул, когда наконец перестал от меня прятаться. Все твердил, что вляпался. А больше ничего. И не раскрыл, кому достался автомобиль, сказал — незнакомец. Да какая разница. Лучше не знать. Может, когда-нибудь увидишь.

— Вряд ли, потому что никто кроме меня не станет корячиться, чтобы он ездил.

После секундного колебания Джейми сказал:

— Все-таки автомобиль был Уоллеса. Принадлежал ему. При желании он мог его и поставить.

— Но он проставил его ни за что. Просто так. Проиграл ради того, чтобы проиграть.

* * *

На следующий день из тайников во флигеле она собрала почти все свои летные деньги, заработанные на бутылках — одна за одной, на корзинах — одна за одной, отправилась в город и у знакомого механика купила подер-

жанный «Форд». Механик являлся клиентом Стэнли. На его жену, алкашку, уходила уйма денег. Когда она знала их тайны, люди обращались с ней иначе.

Мэриен сообщила Уоллесу, что он может ездить на «Форде» в университет, но если собирается играть или пить, то придется либо ходить пешком, либо искать, кто его подбросит, либо купить собственную машину. Если солжет, оба понимают: она узнает. И еще Мэриен известила дядю, что отныне будет платить только три доллара в неделю за комнату и стол. Остальное пойдет в счет машины, которую он будет брать напрокат.

Грусть, поселившаяся во флигеле, пустые тайники перевешивали радость от стильного черного «Форда», ее собственного автомобиля с колесами и мотором. С другой — приятной — стороны, ее долг Уоллесу заметно уменьшился, стал терпимым. Может, их с Джейми и навязали Уоллесу, но он и сам был не прочь навалить на плечи побольше груза. Без близнецов он бы уже давно себя разрушил. Может, они не давали ему сорваться в пропасть.

Макеты аэропланов, висящие во флигеле, казались теперь ненужными: милые остатки детской фантазии. Небо, причину ее тяжких трудов,

она почти забыла, поскольку работала, чтобы вернуть потраченное. Деньги возвращались медленно. Дело мистера Стэнли встало. Федералы в отчаянных попытках не допустить полного провала сухого закона закручивали гайки. Стэнли намекал, что его выдавил Баркли Маккуин.

После встречи с Маккуином Мэриен поставляла товар мисс Долли как можно быстрее, осмеливаясь заходить лишь на кухню.

— Чего ты взъелась? — поинтересовалась Белль, когда Мэриен отказалась опять нарядиться. — Мы всего-навсего повеселились. Никто и пальцем не тронул бедняжку.

— Ничего я не взъелась. У меня еще много адресов, вот и все.

Мэриен точно не понимала, что это такое, но она больше чем взъелась. При воспоминании о Баркли Маккуине у нее начинало покалывать кожу, учащался пульс, внутренности распирало в разных направлениях. По ночам, на веранде, она иногда думала о Калебе, как он целовал ее, спускал с плеч рубашку, но в последнее время мысли обратились на Маккуина, как тот пригвоздил ее взглядом к стене, как спросил: «Ты кто?»

Она подрядилась еще на одну работу, стала развозить на «Форде» продукты в рестораны.

Сын Берит, Сигги, ставший «сухолюбом» — полицейским, боровшимся с бутлегерами, — как-то заглянул к ним и предупредил о предстоящем обыске у мистера Стэнли. Мэриен попыталась дать ему деньги, какие при ней были, но Сигги отпихнул ее со словами:

— Я не продажная тварь. Просто знаю, как тебе нелегко.

Федералы нашли у Стэнли только хлеб и пирожные.

* * *

Жаркий июньский день. Калеб появился, когда Мэриен на улице возилась с мотором «Форда».

— Я иду купаться. — Он облокотился на автомобиль. — Если хочешь, давай вместе. — И он одарил ее самой обворожительной своей улыбкой. — Можешь даже подвезти меня, если как следует попросишь.

— Джейми придет через час, — ответила она. — Он тоже захочет.

Калеб посмотрел на нее так, как тогда, прежде чем назвать цену за стрижку.

— Боюсь, мне неохота ждать час.

Она думала соврать, сослаться на необходимость работать, но знала: после его ухода будет

сидеть и жалеть, да еще стыдиться того, что не осмелилась. Он смотрел на нее, ждал. Достал серебряный портсигар, полный самокруток, и прикурил для каждого по одной.

— Роскошный, — похвалила она портсигар.

— Водил на охоту одного богатея, — объяснил Калеб.

Он не сводил с нее взгляда. Знал, что она боится.

— Здорово, — сказала Мэриен. — Поехали.

Она двинулась на запад и, выбравшись из города, свернула на юг там, где Биттеррут извивался по равнине крутыми изгибами. «Форд» грохотал по дороге, а Калеб что-то насвистывал. Потом достал из кармана фляжку и предложил ей. Самогон обжег горло. Она передернулась и вернула фляжку.

— Тебе пора стричься. — Калеб дотронулся пальцем до ее шеи.

— Нормально пока, — увернулась Мэриен.

Она остановилась между деревьев, лимонный свет играл в ветвях. Когда они шли к воде, Калеб спросил:

— Джейми пойдет на следующий год в школу?

— Почему бы тебе не спросить у него?

— Давно его не видел. Все время где-то про-

падаю.

Основное время Калеб проводил в горах, либо один, либо ходил проводником с охотниками, плативши ими ему за то, чтобы он нашел им дичь, выстрелил, если они промахнутся, и сделал вид, что это не он. Мэриен купила ему хорошее ружье, и он отблагодарил ее даже скорее, чем обещал. Про него рассказывали, семнадцатилетний парень знает, где будет зверь. Еще рассказывали про невозмутимую смертоносную силу его выстрелов. Калеб позволял Уоллесу донимать его грамматикой, поскольку она помогала делу. Говорил он хорошо.

— Тогда нам тем более стоило его подождать, — упрекнула Мэриен, а когда Калеб ничего не ответил, спросила: — Ты думаешь, Джейми слишком мягкий и поэтому не охотится?

Прежде чем ответить, Калеб задумался.

— Мы как-то шли к реке, — начал он, — и встретили детей, они набросили на собаку одеяло и бросали в нее камнями. Мне пришлось удерживать Джейми, иначе он убил бы парня, который не успел убежать. Так что нет, я не считаю его мягким.

Мэриен вспомнила. Собака теперь жила у них, ползала за Джейми, как храмовый раб, смотрела

на него из-под столов и кроватей. А того мальчишку пришлось везти в больницу. Джейми повезло, у его отца было темное прошлое и ни малейшего интереса вмешивать полицию. Иначе Джейми могли отправить в исправительную школу в Майлз-Сити.

— Мне казалось, я завис в воздухе, — объяснил тогда Джейми. — Обезумел. Мог его убить и не понять, что это плохо. Хотел его убить.

— Ты преподал ему урок, — сказала Мэриен.

— Нет, — Джейми помотал головой. — Есть люди гнилые внутри, и гниль не уйдет никогда.

Они подошли к бухте, отгороженной от основного течения. Калеб разделся прямо на берегу, а Мэриен зашла за деревья. Защитить свое интимное пространство удалось только скоростью. Голая, она метнулась в воду, пытаясь прикрыться руками. Когда забежала, у нее вырвался вопль. Камни больно впились в ноги. Мэриен согнулась, задыхаясь от холода и предчувствия, зубы у нее стучали. Калеб стоял по грудь в воде, водя руками под водой, как будто разглаживал простыни на кровати. Он подошел к ней. Под водой у него была фляжка, и он предложил ей, с фляжки капало. Мэриен отвинтила крышку и закашлялась от холодного самогона. Калеб откинул голову,

длинные волосы ушли под воду, кожа на ключицах натянулась.

— Знаешь, я ходил к одной из девочек мисс Долли. Накопил денег.

Она постаралась подавить желание отпрянуть.

— Зачем мне знать?

— Я думал, они тебе расскажут. А чего ты так взбесилась?

— Я не взбесилась. А к какой девочке?

— К Белль.

Мэриен не хотела морщиться, но мина скорчилась сама собой.

— А что? — спросил Калеб. — Самая симпатичная.

— Просто она... — Мэриен хотела сказать «вульгарная», как будто была снобствующим персонажем романа. Но кто ей дал такое право? Вот она голая в реке с юношей.

— Что просто?

— Ничего. Ты сказал ей, что знаешь меня?

— Ну да. Она спросила, не я ли стригу тебя, и я сказал, да.

Мэриен пришла в ярость:

— Зачем?

— А что тут такого?

Она точно не знала.

— Не думала, что ты пойдешь по проституткам.

— Почему нет?

— Ты знаешь почему. Еще не думала, что ты начнешь пить.

— Ни слова про мою мать.

Они яростно смотрели друг на друга, стоя по подбородок в воде с лиловыми от холода губами.

— Прости, — прошептала Мэриен.

Она поняла, Калеб решил не злиться. Он хитро прищурился:

— Белль кое-чему меня научила.

— Чему?

— Она сказала, неплохо знать, как доставить девушке удовольствие, но, если я сам хочу его получить, лучше прийти к ней. И еще она сказала, остальные девочки думают только о том, чтобы быть приличными, и с ними не так здорово.

— Я не собираюсь быть приличной, — брякнула Мэриен, не подумав.

Калеб улыбнулся своей воровской улыбкой:

— Хочешь доставить мне удовольствие?

— Нет.

У Мэриен не имелось подходящего слова для той ее части, что ожила и требовала внима-

ния. Дырка, говорили девочки мисс Долли. Дупло, еще говорили они. Голубая лагуна, прореха, волчий угол. Ни одно не годилось.

— Чему? — еще раз спросила она.

— Ты имеешь в виду, чему она меня научила?

Мэриен кивнула. Он подошел ближе, вытеснив ее на более мелкое место. Наклонился, прижался губами к ее груди. Ощущение скорее сильное, нежели приятное, круг замкнулся. Они стояли рядом, в воде остались только ноги, Калеб нагнулся. Мэриен чувствовала его возбуждение. Завороженно смотрела на часть своей плоти, исчезнувшую у него во рту. Он не так пожирал ее, как то животное Джильду, был мягче, осторожнее. Наконец отодвинулся.

— Понравилось?

— Не знаю.

Она не могла признаться, что понравилось.

Калеб шагнул к ней; Мэриен попятилась; они пошли выписывать в воде круги.

— Белль сказала, на тебя запал Баркли Маккуин и Дезире возревновала. Правда?

— А если да?

— Ты знаешь, кто он?

— Конечно.

— И ты позволишь ему такое?

— Вряд ли я его еще увижу.

— Значит, позволила бы.

Мысль, что к ней прикасается Баркли Маккуин, показалась абсурдной, фантастичной.

— Идиотский вопрос.

— Значит, все-таки позволила бы.

Теперь они стояли неподвижно. Калеб был серьезен, взволнован, как будто собирался задать другой вопрос, но вместо этого сказал:

— Я не хочу, чтобы ты стала моей девушкой и всякое такое.

Правда ли?

— И прекрасно, потому что я тоже не хочу быть твоей девушкой.

— Ну, тогда ради забавы.

Его рука под водой потянулась к ней, но Мэриен отступила назад.

— Мне холодно. — Она вышла из воды, спиной чувствуя его взгляд, но ей было все равно.

Мэриен оделась, не просохнув, зашла за деревья и уехала. Она спокойно оставила его одного так далеко от города. Калебу быть что здесь, что где-нибудь еще — безразлично.

Вечером в ванной она осмотрела свои груди, одна из которых стала теперь значительно опытнее другой, и заметила крошечные красные точечки

вокруг соска, где губы Калеба оставили синяк.

* * *

Ярко отполыхавший и угасающий под вечер июльский день. Мэриен постучалась в заднюю дверь дома возле Патти Кэньона, в конце длинной узкой лесной просеки. Красивый, хотя и небольшой, недавно выкрашенный в зеленый с белой отделкой. Соседей поблизости нет. Прежде она ничего сюда не возила.

Дверь открыл Баркли Маккуин. Она только разинула рот. Белая рубашка и черный жилет. Уголок рта вздернулся.

— Привет. Ты кто? — спросил он.

Она не могла понять по его тону, считает ли он, что впервые задает ей вопрос, или напоминает о встрече в коридоре у мисс Долли.

— Мэриен Грейвз.

— Значит, на сей раз ответ есть.

Помнил. Разумеется.

— Я привезла заказ.

— Давай.

Он взял у нее корзину. Четыре бутылки самогона. Ясно, он заказал их только для того, чтобы ее послали к нему. Она привезла ему себя.

— Зайди, я расплачусь.

— Я спокойно подожду здесь.

В открытую дверь она заметила рыжеволосого мужчину, который сидел за кухонным столом и читал газету. Он поднял взгляд, после чего опять углубился в газету. Она видела его раньше, в городе.

— Зайди, — весело повторил Баркли. — Или я пожалуюсь Стэнли, что его развозчик некоторым клиентам отдает предпочтение. Девочек Долли ты навещаешь, а меня нет.

Мэриен смущенно мялась на месте.

— Это Сэдлер, — представил Баркли рыжего мужчину. — Он не кусается. Точно не хочешь зайти? Не хочешь посмотреть мой дом?

Сэдлер поднял голову и слабо, прохладно улыбнулся.

— А что в нем особенного? — спросила Мэриен.

— Только то, что он мой.

— Наверно, не так-то легко осмотреть все, что ваше.

— Не надо верить слухам. Ладно, подожди здесь.

Баркли ненадолго исчез и, вернувшись с пустой корзиной, отгородил Сэдлера с его газетой дверью.

— Я провожу довольно много времени в Мис-

суле и не люблю гостиницы, вот и подумал, что нужно пристанище. — Он достал из кармана золотой портсигар и зажигалку и сел на край крыльца, широко расставив на траве ноги в черных туфлях. Постучал по доскам рядом с ним: — Посиди минутку. Ты куришь?

Она села.

— Иногда.

Он прикурил сигарету ей — фабричную, не самокрутку, — затем себе. Она обратила внимание, что руки у него в легких веснушках, чистые ногти аккуратно подстрижены. Вспомнила портсигар Калеба, Калеба у ее груди. Калеб в общем похож на Маккуина, но менее собран, менее дисциплинирован. Ногти у него всегда обгрызены до мяса.

— Я недавно вернулся из Чикаго, — сказал Баркли. — Ты там бывала?

— Только на поезде, в младенчестве.

— А вообще выезжала из Миссулы? Не считая младенчества?

— На озеро Сили-Лейк, и еще один раз дядя брал меня в Хелену.

— Это все Монтана.

Она кивнула.

— Что ж, Монтана — хорошее место. Не хуже других, что я видел.

— Я хочу посмотреть другие.

— На мой взгляд, все везде слишком захвалено.

— А где вы были?

— О, много где.

— А не в Америке?

— Тоже.

— А в Арктике были?

— Слава богу, нет. Звучит страшно. — Он заметил ее реакцию: — А ты хочешь? Тебе не кажется, что там слишком одиноко?

— Я не против.

Улыбка у него оказалась кривая, с одной стороны губы поднимались выше.

— А с меня, по-моему, хватит одиночества.

Она кивнула, недоумевая, что сказать.

— Ты не хочешь спросить, почему я одинок?

— Ну ладно.

— Так спроси.

— Почему вы одиноки?

— Мое хроническое состояние. В раннем детстве отец отправил меня в Шотландию, откуда он родом. В холодную, темную, отвратительную школу, где работали холодные, темные, отвратительные люди. Темные в смысле души, не кожи, которая у них была как раз очень белая. Меня там все считали любопытным субчиком. Слишком

коричневый для шотландца, слишком бесцветный для салиши. Моя мать салиши. Ты знала?

Под его продуманной непринужденностью она уловила еле заметное подергивание нервов, так напрягается удочка, когда попадается рыба.

— Да.

— Ты наводила обо мне справки?

— Нет, — слишком энергично ответила она. — Слышала где-то.

Баркли, похоже, развеселился.

— Это должно означать, что тебе известно мое имя, хотя я был так невежлив, что не представился.

— Вы Баркли Маккуин.

— Что еще ты про меня знаешь?

— У вас на севере ранчо.

— А еще?

— Вы предприниматель.

— И какое у меня предприятие?

Она посмотрела ему прямо в лицо, затянулась сигаретой. Табак был богаче вкусом и мягче, чем все, что она курила до сих пор.

— Скотоводство. Как я уже сказала.

— Что еще тебе известно?

— Больше ничего.

— Ты умеешь молчать. Очень полезно в твоем

деле. — Косой взгляд. — Пекарском деле.

Она улыбнулась и отвернулась, чтобы это скрыть.

— Что говорят обо мне девочки у мисс Долли?

Она испугалась, но смело ответила:

— Они говорят, вы любите, чтобы все было по-вашему.

Хриплый, лающий смех.

— Правда, люблю. А почему нет? Каждый должен понимать, чего хочет. — Он всмотрелся в ее лицо: — Мэриен Грейвз. А чего ты хочешь больше всего?

Никто никогда не задавал ей такой вопрос. Быть пилотом. Быть пилотом. Быть пилотом. Сказать было так просто, всего два слова. Но она ответила:

— Не знаю.

— Иногда излишняя скромность становится препятствием. — Мэриен промолчала, и он продолжил: — Если ты не скажешь мне, чего ты хочешь, я не смогу тебе помочь добиться этого. А я хочу тебе помочь.

— Почему?

— Мне нравится твое лицо. — Баркли бросил сигарету на землю и раздавил черной лакированной туфлей. — Хочешь знать, что мне известно

о тебе?

Почти шепотом:

— Да.

— Твой отец был капитаном корабля «Джозефина Этерна», и его посадили в тюрьму. Мать пропала. Тебя и брата отправили жить к дяде, Уоллесу Грейвзу, который, по моему мнению, превосходный художник, но пьяница и конченый игрок. Впечатляет? Я знаю, что тебе еще нет пятнадцати. Знаю, что ты отлично водишь автомобиль, хороший механик и развозчик у Стэнли. Развозчица. Стэнли, видимо, новшество нравится, ты как бы вдохнула жизнь в его дело. У него есть чувство стиля, для мелкой-то сошки. Потом, ты не воруешь, не треплешься. А то, что до сих пор не имела неприятностей с федералами или еще кем, отчасти везение, а отчасти лень и продажность государственных людей. Кстати, последние месяцы в некоторой степени благодаря мне.

Она попыталась не показать, как сильно напряглась.

— Все потому, что мне нравится твое лицо. Даже сейчас, когда ты одета под мальчика, правда, не вполне убедительно, мне оно очень нравится. В твоей привлекательности есть что-то шекспи-

ровское. Ты не поймешь, что я имею в виду.

— Вы имеете в виду «Двенадцатую ночь».

— И «Как вам это понравится». И «Венецианского купца». Я думал, ты не ходишь в школу.

— Есть и другие способы чему-то научиться.

— Верно.

Она потушила сигарету о подметку ботинка и отбросила окурок. Взвинченность уступила место собранности, осмотрительности. Сама не понимая откуда, она знала, какой Баркли хочет ее видеть. Взвешенной, отстраненной, немного жесткой. Мэриен отметила острый край крыльца под пальцами, то, как он посмотрел, когда она вытянула ноги.

— Чего я до конца не смог понять, — продолжил Маккуин, — так это, во-первых, почему ты решила пойти к Стэнли. Деньги, да, но большинству девочек твоего возраста деньги не настолько интересны, чтобы бросить учебу и связаться с винокурами. А поскольку твой брат продолжает ходить в школу, дядя тут ни при чем, иначе он и брата заставил бы уйти из школы и приискать работу. Как тебе логика?

— Ничего.

— Ничего. Прилично. Тогда я выдвину несколько версий и предложу вывод, а ты уточнишь, если

я не прав. — Баркли смотрел прямо на нее. — Я думал, может, ты решила помочь дяде с долгами, которых у него много и становится все больше. Но я ни разу не слышал, чтобы ты пыталась кому-нибудь заплатить. Тогда я подумал, может, ты любишь риск. Иначе зачем позволила девочкам Долли вырядить тебя? Любишь маскироваться. Шлюхой, мальчиком.

— Не маскироваться. Так удобно.

Маккуин коротко, снисходительно улыбнулся.

— Или, подумал я, ты копишь на то, чтобы удрать. Но ты купила автомобиль и никуда не уехала. И я заключил, автомобиль не то. Ты хочешь купить что-то другое. А потом обратил внимание, как ты ходишь на аэродром. Осторожно навел справки и выяснил, да, ты ошивалась там и упрашивала пилотов научить тебя летать. Все время после полета Линдберга, два года. Но учить тебя никто не хочет.

Она не ожидала от Баркли такой методичности в разгадывании ее самого заветного желания и не предполагала, что при достаточном терпении и упорстве его можно выкопать.

— Наверное, обидно, — очень мягко продолжил Маккуин, — для человека, больше всего на свете мечтающего стать пилотом.

Она испугалась. То не была давешняя нервозность или дрожь, как в речке с Калебом, не обычная тревожность, а неподотчетный ужас, какое-то глубинное сопротивление тому, что вскипало между ними.

— Я не хочу быть пилотом, — уперлась она. — Просто мне втемяшилось на какое-то время. Я думала, занятно научиться летать.

— Я бы хотел, чтобы ты доверяла мне, Мэриен.

— Бутлегеру, с которым познакомилась в борделе?

Она хотела пошутить, сострить, но просчиталась. Лицо Баркли закрылось.

— Я владелец ранчо, — тихо сказал он. — Не стоит об этом забывать.

Над их головами пролетела и исчезла между деревьями сова. Баркли, нахмурившись, проследил за ней.

От произошедшей в нем перемены Мэриен стало неловко. Захотелось вернуть его расположение.

— Мне надоела школа и хотелось заработать немного денег, — пожала она плечами. — Уоллес никогда не хотел своих детей, но взял нас, потому что у него доброе сердце. Больше никого не было. Я хотела отблагодарить его, вот и все. Помочь

выбраться.

— Но чего ты хочешь для себя? Помимо «помочь выбраться»?

— Не знаю. Ничего. Как все.

Он наклонился к ней:

— Я не верю ни одному твоему слову.

Она остро ощущала его мужскую силу, дыхание, уверенность, с какой черные туфли уперлись в землю, запах, запомнившийся ей еще у Долли: какое-то масло для волос или одеколон, горький, терпкий. Задумалась, сколько ему лет, и не могла определить. (Двадцать восемь.)

Баркли опять улыбнулся своей кривой улыбкой:

— В твоем расследовании тебе удалось узнать, что мне было всего девятнадцать, когда умер мой отец? Проведя год в шотландском университете, я вернулся домой. Отец все оставил мне. Ранчо, но еще ответственность за мать и сестру, и, к моему изумлению, кучу долгов. Я думал, тут какая-то ошибка. Один из самых крупных землевладельцев штата, человек, который жил нарочито благочестиво, умеренно, в достатке, но не на широкую ногу. Я не мог понять, как он мог очутиться в долгах, пока не начал разбирать его бумаги. Неправильное управление, вот в чем

дело. Самая простая штука на свете. Доверял не тем людям. Не туда вкладывался. Закапывался все глубже и глубже, пока не очутился в миленькой глубокой черной яме. По счастью, он переселился в настоящую яму, прежде чем успел закопать нас еще глубже. Я не мог сказать матери. Но мне и не пришлось. Оказалось, у меня чутье угадывать возможности, а восемь-девять лет назад наступило время огромных возможностей.

Начало сухого закона. Он посмотрел на Мэриен, проверяя, слушает ли она.

— Я вытащил нас из ямы, а потом только и делал что работал. Хотел быть уверен, что никогда не окажусь там опять. Нашел людей, разоривших моего отца, и разорил их. — Кривая улыбка. — Они не догадались, кто их разорил. Предпочитаю стратегию непрямого действия. — Баркли опять резко помрачнел. — Я говорю тебе это, так как хочу, чтобы ты знала: я понимаю, каково нести груз чужих ошибок, когда ты молод. Знаю, каково, когда тебя недооценивают. Но такая недооценка может стать возможностью, Мэриен, если умело ей воспользоваться. Улавливаешь?

Опыт говорил Мэриен, что недооценка не привела ее никуда, уж точно не за штурвал аэроплана, но она ответила:

— Думаю, да.

— Увидев тебя тогда… Не знаю, как сказать. Я увидел в тебе человека, которого мне необходимо знать. Ты меня заворожила. Иначе я бы не… — Он осекся и задумчиво провел каблуком по траве. — Я имел много девушек. Обычно я тут же забываю о них. Если бы ты была, как они, я бы тебя тоже уже забыл. Думаю, я не ошибаюсь. Я ждал, что ты уйдешь. Но ты все время здесь. — Он постучал пальцем по виску. — После одного мимолетного взгляда. А ты думаешь обо мне?

При воспоминании о том, как она о нем думала, когда она о нем думала, Мэриен вспыхнула.

— Мне надо идти.

Она встала, взяла корзину.

Он протянул руку и схватил ее через брюки за ногу чуть ниже колена. Хватка была сильная, как будто челюсти животного.

— Мэриен. Я хочу узнать тебя, больше ничего. Быть тебе другом. — Он одумался и отпустил ее. — Теперь, поскольку мы друзья, маленький совет. Вместо того чтобы давать деньги Уоллесу, ты с таким же успехом можешь выбросить их в реку. Я навел справки о его долгах. Он никогда не сможет с ними расплатиться, а в какой-то момент наступит срок. Но я могу помочь.

Ей очень хотелось спросить, сколько и кому должен Уоллес. Его долги казались темным колодцем, куда она вечно заглядывала, прислушиваясь к плеску от упавшего камушка.

— Если я была одета, как шлюха, — сказала Мэриен, — это еще не значит, что я шлюха.

Выражение лица у Баркли не изменилось.

— Помни, ты всегда можешь ко мне прийти.

* * *

У Мэриен не имелось причин интересоваться домом по приезде сюда, но на обратном пути она остановилась и осмотрела отдельно построенный бело-зеленый гараж, возле которого припарковала грузовик Стэнли. По структуре гараж напоминал миниатюрный амбар, куда могли поместиться два автомобиля, на раздвижных дверях висел замок. На каждом длинном фасаде было вырезано по два маленьких квадратных окна, и она подумала, если на что-то встать, можно заглянуть внутрь. Интересно, на каком автомобиле ездит Баркли? Она время от времени видела автомобили бутлегеров — мощные «Паккарды», «Кадиллаки», «Студебеккеры», «Виски-6», слышала истории про улучшенные моторы, двойные полы, выдолбленные сиденья, бронированные

баки для горючего, ребордные колеса, чтобы ездить по железнодорожным рельсам и эстакадам.

Возле гаража стояли ведро и деревянный ящик, Мэриен поставила их друг на друга, взобралась и чашечкой приставила руки к окну. Автомобиль, находившийся в гараже, она видела в журналах, однако ни разу воочию — блестящий черный брогам «Пирс-эрроу», длинный, низкий, с широкими подножками, выпуклыми ограждающими щитками, боковины шин из белой резины. Серебряный лучник на капоте нацелил стрелу на надвигающийся мир. Все ее смущение, связанное с Баркли, сменилось сильнейшим желанием поднять этот капот и впиться глазами в восемь (восемь!) цилиндров мотора под ним. Ей захотелось опять постучаться в дверь и спросить, можно ли посмотреть машину. Она знала, Маккуин не откажет, может, даже позволит сесть за руль, но тогда она уже будет ему должна.

Мэриен была в таком восторге, что сначала не заметила второй автомобиль, за «Пирс-эрроу», в тени, почти целиком затянутый брезентом, кроме того места, где ткань впереди задралась, обнажив фрагмент серого капота и бампер, прекрасно ей известные.

* * *

— Я больше не хочу возить туда товар, — сказала она Стэнли. — Пусть ездит кто-нибудь другой.

Вид у Стэнли был усталый, волосы побелели от муки, большие руки он сцепил поверх фартука. После акта Волстеда хозяин зарабатывал кучу денег, но Мэриен не представляла, на что они уходят. Он продолжал жить в том же доме, каждый день трудился в пекарне. Его жена ходила в обычной одежде. Должно быть, копил.

— Придется, — ответил Стэнли. — Он особо просил тебя. Он ведь не приставал к тебе с глупостями, нет? Потому что если нет, ты поедешь. Ради меня, ладно? Я ради тебя немало рисковал, много чего тебе доверил. При желании он бы сровнял меня с землей, и он особо тебя просил. Хорошо?

Что она могла сказать?

* * *

Она могла только вспоминать другую ночь, когда ей не спалось. Ночь, когда приезжал ее отец, она без сна пролежала на веранде, а Джейми посапывал на соседней раскладушке. Он был

взволнован не меньше, может, даже больше, но ему каким-то образом удалось отключиться, так что она одна слышала голос их отца, тихий и невнятный. Одна видела его силуэт в окне флигеля, когда он задернул занавески. В лунном свете высокая трава между домом и флигелем подернулась серебром, как волчья шкура.

С тех пор в течение почти пяти лет она засыпала легко каждую ночь («Ты гений сна», — говорил Уоллес), но теперь сон опять отлетел, и, слушая дыхание Джейми, она думала о Баркли Маккуине. Ее охватила странная тоскливая любовь к брату. Как можно тосковать по тому, кто спит здесь же, на раскладушке, через узкий проход, так что почти можно дотянуться рукой? Но в то же самое время он был непроницаем, неуловим, как тень, метнувшаяся от поезда, уже исчезающего вдали.

Баркли Маккуин. Закрывая глаза, она смотрела в окно Джильды на животное, в окно гаража Баркли на фрагмент серого капота. Зачем ему «Кадиллак»? Сделать ей больно? Что-то у нее отнять? Или он предложит вернуть его в рамках какой-то будущей сделки? Джейми сказал, не надо иметь дел с Баркли. У него плохое предчувствие. Мэриен, как могла, попыталась объяснить, что у нее тоже плохое предчувствие, как будто она в реке

и ее тянет к водопаду, она в панике, но не может избавиться от сильного, безудержного любопытства. Она прижала пятку к синяку, который оставил Баркли, схватив ее за голень, и почувствовала глухую боль и острое удовольствие. Откинула одеяло, натянула ботинки, выскользнула с веранды. Стояла почти полная луна. Твердым шагом она шла в хижину Джильды. Ответом на тихий стук в темное окно крошечной каморки, где спал Калеб, стала тишина, только дрогнуло отражение луны. Наверное, он в горах. Света не было и в окне у Джильды, но, развернувшись идти домой, Мэриен заметила на траве тень. Калеб спал под открытым небом на скатке.

Мэриен не чувствовала страха, только вызов, неотличимый от необходимости. Она легла возле него со скоростью солдата, занимающего позицию в стрелковом окопе. Он испуганно проснулся, но она приблизила к нему губы, прежде чем он успел что-то сказать. Калеб расслабился. Понял. Мэриен стянула пижаму, он тоже разделся одним движением. Калеб всегда казался человеком в шаге от наготы. Он перевернул ее на спину. Она чувствовала, как его член тычется об нее, шаря туда-сюда, затем сильное давление, жар и чувство, будто пилят тупой пилой. Она

отстраненно следила за необычной болью, смотрела, как черные волосы Калеба упали с плеч, как поднимались и опускались его бедра между ее колен. Представила бедра Баркли, плечи Баркли, дыхание Баркли ей в шею. Она не знала, куда девать руки, и прижала их к траве.

Все кончилось быстро. Мэриен испытала не удовольствие, но облегчение. Встала и оделась.

— Я все еще не хочу быть твоей девушкой, — сказала она, глядя вниз на Калеба, вытянувшегося в лунном свете, как изящная нежащаяся кошка.

Она знала, что это правда. Баркли превратил это в правду.

Калеб оскалился:

— Не обманывай себя.

Она ткнула его в ребра ногой:

— Придурок. — И Мэриен пошла домой, засыпая на ходу.

Утром, в первый раз: ее месячная кровь.

Миссула
Сентябрь 1929 г.
Два месяца спустя

— На аэродром? — переспросила Мэриен, осмотрев заказ, который вручил ей мистер Стэнли.

— Спецзаказ. Господину по фамилии Маркс, —

ответил тот.

— Я знаю всех на аэродроме и не знаю никого по фамилии Маркс.

— Мне сказали, он точно там.

— Кто сказал?

— Некто, кто неплохо относится ко мне, а стало быть, и к тебе.

Когда она приехала, несколько пилотов сидели на бочках со смазкой перед конторой и, прислонившись к покосившейся стене, дремали на солнышке. Послеполуденное небо было темно-синим, без единого облачка. На их месте она бы в нем летала. Мэриен крикнула из окна грузовика:

— Я ищу Маркса.

Пилоты пошевелились.

— Да, новенький, — сказал один. — Посмотри в том ангаре, в конце.

Другой спросил:

— Пробных бесплатных образцов нет сегодня, Мэриен?

— Есть вчерашние булки.

— А как насчет того, что разливают по бутылкам?

— Посмотрим. Возьмешь меня наверх?

— Посмотрим.

Она постучала пальцами по рулю:

— Сначала мне надо повидать этого Маркса.

Пилот пожал плечами:

— Может, тогда я уже уйду домой.

Она подъехала к самому новому и большому ангару. Там было просторно и прохладно, окна дымчатого стекла забраны решетками. Высокие раздвижные ворота в дальнем конце открыты на поле, яркий прямоугольник света разрезан длинными оранжевыми крыльями стоящего носом к воротам аэроплана с черным фюзеляжем, спускающимся к оранжевому хвосту.

— Здоро́во! — На складном стуле под левым крылом сидел человек и, уперевшись ногами в нижнюю перекладину приставной лестницы, читал газету. — Ты, наверно, знаменитая развозчица Стэнли.

— А кто интересуется?

Бросив газету на колени, но не снимая ноги с лестницы, человек царственно протянул грязную ладонь, слишком большую для костлявой руки, с широкими, как у лягушки, подушечками пальцев.

— Крепкий орешек, да? Я Голец Маркс.

— Мэриен.

Она примостила корзину на левое бедро и,

наклонившись, крепко пожала его руку, с грустью вспомнив Феликса Брейфогла. Маркс был на диво уродлив. Откуда взялось его прозвище, вопросов не вызывало. Рот оттянут книзу и почти до невозможности широк: скорее окунь, чем голец. Во время разговора он обнажал желтую пилу кривых зубов. Верхняя часть лица ничуть не исправляла положение. Веки, одно больше другого, нависали над глазами; короткие, глубокие уши приплюснуты к большой круглой, абсолютно лысой голове. Зато Гольца отличало веселое спокойствие и бесовское обаяние.

— Симпатичный аппарат, — признала Мэриен.

— Любишь аэропланы?

— Да.

— Летала?

— Пару раз.

— Управляла когда-нибудь?

— Меня никто не подпускал.

— Вот как? Почему?

Какой смысл объяснять очевидное. Она поставила корзину и зашла под крыло, смотря вверх на гладкую, покрытую лаком поверхность. Аэроплан был довольно новый, еще чувствовался слабый запах бананов — химическая шутка одного из растворителей в составе покрытия. Мэриен

закрыла глаза и вдохнула.

— У тебя такой вид, как будто ты нюхаешь букет роз, — сказал Голец.

— Это лучше, чем розы.

Она обошла, чтобы осмотреть серебристый пропеллер и черную смазку карданного вала. Внутреннее чувство говорило ей: если она сдаст правильные карты, он возьмет ее наверх; нужно только быть осторожной, не ляпнуть ничего, что заставило бы его отпихнуть ее как ребенка, девчонку.

— Какая тут модель?

— Новая, улучшенная. «Пратт энд Уитни Уосп». Четыреста пятьдесят лошадиных сил.

— А максимальная скорость?

— Говорят, сто сорок, около того, но я разгонялся быстрее, и обошлось, не загорелось. Фары сделаны на заказ. Хорошо садиться в темноте.

— Вы часто садитесь в темноте?

— Бывает. А тебе, кажется, кое-что известно про аэропланы.

— Я много читаю.

— Вот как! И что же ты читаешь?

— Все журналы по авиации. Все, что встречается в газетах. Книги.

Особенно ее интересовали упоминания о жен-

щинах-пилотах, она внимательно читала о всех их свершениях, словно стараясь предсказать собственную судьбу. Она не преклонялась перед ними, как перед пилотами-мужчинами, но завидовала им болезненной завистью, иногда прокисавшей до неприязни. Непременные фотографии, как они пудрят носики в кабине пилота, казались ей отвратительны, а шумиха вокруг Амелии Эрхарт, которой выпала честь быть первой женщиной, совершившей трансатлантический перелет, хотя она была всего-навсего пассажиром «френдшипа», огорчала и раздражала ее. С таким же успехом можно превозносить до небес мешок с балластом.

Ей больше нравилась Элинор Смит, получившая летную лицензию в шестнадцать, а в семнадцать уже летавшая на спор под мостами Куинсборо, Уильямсберг, Манхэттенским и Бруклинским на «Вако-10». (После чего она появилась во всех газетах, пудря свой чертов носик.) Позже Элинор поставила рекорд длительности одиночного полета — почти тринадцать с половиной часов, — а когда его кто-то превзошел, выдала еще один: двадцать шесть с половиной часов на большом «Белланка Пейсмейкере». Кроме того, за ней числился рекорд скорости среди

женщин — 190,8 мили в час.

— Какие книги? — спросил Голец.

— Ну, вы понимаете. Пилотов. Про пилотов. — И гордо: — Одну по теории полетов.

— И что же там говорилось?

— Про Исаака Ньютона, про взлет, закон Бернулли, всякое такое.

— Бер-кого? Никогда не слышал. А что он утверждает?

Мэриен, которая хотела лишь намекнуть, что ей кое-что известно, взобралась на стойку шасси и через боковое окно заглянула в кабину пилота. Длинный салон был пуст, только два плетеных сиденья привинчены к полу по обе стороны от приборной доски.

— Трудно объяснить, но речь о том, почему воздух выталкивает аэроплан вверх.

Она надеялась, Голец не станет углубляться в расспросы.

— Вообще-то я уже долго летаю и никогда такого не слышал. — Когда Мэриен спрыгнула обратно, Голец отложил газету и встал. Он доходил ей до плеч, но казался сильным. — Так ты хочешь вверх или стоять здесь и пускать слюни? День что надо.

Несколько секунд она яростно смотрела

на аэроплан. Потом сказала:

— У меня есть деньги. Если вы согласитесь меня научить, я могу платить вам за уроки.

Засунув руки в карманы, он улыбнулся, показав все свои жуткие желтые зубы.

— Ну и хорошо, что есть. Деньги — полезная штука. Но тут будет бесплатно. Он уже заправлен. Мне только надо, чтобы ты помогла его выкатить.

Для своих крупных размеров аэроплан двигался легко. Они встали по разные стороны и, будто навалившись на плуг, принялись толкать подкосы крыльев, выплывая на яркий свет. Мэриен почувствовала такой всплеск адреналина, что будто засветилась изнутри. Вот ее учитель. Явился, в чем она и была уверена.

— Тебе что-нибудь известно про маршрут осмотра? — спросил Голец, прикрыв глаза рукой от солнца и посмотрев на нее.

— Только в теории.

— Вроде теории Бер-как-его-там? Правда, эта довольно проста. Ты как следуешь осматриваешь аэроплан и убеждаешься, что нигде нет никаких дыр и ниоткуда не течет смазка. Проверяешь шасси. Ну, вот примерно и все.

Когда осмотр «трэвел эйра» показал отсутствие

явных дыр и протечек, Голец открыл дверцу кабины, расположенной ближе к хвосту, и велел Мэриен занять сиденье справа.

— Правый борт, — сказала она.

— Ого! Мы как следует освоили Бер-как-его-там!

Во время подъема по наклонному полу кабины Мэриен пришлось пригнуться. Внутри пахло бензином. Отверстия под шурупы в полу говорили о том, что можно еще разместить сиденья, но она видела только брезентовые ремни и металлические крюки.

— Вы часто возите груз?

— Бывает, — ответил Голец, поднявшись следом за ней.

Как только они уселись — локоть к локтю, тут было тесно даже для некрупного мужчины и худой девочки, — Голец указал на приборную доску:

— Вот твой топливомер, вот компас, высотомер, тахометр, датчик давления масла, часы…

— Я знаю, что такое часы.

— Ты чертовски талантлива. Вот указатель воздушной скорости, вариометр…

Он показал ей рычаги, педали, два одинаковых соединенных штурвала, рукоятку управления

стабилизатором над головой, тормоза, управляемые только с его стороны.

— Необязательно запоминать все сейчас, — заметил Голец.

Но она уже запомнила.

Она еще не летала в аэроплане, где не нужно вращать пропеллер. Электростартер закрутил маховик, завелся двигатель, поднялось и растворилось облако дыма. Отдельные удары перешли в неравномерный перестук встряхиваемых в стаканчике камешков, затем в нетерпеливый лошадиный галоп, наконец, в ритмичное металлическое пыхтение. Пропеллер размылся.

— Чтобы освоить основы, лучше учиться на биплане. — Голец перекрикивал шум. — Но у меня сейчас нет. Хотя принцип один и тот же.

Во время руления он велел ей управлять штурвалом, дал почувствовать неловкие тычки аэроплана по земле.

В конце поля Голец притормозил, чтобы проверить показания приборов и засунуть за щеку щепотку табака, а потом двинул вперед. Набирая скорость, аэроплан трясся и грохотал. Мэриен чувствовала, что он становится легче, колеса уже не с такой силой вдавливаются в траву. Когда поднялось хвостовое колесо, фюзеляж накренил-

ся. Голец потянул на себя штурвал, и «трэвел эйр» оторвался от земли.

— Ну вот, можно расслабиться. — Он медленно надавил на штурвал. — Он может взлететь и более круто, но здесь не стоит. В горах надо подниматься под бóльшим углом, а тут сплошь открытое пространство.

Внизу показались ангары, крестики закрепленных на траве бипланов, длинные амбары ярмарочной площади и овальный ипподром.

Голец настроил подачу топлива, оттриммировал аэроплан.

Она вдруг испугалась, ей не приходило в голову раньше: а если у нее не получится? Представление о себе как о пилоте было настолько четким, что Мэриен забыла: вообще-то она не знает, как летать, ей нужно учиться. И она впервые с беспокойством задумалась о серьезных последствиях своего решения бросить школу.

— Ладно, — сказал Голец, — теперь ты.

— Что я должна делать?

— Просто постарайся держаться прямо и ровно.

Легко сказать. Ей пришлось регулировать приборы по указке Гольца. Изо всех сил стараться удержать равновесие в воздухе, на который воз-

действуют невидимые силы, было до крайности необычно. Аэроплан живой, воздух живой. Ее город внизу тоже живой, хотя как-то по-муравьиному: невразумительное, бесцельное движение крохотных существ.

— Не хочешь попытаться развернуться? — спросил Голец. — Ты штурвалом, я педалями.

— Я могу и то и другое.

— Это хитро.

— Я знаю, что такое координированный разворот.

— Знать и делать — разные вещи, но если хочешь… Вперед.

Страх ушел. Для него не осталось места. Она надавила педаль правой ногой, медленно выкрутила штурвал вправо, почувствовала равновесие. Аэроплан накренился и повернул. Конечно, повернул — он и создан, чтобы на нем летать. Приборы все регулируют, однако тот факт, что она приказала самолету и тот подчинился, показался страшно важным. Окно сбоку заполнилось темными извивами Биттеррута, верхушками деревьев. С земли узор не увидеть, не увидеть, как течет по долине река — не подчиняющимися логике излучинами, словно забрасываемая удочка; как вода, раскалываемая, разрезаемая

песчаными косами, потом опять соединяется. Однако в открывшейся перспективе таилась и неизвестность. Утратились детали, мир съежился до лоскутного одеяла. Все деревья стали одинаковыми, поля — однообразно плоскими и зелеными.

— Отклони руль направления еще немного. — Голец выплюнул табачный сок в кофейный стакан. — Чувствуешь скольжение?

Как только она выровняла самолет, перед ней выросли горы, и пришлось снова поворачивать, облетая долину шариком, катающимся по внутренней поверхности сферы.

Когда они сели совсем недалеко от ангара, когда отключился мотор и остановился пропеллер, Голец сказал:

— Ты самородок.

Радость. Одна радость. Он не мог знать, что произнес слова, которые ей хотелось услышать больше всего.

— Правда? — спросила она, надеясь на развитие мысли.

— У меня бывали ученики и похуже. — И Голец жестом велел ей вылезать.

Теперь, полетав на «трэвел эйре», Мэриен воспринимала его иначе. Теперь ей знакомо

ощущение штурвала, педалей, ритмичный стук выбрасывающего искры двигателя, вид оранжевого кончика крыла, указывающего вниз на реку, когда она разворачивалась над ней. В полете она была слишком сосредоточена и не могла полностью осознать тот волшебный факт, что она — она, Мэриен Грейвз, — сидела за штурвалом аэроплана, но теперь, вспомнив, испытала головокружение.

— С полетами дело такое, — начал Голец. — Летать неестественно. Тебе нужно научиться не следовать своим инстинктам, а выработать новые. Например — самое простое, — аэроплан глохнет, и ты теряешь высоту. Что будешь делать?

— Отдам штурвал от себя, чтобы вернуть скорость.

Голец кивнул:

— Ты так читала в книгах, но наверху все иначе. Когда такое случается, тебе меньше всего хочется вниз, но это абсолютно необходимо. Необходимо нацелить нос, куда тебе совсем не хочется, и уйти туда. Чтобы наработать голову летчика, требуется много времени. Нужно терпение. И самообладание. Наверху можно занервничать и перестать лететь.

— Знаю.

— Нет, не знаешь. Не можешь знать, по-настоящему.

Хотел ли он сказать ей, что лучше отступиться? Хоть и назвал ее только что самородком? Увидел ли в ней какую-то изначальную непригодность? В долине было совсем тихо. Ни ветерка, ни пения птиц.

— Ну, что скажешь? — не унимался Голец.

У Мэриен пересохло во рту:

— В смысле?

— Все еще хочешь летать?

На мгновение ей показалось, что ответить она не сможет.

— Если вы назовете цену, я найду возможность оплатить.

Голец широко улыбнулся, и от того, что кривая линия большого рта загнулась по краям, набрякшие глаза почти закрылись.

— У меня для тебя хорошие новости. Обалденные новости. Такие хорошие, что ты не поверишь. — Он выдержал театральную паузу.

— Не поверю во что?

— Кое-кто хочет оплачивать твои уроки. Тебе не нужно платить ни цента.

На мгновение она совершенно растерялась,

но растерянность быстро ушла, уступив место уверенности.

— Нет.

Рот большой рыбы опустился вниз:

— Что значит «нет»?

— Нет.

— Мэриен! — Голец положил ей руку на плечо и легонько потряс. — Новости действительно хорошие. У тебя есть покровитель.

— Кто?

— Вообще-то он предпочел бы остаться неизвестным.

— Баркли Маккуин.

Лицо Гольца стало непроницаемым:

— Никогда не слышал.

— Больше некому. Нет. Я буду платить сама.

— Боюсь, это невозможно. — На лице Гольца выразилось искреннее сожаление.

— Что, мои деньги хуже денег Баркли?

Конечно, ерунда.

— Я не знаю, о ком ты.

— Он не мог не понимать, что я догадаюсь. Люди не толпятся в очереди за меня платить. Только один недавно предлагал.

— Тогда почему бы просто не порадоваться подарку?

Она отвернулась.

— Приятно было с вами познакомиться. Спасибо за урок.

Голец поднял руки:

— Ладно. Он говорил, что ты сначала можешь не принять его предложение, но потом передумаешь.

Мэриен ненадолго задумалась:

— Аэроплан его, так?

— Формально мистера Сэдлера. Так что, боюсь, я не смогу позволить тебе самой платить за уроки. Если бы был мой, я бы не возражал. Если бы у меня был такой аэроплан, я бы много против чего не возражал.

К концу этой тирады Голец будто стал меньше, свернулся, как еж, и вдруг, резко крутанувшись, пошел к ангару, бешено работая короткими ногами.

Мэриен осталась на месте. Она хотела побыть наедине с аэропланом. Двигатель еще отдавал тепло и запах смазки. Она опустила голову и положила руку на пропеллер, будто на крышку гроба. Если бы Баркли действительно хотел проявить щедрость, он подсунул бы ей свой аэроплан и разрешил платить Гольцу разумную цену, и она стала бы пилотом, питая блаженную иллю-

зию самостоятельности. Так ведь нет, она должна знать, что обязана. Зачем, Мэриен не понимала, но понимала достаточно, чтобы насторожиться.

— Не холодное, — раздался у нее за спиной голос Гольца, державшего в руках по бутылке пива из привезенной ею корзины. — Но первый полет нужно отметить.

Она взяла одну:

— Спасибо.

— Подоткни травы, — велел он, усаживаясь.

Она села рядом с ним по-турецки. Теплое пиво имело отчетливый привкус солода.

— Я помню, как это, — кивнул Голец. — Хотеть быть пилотом.

Низкое солнце отсвечивало от аэроплана.

— Все время, — начала Мэриен, — пока никто не хотел меня учить, я была уверена, что мой учитель просто еще не появился. Думала, в один прекрасный день он явится, прилетит сюда, как тот первый в моей жизни пилот. Поэтому, когда вы согласились взять меня… — Она мрачно отхлебнула из бутылки.

— Да пусть все идет, как он хочет. Я получаю деньги. Ты — уроки. Он — статус твоего покровителя. Все довольны.

— Он не по доброте душевной.

Обод отраженного солнечного света на аэроплане сузился и исчез. Начинало холодать.

— Может, тут то же самое, что я говорил о полете, — тихо сказал Голец, пощипывая траву. — Может, тебе следует пойти наперекор инстинкту. Ты хочешь оттолкнуть, но добьешься желаемого, только если сделаешь противоположное.

— Противоположное — не отталкивать Барклли? — Мэриен жестко посмотрела на него.

Голец не выдержал ее взгляда и поднял руки:

— Вообще не мое дело, но я думаю, Маккуин не имеет в виду ничего плохого. — Он опять посмотрел на нее: — А ты?

— Если честно, понятия не имею.

— Можно откровенно, Мэриен?

— Ну да.

Голец прокашлялся и распялил рот:

— Ты бы сделала мне большое одолжение. Он вбил себе в голову, что я должен научить тебя летать. Я хороший инструктор. Правда. Я и для него летаю. На север. Вожу товар. Ты слушаешь?

Ну, конечно. Чего удивляться, что в салоне нет сидений для пассажиров. Аэроплан перевозит спиртное из Канады. Она покачала головой на собственную тупость.

— Нет? — спросил Голец.

— Нет, слушаю, только… чувствую себя идиоткой.

Голец указал дном бутылки на аэроплан:

— Ты можешь надеть на него лыжи, удобно зимой. Можешь надеть поплавки и приводниться. Мои поставки лишь капля в море, но твой друг достаточно умен и понимает, что, накапав достаточно капель, довольно скоро получишь полное ведро.

Лыжи! Идея так заманчива, что она тут же забыла о своих переживаниях.

— Вы приземлялись на лыжах?

— Поучись у меня, и тоже сможешь.

Возник новый образ, который еще нужно продумать и отшлифовать. Вот она спускается на «трэвел эйре» к гладкой белой равнине, высекая при приземлении петушиные хвосты снежной пыли.

— У меня жена и дети. Я был бы тебе очень признателен. — Голец скривил большой рот в печальной улыбке и, вытащив из-за пазухи блокнот с карандашом, протянул ей: — Держи. Будешь записывать свои полеты.

Страницы журнала были разграфлены в колонки «Дата», «Тип аэроплана», «Номер аэроплана», «Тип двигателя», «Летные условия», «Продолжи-

тельность полета» и «Комментарии». Голец дал ей ручку:

— Давай заполни первую строку. — Когда она запнулась на продолжительности полета, он подсказал: — Тридцать семь минут. В «Комментариях» напиши «обучение». Мамочки, ну и почерк у тебя.

Мэриен хотела вернуть ему журнал, но Голец мотнул головой:

— Нет, твой. Храни. Да, чуть не забыл. Мне велели поздравить тебя с днем рождения.

— Это было вчера, — ответила Мэриен.

Им с Джейми исполнилось пятнадцать.

* * *

С аэродрома Мэриен поехала к бело-зеленому дому. Постучалась в переднюю дверь и стучала, пока не открыл Сэдлер.

— Его нет, — сказал он.

— Передайте, что у меня есть условие.

— Да ты что!

— Я получу лицензию и буду на него работать, летать через границу. Мне не нужна благотворительность.

— Он не согласится.

— Прекрасно. Потому что, как я ему и говорила,

я вообще никуда никогда не хотела летать.

По взгляду Сэдлера Мэриен внутренним чутьем поняла, как же он ее не любит, она усложняет ему работу. «Но ведь я не виновата!» — хотелось крикнуть ей. Ведь Баркли мог оставить ее в покое.

— Передадите?

Сэдлер потер щеку, будто проверяя, как побрился.

— Хочешь совет?

Вопрос вывел Мэриен из себя:

— Откуда мне знать, если я до сих пор обходилась без него?

Он долго, пристально на нее посмотрел, а затем сказал:

— Передам.

И закрыл дверь.

По дороге обратно к Стэнли она что было силы давила на газ. Приземистый старый грузовик крутило на поворотах. А ей представлялось, как она тянет на себя штурвал и шасси отрываются от земли. Баркли согласится, она чувствовала нутром. Он соврет, у него будет план, как не сдержать обещание, но она ему не даст. Она научится летать, а потом будет работать пилотом. Из нее вырывалась какая-то сила. Взлет. Это взлет.

Предстань, предстань

ШЕСТОЕ

Однажды ночью — мне исполнилось пятнадцать, и у меня как раз случился перерыв в Кейти Макги — мы с моим другом, подонком Уэсли, намереваясь поехать в пустыню, закинуться ЛСД и посмотреть восход, вытащили «Порше» Митча. Мы думали полежать на камнях под звездным небом, но было холодно и ветрено, и мы в конце концов вернулись в машину и включили печку. Как только наркота торкнула, мне перестало нравиться его лицо. Я пыталась сосредоточиться на чем-нибудь еще, но жуткое лицо становилось все ближе — серое, бумажное, пустое, как будто кто-то совал мне под нос осиное гнездо. Ночь рассекли скальпелем, рассвет прорезался красной щелью, и на его фоне ощетинившиеся силуэты коротколистных юкк протянули к небу свои руки-булавы.

Когда я вернулась, Митч, находившийся в фазе трезвости, лежал у нашего бассейна с газетой.

— Где побывала моя машина? — спросил он, когда я плюхнулась рядом в шезлонг.

— В пустыне, — ответила я. — Мы с Уэсли хотели посмотреть восход. Что тут такого?

— Сколько лет Уэсли?

Я не ответила. Просто не имела понятия. Митч перелистнул газету, а через некоторое время спросил, спокойно:

— Тебе не кажется, что ты капельку сорвалась с цепи?

В любой другой ситуации я бы огрызнулась на эту комедию, но, поскольку вопрос был задан вроде бы с искренним любопытством, как будто Митч не знал ответа, а также поскольку я ни разу его не ожидала и вообще ехала в пустыню в поисках благоговейных восторгов, а вернулась в ужасе, ответила:

— Не знаю. Может быть.

Он опять перелистнул газету.

— Знаешь, необязательно проходить этот дикий этап. Его можно просто пропустить.

Но мне было обязательно. Я не видела другого способа. Мне обязательно надо было вонзиться в свою жизнь выкидным ножом.

— Однова живем, — ответила я.

* * *

Гвендолин его не слила, это секс-видео, но меня все-таки вышвырнули. Причем столь стремительно, что я невольно восхитилась скоростью ее мщения.

Гавен Дюпре позвонил сам.

— Узнаешь? — спросил он.

— Узнаю, — ответила я.

— Знаешь, почему я звоню?

Он говорил тихо, голос выдавливался туго, казалось вообще чудом, что он с ним справляется.

— Догадываюсь.

— Гвендолин грозится запостить вашу с Оливером порнушку, если я тебя не уволю. А знаешь, где она, по ее словам, взяла видео?

— У меня.

— Верно, у тебя. Так что, как видишь, Хэдли, я в трудном положении. Что бы ты сделала на моем месте? Если бы ты дала актрисе шанс на всю жизнь, а она бы отплатила тебе сумасшедшей неблагодарностью и неуважением?

— На твоем месте — правда, не могу утверждать, что знаю тебя очень хорошо, но из того, что знаю, — я бы, наверно, предложила какую-нибудь сделку, включающую пункт повторного

отсасывания.

Он примолк. Такое молчание было знакомо мне по фильмам ужасов, оно всегда предшествует тому, что кто-то выскакивает из темноты и вонзает в тебя кинжал. Наконец Гавен сказал:

— Не знаю, о чем ты, но если публично выступишь с какими-нибудь клеветническими инсинуациями, то окажешься ответчиком в губительном и очень длительном судебном процессе, который вытащит на свет божий все твои подвиги. И всех. И кстати, да, ты уволена, а я позабочусь о том, чтобы твоя карьера накрылась. Тебе конец.

Я отсоединилась и, спустившись в комнату без окон, просмотровую в марокканском стиле, легла на большую подушку с кисточками и стала смотреть шоу про женщину, приводящую в порядок старые разрушенные дома. Она была маленькая, сильная и часто пользовалась пневматическим молотком. В итоге во всех домах оказывались ванны на львиных лапах, деревянные панели и плитка «метро». По фотографиям, которые я видела в детстве, дом родителей под Чикаго походил на ее проекты, если бы она бросала их посередине. Есть фотография, где мама моет меня в ванной на львиных лапах, но там

видно, как отслаивается выцветший линолеум. На другой неплохой деревянный пол, но тут же прискорбного вида матрас, застеленный мятыми простынями. Не знаю, почему они не устроились лучше. Деньги у них имелись, достаточно для погубившей их «Цессны». Не знаю, хотели они так жить или просто не особо хотели что-то менять.

В конце концов я заснула.

К утру новость появилась везде, от «Репортера Голливуда» и сайтов звезд до Си-эн-эн; все, как порцией взбитых сливок, было сбрызнуто ликованием. В твиттере у меня высветились три тысячи уведомлений. «Последние новости, — написала я. — Ничто не вечно. Я пройду через это». После чего удалила свой аккаунт и закрыла телефон.

Конечно, я хотела вывести Гвендолин из себя, продемонстрировать, что не только получила то, чего она больше всего хотела, но и вышвырнула это на помойку. Я догадывалась, скорее всего, так и будет, но все же меня колбасило, как потерявшего равновесие обугленного мультяшного рыцаря, опаленного дыханием дракона.

Я лежала на диване и смотрела уже другое шоу о недвижимости, где неразумные люди скупают по дешевке дома в ужасных местах, получая ка-

пельку эндорфинов от принимающих решения незнакомцев, и тут Августина напомнила мне, что по расписанию у меня занятия с тренером. Для пятого фильма мне требовалось прийти в форму, питаться только рыбой и капустой, думать только о трицепсах, однако теперь все это не имело значения.

— Можешь отменить, — сказала Августина. — Он поймет.

Но мне надо было выйти из дома. Я заявила, что поведу сама. М. Г. сел рядом. В конце подъездной аллеи я ползла медленно, осторожно, помня о судебных процессах. Окна машины залепили объективы. Руки присосались к стеклу, как морские звезды.

— Хочешь, чтобы я их убрал? — спросил М. Г.

Обычно М. Г. с каменным лицом торчит недалеко от меня и открывает рот, только когда совершенно необходимо. Но я ответила: нет, все в порядке. Пузо одного фотографа шлепнулось на капот, он снял мое лицо. Я выбросила руку с криком: «Отвалил на хер!» Даже через закрытые окна проникал грохот затворов. Рой роботов-насекомых. Игральные карты в велосипедных спицах. Сотня одновременно работающих старых кинопроекторов.

«Предстань», — говорил мой тренер. Предстань. Имелось в виду, что, глядя в зеркало, я внутренним взором увижу желаемую мне фигуру. Пытаясь удержать равновесие, я наклонялась вперед, сгибала колени и выбрасывала руки в стороны и вверх. Тренер называл такую позу бабочкой. Я пыталась представить желаемую фигуру, но видела только бабочку, медленно пробирающуюся сквозь тяжелый, вязкий воздух. «Задействуй нутро», — говорил тренер.

Какое-то время назад я ходила к мозгоправу, недолго, так он велел всякий раз, как наваливались сомнения в себе, представлять великолепного светящегося тигра, представлять, что тигр — мой источник силы, моя суть. Что тигр светится все ярче и ярче, а на все остальное ложится толстый слой пыли, пока наконец весь мир, кроме моего тигра, не становится серым. Тигр был чем-то вроде флакончика с белым светом из того фильма о супергерое. Тигр был нелеп. Тигр был мной. Тигр был всем, кроме меня.

Все знают, что Лос-Анджелес — город нитевого лифтинга. Все знают, что это город силикона, рестилайна, зажигательных проповедников велотренажеров и гуру гирь, целебных кристаллов и поющих чаш, пробиотиков и очищающих

толстую кишку соковых диет, вставляемых во влагалище нефритовых яиц и непомерно дорогого порошка из змеиного масла, которым надо посыпать кокосовый пудинг из плодов малайской яблони. Мы очищаемся для жизни, как будто она могила. Лос-Анджелес боится смерти больше, чем все остальные города на свете. Однажды я поделилась с Оливером, и он решил, что у меня какой-то негативный настрой. Я поделилась с Шивон, и она назвала мне имя мозгоправа. Я поделилась с мозгоправом, и он спросил, считаю ли я, что люди неправы, боясь смерти. Вряд ли, ответила я, страх такая же проблема, как постоянная борьба. Наверное, сказала я, надо пытаться принять смерть, а не отрицать ее.

«М-м, — ответил он. — Представьте тигра».

СЕДЬМОЕ

Я плавала на матрасе в своем бассейне, чувствуя себя расплющенным червячком, которого схватила и бросила хищная птица. Бьющееся сердце в неподвижном, распластанном теле. Под веками кроваво-оранжевый свет.

Наверное, я заснула или почти, потому что, когда кто-то очень по-английски произнес:

«Не рекомендую спать в бассейне», — испугалась и бултыхнулась с матраса в синюю муть. Ударившая вода заколола в носу.

— Не думал, что ты правда спишь, — сказал сэр Хьюго, когда я вынырнула. У него была полупустая бутылка скотча, два стакана и холщовая сумка через плечо. — Меня впустила Августина.

Я вылезла через бордюр.

— Они еще там?

— Журналюги? О да.

Я завернулась в полотенце, и мы сели за стол, где я когда-то ела салат из семи злаков с Алексеем.

Хьюго разлил скотч и поднял стакан:

— За завершение.

Мы чокнулись.

— А теперь, девочка, — мягко прорычал он, — каковы твои планы? Перерыв?

Я представила, что мне делать с перерывом. Плавать в бассейне, курить траву, представать в желаемом теле, воображать тигра, смотреть, как люди ремонтируют дома, ждать, чтобы что-нибудь случилось. Не так уж противно. Однако тут же, перечеркнув обрывочные полумысли, вроде того как мультяшный сейф крошит в хлам мультяшного кота, я увидела себя на сцене

с поднятым над головой «Оскаром», воплощая мечту — по умолчанию — каждого в Голливуде. Волшебно загорелые рука и плечо. Весь зал встал, даже Гавен Дюпре. Алексей тоже там, печальный.

— Наверное, двинусь дальше, — сказала я.

— Отлично. — Хьюго на секунду умолк, а затем с такой силой втянул воздух, что нос сплющился, сигнализируя о том, что он собирается выдать цитату. — Порой мужи своей судьбою правят. Не звезды, милый Брут, а сами мы виновны в том, что сделались рабами[4].

— Мужи и правят.

— Женщины не поместились в размер.

— Слушай, муж, никогда они не правят.

— У меня для тебя кое-что есть. В продаже уже нет, так что поосторожней.

Достав из холщовой сумки книгу, Хьюго вручил ее мне. Старая тоненькая книжка в твердой обложке, супер горчичного цвета обтрепался по краям. На обложке летящий над океаном аэроплан, за ним солнце, а вокруг несколько вытянутых букв «м», призванных изображать птиц. Название выведено элегантным курсивом:

---

[4] Сноски: 4

У. Шекспир, «Юлий Цезарь». — *Прим. пер.*

«Море, небо, а между ними птицы. Утраченный журнал Мэриен Грейвз». Я снова услышала запах публичной библиотеки Ван-Найса и почти почувствовала потные виниловые объятия кресла-мешка в детском уголке для чтения.

— Я читала.

Напоминающие живую изгородь брови Хьюго взмыли вверх:

— Читала?

— Не смотри так, как будто я тебя мешком по голове ударила. Я умею читать.

— Умеешь читать?

— Очень смешно. В детстве она произвела на меня большое впечатление. Сиротская солидарность, понимаешь. Команда «Воспитанники дядьев». Я думала, там будет полно тайных посланий, вроде карт Таро, в таком роде.

— Ага, — Хьюго кивнул. — Представляю. Малютка Хэдли-библиофил шарит по тексту в поисках знаков и предзнаменований. Книга как раз в десятку, правда? Крайне загадочные фрагменты. И что она тебе открыла?

— Ничего.

— М-да, неудивительно. Более всего меня занимает, хотела она или нет, чтобы ее журнал вообще кто-нибудь прочел. Она оставила записи,

это факт, и он как минимум наводит на мысль, что у нее не хватило духу их уничтожить. Как ты считаешь?

Я думала блефануть, но вдруг призналась:

— Я не очень хорошо помню. Я читала ее лет в десять-одиннадцать.

— Перечитай. А потом прочти вот это.

Он достал из сумки еще одну книгу, в мягкой обложке. На ней было нечеткое изображение затылка женщины, которая смотрит на серебристый аэроплан, стоящий на заснеженном поле. Шею обнимает поднятый меховой воротник. Судя по всему, именно данное сочетание журнал «Пипл» назвал «неотразимым, поражающим воображение, смертельно опасным». Я прочла вслух:

— «Крылья пилигрима». Роман. Кэрол Файфер.

— Если честно, — Хьюго повел рукой, — не шедевр. Нет желаемой глубины, а стиль подчас просто чудовищный. Но вот это — основа вот этого.

Из сумки он достал скрепленную зажимом стопку бумаги и бросил на стол. Сценарий. На титульном листе по диагонали была притиснута печать с названием продюсерской компании Хьюго.

— Вот это мне принесли братья Дей, причем Барт Олофссон уже идет режиссером. Они соорудили нечто совершенно неожиданное, почти в духе братьев Коэн, немного гротескное, правда, не столь мрачное. Слегка манерно, но довольно трогательно, как мне представляется.

— Столько братьев. У тебя есть еще что-нибудь в сумке? Домашнее задание?

Он вывернул пустую сумку и потряс ею:

— Ни буквы.

Я придвинула к себе сценарий.

ПИЛИГРИМ

Авторы – братья Дей

По роману Кэрол Файфер «Крылья пилигрима»

Я слышала про братьев Дей. Кайл и Трэвис, близнецы с нацистскими прическами, курившие вейп на красной дорожке. Им не исполнилось и тридцати, но они сварганили один ловкий, жесткий мини-сериал для HBO, который снимали в Рино, и втиснулись в тренд. А Барт Олофссон

смастерил один полюбившийся «Сандэнсу»[5] независимый фильм, изобиловавший разговорами, а затем три фильма про супергероев, так что, вероятно, был готов на обратное отступничество. Все считались крутыми, и работа с ними бросит отблеск крутизны и на меня.

— Чья идея?

Хьюго поморщился:

— Все довольно сложно. Братья Дей получили заказ от сына женщины, написавшей книгу.

— Наверняка было недешево.

— Нет, но они бы не взялись, если бы им не понравился проект. А он им понравился. Сына зовут Редвуд Файфер. Он хочет быть продюсером. С Деями познакомился, будучи молодым, понтовым и страшно богатым. Он Файфер Файфер.

— Что такое Файфер Файфер?

— Типа Фонд Файфера. Типа Музей изобразительных искусств Файфера. Отец умер — отец Редвуда. Родители развелись целую вечность назад… Короче, он умер, и Редвуду досталась основная доля семейного состояния. По-моему, нефть. Или химия? В общем, что-то ужасное. Его мать, Кэрол, написала роман, а — вот тут

---

[5] Сноски: 5

Национальный американский кинофестиваль независимого кино. — *Прим. ред.*

действительно становится интересно — бабка по отцовской линии в пятидесятые годы не только издала книгу Мэриен, но и проплатила ее полет. Повязана вся семья. А Редвуд — меценат дефис творческий человек. Горит энтузиазмом.

Тут я поняла, в чем фишка:

— То есть он не хочет быть просто богатым бездельником, а думает, что переделает Голливуд.

— Похоже, это суть его затеи, да.

Слова прозвучали почти без выражения. Так генерал, планирующий авиаудар, прикидывает потери среди гражданского населения. Немного деловой жесткости, дабы не дать места состраданию. В Лос-Анджелесе всегда крутятся такие богатые детишки, рассекающие на состояниях, которых они не заработали, будто на паланкинах, несомых призраками их предков. Все они, по их словам, хотят делать хорошее кино, выбирать качественно написанные, захватывающе снятые, со своей интонацией и т. д. проекты, иными словами, не имеющие перспектив на азиатском рынке. Они хотят переделать то, что переделываться не хочет, разрушить систему куда более сложную, хищную, защищенную, чем им кажется. Таков их план. План же Голливуда состоит в обгладывании мяса с их косточек, таком мед-

ленном, чтобы они сначала ничего не заметили. Мелкими, крошечными кусочками, крупными кусманами под конец.

Однако справедливости ради, Хьюго тоже хотел делать хорошее кино. Для чего ему нужны были деньги других людей.

— Он дает все бабло? — спросила я.

— О нет. Но немалую часть. По правде сказать, натурные съемки, аэропланы, компьютерная графика и все такое для нас немного неподъемно, поэтому мы вышли на «Сан Год».

«Сан Год Энтертеймент» подпирали хедж-фонды, и компания притязала на производство фильмов, слишком дорогих, чтобы быть независимыми, но не столь дорогих, чтобы студии не могли выделить на них время.

— Они все подписали, и теперь на кухне, возможно, переизбыток кухарок, но, полагаю, может сработать. С нужной звездой, разумеется, — Хьюго подмигнул. — Много мы тебе заплатить не сможем.

— И как не много?

— По шкале ставок. И кое-что в конце.

— Шивон будет в восторге.

— Да хрен с ней, с Шивон. Деньги тебе не нужны. Это твой шанс показать противнику, на что

ты способна.

Он придал голосу особую звучность, обрушившись на меня, будто я средневековая армия, которую надо сплотить, дабы уничтожить другую средневековую армию, уже наступающую с соседнего болота.

А на что я способна? Я толком и не знала. Я опять представила себя с «Оскаром». Заслуживаю ли я «Оскара»? Нет, но на самом деле кто его заслуживает? «Предстань». Хьюго хлопнул себя по ногам и встал:

— Подумай.

Я пошла его проводить и у дверей призналась:

— Должна тебе сообщить, у Гавена Дюпре на меня зуб. Это может оказаться неудобным.

— Он тут ни при чем.

— И все-таки. Он кое-что может.

— Откуда тебе известно про зуб?

— О, вчера почему-то возникло такое чувство, когда он сообщил, что разрушит мою карьеру. Буквально он сказал следующее. — И, сжав руку в кулак, я хрипло прорычала, как злодей из комиксов: — Тебе конец.

К моему удивлению, Хьюго лишь рассмеялся:

— Ты знаешь, кто стоит во главе «Сан Год»?

— Тед Лэзерес?

— А ты знаешь, что Тед Лэзерес и Гавен Дюпре на дух не переносят друг друга?

— Смутно.

— И знаешь почему?

— Нет.

— Гавен отымел жену Теда. Так что все отлично. Просто чудесно. Все ступили на тропу войны, чтобы уничтожить друг друга. — Он потянулся к моей руке: — Дорогая, Мэриен Грейвз — прекрасная для тебя роль. Она тебя вознесет.

Хьюго смачно поцеловал мне руку и ушел размашистой походкой. В ожидании, пока откроются ворота, он подобрался, затем встал между раздвигающимися створками и отвесил низкий поклон папарацци, которые бурно его приветствовали.

ВОСЬМОЕ

После ухода Хьюго я залезла в ванну и открыла книгу Мэриен.

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

Читатель, документ, содержащийся на последующих страницах, прежде чем попасть вам в руки, проделал невероят-

ный путь.

Стопудово, подумала я.

В 1950 году Мэриен Грейвз, отличная летчица и автор этой небольшой книги, пытаясь облететь земной шар по долготе, от Северного полюса к Южному и обратно, пропала вместе со своим штурманом Эдди Блумом. Последний раз их видели на Земле Королевы Мод, в восточной части Антарктиды, когда они заправлялись в Модхейме, лагере норвежско-британско-шведской антарктической экспедиции. Из Модхейма им предстояло перелететь через Антарктиду над Южным полюсом к шельфовому леднику Росса, где в свое время располагались базы антарктических экспедиций Ричарда Бэрда, названные Литл Америка. Хотя базы были заброшены, там оставалось достаточно топлива для самолета, «Пилигрима». После этого Мэриен и Эдди собирались преодолеть последний отрезок пути до Новой Зеландии. К несчастью, после вылета из Модхейма ни летчика, ни штурмана, ни самолета больше ни-

кто не видел. Об их участи мы ничего не знали почти десять лет. Большинство считало, «Пилигрим» разбился где-то на безжалостных просторах Антарктиды.

Сегодня благодаря случайному, но поразительному открытию мы знаем, что Мэриен и Эдди долетели до ледника Росса. В прошлом, Международном геофизическом году в рамках совместных исследований ученые, работавшие над сохранившимся от Литл Америки-III, обнаружили не только предметы, имевшие отношение к экспедиции Бэрда 1939–1941 гг., которые искали, но и странный моток желтой резины. К своему величайшему изумлению, они констатировали, что это авиационный спасательный жилет «Мей Уэст». В него был аккуратно завернут журнал Мэриен, содержавший ее загадочные, обрывочные размышления о полете – рукопись данной книги.

Боюсь, я не смогу объяснить, почему она оставила журнал (и, роковым образом, один из двух спасательных жилетов). Возможно, взвесила шансы добраться

до Новой Зеландии, шансы на обнаружение журнала будущими исследователями Литл Америки и – печально думать так – сочла последнее более вероятным. Большая удача, что база вообще сохранилась. Айсберги постоянно ломаются, откалываются от ледника Росса, и половину Литл Америки-IV, последнего лагеря 1946–1947 гг., уже снесло в океан.

Какими бы радостными ни стали для нас новые сведения о том, что полет Мэриен продолжался гораздо дольше, чем мы полагали прежде, что до полной кругосветки она недотянула всего две тысячи шестьсот морских миль, открытие несет в себе и грустную правду: Мэриен Грейвз и Эдди Блум вылетели из Антарктиды и пропали. Несмотря на некоторые фантастические теории, мы можем быть уверены: они покоятся глубоко под холодными бурными водами, в гробнице без стен, там, где невообразимо одиноко, несмотря на тысячи и тысячи тех, кто обрел здесь свое последнее пристанище.

Издательство «Д. Уэнслес и сыновья» стало недавно местом ожесточенных де-

батов о том, хотела ли Мэриен, чтобы эту рукопись опубликовали без редактуры и правки. Предназначала ли она журналу роль посмертного послания в бутылке? Или решила отказаться от своих слов? Должна признать, с моей точки зрения, как в разговорах перед полетом, так и в журнале Мэриен выражала неоднозначные суждения о возможных читателях, но, как я убеждала коллег, если она в самом деле не хотела, чтобы журнал прочли, почему просто не уничтожила его, ведь это было так легко сделать? Мы не пришли к единому мнению, а Мэриен не дала нам никаких указаний, только сам журнал, хранившийся во враждебной мерзлоте. Она оставила скорее остов будущей книги, но мне казалось, предпочла бы, чтобы его опубликовали в таком виде, чем подвергли композиционной и стилистической правке. Не считая рутинной корректуры, текст печатается без изменений, поскольку мое опасение исказить ее мысли перевесило стремление к аккуратности.

Я счастлива, что знала Мэриен. Я бы

хотела, чтобы она и сейчас была с нами, но благодарна ей за решение, принятое давным-давно: оставить в необитаемом месте записи о своем последнем полете. Записи, как и сам полет, не были завершены, но они все же придвигают нас ближе к концу.

Хотя у круга, как пишет Мэриен, конца нет. В добрый путь!

Матильда Файфер, издатель

1959 г.

Неполная история о шестнадцатом и семнадцатом годах Мэриен

Сентябрь 1929 г. — август 1931 г.

В тот же самый месяц, когда Мэриен исполняется пятнадцать и она впервые поднимается в небо с Гольцом, некий летчик-испытатель взлетает с аэродрома в Гарден-Сити (Нью-Йорк). Ему уже принесли известность рекорды скорости, фигуры высшего пилотажа и полеты на дальние расстояния, а менее чем через тринадцать лет, среди бела дня нанеся отчаянный авиаудар по Японии, в котором приняло участие шестнадцать бомбардировщиков, он прославится еще больше.

Джеймс Дулиттл выписывает один круг и приземляется. Полет короткий, всего пятнадцать минут, ничего необычного, за исключением непрозрачного капюшона на фонаре кабины, отрезавшего пилота от всего, кроме приборов. Это называется «идти по приборам». Некоторые из них экспериментальны, в том числе гироскопический авиагоризонт «Сперри». В его позднейшей модификации схематический рисунок самолета (вы) неподвижно размещен на фоне

поворотного круга, черного внизу и голубого сверху (земля — небо), который показывает вам, как вы располагаетесь в пространстве относительно горизонта. Прибор сделает возможным будущее. Раньше в нелетную погоду, собственно, и не летали, то есть по сути не могло быть плановых полетов. И уж точно никаких регулярных авиалиний. Пилоты почтовых самолетов рисковали, многие гибли. Раньше, если вы надолго теряли землю из виду, на вас, скорее всего, можно было ставить крест. Залетите в облако, вероятно, кончите штопором и, наверное, даже не поймете, что происходит, пока не будет слишком поздно. Вверх, вниз, влево, вправо, на север, на юг — все страшно путается, выбивая вас с неба. Выжившие описывали ощущение полной неразберихи.

Когда Дулиттл поднимается в небо с изобретением корпорации «Сперри», многие пилоты, хотя столько их собратьев ввинтилось в смерть, не считают такой прибор необходимым, даже оскорблены подобным предположением. Более осторожные, пытаясь убедиться, что случайно не свернули, внимательно следят за приборами, хотя, если отвлечься и войти в штопор, приборы тоже не сильно помогут. Уцелевшие везунчики (в том числе Голец) в разговорах друг с другом

утверждают, будто мертвые мертвы, поскольку не обладали чем-то неуловимым, волшебным.

Летать нужно тем местом, на которое надеваются штаны, говорят они. В переводе: настоящий пилот каждую секунду чувствует аэроплан задницей.

Но дело не в заднице, а во внутреннем ухе, вот в чем проблема. И внутреннее ухо постоянно врет.

Человек с завязанными глазами, если его вертеть на вращающемся стуле, когда движение замедлится, решит, что стул остановился. Когда стул остановится, он решит, что началось движение в обратном направлении. Ошибка происходит у него глубоко в ухе, там, где несут службу микроскопические волосковые клетки и текучая жидкость в полукружных каналах костного лабиринта. Эти крошечные, невероятно хрупкие внутренние приборы сигнализируют о наклонах, поворотах головы — миниатюрное чудо, несомненно, но плохо приспособленное для полетов.

Вообразите биплан. Предоставленный сам себе, он, разумеется, накренится и медленно войдет в незаметное, коварное скольжение, на что пилот может и не обратить внимания,

если реальный горизонт скрыт ночным мраком или облаками. Если вы скользите уже довольно долго, ни задница, ни внутреннее ухо не станут утруждать себя и сообщать вам о скольжении, и без помощи необходимых приборов вы будете думать, будто все еще летите прямо на той же высоте. Но нос самолета уже смотрит в землю, его траектория изменяется, и самолет рано или поздно войдет в штопор. Скоро вы обнаружите, что скорость полета возросла, а высота уменьшилась, что двигатель стонет, расчалки поют, стрелки на приборах движутся, а вы вдавлены в кресло. Без авиагоризонта вы решите, что аэроплан ныряет (скорость возрастает, высота понижается), а не поворачивает. Тогда самолет может выйти на вертикаль или вообще перевернуться, и, потянув ручку на себя, чтобы поднять нос, вы только дальше уйдете в штопор.

Это называется «смертельный штопор».

Теперь произойдет одно из трех. Либо вы вынырнете из-под облака и вам хватит времени разобраться, где земля, выровнять крылья и нормализовать полет. Либо аэроплан развалится под давлением. Либо вы спиралью вонзитесь прямо в землю, океан или что у вас там внизу.

Точные приборы по крайней мере дадут вам

шанс выровняться, даже если облако будет все время ползти вниз и коснется земли подобно опушке прозрачной мантии Бога. Но разобраться с горизонтом непросто. Небо полно ловушек и соблазнов. По свидетельствам летчиков, в облаках показатели приборов начинают прыгать, хотя, разумеется, это не так; лгали их собственные тела, не стрелки. Внутреннему уху в штопоре удобно. Даже после того, как вы все отладили и приборы указывают на прямой и ровный полет, поскольку так оно и есть, ваше ухо сопротивляется. Вы человек с завязанными глазами на вращающемся стуле. Жидкость в полукружном лабиринте все еще движется по спирали, и крошечные сенсорные волоски внушают вам, будто вы тоже движетесь по спирали. Ваше ухо умоляет вас вмешаться в управление, чтобы остановить движение по спирали. Иногда летчики слушаются и ввинчиваются в штопор по полной. Туманное небытие скрывает землю, истину.

Трудно верить датчикам, скоплению бездушных маленьких окошек на приборной доске, трудно сопротивляться требованиям тела, которые так же несомненны, как и то, что вы живете, дышите, погружаетесь в воронку смерти.

Но на самом деле все иначе. Внутри облака

голова у вас идет кругом. Больше ничего.

* * *

На второй месяц шестнадцатого года Мэриен, в октябре, рушится фондовый рынок. Черный четверг. Черный вторник. Все уходит в штопор. Все разваливается.

Но Мэриен почти ничего не замечает. Уолл-стрит кажется далекой, а она все-таки летает.

Сверху сверкающие осенней пестротой горы напоминают покрытые лишайником камни, яркие, выпуклые, и Мэриен представляет, что это и есть камни, а сама она уменьшилась до размеров мошки. И впрямь, какая разница между ней и мошкой? Относительно расстояний между планетами? Размеров Солнца?

Нет, каждый день летать нельзя, говорит Голец, когда она просит. Нельзя слишком быстро добиться слишком многого. Нужно время, навыки должны войти в тебя.

Да и в любом случае он не может каждый день давать Мэриен уроки. Ему надо в Канаду, он забирает выпивку в какой-то деревушке, потом летит обратно через границу, приземляется на какой-то куцей, спрятанной в горах посадочной полосе. Там его ждут люди в автомобилях, которые по-

везут груз по неизвестным адресам. Народ хочет пить. Народ хочет запить свои тревоги. Если Голец садится после наступления сумерек, бутлегеры освещают полосу фарами, превращая ее в маленький светящийся зеленый прямоугольник в огромной темной пустоте гор.

Мэриен продолжает работать у Стэнли. Однажды чуть не устраивает аварию, при повороте за угол с силой нажав на тормоз, думая, что отклоняет руль направления.

Голец уверяет, для умения нужна только практика. Чтобы стать хорошим летчиком, ну тут нужно очень много практики, немного природных способностей и целое ведро терпения. Великим летчиком? Голец пожимает плечами. Не всем дано.

Она не признается ему, что решила стать лучшей. Голец, наверное, ответил бы, такого не бывает, с таким же успехом она могла решить стать настоящей птицей, но даже птицы погибают, попадают в шторма, напарываются на препятствия, неверно рассчитав траекторию своего последнего полета.

После шести уроков по часу она летит одна. Голец считает, лучше раньше, чем позже, чтобы она не вбила себе в голову чего лишнего.

— Просто лети как обычно, — советует он.

Мэриен поднимается, она одна в небе, но слишком сосредоточена, чтобы трепетать восторгами. Указывая на ошибки, ее преследует голос Гольца. Она подскакивает при приземлении, и Голец машет: взлетай опять. Она выписывает круги, выпрямляет траекторию, долго пристраивается к земле. Такая надежная, устойчивая земля, когда на ней стоишь, при приближении становится шаткой, непрочной. Голец машет. Еще. Давай еще.

— Чтобы как следует летать в горах, — в очередной раз повторяет Голец, — надо уметь приземляться на полудюйме. В противном случае скатишься со скалы или врежешься в деревья.

— А когда я буду как следует летать в горах? — спрашивает она, разыгрывая нетерпение, хоть и понимает, что готова садиться исключительно на ровную полосу, где много открытого пространства.

— Не то чтобы очень скоро, — отвечает он.

На взлетно-посадочной полосе аэродрома Миссулы Голец проводит линию мелом. Чтобы попасть в нее, ей придется освоить короткий посадочный пробег. Летающие в горах обязаны это уметь, талдычит Голец. Он хочет, чтобы Мэ-

риен попадала в пятьдесят футов меловой линии девять раз из десяти. От себя она требует аккуратности, точности, стальных нервов и места, на которое надевают штаны.

* * *

А еще есть Баркли Маккуин.

— Голец говорит, мне надо выработать новые инстинкты, — рассказывает она, когда они сидят на крыльце, забыв про корзину с заказом в ногах. — Если делать то, что кажется естественным, убьешься.

— Не понимаю.

— Ну, заходя на посадку, нельзя, например, направлять нос на землю. Увеличится скорость, ты ударишься о землю и отскочишь. А если неточно сориентируешь аэроплан по курсу, тебе может не хватить руля направления, чтобы попасть на посадочную полосу, или ты свалишься в штопор. Голец говорит, тогда лучше сразу нацелиться на кладбище и уберечь от неприятностей множество людей.

— Судя по всему, довольно опасно.

— Конечно, опасно.

Идя на второй урок к Гольцу, она понимала, что принимает покровительство Баркли, а тем

самым его самого и остающийся без ответа вопрос, что он в конце концов потребует взамен. Но, уговаривала себя Мэриен, даже не вернись она на летное поле, он бы втерся в ее жизнь как-нибудь иначе.

— И тебе не страшно? — спрашивает Баркли.

— Нет. — Потом: — Может быть, иногда, немножко, но оно того стоит.

— Честно говоря, мне было бы спокойнее, если бы ты оставалась на земле.

Мэриен боится, что сейчас он разовьет мысль: ему было бы спокойнее, если она останется на земле, так ему проще ее удержать. Но он кусает один из профитролей, присланных Стэнли. Сахарная пудра щедро осыпается на черный жилет.

Они никогда не говорят о том, кто оплачивает ее уроки. Баркли не поминает условие, переданное через Сэдлера, ее план расплатиться с ним, и Мэриен предпочитает считать это молчаливым согласием. Она не говорит, что видела в его гараже машину Уоллеса. Они не вспоминают встречу у мисс Долли. Они якобы просто подружились: развозчица и обеспеченный скототорговец. Ситуация взаимных умолчаний не может длиться долго. Напряжение гнетет ее.

Она ждет, но он лишь доедает пирожное, сахар липнет и к подбородку. Когда до Мэриен доходит, что Баркли намерен и дальше платить за уроки, от нежности у нее кружится голова. Она тянется отряхнуть ему подбородок, но Баркли хватает ее за запястье и останавливает руку.

* * *

Наверху трехмерность жизни безжалостнее, чем на земле. Нужно постоянно помнить о трех осях аэроплана, понимать, где он будет в следующую секунду, в следующую минуту. Голец велит ей взлетать и садиться, взлетать и садиться, пока подъем и опускание горизонта, набор и падение оборотов двигателя не начинают ощущаться как движения собственного тела. Она учится летать с минимальной скоростью, на грани сваливания, замедляясь достаточно для провисания рулей управления, но не настолько, чтобы исчезала подъемная сила. Учится скольжению при боковом ветре. (Полезно при коротких посадках, хотя в большинстве случаев ей по-прежнему не удается садиться точно по разметке.)

Ее уже не восхищают миниатюрные улицы и дома Миссулы. Город теперь ничем не примечательнее ковра со знакомым узором.

— Хватит кружить, — говорит как-то Голец. — Давай куда-нибудь полетим.

Они летят до озера Флатхед и обратно. Недалеко, но по крайней мере куда-то. Она впервые делает запись в графе журнала «Пункт назначения».

Записи в графе постоянно пополняются. Голец учит ее ориентироваться по железнодорожным рельсам, дорогам и рекам, по компасу и часам. К одному колену у нее пришпилена карта, к другому привязан блокнот для расчетов на скорую руку. Мягче всего воздух на рассвете и в сумерки, узнает она. Учится всегда присматривать место, куда сесть, если откажет двигатель. Она прежде не понимала, насколько пустынна Монтана, не расставалась с завиральной мыслью, что, если подняться достаточно высоко, откроется восхитительный вид на весь мир. Пока она видит только долины и горы, деревья, деревья и деревья, гаснущее пятно солнца. Ей хочется чего-то другого.

Можно как-нибудь долететь до океана, предлагает она Гольцу. Всему свое время, отвечает тот.

Однажды где-то между Калиспеллом и Уайтфишем он указывает вниз на крышу в долине:

— Бэннокберн.

— Какой еще Бэннокберн?

— Я думал, ты знаешь. Ранчо Маккуина.

Большой дом с дымовыми трубами. Вокруг лес, горы, зеленые равнины.

— И докуда его земля?

— О, понятия не имею. Вот это все и еще что-то.

«Бэннокберн», как сообщает ей позже Джейми, — название стихотворения о сражении шотландцев с англичанами. Он читал в школе и находит его для сестры в книге. Роберт Бернс.

У Бэннокберна англичане ждали.
Шотландцы подступили к ним из дали,
Но солнца и рассвета все алкали.

«А что случилось после той битвы?» — спрашивает Мэриен. «Шотландцы обрели независимость. На какое-то время».

«Близок день, и час грядет», — застревает у нее в голове строка.

Как-то вечером она остается в небе дольше положенного, летит одна на запад, на заходящее солнце. За спиной поднимается, растекается по своду мрак, наконец перед ней лишь темная ржаво-красная полоса. Когда она возвращается, сзади толпятся звезды. Голец собирает работников аэродрома, и те освещают для Мэриен полосу

фарами. Голец слишком рад, чтобы злиться, и слишком зол, чтобы радоваться.

— Если ты убьешься, как ты думаешь, кто, по его мнению, будет виноват?

Октябрь клонится к ноябрю. Озолотились верхушки деревьев, тополя яркие, как мякоть абрикоса. Земля сверкает и переливается.

* * *

У Мэриен из щелей и нычек пропадают деньги. Уоллес, разумеется. Остаток она кладет в банк, хотя странно депонировать нечистые доходы в такое законопослушное место. Затем пропадают кое-какие старые, богато иллюстрированные книги отца и несколько наиболее ценных на вид безделушек. Нефритовая лошадка. Нить бусин из слоновой кости с филигранной резьбой.

— Где все? — спрашивает она у Уоллеса в мастерской. — Кому ты их продал?

Она уверена, что в ответ услышит имя Баркли Маккуина. На мольбертах нет холстов. Уоллес не пишет. Она уже не помнит, когда он последний раз ездил в университет, но не знает, уволили его или он сам ушел. Заскорузлые пятна высохшей краски на палитрах покрыты пылью.

В халате поверх рубашки без воротника с рас-

стегнутыми верхними пуговицами Уоллес, босой, похмельный, мрачно развалился в кресле, поместив голову на рогатку из большого и указательного пальцев руки, опирающейся на подлокотник. Она стоит над ним. Джейми отступил к дверям.

— Послал одному антиквару в Нью-Йорк, — говорит Уоллес. — Я знал его, когда жил там. Лошадь была очень ценная.

— Я ее выкуплю. Сколько ты за нее получил?

Уоллес называет астрономическую сумму. Она не сможет ее выкупить.

— Ты не имел права ее продавать, она не твоя.

— Мэриен, но в общем-то и не наша, — уточняет Джейми.

Она нависает над Уоллесом:

— Почему ты больше не пишешь картин и не продаешь их? Ты же вроде как художник.

Уоллес корчится в кресле:

— У меня не получается.

— Нет! — горячится Джейми. — Ты всего-навсего должен пойти в горы, как раньше.

Уоллес качает головой:

— Я пытался. Пытаюсь. Ничего не выходит. Как будто ампутировали пишущую руку.

— Так не бывает, — упорствует Джейми. — Все

от головы.

— Конечно, от головы, — кивает Уоллес. — Вот ты и пиши, раз это так просто. Я же вижу твои набросочки. Давай пиши картины, которые захотят купить.

— Акварели Джейми и так покупают, — упрекает Мэриен. — Он продает их в городе.

Уоллес, даже в таком постыдном, неопрятном виде, пренебрежительно кривится. Теперь, когда Джейми стал отлично — по крайней мере, в глазах Мэриен — рисовать, Уоллес перестал обращать внимание на его рисунки и акварели.

— Я хотя бы стараюсь, — говорит Джейми. — Мэриен тоже.

— Так и я стараюсь. — Уоллес поднимает голову: — Мне жаль, если мои усилия не производят на вас впечатления. А ты как-то использовала ту лошадь? Прошу тебя, скажи, если так.

— Хватит, — обрубает Мэриен. — Что сделано, то сделано. Куда ты дел деньги?

— Мне надо было рассчитаться кое с какими долгами. Срочно.

Щека Уоллеса вдавливается в ладонь, как будто голова стала тяжелее.

— Кое с какими, — повторяет Мэриен. — Но не со всеми.

— Нет. Не со всеми.

Она вешает на дверь флигеля замок.

* * *

Ноябрь клонится к декабрю.

Штурман Ричард Бэрд, получивший известность после полета в 1926 году с Флойдом Беннеттом над Северным полюсом, летит над Южным полюсом. После его смерти в конечном итоге возникнет единодушие: скорее всего, Бэрд и Беннетт не долетели до Северного полюса (стертые показатели секстанта в журнале Бэрда, не имеющие ответов вопросы о максимальной скорости аэроплана, потребовавшееся время). Но несомненно, на аэроплане, названном в честь Беннетта (тот к тому времени уже умер), Бэрд вместе с экипажем действительно пролетает над сверкающим белым диском полярного плато до самого Южного полюса.

В Миссуле тоскующая, темнеющая земля угрюмо ждет снега. Падает снежная пыльца, затем толстая, мягкая шкура белизны. Сквозь нее проглядывают будто подтертые ластиком деревья и камни.

Если потолок облаков слишком низкий, Голец качает головой и отправляет Мэриен восвояси.

А бывает, когда они уже наверху, наползают слои облаков или поднимается стена, преграждая им путь.

— Внутри там просто серое ничто, — рассказывает она Джейми. — Иногда такое ощущение, как будто тебя нет или как будто мира нет.

— Какой кошмар.

— Но вылетишь с другой стороны, и все кажется еще ярче, словно с глаз сняли повязку.

Бывает, когда они вылетают из облака, даже если она изо всех сил пыталась лететь ровно, крылья оказываются ошеломительно накренены.

— Если бы мы сбились так, что уже опасно, я бы понял, — говорит Голец. — Тебе надо научиться чувствовать это. Местом в штанах.

Однако аэроплан кренится и когда он сам за штурвалом. Мэриен думает, в облаках таится злобная сила, которая переворачивает самолеты, лишь доказывая, что она способна на это. Но если Голец так доверяет своему месту в штанах, почему при виде нешуточного облака сворачивает и при первой же возможности садится?

* * *

Иногда — нерегулярно, не часто — она просыпается на веранде от того, что над ней стоит

кто-то темный и трясет ее за плечо. Она никогда не пугается и всегда, еще не проснувшись, знает кто. Интересно, а Джейми переживает, когда она встает и идет с Калебом во флигель? Если и так, он ничем себя не выдает.

— Ты занимаешься этим с Баркли Маккуином? — спрашивает Калеб, устроившись на узкой кровати флигеля.

Они лежат на спине, прижавшись плечом к плечу. В лунном свете крылья ее аэропланов под потолком совсем белесые.

— Ничем я с ним не занимаюсь.

— Ты ходишь к нему.

— Откуда ты знаешь?

— Говорят.

— Я поставляю заказы от Стэнли.

— А зачем ему заказы от Стэнли? В его распоряжении все спиртное на свете.

— Он даже не пьет.

— Непьющий бутлегер?

— Он держится так, как будто неучтиво упоминать о его бутлегерстве. Притворяется, что все не так. И мы оба притворяемся, что он не оплачивает мои полеты.

Он кладет руку ей между ног:

— А что бы он сказал на это?

У нее перед глазами все кружится, опять, будто пыл лесного пожара над горизонтом, наплывает тяжелая красная волна.

— Я бы никогда ему не призналась, ни за что.

— Он тебе нравится?

— Тебе-то что?

Его касания становятся более прицельными. Он тянется к пакету с резинками, который положил на подоконник. Они пользуются ими, когда есть, иначе Калеб просто выскакивает. Мысль о ребенке заставляет их хохотать от ужаса.

— Конечно, нравится. Он дал тебе возможность летать.

— Не только.

— Значит, нравится.

— Тс-с.

— Но это тебе тоже нравится.

— Тс-с.

* * *

Зимой она учится садиться на лыжах. Не так уж трудно, хотя загвоздка в замере высоты, поскольку снег с десяти футов выглядит точно так же, как и со ста. Иногда момент соприкосновения с землей застает ее врасплох. Так как у лыж нет тормозов, хитрость в том, чтобы включить реверс

двигателя.

— Заходи, садись, — говорит Баркли.

В холодные месяцы они сидят в доме, за кухонным столом. Мэриен никогда не знает, дома Сэдлер или нет, правда, время от времени его выдает скрип половиц. Баркли осторожен и не прикасается к ней, но рядом с ним все ее тело превращается в сплошной орган чувств. Его присутствие наполняет ее. Как будто она только что вылетела из облака в трепещущий, открывшийся мир.

— Расскажи мне про полеты, — просит он.

И она рассказывает все до мельчайших подробностей, радуясь такой возможности. Джейми переживает из-за того, что опасно, из-за Баркли. У Калеба не хватает терпения на технические детали. Разговаривать с Уоллесом — все равно что со смоченной джином губкой. А Баркли выслушивает ее самые путаные рассуждения.

Он никогда не поднимался в небо. Ему не нравится сама мысль. Она говорит, что как-нибудь возьмет его с собой. Вам понравится, говорит она. Невероятно, как много можно увидеть.

Баркли отвечает, что ему вполне хватает вида из окна автомобиля.

Он задает и более общие вопросы, о ее жизни.

Он вежлив, но настойчив, как газетный репортер.

— Так тот гастролер, — начинает он, — со смешным именем…

— Феликс Брейфогл. Оно не смешное.

— Так этот Фредерик Борсноггл пролетает над тобой, ты чуть не падаешь с лошади, а потом каким-то образом понимаешь, что тебе необходимо летать.

— Да. Отбросить всякие сомнения и нырнуть с головой.

— Ну, ты даешь! И почему?

— Не знаю.

— Но какое-то объяснение должно быть.

Она задумывается:

— Помните, вы сказали, что сразу поняли: я та, кого вам необходимо знать. Хотя представления не имели, кто я такая.

Он кивает.

— То же самое.

Любовь, хочет она сказать. Любовь приходит ниоткуда.

— Это разные вещи.

— Может, и разные. Но еще я хотела посмотреть другие края и поняла, что аэроплан может меня туда отнести.

— В который раз повторяю, Монтана ничуть не хуже всего остального, увидишь.

Она соображает, как заставить Баркли посмотреть на дело ее глазами.

— И я устала переживать из-за Уоллеса. Привыкла чувствовать себя виноватой в том, что нас посадили ему на шею, но в последнее время начала сомневаться в его способности позаботиться даже о себе.

— А что Джейми?

— Мне бы совесть не позволила все перевалить на него.

— Я хочу сказать, тебе будет его не хватать?

— Ужасно.

Баркли серьезен:

— Я говорил тебе, что у меня есть сестра, Кейт? Я бы очень хотел держать ее жизнь в своих руках, как яйцо, помогать во всем. Само желание уже груз, к тому же оно невыполнимо.

— Я как раз об этом. Жизнь была бы лучше без тех, за кого надо переживать.

Он наклоняется, сцепленные руки едут по столу.

— Неправда. Так выходит самое страшное одиночество.

* * *

Весной она учится садиться ночью. На аэродроме выставляют свет.

На рулении, чтобы никуда не врезаться, Голец учит ее сильно нажимать на педали и резко разворачиваться. Теперь она, как правило, садится недалеко от разметки, а иногда и прямо на нее.

Май 1930 года: Эми Джонсон, двадцати шести лет, дочь йоркширского рыботорговца, на «Де Хэвилленд Джипси Моте» совершает одиночный перелет из Кройдона, что южнее Лондона, до австралийского Дарвина. Десять тысяч миль на открытом биплане со скоростью восемьдесят миль в час; то слишком жарко, то слишком холодно; солнечные ожоги и вонь топлива. Поднимаясь в воздух, Эми не может похвастаться большим опытом пилотирования (всего восемьдесят пять часов) и особенным умением приземляться. Но у нее есть лицензия механика и она разбирается в двигателях. Около Багдада песчаная буря вынуждает ее приземлиться. Она сидит на хвосте аэроплана — с револьвером, очки залеплены песком — и слышит звуки: может, всего-навсего ветер, а может, вой шакалов. На пути в Карачи она ставит рекорд скорости,

но ломает крыло. Ремонт требует времени. В Рангуне ломает второе крыло, шасси и пропеллер. Еще ремонт. Весь перелет занимает девятнадцать с половиной дней. В последний день, сражаясь со встречным ветром, она преодолевает пятьсот миль над Тиморским морем, боясь, что у нее не хватит топлива. Потом Дарвин, слава, но не рекорд скорости, к чему она так стремилась.

Пора подумать о настоящем полете в горы, говорит Голец Мэриен, которой скоро исполнится шестнадцать. Наконец-то. Они летят над ущельями, перелетают на восходящих потоках воздуха горные хребты. По колесам хлещут верхушки деревьев. Она узнает, что над камнями и деревьями есть еще другой ландшафт, невидимая топография ветра. Оказывается, если лететь прямо на подветренную сторону хребта и не успеть вовремя увернуться, воздух станет зыбучим песком и тебя засосет вниз. Чтобы попрактиковаться в приземлении, они отправляются в пустынные места, где оборудованы полосы, там Голец передает груз бутлегерам. Мэриен приходится совершить короткую посадку — правда короткую.

Гольцу жалко, что он не может научить ее другим фигурам высшего пилотажа.

— Этот бугай тут не годится. — Он имеет в виду

«трэвел эйр». — Но тебе хорошо бы потренироваться. Если что-то пойдет не так и тебя закрутит, в голове будет спокойнее, если ты будешь привычна.

— Голец говорит, мне надо как следует освоить штопор, тогда я буду знать, как из него выбираться, — сообщает она Баркли. — Он говорит, летчик должен учиться не паниковать. Он говорит, реакции будут быстрее.

Она знает, что делает, чего просит, что будет. Через пару недель, когда она приезжает на аэродром, там кроме «трэвел эйра» стоит новенький ярко-желтый биплан «Стирман». Улыбка Гольца висит между ушами, как продавленный гамак, но, когда они обходят аэроплан, восхищаясь его сверкающей гладкостью и смелой посадкой крыльев, он тихо спрашивает:

— Ты уверена, девочка?

Она начинает понимать, как Уоллес умудрился увязнуть в долгах. Еще только одно, последнее, убеждает она себя, и все. Потом она будет готова летать через границу и выплатит свой долг.

— По крайней мере, обучусь кое-каким хитростям, — отвечает она Гольцу.

Тот сидит в передней кабине, Мэриен сзади, оба в шлемах, летных очках, с закрепленными

за плечами парашютами. У «Стирмана» вместо штурвала ручка, и сначала ей неудобно. («От локтя, не от плеча, иначе двинешь углом, — сказал Голец на земле. — Ты должна научиться его чувствовать». Сквозной тезис всего его учительства.) Ей нравится в уютной открытой кабине, нравится, как ноги тянутся навстречу педалям руля направления, как ветер обдувает лицо.

Во время третьего полета ручка управления дергается у нее в руке. Голец сигналит: перехватываю управление. Он поднимается высоко и ныряет. Как Трикси Брейфогл, уходит в петлю, только на сей раз Мэриен смотрит не на вертящиеся небо и землю, а на приборы. Аэроплан опять выравнивается. Не оборачиваясь к ней, Голец поднимает обе руки: теперь ты. Они все обговорили: необходимую высоту, скорость, обороты в минуту, их предел, легкость, замедленность, которые она ощутит наверху, нырок обратно к земле.

— Петля такой же поворот, — объясняет Голец. — Только выполненный под прямым углом.

Она забирается наверх и ныряет.

* * *

— Я сделала петлю, — сообщает она Джейми на веранде. — Даже три.

Сердце колотится, как будто Мэриен выдает секрет, хотя она не скажет брату, как потом поехала к Баркли, как, когда он открыл дверь, обхватила его за шею и поцеловала.

Тяжелая пауза, и Джейми ворчливо спрашивает:

— И на что это похоже?

— Пообещай, что не будешь смеяться…

— Могу и засмеяться.

— …Но у меня возникло такое чувство, как будто я неподвижная точка и использую приборы управления, чтобы весь мир закрутился вокруг меня. Я превратилась буквально в центр вселенной.

Джейми смеется:

— У тебя все время такое чувство.

Мэриен тоже смеется:

— Может, я и есть центр вселенной. Тебе не приходило в голову?

— Тебя не волнует, чего он хочет?

— Волнует, но главным образом поскольку я точно не знаю чего.

— Мне представляется очевидным.

— Если бы я была уверена, что он хочет всего-навсего затащить меня в постель, было бы легче. Проще.

Но на самом деле она знает, чего он хочет, или думает, что знает.

«Ты должна научиться чувствовать». Падение ее утяжелило, но потом, на верху петли, несмотря на экипировку, она парила совершенно свободно.

Баркли прижал ее к себе, оторвал ботинки от земли. Когда он накрыл губами ее рот, когда ее тело прижалось к нему и она потеряла всякую опору, даже крыльцо под ногами, безудержный порыв, толкнувший ее поцеловать его, улетучился, сменившись тревогой и приступом клаустрофобии. Она словно ослепла и оглохла, так гонимый инстинктом лосось исключительно мускулами пробивается вверх по течению. Мэриен попыталась высвободиться, и на пару секунд ей показалось, он ее не отпустит. Извиваясь, она прогнула спину, и это движение словно привело Баркли в себя. Он так резко опустил ее, что она пошатнулась.

— Прости. — Тяжело дыша, он поднял руки, будто показывая, что безоружен. — Ты застала

меня врасплох. Я потерял контроль.

Мэриен попыталась взять себя в руки:

— Все в порядке.

Они смотрели куда угодно, только не друг на друга. Мэриен опустилась на край крыльца, Баркли подсел рядом.

— Я хотела рассказать, что сделала сегодня петлю.

— Я слышал, у Гольца новый аэроплан. Более подходящий для высшего пилотажа.

Царственная улыбка.

— Он сказал, мистеру Сэдлеру захотелось еще один в коллекцию.

То был самый явный ее намек на покровительство Баркли, самая смелая из отважных вылазок к правде.

— Сэдлер — ярый энтузиаст авиации.

— Он потрясающе разбирается в бипланах.

— Он уверяет, его пилот подает надежды.

Радость от того, что кто-то другой подтверждает ее мысли о своем предназначении, граничила с восторгом. Баркли дал ей Гольца, дал ей аэроплан и теперь предлагает свою веру в нее. Мэриен спросила:

— С контролем теперь в порядке?

— Более-менее. А что?

Этот поцелуй был уже не смирительной рубашкой, он вбирал в себя. Мэриен отдавала себе отчет в том, как медленно дышит Баркли, как, когда он чуть отстранился, сама невольно потянулась за ним. Что-то приковывало ее к нему, грубая тяга, сильная, шершавая, как канат. Баркли отпрянул.

— Я не могу этим играть, Мэриен. Нам туда не надо. Лучше уходи, а в следующий раз все будет как прежде.

Тут бы спросить, чего он от нее хочет. Но ей не требуется.

— Он хочет на мне жениться, — делится она с Джейми.

— Он сам сказал?

— Просто знаю. Тебе так лучше?

— Нет.

— Мне тоже.

— А почему он хочет?

— Большое тебе спасибо!

— Да ладно. Почему? Ты ведь еще ребенок.

— Не ребенок.

— Конечно, ребенок.

«Я увидел в тебе человека, которого мне необходимо знать».

И она говорит:

— Мне каким-то образом удалось его заинтересовать, а вбив себе что-то в голову, он уже не отступится.

— Значит, у вас есть хоть что-то общее. А ты собираешься выходить за него замуж?

Восторг от петли уходит, остается лишь ныряющее ощущение пикирования. Пусть Джейми скажет ей «не надо», не надо выходить замуж за Маккуина. Пусть даст понять, что Баркли покупает ее, тогда она придет в бешенство и отбросит эту мысль. Пусть спросит, любит ли она Баркли, тогда она ответит: наверное, не исключено. А может быть, действительно любит, по крайней мере сильно желает, но вместе с тем чувствует: она угодила в ловушку, чьи размеры и механизм остаются от нее скрытыми.

Но Джейми не дурак, чтобы заниматься подобными глупостями. В лунном свете она видит взгляд человека, ухаживавшего за диким животным и теперь отпускающего его, надеясь, что оно выживет.

— Наверно, так было бы лучше, — вот все, что она отвечает.

* * *

Опять сентябрь. Ей шестнадцать, теперь она летает каждый день. Когда невозможно из-за облаков, ошивается вокруг механиков, учится ремонтировать.

— Как рыба в воде, — говорит Голец о ее способностях к высшему пилотажу.

Выполняя их, она действительно чувствует, будто ее немилосердно долго удерживали, а потом выпустили в естественную среду. Сюда не вторгаются мысли ни о Баркли, ни о Калебе, ни о Уоллесе, ни о Джейми. В биплане она всегда закрепленный центр вселенной, при помощи штурвала и руля направления вращающий ее вокруг себя.

Штопор: подняться высоко, сбросить газ практически до скорости сваливания. Отклонить руль направления вправо, отклонить ручку вправо и от себя. Вращаясь, устремиться вниз, двигатель ревет, хвост вверх, резкое падение, земля крутится внизу, как вертящийся зонтик.

Замедленная бочка: удерживать нос самолета на фиксированной точке, отклонить ручку вправо. Когда крылья встанут вертикально, начать перекрестный контроль путем отклонения руля

направления влево. Отпустить педаль, толкнуть ручку вперед. Когда аэроплан переворачивается, тебя удерживают ремни; ноги норовят оторваться от педалей руля направления, но их нельзя отпускать. Теперь все то же самое, но отраженное зеркально, быстро, поскольку нельзя положиться на двигатель, когда он находится вверх тормашками. Это как ехать на одном велосипеде в одном направлении при помощи рук и одновременно на другом велосипеде в противоположном направлении при помощи ног.

Переворот на горке: Голец не хочет учить ее этому, она читает и пробует сама. Лететь вертикально вверх до полной потери скорости, потом, аккурат перед тем, как гравитация начнет тянуть аэроплан вниз, отклонить руль направления влево до упора, чтобы описать дугу, отклонить ручку вправо, а потом от себя, поворачиваться до тех пор, пока нос не будет направлен к земле, выровнять аэроплан.

Голец сердится, напоминает о хороших пилотах, таким вот образом разбившихся в хлам. Он не хочет сажать ее за штурвал неделю, пока она не приносит ему несколько бутылок самогона и обещает, больше не будет. Оба знают, что она врет, но перемирие заключено.

Конечно, их больше. Перевороты Иммельмана, полупетли, бочки, свечки — все это связывается воедино, одна фигура ведет за собой другую, и она вяжет гигантские сложные узлы над Миссулой, погружаясь в утраченное ледниковое озеро и выныривая из него.

Летные инструкторы и местные любители забывают, что отказывались учить ее. Мэриен называют Красной Баронессой и Негритянской Плясуньей. Хотят отправить в Спокан на авиашоу, но у нее нет лицензии, а Баркли не понравится, если она привлечет к себе внимание.

Когда становится холодно, у нее появляются тулуп и тяжелые ботинки, так она может дольше летать на открытом «Стирмане».

Еще одна зима. Больше приземлений на лыжах. Больше настоящих полетов в горах. Несколько весьма неприятных передряг в облаках: лыжи проезжаются по верхушкам деревьев, пару раз она чуть не срывается со скалистого обрыва.

В марте Элинор Смит, летавшая под мостами Ист-Ривер, поднимается на двадцать пять тысяч футов над Нью-Йорком в герметичной, снабженной нагнетателем воздуха «Белланке», пытаясь поставить рекорд высоты. Дыхательная трубка покрывается инеем. Что-то не так, что-то отсо-

единилось или разгерметизировалась кабина. Чернота накрывает ее, как колпак. Аэроплан, пилот которого потерял сознание, падает почти четыре мили. На двух тысячах футов к Элинор возвращается сознание, ей удается на боковом скольжении снизиться на участок безлюдного пространства, повернуться носом и уйти.

— Вот это самообладание! — восклицает Голец.

Через неделю Элинор опять поднимается в воздух и бьет рекорд — тридцать две тысячи футов.

Мэриен умирает от зависти и, совершая спираль, забирается на пятнадцать тысяч. Чуть выше. Потолок аэроплана — шестнадцать, но она думает, может, технические характеристики занижены. Двигатель плюется, стучит, работает с перебоями. Она регулирует состав топливной смеси, но не может стабилизировать его работу. Тот ковыляет, как трехногая лошадь. Напуганная, Мэриен садится.

— Повезло, — качает головой Голец, когда она признается ему. — Поднимешься слишком высоко, опьянеешь. Там наверху своего рода безумие. Видения начинаются. Думаешь, с тобой в кабине кто-то есть. Боковым зрением видишь другой самолет, прямо за твоим крылом, хотя там ничего нет.

Ей нужно чем-то заняться, твердит она Гольцу, Калебу, Джейми, осторожно дает понять Баркли. Она действительно умеет летать. Голец муштровал ее до бесконечности, заставляя садиться на крошечные пятачки жесткой травы, на горные камни. Наверное, она, как ястреб, сможет сесть даже на заборный столб, а потом взлететь с него.

— Я могла бы летать через границу, — внушает она Гольцу. — Я хочу быть полезной.

— Я выучилась, — талдычит она Калебу. — Но для чего? Они не дадут мне перевозить спиртное. Без лицензии я не смогу принять участие в авиашоу. Я не могу полететь куда угодно. Какой смысл?

— И мы все еще разыгрываем спектакль, — жалуется она Джейми. — Баркли ни при чем. Он милый скототорговец, я развозчица, которая иногда задерживается поболтать. Какой смысл?

— Ты говорила, ему так нравится, — отвечает Джейми. — Если бы он не хотел, чтобы ты была участницей спектакля, ты бы не была.

В феврале Амелия Эрхарт вышла замуж за Джорджа Палмера Патнема, ее издателя, покровителя и, как шепчутся, ее Свенгали. Он делал предложение шесть раз. В день свадьбы она на-

писала ему письмо, где говорилось, что ни один из них не вправе ожидать верности, что временами ей нужно будет пожить отдельно от него и от налагаемых браком ограничений. Она также берет с него обещание позволить ей уйти через год, если они не будут счастливы друг с другом.

Мэриен, конечно, ничего этого не знала, она даже мечтать не могла о такой сделке.

* * *

Накануне ее семнадцатого дня рождения три важных полета.

Первый.

Погода ухудшилась. Голец на «трэвел эйре» в штопоре выходит из облачности и не может восстановить контроль над управлением. По крайней мере, самое правдоподобное объяснение. От него мало что остается.

Мэриен проводит долгую ночь во флигеле и пьет настоящий скотч, изо всех сил пытаясь быть твердой. Разве Голец не говорил ей, что у всех пилотов есть погибшие друзья? Что и она сама может стать таким другом? На похоронах она почти не смотрит на его жену и детей — все низкорослые, жалкие, похожие на лягушек. (Баркли обещает позаботиться о них.) Она твер-

дит себе, Голец, дескать, умер так, как хотел. Последний удар. Возможно, даже не испугался, слишком сосредоточившись на том, чтобы выровнять аэроплан. Возможно, все произошло очень быстро и он не успел почувствовать боль.

Тело страшно обгорело. Передние зубы так глубоко впаялись в приборную панель, что остались там, даже когда останки вытащили.

Баркли прислал ей на похороны черное платье — мягкая шерсть, отороченная черной репсовой лентой, маленькие блестящие черные пуговицы. Вместо этого она надевает летную одежду. Джейми сидит рядом с ней. Баркли, на скамье впереди, не обращает на них внимания до самого конца, потом оборачивается и протягивает Джейми руку:

— Да пребудет с тобой мир.

Джейми с мрачной решительностью дуэлянта отвечает:

— И с вами.

Потом Мэриен идет к бело-зеленому дому, в руках коробка с платьем.

— Можете взять обратно, — говорит она Баркли. — Я не надевала.

— Я заметил, — отвечает он, ведя ее на кухню. — Тебе не понравилось?

— Голец обсмеял бы меня с небес.

Она бросает коробку на стол.

— Ты веришь в небеса?

— Нет.

— Вот как? А что, ты думаешь, происходит?

— Я думаю, ничего не происходит. Сэдлер здесь?

— У мистера Сэдлера дела в Спокане.

— Мне пора летать через границу. Я знаю, где посадочные полосы. Я на них практиковалась. Поскольку Гольца нет, я теперь единственная, кто может.

Он облокачивается на раковину и закуривает сигарету.

— Нет. Страна кишит пилотами.

— Таково было мое изначальное условие. Вы же знаете.

— Мэриен, я никогда не соглашался на твое так называемое условие.

Она таращит глаза:

— Согласились. Вы не возражали, чтобы я и дальше брала уроки.

— Ты не можешь считать, будто заключила с кем-то сделку, просто издав указ.

— Я предупреждала, я не хотела никаких уроков без уверенности, что у меня будет возмож-

ность отработать. Иначе нечестно.

Весело:

— Нечестно получить то, чего тебе больше всего хотелось?

— Нечестно не дать мне возможности расплатиться с вами.

— А красиво ли пытаться использовать смерть Гольца в день его похорон, чтобы добиться возможности летать?

— Ему крышка! — выкрикивает Мэриен. — Он часто повторял, что такое может случиться.

Продолжая курить, Баркли смотрит на нее:

— Ты действительно такая жестокая?

— Голец сказал бы, я готова. Я знаю горы. Вы знаете, на меня можно положиться. Если не летать, давайте я буду вас возить. Дайте мне хоть какое-нибудь дело. Я опять начну собирать бутылки. Что угодно. Я чувствую себя дочерью богача или как будто меня научили летать, только потому что девушка за штурвалом — уморительно. Собака на задних лапах.

Долгое молчание. Баркли смотрит на нее с вызовом, она выдерживает взгляд. Наконец он сдается:

— Я не считаю тебя ни дочерью, ни собакой. — Вытянув руку, Маккуин гасит сигарету

в пепельнице. — Но на биплане все равно много не перевезешь. Думаю, не стоит рисковать.

Вот так, безо всяких торжественных аккордов, спектакль заканчивается.

— Туда помещается тридцать ящиков, — уточняет она. — Может, чуть больше. Голец мне рассказывал. Не ерунда, если речь идет о высококачественном товаре. А вы, если захотите опять пустить в ход аэроплан побольше, сохраните за собой воздушный путь.

— Хилое оправдание тому, что ты окажешься по ту сторону закона.

— Я уже много лет по ту сторону закона. — Она испытывает бешенство, беспомощность.

— Но не из-за меня.

Она пытается перебить его, он ее обрывает:

— На этот раз, только на этот раз, Мэриен, я не дам тебе того, чего ты хочешь. Не сейчас.

— Но скоро?

Поколебавшись, он кладет руку ей на плечо и легонько сжимает, будто проверяя фрукт.

— Если погиб пилот с таким опытом, как у Гольца, откуда ты можешь знать, что такое не произойдет с тобой?

— Знать не могу, но я все равно должна.

— Если бы с тобой что-то случилось, я бы нико-

гда себе не простил.

— Не ваша будет вина. — Она подходит так близко, что ее левая ступня становится между его ног. — Разрешите мне летать через границу. Пожалуйста.

Он смотрит на нее, как будто сейчас согласится, но берет себя в руки и отодвигается:

— Не надо.

— Чего не надо?

— Не предлагайся.

— Но ведь это вы пытаетесь меня купить.

— Я не пытаюсь тебя купить, я пытаюсь тебе помочь.

— Так помогите тем, что позволите быть полезной.

Она выскакивает из кухни. Он не идет за ней.

Ночью во флигеле с Калебом она делает то, чего не делала никогда прежде: трахает его. Раньше это слово не ассоциировалось у нее с тем, чем они занимаются, но теперь гудит в голове. Она сидит на нем, бешено работая бедрами.

Сначала он отвечает, потом становится пассивным, только смотрит. Под конец сталкивает ее и кончает в старое хлопчатобумажное полотенце. Она ударяется о стену, не сильно, но кричит на него. Он закрывает ей рот рукой, она кусается.

Отчасти она хочет, чтобы Калеб отмутузил ее, как в детстве, но даже когда он, корчась от боли, поднимает руку, она знает, он не ударит. Вместо этого Калеб грубо прижимает ее к груди и крепко держит, пока Мэриен не утихомиривается. Ей кажется, он ждет, что она сейчас заплачет. Она не будет плакать. Не может. Наконец они засыпают.

На рассвете одетый Калеб сидит на краешке кровати, волосы свободно спадают по спине.

— Надо прекращать, — говорит он. — Что бы у тебя там ни было, ты должна разобраться. Я тут ничем не могу тебе помочь.

— Нет, — отвечает она. — Никто не может.

* * *

Второй.

Ее план — не реакция на гибель Гольца. Она вынашивала его уже много месяцев, но сомневалась, поскольку Голец сильно переживал бы, а Баркли, чего доброго, обвинил бы его. Теперь все последствия только на ее совести.

Ясным июньским утром она поднимается на биплане, бак заполнен топливом лишь наполовину, ничего необычного, привлекающего внимание. Лениво делает петлю. Выровнявшись,

поворачивает на северо-запад и летит вдоль железной дороги.

Джейми на лето исчез. Пару недель назад, в конце мая, Уоллес нашел на кухонном столе записку, где говорилось: «Уезжаю, но к началу школьных занятий вернусь. Не волнуйтесь». Мэриен обиделась, поскольку он удрал, не сказав ей, потом ее обуяла зависть. Если бы она знала, то могла бы поехать с ним. Однако при мысли, что он, возможно, не сказал ей именно по этой причине, обиделась еще сильнее.

К колену пришпилена карта, маршрут уже проложен. В ангаре она оставила свою записку: «Улетела в пункт назначения, вернусь завтра». Она знает, у Баркли есть шпионы, они найдут записку, когда она не вернется вовремя. И тогда он тут же велит своим людям обзванивать все аэродромы на три штата во всех направлениях, суля щедрое вознаграждение за любую информацию о любых девушках, в одиночку летающих на бипланах «Стирман». Она оставила записку только потому, что в противном случае он запустил бы поисковиков и спасателей в небо.

Она опять поворачивает на север, летит вдоль Кларк Форка к озеру Панд-Орей. Садится за заброшенным городком, где бывала прежде, недалеко

от обнаруженной ею бензоколонки. У владельца есть грузовик с топливом, он выходит залить ей бак. Риск, но неизбежный. Улетает. На запад, потом на север, вдоль реки Панд-Орей. Там, где перед впадением в Колумбию река сворачивает, начинается Канада.

Она идет на запад, низко над горами, крылья срезают воздух со склонов. Погода более-менее держится. На какое-то время появляется толстый низкий ковер облаков, она остается сверху, заутюживая пузом аэроплана верхний слой, пропеллер наполовину в тумане. Она всегда хотела выбрать на карте точку и полететь туда. Джейми, наверное, тоже двинул на запад, к океану.

Незадолго до отъезда он разбудил ее ночью, тихонько тормоша за плечо:

— У тебя был кошмар.

Ей снился Голец. Они вдвоем в «трэвел эйре» по спирали идут вниз, Голец умоляет ее помочь, но ее штурвал, судя по всему, просто висит в воздухе, не связан ни с чем.

— Мне снился Голец.

— Я так и понял. Ты говорила во сне.

Шелест прохладной весенней ночи. Она подвинулась, и Джейми проскользнул под одеяло, улегшись валетом.

— Как ты думаешь, Голец испугался? — спросила Мэриен.

— А ты бы не испугалась?

— Мне бы хотелось думать, что он не испугался. Но боюсь, так оно не работает.

— Хоть быстро.

— Даже если бы он все знал, думаю, не перестал бы летать.

— И ради детей?

Она покачала головой:

— Надеюсь, он по крайней мере был уверен, что Баркли позаботится о семье.

Они помолчали. Потом Мэриен добавила:

— Что бы он ни думал, теперь все кончено.

Но Джейми уже спал.

Мэриен летит дальше, появляется больше снежных шапок. Ей нравится пустынность — меньше шансов ее выследить. Через несколько часов она спускается в длинную открытую долину, исчерченную фермерскими угодьями. На севере горы. На западе город, Ванкувер. Дальше вода окрашивает горизонт в синий. Пролив Джорджии. Она хочет оставить его сзади, пролететь над островом Ванкувер к открытому океану, но у нее не хватит топлива и времени до наступления темноты.

Мэриен выбирает аэродром на севере за город-

ским портом. Когда местные пилоты спрашивают, откуда она, отвечает — из Орегона. Интересуется, где можно оставить аэроплан на ночь, где тут дешевая гостиница. Пилоты с любопытством смотрят на нее, но она выдерживает взгляд. Ее уже никто не примет за мальчика, и у нее нет выбора, кроме как быть странной, высокой, короткостриженой, веснушчатой девушкой в пыли, с лицом, из-за очков загоревшим, как у енота. Один пилот достает из кармана комбинезона грязный карандаш и блокнот и записывает, как найти дом, где сдаются комнаты, в паре миль отсюда.

— Скажешь Джеральдине, что тебя послал Сойер. — Он вырывает страницу. — Она славная. Я присмотрю за твоим аэропланом. Как тебя зовут?

— Забавно, меня тоже зовут Джеральдина, — отвечает Мэриен.

Она показывает на север, туда, где горы выше:

— Летали туда?

Он качает головой:

— Что мне там делать?

Дом Джеральдины стоит на середине крутого холма. Быть дома к полуночи, говорит хозяйка, никаких гостей, никакой выпивки в доме. В ком-

нате Мэриен окно обрамляет угасающие сумерки, полосу темно-синего океана в щели между домами. Ей тревожно, она садится на кровать, встает, подходит к окну, опять садится. Стук в дверь. Она открывает. Джеральдина протягивает ей сложенную ночную рубашку:

— Я заметила, у тебя нет багажа. Подумала, может пригодится, в чем спать.

Жест прост, но Мэриен не привыкла, чтобы за ней ухаживали.

— Спасибо. — Она прижимает ночную рубашку к груди.

Голос выдает ее, он дрожит.

— Сущий пустяк.

Джеральдина моложе, чем ожидала Мэриен, почти с такими же светлыми волосами и веснушками, как она сама, но мягкая, с полной грудью.

— Ты в порядке?

Одно мгновение Мэриен хочется рассказать ей все, выложить историю родителей, дяди, Баркли Маккуина, Гольца. Она бы рассказала, что ей всего шестнадцать и она сама прилетела сюда из Монтаны, а завтра полетит к океану, только посмотреть, увидеть что-нибудь. А Джеральдина скажет, что хотела бы быть вполовину такой смелой.

Но вместо этого Мэриен отвечает, что она в норме и не думала оставаться на ночь. Неприятности с двигателем, больше ничего.

Утром она заправляет аэроплан, поднимается и кружит над аэродромом, чтобы собраться с духом. Затем летит над гаванью, проливом, над островом Ванкувер и наконец — наконец — над океаном. Ветер выводит на воде изысканный узор, напоминающий льняное плетение, покрытое тенями облаков. Отлетев далеко от берега, она хочет дальше, хотя горизонт будет только удаляться, но она знает: нужно возвращаться и вынести то, что суждено. По крайней мере, видела океан, говорит она себе. На обратном пути Мэриен сворачивает над бухтой в сторону гор, убеждая себя, что просто такой каприз, хотя больше похоже на риск. В оконечности бухты река, стиснутая бледным песком, бурная, молочная от вешних вод. Она летит по реке на север. Таких суровых гор она еще не видела. Все ее записи в графе «Пункт назначения» — мелочь по сравнению с невероятной огромностью планеты, но сейчас — сейчас — настоящий полет в горах. Надо разворачиваться, лететь обратно в Монтану, однако, испытывая возможности двигателя, натянув кашне на рот и нос, она поднимается

выше. Двенадцать тысяч футов. Она перелетает заснеженный перевал и попадает в высокую чашу. Ее окружают скалы и синий лед. Ледяной покров внизу пошел трещинами. Самая широкая, наверное, способна проглотить аэроплан целиком. Где-то снег провалился, под ним чернота.

Двигатель недовольно фыркает.

Она кружит, чтобы набрать высоту и вылететь, но аэроплан вялый, тяжелый. Она пытается отрегулировать состав смеси, но двигатель сопротивляется, работает с перебоями. Сердце ее тоже работает с перебоями. Конечности цепенеют. Под мышками колет.

Она кружит, кружит. Холодный ветер на лице сильный, острый, как осколки стекла. Руки отяжелели, ногами она с трудом жмет педали руля направления. Ее никто никогда не найдет. Никто даже не будет знать, где искать. Чернота на дне расщелины хочет поглотить ее. Снег хочет укутать своим саваном. Но, с другой стороны, никто и не узнает, какая она идиотка, что отправилась в горы. Она не отдаст им свое переломанное тело, не оставит зубы, вдавленные в приборную доску аэроплана. Баркли останется лишь ломать голову. И в его голове представления о ней будут продолжать жить тысячью воображаемых жиз-

ней в тысяче разных мест. Он не сможет занести ее в прошлое, в ряды мертвых. Перебои в работе двигателя пугают не на шутку; аэроплан ныряет вниз, будто пьяный.

Джейми никогда не узнает, какую одинокую, бесполезную смерть она себе придумала.

Мысль о Джейми бьет ее, как рука, дающая пощечину. В голове проясняется. Нет. Нет, она не оставит его одного в мире, не станет наказывать за летнее бегство, исчезнув навсегда. Желая влить движение в свинцовые руки и ноги, вжимаясь в собственное тело, как будто поднимая большой вес, она тянет ручку от себя и ныряет параллельно кривой линии чаши. Едва не коснувшись льда, тянет ручку на себя. «Стирман» скрежещет и плюется, Мэриен еле-еле уходит за противоположный хребет.

Она идет вниз, лицо и руки оттаивают. Ее заполняет неподдельный ужас. Она так дрожит, что аэроплан трясет. Сворачивает на юг.

Пилоты в Миссуле вздыхают с облегчением, им интересно, куда она летала.

— До Ванкувера и обратно, — одеревенев, говорит она им.

Заночевать пришлось в аэроплане на поле.

— Все хорошо? — спрашивает один, озадачен-

ный ее медлительностью.

— Все нормально.

Почему Голец не рассказал ей про черноту, живущую в глубинах льда?

— Маккуина было впору вязать, — разводит руками другой. — Метался тут все утро, смотрел на небо, как будто хотел подняться и стащить всю эту дребедень вниз.

* * *

Она дома всего час, как появляется Баркли, Сэдлер привозит его на длинном черном «Пирс-эрроу». Уоллес в дверях мямлит, что ему, дескать, угодно.

— Мэриен, на пару слов.

Мэриен слушает, стоя на лестнице.

— Все в порядке, Уоллес, — говорит она, спускаясь.

Дядя без возражений ретируется. Мэриен ведет Баркли во флигель.

Он закрывает дверь. От возмущения у него выперли веснушки, глаза стали почти черными. Он тихо спрашивает, как она могла так подло его предать. Глупая, вздорная, эгоистичная девчонка, ей вообще нельзя доверять. И какой ошибкой было позволить ей летать.

— Как я не понял, что ты возьмешь у меня все и швырнешь обратно в лицо!

Мэриен стоит и слушает без содроганий, а когда он умолкает, может только плакать. Под порывами горя гнется, как ива. Он думает, ее терзает чувство вины, не догадывается, что тут скорбь, скорбь о Гольце, но еще и горечь от прозрения: она считала себя бесстрашной в воздухе, считала небо союзником, а не бездушной, полной неуправляемых сил громадой.

Его бешенство проходит.

— Не плачь. Пожалуйста, Мэриен. Я рассердился, только потому что испугался потерять тебя. — Он прижимает ее к себе и лихорадочно бормочет: — Зачем? Зачем вот так убегать?

— Я не убегала. Я хотела куда-то полететь. Я же говорила. — Чувствуя, что он собирается ее отстранить, она прижимается к нему. — Я хотела увидеть океан.

— Ну, увидела?

— Только краешек.

— Он везде одинаковый.

Она хочет рассказать про расщелину, про то, как она, нет, не разбилась, но ее все равно затянуло, однако вместо этого признается:

— Мне было страшно в горах. — И торопливо

добавляет: — Я просто слишком высоко поднялась. Я все поняла.

Мужские руки крепче сжимают ее:

— Иногда ты кажешься такой мудрой, а иногда страшной глупышкой.

Тепло его тела вторгается в пространство между ней и льдом, чернотой. Если бы она могла, если бы он был рядом, она бы рассказала про расщелину Джейми и у нее прибавилось бы сил для выяснения отношений с Баркли. Но Джейми от нее уехал. А Калеб дал свободу.

Мэриен вжимается лицом в шею Баркли. Тот каменеет. Она говорит:

— Я видела страшный сон про Гольца.

Она думает, Баркли опять будет просить ее не летать, даже запретит, однако он отвечает:

— Не обольщайся, Мэриен, не все будет даваться легко. Иначе с тобой было бы что-то не так.

От его доброты, как и тогда у Джеральдины, она плачет. Но теперь слезы тише, они медленно вытекают из-под век, в животе щекотно. Он целует ее за ухом.

Жалеет ли она, что полетела? Мэриен решает, нет. Рано или поздно она все равно, выглянув из кабины, увидела бы бездонное, безмерное. В какой-то момент все равно дошла бы до пре-

дела смелости. Тут ничего не поделаешь, надо только приспособиться, смириться. Значит, она не совсем такая, какой себя считала. Ну и что? Будет чем-то другим.

Баркли одной рукой обнимает ее за плечи, а другой подтягивает к себе за ягодицы. Как партнершу в танце, ведет назад, к узкой кровати. Они ложатся. Он расстегивает ей брюки и засовывает туда руку. Она опять прижимается к нему, работает бедрами. У него стеклянные глаза, вялое выражение лица. Она, не отводя от него взгляда, продолжает работать бедрами.

С улицы кашель.

Звук такой ясный, как будто Сэдлер сидит в кресле в нескольких футах. С Баркли сходит оцепенение, он убирает руку. И тут же кажется невозможным, что несколько секунд назад они этим занимались.

Он быстро встает:

— Прости.

Она застегивает брюки.

— Прости, что начал или что прекратил?

— Что начал, — удивляется он тому, что ей непонятно.

— Тебе не понравилось?

— Слишком понравилось.

— Тогда почему ты остановился?

— Я не имею права компрометировать тебя подобным образом. — Она отворачивается к стене, ждет, что Баркли сейчас уйдет, но он все сидит на краешке кровати. — Ты расстроена.

Ярость душит ее. Да, расстроена! Почему он даже не задумался о том, понравилось ли ей? Хотела ли она остановиться? Почему ее все время надо защищать? Он не может уберечь ее от действительно серьезных опасностей: от темноты, от возможности падения. Его усилия оскорбительны. И возмутительно с его стороны говорить, что он не имеет права ее компрометировать. Разве его покровительство, его аэропланы ее не компрометируют? Разве он не обратил ее мечты против нее же? И даже когда они оба хотят одного и того же…

Она осекается, вдруг испугавшись признаться, что хочет его, хочет видеть его тело, хочет его касаний, что она вообще уже не девственница. (Последнее произносить нельзя.) Секс по крайней мере честнее.

— Ты хочешь… — Он медлит.

— Я хочу летать через границу.

— И все? — Явное разочарование.

— И я хочу с тобой в постель.

Лукавство и возбуждение, упрямство и вожделение, беспокойство и самоуверенность играют на его лице.

— Хорошо. — Он надевает шляпу и открывает дверь. — Хорошо, ладно. По обоим пунктам. Не сегодня, но скоро.

* * *

Третий.

Баркли соглашается подняться в небо. Его первый полет.

В жаркий июльский день он приезжает на аэродром и нервно бродит по нему, бросая хмурые взгляды на аэропланы. Они с Мэриен еще не были в постели, но теперь секс видится крышкой люка, которая может уйти из-под ног в любой момент. Она начинает летать через границу.

Сэдлер научил ее шифру, используемому для организации поставок, и показал, как читать специальную карту с крошечными пронумерованными точками. Большинство — чушь, чтобы запутать, но некоторые обозначают реальные тайники и посадочные полосы.

— Вам не нравится, — сказала она Сэдлеру.

Не отводя взгляда от карты, легко, как человек, комментирующий малоинтересную газетную

информацию, он ответил:

— Не моя епархия.

Первым пунктом было безымянное фермерское поле в Британской Колумбии. Фермер выехал ей навстречу на тракторе с прицепленной телегой, уставленной ящиками с виски.

Когда она опять поднялась в воздух, солнце стояло низко. Из-за груза топливо расходовалось быстро, выводя аэроплан из равновесия, и ей пришлось полностью сосредоточиться на центровке. Скоро на нее опять навалилась свинцовость, пустое, тяжелое гудящее чувство, однако быстро прошло, так и не пустив корни. Ее небольшую поставку ожидали всего два автомобиля, их фары точками светились в сумерках. Когда она села, они задом подъехали как можно ближе к аэроплану и открыли багажники, а также тайные отделения под задними сиденьями. Быстро, поделовому вытащили ящики. Через несколько дней пришло сообщение о следующем пункте.

Когда Мэриен отрывается от земли и, поднимаясь, кружит, Баркли вминается в кресло передней кабины, пока почти не исчезает макушка летного шлема. Она, сильно накренившись, облетает город, пытаясь дать ему понять — надо смотреть вниз, но кожаное, блестящее, как спин-

ка лягушки, пятнышко не шевелится. Мэриен даже не уверена, открыты ли у него глаза. Она собиралась лететь мягко, совершить с ним приятное воздушное путешествие по долине, но ее раздражает мысль, что Баркли проведет весь полет, скрючившись, упершись в свои страхи. И Мэриен тянет ручку на себя, затем в сторону, с силой толкает педали руля направления. Аэроплан аккуратно переворачивается вверх ногами. Голова Баркли свешивается из кабины, он цепляется за края, будто думает, если снаряжение не выдержит, он повиснет, как краб. Еще толчок, и Миссула плавно возвращается вниз.

Он с трудом оборачивается к ней, кричит что-то в ветер, тычет пальцем в перчатке вниз на землю. Она улыбается и поворачивает нос на северо-восток.

Догадавшись, что она улетает из города, Баркли опять оборачивается, опять кричит, но что он может сделать? Он в ее власти, а у нее полный бак топлива.

Через полчаса Баркли, которому надоело злиться и бояться, распрямляется и выглядывает из кабины. Смотрит в одну сторону, в другую. Скоро появляется Национальный парк Глейшер, его перекрывающие друг друга зазубренные ба-

стионы, растворяющиеся вдали синие хребты. Солнце освещает горные породы на склонах. Где-то они уложены ровно друг на друга, где-то перекручены, наверчены, как тянучки на кухонном венчике. К склонам лепятся глетчеры, меньше тех, что она видела в Канаде. Внизу яркие сине-зеленые озера талой воды, матовые, как эмаль.

А не вернется ли страх, думает она, но чувствует лишь, как стянуло горло — может, просто тревога, связанная с тем, что будет после посадки. До переворота Мэриен не задумывалась, как Баркли может воспринять маневр — как еще один бунт, предательство или даже издевательство? Оставалось надеяться, величественность Глейшера смягчит его. Что она станет делать, если в наказание он запретит ей летать? Конечно, уедет из Миссулы. Впервые Мэриен задается вопросом, сможет ли Баркли помешать ее отъезду, если захочет.

Стрелка топливомера клонится к минимуму, и она поворачивает назад к Калиспеллу. Баркли больше не оборачивается, не реагирует на явленное ему чудо. Подлетев к обычной громадности гор поменьше, она чувствует раздражение и опустошение, как будто слишком долго пробыла

на ярмарке или на пикнике.

Приближаются облака, они становятся гуще и ниже. К моменту посадки, ближе к вечеру, все небо уже затянуто.

— Придется переждать, — говорит она Баркли, вылезая из кабины.

Небрежно, делая вид, что она не похищала его и не переворачивала вниз головой, он смотрит в небо и спокойно отвечает:

— У меня есть здесь местечко. Контора. Пойдем.

Когда они идут в город, Баркли вынимает из внутреннего кармана пиджака связку ключей.

— Хорошо, что они не вывалились и не грохнулись никому на голову там, в Миссуле, — бурчит он.

У обоих какое-то предчувствие, обоим неловко. Воздух влажный, набухший надвигающимся дождем. Человек, курящий у входа, здоровается с Маккуином, они перешучиваются, а Мэриен стоит в стороне, Баркли ее не замечает. Любопытный взгляд мужчины мельком останавливается на ней.

Контора — маленький дом на тихой улочке. Всего две комнаты, тесных и теплых. В первой

деревянные полки для папок, печка, раковина и два стола, на которых стоят телефоны, пишущие машинки, лампы. Очень чисто. Баркли идет в следующую комнату, спальню, и резким движением задергивает занавески. Она робко заходит следом.

— Тут кто-нибудь живет?

— Нет. — Он указывает на закрытую дверь: — Можешь там помыться.

Пол в ванной выложен белой восьмиугольной плиткой. Ванна на львиных лапах, раковина, унитаз с цепочкой. В зеркале Мэриен видит задубевшее, перепачканное лицо уличного мальчишки — чисто только там, где были очки, — волосы приплюснуты к голове, будто купальная шапочка. «Помыться». Она смотрит на ванну. Может, принять ванну? Или это покажется странным? Или покажется странным не принять? Теперь она чувствует на руках запах смазки и топлива. Их, несомненно, ждет постель. Как избежать залета? Он, конечно же, все продумал — он не может хотеть ребенка.

Мэриен поворачивает кран с горячей водой, под шум писает. Когда воды набирается на несколько дюймов, заходит в ванну и плещется, как птица в луже, пытаясь унять сердце. Сует

голову под кран и, как может, моется маленьким кусочком мыла, лежащим возле раковины. У нее ощущение, что она готовится к ритуалу, к жертвоприношению. Выйдя из ванной, мнется, закутывается в полотенце, раздумывает, затем опять надевает грязный летный костюм, кроме носков и ботинок, их она берет в руки.

Баркли сидит на краю кровати, но, когда она подходит ближе, встает и, не удостоив ее взглядом, идет в ванную. Мэриен смущенно стоит в центре комнаты, слушая, как он писает. Идет к окну и смотрит в щель между занавесками, держа ботинки перед собой, как старушка сумку. Хочет поднять окно, впустить воздуха, но чувствует, что не может. Свет за окном посерел, на улице тихо. В раковине бежит вода, плеск. Мимо грохочет черный «Форд». Вода с волос капает за воротник.

Шаги Баркли позади. Грудью он прижимается к ее спине, заводит руку, берет у нее ботинки, бросает их, расстегивает ей брюки, сбрасывает, разворачивает ее. Дрожащими пальцами расстегивает ей рубашку. Так стремительно оказавшись раздетой, она одной рукой прикрывает грудь, но он отводит ее руку и стягивает трусики. Отступает и рассматривает ее. Бешеный интерес

придает ему что-то презрительное. «Ты кто?» Она не та девочка, которой была у мисс Долли. В тех дурацких чужих тряпках она чувствовала себя более раздетой, чем сейчас.

Странно лежать на кровати голой, когда он еще полностью одет. На внутренней стороне ног она чувствует грубую шерсть его брюк, пряжка ремня царапает живот, пуговицы рубашки впиваются в грудь. Она пытается их расстегнуть, но он отпихивает ее руку. Похоже, хочет ее неподвижности. Когда она гладит его шею или спину, он вроде даже вздрагивает, и она кладет руки на кровать, пока он не берет одну, чтобы та сдавила его через брюки. Он вводит палец, как и тогда, но, когда она в ответ начинает двигаться, недовольно смотрит и другой рукой прижимает ей живот: лежи тихо. Ей хочется спросить, как они предотвратят беременность, но мешает неистовость на его лице. Наконец одним движением, как куколка бабочки, он сбрасывает с себя одежду. На его теле почти нет волос, кроме темных гнезд под мышками и у чресел. Когда он встает взять что-то из кармана пиджака, его член отстает от тела, как шкворень.

С облегчением она видит презерватив. Девочки мисс Долли рассказывали ей, что самое трудное

с презервативами — это заставить кого-нибудь их надеть. Девочки предпочитали противозачаточные кольца, но говорили, их трудно достать. Баркли залезает на кровать и распихивает ей ноги коленом. Секунду медлит, смотрит ей в глаза, давая последнюю возможность передумать. Первое ощущение — слаженность: мышцы ее паха поглощают натяжение его плоти, та куда больше, чем у Калеба, ее внутренняя архитектура меняется. Ощущение от него темное, далекое, голос из подземного города, и все же, когда он движется, она чувствует собранность, темп, как будто они делают срочное, необходимое дело, как будто на кону стоит что-то важное.

Возможно, она знала, какими будут последствия ее переворота на аэроплане.

— Ты в порядке? — спрашивает он.

— Да.

— Больно?

— Немножко.

— Ты ведь не занималась этим раньше?

— Нет.

Баркли пристально смотрит на нее. Она не может понять, верит он ей или нет. Вдруг он резко выскакивает, переворачивает ее так, что лицо вдавливается в подушки, и бесцеремонно втал-

кивается сзади. Через минуту переворачивается и сажает ее на себя. Затем опять прижимает спиной к кровати, задрав колени на плечи.

Прилаживая ее конечности то так, то эдак, Баркли излучает раздраженное недовольство, и она берет на себя роль испуганного, молчаливого наблюдателя. Чего он от нее хочет? Он, похоже, сам толком не знает. Интересно, думает Мэриен, он всегда так, все его девочки чувствуют себя куклами в руках нетерпеливого, маленького тирана?

Он, не унимаясь, вертит ее, озадаченный ее телом, как будто оно ключ к желаемому, но не само желаемое. К удивлению, ее увлекают механические манипуляции, но, пока он прилаживает ей руки, у него ослабляется эрекция, о такой возможности она даже не подумала. Поместив ее руки над головой и крепко прижав их к матрасу, словно велев им оставаться на месте, он пытается совладать с размягчившейся плотью.

— Черт, — говорит Баркли, откатываясь.

Согнувшись на краю кровати, натирает.

— Я сделала что-то не так? — спрашивает Мэриен.

Рука останавливается.

— Я не знаю, могу ли доверять тебе.

— Что мне сделать?

— Пообещай, больше ты не будешь ни с кем.

— Хорошо. Но что мне делать сейчас?

Он оборачивается и смотрит на нее, наконец, судя по всему, принимает решение. Глубоко вдохнув носом, он, крутанувшись, ложится рядом с ней. Удерживая ее взгляд, аккуратно кладет ей руку на горло. Он не давит, но пульс у нее трепыхается, как пойманная бабочка.

Опять начинается то же самое, однако теперь Баркли более решителен. Он держит ее за голову, за бедра, за запястья. Вставляет ей член в рот, чего Калеб не делал никогда. Она сбита с толку постоянной сменой ощущений: то ей весело, то ее тошнит, то страшно, то море по колено, то она чувствует унижение, то уважение к себе. Похоже, он очень сильно хочет. Она боится, он может разрушить ее, раздавить, как козявку, и даже не заметить, потому что хочет чего-то не в ней, а за ней, оно где-то еще, а может, и не существует вовсе.

Кончает он с ужасной гримасой.

В какой-то незамеченный момент начинается дождь. Он встает открыть окно, впустив пыльный запах летней грозы.

— Ты в порядке? — опять спрашивает он, вер-

нувшись в кровать.

— Да.

— Я хотел быть нежным. Прости.

Она не знает, хочет ли он ее заверений в том, что все было хорошо.

— А крови почему-то нет, — с беспокойством говорит Баркли.

— Я провела много времени на спине лошади, — отвечает Мэриен.

Кажется, принято.

— Ты знаешь, для чего резинки?

— Я не забеременею. — Она медлит. — Ты не забыл взять их с собой.

— Я всегда их ношу с собой, на всякий случай. Откуда тебе известно про резинки?

— От девочек Долли. Хорошо, что она не выпала у тебя из кармана и не приземлилась кому-нибудь на голову.

Он лежит на боку, близко к ней. Кладет кончики пальцев на ключицу.

— Когда-нибудь мы, разумеется, захотим ребенка.

Мэриен ошарашена:

— Я никогда об этом не думала.

Чистая правда — ни разу в жизни она не представляла, как баюкает младенца.

— Все девушки хотят детей.

— Как же я буду летать, если у меня будет ребенок?

Он озадачен:

— Не будешь.

Она озадачена не менее. Много месяцев он выслушивал, чего ей хочется. Она ни слова не произнесла про детей.

— Но я должна летать, — упорствует она.

Они неприязненно смотрят друг на друга. Он кладет ей руку на живот.

— Не сейчас. Потом.

— Я не хочу никаких перерывов. Никогда.

— Ты молода. — Он терпелив. — То, что дает тебе счастье сейчас, не тождественно тому, что даст впоследствии. Ты должна знать, я люблю тебя. Я буду заботиться о тебе. Я женюсь на тебе. — Последние слова произнесены не с вопросительной интонацией.

Значит, Баркли никогда ей не верил. Терпел ребяческие фантазии. Длинное лезвие бешенства прорезает ее, но она останавливает себя, не реагирует, вспомнив, как перевернула его вверх тормашками и напугала. Он думал отплатить, вдавливая ее лицом в подушки, вертя ее тело, как камушек, терзаемый в кармане, но на самом

деле лишь принял то, что она ему предложила. Мэриен должна была дать ему потребность вернуть его главенство, и она дала. Может ли быть сила в подчинении? Ей, вероятно, придется выйти за него замуж, Мэриен понимает; он выиграет их тянитолкай, но, если она согласится сразу, то потеряет слишком много.

— Не сейчас, — говорит она.

* * *

Она летает на канадские фермы и привозит ящики с первосортными крепкими напитками, узнает больше о бизнесе. Дела Баркли, цепочки поставок непрозрачные, разнообразные. Он покупает у посредников, которые легально покупают в торгующих спиртным магазинах, рассыпанных по Саскачевану, Альберте, Британской Колумбии, Манитобе. У него есть связи с шотландскими экспортерами виски, с канадскими импортерами, с законодательными и исполнительными властями. Есть юристы в Хелене и Спокане, в Сиэтле и Бойсе, они прикрывают его маршруты и вытаскивают мелких рыбешек, если те попадаются.

Как-то раз, когда они лежат в постели в бело-зеленом доме, он заявляет:

— Это неправильно.

— По-моему, ты получаешь удовольствие.

— Я о другом. — Раздраженно: — Я хочу, чтобы ты просто согласилась. Если все равно собираешься, зачем ждать?

Кольцо плотно надето на шейку матки. Она считает изобретение своим маленьким, но надежным союзником. Кора из заведения мисс Долли достала для нее кольцо по бешеной цене, в которой, по предположению Мэриен, добрая доля была комиссией.

— Вот так, — показала Кора, зажав кольцо пальцами. — Затем засовываешь и отпускаешь. Оно само встанет на место.

Мэриен отвечает Баркли:

— Только если ты пообещаешь, что я всегда буду летать и у меня никогда не будет никаких детей.

Она шутит, но он не улыбается. Она пытается еще:

— Почему нельзя жить так и дальше? В конце концов я тебе надоем, и ты будешь рад, что я всего-навсего твой пилот.

Он серьезен, почти мрачен.

— Мне приходится скрывать почти все свои дела. Я хочу, чтобы по крайней мере тут все было законно, достойно уважения и официально. Я хо-

чу, чтобы и ты была достойна уважения.

— Я недостойна уважения?

Этот укол ее удивляет.

— Я хочу, чтобы ты крепче стояла на ногах, чтобы у тебя было хоть какое-то положение в обществе. — Баркли проводит пальцем по ее щеке. — Я не хочу, чтобы все видели тебя такой, какой в первый раз увидел я.

— Если не ошибаюсь, я тебя очаровала.

— Верно. И все еще очаровываешь. Но это между нами, личное. Если бы кто-нибудь увидел тебя тогда у мисс Долли, то рассудил бы незатейливо, гнусно и неправильно, а я увидел сквозь твой милый наряд. — Баркли приподнимается на локте. — Чтобы увидеть тебя, нужен был я, я точно знаю. Я увидел человека не оттуда, которому я нужен, но он еще этого не знает. Сначала я испытал облегчение от того, что ты шлюха, ведь я мог тебя получить, но, когда разобрался, наступило еще большее облегчение. Я не хотел, чтобы ты досталась кому-то еще. — Он перекатывается на спину, притягивает ее к себе за руку, лежащую у него на груди, она забрасывает ему ногу на бедро. — А ты что увидела? В тот первый раз?

— Незнакомого человека.

— И все?

— Не совсем.

Она больше не хочет вспоминать заведение мисс Долли. Не хочет, чтобы те воспоминания жили в нем. Ее рука тянется вниз, его дыхание становится глубже.

— А что еще?

— Я увидела человека, который позволит мне летать на его биплане, сколько и когда я захочу.

— Да, — кивает он, но имеет в виду движения ее руки.

Мэриен думала, раз он добился ее, раз она уже не предмет фантазий, Баркли потеряет к ней интерес, но нет. От ее увлеченности постелью он еще больше, если такое возможно, сосредоточился на мысли о женитьбе. Казалось, он ревнует к самому соитию. В первый раз, когда она прижималась к нему, билась подле него, и во второй, когда они, загнанные дождем и облаками в калиспелльскую контору, осваивали друг друга, он смотрел на нее с откровенным изумлением. Спросил, откуда ей все известно, и она, притворившись удивленной, солгала, мол, ну так получилось. Баркли рассказал, что не все женщины способны на оргазм и, еще важнее, не все мужчины способны стать его источником. Ей повезло дважды.

Он опять спрашивал у нее, была ли она с кем-то еще, уверял, что, если и так, ничего страшного, просто ему хочется знать правду. Нет, отвечала она. Только с тобой. Другого ответа быть не могло.

Одна его рука обнимает ее, другой он держит ее за ягодицы.

— Ты увидела человека, за которого выйдешь замуж, — говорит он, прикрыв глаза.

— Но только может быть, — отвечает она. — И очень, очень нескоро.

Отныне переговоры ведутся молча, и каждый понимает их по-своему.

* * *

Иногда она думает, что нужно согласиться с Баркли и дело с концом. Есть вещи и похуже, чем муж, возбуждающий тело, имеющий деньги и дающий возможность летать. Но вопрос о детях заставляет ее упираться — этот вопрос и еще один, более общий. В августе Баркли уезжает на несколько недель. По возвращении спрашивает, как продвигаются раздумья. Нормально, отвечает она, неплохо. Он спрашивает, сколько ей еще нужно времени. Не знаю, отвечает она.

Она даже рада отсутствию Джейми. Когда

он не переживает, не укоряет, а Калеб надолго исчезает, ей проще сказать себе, что нечего переживать, не за что укорять. Уоллес, похоже, и не замечает ее ночных отлучек. Почти все время он проводит в мастерской, пьет и слушает граммофон.

Ей хочется, чтобы Джейми вернулся и чтобы не возвращался подольше.

Да и нет

ДЕВЯТОЕ

Мне потребовалось три дня, чтобы прочитать книгу Мэриен, книгу Кэрол Файфер, сценарий братьев Дей и еще раз книгу Мэриен. Других дел в общем-то не было, а реалити-шоу по телевизору надоели. В основном я читала в постели, хотя каждое утро и каждый второй вечер принимая ванну, читала еще и там, не признаваясь себе, что сама виновата в простое. Чем-то увлечься — мыслями Мэриен, мертвой прозой Кэрол, водой в ванне — оказалось здорово, чем-то первородным, амниотическим. Выбираться из этого особенного времени придется так или иначе, но вопрос: куда? Подвешенное состояние удобно, пока удается убеждать себя, что оно не обязательно должно смениться другим, пока я могу прятаться в неизвестности, а при распределении ролей быть кошкой Шрёдингера — одновременно Мэриен и не Мэриен.

На второй вечер под предлогом «обсуждения» книги и сценария заглянул Хьюго, но я знала, что он пришел уговаривать, и он знал, что я знала,

а возможно, он знал еще и то, как я польщена и как изголодалась по лести.

— Роль — мечта артиста, — сказал он про Мэриен, хотя замечание не имело отношения к делу, ради которого мы встретились. — Фактологическая основа и вместе с тем избыток свободы.

У Хьюго замечательная интуиция, он наверняка знал: если начнет слишком давить, я упрусь. Но он знал и другое: в тайниках души мне отчаянно хотелось услышать, что я должна делать. Не до конца понимаю, зачем он старался. Были актрисы и получше, и понадежнее, и больше похожие на Мэриен Грейвз. Я думаю, ему нравилось заставлять людей делать то, что хочет он, и одновременно то, что хочется ему самому, попутно устраивая маленькие диверсии, например предоставляя работу опальным гражданам.

На третий вечер, проведав о новой заварушке и решив, что она против, позвонила Шивон.

— Я не хочу, чтобы мы принимали поспешные решения, — заявила она. — Полагаю, пусть сначала немного осядет пыль.

— Но ведь хороший проект. И хорошая роль, — вкрадчиво ответила я.

Я не была убеждена, что проект в самом деле хороший, но не хотела ломать голову, кто прав —

Шивон или Хьюго. Я хотела консенсуса. Гласа свыше.

— Мои сомнения больше связаны с расписанием, — упорствовала Шивон. — Не хочу, чтобы мы хватались за первую же возможность, которая закончится секундным появлением на экране. Не хочу, чтобы ты превратилась в посмешище.

— Хьюго говорит, мы всегда посмешище. Дескать, смысл как раз в том, чтобы быть посмешищем. Ты против, поскольку мне почти ничего не заплатят?

— Нет. — Ответ прозвучал слишком быстро. Шивон помолчала, и я поняла — перестраивается. — Но создается такое ощущение — лично у меня, из того, что мне известно, — как будто слишком много людей уже хотят от проекта слишком многого. Не очень ясные перспективы.

— Значит, ты думаешь, не стоит.

— Я думаю, тебе нужно спросить себя, что ты хочешь получить от проекта. Почему именно он?

Я увидела, как лечу на аэроплане над океаном. Как смотрю на пустыню льда. Экранизация «Пилигрима», которую я навоображала, была хороша, даже великолепна, но я могла придумать только фрагменты, только отдельные кадры с собой на фоне нарастающей музыки,

как в трейлерах, создаваемых для того, чтобы любой манерный отстой показался значительным и важным. Я увидела, как поднимаю «Оскар». Но если бы это действительно случилось, чего мне тогда оставалось еще хотеть? А если Шивон права и я, находясь в бедственном положении, просто позволяю использовать себя в интересах других, упуская единственный шанс на спасение? Будущее застилало глаза.

Я спросила у мозгоправа, может ли сверкающий тигр быть страшным, и он ответил, что «я» иногда бывает опасным. Я сказала:

— Ну тогда я тигр.

— Да, — кивнул он. А потом добавил: — И нет.

* * *

В конце концов я ответила Мэриен «да», поскольку «да» проще, чем «нет». «Да» — катализатор, гонка. Однова живем. Я сама позвонила Хьюго, и он сказал, чудесные, мол, новости, он «в предвкушении» и немедленно свяжется, с кем надо, по поводу проб, а я постаралась сделать вид, будто даже не предполагала такой возможности.

Перед пробами на Кейти Макги я днями не выходила из образа, как будто я не я, а Дэниел Дэй-Льюис в спортивном бюстгальтере, как буд-

то Кейти Макги действительно персонаж, а не просто рыночная лигатура наглости и преждевременной зрелости. Митч сам проводил меня в студию, отметив таким образом важность момента. Тогда мне еще никто не говорил: «Предстань!», но я таки предстала, черт подери, живой Кейти Макги. Я вошла в то помещение, излучая больше кейти-макгизма, чем когда-либо потом в сериале. Я была воплощенное, чистое, неподдельное, живое обаяние и, увидев, как люди в студии светятся и обмениваются взглядами, пока я говорю свой текст, почувствовала внутри раскаленное добела удовольствие — термоядерная реакция в ядре Солнца, расходящаяся вовне и согревающая лица взрослых за столом. Впервые в жизни ощутила тогда: я нахожусь именно там, где мне нужно быть, все делаю правильно, ощутила уверенность, что получу желаемое.

Я уже утратила надежду когда-либо вновь испытать такое чувство, но, поскольку возможность стать Мэриен оказалась неочевидной, вдруг возжелала стать ей в тысячу раз сильнее, чем хотела на самом деле. Я погрузилась в нее. Ходила по дому так, как, по моим представлениям, должна ходить она. Почти не смотрелась в зеркало, угадав ее брезгливое отношение к желанию

нравиться. Сидела, развалившись на стуле. Стала говорить старательно, а не как южнокалифорнийский пенек (непреднамеренные последствия: Августина распереживалась, будто я на нее сержусь). Я старалась делать все так, как, по моему мнению, делала бы Мэриен, быть уверенной и сдержанной. Я до одурения рассматривала все ее фотографии, какие могла найти, кусочек хроники, похоже, единственный уцелевший: Мэриен и Эдди Блум, штурман, вылезают из аэроплана после испытательного полета в Новой Зеландии — он улыбается — она держит руки в карманах — они смотрят друг на друга — она смотрит на аэроплан. Ее крупный план, она отводит глаза от камеры. Его крупный план. Он крепкий, симпатичный. В романе Кэрол Файфер Эдди безответно влюблен в Мэриен, а она любит друга детства Калеба, и я просмотрела все глаза в поисках связи между ними. Ее улыбка более вымученная, чем его; но в их взгляде друг на друга я видела только постоянное, непроницаемое, молчаливое общение, однако не его природу. Что-то они сообщали друг другу, и это было зашифровано, доступно только им.

И еще. Хьюго (аккуратно, с учетом моей семейной истории) предложил мне брать уроки

пилотирования, я сказала «нет», потом «да», потом опять «нет». Потом «может быть». Я могу подумать, дал понять Хьюго, но, если что, он знает, куда обратиться, и найдет инструктора, который подпишет соглашение о конфиденциальности. Путь открылся. Я попыталась думать об уроках, как думала бы Мэриен, чтобы вжиться в человека, действительно мечтавшего летать на аэропланах. Меня не пугал сам полет, высота. Во время обычных перелетов я не нервничала. Не связывала возникающие ощущения, белый шум с родителями, погружающимися в огромное замерзающее озеро. Мне не приходилось цепляться за статистику, заниматься релаксирующими медитациями или напоминать себе о физической надежности всего этого дела. Но когда я представляла, что поведу самолет сама, мысли приходили только о падении.

Сотрудники Хьюго назначили урок на раннее утро, чтобы избежать прессы, вообще свидетелей, и в темных предрассветных сумерках меряя шагами кухню, одетая, готовая выходить, я сжимала телефон, отчаянно желая все отменить, но все-таки не набирая номер. Я почти не спала. Потом М. Г. подогнал машину, включил фары, я села и будто в параличе двинулась по взлетной

полосе, в конце которой маячило так толком и не произнесенное «да».

У инструктора были густые волосы с проседью, напоминающие мех барсука, толстое обручальное кольцо и темные летные очки в нагрудном кармане рубашки — скоро восход. Мое появление, похоже, оставило его равнодушным. Он обходил аэроплан, объясняя, для чего нужны всякие его части. Коренастая кремовая «Цессна» с единственным пропеллером и двумя коричневыми полосами имела серьезный вид. Утро было пасмурным. Длинные газоны между взлетными полосами маленького аэродрома посерели от росы.

— Значит, что будет во время вводного полета, — начал летчик. — Мы взлетим, поднимемся над морским туманом, пролетим небольшой круг. Я буду объяснять, что делаю, а потом вы сможете взять управление на себя. Нормально?

— Ну да.

Вероятно, прозвучало не очень убедительно, потому что он спросил:

— Нервничаете?

— Немного.

Было понятно, что он не потрудился меня погуглить, не знал про моих родителей. Думал, мое

смятение можно заболтать.

— Не нервничайте. Я летаю каждый день. Я буду проговаривать каждый свой шаг. Вам ничего не надо делать, только получать удовольствие. Договорились?

В любой другой ситуации наставнически-психотерапевтический тон меня бы разозлил, но сейчас успокоил.

— Договорились, — сказала я, и он широко улыбнулся сомкнутыми губами.

Потрескавшиеся от долгого использования кожаные сиденья в кабине имели цвет виски. Двери запирались рукоятками, показавшимися мне слишком хлипкими, чтобы удержать небо, а ремни безопасности представляли собой болтающиеся нейлоновые полосы и не утягивались. Мы надели зеленые пластиковые наушники, выпуклые, как мушиные глаза; сквозь шум разогревающегося двигателя голос летчика звучал в них сдавленно, металлически. Он рассказывал о приборах, указывая на панель, но я слушала невнимательно, потому что не планировала становиться летчиком. Зато, когда завертелся пропеллер, обратила внимание на легкое покачивание самолета из стороны в сторону, вызванное вращением винта. Я знала, у него нет ни разума,

ни чувств, он не способен на желания, но то было желание, готовность, как у беговой лошади на старте или у боксера перед самым гонгом. Импульс закованного существа, осознающего, что скоро свобода.

Летчик вырулил и рванул вперед, отделив нас от взлетной полосы и загнав в пульсирующее серое облако. Гудел пропеллер, под мышками у меня защипало. Я сидела совершенно неподвижно, как будто самолет — испуганное животное, которое я не хотела пугать еще больше. Летчик что-то говорил, но я не могла сосредоточиться на его словах. Когда мы, со сверкнувшей вспышкой подтянув к себе солнце, вынырнули в небо, он воскликнул:

— Вот!

Над океаном, над берегом лежал ковер серого плюша, откуда островами торчали вершины гор.

— Это Каталина, — показал летчик.

Значит, какие-то в самом деле были островами.

Летчик медленно поднимал, опускал самолет, поворачивал его направо, налево, объясняя, как сбалансировать самолет при поворотах, что нужно отклонять не только штурвал руками, но еще педали руля направления ногами. Нако-

нец он спросил, не хочу ли я попробовать.

— Положите руки на штурвал. Не вертите, просто постарайтесь лететь прямо и ровно.

Я положила, и меня ошеломило ощущение неустойчивости.

— Хорошо, — кивнул летчик. — А теперь, Хэдли, если хотите, можете мягко потянуть на себя, аэроплан пойдет вверх.

Сначала я потянула робко, и не произошло вообще ничего. Тогда я дернула сильнее. Ветровое стекло быстро развернулось к небу, и я почувствовала, что земля отпадает, засасывая меня вниз.

Я отдернула руки со словами:

— Не хочу.

— Ладно. — Летчику подобные фортели явно были не впервой, и он спокойно перехватил управление. — Ладно, но вы неплохо справились. Попросили самолет подняться, и он поднялся.

— Мне не понравилось чувство, — сказала я.

Летчик покачал головой:

— Лучшее чувство на свете.

ДЕСЯТОЕ

Придя на пробы, я увидела сэра Хьюго, си-

девшего за столом рядом с Тедом Лэзересом, боссом «Сан Год Энтертейнмент», жену которого отодрал Гавен Дюпре, режиссера Барта Олофссона и директора по кастингу, в розовых кедах и со спутанными рыжими волосами похожую на чью-то придурковатую тетушку. Она останется безымянной, но ее здорово боятся.

— Как дела, Хэдли? — спросила она, и по серьезности интонации я поняла, что ее интересуют «Архангел» и Оливер.

— Отлично, — ответила я. — Страшно рада почитать для вас, ребята.

Ассистент возился с камерой на штативе. В стороне на дополнительном стуле (офисное вращающееся кресло) сидел восторженного вида хипстер: темная борода, ретро-очки в золотой оправе и волосы ровно такой длины, чтобы их можно было забрать за уши.

— Редвуд Файфер, — представил Хьюго. — Я говорил, он также будет продюсировать фильм.

— Страшно приятно с вами познакомиться. — Редвуд вскочил пожать мне руку. — Нехилый ваш поклонник.

В какой-то момент сэр Хьюго начал обхаживать Шивон, и, поскольку его обхаживания — тяжелая артиллерия, та передумала. А помогли ей

сведения о том, что в проекте участвует богатый молодой лох.

— Мутные исторические сноски действительно дают хороший контент, — уступила она. — А братья Дей действительно в тренде.

Можно будет интересно раскрутить: семейная история — Редвуд, мать-писательница, бабка-издательница. Точно как сэр Хьюго, она назвала их Файфер Файфер.

— А твоя собственная история… — Шивон осеклась.

— Да?

— Погибшие родители. Чертово совпадение. Не хочу, чтобы прозвучало грубо.

— Это не вполне совпадение. Это причина.

— Причина?

— Того, почему я решилась. Хьюго говорит, судьба.

— В его стиле, — кивнула Шивон.

Полное фиаско во время полета только укрепило мою решимость стать Мэриен. Мне нужно было облегчение, нужно было стать кем-то, кто не боится. Помогло общее между нами, обе мы продукт исчезновения, сиротства, заброшенности, самолетов и дядьев. Мэриен похожа на меня и не похожа. Она загадочна, непознаваема, кроме

некоторых обстоятельств, понятых мною на основании собственного опыта.

Я ответила Редвуду Файферу улыбкой, которой улыбаются парням с деньгами. Не явно кокетливой, но в ту сторону.

— Правда? — спросила я его. — Тащитесь от «Архангела»?

— Стопудово.

Я решила, Файфер издевается, но он наклонился в своем вращающемся кресле и серьезно сказал:

— Такие фильмы красиво сделаны и в самом деле романтичны. Меня вообще восхищают культовые штуки. Интересно, почему что-то становится культовым, понимаете?.. Что именно бьет по струнам такого количества людей? Когда такое происходит, задним числом все кивают на интуицию, ведь ясно, заполнили пустоту, но настоящая хитрость распознать пустоту, когда она еще пустота.

— Пустота на миллиард долларов! — воскликнул Хьюго. — Будем надеяться, у нас пустота пропавшей летчицы.

— Ладно, — вступил Тед Лэзерес. — Начинаем?

Если вы кинозвезда, то, скорее всего, псих привлекательной наружности, не расстающийся

с портфолио, но люди не видят в вас психа. Они видят сыгранных вами персонажей: того, кто путешествовал во времени, спас цивилизацию, кого избрали красивым, сильным мужчиной в качестве предмета неиссякаемого обожания, кого вызволил из рук террористов отец, Рассел Кроу. Вы приобретаете вес, значение. Как танец тысячи покрывал, только с каждой ролью вы, наоборот, набрасываете очередное покрывало, пряча себя. Но в конечном счете выходит соблазнительнее стриптиза.

— Я готов, если ты тоже, — посмотрел на меня Хьюго, который должен был читать за других персонажей.

— Поехали, — кивнула я.

Я опустила глаза в пол, на серо-синий ковер студии, а когда подняла взгляд, совещательная комната показалась менее материальной, размытой, как будто сам ее остов сменился остовом другой жизни. «Предстань, предстань». Мелькнуло и улетело воспоминание о «Цессне». Я не смотрела на людей за столом, но чувствовала, как мое сияние отражается от их лиц. Я в Антарктиде сидела на корточках в палатке, а вокруг бушевала метель. Мы с Хьюго (Эдди Блумом) говорили о планах по возвращении домой, при-

думывали блюда, какие будем есть. Я люблю тебя, сказала я ему, хотя на самом деле по-настоящему не любила, не так, как он меня. Но все это уже не имело значения, поскольку мы оба не сомневались в том, что не выживем.

— Нас никто никогда не найдет, — сказал он.

— Мы пропадем не просто так, — ответила я.

Врала, конечно, хоть мне и хотелось, чтобы это оказалось правдой.

Улица Миллионеров

Сиэтл
Май 1931 г.
За два месяца до того, как Мэриен летала с Баркли над Национальным парком Глейшер

В туннеле Джейми прижался к боковине товарного вагона, горячий мрак вдавливал его, дребезжал и вонял серой. Свет фар был далеко, таща за собой поезд, как хвост кометы. Когда тебе покажется, что поезд сбавил скорость, говорили ему бродяги из Спокана, опусти ногу и начни похлопывать по шлаку, чтобы замерить скорость. Лучше всего спрыгивать до вокзала. Легавые там не самые любезные. Загремишь за решетку или отобьют почки, или и то и другое.

На обратном пути в Айдахо, на сортировочной станции Джейми уже как-то разбудила полицейская дубинка, поэтому еще одна встреча была ему не очень интересна.

Он слышал, что в длинных туннелях можно задохнуться, но бродяги считали, обойдется.

Лязг и пыхтение замедлились. Он присел, и большой палец ноги забился о шлак. Еще слиш-

ком быстро. Послышался скрежет, по его мнению, тормозов, и он попробовал еще. На этот раз земля словно схватила его за ногу, сковырнув с вагона. Он упал, жестко приземлился и откатился. Рюкзак по крайней мере несколько смягчил падение.

Иди по туннелю, советовали бродяги. В конце концов увидишь выход.

Держась одной рукой за стену, Джейми хромал и спотыкался в темноте, пока пальцы не наткнулись на железную дверь. За ней была лестница. Он пролез в люк, там оказался еще один туннель, наконец Джейми очутился на прохладном воздухе под серым небом в самом большом городе, который когда-либо видел. На великолепных зданиях, как медали на выпяченной груди, красовались консоли и пилястры, карнизы напоминали эполеты. Широкие улицы наводнили автомобили и трамваи. Вывески зазывали в столовые, к портным, кричали про матрасы, кока-колу, сигары, консервированных крабов, про все, что можно продать. Проходивший мимо мужчина в костюме указал себе на висок и сказал:

— У тебя идет кровь, знаешь?

Джейми поплевал на носовой платок и, не останавливаясь, приложил к голове и щеке. И без того

грязная тряпица испачкалась сажей и кровью.

Ряды жилых домов, контор, представительских зданий, церквей устремились вверх на холм, но Джейми свернул вниз к берегу. Когда он решил уехать на лето из Миссулы, его неудержимо манил Тихий океан, и наконец вот он — маслянисто-серый, запруженный шумными чайками. У пирса толпились корабли и лодки. На подобии берега, хрустящего от осколков ракушек и заваленного гниющими водорослями, он смочил платок и отер лицо, поморщившись от ужалившей соли. Джейми не хотел становиться свидетелем развития отношений между Мэриен с Баркли Маккуином, устал переживать из-за Уоллеса, объелся его усилиями скрывать свое пьянство, говоря и двигаясь с робким ребяческим высокомерием. Он не мог спастись даже в дружбе с Калебом. Это Мэриен тоже изменила. Ни она, ни Калеб ни разу не намекнули о своих свиданиях, но Джейми о них знал, как знал и то, что они прекратились. Он стал как бы ненужной вершиной их треугольника, правда, с одной точки зрения, играл важную роль: и Мэриен, и Калебу, пытавшимся убедить себя в том, будто они не вместе, требовался амортизатор. Нет, он не считал их женихом и невестой или что они

должны таковыми стать. Но необузданность, свойственная им всем с детства, в отношениях Мэриен с Калебом стала бурной, непролазной, колючей и безнадежно запутанной, как кусты ежевики. Они были парой — бывают такие естественные, бесспорные явления, — а раз уж пара сложилась, все вне ее (например, он) неизбежно, непременно становится чужеродным. Они с Мэриен, конечно, тоже пара, но связь близнецов базовая, ей почти можно пренебречь. По крайней мере, так, похоже, считала Мэриен.

Пройдя вверх (а тут, судя по всему, все шло вверх), он часами бродил, останавливал людей в рабочей одежде, спрашивал, знают ли они какой-нибудь пансион, стучался в двери. Наконец нашел что-то дешевое, где согласились его взять — с запекшейся кровью и все такое.

— Вы не знаете, где найти работу? — спросил он у хозяйки, когда она показала ему комнату, больше похожую на кладовку — маленькое окно почти непрозрачное от грязи.

— Много тут не найдешь.

Эти слова оказались недвусмысленно точными. Город кишел людьми, ищущими работу, толпами мрачных мужчин с мрачными историями про утраченные дома и фермы, обычно с семья-

ми, которые нужно кормить. Он рассчитывал, что его возьмут в док или на рыбацкую лодку, и расчет сопровождала хрупкая, едва осознаваемая надежда таким образом разузнать что-то об отце, а может, чудом и столкнуться с ним. Для своего возраста Джейми был высок и силен, однако не так высок и силен, как большинство мужчин, толкущихся на берегу, не в таком отчаянном положении и уж точно не так нахален, чтобы протискиваться в первые ряды толпы, когда хозяева приходили искать рабочие руки.

Он всматривался в лица мужчин, сходящих с кораблей, в ожидании чего-то вроде вспышки узнавания. (Действительно ли на запад его потянула гравитация океана? Или приливная тяга отца?) В кафетерии при доке он купил кофе и робко спросил, знает ли кто-нибудь Эддисона Грейвза. Все покачали головами, правда, один человек с мясистым лицом спросил в ответ, откуда парнишке известно имя, потом щелкнул пальцами и воскликнул:

— Капитан Трусость!

Через несколько дней Джейми ушел из доков. Когда он осознал масштаб города, количество кораблей, надежда разыскать отца показалась глупой. Никаких причин считать, что он

узнает Эддисона или даже, что тот жив. А если и жив, почему бы ему не поселиться на Таити или в Кейптауне? Да хоть в Такоме, которая всего в тридцати милях, но с таким же успехом могла бы находиться и на Луне.

В один прекрасный день Джейми сел на паром и отправился на север, в Порт Анджелес. Стоя у перил, он смотрел, как паром носом снимает воду до самой ее белой сердцевины. А если ему наняться на корабль и написать Мэриен и Уоллесу из Китая или Австралии? Может, у отца было такое же ощущение возможностей? Или его подстерегает искушение? Искушение отсутствием? На корабле он никак не сможет удержать Мэриен от Баркли, помешать Уоллесу еще больше залезть в долги. На суше он тоже мало что мог, но на него давила обязанность пытаться помочь. На море ощущение этой необходимости, возможно, истончится и лопнет.

Однако на обратном пути дул холодный ветер, вода стала рваной, темной, Джейми представил, что погибнет где-нибудь в море и Мэриен никогда не узнает о случившемся. Он не мог ее оставить. Она в недалеком будущем, вероятно, оставит его, но он скорее сам переживет утрату, чем заставит переживать ее.

Джейми наудачу попробовал несколько консервных фабрик, но работы не нашел. Обошел лесозаготовки, рынок, сталелитейный завод. Ничего. Каждый вечер он пересчитывал тающие деньги, накопленные от продажи акварелей и украденные — совсем немного — у Мэриен. Каждый вечер высчитывал, сколько еще может тут остаться.

* * *

После десяти дней, наполненных хмурым небом, субботний рассвет занялся ясный, свежий. В кружочке, который он отчистил на своем маленьком окошке, виднелась парящая в синеве гигантская снежная крона горы Рейнир.

Такой день показался слишком ценным, чтобы тратить его на тщетное выклянчивание работы, и Джейми, взяв несколько обычных центов в день на еду, сел на трамвай и поехал в парк Вудленд с аттракционами. Он бродил между чертовым колесом, маленьким зоопарком и игральными рядами. Под деревом присел на траву и стал смотреть, как развлекаются другие. Не все потеряли все. Не все питали свои дни надеждой распихивать сардины по консервным банкам. Некоторые беззаботные счастливчики смея-

лись, гуляли на солнышке, и Джейми не столько обижался на них, сколько радовался, что такая жизнь еще возможна.

Скоро какой-то человек поставил у входа в зоопарк два стула и небольшой мольберт. Купив у проходившего мимо торговца воздушный шарик, он привязал его к мольберту и приколол надпись: «Шаржи — 25 центов». Буквально через несколько минут к нему подошел молодой отец с маленькой дочерью. Та ерзала на стуле, пока художник, элегантно взмахнув листом бумаги, не вручил ей рисунок. Отец передал монету. За час художник продал еще три портрета. Доллар! Когда подошел очередной клиент, Джейми как бы случайно зашел за мольберт. Лицо позирующего было узнаваемо, но доведено до гротеска — огромные глаза и дикая ухмылка.

В тот же день почти на последние деньги Джейми купил большую стопку толстой рисовальной бумаги и коробку итальянских карандашей — неизбежный риск. Вместо стульев нашел два ящика из-под яблок. Вечером уговорил пару соседей попозировать ему для образцов, а на следующее утро опять отправился в Вудленд. Выбрал место у Зеленого озера, подальше от аттракционов, чтобы не вторгаться на территорию

других художников. Под камни положил образцы, к ящику прикрепил картонку, где большими буквами написал: «Портреты», присовокупив наброски сценок, что можно увидеть в парке: мамаша с коляской, детишки с воздушными шариками, мужчина в шляпе, какие-то деревья, утиное семейство. Прежде Джейми не очень часто рисовал портреты, но решил, должно получиться.

Прошло совсем немного времени — и первый клиент, его первые двадцать пять центов.

За солнечные выходные дни он получил четыре или пять долларов. В пасмурные не заработал ничего. Он пробовал в разных местах, в разных парках: Парк отдыха, пляж на берегу озера Вашингтон, Алки Бич, залив Пьюджет, где располагались бассейны с морской водой. Когда моросило, прятался у рынка Пайк Плейс. В моменты затишья рисовал жанровые сценки — отдыхающие купальщики, дети на карусели, разносчики фруктов на рынке — и пытался продать их.

Джейми обнаружил, что ему нравится, как позирующие позволяют неспешно всматриваться в свои лица. Нравится, как те, кого сейчас будут рисовать, становятся незащищенными, готовясь предстать на бумаге, обнажают больше,

чем хотят. Они распрямляли спину или сутулились, смотрели ему в глаза или отворачивались. Под пристальным взглядом они словно больше выявляли себя, свои сущностные качества. Джейми выяснил, что у него особый талант не просто точно видеть людей, но и угадывать, как они хотят быть увиденными, и рисовать этот уровень. Его портреты льстили не столько лицу, сколько душе.

Все вроде оставались довольны.

В один погожий день, когда он в ожидании клиентов сидел между Зеленым озером и парком Вудленд, мимо не торопясь прошли три девушки примерно его возраста. Они были в летних платьях, туфельках на ремешках, обхватывающих щиколотку, и излучали достаток. Впереди, как человек, уверенный, что за ним пойдут следом, шла пухленькая, грудастенькая блондинка. Две поспевали сзади — обе темноволосые, одна низенькая, другая довольно высокая. Низенькая, грызя леденец на палочке, трещала без умолку. Высокая переставляла длинные ноги робко, словно скользила, шла по льду, который может проломиться. И она чуть не остановила Джейми сердце. Девушка чуть наклонилась к подружке, грызшей леденец. Длинные опущенные ресницы

придавали ей кротости и вместе с тем загадочности.

Все три — небольшая флотилия элегантности — плыли мимо, в толпе, по парку, по тяжелым временам, словно все это не имело никакого значения. Джейми смотрел на удалявшуюся высокую девушку с тоскливым чувством, как будто уронил в глубокое озеро что-то ценное и невосполнимое.

— Привет, парнишка, — услышал он голос. — Сколько стоит нарисовать мою девочку?

Джейми испуганно обернулся. Крепкий молодой человек тыкал большим пальцем в девушку с постным лицом, скрестившую руки на груди.

— Двадцать пять центов.

Лицо мужчины напряглось, потом провисло.

— Не-а, не так-то ей и надо.

— А мне в общем-то надо тренироваться, — уступил Джейми. — Пусть будет пять.

Пять центов в самом деле было бы неплохо.

— По рукам. — Мужчина опять принял крепкий, уверенный вид и, порывшись в кармане, бросил Джейми монету. — Первая цена всегда не та, — объяснил он подруге.

— Бизнес не очень процветает? — спросила та, усаживаясь на коробку.

Джейми улыбнулся:

— По крайней мере, я в чудный день на свежем воздухе.

— Да-а. — Казалось, ее не убедило. А о своем друге она заметила: — Я думала, он поведет меня в Парк отдыха, но, видишь, жмется.

Джейми пришлось быть поосторожнее, чтобы не выдать инстинктивную неприязнь к клиентам и грусть из-за ушедшей высокой девушки, заползавшую в рисунок. И он решил нарисовать особенно хороший портрет, думать только о лице, что перед ним, пока на бумаге не выйдет лучшее изображение несимпатичной особы.

Карандашами он слегка вывернул уголки рта наверх, разного размера глаза сделал почти, хоть и не совсем одинаковыми (нарисуешь кого-нибудь слишком совершенным, и сходство лишь подчеркнет несовершенства), опустил слабые оспины на щеках. Он хотел ухватить сквозившую в угрюмом взгляде дерзость, может, слегка характер.

Джейми как раз погрузился в работу, когда те три девушки так же неторопливо прошли в обратном направлении. Его взгляд метался в сторону слишком часто, и модель обернулась посмотреть.

— Я бы попросил вас не двигаться, — сказал он, но движение уже привлекло внимание девушек.

Они остановились и, глядя на него, стали шептаться.

— О, понимаю. — Клиентка игриво подмигнула ему (хотя под игривостью он заметил уязвленность и недоброжелательность) и окликнула девушек: — Вы отвлекаете моего художника. Идите сюда.

Светловолосая девушка, заводила, надула губки, словно говоря: «Почему бы и нет», — и двинулась к ним, остальные следом. Низенькая, почти дососавшая леденец, обошла Джейми, посмотрела ему через плечо и кивнула клиентке:

— Здорово. Вам понравится. — После чего засунула леденец за щеку и хрустнула.

— Вряд ли, — ответила та. — Мне никогда не нравятся мои портреты.

— Сколько еще? — спросил ее друг.

— Всего минуту, — заверил Джейми.

Светловолосая девушка тоже подошла посмотреть, после чего сказала в воздух:

— Нам тоже надо.

Высокая девушка, девушка Джейми, держалась поодаль.

— Почти готово, — заторопился Джейми и,

оторвав наконец страницу от стопки, вручил ее модели.

Та просияла:

— Очень даже неплохо.

Друг склонился над ее плечом:

— Э-э, да ты вышла у него прямо хорошенькой.

— Почем? — спросила Джейми девушка с леденцом.

— Двадцать пять центов, — ответил парень, когда его подружка встала и снова надела шляпку.

— Я заплачу, — вызвалась светловолосая. А Джейми велела: — Начни с Сары. — И указала на высокую девушку.

И он начал с Сары.

* * *

Сара Фэи, как он скоро узнал, была самой младшей из пятерых детей (мальчик и четыре девочки), хотя девушки в парке — ее подруги, не сестры. Она жила на улице миллионеров возле парка Волантир в принадлежавшем ее семье большом доме, который своими балками, кирпичом елочкой и множеством каминных труб позже вызвал в памяти Джейми детские сказки. Большой, ярко-зеленый, гладко подстриженный газон напоминал байковую ткань. У дома

даже имелось название: дом Херефорд. Джейми не знал, что у домов могут быть имена. Не знал он сначала, и что херефорд — порода коров.

Брат Сары уехал в Гарвард и еще оставался в Бостоне, хотя учебу уже закончил. Все считали, он вернется работать на отца, но Сара подозревала, ему не этого хочется. Самая старшая сестра обитала неподалеку с мужем и ребенком. Следующая изучала историю искусств в Вашингтонском университете и жила дома, хотя сейчас уехала на лето в Европу, а третья сестра, Элис, пойдет в университет осенью.

— Мама бредит образованием, — сказала Сара.

Ей самой оставался еще год в частной женской школе.

Мать Сары оказалась высокой, стройной женщиной с медлительной грацией, в которую, решил Джейми, когда-нибудь перейдет угловатость Сары. Она была суфражисткой, а потом посвятила себя Женскому христианскому союзу трезвости. Однако после акта Волстеда она не помешала супругу заполнить подвал солидными запасами вина и крепких напитков, за десять лет уменьшившимися, но вовсе не исчерпанными. Миссис Фэи возражала в основном против пьянства чужих мужей, да и в любом случае

попытки идти наперекор мистеру Фэи, как правило, оставались бесполезным раздражителем, не приносившим радости никому.

Но сперва, в тот теплый июльский день, Джейми нарисовал Сару, еще незнакомку. Когда он закончил, подруги пришли в восторг.

— Просто ты, Сара! — заверещала любительница леденцов, чье имя оказалось Хейзел. — Вся твоя суть. Мадонна парка Вудленд.

— Почти невероятно. — И светловолосая, Глория, пристально, почти с неодобрением посмотрела на Джейми: — Как тебе удалось?

— У меня была хорошая модель, — ответил тот, сильно покраснев.

— Вот как! — воскликнула Глория.

То, что он испытывал, смотря на Сару, слишком захватывало, и он не хотел заканчивать рисунок. Сара, пока позировала, говорила немного, хотя время от времени реагировала на добродушные шутки подруг. Когда Джейми отдал ей выдранный лист, она положила его на колени и принялась изучать с нескрываемым любопытством.

— У тебя талант, — заметила она.

У нее был прямой взгляд, голос более низкий, чем он ожидал, и более властный. Он принял ее молчаливость за робость — нелепое предполо-

жение, учитывая, что сам он тоже молчаливый, однако отнюдь не робкий. Ему захотелось поправить рисунок, который вдруг показался сентиментальным, слишком сладким. Хейзел подобрала точное слово: Мадонна. Смиренная, вызывающая благоговение.

— Рисунок не совсем точный, — сказал он.

— Может быть, чуточку слишком добр. Но очень хорош.

От отвратительного огорчения Джейми покраснел еще больше. Он хотел, чтобы Сара назвала портрет необыкновенным, сочла, что его автор необычайно проницателен.

— Отец Сары коллекционирует предметы искусства, — вставила Хейзел, — так что она в курсе. А одна из сестер изучает искусство в Вашингтонском университете…

— Историю искусств, — уточнила Сара.

— …В общем, ты должен знать, наша Сара никогда не хвалит попусту. Иногда даже кажется, она тебя не замечает. Зато когда говорит что-нибудь хорошее, можешь считать это чистой правдой.

— Зачем нужны пустые похвалы? — пожала плечами Сара.

— Да затем, что они приятны! — воскликнула Хейзел.

Двум остальным девушкам не терпелось дождаться своей очереди оказаться под волшебным карандашом Джейми, и, хотя они остались довольны и восхищались рисунками, портрет Сары вышел намного лучше.

— Ты должен их нам подписать, — заявила Глория. — Когда станешь знаменитым, мы будем хвастаться твоими ранними работами. Заодно Сара узнает, как тебя зовут.

Он, опять покраснев, подчинился.

— Джейми Грейвз, — прочла Глория. — Ты здесь часто? Если наши друзья обзавидуются и тоже потребуют портретов?

— Временами, — ответил Джейми, а затем, хотя на следующий день собирался испытать удачу в Парке отдыха, с легкой вспышкой надежды добавил: — Завтра буду.

На прощание Хейзел стиснула ему руку:

— Очень приятно было с тобой познакомиться.

Две остальные последовали ее примеру. Джейми хотелось навсегда удержать прохладную, нежную руку Сары.

И только когда они ушли, он понял, что девушки не заплатили.

Джейми провел унылую ночь, лежа без сна на дрянном матрасе в своей безрадостной ка-

морке и слушая, как сожители внизу буянят все громче. Он знал, рано или поздно дойдет до драки, хозяйка в ночной рубашке, размахивая утюгом, ее остановит, и только после этого, к рассвету, наступит тишина. Он больше никогда не увидит Сару, поскольку она ведет жизнь, которая никак не пересекается с его жизнью, что намного хуже, чем лишиться семидесяти пяти центов, но деньги все же могли послужить некоторым утешением. Хотя в парке оставалось еще много народу, он собрал вещи, униженный, злой на себя. Если бы он мог пригласить Сару покататься на чертовом колесе, прогуляться по берегу! Девушки ведь нарочно удрали? Наверное, отошли и смеются над ним, бросив портреты в ближайшую урну. Даже вспомни он вовремя про деньги, Джейми не был уверен, что у него достало бы духу потребовать их или уронить себя в глазах заказчиц.

Когда буйство внизу достигло сумбурного крещендо, он решил с первыми лучами солнца отправиться на вокзал. У него хватало денег на билет домой, а вот сил еще раз прыгать с товарного поезда уже не осталось. Приключения уже не манили его. Он никому не доказал ничего, кроме собственной никчемности.

Хозяйка уняла потасовку раньше обычного,

и все стихло еще затемно. Джейми не мог сопротивляться сну. Проснулся он днем — снова солнечным и голубым. Над горизонтом сверкала вершина Рейнира. Может, все-таки сходить в Вудленд, как он обещал девушкам? Может, они догадались о своем промахе? А на поезд можно сесть попозже, вечером, сегодня же.

По дороге к трамваю он остановился у нарядной дорогой пекарни, на которую всегда глазел, но куда ни разу не заходил, и купил блестящее шоколадное пирожное. Если уж последний день, надо порадоваться. В парке первыми его клиентами стали мамаша с близнецами, мальчиком и девочкой пяти лет. Дети сидели очень тихо, строго, как миниатюрные промышленные магнаты. Он подумал, не сказать ли мамаше о своей сестре-близняшке, но решил, что не вынесет неизбежных расспросов. Они дружат? Дружили. Но все-таки не были особенно близки? Он ни разу не написал домой. И представления не имел, чем занимается Мэриен и какие там темные сделки заключила она с Баркли Маккуином.

Через несколько часов, уже собираясь насовсем оставить Сиэтл и почти любуясь мыслью о долгой, полной саможалений дороге, он увидел Сару Фэи, торопливо идущую по дорожке у озера.

— Прости, ах, прости, мы не заплатили, — задыхаясь, сказала она. — Глория иногда забывает, что сама же предлагает, а мы были в таком восторге от наших изображений, что про все остальное забыли. Поняли только потом и пришли в совершенный ужас. Вот. — И Сара протянула ему сложенный доллар.

Он помялся:

— Я не хочу брать.

— Почему? Разумеется, ты должен взять.

— Но я бы хотел попросить тебя прогуляться со мной, а после того как возьму доллар, тебе это может показаться странным.

Ее рука чуть опустилась.

— Прогуляться?

— По озеру. Если не найдем тем для разговора, повернешь обратно.

* * *

Они неторопливо пошли по берегу Зеленого озера. Сара спросила, сколько ему лет. Она была на три месяца старше, ей уже исполнилось семнадцать. Джейми спросил, как она познакомилась с Глорией и Хейзел, и Сара ответила, что знает их всю жизнь. Их матери раньше дружили.

— А у тебя нет таких друзей? — спросила она. —

С которыми ты играл еще в подгузниках?

— Может, зачтется Калеб, хотя сомневаюсь, чтобы у него когда-нибудь были подгузники. Он живет неподалеку, и мы случайно напоролись друг на друга, он, я и моя сестра. Его мать не дружила с моей. Даже я ее не знал.

— Что ты хочешь сказать? Что с ней случилось? О! — Она остановилась и прикрыла рот рукой. — Прости. Я ужасно любопытная. Если не хочешь, можешь не рассказывать.

— Да нет, все в порядке.

И Джейми постарался, как мог, рассказать историю своей семьи. Он не привык распинаться о себе, и, когда проскакивал или обходил что-то, Сара вытаскивала из него подробности. Рассказывая, он понял, как мало говорил с кем-то после отъезда из Миссулы. В новом городе безвестность приучала к молчанию.

Сара слушала, склонив голову в его сторону и опустив ресницы, как и в первый раз, когда он ее увидел. Она слышала про «Джозефину Этерну» и считала, его отец совершенно правильно сел в спасательную лодку, но жестоко было приезжать в Монтану, если он хотел сразу уехать. Она спросила, как это — иметь близнеца, и какая Мэриен (он рассказал о полетах, правда, не упо-

мянул Баркли Маккуина). Сара хотела, чтобы он описал ей и своих собак, и школу, и Уоллеса. Значит, Уоллес научил его быть художником? Нет, ответил Джейми. Не совсем. В детстве Уоллес вроде радовался его рисункам, хвалил их, но потом расхолаживал, стал относиться даже как-то презрительно.

— Может, он начал видеть в тебе соперника? — спросила Сара, и Джейми испытал глубокую благодарность: она высказала мысль, которую он долго пытался отогнать.

Однако, не вдаваясь в подробности пьянства, карточных игр, не выпячивая обиду, пропитавшую Уоллеса наряду со спиртным, сказал только:

— Не понимаю почему. Он очень хороший художник.

Джейми рассказал про тот вечер, когда решил уехать, как сидел на полу на кухне, а вокруг возились собаки; он попрощался с каждой, а потом выскользнул с кухни и в темноте пошел к железной дороге. Как бежал вдоль первого поезда, идущего на запад, ухватился за железо, почувствовав устрашающую тяжесть поезда, его неукротимую тягу. Какое-то время лежал на черном от угля дне пустого товарного вагона

с открытым верхом, вместо подушки подложив под голову рюкзак, глядя на звезды, трепеща от радости и ужаса и периодически под задымленный свист оказываясь в туннеле, как будто его глотал дракон.

— Страшно было? — спросила Сара.

— Очень.

На рассвете, где-то в Айдахо, он проснулся от резкой боли в голени, удара дубинкой железнодорожного легавого.

— Тебе повезло, — усмехнулся тот. — Иногда они не смотрят, прежде чем засыпать уголь.

Полицейский порылся у него в рюкзаке, из тощего рулончика свернутых купюр вытащил пять долларов и велел идти по шпалам из города, уточнив, что Джейми должен быть ему благодарен. Он и был благодарен. До наступления ночи прятался в кустах, а потом вскочил на поезд, который довез его до Спокана. Там бродяги показали ему поезд до Сиэтла, дали совет насчет туннеля и как проверять скорость.

— Ты здесь кого-нибудь знал? — спросила Сара. — Поэтому приехал сюда?

Они уже обошли озеро и присели в тени на ящики из-под яблок. Он смущенно поделился с ней своим неясным планом обойти доки в по-

исках отца.

— И что, если бы ты нашел его?

— Хороший вопрос. Честно говоря, не знаю.

— А ты уверен, что действительно хочешь его найти?

— Думаю, да. Ведь не просто так я еще мучаюсь.

Правда, Джейми никогда толком не знал, как представить встречу после первой вспышки узнавания.

— Хоть он не подал ни единого знака, что хочет найтись? — Сара говорила дружелюбно, твердо, немного наставительно, с некоторым любопытством.

— Я думаю, он должен мне… — Джейми не мог придумать, как закончить. — Разговор.

— А если он какой-нибудь ужасный? Или ненормальный?

— Думаю, я попытался бы помочь ему.

— Может быть, ты не столько хочешь узнать, где твой отец, сколько не хочешь не знать.

— Не вижу особой разницы, — задумчиво ответил Джейми.

На длинном лице появилась легкая улыбка сожаления. Джейми опять захотелось ее нарисовать. Но не Мадонну, а человека, переодетого

в Мадонну.

— Тогда, надеюсь, ты его найдешь. Не могу представить себе жизни без отца. Он центр всего. Мы с девочками считаем себя оторвами, раз самостоятельно шатаемся по городу, но на самом деле донельзя изнеженные. Мне позволили чуточку свободы, только потому что я младшая и родителям нужно было немного расслабиться, а может, они просто устали.

— Младшая из скольких?

— Из пяти.

До Джейми дошло: ему настолько приятно внимание Сары, он так счастлив опять говорить с кем-то, кто его знает, пусть и несколько часов, что не удосужился ничего расспросить.

— Ты обвела меня вокруг пальца и заставила все время рассказывать о себе, — сказал он. — Теперь ты. Пожалуйста, с самого начала.

— Вокруг пальца? — Сара посмотрела на тоненькие серебряные часики на запястье. — К сожалению, мне надо домой. У меня будут большие неприятности, если я начну рассказывать тебе историю своей жизни, хотя после твоей она покажется очень скучной. — Она встала. — Мы можем еще встретиться?

Пытаясь сдержать восторг, Джейми ответил:

— Обязаны. Иначе я не прощу себе, что тарахтел без умолку.

Она пообещала прийти на следующий день.

* * *

Ночь он провел в горячке. Ему болезненно хотелось целовать Сару, чувствовать, как ее тонкий торс прижимается к его телу. Казалось, он душу готов продать, только бы увидеть ее без одежды. Ему хотелось, хоть и с легким привкусом стыда, заняться с ней тем, чем так давно чужой дядя занимался с Джильдой, придавить ее собой, выкапывать, раскапывать, бороздить. А больше всего ему хотелось, чтобы она тоже этого хотела.

Когда грязный рассвет высветил окно, он взял папку бумаги и принялся бешено рисовать. Сара до пояса, с обнаженной грудью. Обнаженная Сара — лежит, закинув руки за голову и застенчиво скрестив ноги. Сара с раздвинутыми ногами, между ними тень, прикрывающая его незнание.

Во время второй встречи, когда они гуляли вдоль озера, ему пришлось силой отгонять эротические видения. Ее близость, голые предплечья, дух лаванды туманили сознание, но он заставлял себя слушать, отплатить тем же вниманием, которое она уделила ему.

Она рассказала о брате и сестрах, о родителях, о бобтейле Джаспере. Мать была человеком страстным, с политическими убеждениями, хотя, по мнению Сары, одновременно слишком подчинялась отцу, предпринимателю, бывшему то весельчаком, то тираном, который терпел занятия своей жены до тех пор, пока она не докучала ему разговорами о них. Сама Сара тоже собиралась поступать в Вашингтонский университет, как и сестры, хотя, если бы решала она, уехала бы куда-нибудь подальше, например в Уэллсли или Рэдклиф. («А разве решаешь не ты?» — спросил Джейми. Сара рассмеялась и ответила, она, дескать, вообще ничего не решает.) Она упомянула, что показала свой портрет отцу-коллекционеру, как и говорила Хейзел.

— Наверное, отец стесняется своего происхождения. И искусство для него один из способов показать, каким он стал культурным. Не хочу, чтобы прозвучало несерьезно. Отец по-настоящему любит искусство и очень эрудирован. Я спросила, слышал ли он о твоем дяде, и, знаешь, да. Возможно, у нас даже есть его работы.

— Вряд ли.

Но тут Джейми сообразил, что представления не имеет, какими путями могли разойтись кар-

тины Уоллеса.

— Отец практически уверен. И велел мне пригласить тебя посмотреть их. Он достанет из хранилища. Папа хочет с тобой познакомиться. Он назвал тебя Портретистом.

— Хорошо, — кивнул Джейми.

Подчинившись дерзостному импульсу, он взял руку Сары и стиснул ее. Та ответила пожатием и сказала:

— Мама любит тех, кто идет своей дорогой.

На листе из папки она написала, как найти дом Херефорд, и велела приходить в воскресенье после обеда, когда мистер Фэи будет дома.

* * *

Дом был больше, чем самые грандиозные резиденции Миссулы; стены и обширные газоны держали его не менее внушительных соседей на почтительном расстоянии.

В центре входной двери, в латунном носу быка болталось латунное же кольцо, и после некоторого колебания Джейми поднял его и один раз ударил. Дверь сразу распахнула девушка, похожая на Сару (но не Сара), а из-за нее выскочила огромная лающая копна серо-белой шерсти.

— Джаспер! — с упреком крикнула девушка,

хлопнув пса по медвежьему бедру.

Джейми поднес Джасперу ладонь, и, пока тот неподвижно обнюхивал ее, девушка схватила его за ошейник и оттащила назад. Она была высокой, хоть и ниже Сары, с такой же длинной шеей и более длинным, приятным лицом.

— Ты, наверное, Джейми, — догадалась она. — Я Элис, иду перед Сарой. Проходи, пожалуйста. Сара где-то здесь. Ну, ты и высокий! Тебе правда всего шестнадцать? Неудивительно, что нравишься Саре. Все ребята ниже ее.

Элис провела Джейми в квадратный вестибюль, обшитый просвечивающими медом деревянными панелями. На полу лежал персидский ковер с кисточками, по которому, сопя и выглядывая из-под лохматой белой бахромы, принялся скакать Джаспер. Широкая дверь с освинцованным полукруглым окном наверху вела в более просторное помещение, где тоже был ковер. Оттуда на галерею с балюстрадой шла лестница. Джейми, хоть его и ошеломила роскошь, обратил внимание на слова Элис. Он нравится Саре. Ему ужасно хотелось расспросить Элис, откуда ей это известно и какую именно форму принимает симпатия.

С центра высокого кессонированного потолка

каскадом свисали призмы и лампочки. Картины и рисунки всевозможных форм и размеров теснились на стенах, некоторые в вычурных рамах. Элис щелкнула выключателем, и светильники ожили.

— Папа любит искусство, — заявила она.

— Господи! — воскликнул Джейми, осматриваясь. — Кто бы сказал иначе.

Элис хихикнула:

— Господа папа тоже любит, поэтому лучше следи за тем, что говоришь.

Благодаря Уоллесу и публичной библиотеке Джейми довольно много знал об искусстве, достаточно, чтобы увидеть в эклектичном собрании мистера Фэи конницу Ремингтона и ирис О'Кифф.

— Видишь? — Элис ткнула пальцем в раму погрудного портрета женщины на черном фоне. — Наша мама. Ее писал Джон Сингер Сарджент. Знаешь, есть такой?

— Был. Он умер. — Джейми сдвинулся, чтобы не отсвечивало. Прекрасная картина. — Ваша мама?

Элис опять хихикнула:

— Да. Ты с ней познакомишься.

У женщины на портрете был тот же узкий

подбородок и длинные ресницы, что и у Сары. Модель приподняла брови и слегка раздвинула губы, будто собираясь что-то возразить.

— У отца еще куча всего в хранилище, но, по правде говоря, если видел эту комнату, то видел лучшее. Терпение не самая сильная его сторона. Он хочет, чтобы тебя сразу сразили шедевры, как только ты войдешь в дверь.

— Я не могу все вместить.

— Это ты! — раздался голос сверху. Сара торопливо спустилась по лестнице. — Элис, почему ты не сходила за мной?

— Я звала, — соврала Элис. — Ты, наверно, не слышала. Он пришел всего несколько минут назад. Мы обсуждали портреты. Джейми пообещал нарисовать мой, правда, Джейми? — И она взяла его под руку.

— Не позволяй ей помыкать тобой, — посоветовала Сара Джейми. — Элис у нас главный командир.

— Я с удовольствием, — ответил Джейми Элис.

Та его отпустила.

— Ну и хорошо. Когда поговоришь с отцом, я тебе попозирую.

Джейми кивнул, но тут же осекся:

— О… Я не взял карандаши.

— Тогда тебе придется прийти еще раз. И Джаспера нужно нарисовать. — Элис схватила похожую на тряпку морду пса: — Правда, Джаспер? Ты ведь всегда мечтал быть музой.

— Отец ждет, — напомнила Сара Джейми. — Пойдем.

Она провела его дальше. Везде висели картины и рисунки, намного больше, чем мог вместить дом, в целом показавшийся ему мрачным, заставленным, закрытым — не хватало окон. Из-за перенасыщенности произведениями искусства он давил еще больше, однако Саре, видимо, все было нипочем. Пока они шли, она продолжала говорить:

— Тут гостиная, а здесь мы только проводим приемы, вот музыкальный салон, столовая. А эти часы очень старые. — Они подошли к тяжелой темной двери, и Сара прошептала: — Просто не робей.

И она постучалась тыльной стороной ладони. Прислушалась, опять постучалась, а Джейми смотрел на ее профиль в полумраке, на стиснутые от напряжения челюсти.

— Войдите, — послышался зычный голос.

Сара толкнула дверь со словами:

— Папа, вот Джейми, Портретист.

— Портретист! — воскликнул стоявший за конторкой мужчина.

Он был ниже Джейми и Сары, коренастый, с густыми поседевшими усами и розовый, как ластик, только сильнее блестел. Комната, как и все предыдущие, ломилась от произведений искусства.

— Входи, Портретист!

Не отходя от конторки, мистер Фэи протянул гостю руку и кивнул на бумажные завалы:

— Всегда обещаю себе не работать в воскресенье и всегда работаю. Надеюсь, Господь простит мне.

— Уверен, сэр.

— Правда? Твои слова вселяют надежду. — Он испытующе посмотрел на Джейми: — Кто научил тебя рисовать, мальчик?

— В общем, никто.

— Но Сара говорила мне, что твой дядя — Уоллес Грейвз. Должно быть, он.

Джейми забормотал что-то в подтверждение, но умолк. Разве Уоллес учил его? Он не мог вспомнить ни одного стоящего указания, лишь давнишние редкие похвалы. Все затруднения, эксперименты, недовольство собой, отчаяние, успехи, мгновения восторга — все происходило

само собой. Хотя, конечно, он учился у Уоллеса. Как проще сказать?

— Полагаю, да.

— Ты пишешь картины?

— Иногда акварели. Я не пробовал маслом.

— Убежден, художник выявляется в масле, — изрек мистер Фэи. — Рано или поздно тебе придется подняться на этот уровень, и чем раньше, тем лучше. Посмотрим, из чего ты сделан.

Сара тихо вздохнула, еле заметное неповиновение.

— Я ничего не имею против масла, — заверил Джейми. — Кроме его дороговизны.

— Я видел твой портрет Сары. — Выйдя из-за конторки, мистер Фэи кивнул на холст без рамы, прислоненный к стене лицом. — Впечатляет, хотя не каждый рисовальщик может писать. Давай посмотрим. Я думаю, это твоего дяди.

Он поднял картину и развернул ее.

Джейми пронзила тоска по дому. Рэттлснейк, довольно далеко от их дома, но точно он, в солнечный день, подернутый летней дымкой.

— Да, сэр. — Джейми прокашлялся: — Его.

Он наклонился к пейзажу. Всю жизнь прожив в окружении картин Уоллеса, Джейми перестал их замечать. Тут он решил, что Уоллес мог вы-

строить более интересную композицию, но его захватило ощущение пейзажа, сочетание резкости и нежности.

— Чудесный пейзажик. — Мистер Фэи развернул картину к свету и, держа на расстоянии вытянутой руки, всмотрелся в нее. — Чем ваш дядя занимается сейчас?

Пьет. Варится в собственной мрачности. Наскребает центы, чтобы проигрывать их в карты.

— Продолжает писать. — Ложь. — Преподает рисунок и живопись в университете Монтаны в Миссуле. — Еще одна ложь.

Мистер Фэи поставил холст.

— Большая удача иметь дядю-художника, да еще который вами занимается. Не у всех есть такое подспорье.

Джейми не знал, как все объяснить, не показавшись вздорным или неблагодарным. Он вспомнил, что нужно держаться уверенно, и сказал:

— Верно. Не у всех.

— Джейми тоже живет в Миссуле, — заметила Сара. — Сюда приехал только на лето. Остановился у родственников.

— Вот как?

Джейми, поразившись, как легко Сара соврала,

заставил себя отвести от нее взгляд.

— Да, у кузенов.

Мистер Фэи не выказал особого интереса к родственным связям Джейми.

— Дело вот в чем. Я не хотел ничего говорить Саре, прежде чем сам с тобой не познакомлюсь, но у меня есть работа, которую нужно выполнить, если тебя интересует некоторый дополнительный заработок. Интересует?

Надежда такой силы, что приподняла его, как ветер.

— Да, сэр.

— Ты даже не знаешь, о чем идет речь, но тебе интересно.

Джейми уронил голову:

— Да, сэр.

— Что ж, честно. Времена трудные. Всем приходится с чего-то начинать. Я сам начинал с нуля. — Мистер Фэи прокашлялся. — Мне нужно, чтобы кто-то помог мне составить каталог. — Он обвел рукой стены, лоскутное одеяло искусства. — Все на стенах, все на чердаке, все в подвале. Много, а еще полная кладовка у меня в конторе. Должен сказать, большинство работ не подписаны. У меня целые коробки счетов и старых аукционных каталогов, что-то поможет тебе разобраться.

Но предупреждаю, там сплошная неразбериха, — он указал на конторку. — Как видишь, особых организационных талантов у меня нет. Нужен всего-навсего большой список, но задача для Геркулеса. Я лишь хочу знать, чем владею. Произвести учет. Мне не важно, как ты поведешь дело, только из университета могут прийти посмотреть, поэтому откладывай все, что, на твой взгляд, представляет какую-то ценность. Сестра Сары Нора изучает историю искусств. Я думал, она с удовольствием возьмется, но ей оказалось интереснее провести лето в Европе. Я буду платить тебе три доллара в день, пять дней в неделю. С девяти до пяти. Кухарка позаботится, чтобы ты не остался без обеда. Ну как?

— Потрясающе, сэр. Благодарю вас.

Мистер Фэи махнул на дверь:

— Тогда идите. И не делай такое счастливое лицо. Работа немыслимая.

— До завтра, сэр.

— Нет, мы не увидимся. Я буду на работе. Оставляю тебя на милость женщин. — Когда Джейми открыл дверь Саре, мистер Фэи окликнул: — Портретист!

Джейми обернулся.

Хозяин стоял перед конторкой, засунув руки

в карманы.

— Что ты думаешь о моей коллекции? Ведь она чего-то стоит?

— Она волшебна, — искренне ответил Джейми.

— Волшебна. — Мистер Фэи кивнул: — Верно. Поразительно, что можно купить за кусок говядины. — Он усмехнулся и жестом отпустил их.

* * *

Бойни, объяснила Сара, когда они шли обратно. Полдюжины. Рогатый скот и свиньи. А еще птицекомбинаты и кожевенные заводы или доли в них. А еще производство удобрений, клея, свечей, масел и косметики. Депрессия, конечно, нанесла удар по бизнесу, но не такой сильный, как можно было ожидать. Отец продавал товары, нужные людям, даже если они изыскивали возможности поменьше нуждаться во всем.

У выхода она улыбнулась свободнее, чем давеча, и выразила удовольствие тем, что Джейми взялся за работу. Элис тоже сбежала по лестнице с ним проститься, настойчиво напомнив, чтобы в следующий раз он не забыл рисовальные принадлежности. Джейми обещал, с улыбкой помахал сестрам и, пройдя мимо фигурно под-

стриженных кустов, пустился в обратный путь к своему пансиону, вниз, потом опять вверх. Улицы сжимались вокруг него обычностью, затем нищетой.

Он думал, что, когда они с Сарой гуляли у озера, он, несомненно, как-то выдал свои чувства к животным, тяжесть своей боли из-за них. А даже если нет, ему думалось, она должна была догадаться. А вообще-то Джейми считал, Сара обязана думать так же.

Не смея себе признаться, он уже начал воображать, что найдет возможность поступить в университет Вашингтона вместе с Сарой, станет в Сиэтле настоящим художником, молодым мужем, возвращающимся в симпатичный, солнечный дом и целующий жену и ребенка. Мысль о собственной семье являлась самой экстравагантной и заманчивой из всех являвшихся ему, а теперь?.. Запятнано, порушено.

А может, в нем живут какие-то самые первые воспоминания о кораблекрушении «Джозефины», со временем трансформировавшиеся в безмерный ужас при мысли о страхе, беспомощности, массовой гибели? Хотя он не считал свой ужас таким уж огромным. Как вообще ужас может быть слишком большим? И все же

это несоразмерно, ведь большинству людей, судя по всему, не доставляли никаких хлопот мысли о происхождении поедаемого ими мяса, о брошенных в трудные времена тощих собаках повсюду, которые, скорее всего, умрут от голода или их подберет и прирежет какой-нибудь живодер. Почему он не может примириться? Мир не собирается меняться. Джейми было бы легче жить, если бы он просто мог забыть.

Он не пошел на ужин и, когда вечер окрасил окно в пурпурный цвет, лег на кровать в своем пансионе.

Он любил Калеба, а Калеб убивал животных. Однако охота причиняла Джейми меньше боли, чем забой. Охота — когда схлестываются две жизни, а не одна загоняет другую и уничтожает.

Но Сара не из тех, кто вспарывает глотки. Осуждать ее несправедливо. Ему претила мысль, что он будет получать от ее отца кровавые деньги, но, может, и неплохо освободить такого человека от малой толики его избыточного состояния. (Очень малой.) К тому же Джейми пообещал себе тратить деньги на что-нибудь хорошее. Покупать еду для бродячих собак. Да, именно так. И вообще он попытается отогнать мысли о бойнях.

* * *

То, что ему нравилось в доме Херефорд, служило одновременно и облегчением, и поводом для самообвинений. Первое и самое главное — Сара. Она вела себя неожиданно, не по правилам, поднималась с ним на чердак (он решил начать с чердака), помогала перебирать пыльные папки, соотнося неразборчивые счета с разрозненными рисунками и картинами. Его восторг после первых прогулок по мере растущих свидетельств того, что она не видит ничего дурного в бизнесе отца, несколько ослаб, но его по-прежнему тянуло к Саре. Она не кокетничала, напротив, была внимательна, сосредоточенна и педантична. Судя по всему, ей доставляло удовольствие наводить порядок. Он не мог отважиться на пробный поцелуй.

Элис ждала его утром в первый понедельник, уверенная, что прежде всего остального он примется ее рисовать.

— Пойдем на улицу, там свет, — заявила она.

Элис сидела под вишневым деревом, обхватив руками колено, и словно пыталась подавить улыбку. Когда Джейми работал, по газону неторопливо прошла высокая женщина в юбке

и кофте, за ней плелся Джаспер.

— Портретист за работой! — воскликнула миссис Фэи голосом еще более низким и богатым, чем у Сары.

Джейми неловко поднялся. Она протянула ему руку. Портрет Сарджента сохранил сходство, хотя модель и стала старше. Прямые волосы коротко подстрижены, лицо без макияжа светилось веселым умом.

— Дай-ка посмотреть, — потребовала миссис Фэи, протянув руку за рисунком, который Джейми, инстинктивно защищаясь, прижал к груди, а когда он показал, воскликнула: — Это же чудесно! Впрочем, чего удивляться. Портрет Сары замечательный, но здесь… целая картина. Я обрамлю и то и другое.

— Мама, ты не думаешь, что он должен нарисовать Джаспера? — спросила Элис.

— Конечно. И Пенелопу с ребенком. — Миссис Фэи вернула рисунок Джейми. — Пенелопа — моя старшая дочь. У нее недавно родился ребенок. Я бы хотела просить вас нарисовать еще сына и четвертую дочь, чтобы у меня был полный комплект, но они разъехались.

— А ты? — спросила Элис из-под дерева.

— Что я?

— Тебя Джейми тоже должен нарисовать. Посмотрим, как он выдержит сравнение с Сарджентом.

— Думаю, сравнение не порадует, — сказал Джейми.

Миссис Фэи подняла брови:

— Не порадует вас? Или меня?

— Меня! — воскликнул Джейми. — Разумеется, меня. Я имел в виду… Я был бы счастлив попробовать, если вам угодно.

— Отлично, — весело откликнулась миссис Фэи. — Тогда и попробуешь.

* * *

Июль сменился августом.

Джейми продвинулся с каталогом, но для половины лета работа оказалась слишком объемной. И все-таки он трудился, разбирал, описывал как мог. Изучение такого количества рисунков и картин уже являлось образованием. Он внимательно рассматривал каждую работу, думал, что художнику удалось, в сравнении с тем, чего он мог хотеть. Большинство холстов казались в лучшем случае посредственными. («Наибольшее удовольствие мой муж получает, складывая свои сокровища, — сказала как-то

миссис Фэи. — Удовольствие в их количестве, а также в обладании».) Но в собрании имелось и много хороших работ, и не так уж мало выдающихся. Как ему велели, Джейми откладывал в сторону все отзывавшееся в душе, включив туда и десяток неатрибутированных маленьких акварелей, которые нашел в плоской, перевязанной ленточкой коробке. Волны цвета: вихри серого, синего, ленты ярко-оранжевого, зеленого. Хотя нельзя было точно сказать, что на них изображено, Джейми не сомневался, это море. На обороте нацарапано что-то неразборчивое, возможно, подпись. Ожидая университетского специалиста, Джейми почти надеялся, тот назовет акварели мусором. Тогда он мог бы набраться смелости и попросить их себе.

Вечерами, по дороге домой, он покупал банки с языком или рубленым мясом и овощами, вчерашний хлеб, все дешевое и кормил бродячих собак. Иногда делал с них наброски, всего несколько быстрых линий. Ему очень не нравилось, когда они начинали рычать друг на друга, кусаться или провожали его до пансиона.

Если мистера Фэи не ждали дома рано, Сара после окончания рабочего дня Джейми могла отправиться с ним на прогулку. Он наконец со-

брался с духом и поцеловал ее. В первый раз все случилось неожиданно просто. Она пошла с ним кормить собак. Пес у них под ногами уплетал мясо из консервной банки, а Джейми наклонился и прижался к губам Сары. Оба какое-то время стояли совершенно неподвижно, потом Сара мягко отодвинулась. Во второй раз, на берегу, оказалось непросто. Сара наклонилась к нему длинным гибким телом, и он от возбуждения обхватил ее слишком грубо, напугал. Однако после небольшой практики они нашли компромиссное решение — не полностью удовлетворительное, однако стабилизировавшее ситуацию. Если поблизости никого не было, он мог обнять ее, не слишком крепко, не прижимать к стене, не искать грудь. Правда, Сара иногда сама забывалась и прижималась к нему, заводя длинную ногу между колен. Близость, однако, никогда не длилась долго. Вспомнив о приличиях, Сара выворачивалась — с пылающими щеками, растерянная, как человек, которого разбудили.

— Расскажи мне еще о своих приключениях, — иногда просила она, и он рассказывал ей, как они с Мэриен и Калебом однажды автостопом доехали до озера Сили, а потом пятьдесят миль шли обратно по горам, или как нашли в лесу чело-

веческий скелет, из замшелого черепа которого торчал томагавк, или как полицейский ударил его дубинкой по ногам.

— Но я не уверен, что это настоящие приключения, — сказал Джейми.

— Да ты что! — воскликнула Сара. — У меня никогда не было ничего и вполовину такого увлекательного. Как бы я хотела познакомиться с Мэриен и Калебом. И с Уоллесом.

— Может, и познакомишься.

Печальная улыбка Мадонны:

— Не думаю, что я произведу на них сильное впечатление.

Она будет для них чужой, пугающей, чопорной. Они не будут знать, как вести себя с ней. Не важно. Происходящее между ним и Сарой принадлежит только ему.

— Они не знают таких людей, как ты.

— А я не знаю таких людей, как они. Я бы хотела быть больше похожей на них.

Тут бы и рассказать ей все, о чем он умалчивал. Пьянство Уоллеса. Баркли Маккуин. Скрип двери на крыльце, когда Калеб приходил за Мэриен. Но вместо этого Джейми опять ее поцеловал.

* * *

Когда получалось, Джейми рисовал Сару, то живьем, то по памяти. Кое-что отдавал ей, кое-что оставлял себе.

— Мне нравятся твои рисунки, поскольку нравится думать, что ты на меня смотришь, — призналась она. — Такой особенный вид самолюбования.

* * *

Иногда миссис Фэи, оставаясь дома одна, приглашала его на послеобеденный кофе в небольшую застекленную оранжерею, безраздельно принадлежащую ей. Чтобы попасть туда, Джейми проходил по гостиной, тоже, кажется, числящейся за хозяйкой. Тут не было искусства. Стены гостиной чистые, белые, только редкие фотографии семьи. В оранжерее папоротники в горшках, подушка для собаки, круглый мраморный столик и плетеные стулья, на которых они и сидели. Нередко миссис Фэи задавала ему те же вопросы о жизни, что и Сара, но Джейми, свободный от романтического трепета и плотского вожделения, рассказывая о себе, мог больше расслабиться, вы-

сказывать мнения, оказывавшиеся совершенно неожиданными для него самого.

— Я бы хотел, чтобы моя сестра больше походила на леди, — сказал он как-то, удивившись сам себе.

Миссис Фэи улыбнулась намного печальнее Сары:

— Почему? А она тоже хочет?

— Нет, не хочет, — открыто признал он. — Но ее жизнь почему-то намного тяжелее, чем надо. Если бы она носила платья, прическу, как у девочки, если бы еще ходила в школу и не бредила аэропланами, все было бы проще.

На похоронах Гольца, когда Баркли Маккуин повернулся пожать Джейми руку, его лицо светилось каким-то насмешливым торжеством, будто он видел в Джейми поверженного соперника. «Да пребудет с тобой мир».

— Да, — согласилась миссис Фэи, — вероятно, проще.

— Если бы у нее была мать, стала бы она такой, как вы думаете?

— Может быть, а может быть, и нет. Матери не контролируют все, хотя иногда нам и хотелось бы. Я училась слишком долго, но научилась: попытки контролировать все имеют эффект

бумеранга. Я боролась за сухой закон, поскольку всерьез верила, что жизнь женщин будет лучше — проще, как ты говоришь, — если их мужья не будут уходить из дому и пропивать получку, а потом возвращаться и делать гнусности, которые иногда делают пьяные мужчины. Но я оказалась наивной. Взгляды человека на собственную жизнь для него обычно важнее представлений других людей о том, как ему надо жить. — Миссис Фэи помолчала. — Иногда приходится сгибаться под ветром, Джейми. Это вне зоны нашего контроля.

Джейми подавил дрожь раздражения на себя, поскольку не смог найти нужных слов для женщины, безмятежно сидевшей в своей оранжерее и уверовавшей, что любящий дядюшка отправил его в Сиэтл к кузенам.

— Мэриен не всегда видит проблемы, притом что сама их себе создает.

— Так ты считаешь, если бы она была больше похожа на леди, ты бы за нее не переживал?

— Не знаю.

Миссис Фэи наклонилась:

— Нарисуй ее для меня. Твою сестру. Мне бы хотелось на нее посмотреть.

И он на пустом листе бумаги вызвал к жизни

Мэриен. Джейми заставил себя нарисовать ее как есть, с короткими волосами и резким, почти нахальным взглядом. Пока рисовал, глубоко в животе у него что-то тянуло, как будто он проглотил крючок, а удочка находилась в Монтане.

Миссис Фэи долго смотрела на рисунок.

— Да, понимаю. С ней трудно. — Она вздохнула и похлопала его по руке: — Вам пришлось заботиться друг о друге больше, чем многим детям, и быстро повзрослеть. Порой бывало очень тяжело.

Снова оказавшись на безопасном чердаке, Джейми сел на пол и заплакал. Оказывается, он не догадывался, как ему нужно было, чтобы кто-нибудь сказал ему это.

* * *

Когда на третьей неделе августа установилась необычная жара, из университета Вашингтона пришел искусствовед, энергичный человек в бабочке. Он быстро осмотрел стены дома Херефорд, то на секунду наклоняясь, то тут же становясь на цыпочки, всматриваясь сквозь очки, как будто все его тело являлось специальной трубкой для оценки предметов искусства. Время от времени он что-то записывал в блокнот. Джейми шел

следом, отпуская какие-то комментарии, на что искусствовед отвечал раздраженным хмыканьем или молчанием.

Дважды Джейми упомянул, что отложил в сторону несколько работ, представляющиеся ему наиболее важными.

— Вряд ли была необходимость. — Человек снял со стены небольшой морской пейзаж и перевернул его.

— Меня просил мистер Фэи. Чтобы узнать ваше мнение.

— О, правда? — Он повесил пейзаж обратно на гвоздь. — А чем вы, собственно, занимаетесь?

— Я составляю каталог работ.

— Хм-м.

Мистер Фэи пришел домой в середине дня, когда искусствовед осматривал музыкальный салон. Он крепко пожал гостю руку, прорычал комплименты и попросил поделиться своими соображениями:

— Ваше честное мнение.

— Весьма, весьма интересное собрание, — признал искусствовед. — Как вы сами знаете, у вас множество первосортных вещей. Сарджент, например. Право, замечательно.

Он вынул из кармана носовой платок и про-

мокнул лоб. Во мраке дома жара по-настоящему душила.

— Портрет моей жены, — с гордостью заметил мистер Фэи.

— Правда? — воскликнул специалист, хотя Джейми уже показывал его. — Замечательно!

— Мы говорили о музее, — сказал мистер Фэи. — Музее Фэи. Должен признаться, мне нравится, как звучит.

Искусствовед опять отер лицо.

— Заманчивая идея. Возможно — всего лишь предварительное впечатление, — одной коллекции будет не вполне достаточно, я могу судить лишь по тому, что пока видел, но вы заложили блестящую основу. — Тактично: — Вы ведь знаете, в парке Волантир начали строить Музей изящных искусств? Для собрания Фаллера?

Лицо Фэи помрачнело:

— Разумеется, знаю. Его практически видно из окна моей спальни.

Искусствовед вздрогнул, однако продолжил:

— Может быть, вы уже думали о том, чтобы объединить усилия?

Мистер Фэи подозрительно посмотрел на него:

— Думал.

Искусствовед решил примерить на себя роль

миротворца:

— Первым делом, полагаю, надо бы все разобрать, составить каталог. Исхожу из того, что у вас имеются списки приобретенного? Атрибуция? Провенанс?

— Именно этим и занимается Джейми. — Мистер Фэи в недоумении посмотрел на своего помощника: — Разве ты не сказал?

— Не сомневаюсь, молодой человек делает все, что в его силах, но работа требует знающего специалиста.

— Парень — талантливый художник. — Мистер Фэи явно смутился. — Мне хотелось поддержать его. Никакого вреда, что он копается в картинах.

— Искренне надеюсь, что нет, — сухо ответил искусствовед.

Джейми вспыхнул. Искусствовед даже не взглянул на его записи, подробнейшие списки, собранную информацию, версии о принадлежности картин, купленных мистером Фэи. Разумеется, Джейми не смог разрешить все вопросы — это невозможно, — но он был убежден, что оказался полезен. Искусствовед также не удостоил взглядом работы, снесенные Джейми с чердака и отложенные в сторону, поскольку, как он точно знал, с ними по меньшей мере следует

ознакомиться.

— Джейми, — обратился к нему мистер Фэи, — принеси один из твоих портретов, покажи.

Теперь к унижению добавилось чувство, что с ним обращаются, как с ребенком, заставляя показать его работу, чтобы вымолить похвалу.

— Я бы не хотел навязываться, — сухо ответил он.

— Давай иди, — махнул рукой мистер Фэи, словно отгоняя собаку, трущуюся слишком близко к обеденному столу.

Джейми поплелся по душному, темному дому в гостиную миссис Фэи. Четыре портрета — Сары, Элис, ее собственный и Пенелопы, старшей сестры, как-то днем пришедшей попозировать ему с ребенком, — висели в ряд в рамах. Он снял Элис и, вернувшись, с опущенной головой протянул его.

Искусствовед внимательно посмотрел на рисунок, а затем сквозь очки уставился на Джейми, как будто тот был еще одним произведением искусства, нуждающимся в оценке.

— Кто учил тебя рисовать?

— Дядя, — ответил за него мистер Фэи одновременно с Джейми, который твердо произнес:

— Никто.

— Ты же говорил, что тебя учил дядя, — обратился мистер Фэи к Джейми, а гостю сказал: — Его дядя — художник Уоллес Грейвз. У меня есть его пейзаж.

— Я сам научился, — уперся Джейми, засунув руки в карманы.

Искусствовед хмыкнул, еще раз посмотрел на портрет, а затем обернулся к Джейми:

— Так, значит, ты отобрал особенно понравившиеся тебе работы?

* * *

Предстоял праздничный ужин, и Джейми пришлось остаться. Настаивал мистер Фэи, настаивали все. Акварельные наброски, найденные им в перевязанной ленточкой коробке, волны цвета, вероятно, отражавшие настроения океана, принадлежали кисти Джона Тернера, искусствовед почти не сомневался. Ценные, важные, «замечательные», и их так легко было проскочить. Джейми же чувствовал себя, с одной стороны, отмщенным, но с другой, расстроился, так как решил, если искусствовед не будет смотреть выбранные им работы, он возьмет акварели прямо сегодня, а потом, скоро, отвезет в Миссулу. Он жалел, совсем чуть-чуть, что не забрал их

сразу, никому ничего не говоря.

— Отличная работа, — повторил ему мистер Фэи раз пять. — Я сразу что-то такое в тебе разглядел.

Даже несмотря на открытые окна, в столовой стояла умопомрачительная духота. У женщин на висках выступил пот. Мистер Фэи постоянно протирал лоб салфеткой. Вторая сестра Фэи, Нора, изучающая историю искусств, недавно вернулась из Европы. Пришла также Пенелопа с мужем, ребенком и няней. Зашел разговор о том, что после ужина Джейми должен нарисовать Нору, пополнив пантеон в гостиной миссис Фэи.

— И папу не забудьте! — воскликнула Элис.

— Я и не думал после парада красоток навешивать на Джейми свою морду, — отшутился мистер Фэи.

Он был в хорошем настроении, еще порозовел и лоснился больше обычного.

Первыми подали устрицы, затем холодный консоме, потом тушеный лосось.

Нору переполняли европейские впечатления:

— На перекрестках там всегда ветрено. Привыкаешь к такому охлаждающему эффекту.

— Правда? — с царственной интонацией спросила Элис, глядя себе на нос.

Несмотря на дурные предчувствия, Джейми съел устриц, лосося, однако напрасно надеялся, что на столе каким-то чудом не окажется говядины. Когда перед ним поставили неизбежный стейк в мелкой лужице алой жидкости, он украдкой стал искать Джаспера, но того, вероятно, где-то заперли.

— Меня интересуют планы молодого человека на будущее, — сказал, обращаясь к нему, искусствовед.

Все посмотрели на Джейми.

— Мне остался еще год в средней школе, — ответил тот. — А затем, вероятно, я поступлю в университет Монтаны.

— Изучать искусство, — уточнил искусствовед.

— Еще не знаю.

Мистер Фэи, жуя, откинулся на стуле.

— А что в Монтане за факультет искусств?

— По-моему, неплохой. Мой дядя там преподавал… — Джейми осекся: — …Преподает.

Мистер Фэи положил в рот еще мяса, отпил глоток вина и принялся размышлять:

— Я думаю, тебе лучше приехать в Сиэтл. Или университет, или Корнуолльский колледж. Такой талант, как у тебя, не должен пропадать в глубинке. — Джейми чуть не рассмеялся

при мысли, что кто-то мог подумать, будто он в состоянии себе такое позволить. — Кроме того…

— Кое-кто сказал бы, что глубинка — как раз Сиэтл, — заметила Нора. — По сравнению с Европой.

— Нора, не будь дурой! — воскликнула Элис.

— Это не дурость, а снобизм, — вставила Сара.

— Кроме того, — мистер Фэи повысил голос, — я хотел бы тебе помочь.

Дамы Фэи переглянулись.

— Боюсь, я не понимаю, — пробормотал Джейми.

— Я о том, что оплачу твою учебу и расходы, малыш! Разумеется, ты продолжишь на меня работать, так или иначе. Может, с искусством, зависит от того, как будет развиваться история с музеем, может, в моем деле. — Он тыкнул в Джейми ножом и, не напирая, будто повторяя сентенцию в бессчетный раз, закончил: — Я сам себя сделал. И с удовольствием подсажу кого-то, если могу.

Джейми сидел словно громом пораженный, он не знал, что ответить. Ему очень хотелось принять предложение, упасть в объятия Фэи, как на пуховую перину. Если он согласится, его мечты, как он будет мужем Сары, отцом ее детей,

процветающим гражданином города на берегу Тихого океана, возможно — при всей своей невероятности, — станут реальностью. Но ему мешали бойни. И еще. Да, ему нравилось рисовать, а за лето появилась гордость за свой талант. Но что, если в нем спит Уоллес? Что, если, став художником, он создаст идеальные условия для распада, анархии, которые распространятся в нем, как грибок?

Джейми нужно было подумать, и не в этой душной комнате, не за столом у Фэи, где стояли тарелки с кровавым мясом.

— Папа, ты лишил его дара речи, — улыбнулась Пенелопа.

— Заканчивайте с мясом, — велел тот, — и отпразднуем шампанским. — Мистер Фэи заглянул в тарелку Джейми: — Да ты почти не ел. Тебе нехорошо, малыш?

Джейми посмотрел на Сару, та ответила ему смущенным взглядом и спросила:

— Ты не голоден?

Джейми вдруг понял, что не важно, хочет он быть художником или нет, и выпалил:

— Я не ем мяса.

— Что? — Мистер Фэи был в явном замешательстве.

— Я не ем мяса.

— Не ешь мяса?

— Нет.

— Из каких-то религиозных убеждений?

— Нет, сэр. Мне просто непереносима сама мысль.

— Не понимаю.

— Тебе жалко бедных животных! — воскликнула Нора. — Ведь так, правда?

Мистер Фэи откинулся на стуле, лицо его побагровело:

— Тебе непереносима мысль о моем деле? О деле, благодаря которому я выстроил этот дом? Купил это искусство? Которое платило тебе все лето?

— Я не могу принять ваше предложение, — сказал Джейми, — хотя благодарен вам за великодушие.

— Ты не можешь?.. — Не закончив фразы, мистер Фэи фыркнул: — Предложение отозвано. Я не могу доверять человеку, если он не ест, как все нормальные люди. — Он прищурился: — И ты больше не будешь увиваться вокруг моей дочери. Думаешь, я не вижу, как ты ходишь за ней хвостом?

Джейми в отчаянии искал понимания в ли-

це Сары, но видел только смущение и тревогу. Она посмотрела на мать. Та ответила твердым взглядом и едва заметно кивнула. Сара собралась с духом:

— Он не ходит за мной хвостом.

— Ты его больше не увидишь!

Сара опять посмотрела на мать, но на сей раз миссис Фэи рассматривала свою тарелку. Слезы потекли по щекам Сары. Джейми понимал, что ничего не может против ее отца.

— Сын мой, — мистер Фэи ткнул в него толстым пальцем. — Сын мой, Господь создал на земле животных для пищи. Животные убивают и едят друг друга. Мы тоже животные. Только мы умнее и придумали лучший способ добывать мясо, чем шататься с луком и стрелами. Мы разводим животных, чтобы есть их. Коров, свиней, кур не было бы, если бы они не служили пищей. Вот это… — он открыл рот и показал резцы, — …это подарил нам Господь, дав тем самым понять, что мы должны есть. А вот это стейк у тебя на тарелке!

Джейми положил салфетку на стол и встал со стула.

— До свидания, — сказал он. — Спасибо.

Идя по коридору, он слышал, как мистер Фэи

кричал ему вслед, что он отступник, педик и пусть убирается — убирается! — из его дома.

В тот вечер Джейми не кормил собак. Он пошел на вокзал и купил билет на ночной поезд до Спокана, а оттуда — до Миссулы.

Погруженный в одиночество и собственную добродетель, он вернулся домой и узнал, что его сестра помолвлена с Баркли Маккуином.

Миссула
Август 1931 г.
За две недели до возвращения Джейми

Бледное вечернее небо, между горами залегли глубокие реки теней. Мэриен выписывала круги, пока водители не включили фары и не высветили посадочную полосу. Они принялись выгружать ящики, и вдруг из леса вышел Калеб с ружьем на спине. Руки бутлегеров потянулись к кобурам.

— Все в порядке! — крикнула Мэриен. — Это мой друг!

Она подбежала к Калебу и обхватила его руками, чего не сделала бы в Миссуле. Но здесь, далеко, возникло ощущение случайности.

— Как ты меня нашел?

Калеб был коричневым от солнца. Заплетенные в косу волосы падали на спину.

— Птичка напела. Подбросишь домой?

Он поставил себе маленькую хижину на Рэттлснейке недалеко от дома Уоллеса.

Мэриен посмотрела на мужчин, которые не таясь таращились на них.

— Не боишься?

— А чего бояться? Разве ты не отличный летчик?

Она и так поздно прилетела, а теперь они поздно поднимались в небо. Когда добрались до Миссулы, темнота сгустилась полностью, городские огни золотом блестели посреди гор.

Закончив с аэропланом, Мэриен повезла Калеба обратно через город, по реке, мимо дома Джильды, мимо дома Уоллеса. Там, где дорога сузилась до лесной колеи, он велел ей остановиться. Между деревьями петляла тропа.

— Зайди, выпьем, — сказал он. — Ты сэкономила мне два дня пути.

Хижина находилась недалеко. Когда они шли по темноте, Мэриен спросила:

— Почему бы тебе не завести автомобиль?

— Не хочу ответственности. Я в принципе не одобряю собственность.

— Иногда, если все взвесить, полезно, нет?

— У меня мало опыта.

— Я бы проще к этому относилась.

Хижина Калеба стояла на круглой поляне. Она была небольшая, но срублена со знанием дела, все углы плотно подогнаны, обтесанные бревна прилегают друг к другу, мягкие полосы глины законопатили щели. Калеб достал из кармана ключ.

— А дверь ты запираешь, — заметила Мэриен.

— И что?

— Значит, кое-что все-таки хочешь сохранить в своей собственности.

— Разумеется, но меня возмущает мысль о том, что над этой самой собственностью надо трястись.

Калеб провел ее в дом, и она стояла в темноте, пока он не зажег керосиновую лампу, потом еще одну, осветив низкую черную печку, кресло-качалку, койку, медвежью шкуру на полу, рога на стенах.

— Сними ботинки, ладно?

Внутри все было тщательно, идеально прибрано. Одно одеяло на койке аккуратно застилало тонкий матрас, другое сложено в ногах. На полке над раковиной стояла небольшая стопка тарелок. Калеб приладил ружье на сошку, где Мэриен заметила еще три, поблескивающие прикладами

и стволами.

— Ты сам ставил дом?

Калеб разлил виски по кружкам и одну дал ей.

— Да. Но купил доски для крыши и потолка. Садись сюда.

Он указал на кресло и принялся разводить огонь в печи. Когда сел на койку, их колени почти соприкоснулись.

— У тебя очень чисто.

— Мне хватило бардака в жизни с Джильдой.

— В детстве ты был таким буйным. А теперь только посмотри — метешь пол и складываешь одеяла. Все на своем месте.

— Все буйство теперь за стенами. На своем месте.

— У тебя есть девушка, Калеб?

— А что, я не могу содержать хижину в чистоте без женщины?

— Я о другом. Просто подумала, с тех пор как мы прекратили…

Ей не пришлось заканчивать фразу. Они ни разу не поднимали тему. Она всегда являлось фигурой умолчания.

Калеб откинулся к стене, скрестив ноги.

— Девушки есть. Девушки нет.

Он посмотрел на нее. Мэриен увидела, как в нем

зашевелилось прежнее лукавство, и решила, он сейчас что-нибудь предложит или начнет шутить, но Калеб сказал:

— Я уже бывал на ранчо Баркли Маккуина.

— Бэннокберн.

Калеб кивнул.

— Какие-то его компаньоны нанимали меня на охоту. У нас было разрешение. Славное место. Дом вполне.

— Вполне хороший или вполне плохой?

Он пожал плечами:

— Дело вкуса.

— Я его видела только с воздуха. А могла бы… — Она замолчала.

Калеб закончил за нее:

— В нем жить.

Мэриен кивнула. В груди давило. Почему она боится? Калеб встал долить виски. Он стоял рядом, положив ей холодную руку на затылок. Она забыла его холод.

— Кто теперь стрижет тебе волосы?

— Тот, кому я плачу деньгами.

Он стащил ее с кресла на пол рядом с собой, положив боком в треугольник между ног, обняв, но некрепко. Долго, молча держал. Потом поцеловал в губы невинным поцелуем без последствий.

После Баркли все с Калебом теперь казалось невинным.

— Сердце у тебя бьется во всем теле, — сказал он.

— Я говорю ему остановиться.

— Не останавливай.

— Замедлиться. Но оно не слушается.

— Я могу помочь тебе бежать. Есть места, где он никогда тебя не найдет.

Она ужасно негодовала на Баркли; ее благодарность Баркли не знала границ. Как бы ей хотелось исчезнуть и никогда не возвращаться; она не перенесет, если оставит его. «Ты кто?»

— Забавнее всего то, что мне кажется, я его люблю. Я никогда еще этого не говорила.

Он прижался щекой к ее макушке.

— Довольно странная манера выразить это.

Мэриен понимала, что надо уходить, а хотелось бы забраться с Калебом в койку.

— Странная манера… — она осеклась. Она не могла повторить слово «любить». — Странная штука.

* * *

Баркли знал, что с посадочной полосы в горах она летела обратно не одна, знал, что с Калебом,

знал, что она довезла Калеба до его хижины и провела там три часа.

— Три часа, — сказал он.

Они стояли на кухне бело-зеленого дома по разные стороны стола.

— Скажи мне, что ты могла там делать три часа?

— Если ты посылал за мной шпиона, он, наверно, подсматривал в окно! — в ярости крикнула она. — Так что же я там делала?

— Ты с ним спала.

От его уверенности она опешила:

— Неправда.

— Не ври.

Черные глаза, проступившие веснушки.

— Я не вру. Ты врешь. Я знаю, потому что я говорю правду.

Молчаливая схватка, оба не верят.

— Он мой друг, — отрезала Мэриен. — Он всегда был мне другом. Мне нельзя иметь друзей? — Голос стал громче. — Ты хочешь, чтобы у меня вообще никого не осталось кроме тебя?

Он тяжело сел, бешенство его ушло.

— Если честно, то да, — кивнул он.

— Тебе интересно, чем мы занимались? Разговаривали. — Она собралась с духом и выпалила,

будто обвиняя Баркли: — Я сказала Калебу, что люблю тебя.

Он поднял голову:

— Правда?

— Когда ты начал шпионить за мной?

— Повтори. Повтори мне то, что сказала ему.

Он был взволнован и очень доволен. Ей осталась одна безнадежность.

— Не сейчас.

— Скажи, что любишь меня.

— Когда ты начал шпионить за мной? — спросила она громче.

— После твоего полета в Ванкувер. Только потому что очень боялся тебя потерять.

Слава богу, Калеб прекратил их встречи именно тогда, когда прекратил.

— Я думал, ты совершишь какую-нибудь глупость, опять впутаешься во что-нибудь, — продолжил Баркли. — Я защищал тебя. Я не хотел расставлять тебе ловушки, только оберегал.

— Мы не верим друг другу. Надо признаться.

— Все кончится, если мы поженимся. — Порывисто: — Поскольку, когда мы поженимся, я буду считать твой обет обещанием не убегать. Поскольку я знаю, ты честная. — Баркли опять встал, обошел стол и опустился перед ней на ко-

лени: — Скажи. Пожалуйста. Скажи мне то, что говорила ему. Слова должны прозвучать между нами, а не между тобой и им.

Она выполнила его просьбу. А когда договорила, пришло странное ощущение, как будто глубоко в животе торчит нож и вытащить его — значит одновременно и испытать облегчение, и нанести еще одну рану, уже смертельную. Мэриен знала, рано или поздно ей придется признаться, что она его любит. Вот наконец призналась и может позволить этому стать правдой. Баркли вжал лицо в ее колени. Мэриен коснулась его головы. Он задрал голову:

— Я очень люблю тебя, Мэриен, но я должен тебе кое-что сказать. А прежде чем скажу, ты должна знать, что мне очень жаль. Если бы я знал, я бы так не поступил. Я бы подождал.

Она окаменела. Она находилась в кабине аэроплана, а под ней разверзлась расщелина.

— Я совершил… Я запустил кое-что, когда был сердит, но я могу отменить. — Его глаза наполнились слезами. — Мэриен, я совершил ужасное. Но ты должна понять, ты заставила меня слишком долго ждать.

Космический гул расширяющейся Вселенной

ОДИННАДЦАТОЕ

Как-то одна художница по костюмам сказала в моем присутствии, лучшие актрисы, мол, даже не смотрятся в зеркало, они чувствуют костюм. Во время примерки для Мэриен я отворачивалась от своего отражения, как будто оно могло превратить меня в камень. Я ходила в тяжелом летном комбинезоне и овечьих унтах, чувствуя себя неподъемной, неотсюдошней, словно очутившийся на Земле астронавт. На одной стене пестрели лица летчиц, случайных людей того времени, наброски костюмов, почти все существующие фотографии Мэриен, и я медленно ворочалась, чтобы их рассмотреть.

Свадебную фотографию, где она с гангстером Баркли Маккуином стоит перед красивым зданием администрации, а в ногах у них вихрятся листья, я видела раньше, в интернете. На голове у Мэриен шляпа, она слабо улыбается, как будто на несмешную шутку. У новоиспеченного мужа

сияющий вид.

Рядом копия рисунка углем, которого я раньше не видела. Мэриен на нем отчаянно юная, почти ребенок, хотя и не совсем, волосы очень коротко подстрижены, выражение лица, как будто она готова возразить на каждое ваше слово.

— Что это? — спросила я.

Художница по костюмам шла за мной по комнате, прилаживая ремни на поясе.

— Рисунок ее брата. Откуда-то из частной коллекции. Здорово, правда? Личность как на ладони.

Она потащила меня обратно, развернув лицом к своим ассистентам. Те принялись меня рассматривать.

— Белка-летяга, — сказал один и, подняв мне руку, указал на подмышку: — Здесь все спутано, как паутина.

— Зато настоящий, — огрызнулась художница. — Самый что ни на есть подлинный сидкот[6]. Но думаю, мы можем выкроить ей по размеру, чтобы не совсем потерялась фигура.

Моя решимость дала трещину. Я посмотрела в зеркало. Меня уже обесцветили и не по-дет-

---

[6] Сноски: 6

Летный костюм, названный так по имени разработчика Сидни Коттона. — *Прим. пер.*

ски обкорнали волосы под мальчика. В зеркале я увидела маленькую бледную головку над гигантским пухлым коричневым телом, похожим на гриб.

— Не волнуйся, — попыталась успокоить меня художница, — мы сделаем по фигуре.

— Плевать мне, — соврала я.

— Обещаю, — продолжила художница, будто не услышав. — Выглядеть будешь потрясающе.

* * *

Позвонила Шивон. Редвуд Файфер хочет, чтобы я пришла к нему на ланч. Вечно эти драные ланчи.

— Только мы вдвоем? — принялась раздумывать я, проинформировав ее, что не собираюсь ничего ему отсасывать. Моя карьера уже не зависела от бартерных сделок, включающих минет.

— Несколько необычно, но не знаю, в курсе ли он. По-моему, он настолько богат, что привык тусить, с кем хочет. Тебе следует счесть приглашение жестом расположения. Вроде приличный парень.

Там есть деньги, был подтекст.

Дом Редвуда отстоял от моего всего на две мили на запад по прямой, хотя бессмысленно мерить

расстояние по прямой на холмах, где улицы петляют и ломаются, как жидкий серпантин. Оставив М. Г., я поехала сама, решив, что притащить на ланч телохранителя будет вызовом. Нажала кнопку звонка на охранной будке Редвуда с двадцатиминутным опозданием, после чего по подъездной дорожке, повторяющей траекторию моллюска-наутилуса, проехала к приземистому дому, который весь состоял из острых углов и голого бетона, как бункер до ужаса крутого полководца. Редвуд ждал на бруталистском пороге в адидасовских сникерах, мятом рыжевато-коричневом льняном костюме с закатанными рукавами, надетом на футболку.

— Buenos días! — воскликнул он, когда я подошла к нему. — Вау, мне нравится ваша прическа. Très Мэриен. — Он уверенно развел руки для объятия. — Что нужно отвечать?

Чуть позже, чем нужно, заметив мои колебания, мою легкую обиду на его самоуверенность, он легко переключился на рукопожатие.

— Никогда не знаю, что тут отвечать. — Я пожала ему руку. — Вы используете слово «мило»? Ничего, если будет «мило»?

— Теперь, когда вы ткнули, я сам толком не знаю. Может, просто скажете, что хотите.

Он провел меня в огромную комнату, одна стена которой полностью открывалась в сад. Я и прежде видела подобные дома. С одного боку доты с бойницами, а с другого — сплошная открытость и невинность, впускающая целое небо, целую долину, словно коркой, покрытую городом. Гигантские стеклянные двери были вдвинуты в стены, так что Редвуду не приходилось иметь дело с таким неповоротливым и дезорганизующим сооружением, как окна.

— Ядрено, — сказала я. — Вот, пожалуй, что я отвечу.

Сегодня утром Августина использовала данное слово, описывая интонацию какого-то человека по связям с общественностью, и я испытала легкое волнение удовольствия.

— Но в каком значении?

— Во всех. Потому-то слово и хорошее. Все его значения перекликаются.

— Ах! Да. Понимаю. Острое блюдо, особенная женщина, свежий утренний воздух. Очень неплохо.

— А ваш вариант?

Он подумал:

— Я зайду с «может статься».

— Почему?

— Забавно и отражает неопределенность, являющуюся моим основным состоянием. Или так, или «быть может».

По комнате с низкими диванами и огромным плазменным экраном, мимо блестящего черного рояля мы прошли в патио. Четыре шезлонга стояли рядком у бассейна, за которым открывалась большая плоская плата Лос-Анджелеса, растворяющаяся в бледной дымке.

— Крутой дом, — сказала я.

— Спасибо. Снимаю, пока не решил, хочу ли переехать сюда. Здесь мне ничего не принадлежит. — Он посмотрел на нечеткий горизонт. — Я понимаю, насколько самоочевидно, но все же испытываю потребность заметить: распластавшаяся картина реально умопомрачительна. Особенно с воздуха. Вы смотрите в иллюминаторы, когда летаете?

— Временами.

— Можно увидеть невероятное. Например, однажды я летел в Европу, вышел пилот и сообщил, что слева как раз гаснет северное сияние. Так почти никто не потрудился поднять шторку! Какая-то ущербность, никто ни на что не смотрит.

— Я никогда не видела северное сияние.

— Но разве вы бы не посмотрели? Оно сума-

сшедшее. Полосы зеленого, точно как вы себе представляете, но гамма вынесла мне мозг, все меняется с бешеной скоростью, притом что изменений толком не видно. Однажды мне попалось стихотворение, где полярное сияние сравнивалось с луной, развесившей шелковое белье. А в другом называлось светом светлячков. Мне нравится.

Его серьезность выбила меня из колеи. Кто нынче говорит о поэзии?

— Я один раз была в пещере светлячков, — сказала я.

— Что значит пещера светлячков?

— То и значит. Пещера, где на потолке живут светлячки. Темно, хоть глаз выколи, а светлячки действительно кажутся звездами, хоть всего-навсего личинки. Там, куда я попала, текла вода — может, там и должна быть вода, не знаю, — светлячки отражались, и вас со всех сторон окружали точечки белого света.

— Что это? — спросил Алексей, когда мы плыли по пещере. — Может, мы умерли? И просто не знаем?

— Полагаю, мы ничего не знаем, — ответила я. — В принципе.

— Да, и хотим думать, что жизнь и смерть сме-

няют друг друга. Но тут здорово. Ужасно здорово.

Вся история, разумеется, была немыслима с самого начала, но, думая о нем, я все еще испытываю глупое чувство утраты. Кому-то нужна длительная влюбленность, которая потом становится настоящей любовью, а потом разочарованием и скукой. Мне выпало только холодное, внеземное свечение дня и вечер, когда я смотрела в лицо человека и говорила:

— Да, точно, я отлично тебя понимаю.

— Мне бы хотелось как-нибудь посмотреть, — отреагировал Редвуд на светлячков. — Пойдемте-ка на кухню. Мне кое-что еще нужно сделать, а потом поедим.

— Вы готовили?

— Салат. Я его собрал.

Большие раздвижные кухонные двери были открыты на патио; в беседке, увитой глицинией, он накрыл стол на двоих и взялся мешать соус.

— Простите, теперь до меня дошло. Я действительно не подумал, что мое приглашение может быть воспринято как свидание. Надеюсь, вы не испытываете неловкости. Я только хотел поболтать с вами без свидетелей.

— А если мы выпьем по бокалу вина, это будет воспринято как нечто большее, чем свидание,

или как нечто меньшее?

— Кому какая разница?

Он открыл дверь холодильника из нержавеющей стали, огромную, тяжелую, как у банковского сейфа, достал бутылку и налил два бокала. У него оказались неожиданно элегантные руки, с длинными, ловкими пальцами. Мы чокнулись.

— Будем здоровы. Вы ведь прочли книгу Мэриен, верно? Не разбивайте мне сердце, не говорите, что прочитали только сценарий.

— Конечно, прочла, — сказала я, как будто мне даже в голову не пришло ее не прочесть, как будто я читала все книги «Архангела», а не только первую, как на самом деле. — Я читала ее еще раньше, в детстве, в общем-то случайно. — Сообразив, что вползаю в разговор о родителях, я добавила: — Я прочла и книгу вашей мамы.

— И что вы думаете? — Прежде чем я успела ответить что-нибудь туманно-льстивое, Редвуд предупредил: — Я знаю, не самое лучшее из написанного человечеством. Думаю, я должен сказать. Не хочу, чтобы вы пришли к выводу, будто я считаю ее шедевром.

— Хорошо.

— Довольно уклончиво. Так что же?

Я посмотрела на него поверх края бокала:

— Так ничего же.

— Да ладно, скажите. Я не собираюсь оборонять мамину книгу. Она бы стала, честно вас предупреждаю, но я нет.

Я подозревала ловушку, но все-таки ответила. Мне показалось, сказала я, что голос книги, личность Мэриен, вылепленная его матерью, не вполне совпадает с голосом книги самой Мэриен, с ней самой, как-то так.

«Я знала только, что принадлежу небу, — писала Кэрол Файфер от лица Мэриен, — и знала это всегда».

И в следующей главе: «Я знала только, что ни один мужчина никогда не будет обладать мной, и знала это всегда».

А в своем журнале, сидя там, где сейчас Намибия, Мэриен писала: «Мне хотелось бы думать, я запомню эту особенную луну, видную сегодня ночью под особенным углом с этого балкона, но если забуду, то никогда не узнаю, что забыла, такова природа забвения. Я так много забыла — почти все виденное. Пережитое затопляет нас огромными волнами. Память — капелька, уловленная в бутылку, концентрированная, соленая, ничего общего не имеющая со свежим изобилием, от которого отделена».

По моему мнению, пытаясь попасть в Мэриен, начала я, Кэрол несколько промахнулась. В книге чувствуется желание, попытка заставить Мэриен стать чем-то — кем-то — более знакомым, более нормальным, чем на самом деле.

Редвуд покивал, почти печально: да, он меня понимает.

— Книга пытается прогнуть Мэриен, сделать ее более — ненавижу это слово — более внятной, но в конечном счете искажает.

— Именно.

Не раз, читая книгу Кэрол, я вспоминала наши с Оливером жизнеописания, написанные фанатами, ощущение кукольного домика, чей строитель схватил нас так крепко, что недолго и переломиться. «Я очень тебя любю».

Редвуд сильно выдохнул:

— У моей матери сильная тяга к порядку. Она не религиозна, но по-прежнему считает, будто все происходящее имеет причину. В разгар ядерной войны она скажет вам, что все будет хорошо. Она оптимистка, и прекрасно, но в ней, увы, не осталось ничего от реалиста. По-моему, она уже не помнит, какие фрагменты книги выдумала. В любом случае я принял решение поддержать ее. Захватите вино?

Он взял салат. Я вышла за ним на улицу.

— Кажется, вы близки.

— Она мой добрый родитель. Они с отцом развелись, когда мне было шесть, и мы с ней всегда держались как бы одной командой. Он уже умер.

— Мне жаль.

Мы сели. Редвуд положил матерчатые салфетки, поставил мисочку крупной соли с ложечкой и графин воды со льдом.

— Все нормально. Я его ненавидел, насколько можно вообще ненавидеть родителя.

— И все-таки мне жаль.

— Спасибо. Сейчас, когда мне не нужно с ним взаимодействовать, я ненавижу его меньше.

— Как все сложно.

— Не знаю. Иногда все просто.

Редвуд рассказал, что его отец, завюротделом одной химической компании, ответвления «Либерти ойл», проводил свои дни, отбивая иски заболевших раком рабочих, городов с отравленными грунтовыми водами, химиков, у которых украли открытия, экологических групп, переживающих за воздух, воду, лягушек и птиц. Затем, подав лишний пример случайной, внезапной смерти, из тех, что создают иллюзию космической справедливости, в сорок шесть лет упал

замертво в результате мозговой аневризмы.

— Мои родители погибли, когда мне было два, — сказала я. — Авария небольшого самолета.

— Я знаю. Интернет.

— Конечно.

— Мне тоже жаль.

— Все в порядке. Я их не знала.

— Поэтому-то мне и жаль.

— Похоже, мы выруливаем на базар про покойных родителей. Вау.

Он, жуя, улыбнулся, с прищуром, и что-то в его взгляде, что-то скептическое и веселое, навело меня на мысль, а вдруг он не такой уж и лох, как мы все решили.

— К светским разговорам перейдем за десертом. А кстати, трудно было отрезать все свои волосы?

В парикмахерской я смотрела в зеркало, как поджигатель смотрит на догорающий дом. Я провела рукой по голове:

— Облегчение. Я чувствую себя легче.

— Может, мне тоже постричься.

Я пригнула голову и внимательно на него посмотрела.

— Пока не надо. — Он улыбнулся. — Так если

вы — может статься — неопределенно относитесь к книге мамы, то почему просто не заказали братьям Дей адаптировать книгу Мэриен?

Он поморщился:

— Да в общем-то при прочих равных я бы так и сделал, но мне не хотелось ранить мамины чувства.

Мэриен — их общая страсть, сказал он. Кэрол читала ему в детстве журнал Мэриен. Отец подарил ей книгу, когда они еще встречались, и Редвуд не исключал, что она отчасти и вышла за него, влюбившись в образ Матильды Файфер, семейные связи, семейную легенду.

— Мне думается, она хотела стать частью истории. Ну, истории «Джозефины Этерны», Мэриен и всей ерунды про промышленных магнатов. Но та история закончилась, и она очутилась совсем в другой, не шибко величественной.

Братья Дей, по словам Редвуда, удивили его, так неожиданно загоревшись книгой матери. Перегруженные подробностями догадки дали им материал, с которым можно работать, подкручивая тональность. Редвуд представлял себе более концептуальный фильм (еще бы он не представлял), что-то о двойственности исчезновения, может быть, метафизический дубль Терренса Ма-

лика, но сценарий Деев крут и по-своему высоко концептуален. Слегка манерно.

— Точно, — закивала я. — Сто процентов.

Мне пришлось ему поверить, хотя его соображения не вполне ложились на мои.

Мы трудились над салатами. Редвуд спросил:

— Как идет работа? Вы уже знаете, как играть?

Я хотела пошутить, дескать, поставила пластмассовую лошадку в пластмассовую конюшню и улыбалась, как велено, но вдруг сказала:

— Я представляю себя другим человеком. Пока так.

— Я задавал вопрос сэру Хьюго, и он отвечал час.

Чертов Хьюго, так уверен, что все тащатся от его разглагольствований. И ведь в самом деле тащатся — голос, дым, виски, северный ветер. Попробуйте найти документальный фильм о природе, где Хьюго не был голосом за кадром. Попробуйте найти мультяшного злодея, которого он не озвучивал.

— Если я попытаюсь объяснить, то покажусь смешной, — пожала я плечами.

— Как я с северным сиянием.

— Как я с идиотскими светлячками.

Он легко коснулся своим бокалом моего:

— За тайну. За то, чтобы нам ее не разрушить.

ДВЕНАДЦАТОЕ

После ланча мы с Редвудом, пересев на шезлонги у бассейна, попивали вино, трепались о насельниках Голливуда, выкладывали свои лучшие анекдоты и на пробу отваживались на мелкие откровенности.

Абсолютно гладкая вода в бассейне на фоне крошечной, квадратной, кобальтово-синей плитки казалась густым желатином.

С Редвудом было не так, как с Алексеем, но я чувствовала нечто, какой-то вжик. Или треньк. Может, причиной *не* садиться на этот поезд стало отсутствие светлячков? А что, если у меня больше не будет светлячков? Стать монахиней и выйти замуж за воспоминания о коротком романе с женатым дяденькой? Вряд ли. Или глупо спать с деньгами? Или глупо с ними не спать?

Может, я хотела, чтобы он меня поцеловал. Тогда моя догадка, что он тоже хочет, подтвердилась бы. Может, я хотела, чтобы он влюбился в меня. Тогда я смогу решить, хочу ли сама влюбляться в него. Нас окружают люди, влюбляющиеся в мысль о том, что влюбились в них.

Все думают, надо иметь чувства любящих наличными.

— Как дела с Оливером? — спросил он, пряча глаза за солнечными очками.

— Ничего о нем не слышала.

— Ничего.

— Ну да.

— И что вы чувствуете?

— Пожалуй, меня удивляет, что он смог уйти, не наорав на меня. Большинство хочет, чтобы вы поприсутствовали при проявлении того, какую боль им причинили, но Оливер, судя по всему, нет. Может, ему было вообще не больно, а может, у него больше достоинства, чем я считала, не знаю. — Я изобразила на лице безэмоциональное раздумье. — А у вас? Какой-то особый человек?

— Вообще никого.

Гугля Редвуда, я прошлась по снимкам с водяными знаками, где он изображен на светских мероприятиях в компании красивых, серьезных с виду женщин.

— По-моему, я вам не верю.

— Но это правда.

Пауза.

— У меня один вопрос, — нарушила я молча-

ние.

— Валяйте.

— Зачем вам рояль?

— Он прилагался, но я играю. Отчасти из-за рояля я и выбрал дом.

— Сыграете для меня?

— Да.

— Большинство хотя бы ломается.

— Люблю похвастаться. Но оставайтесь здесь.

Не знаю, что он играл. Медленное и печальное. Ноты выплывали из открытой пасти его бункера и оседали на моей коже. Я смотрела на долину сквозь звуки, как сквозь дымку. Редвуд доиграл, и я опять стала собой.

— Могло быть и хуже, — улыбнулась я ему, но он услышал, что я сказала на самом деле.

— Мой гостевой трюк.

Я вспомнила, как Джонс Коэн снял у меня языком сережку и бриллианты свесились с его губ.

* * *

Вечером город затопил розовый свет. Я заявила, что хочу поплавать, имея в виду нагишом, но Редвуд ушел в дом и вернулся со сплошным купальником, от которого слабо пахло хлоркой. Я не спросила чей. Прохладная вода обожгла

обгоревшую на солнце кожу, побежали мурашки. Я прислонилась к кромке бесконечности, а Редвуд побрел ко мне, и розовый свет отражался в каплях на его бороде. Я решила, он собирается меня поцеловать, но он тоже налег на борт и, отвернувшись, стал смотреть в даль.

После наступления темноты, когда оранжевый город горел, как ровное маковое поле, и мы опять сидели на шезлонгах, обернувшись в полотенца, Редвуд спросил, не хочу ли я пожевать грибов.

Ну да, сказала я.

Он сходил в дом и вернулся с завернутой в фольгу плиткой шоколада.

— Мне дал друг сэра Хьюго. Понятия не имею, насколько они забористые.

— Если Руди, то, скорее всего, весьма забористые.

Мы съели по квадратику.

Редвуд встал:

— Выключу свет.

Он зашел в дом. Подсветка в бассейне, а потом и свет в доме погасли. Из дома опять донеслись звуки пианино, что-то диссонантное, рваное, сплошные дыры и синкопы. Не знаю, так и надо было или музыка настроилась на грибной лад. Розовато-сиреневый свет города пульсировал

в небе и на поверхности воды. Музыка начала собираться воедино, приобретать смысл, мне показалось, я могу притянуть ее к себе и сформировать в массу, которую можно потом запустить в долину ураганом.

Мэриен писала: «Мир постоянно раскручивается, его становится все больше. Прямой не хватает, круга тоже. Я смотрю вперед, там горизонт. Смотрю назад. Горизонт. Что осталось в прошлом, потеряно. И я уже потеряна для своего будущего».

Слушая Редвуда, я думала о том, что передатчиком музыки является время, и, если оно остановится, видимое останется без изменений, но музыка исчезнет — как волна без океана. Я хотела сказать ему это, но, когда он вернулся, меня отвлекла его аура — она стала серой и тонкой, как дым.

— Я вижу твою ауру, — сказала я.

— И на что похоже?

— На дым.

Город искрился и вращался, как галактика.

Его называют Город Ангелов, сказал Редвуд, но вообще-то переводится просто «ангелы». Однако какие ангелы?

Всевозможные, ответила я. Мне так кажется.

Действительно, интересно, сказал он. Мы творим нечто из ничего. Я решила, он о нас, и хотела заметить, таковы, дескать, все отношения, но тут он продолжил: ладно, не из ничего. Мэриен была настоящей, несомненно, но человеческие жизни не сохраняются, как окаменелости. Лучшее, на что мы можем надеяться, если время затвердеет вокруг памяти о ком-то, сохранив внутри пустоту.

Как-то так он выразился, и до меня дошло, что он о фильме, не о нас.

Кое-что можно узнать, продолжил Редвуд, но всегда будет мало, всей правды не будет никогда. Лучше сразу решить, какую историю ты хочешь рассказать, и рассказать ее.

По-моему, он говорил примерно так.

«Но с чего начинать? — спросила я. — Где начало?»

* * *

Он забыл ответить, а может быть, я задала вопрос только у себя в голове, и какой-то неизмеримый отрезок времени мы сидели и смотрели на панораму, думая всякие разности, а потом он спросил, что это.

— Ангелы, — ответила я.

— Знаю, но это что?

Из соседнего дома я услышала китайские колокольчики и сказала — колокольчики.

— А еще?

Мигая, пролетел вертолет. Вертолеты.

— А еще?

Китайские колокольчики и вертолеты. А еще машины с мощными двигателями, садовые пылесосы, мусоровозы, подхватывающие контейнеры с мусором и опускающие их обратно, будто стопки с текилой. А еще койоты, тявкающие, как хулиганы, бросившие зажженную петарду в почтовый ящик. И печальные голуби на проводах, исполняющие все тот же рифф из четырех нот. И постукивание крылышек колибри, и бесшумное плавное кружение грифов, и длинноногое вышагивание белых цапель по мелкой зеленой воде в бетонном русле, называемой рекой. И танцевальная музыка, грохочущая в темном помещении, полном людей, крутящих педали своих никуда не едущих велосипедов. И успокоительные гонги, омы, песни китов в тусклом святая святых спа-салонов. И песня нортеньо, вылетающая из проезжающего «Эль камино», и школьники, поющие «О, прекрасное просторное небо» в классе с откры-

тыми окнами, и дребезжащие удары из чьих-то наушников, мимо которых вы проходите по тротуару. И питбули, рявкающие за сеткой забора, и чихуа-хуа, лающие за дверями, и пудели, дремлющие на терракотовой плитке. И блендеры, комбайны, соковыжималки, шипящие стальные эспрессо-машины размером с подводную лодку и слишком разговорчивые официанты («Интересные планы на выходные?» «Что-то интересненькое в выходные?»), и вода, бесценная, она плещется в фонтанах, бассейнах, горячих ваннах, высоких стаканах в затененных патио, с журчанием льется из шлангов и бьет гейзером из лопнувших труб. А внизу рев машин, он всегда подобен океану, живущему в морских раковинах, как космический гул расширяющейся вселенной.

По крайней мере, я пыталась так сказать. Не знаю, получилось ли.

А он говорил что-то про пыльный, утомительный, жаркий Лос-Анджелес, сухой ветер, изводящий все нервы и гонящий огонь вверх по холмам зигзагообразными линиями, напоминающими слезы на бумаге, отделяющие нас от ада, про громоздящиеся облака смога, непрекращающийся солнечный свет, прохладный

океанический туман, всю ночь пластающийся по низине чистой, белой больничной простыней, а утром его убирают. Про месяц в небе, зеленом от синяков, после того как закат отдубасил его по полной. Про ленивую луну-гамак, поднимающуюся над линиями электропередач, над скелетообразными силуэтами столбов, над косматыми кипарисами и остроконечными, похожими на морских ершей черными кронами пальм, увенчивающими тощие стволы. Про великана, который придет, чтобы превратить город в щебень и поджечь этот щебень, но не сегодня, будем надеяться, не сегодня. Про напрашивающееся сравнение автострады с рубиновым браслетом подле бриллиантового, с потоком лавы, стекающим к реке, сотканной из пузырьков шампанского. Часто говорят, город «распластался»… Да, Лос-Анджелес — пьяная, хохочущая девка в платье со стразами, распластанная по равнинам, ноги задраны на каньоны, юбка расстелилась по холмам, она мерцает, вибрирует, ее щекочет свет. Не надо покупать звездную карту. Господи, не надо никуда ехать и пучить глаза, потому что вы уже здесь. Вы в нем. Он весь одна большая карта звезд.

По крайней мере, так я услышала.

А я, знаете, что сказала? В основном это обычные дома. Но если задуматься о домах, по-настоящему задуматься, они ведь такие непонятные. Коробки, где мы храним себя и свое добро, коробки в форме тюдоровских усадеб, шикарных цементных бункеров вроде твоего, в форме пижонских прозрачных космических кораблей, геодезических куполов и стройных застекленных шкафчиков. Лос-Анджелес — таинственные осыпающиеся старые сваи на вершине холма, асьенды, укутанные бугенвиллеями, бунгало ремесленников, лаконичные, как шпилька, маленькие глинобитные хижины с плоскими крышами и решетками на окнах, лачуги для серфинга, лачуги наркоманов, лачуги сварливых-стариков-не-имеющих-адвокатов, лачуги пачули, увешанные ритуальными флажками, их окна сквозь набивной индийский хлопок светятся красным, как будто внутри пульсирует сердце всего. Это палатки сгрудившихся под мостом бездомных, круглые глиняные гнезда ласточек высоко под мостом, виноградная лоза, свисающая с моста, как занавес из бисера. Мусор, гонимый горячим сухим ветром, гнездящийся под мезембриантемумом возле трассы. Дразнящий, прыгающий, извивающийся танец

с веерами, исполняемый водораспылительными установками. Это вжик-вжик секатора и плюх лимонов, падающих с перегруженных ветвей, — они лопаются и гниют на тротуаре, а над ними вьются пчелы. Мирно-голубая скользящая сетка для бассейна, которую с изяществом гондольера расстилает садовник в широкополой соломенной шляпе.

Это умирающая от жажды трава, высокие откосы, поросшие олеандром, стелющимся по середине автострады, цветущим, ядовитым, чертовски выносливым, отделяющим север от юга — лаву от шампанского. Это кактусы, юкки, алоэ, агавы и накапливающие воду суккуленты: синие меловые пальчики, голубой горизонт, королева ночи, ослиный хвост, пурпурный император, огненные палочки, паутинка-живучка, зебра-хавортия, огненный нефрит, призрак, сияние фламинго, нитка жемчуга, рисованная леди и подобные названия. Я хочу, чтобы Редвуд знал. (Хотя он опять серьезно спросил: все ангелы?) Он должен знать, что Лос-Анджелес — ветер пустыни, врывающийся в райский сад. Должен понять, что я пурпурный император, рисованная леди, а это значит: всё. такое. сочное.

Я сказала ему, и он ответил «да». Да, точно.

И мне показалось, я увидела, как из него, из ниоткуда исходит холодная точка света, вроде звезда, но не звезда.

Свадьба

Северная Атлантика
Октябрь 1931 г.
Через два месяца после возвращения Джейми из Сиэтла

Мэриен Маккуин, семнадцати лет от роду, недавно вышедшая замуж, стояла на корме океанического лайнера. Холод лееров пронизывал перчатки, сквозь мрачное небо просачивался свет. На медовый месяц Баркли повез ее в Шотландию. Ей было сказано, что она познакомится с окружением его отца, школьными друзьями, увидит замки и Высокогорье. Поездом они доехали от Миссулы до Нью-Йорка.

— Не понимаю, на что тут смотреть, — сказал Баркли где-то на равнинах, поскольку Мэриен не отрывалась от окна. — Ровным счетом ничего нет.

Вихрь поезда несся по золотой траве прерий, выталкивая в небо дроздов.

— Я все равно хочу это видеть, — ответила Мэриен.

Неделю они провели в Нью-Йорке, а затем

поднялись на корабль (пароходства «Канерд», не L&O), направляющийся в Ливерпуль. Там они опять сядут на поезд и поедут на север. Первые три дня сильно штормило, пассажирские палубы закрыли, оставив только застекленный прогулочный отсек, и Мэриен раздраженно вышагивала по нему, всматриваясь сквозь залитые дождем окна в меняющуюся, покрытую белыми барашками воду. Баркли свалила морская болезнь, но ее не затронуло. Мэриен быстро освоила хитрость, идя по коридору, крениться вместе с кораблем, раскачиваясь маятником из стороны в сторону. Остальные пассажиры пьяно шатались или цеплялись за ограждение, она же лишь легонько касалась стен кончиками пальцев.

— Превосходно, мадам! — заметил проходящий стюард. — У вас есть чувство моря.

В ее воображении отец гордился тем, что качка ей нипочем. В воображении она объясняла Эддисону, что привыкла, описывала фигуры пилотажа, когда аэроплан ощущается продолжением собственного тела, только более чутким, более слаженным, собственные конечности никогда так не смогут. Она может выписывать круги, делать петли и всегда точно знать, где находится. Этим он тоже гордился бы, думала

Мэриен. Она почувствовала что-то вроде жалости к себе. Как было бы здорово, если бы хоть кто-то ей гордился. Уоллес не способен. С Джейми они почти не разговаривают, а Калеб — кто вообще знает, о чем он думает? Баркли гордился женитьбой на ней, аэроплан же считал соперником.

Надраивая щеки, ее обдувала влажность. Насколько она понимала, ночью они пройдут недалеко от того места, где затонула «Джозефина», где она, Мэриен, вступила на путь, развернувшийся в одном направлении, затем в другом и который, наконец, свернув еще раз, привел ее в данную точку океана как супругу богатея, молодую жену преступника.

На ней была одежда, подобранная работницами «Генри Бендела». Она вытеснила ту, что после помолвки подобрали работницы «Меркентайла» в Миссуле и что заменила рубашки и брюки. Шелковое платье, чулки, туфельки на ремешке, клипсы из оникса и бриллиантов, дважды обернувшая шею нитка жемчуга, норковое манто и темно-синяя шляпка-колокол. Таких сокровищ у нее набралось три сундука. Баркли настаивал. Тяжесть обладания множеством элегантных и хрупких вещей, блестящих безделушек, не служивших никакой практической

цели, но которые нельзя ни забыть, ни потерять, ни сломать, давила на нее, как тормоз, замедляя движения. Она не привыкла к обуви, которую нельзя мочить, к тончайшим тканям, которые цеплялись или растягивались, если забыть, что все время нужно двигаться очень осторожно. Если бы сундуки сгорели синим пламенем, она бы испытала лишь облегчение, но, поскольку Баркли намного лучше разбирался в том, как должны выглядеть женщины, Мэриен подчинилась.

Волосы ей в гостинице «Плаза» стригла женщина, чья собственная прическа представляла собой чудо из острых углов и авиаторской прилизанности, как шлем Меркурия.

— Они уже такие короткие, не знаю, смогу ли я что-то сделать, — сказала она, перебирая бледную шевелюру Мэриен, но каким-то образом ей удалось соорудить из них нечто, что можно было принять за смелость и мальчишество.

Другая женщина научила ее красить лицо, продала набор компактной пудры с зеркальцами и охапку кисточек и карандашей. Кожу ей пудрили и румянили до тех пор, пока не исчезли веснушки; глаза обвели черным, губы накрасили красным. Когда она поймала свое отражение, у нее возникло то же жуткое чувство, что и в

заведении мисс Долли, как будто она смотрит на незнакомку, оказывающуюся ей самой.

А если бы, когда они встретились, Баркли решил просто соблазнить ее? Она бы не очень упиралась. Зачем весь этот цирк? Он испытывал необходимость надломить звериное притяжение между ними, приручить его, покорить. Однако после свадьбы Мэриен чувствовала в Маккуине какое-то запрятанное, неопределимое сожаление. Ему претило буйство, и одновременно он не мог примириться с его утратой.

В парикмахерской девушка, укладывавшая ей волосы, рассказала про вечеринку на Манхэттене, куда собиралась с братом и его друзьями. («Ну, в общем, из тех, что бывают каждый вечер».) На некой улице, объяснила она, находится некая стальная дверь, без ничего, кроме маленькой таблички, где написано «Вход воспрещен».

— Клуб, понимаешь? Вход воспрещен. Значит, вывеска на входе все-таки есть. Внутри все так роскошно, нужно только сказать пароль. Даже сейчас там вечно веселые толпы. Оркестр, танцы, коктейли, все такое. Я скажу тебе адрес. На этой неделе пароль, — она понизила голос, — «крыса». Не спрашивай меня почему и не волнуйся, их там нет. Уверяю тебя, такого шикарного места ты

еще не видела.

Мэриен не стала ей говорить, что действительно такого шикарного места она наверняка еще не видела.

— Здоровское платье, — сказала девушка. — Ты откуда?

— Я родилась в Нью-Йорке, — ответила Мэриен.

— Правда?

На добром круглом лице отразилось любопытство. Какое-то ужасное мгновение Мэриен казалось, парикмахерша сейчас обрушит на нее каскад дальнейших вопросов. А ей был известен только адрес дома, в котором она родилась, ей назвал его Уоллес. Баркли обещал, что, если останется время, они съездят туда на такси. Но девушка отреагировала искренне:

— Вот повезло. Я из Питсбурга, представляешь?

— Нет.

За ужином Мэриен предложила Баркли разведать, что такое «Вход воспрещен», только посмотреть.

— Такие злачные места везде одинаковы. Много разговоров, много выпивки.

Она подцепила кусок рыбы.

— Хорошо бы послушать музыку.

— Нам там делать нечего. Мы ведь не пьем.

Решение о том, что Мэриен после свадьбы будет трезвенницей, он принял, с ней не посоветовавшись; проснувшись как-то, она обнаружила, что правило уже действует. Она была бы не прочь попробовать коктейль в джаз-клубе, но спорить не хотелось. Мэриен и предположить не могла, как много ее поступков после свадьбы будет объясняться нежеланием спорить.

Тем вечером, когда она наведалась в хижину Калеба, а потом в бело-зеленом доме призналась Баркли в любви, он рассказал, что тихо, не афишируя, скупает долги Уоллеса, объединяя их. Он устал ее ждать, его вымотала длительная неизвестность. Узнав о визите Мэриен к Калебу, он чуть не рехнулся от ревности. К Уоллесу, ко всем должникам он испытывает одно отвращение; ему бы хотелось, чтобы кто-нибудь наказал его отца за мотовство и тупость. Он считал, что, посылая своих эмиссаров (своих головорезов, подумала Мэриен) сообщить Уоллесу о размере долга, служит делу справедливости. Сумма огромная, неоплатная. Отчаяние в цифрах.

— Я совершил ужасный поступок. Но ты заставила меня ждать слишком долго.

Когда Мэриен взорвалась после его признания,

он обезумел, начал твердить, что все переиграет. Она должна простить его, забыть, как он пытался стрясти деньги с ее дяди, поскольку все хорошо, он все сделает, все всегда будет хорошо. Долгов Уоллеса больше нет! Он их простил! Представь, этого никогда не было! Пожалуйста!

Она стремглав вылетела из бело-зеленого дома.

Дома прокралась по неосвещенной кухне, шикнув на собак. Она вдруг разозлилась на Джейми за то, что он уехал к своим летним приключениям, оставив на нее всю свору, хоть она почти не ухаживала за ней. В доме стояла тишина, но она ощущала присутствие Уоллеса, облако страдания. Мэриен прошла через гостиную, включила свет, тихо позвала дядю. Она нашла его наверху, в темной мастерской, он сидел в своем кресле, а рядом, на круглом столике, лежал пистолет. Когда она появилась на пороге, он схватил его и стал дико размахивать, будто прицеливаясь в пчелу.

— Не входи! — крикнул Уоллес.

Свет упал в мастерскую из коридора, осветив худосочную, как у богомола, фигуру, потрепанный халат, яркие, безумные глаза. Возле кресла стояла почти пустая бутылка. Мэриен ждала

чего-то подобного, но не пистолета, она не знала, что у Уоллеса есть пистолет.

— Все хорошо, Уоллес. Все в порядке. То, что сказали тебе эти люди, неправда. Не переживай.

— Ты не понимаешь. — Голос у Уоллеса треснул. — Слишком. Невозможно.

Он прижал курок к виску и начал хватать ртом воздух, как человек, который тонет.

— Уоллес, послушай меня. Твои долги оплачены. Их больше нет. Тебе не нужно из-за них беспокоиться. Я все уладила.

Он вроде бы даже не слышал. Перестал шумно дышать, а может, вообще дышать. Закрыл глаза. Беззвучно зашевелил губами.

— Уоллес, — повторила Мэриен. — Уоллес. Я их выплачу. Я их выплатила.

Он открыл глаза, кажется, сфокусировав на ней взгляд.

— Их нет, — повторила она. — Стерты.

— Все?

— Да, все. До единого.

Рука Уоллеса обмякла, упала на колени. Он, судя по всему, вообще забыл, что у него в руках оружие.

— Как это?

— Мне помогли. Забудь о них.

Уоллес положил пистолет на столик и скрючился, прикрыв глаза рукой.

— Кто?

Мэриен подошла к нему и взяла пистолет.

— Баркли.

Он кивнул. Слезы закапали в бороду. Мэриен пришло в голову, что, если бы он застрелился, она стала бы свободна.

Она не понимала, способен ли Уоллес ясно мыслить и осознать, что до того, как был совершен выкуп, именно Маккуин и выбивал из него долги.

Позже ночью приехал Баркли. Он нашел ее во флигеле. Она не может выйти замуж за человека, который такое творит, заявила Мэриен. Не может его любить. Она собиралась свободно прийти к нему, а теперь не может, никогда не сможет ничего к нему чувствовать. Она просит лишь время, чтобы выплатить все обратно. И ей плевать, если на это уйдет целая жизнь. Он пытался обнять ее, умолял, говорил, что сойдет с ума, что она сошла с ума. Мэриен не уступила, и Баркли в конце концов холодно сказал:

— Видишь ли, я купил твоего дядю, он больше не продается. Я не продам его ни тебе, ни кому-либо еще. Вопрос решен.

В ресторане отеля «Плаза» Баркли сделал вид, что удивлен:

— Твои представления о приятном времяпрепровождении связаны с ночным клубом? Не подумал бы. Ведь ты, по твоим словам, хочешь увидеть пустынные места, куда не ступала нога человека.

— Я не знаю, что мне нравится, — ответила Мэриен. — Я никогда нигде не была.

Утром они поехали на такси к дому, где она родилась, в тихий, мрачноватый квартал. Выложенный плоским кирпичом фасад не вызвал у нее никаких чувств, уж точно никакого озарения. На веранде прилегающего дома сидел тощий человек в кепке и плаще. Когда Мэриен окликнула его, он торопливо вскочил, заполнив окно худым лицом и жадными глазами.

— Вы знаете, кто здесь живет? — спросила она.

— Это пансион, мэм. Очень неплохо, если вы можете себе позволить. Но не для меня. Я не оплачу даже завтрак, увы.

Мэриен начала извиняться, но уже подошел Баркли и, бросив человеку монету, сказал шоферу:

— Поехали.

Мэриен смотрела в заднее стекло на удаляю-

щийся кирпичный дом, на высокого человека, подкидывающего монетку.

* * *

Поскольку корабль не мог ничего предложить и большинство людей предпочли (или были вынуждены) пережидать шторм в кровати, Мэриен оказалась в блистательном одиночестве. Утром она пила кофе под янтарными застекленными потолками в одном салоне, потом читала в другом, с решетками в китайском стиле. Когда официант предлагал ей шампанское («Подарок, мадам!»), она брала, потом заказывала второе и, может быть, третье, рассчитывая на то, что Баркли слишком плохо и он не заметит нарушения запрета на выпивку. Корабль давил снизу, затем резко уходил в сторону. Время от времени слышался грохот или длинное стальное тело судна куда-то ввинчивалось, тряслось, будто ехало по ухабистой, как стиральная доска, дороге. По ночам Баркли стонал и ругался, Мэриен же без усилий впадала в забвение. По утрам Баркли ясно давал понять, что считает ее мирный сон эгоизмом и предательством.

— Тогда лучше останься здесь и отдохни еще, — говорила она и уходила к своему кофе, своей

книге.

На четвертое утро море более-менее успокоилось, хотя облака по-прежнему лежали низко. Днем, чтобы сбагрить Баркли, несколько оправившегося от морской болезни, но не от уязвленного самолюбия, Мэриен пристроилась в женском салоне. Прихватив ручку и несколько листов корабельной бумаги, она собралась написать Джейми. «Дорогой Джейми», — вывела она и замерла. Мэриен никогда не писала брату писем. В этом не было нужды.

Вернувшись наконец в Миссулу, он показался старше, отчего-то грустным, однако стал увереннее, крепче. Как-то в конце августа Джейми появился на аэродроме, прямо с поезда. Когда они на ее машине ехали домой, он рассказал, что добрался до Сиэтла, рисовал в парке портреты, нашел работу в богатой семье.

— И я встретил девушку. У них я и работал.

— О! И что?

— В общем, мы не понимаем друг друга.

— В каком смысле?

— Ну, слишком разные. Не важно. Наверно, просто детская любовь.

Мэриен мрачно улыбнулась. Джейми еще не знал о ее помолвке.

— Я рада, что ты вернулся.

Уоллес, завернувшись в одеяло, сидел на веранде. Перво-наперво Джейми поздоровался с собаками, но Мэриен заметила его потрясение, когда Уоллес встал и нетвердой походкой подошел к нему.

— Ты болен, Уоллес. Так похудел.

— Болен. Но я сам во всем виноват. Слишком долго и слишком много пил, Джейми. Я много делов натворил, но Мэриен и мистер Маккуин нашли врача, который мне поможет. Я скоро еду в Денвер, побуду там.

Джейми напрягся:

— А при чем тут Баркли Маккуин?

— Ты не сказала ему, — повернулся Уоллес к Мэриен.

— Не сказала мне что?

Мэриен не шли слова.

— Твоя сестра выходит замуж.

Джейми посмотрел на Мэриен:

— За Баркли Маккуина?

Мэриен вздернула подбородок:

— Представь себе, угадал.

— Зачем? Что он тебе купил?

Она развернулась и, хлопнув дверью, ушла во флигель.

Через некоторое время Джейми постучался:

— У тебя есть что-нибудь выпить?

— Виски или джин?

— Виски.

Мэриен взяла с серванта бутылку, налила два стакана.

— Настоящий, — заметил он. — Нелегко достать.

— Я летаю в Канаду для Баркли.

— Он не прочь, чтобы тебя арестовали, рад слышать.

— Скорее он не прочь, чтобы я вообще не летала.

— Зачем тогда он купил тебе аэроплан?

— Затем, что знал, что мне хочется.

Они помолчали, Джейми сидел в кресле, Мэриен на кровати. Джейми спросил:

— Ты выходишь замуж за Баркли, потому что он расплатился с долгами Уоллеса? Уоллес мне сам сказал.

Мэриен ждала вопроса и все же взбесилась. Что тут ответить? Что ее переиграли, чем окончательно вымотали? Что Баркли исполнен большей решимости жениться на ней, чем она — не выходить за него замуж? Что не оставалось ничего, кроме как идти дальше?

— Не только, — буркнула она.

— Мэриен. — Джейми наклонился, уперев локти в колени, и пристально посмотрел на нее. — Никакие деньги не стоят брака с таким человеком. Мы выкрутимся. Должен быть способ.

Она смотрела на Джейми и видела себя в мужском обличье. Он уверен, что все можно исправить, верит, что всегда будут возникать новые возможности.

— Другого способа нет. Поверь мне.

— Есть. Должен быть. Непереносимо видеть, как легко ты сдаешься.

Легко. Раздражение усилилось.

— Ты ничего не знаешь.

— Тогда расскажи. Расскажи мне все, и мы найдем решение.

Как бы она хотела, чтобы имелось решение. Медленно и ясно выговаривая каждое слово, Мэриен ответила:

— Уоллес говорил тебе, сколько он задолжал? Мы могли бы продать дом, продать все, и все-таки нам не хватило бы денег оплатить его долги, и нет никакой возможности оплатить их хоть когда-нибудь.

— Поэтому ты продаешь себя.

Она так устала. Голос не слушался, как будто

она засыпала.

— Сделка крупнее. Меня за Уоллеса. И за тебя. Если бы я отказалась от Уоллеса, следующим стал бы ты. Он не собирался сдаваться. Не исключаю, что один из вас скажет мне потом спасибо.

— Никто не просит тебя становиться мученицей, Мэриен. Безумие.

— Все, чего он хочет, чтобы я его любила. И будет счастлив, если поверит.

— Ты сама-то веришь?

— Приходится.

— Ты полагаешь, что сможешь всю оставшуюся жизнь делать вид, будто любишь его?

— Я любила его. Наверное, смогу опять полюбить, несмотря ни на что.

— Но как?

— Не важно. Скажу, что люблю. Он хочет верить.

— Нет. Нет! У такого человека не может быть границ. Ему всегда будет мало. Он всегда будет хотеть от тебя больше. — Что-то сошлось у Джейми, какая-то мысль, решение. — Он должен сесть. Вот ответ. Всем известно, чем он занимается. Где-то наверняка есть юрист, которого он еще не купил.

— Пожалуйста, оставь. — Она испугалась, что Джейми предпримет какие-нибудь беспомощные

попытки отстоять ее честь. — Прошу тебя. Будет только хуже.

Джейми вспыхнул, глаза сверкнули:

— Ты считаешь, он опасен. Понимаю. Ты его боишься. Это не любовь.

Она чувствовала в теле свинцовую тяжесть, слишком сильную, чтобы спорить дальше. Говорить больше не о чем, заявила она брату.

Джейми на свадьбу не пошел, а Уоллес уже уехал в Денвер просыхать. Мэриен и Баркли стояли перед судьей в администрации Калиспелла, свидетелями были Сэдлер и сестра Баркли Кейт. Сфотографировались на ступенях, порывистый ветер гонял под ногами листья. Пообедали в ресторане, а потом Сэдлер отвез их в Миссулу, чтобы они успели на поезд, идущий на восток.

* * *

На четвертый вечер Баркли нашел в себе силы спуститься в ресторан. Вместо сигары после ужина он присоединился к Мэриен для короткой прогулки по палубе и, держа ее за руку, заставил идти по внутренней стороне, подальше от лееров, как будто шаталась она. За кораблем бушевала тьма, абсолютная пустота.

— Неприятно думать, что можешь туда

упасть, — сказал Баркли.

— Похоже на полет в облаках ночью. Иногда кажется, будто ты вообще не существуешь.

— Кошмар.

— Или свобода. Понимаешь, как мало ты значишь.

Он обнял ее одной рукой.

— Ты много значишь.

— Да не очень. Никто много не значит.

Они шли под длинным рядом спасательных лодок, подвешенных на шлюпбалках, над головой плыла вереница килей.

— Мы должны быть недалеко от того места, где затонула «Джозефина», — вырвалось у Мэриен.

— Не хочу об этом думать.

— А я иногда думаю о том, какой стала бы моя жизнь, если бы я знала родителей. Уоллес както сказал, ну или дал понять, что они не были счастливы друг с другом. Поженились в спешке. — Хотя кто она такая, чтобы судить о том, почему поженились другие люди? Может, ее родители прекрасно знали, что будут несчастны, и тем не менее соединились по давно забытым причинам. — Мы с Джейми выросли бы в том доме в Нью-Йорке. Я могу себе такое представить. Изменишь одно, изменишь все.

— Ужасно, — Баркли поцеловал ее перчатку, — поскольку тогда я не встретил бы тебя.

А как сложилась бы жизнь Уоллеса, если бы на него не взвалили детей? До отъезда из Нью-Йорка она звонила врачу в Денвер по междугородней связи. Уоллес, кажется, серьезно отнесся к лечению, хотя дело шло нелегко, особенно на первой стадии. Голос его в телефоне дрожал, но говорил он ясно. Он начинает надеяться, что опять сможет писать.

— Интересно, выучилась ли бы я тогда летать? — спросила она Баркли, когда они дошли до кормы.

— Уверен.

— Почему?

— Ты родилась, чтобы летать.

Мэриен с удивлением всмотрелась в затененное лицо над тусклой белизной манишки. Хотела сказать, она тоже так думает, но Баркли ее опередил:

— То же самое я подумал, когда увидел тебя. Ты родилась, чтобы быть со мной.

Он усердно отбирал крохи, клочки их жизней, вплетая в историю, которую возводил вокруг; так птица строит гнездо, так пленник строит темницу. Но когда Баркли склонился к ней, ее

тело ответило, как всегда. Хоть это. Она крепко держала его, выставив щитом против давившей на корабль пустоты.

Эдинбург, Шотландия
Ноябрь 1931 г.
Месяц спустя

Умная головоломка города, собранного из домов бледного, покрытого сажей камня. Гуляя, Мэриен часто оказывалась выше или ниже цели, поскольку мощеные улицы образовывали сложную решетку, врезавшуюся в крутые подъемы и спуски тайного рельефа местности, где можно передвигаться только по туннелям, узким проходам, мостам и крутым укромным лестницам. Появлялось и исчезало море. Спящим драконом на верху главной улицы свернулся замок, а на другом конце города обнажился массив грубого камня, скалы Солсбери, взметнувшиеся выше всех шпилей, куполов и каминных труб, будто первобытный упрек человеческим амбициям.

Много дней — почти сплошь — стояла беспробудная серость, но по вечерам на землю иногда падал холодный, ясный желтый свет, наводя непереносимую резкость на каждый камень, каждую плиту, каждый колпак над дымовой трубой. Один из знакомых Баркли заметил, что

город похож на поношенный смокинг. Сравнение не показалось Мэриен удачным. Да, Эдинбург одновременно элегантен и потрепан, но слишком прочный, слишком древний, чтобы его сравнивать с одеждой, слишком тесаный, тяжелый. Миссула в сравнении с ним казалась индейским лагерем, который можно свернуть, забросить за спину и унести.

Уходя по делам, Баркли часто оставлял ее на день одну. К своему стыду, Мэриен обнаружила, что она вовсе не такой отважный путешественник, каким себя считала. Она боялась любопытных взглядов, боялась совершить какое-нибудь фо па, не понять шотландский и в основном, ни с кем не заговаривая, бродила по улицам или читала в гостиничной библиотеке. Без Баркли она робела, но с ним чувствовала себя задавленной, как в толпе. Чем и когда им заниматься, решал он. Он заказывал блюда в ресторанах, не спрашивая, чего ей хочется. Они отправились в горы, в холодный дом на краю черного озера, навестить его друзей, и за длинным, освещенным свечами столом в пещерообразной комнате, где рогами ощетинились стены, Баркли стал своим незнакомым двойником. Он свободно чувствовал себя в строгой одежде, оказался спо-

собен любезно болтать про охоту и земельные права. Переменчивость сбивала Мэриен с толку. Кто же он, этот человек? С самой свадьбы ей было холодно, как кролику в тени ястреба, она не знала, как быть, раздираемая ненавистью из-за Уоллеса и желанием любить из-за себя.

Как-то утром, проведя почти полчаса за изучением расписания поездов на вокзале Уэверли и собравшись с духом, она одна села на поезд и поехала в Глазго. Если Эдинбург — поношенный смокинг, то Глазго — смокинг, изгвазданный трубочистом. Она шла по берегу Клайда, пытаясь отыскать верфь, где строили «Джозефину», но день выдался холодный, туманный, а она не знала, куда идти. Бедные кварталы у воды, людские глаза, подолгу смотревшие на ее красивое манто, блестящую сумочку, произвели на нее жутковатое впечатление. В старой одежде она бы не дрогнула, однако норка, сумочка, изящные, щелкающие каблучками туфельки кричали о ее богатстве и беспомощности.

На обратном пути Мэриен смаргивала слезы горечи. Вот она, далеко от Миссулы, наконец-то в настоящем путешествии, и тем не менее как никогда ограничена в своих возможностях. Массив Британии на юге, еще больший массив

Европы под ним — так близко, всего за горизонтом. А она вообще никуда не может поехать.

Эдинбург,
13 ноября 1931 г.

Дорогой Джейми!

Я хотела написать тебе с корабля, хоть и не могла отправить письмо, разве только в бутылке. У меня нет оправданий, что не писала раньше, поскольку уже почти месяц, как мы прибыли в Эдинбург. Я никогда не писала тебе писем, ты знаешь? В этом не было необходимости.

Я хотела сказать, мне больно оттого, что у нас испортились отношения. Помню, как ты призывал меня быть с Баркли осторожнее, а я не слушала. Или недостаточно слушала. Думала, справлюсь.

К тому времени, как ты вернулся из Сиэтла, оставалось только уступить – прошу, поверь мне. Это не значит, что других решений вообще не было, раньше они были, но я их не видела или отбрасывала. Меня ослепило желание летать, и, может быть, кое-что станет яснее, если я при-

знаюсь: меня тянуло к Баркли, всегда, с самого начала. Такое притяжение, наверное, оправдывает многое. Может быть, ты меня поймешь. Ты толком так и не рассказал о девушке из Сиэтла. Я бы хотела поговорить с тобой как следует. Знаю, я всегда пытаюсь оказаться в центре внимания, и, боюсь, опять выскочила.

В любом случае свершилось. Я жена. Говорят, девушки мечтают выйти замуж, но положение жены страшно похоже на поражение, выряженное победой. Когда мы выходим замуж, нас поздравляют, но потом нам приходится уступить всю территорию и подчиниться новой власти, как побежденный народ. Главная опасность сейчас в том, что Баркли опять добьется своего – он хочет ребенка, а как раз ребенок пугает меня больше всего. Страшная западня. Я с трудом представляю, сказала я ему, что у меня когда-нибудь будет ребенок, и уж точно не сейчас. Я думала, он поймет, но… Нет, он понял. Но ему плевать, вот в чем дело. Он хочет заманить меня в западню. Ты сейчас один в доме Уоллеса, странно. Ездишь ли

ты на «Форде»? Видишь ли Калеба? Рисуешь ли? Что слышно о Уоллесе? Если увидишь мистера Стэнли, передашь ему от меня привет?

По крайней мере, в гостинице есть библиотека. Располагая всем временем, что было моим, когда я читала, я опять чувствую себя ребенком. У меня ведь в жизни было так много времени для себя. Но, Джейми, я никогда прежде не чувствовала себя одинокой, поскольку мы никогда не ссорились. Стыдно признаться, я не осознавала, насколько ты мне опора. У меня такое чувство, будто я потеряла одно крыло и стала бесполезным комком мусора, который падает вниз. Надеюсь, ты ответишь мне и скажешь, что в порядке, хоть я и не могу тебя видеть.

Сейчас я выйду и сама отправлю письмо, чтобы Баркли его не перехватил. Жена не может иметь надежды на приватность.

Сестра шлет любовь.

Твоя Мэриен.

P. S. Мы пробудем здесь еще три недели,

так что, если мое письмо не задержится в пути и ты быстро на него ответишь – а если я когда-либо тебя о чем-то просила, так именно об этом, – у меня есть серьезный шанс получить твой ответ до того, как мы двинемся в обратный путь.

Миссула,
1 декабря 1931 г.

Дорогая Мэриен!

Выбираю легкий путь и сначала отвечаю на вопросы. Я не ездил на машине, но, получив твое письмо, решил, что теперь буду ездить. Большое спасибо. Приятная перемена после дряхлого старика Фидлера или моего велосипеда. Ты спрашиваешь про Калеба. Я вижу его, как можно видеть волка в лесу – очень редко и с некоторым испугом. Он заходил на прошлой неделе, мы выпивали и слушали граммофон Уоллеса. Он не изменился, хотя, по-моему, чуть слишком играет роль человека гор, чего ожидают от него клиенты. К сожалению, Джильда совсем плоха. Я спросил, может ли он отправить ее к врачу в Денвер, но Калеб

сказал, что она ни за что не поедет, и, думаю, он прав. По крайней мере, она перестала водить мужчин, поскольку Калеб дает ей много денег на выпивку.

Ты спрашиваешь, рисую ли я. Да, рисую. Попробовал маслом, хотя, если честно, основное время уходит на хандру. Может, что-то такое в доме, он превращает людей в нытиков. Девушка из Сиэтла – у меня не хватит терпения записать историю целиком, а у тебя, полагаю, не хватит терпения прочесть. Могу только сказать, я надеялся, она не будет занимать все мои мысли так долго. Я понял, мы любим не человека, а свое представление о жизни с ним. А потом остается грустить и о том и о другом. Я всегда думал, что поступлю в университет, а затем пойду в Службу охраны леса, но сейчас мне трудно представить себя там. После того как я навоображал жизнь с Сарой, прежние мысли кажутся убожеством. Мне ее не хватает, но вместе с тем я испытываю странную, мстительную потребность показать ей, хотя что именно, не знаю. Наверное, мне хочется, чтобы

она пожалела, чтобы страдала, как я, и одновременно хочется быть человеком, который оградил бы ее от всех невзгод. Разве логично?

Калеб говорит: «Дай время», – хотя больше-то я все равно сейчас ничего не могу.

У Уоллеса дела, судя по всему, неплохо. Об этом говорят его письма и врач, хотя, по-моему, он еще нестабилен. Я звонил туда на прошлой неделе. Он будто выжат и высушен, как гриб, и теперь восстанавливается притоком свежей жизни. Уоллес сказал, теперь, когда он не пьет, мир кажется ему слишком ясным, слишком ярким, как солнце или снег. И еще он опять начал писать. Я поинтересовался, где он взял денег, но врач пояснил, что «покровитель» оставил дополнительный взнос именно для работы. Я никогда не смогу простить Баркли, но признаю доброе дело. Уоллес, кстати, чувствует себя очень виноватым, он плакал в телефон, у него такое чувство, будто он тебя продал. Никто никого не продавал, заверил я его.

Прости мои слова. Странное (и слабое)

утешение слышать о притяжении между тобой и Баркли. После своего крошечного злосчастного романа я в состоянии понять, что притяжение может завести нас бог знает куда.

Но если ты не хочешь ребенка, то должна сделать все возможное, чтобы его избежать. Я тут небольшой знаток, но думаю, ты была права, когда использовала в письме слово «западня». Я знаю, ты веришь, будто Баркли по-своему любит тебя, но еще он пытается сломать тебя. Может быть, для него это одно и то же. От того, что уже случилось, не уйти, не обратить вспять, но, если у тебя появится ребенок, вряд ли ты найдешь в себе силы оставить его, как оставили нас. Надеюсь, когда-нибудь ты уйдешь от Баркли и найдешь дорогу к собственной жизни. Пожалуйста, Мэриен, не сдавайся. Не знаю, полезен ли я в качестве крыла, но всегда помогу тебе всем, что в моих силах, если ты попросишь. И даже если не попросишь, я буду стараться как могу.

Твой
Джейми.

* * *

Человек за стойкой администратора эдинбургской гостиницы, которую недавно покинули мистер и миссис Маккуин, увидев письмо, вздохнул и обратился в службу пересылки, откуда оно вместе с другой корреспонденцией было отправлено в Америку на адрес мистера Баркли Маккуина.

Монтана
Декабрь 1931 г. — январь 1932 г.

Сэдлер встретил Мэриен и Баркли у вокзала Калиспелла в элегантном черном «Пирс-эрроу».

— Долгий путь. — Он открыл черную дверь Мэриен, не потрудившейся ответить.

Другой человек, салиши, работавший в Бэннокберне, ехал сзади на грузовике с багажом. В дороге Мэриен спала, выказывая нарочитое равнодушие к мужскому разговору, к той минуте, когда впервые увидит свой новый дом. Баркли пришлось растолкать ее. Когда она увидела снег, горы, квадратный, покрытый шифером, предста-

вительный, симметричный дом из серого камня, ей на секунду показалось, что она опять в шотландском Высокогорье.

Мать с дочерью Кейт стояли на крыльце, по обе стороны которого красовались две огромные каменные урны. Кейт, в сапогах для верховой езды, коротком тулупе и широкополой шляпе, пожала Мэриен руку. На свадьбе она сказала:

— Я не смогла его отговорить. Хоть и пыталась.

— Я тоже, — ответила тогда Мэриен.

Кейт нахмурилась:

— Не сомневаюсь.

На матери Баркли — матушке Маккуин, как она желала, чтобы ее называли, — было коричневое платье и тяжелая шаль. Серебряный крест свисал почти до пояса. Седые волосы уложены в пучок из двух толстых кос, лицо в длинных, тонких морщинах. Она удивила Мэриен, обняв ее и похлопав по спине, как будто ободряя ребенка.

— Тебе здесь очень рады, — тихо пробормотала мать Баркли со странной смесью акцентов — французского и салиши.

Мэриен оказалась не готова к такому теплому приему, вообще к теплу. Баркли редко говорил о матери. Интересно, подумала она, а помнит ли матушка Маккуин, как ее, невесту, взял под кры-

ло отец Баркли, окружив своим богатством и белым цветом кожи.

Матушка Маккуин взяла ее руки, заглянула в лицо:

— Ты чудо.

Баркли мягко отстранил их друг от друга:

— Заходи, Мэриен.

И началась жизнь в качестве жены.

Мэриен оказалось трудно придумать, как быть полезной. На ранчо имелась взлетно-посадочная полоса, но «Стирман» находился в Миссуле. Она спросила, можно ли ей съездить туда и перегнать аэроплан, однако Баркли отделался туманными увещаниями, что нужно, мол, устроиться, найти свое место, порадоваться положению новобрачной. Мэриен велела себе подождать, не унывать, и, может, в конечном счете он ослабит бдительность. По крайней мере, на ранчо ей не надо носить шелковые платья.

Уборкой и стиркой занималась девушка салиши, одна из множества воспитанниц монастырской школы, как и матушка Маккуин, где франкоязычные монахини напирали на хозяйственные навыки и наиболее пугающие библейские цитаты, а заодно пытались выбить из воспитанниц туземность. Матушка Маккуин

вынесла из школы набор путаных верований, частично собственного сочинения, которые, по словам Баркли, восхищали и одновременно сводили с ума его отца. Она считала жизнь непрерывным ураганом божественного гнева и небесного милосердия, где людей сносит то в одну, то в другую сторону сталкивающимися друг с другом порывами метафизического ветра, оседланными ангелами и демонами, похожими на летучих мышей.

На кухне работала пожилая шотландка. Целая армия мужчин занималась коровами, ухаживала за лошадьми и чинила ограды. С ними трудилась и Кейт, но все попытки Мэриен помочь отвергались. У нее создалось впечатление, что Баркли запретил давать ей работу, оставив лишь возможность бесцельно слоняться по ранчо. Она подозревала, он пытается свести ее с ума от скуки, чтобы она захотела ребенка.

— Что ты сегодня будешь делать? — спросила она Кейт как-то утром, придумав, как столкнуться с ней, когда та будет ехать верхом.

Кейт раскраснелась от мороза.

— Ограду чинить.

— Могу подсобить.

— Нет, мы просто хотим закончить.

И она ускакала. Удары копыт приглушал снег.

* * *

Сразу после Нового года из эдинбургской гостиницы пришел пакет с опоздавшей почтой.

В спальне Баркли дрожащим, бешеным голосом вслух прочитал письмо Джейми: «Надеюсь, когда-нибудь ты уйдешь от Баркли и найдешь дорогу к собственной жизни. Пожалуйста, Мэриен, не сдавайся». Он замахал листом перед ее носом:

— Дерьмо собачье. Дерьмо собачье, которое всюду сует свой нос.

— Я говорила тебе, что не хочу ребенка.

— Ты несерьезно.

— Серьезно. Что мне сказать, чтобы ты поверил? Я знаю свои мысли.

— А тебе плевать, чего хочу я?

— А ты хочешь, чтобы я стала несчастна?

— Не будешь. Вот увидишь, ты полюбишь ребенка. И потом, твой долг дать мне детей. Ты моя жена. Разве выполненный долг не принесет тебе счастье?

— Никогда. — Она повысила голос: — Никогда в жизни.

Он зажал ей рот рукой. В доме находились Кейт и его мать. Где-то тут же была еще и девушка

салиши, а на кухне работала кухарка.

— Я мог бы заставить тебя.

Они в ярости смотрели друг на друга. Мэриен оттолкнула его руку.

— Ты не можешь меня заставить, — тихо, но со всей силой, какую могла собрать, сказала она.

— Я могу отнять у тебя… — Большим и указательным пальцами он изобразил кольцо. — Твою штуку. Я имею право.

Она вспомнила рассказы девушек мисс Долли о миссис Ву: чуток перебор марафета, чуток поскрести — и решила, что, если будет нужно, пойдет в Миссулу, через горы.

— Ты не можешь меня заставить, — повторила она. — Я найду способ.

На лице у Баркли отразилось беспокойство, затем отвращение.

— Ты кто? — спросил он совсем иначе, чем спрашивал раньше.

— Та, кем была всегда.

Он покачал головой:

— Нет. Ты изменилась.

— Это ты меня изменил. И пусть тебе будет стыдно.

* * *

Перед самым рассветом гудок машины. Слабый, но настойчивый, потом все громче. В сон Мэриен ворвалась не столько громкость, сколько неуместность. В ночной рубашке она подошла к окну. В ранних сумерках по длинной дороге ранчо петлял «Пирс-эрроу». Гудок то непрерывно длился несколько секунд, то коротко блеял.

Внизу, на пороге, уже ждала одетая Кейт.

— Что случилось? — спросила Мэриен, завязывая пояс шерстяного халата. — Зачем он гудит?

Машина подъехала ближе, и Мэриен не поняла, остановится Баркли или помчится дальше.

— Наверное, пьяный, — сказала Кейт.

— Он не пьет.

— Нечасто.

— Никогда! — Поскольку Кейт не ответила, Мэриен слабо добавила: — Он говорил мне, что вообще не пьет.

Машина свернула на место стоянки. Еще прежде, чем Баркли открыл дверь, Мэриен услышала, как он мычит имя сестры:

— Кейт! Кейт! — Баркли шатаясь вышел из машины. — Кейт!

Та прошла ему навстречу, и он накренился,

чтобы обнять ее. От веса сестру шатнуло. Шляпа Баркли куда-то подевалась, волосы были всклокочены.

— Кейт! — опять позвал он глухим голосом.

Баркли навалился на сестру, и та провела его по лестнице. Проходя мимо, он уставился на Мэриен и, дохнув на нее перегаром, открыл рот, будто собираясь что-то сказать. Баркли имел вид даже не обычного пьяницы, а человека, обезумевшего от страшных мучений. Матушка Маккуин вязала возле большого каменного камина. Не замедляя работы, она метнула в Мэриен жесткий взгляд:

— Это дьявол его скрутил.

— Он сам себя скрутил, — сказала Кейт, ведя Баркли от лестницы, в глубь дома.

Мэриен шла следом.

— Куда ты его?

— В гостевую комнату. Спать.

— Но он должен спать в нашей комнате.

— Нет, так лучше. Ему будет плохо. Мне проще, если он ляжет внизу.

— Я могу о нем позаботиться.

Баркли повесил голову на плечо Кейт и мутно посмотрел на Мэриен.

— Ты вдруг решила о нем позаботиться? —

спросила Кейт. — Удачный выбрала момент.

— Он мой муж.

— Тогда милости просим. Помоги мне его втащить.

Подхватив Баркли с обеих сторон, они поднялись наверх. На лестничной площадке запыхавшаяся Кейт сказала:

— Никогда не слышала, чтобы ты называла его своим мужем.

— Но он им является.

Мэриен уже пожалела о приступе собственничества. От мужа воняло. Он спотыкался о собственные ноги. Ей надо было оставить его преть внизу под надзором сестры. Но женщины завели Баркли в спальню и свалили на кровать лицом вниз, ноги свесились.

— И он так ехал от Калиспелла?

— Откуда угодно.

— Чудо, что доехал.

— Он всегда доезжает домой.

Кейт потянула шнурки грязного ботинка Баркли. Мэриен сняла второй.

— Такое бывало раньше?

— Может, раз в год. Вечно одно и то же. Наверное, ему как-то удается, чтобы пойло валило его только на нашей дороге.

Мэриен поняла, почему Кейт была уже одета и на улице.

— Ты знала, что он приедет пьяный.

— Предполагала. Раньше я по дурости ждала всю ночь, а он являлся свежий, как утренний цветок. — Она поймала взгляд Мэриен: — От шлюх.

— Если ты пытаешься меня шокировать, вспомни, что мы с ним познакомились в борделе.

— Да неужто я забыла? В таком случае, думаешь, справишься, разденешь его? Скоро ему станет плохо. Тебе что-нибудь нужно. — У камина она взяла жестяное ведро и высыпала лучину для растопки на решетку. — Сгодится. — Кейт поставила ведро возле кровати.

— Мы поссорились.

— Давай перевернем его.

Они взяли Баркли за щиколотки и подтянули, так что он улегся вдоль кровати, затем перевернули на спину.

— О, начинается. Давай ведро.

Баркли затошнило. Кейт приподняла его за лацканы как раз вовремя, Мэриен успела поймать ведром поток, судя по всему, чистого виски.

— Ну надо же, он превратил себя в перегонный куб, — сказала Кейт.

Когда она ушла, Мэриен отнесла ведро в ван-

ную, вылила, а потом постаралась раздеть Баркли. С брюками вышло достаточно просто, с носками тоже, но он снова впал в беспамятство самого последнего бродяги, и она никак не могла снять пиджак. Однако через минуту, когда ей опять пришлось приподнимать Баркли за лацканы, чтобы того опять вырвало, муки с пиджаком показались блаженством. Потом она стащила-таки с Баркли пиджак, жилет, рубашку, оставив в одних трусах, сдвинула на его половину кровати, укрыла одеялом, вылила ведро и свернулась рядом под покрывалом.

Несколько часов они дремали. Он пару раз просыпался, поскольку его тошнило, хотя внутри, кажется, уже ничего не осталось, кроме бледной зеленой пены. Проснувшись под его взглядом, Мэриен не могла понять, который час. Небо было серым, тяжелым.

— Я не ожидал, — прохрипел Баркли.

— Чего?

— Что ты будешь ухаживать за мной.

— Мне не понравилось, что ты звал Кейт.

— Я думал, ты испытаешь только облегчение.

— Ты даже не вышел из машины, как уже начал скулить и звать ее. Помнишь?

— Мне было очень нужно.

— Нужна была Кейт?

— Думаю, покой. Иногда бывает такое чувство, как будто за мной гонится что-то ужасное и оно все ближе. На обратном пути как раз нагрянуло. Если бы я знал, что ты обо мне позаботишься, я бы звал тебя, не Кейт. — Баркли умолк, и Мэриен уже решила, он уснул, как вдруг услышала: — Ты измучила меня. Правда.

Она с минуту подумала и сказала:

— Не понимаю как. Вся власть у тебя.

— Да вовсе нет. И никогда не было.

Она не хотела перечислять все его способы ее контролировать, все, с чем она уже смирилась.

— Я думала, ты не пьешь.

— Не часто. — Он не открывал глаз. — Я напился, когда впервые увидел тебя. Страшно. Я пошел наверх с Дезире, но она не ты, поэтому я ее не хотел. Она старалась, но я ничего не мог поделать. Я вышел к машине — помнишь, в ту ночь шел снег? Я сам сидел за рулем и, пытаясь выехать, застрял, поэтому вышел и стал толкать. Разумеется, поскользнулся, упал и ударился лицом о бампер. К тому моменту я уже пришел в состояние, когда мог только дойти до города и найти салун. По дороге туда я весь замерз и промок. Начал пить, сидел и думал, почему ты мне так врезалась с од-

ного взгляда. Почему ты, когда кругом столько девушек? Я мог иметь множество девушек. — Он взглянул на нее и опять закрыл глаза. — Увидев такое чудо, я решил получить тебя сразу, тогда же, был готов заплатить любую цену. Но когда это оказалось невозможным… скорее всего, меня раздавило. Совершенно нерационально. Знаю, я упрямый. Знаю, слишком хочу того, что мне нравится, но это знание не помогало. И я решил, проблема в тебе, именно в тебе.

Раньше, напившись, я мог добраться до Кейт. Или до Сэдлера. Или кого-то, кто поможет, но в тот раз остался один и думал только о том, что, возможно, у меня никогда не будет тебя. А с мыслями пришло еще… Прежняя темнота. Причина не только в тебе, но ты вернула ее. И кругом намело столько снега, я не мог даже выбраться из Миссулы, не говоря уже о том, чтобы доехать до ранчо. Я пошел по городу — не знаю, чего искал, — и все время спотыкался о сугробы. Вспомнил, как говорят: замерзать не страшно, как заснуть. Я добрался до реки, нашел симпатичный высокий сугроб, выкопал себе могилку и улегся в нее. Я столько выпил, так устал, что даже не замечал холода и радовался, оказавшись в тишине и покое. Я легко мог уплыть. И уплы-

вал. А потом мне пришла в голову мысль: а если я все-таки могу добиться тебя? Не купить, но заработать, убедить. Не так уж невозможно. Казалось даже совсем просто. Не знаю, почему не подумал раньше. Ты, разумеется, была слишком юна, мне пришлось бы немного подождать, но я решил, не стоит торопиться отправляться на тот свет. Всегда успею.

Он замолчал. Мэриен задумалась, всерьез ли он произнес последние слова.

Она уже думала о его смерти, более того, надеялась на нее. Думала, станет легче. Или навалится чувство вины. И то и другое по отдельности она бы выдержала, но в сочетании нет.

— Ты не очень долго ждал. Мне все-таки было мало лет.

— А если бы ждал, вышло бы иначе?

Мэриен стало жаль его, такая надежда прозвучала у него в голосе, как будто прошлое можно изменить.

— Да, хотя не знаю, лучше ли.

Он повернулся на бок, к ней лицом.

— Это ты затолкала нас в кровать. Тогда ты не считала себя малолеткой.

— Я не про то, что мы очутились в постели. Я про Гольца и аэроплан. Мне было слишком

мало лет, я не могла понять про сделку.

Она думала, Баркли сейчас разозлится, но он под одеялом взял ее за руку.

— Я не думал ни про какую сделку. Это был подарок.

Она продела пальцы сквозь его.

— Неправда.

— Ты не думаешь, что все может измениться? С ребенком?

— Не так, как тебе хочется.

— Ты ведь могла обойтись без меня. Могла удрать и придумать еще что-нибудь, чтобы летать, если действительно хотела.

— Ты дал бы мне уйти?

Стук в дверь. Матушка Маккуин внесла на подносе чайник под вязаной грелкой и одну чашку с блюдцем. Поставив поднос на ночной столик, нагнулась налить.

Они присели, откинувшись на подушки. Не обращая внимания на Мэриен, матушка дала Баркли чашку чая и, положив руку между его колен, сказала:

— Не давай дьяволу скрутить тебя.

— Это не дьявол, мам. — Голос Баркли был нежен. — Как ты не догадалась, что те монахини несли полную чушь?

— Я думала, она тебе поможет, — мать кивнула на Мэриен. — Нет. Она делает вид, что страдает, а на самом деле несет страдание.

— Мам, оставь. Я больше не буду пить. Обещаю.

— Дьявол заставляет тебя врать.

— Мне надо отдохнуть, мам. Когда будешь уходить, прихватишь дьявола с собой?

— Только ты можешь прогнать его, — ответила она, но, выходя, закрыла за собой дверь.

Баркли налил еще чаю и дал чашку Мэриен. Та спросила:

— О чем она?

— Пьянство доводит человека до греха. Она считает, что я попался в руки бутлегеров — посредников дьявола.

— Она не знает, что ты бутлегер?

Чай был слишком сладкий. Мать положила сахар в чайник.

— Разумеется, нет.

Чистая правда. Матушка Маккуин сидела взаперти в четырех стенах на ранчо, кроме воскресений, когда Сэдлер и Кейт брали ее в церковь. Если Баркли хотел удержать членов общины от лишних разговоров, присутствия Сэдлера хватало, да и в любом случае разве они осмели-

лись бы сказать ей что-нибудь в лицо? И все же матушка Маккуин наблюдательна. Она все знает, решила Мэриен, хотя и притворяется, что нет. Три женщины — она, Кейт и Мэриен — живут в одном доме с тремя разными мужчинами, и все они — Баркли Маккуин.

— А что она говорит про меня?

— Ох. — Баркли надул губы, якобы ему неохота объяснять. — Она считает, хорошая женщина не дала бы мне пить. Поскольку ты мне не помешала и поскольку ты не беременна, она делает вывод, ты, дескать, нехорошая женщина. В ее логике есть прорехи — ей так и не удалось отвадить от пьянства моего отца. Правда, я не он. Я редко пью. — Это было сказано жалостливо. — Но теперь ты разбила ее надежды.

— Она действительно думает, что ты скотовод?

— Я и есть скотовод, — ответил Баркли. — А ты бесплодная жена, которая довела меня до пьянства.

Монтана
Зима — весна 1932 г.

Прошла неделя, и Баркли, как будто это самое обычное дело, велел Мэриен перевезти груз через границу.

Сэдлер повез ее в Миссулу за «Стирманом».

С заднего сиденья она спросила:

— Кто-нибудь еще летал на моем аэроплане?

Он посмотрел на нее в зеркало:

— Ты хочешь сказать, на моем аэроплане?

— Ладно, кто-нибудь летал на твоем аэроплане?

— Мне неизвестно.

Мэриен не поняла, говорит ли он правду, да и вообще, имеет ли правда значение. Она внимательно обшарила «Стирман», выискивая следы, оставленные другим пилотом, а когда поднялась в небо, ей было уже все равно. Выписала петлю, подбросив горы вверх.

На следующей неделе она пересекала границу еще несколько раз, а потом, после долгих упрашиваний, получила разрешение днем полетать просто так. Баркли взял с нее обещание вернуться через три часа, и она сдержала слово, слетав на северо-восток, хотя сказала, что летала к Кер-д'Алену. Ложь грела, как горячие угли.

Полный бак топлива мог отнести ее на шестьсот миль, и Мэриен отпустила свое воображение на эти мили, этот радиус. А потом, она ведь могла дозаправиться и лететь дальше. И еще дальше. Океаны перелетают и на аэропланах поменьше. Но если она удерет, Баркли только укрепится

в своей решимости вернуть ее и удерживать при себе, несомненно. Если останется, может быть, он в конечном счете поймет, что они не подходят друг другу. Привязав ее к себе, накрыв колпаком, как ручного сокола, он все-таки мог ее отпустить, освободить. Если она останется, он, несмотря ни на что, может позволить ей уйти.

Однако перемирие, осторожная нежность сдавали свои позиции по мере таяния зимы: добрая воля двух людей, имеющих сплетенные и все же не уживающиеся желания, неизбежно иссякала. Бывало, особенно когда Баркли запрещал ей садиться за штурвал, Мэриен отворачивалась от него в постели, отбивалась от ласки. Но когда он смягчался, между ними еще разгорался огонь. Может, она никогда и не любила его, ее лишь обмануло отраженное мерцание. Баркли обездвиживал ее руки, а она злилась и мрачно смотрела на него. В марте он уехал на неделю по делам, запретив в его отсутствие летать. Через два дня на грузовике ранчо она поехала в Калиспелл, разгоняясь на грязных, петляющих дорогах ровно настолько, чтобы испугаться, опять недоумевая, как Баркли умудрился уцелеть тут пьяный. Походила по магазинам, не увидев ничего, что

захотелось бы купить. Нашла место, где можно выпить, заказала три порции подряд и, отвыкнув от спиртного, опьянела. Потом припарковалась под деревом на аэродроме и стала ждать, пока кто-нибудь сядет или взлетит. Никого не было.

— Я уже решила, ты совсем уехала, — сказала ей Кейт, когда Мэриен вернулась затемно.

На следующее утро Мэриен расчехлила, отвязала «Стирман» и оттолкнулась от изрытой взлетной полосы Бэннокберна с налипшей на колеса грязью. Только в воздухе, лениво покачивая крыльями, любуясь снежными вершинами гор, она решила слетать в Миссулу и сделать сюрприз Джейми.

Парни с аэродрома подбросили ее до Рэттлснейка. Дом еще больше обветшал. Она думала, Джейми, оставшись один, приведет его в порядок, но краска отслаивалась, отошедшая черепица на крыше коробилась, вокруг дома все заросло позимнему коричневым сорняком. Мэриен хотела пройти в боковую дверь, но ее вдруг захлестнула волна неловкости. Впервые, сколько помнила, она прошла к главному входу и постучала.

От стука поднялся беспорядочный, неугомонный лай, похоже, по ту сторону двери собралась армия собак. Мэриен приложила ухо к деревян-

ной панели, пытаясь услышать шаги. Опять постучала. Лай взметнулся на новую, бешеную высоту, наконец послышался скрип лестницы, голос Джейми, велевший собакам успокоиться. Дверь приоткрылась, и выглянул брат:

— Привет. — Он словно увидел незнакомку.

Под глазами темные круги, щеки водорослями облепила клокастая светлая борода, одежда испачкана краской.

— Ты ужасно выглядишь, — вместо приветствия ответила Мэриен. — Что с тобой?

— Ничего.

Пять собак, выбежав на улицу, задрали лапы или присели в мертвой траве и рыхлом снегу. Джейми задумчиво посмотрел на них.

— Я потерял ощущение времени. Они сидели взаперти весь день. Ужасно с моей стороны. Который час?

Она подняла руку и посмотрела на часы:

— Первый.

Вдруг Джейми будто стряхнул с себя странное наваждение, чем бы оно ни объяснялось, и потянулся обнять ее.

— Мэриен!

С резким отвращением она вдохнула исходящие от него намешанные запахи немытого тела,

скипидара и алкоголя. Ей хватило в жизни пьяных мужчин.

— Что ты здесь делаешь? — спросил Джейми.

— Навещаю тебя.

— Заходи.

Он открыл дверь и жестом пригласил ее пройти.

В доме было холодно и темно, занавески задернуты. Повсюду — на полу, на мебели — стояла посуда, в некоторых мисках еще оставалась вода для собак, на тарелках следы того, чем он там их кормил. Две собаки кружили вокруг нее, пыхтя и задирая головы, как будто извиняясь за положение вещей.

Ей только сейчас пришло в голову, что сегодня среда.

— Ты не в школе.

— Нет, я бросил, — легко ответил Джейми и босиком, несмотря на холод, поплелся на кухню. — Хочешь выпить? Я выпью.

На кухне беспорядок был еще больше: наваленные горы тарелок, запах гнили. На столе стояла полупустая бутылка самогона. Джейми взял грязный стакан, протер полой рубашки, налил на два дюйма и дал Мэриен. Себе налил на три дюйма, не удосужившись обмахнуть стакан. Отпив

немного, Мэриен закашлялась:

— Какое дерьмо. Я уже и забыла.

— Не так уж и плох. — Глаза у Джейми заблестели. — Мне надо было подкрепиться. Я хочу тебе кое-что показать, но ужасно волнуюсь. Показать?

— Что?

Джейми, как будто не слыша ее, говорил дальше; слова выходили колченогие, спутанные в один ком.

— Когда ты пришла, я как раз представлял, как покажу тебе… Ведь знак, правда? Я все время хочу показать… — Он развернулся и торопливо вышел из кухни.

Мэриен пошла следом.

— Показать мне что?

— Что я сделал! — крикнул Джейми через плечо, взбегая по лестнице через ступеньку.

Его худоба, неопрятная одежда, визгливый от перевозбуждения голос слишком напомнили ей Уоллеса. Она сдерживала себя, чтобы идти медленно, не паниковать, не схватить брата за плечи и как следует протрясти, велеть прекратить пить, помыться и вернуться в школу. Может, сам дом такое творит с людьми? Или в ополоумевших пьяниц их превращает какое-то проклятие?

Наверху Мэриен остановилась, чтобы собраться с духом, потом прошла по темному коридору к клину света, льющегося из мастерской. Когда она заглянула внутрь, солнце, бьющее в закругленные окна, на секунду ослепило ее. Она различала лишь темный мечущийся силуэт Джейми, а когда глаза привыкли, увидела картины.

* * *

Это были работы маслом, в основном пейзажи, где-то намечены почти спрятанные птицы и звери. На первый взгляд все казалось грубым, даже примитивным, заметны мазки и пятна плотной краски, но, присмотревшись, Мэриен поняла, что изображение точное, просто манера отличается от мягкого, гладкого реализма Уоллеса, больше настроения. Везде валялись карандашные наброски. На подоконниках стояли кувшины с водой и скипидаром. Джейми нервно продолжал:

— Масляные краски страшно дороги, но кое-что оставил Уоллес, на пополнение запасов я потратил немного твоих денег, надеюсь, не страшно. На остальное деньги найду, но пока важно работать. Похоже, это единственное, на что я сейчас способен.

На прохудившемся старом кресле Уоллеса стоял портрет девушки с длинным лицом и открытым взглядом. Та же девушка была изображена на холсте, прислоненном боком к каминной полке. На решетке догорал огонь, почерневшие обрывки рваной бумаги смешались с золой. Еще одно изображение той же девушки, испачканное песком и пятнами краски, валялось на полу. Мэриен подошла к горному пейзажу на мольберте.

— Тут есть ветер, — сказала она. — Не понимаю, как можно изобразить ветер на картине.

Джейми застыл у нее за спиной.

— Не доделано. Не совсем точно. Я так волнуюсь, что у меня пересохло во рту. — Он отпил из стакана, который так и не выпустил из рук. — Я никому не показывал, даже Калебу.

Мэриен положила ему руку на плечо, попытавшись успокоить:

— Ты художник. Настоящий.

Глаза Джейми наполнились слезами. Они отвернулись друг от друга.

— Но даже настоящим художникам нужно иногда мыться, — отрезала Мэриен.

* * *

Вечером появился Калеб. Мэриен уговорила Джейми залезть в ванну и немного поспать, а сама принялась убираться и проветривать дом. Покормила собак и развела огонь. Калеб зашел в кухонную дверь с корзиной, где лежали две форели.

— Миссис Маккуин! — воскликнул он. — Чем обязаны такой честью?

Она зашептала на случай, если Джейми уже проснулся:

— Ты видел его в последнее время? Ты знал?

— Ваше величество взволновано…

— Калеб!

Он поставил корзину на стол.

— Мне хватило возни с Джильдой. Я больше ни от кого не буду прятать бутылки.

Она поставила на плиту сковороду для рыбы.

— Ты должен был рассказать мне. Сколько уже он такой?

Калеб прислонился к стене, скрестив руки.

— Точно не скажу. Месяц? Раньше хандрил, бредил своей девушкой, но в школу ходил и не пил или не так много. Уверяет, будто занимается чем-то важным. Мне не кажется, что тут как у Уоллеса

или Джильды. Думаю, он немножко играет.

Из комнаты послышался граммофон Уоллеса, энергичная танцевальная музыка. В дверях показался Джейми со стаканом в руках.

— Не холодно для рыбалки?

— Ты бы не стал ничего больше есть из того, что я могу принести.

— Где ты нашел форель в такое-то время года?

— Она уходит в глубь, но она там. — Из рюкзака Калеб достал буханку хлеба и бумажный пакет: — Подарок от мистера Стэнли.

Джейми заглянул в пакет:

— Аллилуйя, он прислал пирожные со взбитыми сливками.

Поев, они устроились вокруг граммофона, Джейми развалился на полу у кресла Мэриен, Калеб лег на кушетку.

— Мэриен, — перебил Джейми ленивый разговор об охоте Калеба, — Сара полагала, Уоллесу вряд ли нравилось, как я рисую. Думаешь, правда?

— Сара?

— Девушки из Сиэтла, — объяснил Калеб.

— Я всегда считал, что он меня поддерживает, — продолжал Джейми, — но теперь, не знаю, может, все было ровно наоборот.

— Понятия не имею, — ответила Мэриен.

Будучи слишком увлечена аэропланами, она не уделяла особого внимания отношениям между Уоллесом и Джейми.

— Отец Сары предложил мне работу, — сказал Джейми. — Я мог бы переехать в Сиэтл. Я мог бы иметь там все, но я отказался. А знаешь почему?

— Почему?

Она боялась услышать в ответ, что он не хотел оставлять ее одну в Миссуле.

— Потому что источник его состояния — консервированное мясо. — Джейми рассмеялся и оперся на локоть. — Как нарочно. Вот повезло! — Он посерьезнел: — Я, должно быть, круглый идиот.

И он бессвязно рассказал, как познакомился с Сарой в парке, о ее матери, сестрах, о большом доме, коллекции, фигурно подстриженных деревьях, о соблазнах похвал. А дойдя до унизительного конца, театрально допил стакан. Прежде чем Мэриен собралась с мыслями, чтобы ответить, Джейми бодро попросил:

— Потанцуйте для меня!

И захлопал по колену в такт музыке.

— Что?

— Ты и Калеб. Люблю рисовать танцующих людей.

— Джейми, я ужасно танцую.

Однако Калеб встал, стащил ее с кресла и крепко обнял.

— Ты не должен во всем ему потакать, — прошептала она.

— Какой вред от танца? — Он развернул ее.

Вытянув шею, Мэриен бросила взгляд на закорючки в блокноте Джейми, которые не вполне складывались в рисунок, но все же напоминали танцоров. Она вдруг поняла, что отвечает Калебу, его знакомому запаху земли и хвои, столь отличному от парфюмерного мускуса Баркли. Хотя ноги ее ступали неуклюже, тело было напряжено; хотя Джейми долил себе еще самогона, хотелось плакать от счастья.

Когда пластинка зашипела и затихла, она отошла от Калеба, утерев рукавом лоб. Джейми уснул, откинувшись головой на кресло, в руках все еще держа блокнот. Калеб поставил другую пластинку и притянул ее к себе на кушетку.

— Почему ты раньше не приезжала?

Она постаралась придумать оправдание, но слишком вымоталась.

— Баркли не отпускал меня вообще никуда. Какое-то время не разрешал летать. Наказывал за то, что я не хочу ребенка.

— За то, что не хочешь, или за то, что не имеешь?

— Это одно и то же, по крайней мере пока. Чего он удивляется? Я не хочу ребенка, я всегда ему говорила, но он вбил себе в голову, будто знает меня лучше, чем я сама, хотя на самом деле одержим мыслью переделать меня настоящую в придуманный им вариант меня.

Калеб слушал ее, стиснув челюсти, потом процедил:

— Скотина.

— Мэриен, — Джейми проснулся. Он неподвижно смотрел на нее с пола умоляющими глазами на изможденном лице. — Забери меня куда-нибудь.

— Ты о чем? Сейчас?

— Скоро. Мне нужно отсюда уехать.

— Куда ты хочешь уехать?

— Куда-нибудь, просто отсюда. — Джейми подтянул колени к подбородку. — Ты уехала. Уоллес уехал. Калеб все время на охоте. Похоже, единственное, что у меня было в жизни, — Сиэтл.

— Ты не мог бы сначала окончить среднюю школу?

— Ты же не окончила.

Она начала придумывать уклончивый ответ,

вроде того, что не все выходят замуж за Баркли Маккуина, но он ее опередил, жалостливо попросив:

— Пожалуйста, Мэриен. Я не могу здесь оставаться.

* * *

Макеты аэропланов все еще свисали с потолка во флигеле — пыльные, местами проглядывал желтый клей. Все так, как она оставила. Джейми сосредоточил беспорядок в главном доме. Уже почти рассвело, но она сидела в кресле, листая «Капитана Кука в Южном океане», «Фритьофа Нансена в Гренландии». Ждала, что знакомые книги наполнят ее горячим чувством начинающегося приключения, но они лежали в руках мертвые. Раньше Мэриен не сомневалась, что, когда сможет летать, перед ней откроется мир. Теперь знала: она никогда его не увидит.

— Ты все равно уйдешь от него, — сказал Калеб, когда Джейми отправился спать и они прощались на кухне.

— И что потом?

— Что хочешь.

— Не так-то легко.

— Я могу помочь. Мы можем купить аэроплан

и летать с охотниками.

— Мы?

— Почему нет? — Он пристально посмотрел на нее.

— У нас не то.

— Но могло бы быть то.

Она покачала головой.

— Если ты ему позволишь, он проглотит тебя, — пригрозил Калеб.

— Это еще не конец света, — ответила она, однако вспомнила расщелину.

— Иногда мне хочется взять тебя за грудки и трясти до тех пор, пока ты не одумаешься.

— Валяй.

Калеб надел шляпу и вышел в ночь.

* * *

Мэриен вернулась в Бэннокберн в тот день, когда должен был приехать Баркли, проведя в Миссуле три ночи.

Из окна спальни она видела, как Баркли вылез из машины, а Сэдлер обошел ее, чтобы достать чемоданы из багажника. Баркли поднял голову и посмотрел на нее, и Мэриен поняла: он уже знает о том, что она брала аэроплан.

Дело шло к вечеру. Она сидела с книгой, хотя

не перевернула ни одной страницы. Баркли ворвался в спальню, как знойный ветер.

— Хорошо прошло путешествие?

Она решила не сдаваться и ответила:

— Да. Летала повидать брата. А как ты?

Чуть раньше, ожидая его возвращения, она вставила кольцо, защитив себя по крайней мере с этой стороны, и когда он, схватив ее за руку и рывком сдернув с кресла, бросил на кровать, Мэриен обрадовалась, что успела. Он спустил ей брюки до щиколоток, перевернул на живот. Уткнувшись лицом в покрывало, она ждала, но он уперся коленом в поясницу, захватив одной рукой запястья. Просунул пальцы другой руки между ног, ковыряясь, царапаясь, целенаправленно, как будто прочищая канализацию. Он пытался вытащить кольцо.

— Не надо, — промычала Мэриен в покрывало.

Глупо, но что еще сказать? Колено сильнее вдавилось в поясницу. Баркли был спокоен, сосредоточен, как будто усмирял животное. Ногти расцарапывали ее изнутри. Когда он наконец вытащил кольцо, у Мэриен появилось сосущее ощущение. Он оседлал ее, прижав коленями руки к бокам. Поднес кольцо к ее глазам и большим пальцем растягивал до тех пор, пока оно

не порвалось. Бросив негодную резинку на пол, расстегнул ремень.

В детстве она боролась с Джейми и Калебом, сражалась всем телом, всеми конечностями, до самых кончиков пальцев. Извивалась, как насаженная на кол змея. Под весом Баркли она лежала неподвижным трупом. Смотрела на поленья в камине, наблюдала, как скручивается подобно содранной коже кора, как медленно загорается бледное, расщепленное по краям дерево. Понимала — боится, но унижение оказалось сильнее. Лежать обездвиженной, с голой задницей — пытка, но хуже всего стыд от того, что она этого не предвидела.

Было больно, но боль казалась далекой, за горизонтом. Баркли не понадобилось много времени. Время от времени он всхлипывал, и она без интереса отметила, что он плачет или почти. Она пережидала, больше ничего.

Сделав свое дело, Баркли тяжело полежал на ней, наконец слез. Мэриен слышала, как он одевается, хлюпает носом, но видела только несгоревшие поленья на решетке. Она не двинулась, не пошевелилась, и когда за ним закрылась дверь. Мысль о ванной дернулась в голове, но усилия показались непомерными. Там, где

она лежала, легкие продолжали наполняться воздухом, сердце — биться, значит, ее ситуация, судя по всему, терпима.

Ночью в постели она часто представляла, что летит. Могла подобрать проплывающий внизу пейзаж: горы, озера, реки, а если находила охота к приключениям, мигрирующие дюны или тропические острова в бирюзовом океане. Лежа сейчас в спущенных до щиколоток брюках, она поднялась с ранчо, двинулась через горы на запад, долетела до океана и над синим простором уснула.

На второй день своего визита в Миссулу Мэриен на стареньком «Форде» повезла Джейми и Калеба к Биттерруту и остановилась у широкого, гладкого участка реки, свободного ото льда. Калеб плюхнулся в воду первым. Когда она прошла следом, холод обернул ей ребра, выдавив все дурное, как несвежее дыхание. Они с Джейми только разок запрыгнули в белье и выбежали обратно, а Калеб плескался нагишом и вопил.

На третью ночь она проснулась оттого, что у кровати на корточках сидел Калеб. Лицо близко, рука легла ей на запястье. Он тихо спросил:

— Что думаешь?

— Не могу, — прошептала она.

Калеб чуть помедлил и ушел.

Когда мрак рассеялся, она встала и, не попрощавшись с Джейми, отправилась на летное поле.

Теперь Калеб опять стоял рядом, но не целовал, а тряс за плечо. Только когда она открыла глаза, стало ясно, что это не Калеб, а Кейт. Мэриен потянулась прикрыться, но одеяло уже было натянуто на голые ягодицы. В окне сквозь серые облака проблескивали розовые полосы.

— Он послал меня посмотреть, как ты, — сказала Кейт. — Говорит, вышел из себя.

Мэриен отвернулась и опять стала смотреть на поленья. Она не могла собрать силы смутиться, оттого что Кейт увидела ее обнаженной.

— Он это сделал? — спросила Кейт.

— Разумеется.

— Нет, вот это.

Мэриен повернула голову. Кейт носовым платком держала изуродованное кольцо. Мэриен кивнула.

— Видишь ли, я знаю, что это такое.

— Рада за тебя.

— Не сомневаюсь, ты считаешь меня просто старой девой.

В обычной ситуации ее бы заинтересовало, что

имеет в виду Кейт — собственный опыт или теоретическое знание, но не сейчас.

— Я о тебе вообще не думаю, — сказала она.

Мэриен на пробу перекатилась на бок и подобрала колени, задержав дыхание, чтобы не охнуть от саднящей боли между ног. Она не двигалась много часов. Было ощущение, как будто под ней подломился тонкий лед.

— Ты не хочешь ребенка?

— Нет.

— И что собираешься делать?

Мэриен не думала в практическом ключе. Она пока вообще старалась не думать. Ей опять пришла в голову мысль о ванне. Она представила, как входит в самый горячий бассейн источников Лоло и дезинфицируется — так Берит кипятила банки для варенья.

— Ничего. Я ничего не могу.

— А разве не существует… спринцеваний или еще чего? Можно выпить что-нибудь.

— А у тебя есть? Потому что иначе я не представляю, как достать. — Свою горечь она швыряла Кейт комьями грязи.

Долгое молчание.

— Возможно, я смогу достать тебе другое. — Кейт подняла кольцо. — Если это то, чего ты

хочешь.

Мэриен уже было застыла в новом положении, но тут распрямилась и оперлась на локоть:

— Сможешь?

Эта толика доброты, хоть и подозрительной, вывела ее из оцепенения и подтолкнула к пропасти, на дне которой покоилась вся тяжесть страдания. Мэриен с усилием села. Больно сдавило голову; по-другому, грубо и горячо, но тоже больно сдавило в низу живота.

Кейт завернула порванное резиновое кольцо в носовой платок и положила к себе в карман.

— Но, если достану, не попадайся.

— Он может его почувствовать.

Кейт посмотрела на дверь.

— Тогда, наверное, лучше не пытаться? Может выйти только хуже.

— Нет. Пожалуйста, достань мне, пожалуйста. Хотя где?

— У меня есть друзья в Англии. Там такое разрешено, но нужно время, тебе придется не подпускать его или удерживать от… — Отведя взгляд, она чуть прищелкнула пальцами: — Я разожгу огонь, а потом налью тебе ванну.

— Почему ты мне помогаешь?

— Если у тебя будет его ребенок, мы никогда

от тебя не избавимся.

Кейт присела перед камином и чиркнула спичкой. Поленья вспыхнули и занялись.

* * *

Лежа в ванне, Мэриен решила, что если возьмет и прикажет себе не беременеть, то и не забеременеет. Тело лишь сосуд ее воли, так почему нет? Остальные женщины просто-напросто недостаточно последовательны и упорны. Она сможет запечатать от него матку. Мэриен глубже опустилась в воду и замерла. Тонкие струи пузырьков плыли и рассеивались, как облака.

* * *

А поскольку выяснилось, что она не беременна, Мэриен решила, ее воля победила. Она знала, это не так, но тем не менее верила.

Она возобновила бесцельное хождение по дому и ранчо.

В апреле, когда выпал поздний снег, она встретила в лесу медведя, тощего после зимы, сутулого, косматого, спина запорошена белым. Медведь поднял голову. Двигался черный нос, слипались, когда он принюхивался к ее запаху,

ноздри. На спине у Мэриен было ружье, но она не стала его доставать, стояла неподвижно. Медведь отпихнул землю тяжелыми передними лапами и встал на задние. Пристальный взгляд маленьких глаз. Что-то смирное в позе, дабы уравновесить громадность размеров, невероятную длину гнутых блеклых когтей.

Выбив облако свежего снега, медведь опять опустился на передние лапы и побрел за деревья. С ней не стоило возиться.

Мэриен смотрела, как он уходил. Подумала, может, Голец пришел напомнить ей, что она еще жива.

Баркли просил прощения. После ванны она опять легла и пролежала всю ночь и следующий день. Придя к ней, Баркли вытащил Мэриен из постели, опустился на колени, прижав лоб к ее животу, к матке, которую она, по ее убеждению, заперла от него. Мэриен стояла и, опустив руки, как равнодушный бог, смотрела на склоненную голову, вывернутые подошвы ботинок.

— Когда я опять смогу летать? — спросила она.

Он поднял на нее умоляющий взгляд:

— Ты меня прощаешь?

Она вспомнила, как Джейми просил забрать его из Миссулы. И тем не менее покачала головой.

— Ты сможешь летать, когда простишь меня, — сказал Баркли.

Дымовые завесы

ТРИНАДЦАТОЕ

Помреж призвал всех к тишине — всех актеров, рассевшихся за большим столом в форме подковы со сценариями и новыми, остро заточенными карандашами (прямо как дети в начале учебного года), продюсерскую команду, студийную команду, инвесторов, шумно поедающих рогалики и пьющих кофе, — и Барт Олофссон, заглянув под твердую обложку первого издания книги Мэриен (не Кэрол, ей он явно пренебрегал), встал и с еле заметным исландским акцентом выразительно прочел вслух:

— С чего начать? Разумеется, с начала. Но где начало? Не знаю, где в прошлом разместить метку, означавшую бы: здесь. Здесь начались полеты. Потому что начало в памяти, не на карте.

Он поднял голову и пристально, важно посмотрел в наши лица почти с упреком, как священник, напоминающий о том, что все мы грешники. Глазами я нашла Редвуда. Вид у него был торжественный, серьезный. За прошедшую с грибной ночи неделю я ничего о нем не слышала. Только

отправила ему гифку с двумя ленивцами, плывущими в открытом космосе, подписав: «Мы за грибным разговором о Лос-Анджелесе», и он ответил: «Ха!»

— Мы тоже сейчас в начале, — сказал Барт. — Собираемся снять фильм. Но это не большой взрыв из ничего. Тот момент, что Мэриен не может определить — когда ее полет начал движение к реальности, — является и нашим началом. В жизни начала не четкие, неопределенные. Они происходят постоянно, а мы не замечаем. — Он постучал по книге: — Мэриен писала здесь: «Я уже потеряна для моего будущего». Странные слова, правда?

Первая строчка в романе Кэрол Файфер звучит так: «Я этого не знаю, но меня поглотит или огонь или вода». Имеется в виду рассказ Мэриен, как младенцем она оказалась на тонущем корабле. А потом история стремительно движется к тому моменту, когда героиня падает в океан. «Холод несет мрак, все кончено. Но мне не страшно». Последняя фраза привязалась ко мне, тоскливый, невнятный протест. Когда Редвуд рассказал, что его матери всегда хочется, чтобы все было хорошо, она обрела смысл. Мэриен пыталась подбодрить себя.

Фильм, однако, начинается с конца, когда у героев заканчивается горючее, а садиться некуда. Затем действие переносится назад, к кораблекрушению, а потом мчится вперед, к кругосветке, разбитой на части, каждая из которых представляет собой отдельный фрагмент; в финале мы возвращаемся к падению Мэриен и Эдди на самолете в океан.

— Я вижу так, — продолжал Барт. — Мы ограничены настоящим, но мгновение, где мы находимся сейчас, все время было будущим. А настоящее отныне навсегда станет прошлым. Все наши поступки запускают непредсказуемую, необратимую цепную реакцию. Мы действуем в рамках невероятно сложной системы. — Он помолчал. — Системы прошлого.

Я поймала взгляд сэра Хьюго. Он подмигнул.

— Все свои мысли Барт преподносит как некое откровение, — заметила я как-то Хьюго. — Он гипнотизирует, и все начинают думать, что он гений.

— Но его амбициозность придает всему чудесное ощущение праздника, ты не находишь? — ответил Хьюго.

— Однако иногда, — продолжил Барт, — начало может быть очень простым. В фильме, например,

это один-единственный кадр. Давайте сегодня дадим себе отдых от ограничений, от рамок. Давайте начнем с первой страницы.

Он дал знак помрежу, который явно его ждал и придвинулся к микрофону.

— Натура. День, — прочел он из сценария. — Двухмоторный серебристый самолет летит над беспокойным океаном, земли не видно. Мэриен, голос за кадром.

— Я родилась странницей, — начала я, а через долю секунды сзади прозвучал усиленный двойник моего голоса. — Я скроена для земли, как морские птицы для волн.

* * *

Какую цепную реакцию мы с Редвудом запустили в ту грибную ночь у бассейна? Не ту, что я ожидала. Я спала в его кровати, но он ни разу не поцеловал меня. Посоветовал «кинуть кости», так как мы «слишком обдолбанные, чтобы куда-то ехать», кроме того, «в компании веселее», и предложил на выбор его кровать или гостевую комнату. Я решила, мне предлагается выбор между переспать или нет, и выбрала пересып. Но когда я сексуально вышла из ванной в его футболке, он уже спал. На рассвете мне почудилось,

я проснулась, а он лежит, прижавшись ко мне сзади, но, наверное, то был все-таки сон, так как, когда я проснулась по-настоящему, он на кухне уже готовил на завтрак тако.

— По-моему, ты потрясающая, — сказал он, когда я уходила, и поцеловал меня под ухом, и черт его разберет, что оно должно было означать.

Может, проблема в том, что на деле мы находились не в начале, не запустили цепную реакцию, а вписались в уже действующую. Я старалась избавиться от Алексея, от чувства вины по отношению к Оливеру, в надежде, что Редвуд окажется ключом, который отопрет двери. Может, и он надеялся, что я стану чем-то столь же невероятным. Мы думаем, каждая новая романтическая перспектива, каждый новый возлюбленный — новое начало, но в действительности подлаживаемся под ветер. Каждую новую траекторию задает предыдущая, выстраивая через всю нашу жизнь ломаную, но непрерывную линию цепных реакций. Это была часть проблемы: я всегда просто реагировала, меня просто несло, я никогда не ставила конечной цели.

Вернувшись домой от Редвуда, я налила себе зеленого сока и прошла в кабинет, где за компьютером работала Августина. Она всегда произво-

дила такое впечатление, будто ее каждый день обманывают мужики, поэтому какой-то здравый смысл у нее, вероятно, имелся.

— Что значит, — спросила я, прислонившись к дверному косяку, — если проводишь ночь с парнем в одной кровати, но ничего не происходит, а когда ты уходишь, он целует тебя вот сюда, — я ткнула в шею, — и говорит, что ты потрясающая?

Она непроизвольно поморщилась, затем переделала лицо под задумчивое равнодушие.

— Вероятно, он полагает, что ты потрясающая.

— Ну да. — Я дважды стукнула по косяку, будто отпуская такси. — Спасибо.

— Не забудь про завтрашнее интервью! — крикнула Августина мне вслед.

Я легла в постель, посмотрела «Инстаграм» Алексея, потом «Инстаграм» жены Алексея, потом Оливера, потом бывшей жены Оливера, потом Джонса Коэна, потом прочесала всех, с кем спала. Не знаю, что я искала. Не селфи, не пляжи, не детей, не сэндвичи. Я с трудом продиралась через густые дымовые завесы. Может быть, искала ответа на вопрос, что мне искать.

Добравшись до аккаунта Марка, я уже знала, что напишу ему. Мы познакомились во вре-

мена моей Кейти Макги. Когда-то он рассекал первым барыгой в средней школе Санта-Моники, потом стал юристом в сфере зрелищных мероприятий — красивый, неболтливый, безо всяких влюбленностей, а может, он никогда ими себя не ограничивал, не очень интересный, но прямо-таки столп самоуверенности. Раньше я вспоминала о нем в трудные времена. Таких называют трах-партнерами, как будто это ужас как смешно и умно, но я считала Марка скорее человеческим плацебо. Если я верила, что с ним мне будет лучше, так и было.

Никто больше не толпился у моих ворот. Папарацци потеряли ко мне интерес. Понимание того, что про тебя забыли, причиняет боль, хотя и означает свободу. Я отправила Августину домой, Марк проскользнул на своем «БМВ» по дорожке, выпил особенный мескаль, который я ему предложила, сделал комплимент моей прическе Мэриен и, как всегда, с роскошной безапелляционностью бравируя богатым опытом, потащил меня в постель, а когда собрался уходить, я попросила его остаться на ночь.

Так что на следующее утро, когда явилась журналистка из «Вэнити фейр», Марк еще загорал на воздушном матрасе в бассейне. Он бросался

в глаза, как один из тех надутых пластиковых фламинго, что можно увидеть в каждом «Инстаграме».

Материал выйдет лишь через несколько месяцев, но, заметив, как при виде Марка у журналистки загорелись глаза, я практически могла надиктовать врез:

> *В бассейне у Хэдли Бэкстер мужчина. Великолепный мужчина, в солнечных очках, обтягивающих плавках, на надувном матрасе. «Просто друг, – говорит она с лукавой улыбкой, ведя меня по своему дому, обставленному в испанском стиле. – Мы знаем друг друга с тех пор, когда еще куролесили непослушными детьми». Иными словами, Хэдли нечего жалеть. Хэдли Бэкстер не вернулась. Она никуда не уходила.*

Конечно, мне хотелось, чтобы Редвуд прочитал все прямо сейчас, тут же, а не через несколько месяцев. Хотелось, чтобы он знал: плевать мне на его отказ — если это был отказ.

— Как бы вы сформулировали, что привлекло вас в роли Мэриен Грейвз? — спросила журналистка, когда мы уютно уселись у меня в гостиной

с банками сельтерской воды и наполовину наполненными бокалами белого вина. («Она такая дерзкая, как сказал бы мой друг Хьюго», — отвечает Хэдли, имея в виду сэра Хьюго Вулси, ее соседа и продюсера «Пилигрима».) Я боком расселась в кресле. Она чинно присела на диван, поставив магнитофон на кофейный столик.

— Я уверена, вы готовились к интервью и знаете историю моих родителей, — ответила я. — Меня всегда интересовала тема исчезновения. Как правило — наверное, в большинстве случаев, — когда люди исчезают, смерть настоящая, буквальная, но она так не воспринимается. Это аварийный люк в исчезновение. Собственно, это и есть аварийный люк. О Мэриен думают в контексте того, что произошло на самом деле, типа факт ее исчезновения — какая-то неразгаданная тайна. Но даже если она превратилась в снежного человека и пятьдесят лет шаталась по Антарктиде, тут все равно может быть только одна развязка. Сейчас ей было бы сто лет. Нас всех ждет исчезновение, понимаете? Я привыкла думать, а если мои родители живы? Как если бы они сфальсифицировали собственную смерть. Невозможно забыть. Пару лет назад я даже наняла сыщика, но он ничего не нашел. По его словам,

вряд ли вообще что-то можно найти. Ну, озеро действительно большое, понимаете. Но, если они и живы, значит, предприняли неимоверные усилия для того, чтобы меня бросить.

Журналистка поморгала и спросила:

— И что вы думаете сейчас?

— Сейчас мне кажется, их никогда и не существовало.

Она медленно покивала, нагнулась пониже и спросила:

— Вы любите искать, Хэдли?

— Что вы имеете в виду?

— Позвольте мне выразиться так. Мне думается, ищущий человек пытается найти просветление. Я хочу сказать, перед ищущим человеком как бы открытый финал, он всеми силами пытается нащупать свой путь.

Я посмотрела в окно на Марка, который водил рукой в воде.

— Может, я и есть такой человек, — сказала я, — но не в полном смысле, поскольку я всегда как бы несколько потеряна.

Отличная броская цитата для нее. «Я всегда как бы несколько потеряна». Крупным курсивом над фотографией, где я стилизована под бунтарку и одновременно беспризорницу: кожаная куртка

на голое тело, сильно подведенные глаза, беспомощное лицо.

— А как насчет любви? — спросила журналистка. — Ее вы ищете?

— Наверное, больше я ищу просветления.

— А если это одно и то же?

— Нет. Думаю, это противоположности.

* * *

Когда читка закончилась, когда Мэриен погрузилась в глубины, когда помощник режиссера прочитал в микрофон: «Затемнение», когда все затолпились, поздравляя друг друга, я нашла Редвуда, сделав вид, что вовсе его не искала. Столкнувшись с ним лицом к лицу, я изобразила удивление:

— Привет. Ты все-таки существуешь. Я думала, ты моя галлюцинация.

Он нервно рассмеялся и заложил волосы за уши.

— Чтоб ты знала, все те розовые слоны тоже были настоящие, — сказал он.

— Если хочешь, можно прикинуться, что у нас состоялся обычный бизнес-ланч, а не межгалактическое путешествие.

Осмотревшись, он тихо спросил:

— А ты, когда с кем-нибудь напьешься или обдолбаешься, иногда задумываешься, не выставила ли себя полной идиоткой?

— Нет. Полагаю, так и случилось.

Он облегченно улыбнулся:

— Вовсе нет. А я?

— Если честно, я не очень хорошо помню, что мы наговорили.

— Да-а, для меня это всегда и есть часть проблемы.

— Тогда считай, все, что ты говорил, было блестяще.

— А если меня грызет чувство, что в основном это была чушь?

— Может, повторим? — дерзнула я. — И просто ограничимся вином?

— Да-а, конечно.

Он собирался сказать что-то еще, но его позвали.

Приют

Британская Колумбия
Июнь 1932 г.
Через три месяца после полета
Мэриен в Миссулу

«Стирман» перелетел в Канаду. Мир внизу зеленел новой порослью, восточный ветер сияющего утра бороздил небо и подбрасывал аэроплан. Накренившись, Мэриен двинулась на запад.

Джейми с чемоданом и коробкой, где хранились краски и кисти, скрючился в передней кабине. На обратном пути его место займут ящики с виски. Мэриен спишет опоздание на проблемы с мотором, скажет, пришлось сесть в чистом поле и самой чинить аэроплан. Баркли, возможно, не поверит, но дело уже будет сделано. Калеб написал, что Джейми не лучше, он все время твердит, будто она его куда-то заберет, словно отъезд на носу. Может, попытаться? Калеб знал человека, который снимет дом, будет ходить за собаками и Фидлером. Калеб писал, только когда важно.

Мэриен сказала Баркли, что прощает его, раз-

решила ее трахать и волей закрыла матку. Она опять начала летать через границу и из какого-то заштатного городка отправила два письма. Одно Джейми, где говорилось, что он должен быть готов, она скоро заберет его, но явится без предупреждения. Второе заключало в себе просьбу, хотя ответа она не ждала, попросив адресата не писать ей, поскольку не хотела, чтобы Баркли увидел почту из Ванкувера.

Редкие облака напоминали нити, будто шерстяные лоскуты застряли в колючей проволоке. Пропеллер превратился в круглую кляксу, прозрачную помеху. Баркли понимал, какова плата за прощение (даже притворное). Разумеется, аэроплан. Он заплатил нехотя, подозрительно, зная, что каждый ее полет через границу будет прообразом бегства.

* * *

Джейми, сидя в передней кабине, мутным взглядом смотрел вниз. Он хватил самогона перед отъездом, последний глоток, как он поклялся себе, гордый тем, что признал необходимость сделать перерыв в пьянстве, довольный, что смог противостоять желанию потихоньку протащить в полет бутылку. Если бы тут сейчас была Сара!

Он представил, с каким интересом, удовольствием она рассматривала бы землю внизу. После возвращения в Миссулу, после того как Уоллес уехал в Денвер, а Мэриен к Баркли, ему остро, постоянно не хватало Сары. Испугавшись, он схватился за работу и бутылку, так лось в панике бросается в озеро, пытаясь избавиться от мушиного роя. На бумаге или холсте он мог вызвать облик Сары. На бумаге или холсте он мог «показать» ей, хотя до сих пор точно не знал что. Спустя почти год мысли о ней уже не столько давили, сколько просто не отпускали, особенно когда он пил. Он воображал долгие, бессвязные разговоры с Сарой, задавал ей вопросы, на которые она никогда не отвечала.

Мэриен приступила к спуску в длинную долину. Пустынная местность перешла в фермы, затем в кварталы — город, раскинувшийся под проносящимися тенями облаков и заканчивающийся у моря. Она держала курс на север, мимо гавани, от центра. Джейми разглядел маленькое летное поле в центре круга, они начали кружить вокруг него, все ближе, ближе, как будто кто-то наматывал на руку путы.

* * *

— Если бы ты разрешила мне ответить, я бы предупредила тебя, что у меня свободна только самая маленькая комната.

Джеральдина, по воспоминаниям Мэриен, была приятной в общении, мягкой, по-матерински уютной, надежной, хотя с порывистыми манерами и довольно недоверчивым взглядом.

— Отлично, — кивнула Мэриен.

— Тебе тоже отлично? — спросила Джеральдина, обращаясь к Джейми. — Ведь остаешься ты.

— Несомненно.

— Может, хочешь сначала посмотреть?

В такси, доставившем их с летного поля, Джейми сидел тихо, и Мэриен решила, он предвкушает начало предстоящих месяцев абстиненции, а может, осваивается с незнакомым местом, с трудностью начать все сначала.

— Иди посмотри, — сказала она ему, хотя знала, что брат не откажется от комнаты.

Джеральдина провела Джейми наверх, а Мэриен осталась ждать на кухне. Она сидела за этим столом всего год назад, утром того дня, когда увидела расщелину. Джейми и Джеральдина отсутствовали дольше, чем она прикидывала.

В доме стояла тишина; наверное, остальные постояльцы разошлись по делам. Мэриен посмотрела на часы, раздумывая, какое расстояние сможет сегодня пролететь от Ванкувера, где найти ночлег так, чтобы не сказать Баркли.

Шаги и смех. Скрип лестницы. Когда хозяйка с будущим постояльцем зашли на кухню, у обоих вид был светлее, бодрее прежнего, розовее.

— Нормально? — спросила Мэриен у Джейми.

— Дворец! — весело ответил он.

— Никого не водить. — Джеральдина, вдруг стряхнув задор, стала строгой. — Быть дома к полуночи. И никакого пьянства в доме.

— Хорошо, — ответил Джейми.

— Тогда иди разбери вещи, — велела Мэриен. — Я подожду тут.

Когда он ушел, Мэриен встала.

— Передадите ему, что я попрощалась? — спросила она у Джеральдины.

— Не останешься на ночь?

— Не могу. Меня ждет муж.

— Даже не выпьешь чаю?

— Не могу.

Джеральдина озабоченно посмотрела на нее, но озабоченность носила скорее практический, нежели сентиментальный характер.

— Почему мне нельзя было тебе ответить? У твоего брата какие-то неприятности? Если так, ты обязана мне сказать.

— Нет. Или, скажем, ничего такого, что не могла бы исправить смена обстановки.

— Неприятности у тебя?

— Это длинная история.

— И про что она?

Мэриен пошла к двери, Джеральдина за ней.

— В основном про мужа.

— Вот как.

Джеральдина кивнула, скривив рот, что, вероятно, означало некоторую осведомленность в вопросе о мужьях.

— Не люблю прощаться, — сказала Мэриен с порога. — Джейми знает. Не удивится.

— Я не против прощаний, — ответила Джеральдина. — Передам твое «пока».

Неполная история семейства Грейвз

1932–1935 гг.

В мае 1932 года Амелия Эрхарт на «Локхид Веге» летит из Ньюфаундленда в Северную Ирландию, одна. Первый одиночный перелет через Атлантику после Линдберга. Трудный, с грозой, он длится почти пятнадцать часов.

Крылья обмерзают. Аэроплан срывается в штопор и уходит вниз на три тысячи футов. Когда Амелии удается вернуть контроль, она низко над белыми гребнями волн. Она могла тогда пропасть, в холоде, где нет ни островов, ни атоллов, где и мечтать было бы невозможно вернуть ее в жизнь, где она стала бы жертвой катастрофы. Искали бы ее, а нашли бы только воду, как и произошло впоследствии. И наверное, она стала бы очередным погибшим пилотом, с мимолетной известностью, вскоре забытой, потерявшейся в погоне за мечтой.

Ночь в Хопуэлле (Нью-Джерси). Пустая детская люлька. На подоконнике записка с требованием выкупа. Исчез первенец, сын Чарлза Линдберга,

двадцати месяцев от роду.

Шум, переполох. Буквы газетных заголовков максимального кегля. Все хотят принять участие в спасении. Даже Аль Капоне предлагает свою помощь из тюрьмы.

Через два с половиной месяца, после тысячи неверных шагов, после того как Линдберг выплачивает выкуп человеку, клянущемуся, что его сын жив-здоров и находится в несуществующей, как позже выяснится, лодке, уже разложившийся ребенок найден в четырех милях от отчего дома с раскроенным черепом. Он расстался с жизнью в ночь похищения. Линдберг хранит спокойствие — довольно странно, честно говоря. (Однажды, в порядке розыгрыша, он налил другу в кувшин керосин вместо воды и смотрел, как тот пьет. Линдберг смеялся до слез; друг попал в больницу.) Пилот, совершивший первый трансатлантический перелет, еще больше замыкается в себе, выглядывая изнутри в узкую щель, в просвет между занавесками. Жена Энн ни разу не видела, как он плачет.

Эми Джонсон, ставшая знаменитой после полета из Британии в Австралию, летит из Лондона в Кейптаун на «Де Хэвиленд Пус Моте», названном «Облаком пустыни», и побивает одиночный

рекорд своего мужа, Джима Моллисона, пьяницы, нахала и неутомимого бабника, но отличного пилота. В свете полной луны барханы Сахары зыблются серебром.

В августе Баркли находит новое маточное кольцо Мэриен. В последнее время он входил в нее без прелюдий, как обязанное размножаться животное, но однажды ночью, пытаясь доставить удовольствие, заставить ее ответить ему, к чему привык, вставляет палец и чувствует резиновый край. Он бьет ее по лицу открытой ладонью, она в ответ — кулаком.

— Если ты еще раз залезешь в аэроплан, — говорит он, прикрыв ладонью слезящийся глаз, — я оболью его бензином и поднесу горящую спичку.

— Тогда я то же самое сделаю с собой.

— Не сделаешь.

— Уверен?

— Где ты его взяла?

Она не скажет. Золовка ей не союзник, но Мэриен ее не выдаст. Баркли бросает кольцо в огонь.

После этого она прикована к земле, где воздух густой и тяжелый, а ее движения вялые. Баркли совокупляется с ней мрачно, каждый день. Вряд ли он причиняет Мэриен страдания

из ненависти. Скорее считает, беременность станет своего рода исцелением и бесповоротно, немедленно превратит ее в женщину, которой она, по его мнению, должна быть, докажет его изначальную правоту. Баркли считает, она будет любить его за правоту. Иногда он в бешенстве кричит на нее, что она «лежит, как труп, чтобы заставить меня чувствовать себя виноватым». Твердит, что она была с другими мужчинами, намекает на Калеба, на любовников, рассыпанных по всей Канаде, как его запасы спиртного. Учится хватать Мэриен за запястья, уклоняясь от ее ударов. Нутро Мэриен, ее «я», некогда одухотворяемое целью, опустело, стало инертным, жутким, будто она рак-отшельник, по ошибке вместо панциря избавившийся от существа внутри. Тело становится жестким, костлявым, истончается, как никогда прежде. Баркли тяжело давит на нее: воздух тяжело давит на нее; тяжесть и давление постоянны, неизменны.

Она все еще не беременна.

— Я ведьма, — говорит она Баркли, когда он требует, чтобы она рассказала ему свои хитрости.

Она видит, что он почти верит ей — наперекор разуму.

Забирая Джейми в Ванкувер, Мэриен велела

ему отправлять письма в почтовое отделение города, куда могла заезжать между полетами. Но теперь, поскольку она не летает, она не может получить письма, писать брату тоже не осмеливается. Она не хочет, чтобы Баркли знал, где Джейми.

Как-то осенью она гуляет далеко от дома. Облака круглых золотых листьев мерцают на осинах, как застывший дождик из монет. Свист, тонкий и резкий. По лесу, по мерцанию неторопливо идет Калеб. Он как всегда: заплетенные в косу волосы болтаются на спине, из-за плеча выглядывает приклад ружья. Он в хорошем настроении, сияет, уверенный в ее любви. До нее резко доходит, как же она одинока.

Она обхватывает его за пояс. Он кладет ей руку на затылок. Мэриен понимает, что бывший парикмахер заметил ее клочковатые волосы. Баркли хотел, чтобы она отрастила волосы; она стрижет их сама, скверно, швейными ножницами матушки Маккуин.

Она бормочет в грудь Калебу: «Что ты здесь делаешь? Как ты здесь? Зачем ты здесь?»

— Джейми сказал, он ничего о тебе не слышал.

— Я не писала. Не могла. Как он?

— Вроде лучше. Рисует. По-моему, спит с хозяй-

кой. Вот. Смотри сама. — Из внутреннего кармана куртки он достает письмо. — Я всего лишь гонец.

— Ты же не шел всю дорогу от Миссулы?

— Не всю, но, может быть, вы с Джейми могли бы приискать более удобный способ коммуникации. Я слыхал, есть такая штука, как почтовые отправления.

— Осторожнее, тебя не должны увидеть. Серьезно, Калеб. Никто. Баркли не понравится. Он уже отобрал у меня аэроплан.

— Он тебя запер.

— Ты видишь на мне цепи? — Она не понимает, почему ей вдруг вздумалось защищать Баркли. — Это не навсегда.

— Навсегда, если ты не оставишь его.

— Он остынет.

— Я тоже думал, моя мать исправится, — мягко говорит Калеб.

— Тут другое. — Она смотрит по сторонам, проверяя, нет ли за деревьями шпионов. — Мне жаль, что тебе пришлось столько пройти просто из-за письма.

— Не только из-за письма. Хотел тебя увидеть. Беспокоился. — Он всматривается в нее: — Ты слишком худая.

Своим беспокойством он нарушает данное ей

обещание, оскорбляет ее здравый смысл, понимание происходящего, и она ощетинивается, но затем успокаивается, отдавая себе отчет, что у него имелись на то все основания.

— Я все время странствую, — продолжает Калеб. — Не так уж трудно было прийти сюда.

— Завидую твоим странствиям.

— Тогда давай со мной. Уходи.

У нее нет причин не уйти, кроме невозможности.

— Если я удеру тайком, буду чувствовать себя трусихой.

— Мэриен.

— Мне нужно, чтобы он меня отпустил.

— Он никогда тебя не отпустит.

— А так ничего никогда не разрешится. Мне нужен настоящий конец, своего рода соглашение. Я не могу испытывать чувство, будто я ему что-то должна.

— Ты считаешь, он не знает, как заставить тебя всегда думать, что ты ему должна? Ваш брак для него состязание, и, отпустив тебя, он проиграет.

Ее заливает жар. Она уже не может отличить страх от негодования.

— Пожалуйста, не спорь. Я не перенесу.

Калеб покоряется:

— Хотя бы прочти письмо. Я купил карандаш и бумагу, так что сможешь ответить. — Кривая улыбка: — Можешь считать, у меня нет занятий приятней, чем быть твоим личным курьером.

* * *

В письме Джейми благодарил Мэриен за Ванкувер. Ему лучше, пытался убедить он ее, темные чары дома Уоллеса спали. Выражал горькое сожаление по поводу того, как низко пал, в каком состоянии она его нашла. «Я дошел до того, что перестал понимать положение вещей». Джейми познакомился с группой местных художников из клуба «Щетина кабана», названного так, поскольку из кабаньей шерсти изготавливают некоторые кисти. Художники взяли несколько его картин на свою выставку, и одна продалась, не задорого. На выходных рисует портреты в городских парках, как в Сиэтле, а еще нашел работу на складе произведений искусства, а еще поместил объявление в газете, что дает уроки рисования. «Единственная ложка дегтя в бочке меда: ничего не знаю о тебе, не знаю, как ты». И, добавлял Джейми, они с Джеральдиной стали хорошими друзьями.

На самом деле Джейми влюблен. Точнее, не совсем. Он хочет быть влюблен, поскольку, вне всяких сомнений, охвачен страстью, а не любить первую женщину, с которой спит, для него оскорбительно, невежливо и даже непорядочно. Да и почему же не любить мягкое, податливое тело, которое ему позволено трогать руками, губами, лежать на нем, вторгаться в него? Почему не любить хорошую женщину, которая живет в этом теле, которая исключительно силой плоти наконец-то потеснила Сару Фэи из средоточия его мыслей? Нет причин не любить Джеральдину, и все-таки он ее не любит. Не вполне. Он, однако, привязан к ней и всякий раз, когда не находится в ее постели, испытывает острое желание туда вернуться.

В Миссуле, когда он «перестал понимать положение вещей», его мучило, что жизнь Сары Фэи продолжается без него, что она поступит в Вашингтонский университет, познакомится с юношей, выйдет за него замуж и будет жить так, как и жила бы, если бы он никогда не встретился на ее пути. В постели с Джеральдиной он испытывает смутное чувство победы, как будто в любви с другой женщиной получает некую абстрактную компенсацию. Но такое чувство

еще более непорядочно, чем отсутствие любви, и Джейми пытается избавиться от него.

А Сару нужно забыть.

Джеральдина уверяет, ей тридцать, и он, наверное, верит. Что-то около того. Дом она получила в наследство от матери. Помимо Джейми, у нее три постояльца: пожилой учитель на пенсии, молодой человек, обучающийся на портного, и незамужняя женщина примерно возраста Джеральдины, работающая в какой-то конторе и всегда заговорщически подмигивающая Джейми. Он начинает осознавать свою привлекательность в глазах женщин. «Ты просто большой глоток воды», — сказала ему одна покупательница в рабочем комбинезоне, забиравшая крупный заказ — глину — со склада, где он работал, а когда Джейми спросил, что это значит, ответила: «В жаркий летний день самое оно». Позже он увидел ее на лекции, организованной клубом «Щетина кабана», заговорил. Ее звали Джудит Уэкслер. Скульптор.

Порой его тревожит, что Джеральдина, похоже, не всегда помнит, сколько ему лет — еще нет девятнадцати. А когда замечает в ее заботливых хлопотах материнские нотки, его тревожит, что она считает его всего-навсего ребенком.

Однако, рассуждает он, некоторое неудобство может быть частью любви.

Дорогой Джейми!

Пишу тебе из желтой осиновой рощи, куда пришла погулять, не имея ни намерения, ни ожиданий кого-либо встретить, вообще-то с целью побыть одна, и вдруг является Калеб собственной персоной. Он выследил меня тайком, как выслеживает лосей, но любезно не пристрелил. Мне нечего рассказывать, я живу хорошо. Баркли не дает мне летать, но я надеюсь, все изменится. Я должна надеяться. В любом случае, пожалуйста, не беспокойся за меня. Ты говорил с Уоллесом? Я говорила, и кажется, он в порядке. Рада, что ты не последовал за ним к врачу в Денвер. Полагаю, возможно начать все заново.

Пожалуйста, пиши, даже если мои ответы будут такими же безжизненными, как этот. Я сейчас не вполне в себе.

* * *

Год тридцать третий

Сорвиголова Элинор Смит, подростком летавшая под нью-йоркскими мостами, в возрасте двадцати двух лет выходит замуж, оставляет авиацию и сходит со сцены. (То есть не летает до смерти мужа, последовавшей в 1956 году. Свой последний полет она совершит в 2001 году, в возрасте восьмидесяти девяти лет, за девять лет до смерти.)

У Уайли Поста один глаз и «Локхид Вега» по имени «Уинни Мэй». Он совершает кругосветный полет — один, он первый, кто совершает его один, — с одиннадцатью посадками за неполные восемь дней. Маршрут проложен по северу: Нью-Йорк, Берлин, Москва, ряд слякотных городов Сибири и Аляски, Эдмонтон, опять Нью-Йорк, географически — малый круг, хотя, несомненно, большой. На стороне Поста два нововведения: новехонький радиокомпас и зачаточный автопилот «Сперри». Чтобы не сбиться с маршрута, летчик может ориентироваться по радиосигналам, чуть поспать в кабине. Тем не менее он страшно устал.

Эми Джонсон и ее муж Джим Моллисон летят на запад над Северной Атлантикой навстречу довлеющим ветрам, имея целью Нью-Йорк. Падают в Коннектикуте, но выживают. (В 1941 году,

в плохих погодных условиях перегоняя учебный самолет на авиабазу королевских ВВС в Кидлингтон, Эми, тридцати семи лет, заблудится, прыгнет с парашютом над ледяным устьем Темзы и то ли утонет, то ли ее затянет лопастной винт лодки, которая пытается ее же спасти. Тело так и не найдут.)

Английский летчик Билл Ланкастер, пытаясь побить рекорд Эми, поставленный ей во время полета в Южную Африку, терпит крушение в Сахаре. Разбившийся аэроплан и сухой коричневый сверток тела, нетронутые, ненайденные, пролежат на голом песке до 1962 года. Каждый день вращающаяся Земля поднимает его навстречу заре. В других краях мир будет разрушать себя, затем отстраиваться заново.

Гитлер запугиваниями, сделками прокладывает себе путь в канцлеры. Когда он говорит речи, голова у него откидывается назад, как будто собственные слова бьют в челюсть.

Согласно Версальскому договору, Германии навсегда запрещено иметь военно-воздушные силы, но немецкие пилоты тайком обучаются в Советском Союзе. (Не лучшее решение Сталина — именно такая помощь.) Другие проходят обучение под прозрачным прикрытием граждан-

ских спортивных клубов. Свежий альпийский воздух поднимает на планерах крепких молодых арийцев.

Люди строят все больше самолетов, других летательных аппаратов. Дирижаблей. Автожиров. Гидросамолетов. Люди ставят и бьют рекорды дальности, скорости, продолжительности, высоты. (Мэриен мало что известно, в Бэннокберне она редко видит газеты.)

Появляется больше воздушных линий. «Боинг-247» компании «Юнайтед Эйрлайнз» взрывается над Индианой. Первый взрыв пассажирского самолета. Никто никогда не узнает, кто его взорвал и зачем.

Мэриен заполняет огромная пустота. Еще никогда не жила она в такой праздности. Она ни о чем не мечтает, ни к чему не стремится. Изредка появляется Калеб, находит ее на ранчо, пугает, принося, как запах, прежнюю жизнь.

> Дорогая Мэриен!
>
> Я перебрался через гавань собственно в Ванкувер. Боюсь, мы нехорошо расстались с Джеральдиной. Я ее огорчил, но иначе поступить не мог. Мне, однако, очень жаль.

Джейми живет в меблированных комнатах на Пауэлл-стрит, там, где буйный Газовый квартал начинает уступать аккуратному Японскому. Его пристанище не частный дом, как у Джеральдины, а запущенное трехэтажное здание между бильярдной и японской цирюльней.

Наступает облегчение от жесткости и полной безвестности нового варианта жизни, от шумной городской суеты, пивных Газового квартала и контор по найму лесорубов, от лязгающих, гудящих трамваев и пыхтящих товарных поездов, от японских лотков с лапшой и зеленью, нечитаемых вывесок и битком набитых витрин в южной части Китайского квартала.

Может, попробовать на вкус ночную жизнь? Может, вдали от тягостного давления дома Уоллеса сделать пару глотков и все же сохранить способность «понимать положение вещей»? Свобода от Джеральдины наполняет его тоской по ней, но тоска представляется опасной, от нее необходимо избавиться. Ему нужно, чтобы его касались, нужны новые воспоминания, которые легли бы на старые.

Несколько мутных ночей, краткий, тошнотворный сеанс с проституткой. Он пишет уличные сцены, сцены в гавани. Раз в неделю дает урок

рисования богатой вдове, выстраивая для нее натюрморты из фруктов и цветов, воспроизводимые той робкими, суетливыми линиями. Сходится с другими членами клуба «Щетина кабана», всем за двадцать, большинство едва сводят концы с концами. Двое преподают в художественной школе, несколько участвовали в передвижных выставках, продали кое-что в музей. Они критикуют работы друг друга, но в основном пьют. Он спрашивает у них про Джудит Уэкслер, и они беспощадно его дразнят: «Она схарчит тебя на обед! Это сущий дракон, парень! Оставь надежду, всяк сюда входящий!» — но больше не говорят ничего полезного.

Он пишет Мэриен:

> У меня такое чувство, что я дошел до развилки, чреватой последствиями; их невозможно предугадать, но они неизбежны. Может, мне пожить богемной жизнью, чтобы на время развлечься? Или постараться не угодить в западню? Я боюсь, меня затянет, как Уоллеса (и как меня самого – почти), но жизнь вообще без радостей, наверное, избыточная предосторожность, к тому же

деморализует, когда творишь искусство. Я хочу любви, но не жены, пока нет. Хочу выпивать, но не до разложения. Хочу мощного толчка, но не хочу согнуться. Полагаю, я хочу своего рода равновесия, но, по-видимому, и острых ощущений от колебаний вперед-назад. Ты понимаешь, о чем я? Возможно, нет. Ты всегда была человеком несгибаемых устремлений. А может, ответ в живописи. Ведь самое мирное состояние души у меня действительно, когда я работаю.

С днем рождения.

Им девятнадцать. На сей раз Мэриен беременна. Месячные уже несколько месяцев нерегулярны, поскольку она сильно похудела, но она точно знает. Груди распирает так, что, кажется, сейчас лопнет кожа. Ей удается скрывать тошноту от Баркли, но, понятно, надолго тайну не сохранить.

Как она была глупа, как инертна, суеверна, капризна, смешна: прикованное к земле привидение, бродящее между деревьев, свиноматка, ожидающая в спальне. Она невольно думала, а может, Баркли прав и зачатие убедит ее в своем

материнском предназначении, однако встреча сперматозоида и яйцеклетки образовала на поверхности озера первый кристалл льда, который начинает цвести, становясь твердой, гладкой поверхностью, распространяющейся к берегам. Она вглядывается сквозь нее в собственные черные глубины; она не испытывает ненависти к плавающей там крупинке жизни, но и не будет жалеть ее.

Сухой закон обречен, отрицать уже невозможно. Компаньоны Баркли приезжают в Бэннокберн обсудить, что делать.

— Скотоводы, — сообщает он матери. — Приехали поговорить о скоте.

— Бутлегеры, — шепчет Мэриен матушке Маккуин, наклонившись над ее стулом. — Ваш сын, как вам прекрасно известно, преступник.

Но мать делает вид, что не слышит, и, продолжая вязать, напевает.

Баркли не намерен ослаблять контроль за женой и редко покидает ранчо, но время от времени дела задерживают его где-нибудь на ночь. Мэриен ждет. У нее нет продуманного плана, только воля, вернувшаяся к ней вольным ястребом, севшим на перчатку.

Однажды днем Баркли и Сэдлер уезжают

до следующего утра. Мэриен ждет, ужиная с Кейт и матушкой, ждет у камина под перестук отсчитывающих секунды вязальных спиц свекрови, ждет в постели до полуночи, за полночь, пока наконец не воцаряется тишина. Крадется вниз по лестнице, проверяя каждый шаг, уверенная, что предательский дом ее выдаст.

Сентябрьская ночь теплая, ясная, взмыл месяц. На ней брюки, простая рубашка, парусиновая куртка. Она взяла рюкзак, где лежит шерстяное одеяло, фляга с водой, немного еды, фонарик, компас, нож и заначка, снятая ей в банке Миссулы во время последней поездки и спрятанная в жестяной банке у посадочной полосы. Все остальное, что она считает своим, осталось во флигеле за домом Уоллеса. Элегантная одежда и драгоценности миссис Баркли Маккуин не имеют к ней никакого отношения. Луна выписывает ее тень, окрашивает в синий дорогу ранчо, крылья «Стирмана». Она боялась, Баркли мог как-то вывести его из строя, готовилась идти по горам, но после того, как она заливает масло и чистит свечи зажигания, двигатель сразу заводится. Обнаружив наполовину полный бензобак, она дрожит от негодования и стыда. Он был так уверен, что она его не ослушается.

Ей хотелось бы полететь в Миссулу, к Калебу, к своему флигелю. Хотелось бы пойти к мисс Долли, к миссис Ву. Но слишком легкомысленно надеяться на то, что никто на ранчо не услышит, как взлетает аэроплан, что кого-то обманет ее записка. В Миссуле ее найдут еще до полудня. Валкий пробег по ухабистой земле в темноте, взлет. Мэриен накреняется над залитыми лунным светом деревьями, поворачивает на северо-запад. Небо все еще ясное, хотя ее не остановили бы даже самые плотные облака. Пролетая над темным блеском озера, она снимает обручальное кольцо и бросает его вниз.

— Он не знает о ребенке? — спрашивает Джейми, выслушав рассказ Мэриен.

Когда закончилось топливо, она посадила аэроплан в глуши, как могла, прикрыла его, загнав нос между деревьями, а затем прошла десять миль до ближайшего города. Там она ни с кем не заговаривала, кроме скучающего вокзального служащего, продавшего ей билет на поезд в один конец до Бойсе. Сошла с поезда через две остановки и купила билет до Сан-Франциско, повторила уловку еще раз и наконец доехала до Ванкувера.

— Нет, — отвечает она Джейми.

— И не знает, куда ты бежала?

— Я не говорила ему и почти уверена, он не знает, что я привезла тебя сюда. Он бы только позлорадствовал. И тем не менее рано или поздно он может появиться. Боюсь, так и будет, но делать нечего. Если он придет, просто скажи, не знаешь, мол, куда я уехала, будет правда.

— Я его не боюсь.

— А стоило бы. Прости, Джейми. Я виновата.

Они гуляют возле парка Оппенхеймер. На бейсбольной площадке тренируется команда японцев.

— Они лучше всех в городе, — хвалит Джейми. — Если останешься, сходим на игру. Туда все придут.

— Я не могу остаться надолго. Обещаешь быть осторожным?

— А что Баркли может у меня взять? У меня ничего нет.

— Ты же знаешь, дело не в том, что он что-то возьмет. Я всегда боялась именно этого.

— М-да, не надо было тебе оставаться с ним из-за меня.

— Не из-за тебя. Меня будто парализовало.

— А что тебя вернуло к жизни?

— Беременность.

Он помялся.

— Мне нельзя ребенка, — резко говорит Мэриен. — Он навечно привяжет меня к Баркли. Он бы добился своего, даже если бы каким-то чудом не узнал. А о том, чтобы передать ребенка в другую семью, и речи быть не может. Я не могу позволить ребенку гадать, кто его родители. Такой жизни я бы никому не пожелала.

— Нет. Я тоже.

Джейми ведет Мэриен в чайную. Она меняет тему разговора:

— Что ты решил насчет богемной жизни?

Официант приносит керамический чайник, две чашки без ручек.

— Не столько решил, сколько пребываю в состоянии постоянного компромисса.

— Чай какой-то зеленый. Что за компромисс?

— Попробуй. Вкусно. Компромисс в том, что я живу день за днем, не принимая судьбоносных решений.

«Живи каждый день», — сказала ему Джудит, когда он поделился с ней своими тревогами. Она сидела голая на матрасе, курила сигарету и пожала голыми плечами, не понимая причин его тревоги. «Ничего не решай». Он еще ничего не рассказал Мэриен про Джудит, которую отчаянно вожделеет и любит. Его подруга сестре

не понравится, она решит, та много о себе возомнила и поглощена собой, а Джейми не уверен, что хочет биться над вопросом, права ли она.

— Разве это компромисс? — спрашивает Мэриен. — Немножко похоже на отсрочивание. Ты ведь не думаешь возвращаться к прежнему?

— Нет, — задумчиво отвечает Джейми, — но тревога все время в глубине сознания. Наверное, такое состояние тормозит. В любом случае я сосредоточился на живописи. Кое-что удалось продать на клубных выставках. А еще есть один фотограф, Флавиан, из Бельгии, так он открыл галерею и хочет продавать мои работы.

— Здорово. — Мэриен смотрит в чашку с чаем. — На вкус как растение.

— Чай и есть растение.

— Если продашь еще пару работ, сможешь сменить жилье? Нынешнее смахивает на клоповник.

— В общем-то клоповник и есть, но я не знаю, куда деваться, вот в чем проблема. Можно остаться и немного сэкономить. Так я могу платить и за общую мастерскую.

— Мы можем туда сходить? Я хочу посмотреть твои работы.

— Вечером сходим. — Джейми наклоняется

и понижает голос: — Но, Мэриен, что ты собираешься делать?

— Я не могу его оставить, — повторяет она. — Я бы обратилась к мисс Долли, там есть женщина, она может помочь, но Баркли вычислит меня за секунду. Поэтому решила поспрашивать в борделях тут, в конце концов кто-нибудь должен сказать, куда пойти.

Думая о Баркли, Джейми испытывает то же бешенство, что и много лет назад, когда чуть не убил мальчишку, кидавшего камни в собаку. Бешенство, естественно, только у него в голове, в теле, но кажется намного больше и сильнее, стихией, которая в состоянии прорвать его изнутри. Он представляет, как Мэриен стучится в дверь публичного дома, как ее посылают к какому-то врачу с дурной репутацией. Темная комната, поднос со ржавыми инструментами.

— Баркли убил бы тебя, если бы узнал.

— Вряд ли. Но даже если бы мне сказали, что, несомненно, убьет, это ничего не изменило бы.

Что он может ей предложить? Джейми совершенно не разбирается в том, чем женщины занимаются тайком от мужчин. Вспоминает проститутку из Газового квартала и не представляет, как спросить у нее, который час, не говоря

уже о просьбе помочь сестре с абортом. Джудит может знать, но вряд ли сохранит тайну. Потом ассоциация подключает другой участок мозга, с такой силой, что ощущение в полном смысле физическое.

— Я знаю кое-кого… — он осекается. Разве знает? Знает совсем немного, но полагает, она толкова, сострадательна и компетентна в таких вопросах. Но если она отшвырнет Мэриен? Тогда Мэриен вернется к тому, что и так собиралась сделать. А если она подставит Мэриен и ту арестуют? Нет, не подставит. Кажется, в этом он может быть уверен. — Тебе надо в Сиэтл. Я там знаю кое-кого, кто, возможно, сможет тебе помочь. Лучше, чем не знать никого.

Мэриен поездом едет в Сиэтл. На ней обычное платье, купленное именно из-за его обычности, обычная шляпка, прикрывающая короткие волосы, простые туфли. У нее новый чемодан, где еще один комплект такой маскировки, но и старая одежда — талисман, залог того, что скоро она опять станет собой. Поселяясь в гостинице, она представляется другим именем: на свет является миссис Джейн Смит.

— Ты точно как на портрете, — говорит миссис Фэи.

Они сидят в бистро в центре города.

— Портрете?

— Джейми нарисовал тебя для нас. Я сохранила. Завтра принесу показать. Джейми рисовал по памяти, невероятно, особенно теперь, когда я вижу, насколько он хорош. — Миссис Фэи кладет ладонь на руку Мэриен: — Я очень рада с тобой познакомиться, хоть и не при самых благоприятных обстоятельствах, жаль. Не знаю, как Джейми понял, что нужно обратиться ко мне. Я помогала другим девушкам в подобных ситуациях, но точно не упоминала об этом в разговорах с ним. У него, должно быть, хорошая интуиция.

— Обычно да, и он обожал вас и ваших дочерей.

Миссис Фэи, может быть, не услышав имени мужа, улыбается и отпускает руку Мэриен.

— Особенно они подружились с Сарой. — Она размешивает в кофе сахар. — Я бы хотела, чтобы вы познакомились, но, может быть, сейчас не лучшее время. Как Джейми? Он ничего не рассказал о себе в письме. Я думала, что он в университете Монтаны, но почтовый штемпель из Ванкувера.

— У него все хорошо. — Мэриен колеблется, раздумывая, не сочтет ли элегантная женщина, так изящно поднимающая за ручку чашку кофе,

жизнь Джейми странной, не разочаруется ли она. — Он пытается стать художником.

Миссис Фэи сияет:

— О, как я рада! У него, судя по всему, необыкновенный талант. Надеюсь, когда-нибудь он прославится. Нет, я неправильно выразилась. Надеюсь, он реализуется.

— Я тоже.

Женщина смотрит на нее, подняв голову.

— После того как Джейми рассказал о тебе, я ожидала увидеть нечто более… нетрадиционное. Я имею в виду одежду.

— Стараюсь не выделяться.

— Почему?

— Меня наверняка ищут люди моего мужа.

— А-а. Понимаю.

На следующее утро, придя в гостиницу, чтобы отвести свою протеже к врачу, миссис Фэи разворачивает лист бумаги и показывает Мэриен ее изображение, выполненное итальянским карандашом.

— Сейчас Джейми нарисовал бы меня иначе, — говорит та. — Невероятно, как я была уверена в себе.

— Не хочу сказать, что хорошо тебя знаю, но думаю, ты очень смелая. — Миссис Фэи опять

скручивает рисунок и дает его Мэриен: — Возьми. На память.

Та качает головой:

— Вряд ли я смогу сохранить его. Но когда-нибудь с удовольствием заберу. Вам не трудно подержать рисунок у себя еще какое-то время?

Грохочет тележка с инструментами. Яркий свет с потолка. Сладкий эфир. Вечер в гостиничной постели. Немного крови. Тупая боль. Вечером Мэриен пишет длинное письмо, страницу за страницей, и аккуратно кладет его в конверт. Из телефонного справочника гостиницы выписывает адрес отделения бюджетных доходов, у мужчины за стойкой покупает гербовую марку. На следующий день бродит по набережной, доходит до самого Гувервилля, некогда бывшего верфью, видит неправильную, ветхую геометрию лачуг, между которыми, словно цементный раствор, набита грязь. Ледяная корка внутри растаяла, как и плававший под ней комочек жизни, но Мэриен не вернулась в прежнее состояние, она переживает очередную потерю. Мэриен ее хотела, но та чувствуется.

На обратном пути в гостиницу она отправляет письмо.

На следующий день бронирует переезд на Аляс-

ку. Джейн Смит, говорит она человеку в окошке кассы, и так он записывает ее в путевой лист.

* * *

В 1934 году самолеты летают дальше, быстрее и даже не в самую летную погоду. Появляется больше маршрутов.

Новозеландка Джин Баттен летит из Англии в Австралию, побив рекорд Эми Джонсон на четыре дня. (Сегодня в оклендском аэропорту ей стоит памятник.) Сэр Чарльз Кингсфорд Смит пересекает Тихий океан с запада на восток. (Аэропорт Сиднея носит его имя.)

Территория Аляска — край огромный, суровый, край без дорог, край, где лучше передвигаться по воздуху. Лететь час, идти неделю — так говорят. Почтовые расстояния, для преодоления которых на санях ехать почти месяц, на аэроплане занимают семь часов. Аляскинцы уже самый летающий народ, но им нужно больше летчиков. В конце концов, Мэриен не сложно делать то, чего она так всегда хотела: зарабатывать полетами.

Едва сойдя с корабля в Анкоридже, она нашла жилье, купила грузовик и начала объезжать ангары. В поисках работы Джейн Смит предъявляла

в качестве доказательства своего опыта журнал. Когда у нее спрашивали лицензию, она отвечала: «Не получала», — и никто не терзал вопросами почему. (Аляскинцы не самый забюрократизированный народ.) Журнал не в идеальном состоянии. Множество пунктов назначения записаны общо: «Канада», множество полетов помечены лишь одним словом: «Груз». Даже имя, столь нарочито простое, похоже, подчищено. Мужчина с лицом висельника, шрамом на губе и в мятой шляпе смотрит ее журнал, смотрит на нее, берет на пробный полет и тут же нанимает.

Она перевозит людей и товары, куда требуется, учится летать на гидропланах, приводняется, зимой приземляется на лыжах. За аэропланом в основном ухаживает сама, ей приходится чинить его в экстренных случаях так часто, что Мэриен вообще уже не считает их экстренными. Она снимает маленький дом на окраине города, где несложно ни с кем не общаться. Может, именно так жил ее отец, уехав из Миссулы? Вооружился своими знаниями и отправился в путь? Иногда она в испуге просыпается от звуков животных на улице и думает, за ней пришел Баркли. Возле кровати держит ружье.

— Что ты все возишься с самолетами? Ты

вполне себе ничего, могла бы и замуж выйти. — Сзади слишком близко стоит пилот, низенький, опухший. — Особенно тут.

— У меня уже был муж, — отвечает она, наливая в канистру воду для радиатора. — Он умер. — Ее голос, как треснутое лезвие.

Пилот отходит, ждет, когда она перекроет кран.

В ясные дни севернее залива Кука видна гора Мак-Кинли. Если Мэриен летит на север, гора все растет, белая, как луна, и кажется даже, поднимается, как луна, кажется, отделяется от земли, слишком огромная, чтобы здесь оставаться. На востоке зазубренные, как пила, Чугачские горы, за ними горы Врангеля, Аляскинский хребет. Горы повсюду: чудовищные, задохнувшиеся ото льда сестры покрытых лесом вершин, окружавших ее, когда она выписывала петли и штопоры над Миссулой. (На Аляске она не решается выполнять фигуры высшего пилотажа, не желая распространения слухов о способной на такое девушке.)

Потребность бежать не исчезает, горизонт зовет. Если бы она могла улететь далеко-далеко, жить нигде, иметь один аэроплан, если бы этому аэроплану никогда не нужно было садиться

на землю, тогда, может быть, она почувствовала бы себя свободной.

* * *

Джейми выезжает из клоповника, находит маленькую квартирку без соседей на более тихой улице в том же районе. Всего одна комната, но чисто, аккуратно, сосновый пол и странно миниатюрная ванна, где можно сидеть, только поджав колени почти к груди.

— Ты откликнулся на объявление, где искали гнома? — интересуется приятель по «Щетине кабана».

Джудит уехала в Европу, «посмотреть, что там творится», по ее выражению.

— Ты ведь не будешь тосковать по мне, правда? — спросила она Джейми. — Поскольку я собираюсь напрочь тебя забыть. — И улыбнулась своей энергичной улыбкой, способной означать как шутку, так и серьез.

Вокруг них, Джейми и его друзей, кружатся женщины, и теперь Джейми считает свою привлекательность само собой разумеющейся. Дабы продемонстрировать безразличие к Джудит, спит с продавщицей сигарет из бильярдной, с парочкой барменш, с девушкой, с которой знакомится

на танцах и которая уголком губ непрестанно отпускает колкие шуточки, даже когда голая. Прежнее свое убеждение, что надо любить женщину, с которой спишь, он считает трогательно наивным.

Джудит оставила ему на время несколько книг, и он их читает: «Современные французские художники», «Художники современного образа мыслей», «Художник и психоанализ». Джейми пугается, что слишком увлекся колоритом, что линии утратили ритм, композиция — оригинальность, что он старомоден. Пугается, что ему нечего сказать своими картинами и поэтому Джудит отправилась в Европу на поиски других мужчин.

— Спасибо, любовь моя, — говорит он женщинам, продающим ему пиво и сигареты, уже не воспринимая слово на слух.

* * *

В одиннадцатый день 1935 года Амелия Эрхарт становится первым человеком, совершившим одиночный полет из Гонолулу в Окленд. Звезды висят за окном кабины так близко, пишет она, что их можно потрогать. Десять тысяч человек окружают ее после приземления, красная «Лок-

хид Вега» будто плывет по человеческому морю.

— Не хотел бы полететь на такое огромное расстояние над океаном, — чешет подбородок босс Мэриен, человек со шрамом на губе.

Он не любит бахвалиться, чем и нравится ей. Большинство парней утверждают, что полетели бы, будь у них деньги, которые у Эрхарт от мужа, от улыбок на фото, от имени на этикетках солодового молока, на чемоданах и бог знает где еще. Они ведут себя так, как будто ее полеты не считаются, как будто они ненастоящие.

Между тем Джейн Смит становится настоящим аляскинским пилотом. Летает между городами, тем, что именуется городами, затерянными в лесах деревнями, палаточными городками, одинокими хижинами, доставляет почту, пищу, топливо, собак, собачьи упряжки, газеты, мотоциклы, взрывчатые вещества, обои, табак, дверные ручки и тому подобное. Перевозит на край света людей, которые обогащаются, тонут, замерзают, подрываются или их съедают медведи. Перевозит трупы в парусиновых мешках.

Один труп так воняет, что она подвязывает его к крылу. Как-то женщина рожает у нее в самолете. В другой раз она садится на замерзшую поверхность Чукотского моря, чтобы вызволить

пассажиров закованного в лед корабля. Где-то подхватывает русское слово «полынья», обозначающее участок незамерзшей воды в море, куда поднимаются дышать киты. Местность таинственная, суровая, невообразимо огромная, и кое-что от ее непроницаемости, от равнодушия к делам человеческим она берет себе. Резкость — еще один вид камуфляжа.

Зимой солнце встает на юге. Дальше на севере вообще не встает. Мэриен носит длинные кальсоны, шерстяные свитера, а сверху — костюм из шкуры северного оленя. На первый взгляд даже нельзя причислить пилота Джейн Смит к женскому сообществу, видно только косматый холмик (она еще помнит Гризли-Сидящего-в-Воде и так подписывает пустую открытку Калебу, попросив собирающегося в Орегон знакомого послать ее оттуда), но на случай второго, а также третьего взглядов она носит нож и пистолет. Суровый край.

Холод — убийца самолетов. Перемерзают топливные баки, отказывают гидравлические насосы, становятся ломкими и протекают резиновые шины и прокладки, приборы выходят из строя. Если утро особенно холодное, она разводит под двигателем огонь и накрывает его

брезентом, сохраняя тепло, при этом смотрит, как ястреб, поскольку газ, смазка или сам брезент могут загореться в любой момент и иногда загораются. Она тушит больше огней, чем может потом вспомнить. Ломает пропеллеры, лыжи, крылья, распускает позади аэроплана веер подтекающего топлива. Один раз твердая, как она решила, земля оказывается болотом; при соприкосновении с колесами оно подбрасывает аэроплан и выплескивается на нее. Она в порядке, висит вниз головой, притороченная к сиденью, а с головы стекает грязная вода. Чтобы вытащить аэроплан, приходится искать упряжку мулов. Она чинит лыжи при помощи расплющенных газовых баллонов, пропеллеры — при помощи дымовых труб, стойки укрепляет березами. Она летает в такую погоду, когда другие только качают головой, и, как в детстве, прячет деньги.

Однажды она летит в Маккарти, зная только, что нужно забрать человека и доставить его обратно в Анкоридж. Тот ожидает на летном поле в наручниках. Шахтер, говорят ей. Изнасиловал жену другого шахтера.

Отлично, отвечает она и велит упаковать его сзади с несколькими свертками шкур, которые взяла с собой. Его пристегивают к сиденью.

Пятнадцать минут в воздухе, и она аккуратно переворачивает старый «юнкерс» вниз головой. Если развалится, решает Мэриен, то по крайней мере она заберет насильника с собой, но аэроплан выравнивается. Шахтер вопит благим матом, оба плеча вывихнуты.

Плохие летные условия, говорит она, передавая пассажира под ясным голубым небом. Побросало. История расходится, заставляет мужчин хорошо подумать, прежде чем подойти к ней.

Как-то летом одноглазый кругосветник Уайли Пост путешествует по Аляске с обожаемым всеми США комиком Уиллом Роджерсом в самолете с тяжелым носом, собранным с миру по нитке: крылья от одной модели, фюзеляж от другой, понтоны от третьей. Мэриен видит их в августе, когда прилетает по делам в Фэрбанкс, качает головой на аэроплан, на эти толстые понтоны. Недалеко от Барроу, на северной оконечности континента, Пост и Роджерс, взлетев из лагуны, падают и погибают. Мэриен знает уже немало погибших пилотов. На Аляске разбиться несложно. Пилоты залетают в горы, пропадают над океаном.

Тем более нужно помалкивать. Никакой причины скорбеть.

* * *

Хелен Ричи, известная гонщица и мастер фигур высшего пилотажа, поступает на службу в «Сентрал Эйрлайнз» и становится первой американкой, выполняющей коммерческие рейсы на пассажирском самолете. Однако она редко за штурвалом, чаще ее просят выступать и рекламировать компанию. Мужчины в профсоюзе пилотов — а там одни мужчины — не хотят принимать ее. Она уходит. А что еще остается? Ни одна американская авиалиния не примет на работу ни одну летчицу в ближайшие тридцать восемь лет.

Благодаря новому американскому DC-3 коммерческие пассажирские перевозки становятся прибыльными. Самолет может взлетать с грязи, песка, снега, откуда угодно, приобретает репутацию прочного, даже неистребимого. Два пропеллера, размах крыльев — девяносто пять футов, ухаживать за двигателем легко, много времени не требуется. Военный вариант будет называться С-47. Их построят десять тысяч — «скайтрейнов», «дакот», «гуни бэрдов». Они будут летать в горах из Индии в Китай, перевозя грузы и петляя в горных лабиринтах, слишком высо-

ких, чтобы их перелететь, над ущельями и без того высотой в пятнадцать тысяч футов. Во время высадки в Нормандии они, как семена одуванчиков, будут распылять десантников. Будут падать в джунглях и пустынях, в горах и городах. Усеют дно океана. Из тех, кто переживет войну, многие перекрасят, переоснастят, многим в мирное время найдется новое занятие. Один из них станет «Пилигримом».

В ноябре стратосферный аэростат «Эксплорер-2» поднимается из Южной Дакоты, достигает 72 395 футов с экипажем в составе двух человек, рекорд высоты, который будет держаться почти двадцать лет. На фотографиях впервые видно скругление Земли.

Джейми натыкается на изображения в журнале, идет домой и толстым слоем грунтовки замазывает наполовину готовую сцену в гавани. Начинает сначала: фрагмент квартала сверху, почти с высоты птичьего полета, будто слегка скругленный формой Земли, мелкие полосы гавани, горы, небо стиснуто сверху, тоже слегка скривленное. До Джейми доходит, что он хочет изобразить бесконечное пространство.

Картину в галерее Флавиана покупает мистер Аюкава, владелец универсама в Японском квар-

тале. Когда Джейми заходит забрать чек, Флавиан сообщает, что поступил заказ. Мистер Аюкава хочет портрет дочери.

— Предприниматель. — От многозначительности у Флавиана отяжелел голос. — Ты понимаешь, что это значит? Он чем только не занимается.

С неприятным чувством Джейми вспоминает разговоры про Баркли Маккуина.

— Ты человек вежливый, но с ним нужно быть особенно вежливым. А, кстати, знаешь, Джудит вернулась.

— Я ее видел.

Джудит вплыла на лекцию «Щетины кабана» со свежеиспеченным французским мужем в кильватере, судя по всему, поэтом. Расцеловала Джейми в обе щеки, заявив, что ему совершенно необходимо поехать в Европу, что Ванкувер — жалкая провинция, а искусство тут и не искусство вовсе. Он хотел спросить, зачем она тогда вернулась, хотя и подозревал ответ: в Европе она лишится удовольствия похваляться пребыванием в Европе. Джейми вспомнил, как сестра Сары Фэи назвала Сиэтл глухоманью, как смутила его, поскольку он считал город восхитительным, космополитичным.

Он вышел и напился, болезненно затосковав

по месяцам, проведенным с Джудит, по волнению, с каким поднимался по темной лестнице ее мастерской, по ее коже, от глины вечно покрытой серой пылью. Джейми вправду полагал — идиотизм, — что по возвращении чувства Джудит к нему вспыхнут с новой силой, что расширение ее мира все-таки не сузит места, занимаемого им.

Семейство Аюкава живет в красивом белом доме у парка Оппенхеймер. Мисс Аюкава, восемнадцати лет, нисеи, родившаяся в Канаде, позирует ему в большой гостиной, обставленной в западноамериканском стиле: темные ковры, тяжелая мебель. Его картину повесили над длинным ореховым буфетом. Если бы не большие окна, в комнате было бы мрачно. Ветреное, необычайно солнечное утро. Джейми делает предварительные наброски, по полу мечутся полосы желтого света и тени от листьев.

— У нас больше не будет такого света, — говорит он. — Мне не надо бы к нему привыкать.

На девушке простое коричневое дневное платье, волосы забраны в гладкую халу. Красота девушки, что просит называть себя Сэлли, не ускользнула от Джейми, даже несмотря на его подавленное состояние.

— Я должна бы запомнить город серым, потому что он почти всегда такой, — отвечает Сэлли, — но лучше всего помню солнечные дни.

— Запомнить?

Он смотрит на ее бабушку-дуэнью в хлопковом кимоно, заснувшую на бордовом шелковом диване. На коленях рукоделие, очки в проволочной оправе сползли к кончику носа.

— Я уезжаю в Японию. Выхожу замуж.

— А, понимаю. — Ее тон не располагает к поздравлениям. — А портрет… свадебный подарок?

Верхняя губа Сэлли уплощается от негодования. Воздушные брови сдвигаются.

— Для родителей, на память.

Он не знает, как повести разговор, чтобы выкопать нужное ему для работы, и просит модель чуть пригнуть голову. Через два часа приходит горничная в переднике и провожает его к выходу.

В следующий сеанс день пасмурный, но все остальное как прежде: Сэлли в коричневом платье, у того же окна, бабушка спит на диване.

Девушка смотрит в окно, неподвижная, спокойная, но, углубившись в работу, Джейми чувствует ее внутреннее волнение. Он уже долго столь пристально не всматривался в человека, отвык

от попыток изобразить литораль, где сливаются наружность и нутро, как делал в Сиэтле.

— А какой вы хотите, чтобы вас запомнили родители? — спрашивает он, быстро бегая кистью по холсту.

— Такой, какая я есть, наверное.

— Я хочу сказать, мысли человека просвечивают. Например, если вы хотите оставить себя счастливую, то должны вспоминать счастливые мгновения.

— Счастливые мгновения, — повторяет она, опять посмотрев в окно. — Я еду в страну, где никогда не была, никого не знаю, еду, чтобы выйти замуж за человека, которого видела только на фотографии. Боюсь, мне сейчас не вспомнить много счастливых мгновений.

Она слегка повысила голос, и они с Джейми косятся в сторону бабушки, но та не движется.

— По фотографии — это… обычно? — спрашивает Джейми.

— Раньше да, сейчас изменилось. Моя мать — невеста по фотографии. Отец уже жил здесь. О свадьбе договорились семьи. Мама не возражала, ее поколение ничего лучшего ожидать не могло. Но я родом отсюда. У отца странные представления. Сам он не хочет возвращаться,

но говорит, нам важно не терять связь с родиной. С его родиной.

Шумно вздохнув, просыпается бабушка. Поправляет очки.

— Дзюнко, — окликает она внучку и задает ей вопрос по-японски, на который Сэлли отвечает с легкостью.

— Она спрашивает, буду ли я на портрете красивая, — объясняет она Джейми.

— И что вы ответили?

— Сказала, что велела вам рисовать так, как есть.

— Это одно и то же. — Из-за постоянной, обидной грусти по Джудит Джейми потерял бдительность.

Он не понимает, то ли пытается прогнать печаль, то ли растравить ее, подольщаясь к другой недоступной женщине. Его слова Сэлли не переводит. Она опять принимает свою позу, но на сей раз смотрит не в окно, а прямо на него.

— Что значит «дзюнко»? — спрашивает Джейми через какое-то время.

— Мое японское имя. — И после паузы добавляет: — Мне не нравится. Лучше бы у меня было одно имя.

Он приходит еще три раза. Пока пишет, Сэлли

по-прежнему не спускает с него глаз. Джейми видит, или ему кажется, что в ее взгляде меняется настроение, так по полу плывут тени от листьев. Вызов — вот что он пытается изобразить, но, дабы пощадить родителей, никакого негодования, которое приходит и уходит. В том, как она смотрит на него, он замечает и любопытство. У Джудит всегда был веселый или скучающий вид. Наверное, невозможно провести столько часов, глядя человеку в глаза, и не навоображать себе невысказанную близость.

«Мне нравятся твои рисунки, поскольку нравится думать, что ты на меня смотришь», — говорила Сара Фэи. Нравится ли Сэлли думать о том, что он на нее смотрит? Работая над портретом дома, между сеансами, Джейми испытывает напряжение, судороги, сгущающиеся в острое желание. На заднем плане видна приближающая Сэлли к зрителю слабая загогулина, намек на скривление комнаты, отъезжающей от модели.

В последний день, когда она позирует ему, он подсовывает ей клочок бумаги со своим адресом. «Он хотел бы еще ее увидеть», — шепчет Джейми. Сэлли смотрит на записку, засовывает ее в карман. Когда опять поднимает на него взгляд,

Джейми видит в нем презрение и испытывает ужасное чувство, что совершил большую ошибку. Ощущаемое им смятение в ее душе не имело ни малейшего отношения к нему. Он всего-навсего случайный прохожий, попытавшийся втереться к ней в сложный период. Спотыкаясь, Джейми работает еще полчаса, бросает. Он закончит портрет дома.

— Живой натуры достаточно, — объясняет портретист.

Через три дня, на рассвете, стук в его дверь: тихий, но настойчивый, непрекращающийся. Джейми вылезает из постели, спешит к двери, думая, что Сэлли все-таки пришла. В голове возникают видения, какая она, как бросится в его объятия, как они вместе уплывут.

За дверью двое мужчин, белые, не такие высокие, как Джейми, но скроенные на манер чемоданов. Они вваливаются, прежде чем он успевает прийти в себя от изумления, волокут его по комнате за руки, бросают на пол.

Помимо ужаса, его не покидает мысль, почему же он думал, будто Баркли явится сам. Джейми всегда представлял, будто у него хватит сил хотя бы попытаться с ним объясниться, воззвать к его чувствам к Мэриен, растолковать, что он

обязан был ее отпустить.

Пока один чемодан запирает дверь и спокойно открывает кран в ванной, другой сидит на нем.

— Нам просто интересно, где она, — говорит он. — Больше ничего. Ты нам рассказываешь, мы сразу же уходим.

— Я не знаю, — отвечает Джейми. — Она мне не сказала. Хватило ума. Она знала, что он вас пришлет. Она поехала в Сиэтл, а потом еще куда-то. Больше мне ничего не известно.

— И ты думаешь, мы поверим, что вы не выдумали какой-нибудь план? — спрашивает тот, кто открывал кран.

— Посмотрим, — без выражения произносит другой.

Им нужно выполнить свою работу, вот и все. Никаких упрашиваний, объяснений не будет. Джейми понимает это, когда его ставят возле ванны, бьют по лицу, потом погружают голову и плечи в холодную воду.

— Я больше ничего не знаю, — твердит он, когда его вытаскивают.

Его опять засовывают в воду, вынимают, бьют.

— Пожалуйста, — повторяет он до тех пор, пока уже не в состоянии набрать воздуха, чтобы что-то сказать.

Утром он еще живой, приходит в себя, лежит, скорчившись на голом сосновом полу. С трудом поднимается, наливает горячую ванну. Прикосновение эмали ужасно, вода полна угрозы, но тепло облегчает боль. Сжавшись в ванне, в розовой от его крови воде, он думает, как быть.

Все, что он возьмет с собой, поместится в один чемодан. Немного одежды, лучшие краски, кисти, блокноты с набросками. Поскольку из дома Аюкавы он отправится сразу на вокзал, в одной руке Джейми несет чемодан, а в другой аккуратно натянутый на подрамник, не до конца просохший портрет Сэлли.

Глаза открывшей дверь горничной расширяются, впиваются в его опухшее лицо.

— Нет, — шепчет она и машет ему рукой: — Уходите.

— Пожалуйста, скажите Сэлли — Дзюнко, — или ее бабушке, или матери, или кому угодно, кто дома, что я пришел, принес портрет и мне нужно заплатить.

— Нет, — повторяет горничная. — Уходите!

Смущение Джейми усиливают общая растерянность, пульсирующая головная боль, настоятельная, срочная необходимость бежать из города. Почему горничная его выгоняет? Ведь он принес

портрет. Ему нужны деньги, ему должны заплатить, и он готов на любую грубость, лишь бы их получить. Несколько громче он опять пытается объясниться, спрашивает Сэлли. Он почти кричит, когда за горничной появляется опрятный человек в сером костюме. Та с поклоном удаляется.

Джейми еще не видел мистера Аюкаву. Толстые кустистые брови так непохожи на легкие брови Сэлли, но, когда он их сдвигает, Джейми узнает выражение.

— Странно, что вы пришли, — говорит он.

— Я уезжаю из города, — смущенно отвечает Джейми, — и хочу получить оплату. За это.

Он разворачивает холст лицом к мистеру Аюкаве, чьи брови взмывают вверх. То же скорбное удивление, что у лица на луне. Отвечает он шепотом:

— Просто скажите мне, где она.

Джеймс таращится на него:

— Что?

Хозяин таращится в ответ:

— Мы нашли в ее комнате ваш адрес. Где она?

До Джейми наконец доходит.

Лавка древностей

ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

Через несколько дней после читки я, хотя и намеревалась добиться, чтобы Редвуд первым вышел на связь, сдалась и послала ему СМС.

«Маякни. Планирую совершенно нормальную приземленную тусу».

«С радостью! Проверю календарь и отпишусь».

Но прежде чем отписаться, молчал он неделю.

«Привет, незнакомка! Мама в городе, я бы хотел вас познакомить. Зайдешь на ужин?»

Когда я приехала, дверь открыла Кэрол Файфер. Она отступила для объятий, раскинув руки и разведя негнущимися зубцами пальцы.

— Ну вот она! — воскликнула мать Редвуда, говором навевая мысли о Лонг-Айленде.

Сначала я решила, что она имеет в виду себя. «Вот она я!» Лицо острое, как заточенный наконечник стрелы; волосы — идеальный вариант практичной стрижки под мальчика. Под строгим слоем угольных линий Кэрол Файфер держалась с царственной уверенностью, как духовный гуру или ректор университета.

— До смерти хотела с вами познакомиться, — сказала она, ведя меня за руку на кухню, потом отстранилась и осмотрела снизу доверху. — Не разочарована. Звезда до мозга костей.

Я издала раздраженный, пренебрежительный смешок.

— Мне понравилась ваша книга.

Она обернулась, просияв:

— Спасибо, дорогая. Большое спасибо. Я даже не ожидала, что из нее выйдет такое. Я просто хотела рассказать историю. Пусть мой сын сделает, — она повела руками, — что-то такое огромное. Но знаете, Мэриен для меня важна. Если честно, у меня был ужасный брак, и в самых глубинах кошмара я находила утешение в книге Мэриен. Она провела меня по самой темной части моей жизни. Вдохновила на то, чтобы вырвать свободу. Ирония судьбы, поскольку я никогда не узнала бы о ее существовании, если бы она не оказалась связана с семьей моего бывшего мужа. — Кэрол Файфер стиснула мне руку: — А теперь вы донесете ее образ до множества людей. Вы можете изменить жизни, Хэдли. — Она серьезно, быстро, предупреждая всякие возражения, кивнула мне: — И вы их измените.

Я не стала говорить ей, что единственная

жизнь, об изменении которой я столько думала, моя собственная. Не стала говорить, с какой жадностью представляю, как поднимаю золотой приз, и ограничилась коротким ответом:

— Надеюсь.

Редвуд возился на кухне, жарил что-то на сковороде. Я думала, больше никого не будет, но у стойки, облокотившись на нее, стояла девушка с бокалом розового вина в белом юбочном костюме без рукавов и без всяких украшений, кроме маленького золотого кольца в ноздре. У нее были курчавые волосы, стянутые в узел, и крошечное красивое лицо с темными глазами. Она напоминала марципан — маленькие зверушки, то ли еда, то ли статуэтки.

— Смотрите, кто пришел! — воскликнула Кэрол, представляя меня.

Девушка положила руку на предплечье Редвуду — мое предплечье! — и меня осенило: она и есть причина того, почему мы не трахнулись, почему он ушел в несознанку. Этот мудак уверял меня, что у него никого нет. «Вообще никого».

— Привет, незнакомка! — поздоровался Редвуд. Пытка, как и его СМС. Он будто тонко упрекал меня в том, что я пропала, в то время как на самом деле бросил меня он. Хозяин поцеловал

меня в щеку и кивнул на юбочный костюм: — Лиэнн. — Лиэнн помахала оттуда, где стояла, сохранив полную невозмутимость при виде знаменитости. Редвуд указал в окно: — Братья Дей тоже здесь, а мама привела подругу.

Я обернулась. Значит, полный комплект. Редвуд, желая, чтобы я познакомилась с его матерью, не выделил меня особо. На улице жилистая немолодая женщина с коротко стриженными волосами стояла у бассейна с бокалом красного вина и без видимой реакции слушала, что говорил один из братьев Дей. На ней были джинсы, слипоны «Вэнз» и широкая белая рубашка, застегнутая на все пуговицы. Деи вырядились в сорочки и очень узкого покроя чиносы, напоминавшие треники супергероев.

— Аделаида Скотт. — Кэрол произнесла имя тоном, предполагавшим, что оно мне известно.

— Вот как, — ответила я.

Лиэнн, глядя сквозь меня, сказала:

— Знаменитая художница.

— Скульптор, — уточнила Кэрол. — И инсталляции. Знаете, в детстве она видела Мэриен Грейвз. Я взяла ее, решив, что вам может быть интересно расспросить. Но Аделаида и сама чудесная компания.

Что я могла накопать в детских воспоминаниях по меньшей мере шестидесятипятилетней старухи? Какую малость, пригодившуюся бы мне, она может дать? Сейчас откроется лавка древностей, а я буду стоять за прилавком и объяснять, что ваши воспоминания, возможно, и милы, и обладают высокой сентиментальной ценностью, но для всех, кроме вас, мусор.

Люди думали о Мэриен примерно одно и то же, но обычно подавали свои мысли как откровение. Барт Олофссон, серьезно глядя на меня, говорил что-то вроде: «Я считаю ее очень сильной и очень смелой», — как будто это такая теория радикалов.

— Несомненно, — отвечала я.

— Такой сильный и смелый человек испытывает непреодолимую потребность летать. Иначе она взорвалась бы.

— Конечно, — отвечала я, хотя смелость и сила не причины, а качества.

Не думаю, что у Мэриен имелась какая-то причина, веская причина. Почему кто-то хочет чем-то заниматься? Просто занимается, и все.

— Аделаида! — крикнула Кэрол. — Иди познакомься с Хэдли.

Женщина и Деи обернулись. Ораторствующий

Дей протянул Аделаиде руку, и я уловила в ее лице некую веселую презрительность при мысли о том, что ее хотят загнать в табун.

— Привет, Хэдли, — сказала она, пожав мне руку, когда все вошли в дом и Деи расцеловали меня в щечку.

Аделаида Скотт была высокой, гибкой, с длинным, бледным, морщинистым лицом, без обручального кольца и, кроме темно-красной помады, без косметики. Я не могла решить, красива ли она.

— Я слышала, вы актриса.

Кэрол изобразила любезное возмущение:

— Хэдли — звезда, Аделаида.

Тон Аделаиды подразумевал пожимание плечами.

— Боюсь, областью поп-культуры я особенно пренебрегала.

— Но поп-культура восхитительна! — воскликнул один из братьев Дей. — Просто нужно смотреть глубже. Как актуальное искусство, где иногда не так важен продукт, как контекст, в котором он создается.

Аделаида без интереса посмотрела на него.

— Соглашусь, — впрыгнула Лиэнн. — Возьмем для примера фильмы Хэдли «Архангел». Как фе-

министка я протестую против навязывания традиционных гендерных ролей — мужчина как защитник, ну вы понимаете, — но как потребителя, пожирающего попкорн, любовная история держала меня в напряжении. Скрытое послание, доступное только женщинам. — Она взяла из миски зеленую оливку и кинула в рот.

Я спросила ее:

— Как вы познакомились с Редвудом?

— Мы старые друзья, — ответил тот.

— Мы друг друга дефлорировали, — сообщила Лиэнн, снимая с губы оливковую косточку.

— Лиэнн! — воскликнула Кэрол, зажимая уши.

— Не делайте вид, будто вы не знали, — сказала Лиэнн.

Звонок. Редвуд подошел к монитору на стене.

— Да?

— ЭТО ХЬЮГО, — послышался рык.

* * *

— Перед полетом, — начала Аделаида, — она приезжала в Сиэтл повидаться с моей матерью. Мне было пять.

Мы все, восемь человек, сидели за столом на улице, под глицинией, и ели лосося с каким-то слишком сладким соусом изобретения Редвуда.

Редвуд расставил таблички с именами, которые намекали, что теперь я должна знать, кто из Деев Кайл, а кто Трэвис.

— Моя семья коллекционировала предметы искусства, — продолжала Аделаида. — Мать и Джейми Грейвз были друзьями молодости. У нас до сих пор сохранились несколько его картин, хотя большинство выставлены.

— Так я и нашла Аделаиду, — заговорила Кэрол. — Я, конечно, знала ее работы, но не подозревала, что тут какая-то связь с историей Грейвзов, пока не начала искать материал для книги и не познакомилась с собранием ее семьи. Вот я и подумала, разве не потрясающе будет, если выставка Джейми Грейвза совпадет с выходом фильма?

— ЛАКМА[7], — вставил Трэвис Дей. — Супер. Или в каком-нибудь менее шаблонном месте, где-нибудь…

— Да! — перебила его Кэрол. — ЛАКМА будет сказочно!

— Или что-то менее шаблонное, — повторил Трэвис. — Например, торговый дом или что-нибудь перестроенное.

---

[7] Сноски: 7
Музей искусств округа Лос-Анджелес. — *Прим. пер.*

— Вы хотите, чтобы я рассказала о Мэриен Грейвз или нет? — спросила Аделаида.

Трэвис принял обиженный вид. Кэрол захлопнула себе рот рукой.

— Продолжай, — сказала она приглушенным голосом.

— Мэриен приехала в Сиэтл к моей матери в сорок девятом. Они никогда не встречались, но общим у них был Джейми. А еще, и Кэрол об этом написала, моя бабушка помогла Мэриен сделать аборт, когда та ушла от мужа, хотя мне никто не рассказывал, пока я не выросла.

— Поэтому она приехала? — подал голос Хьюго. — Освежить воспоминания?

— Вам лучше спросить у нее, — ответила Аделаида. — Желаю удачи.

Я сделала подготовительный вздох. У меня возникло чувство, что, задавая заранее придуманный вопрос, я, как самый младший ребенок на еврейской пасхе, выполняю свой долг.

— Как выглядела Мэриен? — спросила я.

Аделаида подобрала рыбным ножом соус.

— Мне трудно сказать, правда. Я уже объясняла Кэрол, что мало чем смогу вам помочь, как мало помогла ей.

— Ты мне невероятно помогла! — воскликнула

Кэрол.

Сэр Хьюго наклонился и пронзил Аделаиду своим фирменным проницательным взглядом:

— Но вы ведь ее помните.

Аделаида оказалась невосприимчивой к пронзительности, отказываясь купиться на предлагаемую ей роль свидетеля, и скривила красные губы в непроницаемой улыбке.

— Мэриен была взрослая, очень высокая, очень тонкая, с очень светлыми волосами. Мне велели с ней поздороваться больше шестидесяти лет назад. По-моему, она не слишком умела общаться с детьми. По-моему, мало что мне говорила. Если честно, я не уверена, помню ли ее или чужие воспоминания. — Она посмотрела на меня: — Видите? Ничего, что могло бы оказаться вам полезным.

— Как знать, — заметила Кэрол. — Ведь это ты рассказала мне про Калеба Биттеррута. — Она обернулась ко мне: — О нем очень мало известно, но, поняв, что он присутствовал в жизни Мэриен с ее начала до конца, я увидела очертания большой любви. У меня очень интуитивное восприятие.

— Она хочет сказать, не существует ни одного доказательства никакой любви, — заключил

Редвуд.

Кэрол зашикала и замахала на него рукой.

— А есть ли разница — играть реального человека или вымышленного персонажа? — спросила Лиэнн у сэра Хьюго.

Он поболтал вино:

— Есть немного. С реальным человеком надо быть осторожнее, чтобы не опереться на впечатление. Задача сыграть такого человека — вымышленного или нет, — который показался бы живым.

— То же самое, когда пишешь, — встрял Кайл Дей, но на него никто не обратил внимания.

— Вообще-то вряд ли можно получить всю информацию о человеке. — Я разозлилась, что Лиэнн демонстративно обратила вопрос об актерской игре исключительно Хьюго. — Людям известны лишь крохи того, что мы делаем. Лишь малая толика того, о чем мы думаем. А когда мы умираем, все испаряется.

Аделаида посмотрела на меня с новой вспышкой интереса, острого, но нечитаемого.

— Маленький аэроплан моих родителей потерпел крушение. Они погибли, когда мне было два года, — объяснила я ей. — Меня воспитывал дядя.

— Вот как, — сказала она. — Значит, кое-что про Мэриен вы понимаете.

— Не знаю. Не могу утверждать.

— Митчелл Бэкстер, — вставил Трэвис, а когда Аделаида посмотрела на него предсказуемо пустым взглядом, добавил: — Дядя Хэдли. Режиссер «Турникета».

— Вот как, — повторила Аделаида.

— Он тоже умер, — уточнила я.

Кэрол попыталась вернуть нас к теме разговора:

— Мне кажется, Джейми Грейвз и мать Аделаиды, Сара, любили друг друга.

— У Кэрол, как всегда, пикантная версия, — съязвила Лиэнн.

Сэр Хьюго поднял свои сановные брови на Аделаиду:

— Вы тоже так думаете? Или, может быть, знаете?

— Детская любовь, — ответила та. — Надо признаться, я не так давно познакомилась с Кэрол, и, по моим наблюдениям, она считает, что любые два человека, у которых есть что-то общее, скорее всего, любили друг друга.

— Ничего не поделаешь, я безнадежный романтик, — улыбнулась Кэрол.

— А я нет. — И Лиэнн долила себе вина.

— Я тоже нет. — Сэр Хьюго откинулся на спинку стула. — Я безнадежный гедонист. Редвуд? Вы унаследовали устрашающий романтический ген?

— Он рецессивный, — сострила Кэрол. — А у его отца такого вообще не было.

— Я открыт возможностям, — раскинул руки Редвуд. — Не знаю, романтично это или нет. Возможно, я осмотрительный романтик.

— Когда я познакомилась с Редвудом… — Я избегала взгляда Лиэнн. — …Он сказал мне, его основное состояние — неопределенность, что едва ли романтично.

— А вы? — Аделаида опять посмотрела на меня с искрой во взгляде.

— Не романтик, — ответила я.

— Да ладно, перестань! — попытался Трэвис, который, как я начала ощущать, испытывал ко мне интерес.

В обычной ситуации я бы ответила на приглашение к флирту, но что-то в его сверкании, в его горячности меня отталкивало.

— Нет? — переспросила меня Аделаида. — А что тогда? Циник? Скептик? Стоик?

— Не знаю, — покачала я головой. — Такое ощу-

щение, будто вокруг меня вечно все распадается.

— Ты шар-баба, — как обычно, нашелся сэр Хьюго.

— А что насчет вас? — спросила я у Аделаиды.

— Я долго была романтиком. Катастрофа. Думаю, с тех пор я то, что именуют оппортунистом. — Она внимательно осмотрела меня. Ее неумолимая уверенность напомнила мне хищную птицу, ястреба или сокола. — Небольшой вам совет. Знать, чего вы не хотите, так же полезно, как знать, чем вы занимаетесь. Может, даже больше.

* * *

После десерта, когда все переместились в гостиную еще выпить и послушать игру Редвуда, я прошла в ванную. На выходе в темном коридоре меня ждал человек. Аделаида. Она приблизилась, достав телефон.

— Не хочу шпионить, но вы не дадите мне свой номер? Возможно, у меня есть для вас еще кое-что про Мэриен, однако я не хочу, чтобы об этом знала вся команда. — Она говорила тихо, неторопливо.

Я не спросила почему и набила в ее телефон свой номер. Затем мы, не сказав больше ни слова,

повязанные сговором, значение которого я не понимала, вернулись к безумным каскадам «Полета шмеля».

Неполная история семейства Грейвз

1936–1939 гг.

В похищении сына Линдберга обвиняют немецкого иммигранта по имени Бруно Хауптман. Казнят. Чарлз и Энн Линдберг, немилосердно затравленные прессой, бегут со вторым сыном в Англию. Кому-то в американском посольстве приходит в голову блестящая идея отправить летчика с дружественным визитом в германское министерство военно-воздушных сил, чтобы попутно собрать сведения о новом люфтваффе. Линдберг объезжает летные поля, заводы, институт экспериментальной авиации в Адлерсхофе. Обедает в позолоченном, сверкающем драгоценными камнями доме Германа Геринга, присутствует на открытии берлинских Олимпийских игр.

Гитлер, заключает Линдберг, может, немного и фанатик, но иногда для достижения целей фанатики нужны. (Линдберг — фанат достижения целей.) Немцы, похоже, кипят энергией; люфтваффе, увы, превзойдет все, на что способна

Америка. Нет, лишение гражданства немецких евреев не очень хорошо, но нацизм, несомненно, предпочтительнее коммунизма, не правда ли? Две стороны одной медали.

В 1936 году Мэриен уже не Джейн Смит, потому что Баркли в тюрьме, о чем она узнает из газет. Маккуин, наверное, все еще может послать людей на ее поиски, но она больше не может прятаться, не может пропадать.

— На самом деле меня зовут Мэриен Грейвз, — говорит она на Аляске тем, кто знает ее больше двух лет, и людям не так уж трудно переключиться, поскольку теперь это, судя по всему, другой человек. В отличие от мрачной, замкнутой Джейн Смит Мэриен Грейвз смотрит вам в глаза, вроде даже способна на интерес, на удовольствия.

На отложенные деньги Мэриен покупает собственный высокоплан «Белланка» и начинает работать на себя. Какое-то время летает из Нома, живет в хибаре возле аэродрома. Мимо ее дома проходят доисторического вида овцебыки, будто нимбом, окруженные собственным замерзшим дыханием, густая шерсть монашеской сутаной болтается у щиколоток.

Поднимается цена на золото, и Мэриен достав-

ляет к месторождениям геологов, инженеров, которые строят землечерпальные машины, и мужчин, которые на них работают. В зависимости от сезона берет туда или обратно рабочих консервных заводов и шахтеров. Летает к оленеводам, опускаясь почти к самым вихрящимся коричневым галактикам их стад.

Ей платят золотым песком, шкурами, дровами, маслом, виски. Довольно часто пытаются вообще не платить.

Довольно часто она летает на север через хребет Брукса, где деревья даже не стараются расти. В Барроу, на самой северной оконечности Территории, на перекладинах у домов сушатся шкуры тюленей и белых медведей; завидев ее аэроплан, воют собаки на привязи. Однажды, из любопытства, она летит за арку из китовых ребер, пометившую береговой край, над пазлом полуталого северного весеннего льда — ермолкой планеты, — далеко на север, чтобы увидеть место, где пазл начинает сплавляться в огромное ледяное одеяло, высоко вздымающееся там, где течения сталкивают льдины.

Головокружение от полета так далеко на север.

Баркли, когда за ним пришли федералы, не стал собирать армию адвокатов, а признал себя винов-

ным в уклонении от уплаты налогов и получил семь лет. Он заплатил штраф государству, но ранчо осталось в целости и сохранности, поскольку уже давно было записано на Кейт. Остальным его имуществом — подпольными барами, кабаками, после отмены сухого закона ставшими легальными, гостиницами, долями в добывающих и строительных предприятиях, флигелем в Калиспелле, домом в Миссуле, бипланом «Стирман», в конечном счете найденным там, где его оставила Мэриен, — формально владеет Сэдлер. Даже банковские счета принадлежат компаниям, зарегистрированным на Сэдлера.

Мэриен летит под зеленым полярным сиянием. Под полуночным солнцем.

«Белланка» очень часто ломается, чинится и уже представляет собой мешанину «запчастей, летающих в конструкции», как говорят аляскинцы. Еще они говорят: «Лучше надеяться на то, что термиты возьмутся за руки». И все-таки аэроплан летает еще неплохо, однако в конце концов гроза сносит его на замерзшее озеро и разбивает вдребезги о скалы на противоположном берегу. Мэриен приобретает другой, с более мощным двигателем.

Опять став собой, она пишет Калебу, сообщает,

где находится, прикладывает отдельное письмо Джейми, спрашивает его адрес, поскольку не может представить, что он все еще в том ванкуверском клоповнике.

Джейми уехал из Ванкувера, отвечает Калеб, ушел в горы, планирует пожить художником-отшельником. «Джейми принял решение внезапно, не сказав, что его вызвало, но вроде у него все хорошо. Похоже, мы все трое были задуманы для того, чтобы существовать в блистательном одиночестве».

Мэриен раздумывает слетать к Джейми, но оказывается, ей не хочется уезжать с Аляски, мысль о возвращении в ту жизнь пугает. Значит, вероятно, она все-таки не до конца прежняя. И не так уж глупа, чтобы признавать только один закостенелый вариант человека.

В свое время она перебирается в Валдиз, заключает свободные партнерские отношения с пилотом, осуществляющим поставки на высокогорные рудники в горы Врангеля и Чугачские. Партнер разработал метод приземления на глетчеры. При плохом свете он снижается и бросает на лед что-нибудь темное — грубый мешок, ветку, что угодно, — прикидывая высоту. Пилот учит Мэриен искать на снегу неровности, означающие

скрытые трещины, скользить боком при приземлении, чтобы лыжи встали под правильным углом к склону и самолет не сверзился с края.

В Валдизе, из-за приземлений на глетчеры пользуясь лыжами круглый год, во время отливов Мэриен вынуждена взлетать со слякоти. Она придумывает на низкой скорости раскачиваться на сиденье, отряхивая с лыж ил. На рудники летчица доставляет обычные мясо, муку, табак, но еще динамит и карбид, сталь и пиломатериалы, катушки кабеля, бочки с нефтью и всевозможные детали машин. Однажды ее пассажирами становятся проститутки, в другой раз — член рузвельтовского кабинета министров. Как-то для частного зверинца она везет в Анкоридж осиротевшего медвежонка гризли.

Ей любят напоминать, что она нездешняя. Нельзя стать аляскинцем. Просто невозможно. Она не отсюда и все-таки чувствует: это ее земля.

* * *

Денвер, весна 1937 года. Джейми мнется на пороге спальни, а Уоллес, откинувшись на подушки за спиной, неуверенно щурится.

— Я Джейми, — говорит Джейми. — Пришел тебя навестить.

У Уоллеса от радости распахивается лицо:

— Мой мальчик. Как чудесно.

Джейми берет руки Уоллеса, садится на край кровати, улавливает сладкий запах морфина.

— Как ты?

— На пороге смерти. — Уоллес хлопает Джейми по щеке, по неровной светлой щетине: — Да ты уже совсем не мальчик с такой-то бородой. Последний раз я тебя видел по меньшей мере год назад, так?

— Кажется, да.

Они не виделись более пяти лет. Пять лет прошло с тех пор, как он посадил на поезд в Денвер развалину с трясущимися руками.

— А где?.. Где?..

— Мэриен на Аляске. Она летчица.

— Знаешь, я здесь благодаря ей. Ей и ее мужу. Он тоже на Аляске?

— Он в тюрьме.

Уоллес, судя по всему, не удивлен.

— Хорошо, — говорит он, но спокойно, как будто ему сказали, что за окном прекрасная погода.

Экономка Уоллеса, статная матрона, толкает дверь бедром и заходит задом, неся на подносе кофе и нарезанные куски торта.

— Я подумала, Джейми, вам с дороги захочется

выпить горяченького и перекусить.

— Мой сын, Джейми, — Уоллес треплет того по руке.

— Мы уже виделись, — отвечает экономка. — Я его впустила. Ваш племянник. — А Джейми объясняет: — Он путается. Особенно в именах, всяком таком. В подробностях.

— Я не путаюсь, — раздражается Уоллес, но, когда она подносит к его губам чашку с водой, улыбается и покорно пьет.

Экономка проверяет ему лоб, а Джейми думает: кто они друг другу?

— Расскажи мне что-нибудь, — просит Уоллес, когда экономка уходит. — Что-нибудь. Умирать скучно. Попотчуй меня сказками о том, что происходит за стенами этой комнаты.

Джейми рассказывает Уоллесу о брошенной горной хижине, в которой живет, полдня пути до ближайшего населенного пункта. Он починил крышу и пол, заново законопатил щели между бревнами. У него огород и куры, несущие ему яйца, он удит рыбу в соседней реке, научился консервировать овощи и коптить рыбу, планировать вперед на зиму.

— Помнишь, раньше я не рыбачил? — спрашивает он.

— Да, — неуверенно кивает Уоллес. — Черви, да?

— Мне было жалко рыб, не червей. Мне и сейчас жалко, но я смирился.

Уоллес опять кивает:

— Надо жить, как хочется. Я так и жил. А им больше ничья жизнь не казалась достойной уважения, потому что они знали только тяготы и лишения. Думали, всякий, кто живет иначе, замахивается слишком высоко и наверняка безнравствен.

Теперь путается Джейми:

— Кто так думал?

— Наши родители, конечно. Ты же помнишь. Сам такой.

Уоллес перепутал его с Эддисоном.

— Я такой? — переспрашивает Джейми.

— Разумеется. Если бы ты не уехал, мне, наверное, не пришло бы в голову тоже уехать. Но ты рвался к морю. — Уоллес треплет его по руке: — Расскажи мне еще что-нибудь.

Хотя Джейми точно не знает, с кем беседует Уоллес — с ним или с Эддисоном, он рассказывает, стараясь, чтобы вышло смешно, как к нему на квартиру пришли двое мужчин и чуть не утопили, как он решил, что их послал Баркли

Маккуин, а на самом деле это был мистер Аюкава, чья дочь, скорее всего, сбежала с возлюбленным.

— У всех у нас бывали непредвиденные проблемы. И что потом?

В горах он начал одержимо писать. Даже не обзаведясь матрасом и не починив печку, Джейми стоял в маленькой разрушенной хижине и работал.

— У меня появилась идея вставить в картины скривление земли, я выстраивал оттуда. Писал пейзажи, как бы… сложенные. Ты когда-нибудь видел, как японцы складывают бумагу?

На ночном столике Уоллеса блокнот для набросков. Джейми выдирает оттуда страницу, аккуратно отрывает квадрат и складывает журавля.

— Птица. — Уоллес берет дрожащими пальцами хрупкую поделку. — Тот человек заплатил тебе за портрет?

Джейми смеялся на пороге у Аюкавы смехом, который колол и забивал носовые пазухи, как пары скипидара. Потом утер слезы, оперся руками о колени и спросил:

— Так она сбежала?

Уоллесу он отвечает:

— Он заплатил мне больше, чем мы договари-

вались. Думаю, чувствовал себя виноватым.

— Хорошо, — говорит Уоллес. — Хорошо.

Через пять дней он умирает. Согласно завещанию, дом в Миссуле достается Джейми и Мэриен. Уоллес хочет, чтобы его похоронили в Денвере.

Джейми медлит с письмом Мэриен — между ними какое-то темное отчуждение — и вместо этого пишет Калебу. Он не предполагает, что друг отправится на Аляску сообщить его сестре новости, но Калеб едет.

* * *

— Когда ты был ближе всего к смерти? — спрашивает Мэриен Калеба.

Они лежат в кровати, в ее хижине под Валдизом. Калеб провел у нее три ночи; она не знает, сколько еще он останется.

В честь возвращения к своему настоящему имени Мэриен раскошелилась на двуспальную кровать; они никогда не могли похвастаться таким огромным пространством на двоих. Разлегшись на спине, Калеб отвечает:

— Не знаю. Не думаю, что вообще можно знать.

— Есть что-то в прошлом, отчего у тебя мурашки по коже, когда вспоминаешь?

— Ничего конкретного. — Шутливо: — Чтобы напугать меня, Мэриен, нужно больше, чем смерть.

— Помнишь, после гибели Гольца я летала в Ванкувер?

Она рассказывает ему о глохнувшем двигателе, о расщелине, холоде. Тогда, говорит она, появилось чувство, будто смерть очень близко, но, вероятно, в действительности ближе к смерти она была младенцем на тонущей «Джозефине». Она бы погибла и никогда ничего не узнала, никогда не узнала бы, что такое корабль, океан, огонь. Не узнала бы, что такое смерть.

Все живое знает про смерть, говорит Калеб, по крайней мере достаточно для того, чтобы сопротивляться ей.

— Впрочем, может, это произошло когда-нибудь в другой раз, — размышляет Мэриен, — а я даже не заметила.

В первый вечер, когда Калеб сказал ей о смерти Уоллеса, когда они гуляли вдоль берега и смотрели на морских львов и белоголовых орланов, Мэриен затащила его в постель. После Баркли она не сходилась ни с кем, и вторгавшиеся воспоминания о нем причиняли боль, вызывали панику и клаустрофобию. Она не стала рассказывать

Калебу, что творил Баркли, но тот, похоже, понял интуитивно. К концу он удерживал ее взгляд, предлагая свою беспомощность. На вторую ночь дело пошло веселее, а на третью и сейчас, на четвертую, Мэриен почти поверила, будто вернулась ко времени до Баркли, когда они с Калебом любили друг друга с простым нетерпением. Почти вернулась. Полностью не сможет никогда.

Калеб шире, чем она помнила, крепкий — мужчина.

— Слишком много, о чем надо вспоминать, — говорит он с некоторой досадой. — Обо всем, что могло случиться, но не случилось. — А потом так же резко в потолок: — В детстве. К Джильде пришел мужчина. Обычно я не обращал внимания на то, чем она занимается, но в ту ночь не мог перенести их звуки. Решил пойти к тебе, хотя шел сильный снег. Мне даже не пришло в голову подумать, как я найду дорогу, а снега навалило горы. Я не видел очертания земли, не мог сориентироваться. Правда, ничего не мог разглядеть. Поднялся ветер. Я шел слишком долго, но не хотел признаться себе, что заблудился. Да такое признание ничего и не изменило бы. Я знал, нельзя, но сел отдохнуть.

Калеб умолкает.

Мэриен вспоминает рассказ Баркли о той ночи, когда они впервые встретились, когда он рухнул пьяный в снег.

— И что потом?

— Ну что, я не умер.

— Продолжай. Расскажи до конца.

— Сама можешь додумать. Я ужасно замерз. Помню, пытался решить, могу ли дальше жить с Джильдой. Не помню, что я там решил и решил ли вообще, но встал, побрел и скоро увидел огни твоего дома, совсем недалеко. Я вошел через кухню и попытался сделать вид, будто вовсе не замерз, но Берит не дала обвести себя вокруг пальца.

Мэриен приподнимается на локте:

— Я помню! Совсем забыла. Так вот что случилось? Ты появился совершенно синий, и Берит тебя увела. Я подслушивала под дверью ванной и слышала, как ты, сидя в воде, плачешь.

Калеба передергивает:

— Руки и ноги у меня заледенели. Оттаивать их было ужасно. Берит все спрашивала, зачем я поперся на улицу, а я твердил, что услышал волков и вышел их пристрелить. Обычно у нее не хватало терпения на мои россказни, но в тот раз она подыграла. Спросила, раздобыл ли я хоть одного

волка. Сидела у ванны и слушала мой треп, пока я оттаивал. Я все время плакал от боли.

— Старая добрая Берит.

Калеб мычит в ответ, а потом говорит:

— Но потом то, чем занималась Джильда, почему-то перестало иметь значение. Я почувствовал… не знаю… какую-то силу. Как бы вдруг осознал, что могу выбирать себе судьбу.

— Кажется, я понимаю.

Она рассказывает ему — ровно — про войну, которую вела с Баркли за свою матку, про осаду, которую выдерживала.

— Чтобы уйти, мне нужен был удар. И силы дала беременность.

Он перекатывается, чтобы поцеловать ее в сгиб локтя, а когда поднимает голову, лицо его натянуто от гнева.

— Я и так его ненавидел, а теперь мне хочется его убить.

— Бывает и хуже.

— Дело не в этом.

— Все в прошлом.

— Не совсем. Ты изменилась.

— А ты нет.

Они улыбаются.

— У меня не укладывается в голове, что я боль-

ше никогда не увижу Уоллеса, — говорит Мэриен.

— Ты простила его?

— Думаю, да. Баркли нашел бы другие способы.

На лице у Калеба появляется странное выражение.

— Он прислал мне для тебя письмо. Все знают, что я твой почтальон.

— Уоллес?

Она не понимает, почему он ждал так долго.

— Нет, Баркли.

Калеб выбирается из кровати, роется в сумке и бросает ей на колени запечатанный конверт.

Мэриен!

Я не знаю, где ты, но придется жить, не зная. Незнание – искупление, на которое я способен, и я понимаю, ты так хочешь. Если ты думаешь, это не великая жертва, могу тебе сказать: моя заветная мечта – выйти из тюремных ворот свободным человеком, найти тебя и попросить прощения. Без твоего прощения, уверен, я никогда не смогу считать себя полностью свободным, а значит, и не буду. Я знаю, ты пола-

гаешь, что я хочу больше, что разовое прощение меня не удовлетворит и я буду пытаться дальше, пытаться вернуть твою любовь, что я буду как прежде: слишком страстным, буду кидаться на твои стены, пока не разобьюсь до неузнаваемости для обоих. Я привык думать, если только ты откроешься мне, вернешься к нам прежним, мы оба будем счастливее. Я был поглощен, ослеплен собственной уверенностью и не понимал: для тебя полностью открыться – значит дать разрушить себя. Ты часто повторяла мне, что та ты, которая пленила меня с первого взгляда, несовместима с той, которую я хотел иметь женой. Меня так тянет к тебе, Мэриен. Я вывернут наизнанку, а внутренности вывешены на радость голодным птицам. Корчась от странных мучений, я сожалею о сделанном. Я не виню тебя. Признаваясь в своих страданиях, лишь пытаюсь объяснить. Я заслуживаю того, чтобы страдать сильнее, знаю. Не могу радоваться, что ребенка так и не было, но, возможно, сработала какая-то высшая мудрость.

Заканчиваю, Мэриен. Не жду ответа, хотя очень его хочу.

Вряд ли ты снизойдешь до прощения, но я продолжаю надеяться в один прекрасный день тебя увидеть, чтобы попросить его лично.

Баркли.

P. S. Может быть, ты уже слышала, Сэдлер и Кейт поженились. Удивлена? Я был удивлен. Желаю им больше счастья, чем удалось найти нам.

Мэриен какое-то время сидит с открытым письмом на коленях. Взгляд ее опять падает на слово «страстным», и она, выпрыгнув из кровати, бросает бумагу в печку.

* * *

После отъезда Калеба Мэриен впервые чувствует себя на Аляске одинокой. Сооруженное ею кольцо вокруг необитаемого пространства начинает казаться не столько защитой, оградой, сколько обнимает выжженную землю. По ночам, лежа без сна, она думает о Калебе, иногда о Барк-

ли, о том, каким он был, прежде чем изменился. (Перемена — так она называет то, что он вырвал из ее тела маточное кольцо.) Она касается себя, думая о Баркли чаще, чем о Калебе, а потом ей стыдно, неприятно.

В порядке эксперимента она идет в постель с одним мужчиной, затем еще с несколькими, с теми, с кем, как она надеется, ей вряд ли придется столкнуться, или от кого, если надо, она точно сумеет улизнуть: никаких летчиков, никаких шахтеров или жителей Валдиза. Шлюпочник из Сьюарда, газетчик из Анкориджа, канадский геолог — они приходят и уходят. На Аляске слишком много мужчин. Каждая встреча дает ей небольшую подборку образов, которые она, как землю на гроб, наваливает на воспоминания о Баркли: искаженное и незащищенное от сосредоточенности лицо незнакомца, руки держат ее за бедра, какое-то бормотание. Она размышляет, какие воспоминания они забирают у нее, а какие подсовывают в одинокие часы.

Наконец пишет Джейми.

Дорогая Мэриен!

Я знаю, Калеб передал тебе печальные новости. Прости, я молчал. Мы храни-

ли долгое молчание, и нарушить его оказалось слишком трудно. С похорон Уоллеса я хандрю – хандрее хандры, охвостье сумерек. Отчасти это простое горе, но мне кажется, я скорблю по прошлому. Я рассказал Уоллесу о твоих полетах на Аляске, и он совершенно не удивился, хотя, признаться, вообще был несколько заторможенный. Я попытался броситься обратно в рисование – моя единственная компания, с тех пор как я оставил Ванкувер, – и обнаружил, что пишу воспоминания о картинах Уоллеса, пейзажи, которые не видел много лет и помню очень смутно, стараясь воспроизвести их и таким образом поймать какой-то смысл в искажении времени.

Из ответа Мэриен: «Это было слишком долгое молчание. Теперь давай попробуем не заполнить все, что пропустили, а заново продолжить с настоящего».

В июле Амелия Эрхарт и ее штурман Фред Нунан, приблизившись к завершению попытки стать первыми, кто полностью облетит Землю, большой экваториальный круг в двадцать пять

тысяч миль, поднимаются в воздух с Лаэ в Папуа — Новой Гвинее — и держат курс на остров Хауленд, пятачок земли в двух с половиной тысячах миль. Они так и не прилетают туда. Десятилетиями будут верить, что Амелия жива, что за последним сеансом радиосвязи последовала какая-то сложная череда событий. Но почти наверняка у нее кончилось топливо, она упала в океан и погибла.

* * *

В январе 1938 года над Европой пульсирует фантастический восход. Сначала зеленое сияние на горизонте, затем кто-то соединяет звезды перьевой ручкой, проступают красные кровавые чернила, образуя поверх алого биения арки из распускающихся и исчезающих оранжевых перьев. Наверное, Лондон горит, говорят люди, смотря на небо. Пожарных в Альпах посылают расправляться с мерцающими отражениями на снегу. По всему континенту люди звонят в местные отделения полиции и спрашивают: «Это война? Пожар?» Пока нет. Солнечная буря. Заряженные частицы Солнца сталкиваются с газовыми молекулами атмосферы. Толпы в Голландии, ожидающие рождения ребенка принцессы,

приветствуют небесное знамение как добрый знак. По ту сторону Атлантики, на Бермудах, красные полосы объясняют пожаром на корабле в море.

Джейми в Канаде и тоже считает явление знамением. Он сделает то, что задумал. На снегу аккуратным конусом сложит шесть месяцев работы из своих картин памяти картин Уоллеса, сбрызнет керосином и бросит спичку. Холсты пузырятся, покрываются волдырями; дыр с черными краями становится больше, они разымают холсты. Тыкая в пламя палкой, Джейми испытывает страшную жалость и вместе с тем облегчение. Картины обозначили половину пройденного пути. Ему нужно было их написать, но только для того, чтобы пережить их гибель.

Когда он очередной раз едет в город, его ждет телеграмма от Флавиана. Один из его пейзажей выбрали на конкурс, наградой в котором является покупка картины Музеем изобразительных искусств Сиэтла. Флавиан, задним числом прося у Джейми прощения за дерзость, выставил его на выставку. Флавиан интересуется, есть ли у приятеля еще работы для галереи. И еще: через месяц Джейми ждут в Сиэтле на церемонию награждения.

* * *

Однажды, застигнутая в Кордове нелетной погодой, Мэриен знакомится с хорошо одетой женщиной, постарше, незамужней наследницей консервного состояния. Та предлагает разделить комнату в уже переполненной такими же бедолагами-путниками гостинице. В комнате, разумеется, только одна кровать. После хорошего ужина с вином, когда они забираются под одеяла, женщина предлагает почесать Мэриен спинку, довольно тихо, Мэриен может сделать вид, что не слышит. Однако она соглашается, переворачивается на живот, задирает рубашку.

Кончики пальцев бегут вниз по спине. В низу живота у Мэриен переворачивается груз. Никогда еще женщина не вызывала у нее такого ощущения, однако вот оно; прикосновение легкое, умелое, и Мэриен интересно, что еще возможно. Она переворачивается на бок, и нежные пальцы без колебаний проводят по ребрам. Губы женщины прикасаются к грудине так осторожно, будто обхватывают фарфоровую чашку. На Мэриен мужские хлопковые кальсоны, и она, приподнявшись на спине, стаскивает их вниз.

За все время она не прикоснулась к женщине,

ни разу не поцеловала ее. Она полностью пассивна, не то чтобы покорна, но прохладна, почти царственна, до тех пор, пока ее ляжки не обхватывают голову женщины, и она содрогается. Потом она переворачивается, отстранив не убранную с ее бедра, вопрошающую руку женщины, и засыпает.

Когда она возвращается в Валдиз, ее ждет письмо Калеба, в которое вложено еще одно письмо от Баркли. Вкладку она бросает в огонь, не читая. Какое-то время по ночам думает о женщине больше, чем о чем-либо еще.

О Хрустальной ночи Мэриен узнает по радио, испытывает страх, умеренный расстоянием. Все, кроме гор, рудников и глетчеров, кажется далеким.

Чарлз Линдберг летит в Германию, получает медаль от Германа Геринга. Вспыхивают фотоаппараты.

В апреле 1939 года вернувшись в Штаты и лишившись былого ореола героя, он делает невнятные заявления прессе, что, дескать, говорит от лица немцев, выполняет миротворческую миссию. Америка, Линдберг совершенно уверен, не должна вступать в войну. «Мы должны объединиться, — пишет он в «Ридерз дайджест», —

дабы сохранить наше самое бесценное достояние, наследие европейской крови».

Он считает себя беспристрастным, обладающим высшей логикой. А считая что-то, Линдберг уверен, что это так. Он начинает выступать с речами по радио, выступает перед публикой, собирает толпы народа, заполняет стадионы вроде Медисон-сквер-гарден тысячами тех, кто просто не хочет опять идти на войну, но еще симпатизантами нацистов, фашистами и антисемитами (кого остальные замечать не хотят).

Краткий экскурс в будущее: после Перл-Харбора Линдберг прикусывает язык, пытается устроиться в «ПанАм», «Кертисс-Райт». Сначала его предложения принимаются с восторгом, затем смущенно отклоняются, поскольку Белый дом не одобряет. В конце концов он убеждает министерство ВМС отправить его в Южный океан наблюдателем, просится на фронт. Летает патрульным на рассвете, работает спасателем, обстреливает японские самолеты, хотя в общем-то не обязан, придумывает способ сократить потребление топлива, что увеличивает дальность полетов истребителей. Он искренне хочет помочь. Его репутация несколько восстанавливается, но уже никогда не будет как прежде.

После войны его брак трещит по швам, однако удерживается. Энн пишет книги, раздражается его попытками контролировать ее и детей, когда он дома, что бывает нечасто. У Линдберга три тайные немецкие любовницы, от них семеро тайных детей. Может, он хочет восстановить мировое население с помощью маленьких линдбержат? Он опять и опять повторяет детям: выбирая партнера, нельзя забывать о генетике.

После пятидесяти Линдберг посвящает себя защите вымирающих видов животных и туземных народов. Одержим угрозой атомной войны. Он помог миру оскудеть, но не хочет, чтобы тот оскудевал.

Когда со стартовой площадки поднимается ракета «Сатурн-5», чтобы доставить на Луну космонавтов «Аполлона-11», Линдберг там, во Флориде, тянет шею, не отводя взгляда от исчезающей искры. В первую секунду после отрыва от земли ракета сжигает больше топлива, чем «Спирит оф Сент-Луис» во время перелета из Нью-Йорка в Париж.

В 1974 году Линдберг умирает. Он не хочет, чтобы его бальзамировали, выбирает шерстяную и хлопковую одежду и саван, которые сгниют. Желает, чтобы над телом звучали гавайские

песнопения. Распоряжается, чтобы в засыпанной камнями вулканического происхождения могиле нашлось место и для Энн, однако спустя почти тридцать лет она выберет кремацию, ее прах где-то развеют.

* * *

Флавиан сам приезжает забрать Джейми из горной хижины и доставить на церемонию в музей Сиэтла. Тот выстаивает ее с неловким чувством, отвыкнув от толпы и нервно высматривая семейство Фэи. Никто из них не пришел, но блистательные акварели Тернера, обнаруженные им на чердаке их дома и снабженные табличкой «Из собрания семьи Фэи», повесили на отдельную стену. Простые волны цвета на маленьких прямоугольниках рельефной бумаги, и все же кажется, они передают раскинувшуюся панораму моря и неба, бесконечного пространства.

Среди множества рук, что он пожимает, одна принадлежит члену Общества искусств в Вашингтоне. Почему Джейми не участвует в Федеральном художественном проекте, интересуется тот. Цель проекта — дать художникам возможность работать. В библиотеке Беллингхема требуется стенная роспись. Джейми не готов

взяться?

Готов, отвечает Джейми, хотя Флавиан недоволен, он хочет, чтобы тот и дальше писал холсты на продажу, и, пожалуйста, Джейми, пожалуйста, не жги больше ничего, по крайней мере, не показав сначала Флавиану.

Но Джейми нравится идея написать что-то неподвижное, прочное. Он запирает хижину, обривает бороду и спускается с гор. Когда заканчивает в Беллингхеме, Общество искусств посылает его на остров Оркас выполнить роспись в почтовом отделении. Сейчас, в первые недели 1939 года, он сидит в поезде, едет повидаться с Мэриен в Ванкувер. Их воссоединение запоздало, но она не хочет уезжать с Аляски. Пока нет. На Джейми черное пальто и серый костюм из камвольной шерсти. Оказывается, ему не терпится побывать в городе, откуда он в панике бежал.

Разместив в грузовом отсеке самолета два запасных бака с топливом, Мэриен летела из Валдиза три дня с четырьмя остановками. В основном держалась береговой линии континента, слева высились снежные вершины. Почти все время монотонного полета она была сосредоточена и одновременно скучала, хотя ей не пришлось

дожидаться летной погоды. Постоянно дребезжал двигатель, и несколько раз казалось, она будто бы слышит, как спотыкается и кашляет «Стирман» Баркли.

Когда она добралась до гостиницы, человек за стойкой долгим, оценивающим взглядом осмотрел ее с ног до головы, но Мэриен вздернула подбородок и протянула деньги (грязь под ногтями). С Джейми они договорились, гостиницу найдет он, а она заплатит за оба номера. Она настаивала. У него денег мало, а у нее все в порядке. В номере Мэриен приняла ванну и попыталась привести себя в порядок, но оставалось только возможное. Даже если бы она хотела надеть платье, у нее их не осталось. Кроме губной помады, не имелось никакой косметики. Лицо густо усеяли веснушки, волосы, как всегда, обкорнаны и изувечены. Мэриен надела чистую рубашку и брюки, протерла гостиничным полотенцем ботинки, пригладила волосы, пощипала себя за щеки. Ей хочется, чтобы Джейми увидел перед собой матерого пилота, работающего в сложных условиях, понял, что сестра шесть лет продержалась в суровых краях, был впечатлен ее выносливостью, а еще поверил, что она может почти все и любой вызов судьбы встретит

легко и уверенно. Поэтому Мэриен и облачилась в доспехи из ботинок, брюк и тулупа, правда, с некоторым сожалением, поскольку ей хочется предстать перед Джейми еще и красивой сестрой. Она надеется не показаться ему слишком странной.

Джейми стоит в вестибюле у камина, засунув руки в карманы, и, когда она спускается, оборачивается на лестницу. В лице нет испуга, только радость. Удивлена она. Перед ней взрослый мужчина, хотя, конечно, как иначе. У него тоже прежние веснушки, прежние очень светлые волосы, но они умело подстрижены и по моде напомажены. Даже в том незначительном движении, как он обернулся поздороваться с ней, чувствуется сдержанная раскованность.

— Ты всегда такой чистенький? — спрашивает она, когда он обнимает ее, по-медвежьи хлопая по спине.

— Только когда хочу произвести впечатление. — Он отстраняется на расстояние вытянутой руки. — А тебе все еще неинтересно ослеплять.

— Я буду тебя смущать?

Он протягивает ей руку:

— Никогда.

Шагая одинаково длинными шагами, Джейми

и Мэриен идут ужинать. Сперва они немного напряжены, не знают, как лучше продраться через прошедшие годы. Говорят о Уоллесе, о доме, о том, что с ним делать. В конечном счете приходят к решению: Джейми поедет в Миссулу продать его, найдет, куда пристроить нужное (книги и сувениры Эддисона, картины Уоллеса), и продаст остальное. Старый Фидлер умер, но он поищет пристанище для оставшихся собак. Ни один из них не собирается возвращаться в Миссулу. Война все-таки будет, уверяет Джейми, получая законное удовольствие от предсказания катастрофы, хотя в глубине души не может до конца поверить, что человечество способно на такую глупость. Даже люди вроде Гитлера — как они могут хотеть еще одной войны? Как вообще кто-то может ее хотеть? Джейми озадачивает доминирующее представление о том, что люди в устрашающих количествах должны убивать друг друга, пока кто-то где-то почему-то не решит, пора, дескать, остановиться.

У Мэриен ответов нет. Ее мир малонаселен, и она не может представить себе так много людей в одном месте, чтобы случилась война. По сравнению с нечеловеческой огромностью севера мысль о сражениях представляется мелкой

и ничтожной.

Они ужинают в знакомом Джейми китайском заведении, темном, узком зале с отгороженными столиками бутылочно-зеленого цвета и свисающими светильниками. Официантка приносит пиво и плошки с яичным супом, но Джейми оставляет ложку на блюдце.

— Ты слышала про Баркли?

Мэриен поднимает голову:

— Его отпустили?

— Отпустили. — Джейми мнется. — Правда, кое-что еще. — Он опять умолкает, прокашливается и говорит: — Баркли больше нет.

Новость бьет ее, как порыв ветра. Звон в ушах. А Джейми продолжает:

— Было в газетах. Я думал, может, ты видела. Вскоре после освобождения он ехал с ранчо в Калиспелл, один. Похоже, кто-то знал и сидел в засаде. Ружейный выстрел с дальнего расстояния.

Оказывается, она навалилась на стол, схватившись за край. Мэриен заставляет себя убрать руки, жадно пьет пиво.

— Когда?

— Да на той неделе. По словам Калеба, все винят Сэдлера, поскольку он и сестра Баркли привыкли

править в королевстве. Полиция, судя по всему, не слишком заинтересована в расследовании, да и в любом случае не знаю, что там можно расследовать. Никто ничего не видел. У Сэдлера, похоже, алиби. Если верить газетам, Баркли умер нищим. По бумагам по крайней мере. Ты упомянута в статье, но не по имени, скорее всего работа Сэдлера. Там просто говорится, никому, мол, не известно, куда делась его жена. Есть завещание, но я предполагаю, тебя в нем нет.

Когда Мэриен опускает ложку в суп, руки ее трясутся, она смотрит, как густая желтая жидкость переливается через край. Что за чувство? Сильное, его не определить, так одинаково опаляют жар и холод. Шок, вероятно. Она поднимает ложку, что-то проливается. Суп обжигает рот. Джейми молча треплет ее по колену под столом. Она вытирает щеки салфеткой, качает головой.

— Больше этого не будет, — говорит она, имея в виду слезы.

Баркли не явится на Аляску. Он теперь не явится никуда. Последнее его письмо она сожгла, не распечатав. Но что там могло быть? Может, стоило ответить на первое письмо? Написать, что она простит его, только если он простит ее, отпустит навсегда? А тогда что-нибудь изме-

нилось бы? А она хотела, чтобы изменилось? Вообще можно скорбеть и радоваться в одно и то же время?

— А зачем им его убивать? — спрашивает она. Голос хриплый, горло обожжено супом. — Все уже и так записано на них.

Интересно, Сэдлер и Кейт любят друг друга? Всегда любили? Она ни разу не замечала никаких признаков, хотя, может быть, именно это имела в виду Кейт, утверждая, что она не старая дева. Мэриен решает, ей плевать. Теперь они значат для нее не больше, чем персонажи давно прочитанной книги. И они не будут ее искать.

— Не знаю, — пожимает плечами Джейми. — Я не знаю, как там все устроено.

— Ты сказал, ружейный выстрел? Всего один? И Баркли вел машину? Он не останавливался?

— Вроде так.

— Сэдлер не был хорошим стрелком.

— Может, повезло.

— Сэдлер никогда не стал бы полагаться на везение.

Они смотрят друг на друга, размышляют.

Официантка приносит тарелку с лапшой и свининой и миску со стручковой фасолью, политой соусом. Мэриен осторожно говорит:

— Когда Калеб приезжал ко мне на Аляску, я кое-что рассказала ему про Баркли. То, что не рассказывала никому. Он очень разозлился.

Они еще раз долго смотрят друг на друга. Джейми мотает головой:

— Мы не должны так думать. Не должны идти этим путем.

— Я не скорблю о его смерти. Но всегда думала, что еще увижу его. Думала, будет расплата.

— Знаю.

— Я привыкла думать, что никогда не освобожусь от него, если он не согласится освободить меня.

— Знаю.

— Иногда мне все еще так кажется.

— Ты свободна. Уже давно свободна. А сейчас шок.

— Серьезно, я рада, что он умер.

— Я тоже рад, что он умер. Ты расскажешь мне то, что рассказывала Калебу?

— Может быть, потом. Сначала нужно еще выпить.

— Как-то в Ванкувере посреди ночи ко мне на квартиру пришли какие-то люди и избили меня. Требовали, чтобы я сказал им, куда «она» уехала. Я решил, тебя ищут головорезы Баркли,

но то были другие головорезы, и искали они другую женщину. Фарс какой-то. Такое вполне могло случиться с Уоллесом: столько головорезов, что недолго и со счету сбиться. — Он смеется.

Мэриен в ужасе:

— Ты поэтому уехал из Ванкувера?

— Отчасти. А еще две женщины подряд разбили мне сердце.

— Расскажи.

После ужина Джейми ведет Мэриен за несколько кварталов в полюбившийся ему бар. В воздухе холодная дымка. С друзьями по «Щетине кабана» они встретятся позже. Мимо грохочет трамвай, в окнах торчат шляпы и газеты. Джейми спрашивает:

— Как думаешь, ты еще выйдешь замуж?

— Нет.

— Я думал, может, вы с Калебом, когда-нибудь.

— Нет. Ты можешь себе это представить? Два ястреба в клетке.

В просвете между домами серебро гавани, огни кораблей. Она представляет Калеба: между деревьями, с ружьем, терпеливо ждет, смотрит вниз на дорогу.

Раз упал, это навсегда

ПЯТНАДЦАТОЕ

Когда кто-то поджидает вас в темном коридоре и просит ваш телефон, вы полагаете, что человек им воспользуется. Но Аделаида Скотт не объявилась.

* * *

Я больше не играла Катерину, но, по условиям договора, еще обязана была поехать в Вегас на занудные сборища для раскрутки своего последнего «Архангела», раздачи автографов и ответов на вопросы, сидеть на подиуме с Оливером, хотя после ночи имени Джонса Коэна я его не видела и не слышала. Прописанный в договоре самолет забрал меня в Бербанке. У кресла ждали прописанный в договоре поднос с вегетарианским ужином и прописанная там же бутылка «Дом Периньон». М. Г. уснул еще до взлета, поскольку как, в самом деле, он мог защитить меня на борту? Августина играла на телефоне. Самолет пустился в ночь.

Я съела мармеладного мишку из марихуаны и выпила немного шампанского. После урока по пилотированию я летела впервые и боялась, что вернется головокружительное чувство, ужасная тяга вниз, но этого не случилось. Я опять принялась листать книгу Мэриен. Всякий раз, когда я открывала ее, мне, точно как в детстве, казалось, будто там что-то скрыто. Каждый мог похвастаться собственными представлениями о том, каким должен получиться фильм «Пилигрим», как лучше втиснуть совершенно непознаваемую жизнь Мэриен в аккуратный развлекательный катышек, и мне думалось, у меня тоже должно быть такое. По мнению Аделаиды Скотт, знать, чего ты не хочешь, так же важно, как и то, чем ты занимаешься, и я знала по крайней мере, что не хочу ни фильма про сильную, отважную девушку, ни трагедии человека, который откусил больше, чем смог прожевать. Мне бросился в глаза абзац:

> Мой брат, художник, хотел выразить в картинах ощущение бесконечного пространства. Он знал, задача непосильная, поскольку, даже если холст вместит такую мысль, ее неспособен вместить наш

разум. Однако Джейми считал, что недостижимые замыслы достойнее прочих. Мои полеты имеют ясную и, полагаю, достижимую цель, но она возникла из моего изначально несбыточного желания понять размер планеты, увидеть столько, сколько возможно. Я хотела бы мерить свою жизнь масштабами планеты.

Мы ужимали Мэриен изо всех сил. Плохо? Но сокращения неизбежны. Приходится выбирать, даже если то, что ты выбираешь, и без того урезано реальностью, как жизнь урезана планетой.

Внизу царил густой мрак с вкраплениями далеких царапинок света и булавочных уколов фар, вытянувшихся в линию вдоль пятнадцатой межштатной магистрали подобно каплям росы на паутине. Через какое-то время мы спустились к яркому, густому, мандариновому городу, подвешенному в черной пустоте пустыни. Я увидела Стрип с его замками, пирамидами, фонтанами, огромным вращающимся колесом, рядом гостиничных зданий, сияющих, как гигантские завернутые в фольгу леденцы.

Черный внедорожник ждал на асфальте.

По дороге в гостиницу Августина прошлась по расписанию. Несколько интервью утром, встреча с публикой после обеда при участии режиссера, Оливера и еще нескольких актеров, после чего демонстрация нового трейлера, потом благотворительный ужин, приветствие, потом призванный исправить ситуацию ужин с режиссером и сотрудниками студии. За окном, как замаскированный под город космический корабль, сверкал и вспыхивал Лас-Вегас.

— Оливер уже приехал? — спросила я, шаря в телефоне.

— Да, — ответила Августина. — Ты хочешь, чтобы я?..

— Нет.

Мы зашли в гостиницу через тайный вход для крупных игроков и знаменитостей и поднялись по тайному лифту. Вегас полон таких скрытых порталов, позолоченных технических этажей для золотых крыс.

Я сидела на громадной белой кровати и смотрела в стеклянную стену. Доела мишку из марихуаны. Расправилась с копченым миндалем из мини-бара. Смотрела туда, где городской жар сталкивается с чернотой пустыни, и волновалась, как увижусь с Оливером, думала, не написать ли

ему, не сломать ли лед. Пропав, он наказал меня, но заодно все упростил. Я корчилась при мысли, что придется встретиться с ним лицом к лицу. Я не хотела, чтобы он на меня злился, но мне нужно было, чтобы злился, поскольку так я бы поняла, что хоть что-то значу.

Я откинулась на подушки и вместо этого написала Редвуду. «Еще раз спасибо за ужин на той неделе. Было здорово». Когда все разошлись, Лиэнн осталась, и при воспоминании о том, как она машет с порога, стоя вместе с Редвудом и Кэрол, во мне шевельнулось недовольное темное чувство.

Через пару минут: «Спасибо, что пришла! Мама была от тебя в восторге. Надо потусить».

:) — отбила я.

Подождала реакции. Не дождавшись, написала сама: «Я в Вегасе».

«Собираешься сорвать большой куш?»

«Почему-то думаю, что вряд ли. Я писала и стирала, писала и стирала, наконец изобразила: «Лиэнн потрясающая, но я думала, ты ни с кем не встречаешься». [Задумчивое многоточие.]

«Сам не знаю».

«То есть?»

«Ты никогда ни с кем не позволяла себе ничего,

просто чтобы отвлечься?»

«Может, только этим я и занималась».

«По-моему, Трэвис Дей не прочь с тобой». [Эмодзи: ровная черточка внизу (рот) и над ней две ровные черточки (страдальческие глаза).]

«Лиэнн знает, что дело именно в этом?»

«Неясно».

«Отвлечься от чего?»

«Тоже неясно».

Я писала, стирала. Писала, стирала. «По-моему, я немного по тебе скучаю». Чувство возникло, прежде чем я поймала мысль.

[Знак бесконечности, троеточие, потом ничего.]

* * *

Я проснулась рано, беспокойная, дерганая, мне не терпелось, чтобы что-то случилось. Позавтракала в номере, глядя на блеклые, застиранные город и пустыню. Дни здесь становились золой ночей.

Когда я пришла с Августиной и М. Г., Оливер уже сидел в артистической, и его красота, такая знакомая, хлестнула меня по лицу. Я почти услышала звук. Он развел руки и тихо, печально произнес:

— Привет.

Я знала, когда мы обнимались, на нас смотрели все, но, когда оглянулась, все отвели глаза. Оливер провел меня к дивану.

— Как ты? — спросила я.

Я попыталась пристроиться на неудобном диване, подо мной чмокала черная кожа.

— Хорошо, — кивнул он. — Да. Лучше. Первое время далось нелегко.

— Мне правда жаль. Я хотела сказать тебе. Мы так и не поговорили, поэтому…

Отгораживаясь, он поднял руку:

— Давай не будем.

— Ладно.

Я не понимала, каких моих слов он хочет или не хочет.

— Как с Джонсом?

— Я никогда не была с Джонсом.

— Я кое с кем встречаюсь.

Я нимало не удивилась, однако спросила:

— Правда? С кем?

Молодой парень в наушниках и с ланьярдом торопливо подошел к нам и присел на корточки:

— Ребята, страшно извиняюсь, что вторгаюсь, но меня попросили дать вам знать, мы немного вышли из графика. Еще минута. Огромное спаси-

бо за ваше терпение.

Когда парень так же торопливо удалился, Оливер назвал имя актрисы, перенявшей Катерину, и я рассмеялась с громким, изумленным переливом. К нам обернулись и опять отпрянули испуганные лица. Я прошептала:

— Разве ей не семнадцать? Ты знаешь, что незаконно?

В его взгляде появилось раздражение и мягкое сочувствие, как будто я ничтожный мелкий чиновник, который, цепляясь за строгие правила, мстит за собственную ничтожность. Может, так оно и было.

— Она умна не по годам. Я со своей бывшей тоже познакомился в семнадцать.

— И смотри, как хорошо получилось.

— Я ни о чем не жалею. — Он трагически посмотрел на меня: — Я никогда не жалею о том, что кого-то любил.

— Наверное, это мило.

— Знакомство с ней действительно помогло мне освободиться от тебя.

Хотя в глубине души я никогда не верила в любовь Оливера ко мне, было нелегко сопротивляться его заунывности. Обдав волной нежной печали, он наклонился ко мне, и я поняла, самое

лучшее, самое простое — принять его версию нашей истории и отбросить запутанный клубок того, что произошло в действительности.

— Я действительно рад тебя видеть, — Оливер посмотрел мне в глаза.

Я опустила на лицо вуаль грусти:

— Да-а, я тоже.

Дверь открылась, и вошел Алексей.

* * *

— Мы навсегда останемся друзьями, — отбарабанил Оливер в ходе встречи, ослепляя своим светом толпу, как Моисей, раздвигающий Красное море. — Я желаю Хэдли только хорошего. Она потрясающий человек.

Мы сидели рядом за столом на фоне задника, где без конца вспыхивал логотип мероприятия. Зрители высоко держали телефоны, записывая видео. Я выдавила из себя приторную улыбку. Сказала, что у нас с Оливером по-прежнему прекрасные отношения. Еще сказала, что мне будет не хватать материала и команды «Архангела», но я смотрю вперед, надо двигаться дальше. С радостью предвкушаю будущее. Алексей стоял у самого края подиума; я не осмелилась повернуть голову в его сторону. Я почти не смотрела

на него и в артистической, опасаясь, как бы все не увидели мой загоревшийся взгляд, опасаясь, как бы и он этого не увидел.

Опустился экран. Свет потух, и появился Архангел, золотой, заледеневший. Появилась я в цепях. Появился Оливер на троне. Свет с экрана отражался на зрителей. Я смотрела, как они смотрят на мое изображение, лица тянутся к экрану, как будто он сейчас их накормит. Однако Алексей, когда я осмелилась взглянуть на него, смотрел на меня настоящую. Иногда я думала, вот бы мы встретились опять, но при других обстоятельствах, если бы он был разведен или вообще не женат, правда, тогда мы оказались бы во власти другой олофссонской системы другого прошлого, продираясь через другой растр цепных реакций. Может, не вспыхнуло бы ни искры. А может, пришла бы любовь или просветление.

В белом, отороченном мехом платье я бежала по снежной равнине, за мной гнался человек весь в черном, с черным топором, с лицом, закрытым черным забралом рыцарского шлема. Я остановилась. Подо мной устремилась вниз головокружительно высокая скала голубого льда, отвесная, смертельная. Выбрасывая перья белых брызг, о нее разбивались черные волны. Камера

взмыла вверх и отъехала назад, демонстрируя, что человек с топором и я одни на вершине айсберга, плывущего в пустом штормовом море. Мой крупный план, я смотрю, как приближается мой преследователь. Монтажная склейка — чернота. Появляются белые буквы: «Раз упал, это навсегда», — буквы тают, их сменяет дата выхода фильма. Все аплодируют.

* * *

В новозеландской постели Алексей рассказал мне о своих родителях, любящих, думающих, демонстративно старомодных в стиле «подзор для кровати — курительная трубка — Буш наш президент», который он считал камуфляжем под белых и в результате разбил себе сердце, поскольку это не работало. Об отвратительном дерьме, с которым черные сталкиваются в Голливуде, даже если у всех пуританское воспитание. О том, как иногда бывает одиноко, какие невежи редакторы, как явно они не хотят черных в помещении, а то, видишь ли, не обращая внимания на цвет кожи или произнося пустые фразы, чувствуют себя неловко. Как все считали, будто он работает только на черных звезд или баскетболистов. Как его до сих пор принимают

за ассистента, хотя ему тридцать девять лет и он имеет сногсшибательный успех. Как его до сих пор останавливают копы, сомневаясь, что у него может быть «тесла». До того как Оливера взяли в «Архангела», босс Алексея велел ему состричь дреды. «Если хочешь, чтобы тебя принимали всерьез, потрудись сделать серьезную прическу», — заявил он. Алексей не сделал, теперь он партнер, и никто ничего не говорит ему про волосы, только несоразмерные комплименты.

Во время приветствия перед благотворительным ужином он подошел ко мне боком, и мы смотрели в одну сторону, как будто куда-то ехали.

— Я не знала, что ты тоже будешь, — сказала я.

— Я тоже. Два дня назад узнал. Оливер достал меня с мальчишником. У меня кончились отговорки.

Оливер считал, что Алексей мало развлекается, и всучил ему танец на коленях, часы «Патек Филипп», пятьдесят тысяч баксов для проигрыша в покер, шампанское, чтобы тот поливал толпу в каком-то клубе, где знаменитый диджей время от времени нажимал клавишу ноутбука.

— Не помню, чтобы я подписывался на реконструкцию «Красавцев», — продолжал Алексей. —

Теперь у меня на очереди амок в «Порше»?

Я рассмеялась в лицо подошедшим випам, какие-то богатые на вид родители и две девочки-подростка в вызывающих тревогу сексуальных прикидах à la Катерина. С другого конца помещения на нас посмотрел Оливер.

— Прости. — Алексей заполз обратно в раковину профессионала и отошел к Оливеру.

Были еще какие-то маленькие девочки, люди в костюмах, одинокий бородатый парень, изложивший целую эзотерическую теорию о философии, лежащей в основании «Архангела». Я улыбалась, раздавала автографы, позировала для фото, но видела при этом только Алексея, хоть и не смотрела на него. Редвуд практически выветрился из головы. Я вспоминала о нем с нежностью, даже ностальгией, как будто наш так и не случившийся роман был далеко в прошлом. Когда Алексей опять придвинулся боком, я не стала смотреть на него, но он заполнил мой горизонт, как грозовой фронт. Сбоку он спросил:

— Хочешь потом выпить?

* * *

Мы бодренько делали вид, что сплетничаем в тусклом свете тайного бара для крупных иг-

роков и знаменитостей. Прекрасно. Мы друзья. А что делают друзья? Тусят. Догоняются. Мы оба щитом выставили перед собой вранье.

— Ты ведь не разнесешь? — спросил Алексей, имея в виду Оливера, развлекающегося с подростком. — Такое нам сейчас нужно меньше всего.

— А Гвендолин знает? Она безутешна?

Алексей закатил глаза:

— Подозревает. Оливеру пришлось штурмовать обаянием.

— Все равно выползет.

— Не все выползает. — Алексей пристально посмотрел на меня: — Очень надеюсь, что не все.

С потолка, отбрасывая на нас водянистое сияние, свисал огромный скульптурный светильник, шар из голубых стеклянных щупалец, напоминающий морского анемона.

— Да, — сказала я, — кое-что остается между двумя.

— Однако такое тоже может напугать до усрачки. Возможно, кое-кто считал, не грех чуть-чуть пошалить, а потом от реальности наложил в штаны.

— Но, возможно, другой кое-кто мог бы проявить больше понимания. Мне кажется, кое-кто, возможно, поддался эмоциям и отказался видеть

картину целиком.

Он улыбнулся, его щеки засияли голубым:

— Возможно.

— Представляется возможным. — Я сделала глоток.

— Возможно, и кое-какие чувства задержались подольше, чем кое-кто ожидал.

— Возможно, это кое-кому знакомо.

Потом мы продолжили петляющий, безобидный разговор, наверстывая упущенное, но щиты были опущены. Иногда легко почувствовать, что дерзость — форма защиты, что бесшабашность каким-то образом нейтрализует опасность. Сидя в обитой бордовым бархатом кабинке, я не спрашивала Алексея ни о семье, ни о том, какие именно он испытывает ко мне чувства, ни о в самом деле важном для меня. Я рассказывала о сэре Хьюго и Мэриен Грейвз и опять превратила Редвуда в лоха, которого мы все выдоили, прежде чем его вымыло из города волной озадаченного разочарования.

— Хороший будет? — спросил он. — Фильм?

Я лишь изредка задавала себе этот вопрос и никогда на него не отвечала. Обычно люди вокруг меня твердили, что он будет хорошим, и не позволяли себе никаких сомнений.

— Не знаю, — ответила я.

И вдруг все стало таким же хлипким, как когда я взялась за штурвал «Цессны». Алексей, ободряя, положил мне руку на колено.

В номере он стянул с меня подиумные джинсы и пиджак, нетерпеливо сунул лицо между ног. Когда мы трахались, он перевернул меня на живот и прошептал на ухо мое имя; мое лицо было в горячей темноте подушки, и я поняла, что плачу. За окном пустыня стала бордовой, затем черной, потом кто-то щелкнул городским выключателем, зажег мандариновую сеть, готовую уловить какого-нибудь падающего с неба невидимого циркача.

* * *

Когда Алексей уходил, я, накинув гостиничный халат, подошла к двери и поцеловала его. С потолка свисал глянцевый черный пузырь, похожий на яйцо, снесенное морским существом, глянцевый черный пузырь, типа гарантирующий, что никто не проникнет в пространство между лифтом и дверью моего номера, глянцевый черный пузырь, скрывающий камеру, запечатлевшую наш поцелуй, камеру, пославшую безмолвные, бесцветные, фиксирующие

время кадры с нашим поцелуем сотруднику службы безопасности отеля, который, вероятно, ненавидел свою работу, ненавидел мерзавцев, останавливающихся в этих люксах, возможно, уже знал, что я скандальная шлюшка, и хотел, чтобы все узнали о моей развращенности. В любом случае парень увидел шанс срубить бабла и им воспользовался.

Война

Валдиз, Аляска
Октябрь 1941 г.
Через два года и девять месяцев после встречи Мэриен и Джейми в Ванкувере

Мэриен надеялась, что война не доберется до Аляски, что ей не будет до Аляски дела, но в 1940 году кто-то где-то в конце концов задумался о стратегических преимуществах этого гигантского холодного сгустка территории, прилегающей к Тихому океану, и о растущей вероятности того, что вскоре потребуется любое стратегическое преимущество. Анкоридж наполнился солдатами. Бешеное строительство началось на базах здесь, в Фэрбанксе, у десятка аэродромов, расположившихся по линии с востока на запад, от Уайтхорса в канадском Юконе до Нома на берегу Берингова моря. Продовольственные поставки, строительные материалы, люди хлынули на кораблях, проникли на север в глубь Территории на грузовиках и поездах, лодках и самолетах.

Никто в правительстве не собирался заключать

договор на перевозку грузов с женщиной, но на заключивших такие договоры летчиков работы навалилось больше, чем они могли выполнить, и на сей раз заказчик, который, как можно было надеяться, заплатит. Кое-кто перебрасывал заказы Мэриен. На свою часть денег от дома Уоллеса у парня, уезжавшего с севера в Аризону, она купила потрепанный двухмоторный «Бичкрафт» и сняла хороший деревянный дом в Фэрбанксе. Мэриен славилась своей загадочной способностью летать в нелетную погоду и приземляться точно там, где планировала, даже когда всю Территорию укрывало одно большое непроницаемое облако. Некоторые пилоты называли ее ведьмой. Мэриен не возражала. Она и в разговорах с Баркли называла себя ведьмой, потому что хотела ею быть.

В горах и тундре появились готовые базы с ангарами, диспетчерскими вышками, с домами, напичканными всеми современными удобствами, аккуратные поселения, собранные с миру по нитке. Мэриен помогала их строить, да и все трудолюбиво корпели, как муравьи. Пустынные территории в основном такими и остались, однако Мэриен ощущала весь край своим, переживала за него. Появились новые военные

летчики, возомнившие о себе невесть что, но им не приходилось осваивать эту землю. Они всего-навсего учились летать, летали от маяка до маяка, садились не абы где, а на настоящие посадочные полосы. Да, в богом забытом месте бывали грозы. Да, самолеты пропадали, однако пилоту не нужно было завоевывать Аляску, как раньше. Ей казалось, что нет.

Она взяла тайм-аут и полетела на юг повидать Джейми, жившего в насквозь продуваемом дощатом доме, откуда открывался вид на окутанное дымкой, печальное побережье Орегона. Он больше не работал для Общества искусств, поскольку, когда под видом заказов принимал подачки, ему становилось не по себе. Его картины начали покупать коллекционеры; три пейзажа уехали с передвижной выставкой аж в Бостон и Нью-Йорк, один купил музей в Сент-Луисе. Джейми переманил один известный маклер из Сан-Франциско, и он расстался с Флавианом.

— Не знаю, почему я думаю, что на Аляске все должно остаться так же пусто и трудно, как раньше, — сказала Мэриен во время прогулки по широкому, пустому берегу. Волны набрасывали на песок блестящий кожаный покров воды, серебро с отражающимся туманом. — Мелочно с моей

стороны, так как причина не столько в самом крае, сколько в моем тщеславии.

— Ты оказалась там, поскольку тебе нужно было где-то спрятаться, — пожал плечами Джейми. — Логично, что ты инстинктивно не хочешь пускать туда людей.

— Может быть. Аляска для меня крепость. — Мэриен подняла ракушку и бросила ее в воду. — Тебе надо приехать посмотреть. Ты должен ее написать.

— С удовольствием. Приеду.

Новые картины Джейми излучали таинственный внутренний свет. В них сохранились скривления первых пейзажей, написанных им после отъезда из Ванкувера, и, хотя чаще всего темой становился океан, углов не имеющий, в работах по-прежнему проступало ощущение, будто изображение сложено, сжато и парадоксальным образом передает расширяющуюся открытость. Большой, размером почти со стену холст был прислонен к стене напротив узкой железной кровати, где спала Мэриен. Глядя на него, она испытывала чувство, словно приближается к горизонту.

Через несколько дней, не попрощавшись, она полетела над проржавленной осенью землей

в Миссулу. Там еще остались прежние летчики, не поверившие своим глазам. Они, мол, не сомневались, что она погибла, так или эдак.

Дом Уоллеса купил университетский профессор истории, и Мэриен, направляясь к хижине Калеба и проходя мимо, увидела свежую краску, починенную крышу и чистые окна. Амбар, судя по всему, пустовал, зато флигель прихорошили, покрасили, на окнах стояли цветы в ящиках. Маленькая девочка в синем платьице, играющая с куклой на веранде, замерла и посмотрела на Мэриен. Другая женщина, вероятно, замедлила бы шаг, поздоровалась, сообщила, что они с братом, когда были маленькими, спали на этой самой веранде. Другая женщина, увидев в опрятном доме надежно защищенное детство, вероятно, испытала бы легкую печаль, но Мэриен взгрустнула лишь из-за столь памятного простого буйства тех лет, когда думала единственно о том, как бы расширить свой мир. И по тропинке между деревьями она прошла дальше.

* * *

— У меня есть девушка, — заявил Калеб. — Я думал, что должен сказать.

Мэриен словно толкнули, неприятное чувство.

Они сидели на заднем крыльце его хижины и пили из оловянных кружек виски.

— Рада за тебя.

— Я думал, если напишу и расскажу, ты не приедешь.

— Я бы приехала, — ответила она, не понимая, говорит ли правду.

Ей нравилась близость его тела, прохладный воздух, рыжие листья, приятное предощущение секса. Но теперь вдруг стало жарко, она разозлилась и, к своему ужасу, почувствовала подступающие слезы. Прокашлялась.

— Все-таки стоило мне рассказать, я бы подумала насчет ночлега.

— Оставайся. Я посплю на полу.

— А твоей девушке это понравится?

Калеб не ответил.

— Кто она? — спросила Мэриен.

— Преподавательница английского в средней школе. Приехала сюда совсем одна из Канзаса. Она бы тебе понравилась — лихая. Смелая, правда.

— Да, пойти в преподаватели само по себе смело.

Калеб сидел не шевелясь. Смотря в кружку, тихо сказал:

— Я знал, что тебе не понравится.

— И тем не менее ты позволил мне приехать сюда. Ты меня проверял?

— Если бы я тебя проверял, то теперь знал бы, что тебе совершенно неинтересно меня видеть, если мы не… — он осекся. — Не знаю, как назвать. Правда не знаю, чем мы занимаемся. Трахаемся? Спим?

Она тоже так и не сумела найти подходящее слово.

— А как ты называешь это занятие с ней?

— Мы этим не занимаемся.

— Не занимаетесь?

— Она не такая.

Мэриен вспыхнула:

— Не такая, как я.

Калеб встал:

— Да, не такая, поскольку с ней я понимаю, что происходит. Понимаю, чего она от меня хочет.

Она тоже встала и повернулась к нему лицом:

— Ладно. Продолжай. Чего она от тебя хочет?

— Она хочет… не знаю. Гулять в горах и устраивать пикники. Славно проводить время.

— Как мило, Калеб. Рада, что ты наконец встретил такую чудесную девушку.

Его взгляд пронзил ее, как шило:

— Она хочет моей любви.

Мэриен никак не могла отдышаться. Она понимала, Калеб толкает ее к тому, чтобы она спросила, дал ли он девушке то, чего она хочет. Но она не спросит. Она чувствовала себя тихо рычащей собакой.

— Ты собираешься жениться на ней?

Калеб вздрогнул.

— Значит, ты такой же, как все остальные. Будешь жить в симпатичном домике с симпатичной женщиной, народишь кучу детишек, а по вечерам в тапочках и с трубкой будешь читать газеты.

— Я не знаю! — Почти крик: — Чего ты от меня хочешь? Чтобы я сидел тут наготове, на случай если вдруг потребуется отвезти тебе письмо? Ты даже ни разу не поблагодарила меня. Или ждать, когда тебе понадобится человек, который скажет тебе, дескать, ты, делая то, что хочешь и когда хочешь, даже если это наихудшее из возможных решений, абсолютно права? Или ждать, когда ты захочешь трахнуть меня раз в пять лет? А потом опять уедешь, даже не попрощавшись.

Калеб развернулся и быстро отошел, затем присел на корточки, закрыв голову руками. Мэриен подошла к нему, опустилась на колени в грязь.

Он откинулся, потянув ее за собой. Обнял крепко, до боли. Одной рукой она схватила его за косу и потянула ее.

— Прости, — буркнула она ему в плечо. — И спасибо, что привозил мне письма.

Он долго молчал, зарывшись лицом в ее шею, прижавшись к ней. Наконец сказал:

— Сейчас ты попрощаешься.

— Нет.

— Но ты же уезжаешь.

Ткнувшись ему в грудь, Мэриен кивнула.

Сиэтл
Декабрь 1941 г.
Два месяца спустя

Зайдя на выставку в одолженном, слишком коротком смокинге и с бокалом шампанского в руке, Джейми тут же принялся искать Сару Фэи. Много недель его не оставляла пугающая надежда, что она будет здесь.

Все годы, прошедшие с того дня, когда Джейми приезжал в Сиэтл на церемонию награждения, он избегал этого города, в основном из-за страха натолкнуться на Сару или кого-либо из семейства Фэи. Однако чего он боялся? Что они теперь могли ему сделать? В хорошие минуты он думал: ничего. В унылые перебирал четыре неотвязные,

хоть и нерациональные пугалки. Во-первых, Джейми боялся, как бы Фэи не решили, будто вся его карьера — попытка вскарабкаться наверх и влиться в их ряды. Во-вторых, а вдруг ему как-то дадут понять, насколько смешны все его поступки, а сам он выскочка? В-третьих, он боялся, что все еще любит Сару, а в-четвертых, что больше не любит.

Последние два пункта были особенно смешны, поскольку единственной причиной его постоянных мыслей о Саре, решил Джейми, стал их столь резкий разрыв. Она напоминала книгу, откуда выдрали последнюю страницу, оставив его на милость собственного воображения. Если бы он имел возможность видеть ее, Сара не превратилась бы в соблазнительную тайну, сильфиду из грез, к кому обращался его разум, когда с другими девушками все шло наперекосяк (а оно всегда шло наперекосяк), в волшебное решение всех загадок и утоление всех разочарований его существования. Она осталась бы реальной женщиной. Стало быть, размышлял Джейми, когда он встретил ее, он так жаждал любви, так отчаянно хотел собственной жизни, что непомерно раздул юношеское увлечение. Было лето поцелуев, ну и что? Стоит ему увидеть ее, он излечится.

И, вполне вероятно, она будет замужем, что станет окончательным решением всех вопросов.

В любом случае чего уж. Отказываться от выставки было бы безумием. Он приехал за два дня до открытия, чтобы проследить за развеской, а в свободное время гулял по городу, вбирая перемены, потребовавшие десятилетия. Во время прогулок, вспоминая жившего тут мальчика, Джейми светился сладко-горькой радостью. Здесь мысли о Саре ощущались терпимо тоскливыми, а не слезными, как в других местах. В дощатом доме на берегу Орегона он иногда смотрел на свои старые, изображавшие ее рисунки. Сходство с оригиналом-подростком еще волновало его, но потом он ходил мрачный и пристыженный.

Однако вот и Сара. Хотя их разделяла шумная, сверкающая толпа, хотя она стояла к нему спиной, он не мог ее не увидеть. Сара рассматривала картину Эмили Карр; маленькая головка с аккуратным высоким пучком блестящих каштановых волос вырисовывалась на фоне плотных мазков, деревьев, солнечного света, закрученных в радостный водоворот. Над ярким изумрудным вырезом вечернего платья виднелся треугольник голой спины. Ни пучок волос, удерживаемых усеянным жемчужинами гребнем, ни открытая

нежная спина не имели видимой связи со знакомой ему девушкой, но Джейми без колебаний, без сомнений понял — это она.

Его картина, изображавшая орегонское побережье, прямоугольник шесть на десять футов, занимала отдельную стену слева от Сары. Та еще с минуту смотрела на работу Карр, затем шагнула вбок к следующей. Рассмотрев ее, опять передвинулась, подойдя ближе к холсту Джейми, но не глядя на него. Намеренно, решил он. Все в ней казалось намеренным. Удлиненная элегантность сменила застенчивую подростковую угловатость.

Джейми начал продираться сквозь толпу в поисках лучшего места на тот момент, когда Сара наконец увидит его картину, хотя одной частью своего существа хотел вскочить между ней и холстом, не дать ей подумать, объяснить, что он понимает, работа неточная, провал, как, впрочем, и все его потуги.

Кто-то схватил его за плечо.

— Восхитительно, — произнес человек. Джейми смутно помнил его, тот как-то был связан с музеем, маленький, розовый, в кудряшках, херувим, да и только. Член правления? Человек энергично тряс руку Джейми. — Просто восхити-

тельно. Мои поздравления.

Джейми рассеянно поблагодарил его. Сара стояла перед картиной, за которой висел его пейзаж.

— Я должен спросить вас, — приподнявшись на цыпочки, пытаясь поймать взгляд Джейми, продолжал человек, — как вы развили вашу технику углов, создающих пространство? Хотя скорее это стиль. Ощущение, что все сворачивается? Эффект невероятно оригинален, я заинтригован! Вам случайно пришло в голову?

— Оригами, — коротко ответил Джейми.

Он допил шампанское и поставил бокал на поднос, высоко поднятый проходящим официантом.

— Что?

— Оригами. Японское искусство складывания фигурок из бумаги.

— Правда? Да, правда! Такие маленькие птички и лягушки. Фантастика. Я бы никогда не провел связь, но понимаю. Конечно! Скажите, вы бывали на Востоке?

Сара расправила плечи, повернулась налево, сделала несколько шагов и встала перед картиной Джейми.

Серые море и небо можно было отличить друг от друга только по характеру мазков; острые углы передавали высокие волны облаков, рит-

мичную геометрию течений и вздымающейся воды. Масса на переднем плане напоминала стог сена — знаменитая базальтовая формация в Кэннон Биче. Ее по контрасту с небом и океаном Джейми изобразил плоским монолитом, черной пустотой. На фоне черноты неподвижно стояла Сара.

— Мистер Грейвз? — окликнул херувим.

Тело Джейми распалось на бурно булькающие пузырьки. Во рту пересохло.

— Простите, — прошептал он, улизнув от херувима, как раз когда Сара отвернулась от его картины.

Что выражало ее лицо? Джейми постарался запечатлеть его в памяти для позднейшего обдумывания: щеки вспыхнули; широко раскрытые, выразительные глаза увлажнились; он не заметил в них ни явного признания, ни откровенного недовольства, но картина очевидно произвела впечатление. Увидев Джейми, Сара испугалась, окаменела. Румянец стал еще ярче, быстро спустившись к шее, к декольте. Прижав руку к груди, она робко улыбнулась дрожащими губами.

В смятении он подошел к ней, оттягивая манжеты и проклиная себя за то, что из гордости не купил смокинг. Джейми воображал, ему пле-

вать на внешний вид, он, мол, не собирается строить из себя толстосума (хотя нищенство было позади), и вот теперь возмездие настигло его — он предстал перед ней пугалом. Джейми бросился поцеловать ее в щеку.

— Сара.

Больше он ничего не посмел сказать. Представляя себе их встречу, он не учел адреналин, трясущиеся колени, дрожащие пальцы. Джейми засунул руки в карманы.

— Я думала, приедешь ли ты. — Сара поднесла руку к горлу. — Я так волнуюсь. Почему? Мы ведь старые друзья.

Обрадовавшись ее признанию, обидевшись на слово «друзья», Джейми сказал:

— В общем-то, старые возлюбленные.

— Мы были детьми. — Сара рассмеялась, однако выделила голосом «детей» и, не дав ему ответить, быстро продолжила: — Не могу поверить. Читаю твое имя под в самом деле невероятными (правда, Джейми) картинами — не только эта, остальные тоже — и все еще вижу перед собой мальчика. — Толпа плотно стиснула их, и ее едва не прижало к его груди. В Джейми ожили все чувства. Сара быстро, чуть не украдкой схватила его руку. — Я пыталась представить тебя взрослого,

но у меня не получалось, а теперь, когда вижу, ты точно такой, каким только и мог стать.

Он рассматривал ее.

— Я тебя понимаю. Ты изменилась, но не изменилась.

На длинном лице резче, чем раньше, выступили скулы, и тем не менее от ее взрослого облика тоже не уйти. Длинные затеняющие взгляд ресницы, которые у подростка создавали ощущение робости, скромности, зачернила тушь, но, когда Сара подняла на него глаза, Джейми с неприятным чувством увидел не свойственную ей прежде неискренность. Она указала на картину:

— Смотрю и испытываю гордость. Не имею никакого права и тем не менее.

— Мне… — Джейми посмотрел на холст и осекся. — Не то, чего мне хотелось, но спасибо. Правда заключается в том, что, если бы не то лето, я бы никогда не стал художником.

— Неправда.

— Правда.

— Нет. Ты родился художником. И чтобы стать им, тебе не был нужен никакой глупый романчик.

Недовольство Джейми после слов «глупый романчик» компенсировала жадность ее взгляда.

Кажется, Сара тоже пыталась его запомнить.

— Не только, — сказал он. — До тех пор меня никто не поддерживал. Ты дала мне ощущение возможности. И не одна ты. И твоя мать, отец, хоть и… — Он помедлил, затем торопливо договорил: — И общение с искусством. Оно стало образованием, началом.

Ему стало трудно дышать, так его удивила собственная серьезность. Сара просияла:

— Ну, тогда стоило сердечной боли.

Тут от толпы отделился человек и, приблизившись к ним, обнял Сару за талию, поцеловал ее в висок, потом отстранился и положил ей руку на лоб:

— Ты вся горишь. Ты хорошо себя чувствуешь?

Она взволнованно отпрянула, потом, извинившись взглядом, вернулась и прижалась к человеку плечом.

— Да, только жарко.

— Тебе надо на свежий воздух. Простите, добрый день.

Незнакомец протянул руку Джейми. Когда тот пожимал ее, ему показалось, что он еще чувствует влажную кожу Сары. «Чья сердечная боль? — хотел он спросить у нее. — Твоя? Что ты имеешь в виду?» Мужчина представился:

— Льюис Скотт. Я вам помешал. Меня сбила забота о любимой жене.

— Льюис, Джейми Грейвз, — сказала Сара. — Художник и мой старый друг. Джейми, мой муж, Льюис.

— О, — воскликнул Льюис, — я уже вечность хотел познакомиться с вами!

Джейми слишком сосредоточился на лице Сары и не заметил ее обручального кольца. У мужа были волосы песочного цвета и добродушный взгляд сквозь очки в черепашьей оправе. Крупный нос с легкой горбинкой не портил красивого лица. Смокинг сидел на нем безупречно.

Наклонившись, Льюис, как и Сара прежде, указал через плечо на Кэннон Бич и понизил голос:

— Ваше лучшее на выставке. Я куда хуже Сары разбираюсь в искусстве, но даже я понимаю, что это нокаут. Все так говорят. Поздравляю.

Джейми, уж как мог, поблагодарил его.

— Вижу, вы не из тех художников, которых хлебом не корми, только похвали. Не буду больше смущать вас. Только скажу, что те старые портреты сестер Фэи — в яблочко. Портрет Сары еще висит у нас дома и мой любимый, из всего нашего искусства. Я, конечно, пристрастен, но так оно и есть. Все, я высказался. Больше никаких пыток

комплиментами. К делу. Вы надолго в городе? Мы бы очень хотели пригласить вас на ужин. Вы должны познакомиться с нашими мальчиками.

Почти извиняясь, Сара пояснила:

— У нас двое сыновей. Четырех и семи лет.

Прокашлявшись, Джейми ответил:

— Значит, ты уже давно замужем.

— Восемь лет, — уточнил Льюис. — Саре не было и двадцати. Я изучал в Вашингтонском университете медицину и отличался неумолимой настойчивостью. Вы можете прийти к нам завтра?

— Завтра воскресенье, — напомнила Сара. — Мы идем к моим родителям.

— А нельзя пропустить?

Она посмотрела на Льюиса взглядом, полным безмолвной выразительности, рождаемой долгим, близким общением. Джейми перекорежило от зависти. Она вышла замуж всего через два года после его отъезда из Сиэтла, может, именно тогда, когда он пьяный шатался по дому Уоллеса, страдая по ней.

— Не меняйте из-за меня ваших планов.

— Я бы очень хотела их поменять, — взмолилась Сара, — но отец не поймет. Ты же его помнишь.

— Я не знал, вы, оказывается, знакомы с всесильным патриархом, — удивился Льюис, и Джейми понял, что Сара рассказала ему очень немного об их прошлом. (Поскольку не важно? Или поскольку как раз важно?)

— Я видел, здесь выставлены некоторые работы из вашего семейного собрания, — глуховатым голосом сказал Джейми. — Твой отец еще планирует открыть собственный музей?

— О, так трудно понять, что он планирует. То он хочет музей, то хочет все продать. Потом в самом деле продает какую-нибудь работу и тут же хочет выкупить ее обратно. Я уже не пытаюсь следить. — Сара обернулась к Льюису: — Именно Джейми обнаружил те акварели Тернера. Они гнили в какой-то коробке.

— Ну, если завтра отпадает, приходите послезавтра, — предложил Льюис. — Придете? Я знаю, для Сары это страшно важно. А то у нас одни скучные доктора. Художник будет глотком свежего воздуха.

Джейми собирался уезжать назавтра. Принять приглашение Льюиса значило остаться в гостинице не на одну, а на две ночи дольше. Нет, лучше сослаться на другие обязательства и уехать, как он и хотел. Он уже открыл рот,

чтобы выразить свои сожаления, но Сара опять дотронулась до его руки:

— Пожалуйста, приходи.

И они договорились.

* * *

На следующее утро Джейми еще раз пошел в музей, чтобы осмотреть выставку без мешающей толпы и отвлечения в лице Сары Фэи — Сары Скотт, напомнил он себе. Галерея была пуста. Его шаги гулко отдавались эхом. Картины — все пейзажи с Тихоокеанского Северо-Запада — изобиловали деревьями, горами, островами и океаном. Художники, передавая свет, применяли разные методы, выстраивали сложные или простые композиции, дабы выразить различные настроения и эффекты, и все же, переходя от одной картины к другой, от одной к другой, Джейми приуныл. Какой смысл во всех этих ветках и волнах? Ни одна картина никогда точно не передаст ни деревья, ни море. А в чем его цель? Точность? Он страстно хотел сказать не о деревьях, а о пространстве, которое нельзя ни точно определить, ни куда-то заключить. Является ли стремление само по себе достаточной причиной непрекращающихся упорных попыток? Джейми не знал.

Остальные мучительные вопросы касались Сары Фэи. Например, почему он согласился пойти к ней на ужин? Ответ оказался довольно прост: он хотел еще раз увидеть ее. Хотел так сильно, что готов был вытерпеть мучительное присутствие ее мужа и детей, стать свидетелем того, как другой человек проживает когда-то согревавшую его мечту. Но почему? Разбираясь в своих чувствах к Саре, он обнаружил сильнейшую путаницу. Он не испытывал никакого головокружения, никаких восторгов, одну мутную неловкость. Хотя, если бы провел с ней больше времени, возможно, нынешние чувства перешли бы во что-то более понятное. Или в сентиментальную, ностальгическую привязанность, или в безразличие, или в любовь, наконец. Он не знал, на что надеется. Стоит ли беречь любовь, даже если она ни к чему не привела?

Закончив с выставкой, Джейми еще сходил к акварелям Тернера. Он вышел из музея в половине двенадцатого, а поскольку пропустил завтрак, то нырнул в первый же попавшийся ресторанчик и заказал кофе и омлет с тостом. Он все еще ждал заказа, когда повар в грязной белой куртке вышел из кухни, включил стоявшее на полке над кассой радио и выкрутил такую

громкость, что все замолчали и обернулись. Отрывистый гнусавый голос быстро говорил о японских посланниках, Госдепартаменте, Таиланде и Маниле. Пресс-секретарь президента, продолжил голос, зачитал журналистам заявление. До Джейми медленно доходило: Япония разбомбила военно-морскую базу на Гавайях. Девочка-подросток, сидевшая через два стола от него, разрыдалась. Когда диктор сказал об обязательном объявлении войны, некоторые возликовали. Выпуск закончился обещанием держать слушателей в курсе и без музыкальной заставки сменился заявленной программой: Нью-йоркский филармонический оркестр заиграл что-то противное и диссонансное.

Джейми не знал, куда пойти, и отправился на берег. Судя по всему, остальные тоже так решили, поскольку уже собиралась толпа, в основном мужчины. Они бесцельно бродили, бросали злобные взгляды на запад, на остров Бейнбридж, где-то за которым находилась Япония, как будто на сером горизонте в любой момент могла появиться туча самолетов и тогда люди начнут… а что, собственно? Кидаться камнями, когда сверху посыплются бомбы? Почувствовав себя дураком, Джейми оставил толпу с ее шапкоза-

кидательскими настроениями и пошел наверх. На город опустилось ошеломленное безмолвие, отличное от обычного тягучего воскресного затишья. Из окон плыл оловянный, обволакивающий гул радиоприемников. Люди группками стояли на тротуарах. До сих пор война напоминала Джейми солнце: неумолимое, неотменяемое, но смотреть на него нельзя. Далекие континенты пожирали страдания и смерть, и, не находя в душе героических порывов, он избегал открытого взгляда на этот кошмар из страха, что его тоже поглотит. Но убежать оказалось невозможно. Он почувствовал себя, как в детстве, в горах, когда вдали от укрытия при приближении ощетинившейся молниями грозы не раз попадал в западню.

Из кармана Джейми достал тисненую визитную карточку Сары. Он помнил улицу. Она жила возле парка Волантир, недалеко от родителей.

* * *

Сара открыла дверь только после второго звонка. У нее покраснели глаза, а когда она увидела Джейми, снова брызнули слезы. Она, кажется, и не думала спрашивать, зачем он пришел, только кивнула заходить со словами:

— Так ужасно.

Сара быстро, почти грубо, его обняла, потом приподняла край юбки, чтобы вытереть глаза, на секунду показавшись маленькой девочкой.

— В любом случае добро пожаловать, — прибавила она, чуть улыбнувшись.

Дом Скоттов представлял собой внушительное двухэтажное здание в стиле «искусств и ремесел» с глубоким передним крыльцом. Внутри просторно, много воздуха и поразительное изобилие комнатных растений. Филодендроны усиками листьев в форме сердечка свисали с полок и столиков, а пальмы в кадках чинно стояли в углах, словно ожидая, когда их пригласят на танец. Коврики с геометрическими узорами разбросаны по ореховому полу, а стены украшены эклектичным собранием картин. Из глубины доносилось радио, ставшее громче, когда Сара провела его по коридору мимо столовой. Она перешагнула через брошенные игрушки — металлический грузовик, деревянную лошадку, уродливый замок из деревянных кубиков. В проем двери, ведущей в небольшой кабинет или библиотеку, Джейми заметил свой старый портрет Сары, поблекший, в рамке, над ним висел латунный светильник.

— Льюис дома?

— Нет, он по воскресеньям дежурит в клинике в одной из трущоб. Ушел еще до новостей, но ушел бы в любом случае. На него рассчитывают. Он хороший человек.

Последние слова она произнесла с такой очевидной защитной интонацией, что у Джейми ожила упрямая надежда.

— А ваши сыновья?

— Ночевали у сестры, так что мы смогли сходить на открытие. Их еще не привезли. Не хочу, чтобы они видели меня в таком волнении. Ты помнишь мою сестру Элис? У нее тоже два мальчика, почти такого же возраста. Проходи на террасу.

Светлая терраса была освещена тусклым серебристым светом и заставлена растениями. Джейми вспомнил оранжерею матери Сары, где, когда его приглашали на кофе, чувствовал себя таким взрослым. За стеклами виднелся пологий газон, ярко-зеленый под затянутым облаками небом. В зарослях папоротника на боковом столике стояло портативное радио, и диктор сообщал, что за японскими иммигрантами на Западном побережье установлен строгий надзор. Сара убавила громкость до невнятного бормотания, отщипнула папоротник.

— Наверное, я должна испытывать патриотические чувства, но больше боюсь. И так злюсь. — Она указала на плетеный стул с подушками в цветочек: — Прости. Пожалуйста, садись.

— Я не хочу мешать.

Она села на двухместную кушетку под прямым углом к нему.

— Хорошо, что ты пришел. Я просто таращилась в пустоту, представляя возможное теперь. Наверное, самое худшее — бессилие. И бешенство! Не знаю, что делать. Слава богу, мои мальчики еще совсем маленькие, но другие матери… Даже думать не могу. Им понадобятся врачи. Конечно, Льюис пойдет, если сможет. Я бы сама пошла, если бы могла. А ты?

Этот вопрос не приходил в голову, но, конечно, ему двадцать семь лет, и он здоров. Однако Джейми не мог сейчас всерьез подумать о том, что нужно делать, и, отодвинув все, сказал:

— Трудно представить, что ты хочешь на войну. Я всегда считал, ты такая нежная.

— Ну да, я бы предпочла более нежный мир. Но у каждого есть свой предел, тебе так не кажется?

Джейми припомнил, как его захлестнула радость, когда кто-то пристрелил Баркли Мак-

куина.

— Наверно.

— У меня такое чувство, будто я от злости могу выскочить из кожи. Хочу, чтобы от Германии и Японии остались только пепел и щебень. Хочу налететь на них мстительной валькирией, и пусть заплатят. Валькирии вообще этим занимаются? Никогда не хотела никого убивать, никогда, а сейчас мечтаю засадить пулю Гитлеру прямо промеж глаз. Ты нет?

— Гитлер — что-то абстрактное, как дьявол.

— Но он же не дьявол. Реальный человек. Разве не странно, что у одного человека есть власть запустить войну? Я сильно упрощаю, но ты меня понимаешь. — Сара на мгновение закрыла глаза. — Давай поговорим о чем-нибудь другом. Не хочу тратить наше время на войну. Расскажи мне о своей жизни. Расскажи все.

— Все? Так много, хотя одновременно и мало.

— Нужно с чего-то начать. Как насчет?.. Расскажи, где ты живешь.

— Сейчас в Орегоне. На берегу. Раньше жил в Канаде.

— Ты женат? — Тон был старательно нейтральным.

Он покачал головой.

— А сестра? Замужем?

Значит, мать ничего не рассказала ей о том, что Мэриен приезжала в Сиэтл.

— Вообще-то, Мэриен уже вдова.

Глаза Сары, и без того на мокром месте, увлажнились.

— О, как ужасно. Мне очень жаль. А дети есть?

— Нет, слава богу.

— Да, милость Божья, что им не придется горевать по отцу.

Джейми замялся:

— Я имел в виду немножко другое. Она не хотела детей. Ее муж был нехорошим человеком, но даже будь иначе, она бы их не хотела. Она хочет только летать на самолетах. Ей не хочется быть привязанной к людям.

Сара сосредоточенно нахмурила лоб:

— Быть привязанной к людям — суть жизни. Дети осветили меня, осветили весь мир. Ты не можешь себе представить такую любовь.

Джейми печально улыбнулся:

— Могу или не могу, но не знаю, суждены ли они мне.

Сара откинулась на кушетке и с силой выдохнула:

— Прости. Не знаю, зачем я такое говорю.

Но они у тебя будут, уверена.

— Может, да, может, нет. Думаю, я бы их любил. Но еще я думаю, Мэриен сказала бы, что она себя знает. Она хочет жить иначе.

— Мне не следовало судить. Не мое дело, как живет твоя сестра. Или как живешь ты.

Последние слова больно кольнули.

— Знаешь, что мне это напоминает?

— Нет. Что?

— Когда мы гуляли у озера, где познакомились, ты вытянула из меня всю мою жизнь, и я только потом понял, что ничего не спросил у тебя о твоей.

— Я совсем забыла. — Наверное, у Джейми был совсем затравленный вид, поскольку Сара торопливо добавила: — Не тот день и не ту прогулку. Забыла, как ты переживал из-за того, что много говорил. Но и тогда, и сейчас твоя жизнь интереснее моей.

— Нет…

— О, новости. Можешь сделать громче?

Джейми потянулся к колесику. Япония объявила войну Соединенным Штатам и Великобритании. Через минуту Сара велела:

— Хватит.

Джейми опять прикрутил звук и осторожно

сказал:

— Как бы я хотел изобрести способ передать тебе все за долю секунды, ты бы знала, и мне не пришлось бы ничего рассказывать.

— А я нет. Люблю узнавать о человеке понемногу.

— Но у нас нет времени. А я не уверен, что смогу все правильно объяснить.

Сара внимательно посмотрела на него:

— Мне всегда нравилась твоя честность. Больше тебе ничего не нужно, чтобы все объяснить.

— Я бьюсь над тем же самым в картинах. Хочу написать слишком большое, поэтому начал думать, что на самом деле хочу изобразить представление о слишком большом. Так понятно?

— Да, думаю, да. Это есть в том морском пейзаже.

— Наверное, меня привлекает невозможность.

Он осторожно, медленно потянулся и взял ее руку в свои ладони. Она позволила.

— Да, — тихо сказала она после паузы. — Невозможно.

— Твоя жизнь продолжилась, как будто меня никогда в ней не было.

— Только внешне.

— А разве не это важно?

— Не думаю. Но я всего-навсего… я обычный человек, Джейми. Ты хотел моего бунта, а я не могла. Не мой путь. Иногда мне хотелось не быть такой приличной, но самое простое объяснение, что у меня не хватает духу. — Она крепче стиснула его руку: — Я всегда желала тебе только хорошего. Я желаю тебе счастья.

— Мне не нравится… Не знаю, как сказать.

— Ты не хочешь, чтобы я желала тебе счастья?

— Нет, но тут есть что-то окончательное. — Он отпустил ее руку и пригнулся: — Для тебя наше лето стало только приятным ритуалом инициации?

По радио сопрано тихо пел какую-то арию. Сара долго думала, глядя на газон.

— Нет, — наконец решилась она. — Но, Джейми, ведь так и должно быть. Разве не лучше нам сейчас решить, что так и было? Я честно не знаю, почему все иначе, почему я до конца не могу освободиться. Но у меня есть жизнь. Дети. И даже если я испытываю по отношению к тебе сложные чувства, что может измениться? — Ее взгляд палил, как прожектор, и Джейми почувствовал себя обнаженным, как будто она могла видеть его самые жалкие, настойчивые надежды и желания. Сара твердо закончила: — Ничего хорошего

не выйдет, если мы ляжем в постель.

Упоминание о сексе деморализовало (хотя Сара так и хотела) и вернуло Джейми к реальности. Стараясь говорить шутливо, хотя не обманув ни одного из них, он спросил:

— Ты не думаешь, что это не лишено смысла само по себе?

Внешне Сара оставалась спокойной, но его не покидало ощущение, что она на грани. Он почти ничего не знал о ней, не мог понять, что ей приходится принимать во внимание. Наконец она решительно произнесла:

— Я никогда не оставлю Льюиса. Я люблю его, важно, чтобы ты понял. Так что не вижу смысла. Это лишь причинит нам обоим боль.

Его наполнила грусть, выдавив на поверхность раздраженное разочарование. Он сказал:

— Мне пора.

Сара, не возражая, проводила его к выходу. У двери они остановились.

— Пожалуйста, передай Льюису мои извинения, что я не приду завтра на ужин.

— Передам. — Она помедлила: — Что ты будешь делать? Пойдешь в армию?

— Не знаю.

— Не хочешь знать.

— Разумеется, нет.

— Ведь раньше тебя приводила в бешенство мысль о животных, с которыми дурно обращаются. Разве ты не чувствуешь того же, когда речь идет о людях? — Сара, раскрасневшаяся, с влажными глазами, замолчала и положила ему руку на локоть: — Мы обязаны быть смелыми.

Джейми видел, что ее согревает собственная праведность. Соблазнит ли и его подобным образом мысль о своей добродетели? Как можно сохранить ясный взгляд, смотря на мир сквозь врожденный туман самодовольства?

— Отцу ты даже не возразила.

Ее рука упала.

— Ты можешь сравнивать?

— Я только хочу сказать, что легко советовать другим быть храбрыми, когда сам всегда выбираешь безопасную дорогу.

— Как несправедливо. Не все так свободны, чтобы, как ты, выбрать собственную дорогу.

— Выбор, да. Ты сказала, что хотела бы не быть такой приличной. Это было в твоих силах, но ты каждый раз поступала так, как от тебя ожидали. Ничего страшного, только не притворяйся, будто кто-то тебя такой сделал.

— Я не притворяюсь!

— Ладно!

Они яростно смотрели друг на друга. Сара рывком распахнула дверь, и Джейми вышел, нахлобучил шляпу и услышал, как хлопнула сзади дверь, но он решительно смотрел вперед, вдаль.

За дверь, по улице, из города. И оно появилось — решение.

Нью-Йорк
Апрель 1942 г.
Четыре месяца спустя

Мэриен зашла в здание с Пятой авеню, и портье, проведя ее по черному мраморному вестибюлю, поручил опеке лифтера с латунными пуговицами. Тот, осмотрев посетительницу, едва заметно ухмыльнулся, закрыл двери, поднял рычаг — рычаг управления, решила Мэриен, — и они поехали вверх. Интересно, а в чем другие летчики приходят на собеседование, подумала она.

— Ваш этаж, мисс.

Оставшись одна на лестнице, Мэриен постояла, чтобы собраться, разгладила брюки, поправила бортовой журнал под мышкой, постучала. Дверь в квартиру Жаклин Кокран ей открыла девушка в переднике.

Внутрь, в роскошь. В пол фойе вмонтиро-

ван мраморный авиакомпас. У одной стены стеклянный стол и витрина, заставленные авиатрофеями — глобусы, кубки, крылатые статуэтки. Стены и потолок расписаны изображениями знаменитых моделей. Мэриен вытянула шею и принялась вертеться, как на авиашоу: «Райт Флайер», «Спирит оф Сент-Луис», «Локхид Вега» Амелии, эскадрилья бипланов, одинокий дирижабль и, конечно же, сама Джеки, выигравшая трансконтинентальную авиагонку «Бендикс».

В феврале один аляскинский летчик, слышавший это от своей сестры, летавшей на кукурузнике в Калифорнии, рассказал Мэриен про телеграмму, полученную той от женщины по фамилии Кокран. Кокран набирала летчиц во Вспомогательный воздушный транспорт Британии для переброски военных самолетов.

«КАЖДЫЙ ФРОНТ ТЕПЕРЬ НАШ, — говорилось в телеграмме. — ДЛЯ ТЕХ, КТО ЖЕЛАЕТ БЫСТРО ПОСТУПИТЬ НА АКТИВНУЮ СЛУЖБУ, НЕ ПРЕДПОЛАГАЮЩУЮ УЧАСТИЯ В РЕАЛЬНЫХ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЯХ, НО ТРЕБУЮЩУЮ ОПЫТА ПОЛЕТОВ НА БОЕВЫХ САМОЛЕТАХ, ТАКАЯ СЛУЖБА ЗА РУБЕЖОМ — ИДЕАЛЬНЫЙ ШАНС».

Мэриен, в страхе, что может опоздать, телеграфировала непосредственно Джеки Кокран, указав число налетанных часов, коротко упомянув об опыте полетов в сложных условиях и попро-

сив рассмотреть свою кандидатуру. Ах, если бы ее взяли, она бы летала на военных самолетах, виденных ею на Аляске после принятия программы ленд-лиза, те сотнями летели в Россию. Ответ отбил чечетку по проводам на следующий день. «Приезжайте Нью-Йорк собеседование. Случае удовлетворительного исхода проследуете прямо Монреаль на экзамен оттуда Англию».

Горничная провела ее через большую гостиную, где какой-то мужчина отрывисто, по-деловому говорил по телефону, потом по коридору, стены которого также были расписаны самолетами. Мимо быстро прошла элегантно одетая молодая женщина с папками в руках. Мэриен остановилась у газетной фотографии Джеки в рамке: сидит в кабине аэроплана и, держа перед собой маленькое зеркальце, красит губы.

В светлом кабинете, окнами выходящем на Ист-Ривер, за бело-золотым письменным столом, наполовину затопленным озером бумаг, придавленных от теплого ветра пресс-папье разных размеров и материалов — латунный орел, крупный аметист, компас, — сидела Джеки. Она встала пожать Мэриен руку, и та впилась глазами в аккуратные светлые волосы, красный шелк перехваченного поясом платья. Кокран пока-

залась ей лакированной, откорректированной, льстивым портретом женщины, написанным поверх этой самой женщины.

Когда они сели, Джеки наставила палец на Мэриен:

— Не пойдет.

Мэриен решила, что Джеки отвергает ее в принципе.

— Со мной не пойдет?

— Вы должны быть послом. Предполагается, что вы будете представлять американских женщин. Леди. А не грязных мартышек. — Ее речь была тщательно вычищена, но подспудно слышалась замаскированная резкость, чувствовались острые локти.

Мэриен осмотрела себя:

— Я думала купить платье.

— И почему же, черт подери, вы этого не сделали?

Утром она мялась перед стеклянными дверями «Мейсис», мимо проносились стильные леди, уверенно шаркая по ней углами пакетов с покупками. Смотрела на блестящие полы, прилавки, флаконы духов, собственное не вписывающееся сюда отражение.

— Не хотела тешить себя надеждой, — сказала

она Джеки.

— Все ровно наоборот. Нужно одеваться в соответствии со своими стремлениями.

— Я не стремлюсь ни к чему другому, кроме как быть летчиком.

Губы Джеки поморщились в улыбке:

— Не упрямствуйте. Вы должны понять, что хотят контраста — журнальные фото обычных хорошеньких девушек, опрятных с головы до ног, с кудряшками, подающих кофе и пирожные, но в то же время летающих на больших самолетах. Нельзя быть летчицей, не будучи леди.

Значит, помада в кабине самолета не реверанс, не угодливое притворство, а что-то более важное, броня — так жук складывает крылья гладким панцирем.

* * *

Неполная история: Жаклин Кокран родилась под именем Бесси Ли Питман в 1906 году, в детстве без конца переезжала с жалким скарбом из одного насквозь отсыревшего селения у лесопилки на севере Флориды в другое, растили ее почти наверняка родные родители, хотя позже, желая создать образ особенной девочки, она уверяла, что является сиротой. У босоногой улич-

ной оторвы четверо братьев и сестер, она ловит крабов и ворует цыплят. Сегодня она вспоминает — похоже на правду, — как носила платья, сшитые из мешков для зерна, и спала на соломенном матрасе в лачуге на сваях, где окна были затянуты промасленной бумагой.

Недобро ухмыляющийся старик рассказывает ей, будто она родилась мальчиком, но в раннем детстве один индеец прострелил ее стрелой, после чего у нее появился пупок, и она так удивилась, что села прямо на топор и стала девочкой. Девочки — это мальчики, которые сели на топор, говорит он.

Она недоумевает, почему тогда у мальчиков тоже есть пупки. Они что, не удивились, когда индеец пустил в них стрелу? Или поблизости не оказалось топора? В воздухе пахнет сильным, острым ожогом лезвия, пронзающего дерево. Ее кожа покрывается тонким слоем опилок. Она гуляет, где хочет. Совсем маленькая, становится свидетельницей того, как в лесу линчуют, потом сжигают человека.

Бесси Ли, восьми лет от роду, работает по ночам, толкая тележку по ткацкой фабрике, развозя ткачихам бобины. Так, скажет потом Джеки Кокран, она заработала на первую пару туфель. Она

навострилась быстро уплетать обед и прятаться в тележке, чтобы немного поспать, надеясь, что ее не заметят мужчины. (Она учится лягаться и бить кулаками, иногда этого достаточно.) Скоро она уже прядильщица, ходит до рассвета между рядами бобин, выискивая поехавшие петли. В легких ворсинки, в ушах грохот станков. Ребенок подходит к станку, маленькими проворными пальцами завязывает лопнувшую нить, ставит бобину обратно, и прядение продолжается, а парна́я южная ночь давит на длинную крышу фабрики, на хлопковые поля, на красный глинозем.

Молодец девочка. Ее опять повышают. Она поставлена надзирать за пятнадцатью детьми, проверяющими качество сотканной ткани, пятнадцатью согбенными, ссохшимися миниатюрными людьми, скорчившимися, как ювелиры, над гладким, колышущимся, прохладным хлопком.

Когда ей десять, на фабрике происходит забастовка, и она переходит в салон красоты, выметая отстриженные волосы и мешая шампуни.

Так начинается ее взлет.

* * *

Хлопнув руками по столу, Джеки сказала:

— Если вас отберут, вы будете перегонять самолеты туда, где они требуются. Например, с завода на аэродром, или с аэродрома на ремонт, или, наоборот, чтобы летчики королевских ВВС могли сражаться. Ваш опыт значения не имеет, вы начнете с инструкторами. Это относится ко всем. Если справитесь, двинетесь дальше. Вы познакомитесь с определенным типом самолетов — скажем, двухмоторными, — а затем, возможно, будете транспортировать модели, на которых никогда не летали, просто прочитав технические характеристики. Реальный, серьезный вклад, но будет трудно. Вы полагаете, что готовы?

Мэриен так боялась дать ответ, лишивший бы ее возможности заниматься тем, о чем говорила Джеки, что не смогла ничего сказать и только кивнула.

— Да? — спросила Джеки.

Шепотом:

— Да.

— Вы прилетели с Аляски?

— Да.

— На чем?

— «Бичкрафт-18».

— Сколько вам потребовалось времени?

— Девять дней.

— Значит, рекорд скорости вы не побили.

— Стояла нелетная погода, а потом я останавливалась у брата в Орегоне.

Бедный Джейми — загнан в угол собственной добродетельностью, пытается убедить себя как в том, что надо идти в армию, так и в том, что не надо.

— Что мне делать? — спросил он.

Мэриен ответила, что, может, ему удастся получить работу, где надо рисовать пропагандистские плакаты. Она хотела, чтобы он был в безопасности.

— На Аляске вы, вероятно, привыкли к нелетной погоде, — сказала Джеки.

— Я привыкла к тому, что погода ужасна всегда.

— Хорошо. Британцы не учат летчиков Вспомогательной авиации летать по приборам, значит, у вас будет преимущество. Там много облаков и тумана и быстро все меняется.

— Почему они не учат идти по приборам?

Джеки ткнула в стопку бумаг:

— По их словам, хотят, чтобы летчики авиа-

транспортной службы оставались в пределах видимости с земли и не поддавались соблазну подняться выше. Но хотеть — еще не все. Климат там пагубный. — Она немного помолчала, давая Мэриен возможность восхититься употребленным словом. — Ну, поймают тебя, ерунда. Даже если знаешь, что делаешь, рискованно. Вы слышали про Эми Джонсон? Англичанку, летавшую в Австралию? Ее приняли во Вспомогательную авиацию, она имела богатый опыт полетов по приборам и тем не менее зависла над облаком, прыгнула с парашютом и утонула. Не хочу вас пугать. Вы наверняка слышали.

— Я знаю много погибших пилотов.

— Я тоже. Кстати, если поедете, не говорите британцам о моих жалобах. Они считают, я слишком много жалуюсь. Но, по моему мнению, не обучать приборам — значит терять самолеты. И летчиков. Они говорят, причина в безопасности. А я думаю, тут важнее раци… Как это? Когда быстро и дешево. Как это называется?

— Рационализаторство? Рациональность?

— Рациональность! Конечно. Я все время учу новые слова. Собираю. Какое у вас образование?

— Восемь классов.

— Но вы знаете слова.

— Я в детстве много читала.

В первый раз за все время, как будто зажгли маяк, во взгляде Джеки вспыхнула искра симпатии.

— Выходит, вы, как и я, самоучка. А значит, не боитесь работы.

— Я люблю работать.

— Знаете, я купила собственный «Форд Т» в четырнадцать лет. На деньги, которые заработала на волосах.

* * *

В одиннадцать Бесси Ли Питман стрижет, завивает, подкалывает, заплетает волосы. У нее есть вкус, и он постоянно развивается. Почтенные дамы посещают салон с заднего входа, куда их гонит гордыня, поскольку проститутки и содержанки заходят с главного. Бесси Ли нравятся последние, нравятся рассказы их матроны о далеких городах.

Она не делится с Мэриен, вообще ни с кем другой частью истории: в четырнадцать или около того она беременеет и выходит замуж за отца ребенка, Роберта Кокрана. Ребенок остается с Питманами во Флориде, а сама она перебирается в Монтгомери и на деньги, заработанные на химических завивках, покупает «Форд Т».

Но готова ли она смириться с участью парикмахерши? Сама? Роберт-младший? Джеки учится на медсестру, получает работу у врача в фабричном городке. В свете масляной лампы с фитилем из кукурузной кочерыжки достает ребенка из женщины, рожающей на таком знакомом соломенном матрасе. Еще трое детей лежат на полу. Чтобы завернуть ребенка, нет чистого одеяла.

Нет, все не то. Не такая у нее должна быть жизнь.

Роберт-младший, четырех лет от роду, играя на заднем дворе Питманов, погибает в результате несчастного случая. Пожар. Его хоронят под надгробным камнем в виде сердца. Джеки стирает его из истории своей жизни, иначе ей не вынести.

Прочь, прочь. Ей надо вырваться отсюда.

В двадцать лет разведенная Жаклин Кокран приезжает в Нью-Йорк и нанимается в салон красоты Антуана, расположенный в «Сакс Пятая авеню». У месье Антуана, Антуана из Парижа, воистину знаменитого парикмахера, есть нюх на следующую волну. Он придумывает стрижку «под фокстрот» и очаровательно мальчишескую прическу, совсем короткую, с ней от него выходят Коко Шанель, Эдит Пиаф и Жозефина Бейкер.

Ему нравится Джеки, ее строгая губная помада, решительно напудренный носик, запах опилок под дорогими духами.

Каждую зиму она без остановок на своем «Шевроле» ездит из Нью-Йорка в Майами, где находится филиал Антуана, подбирая для компании путешествующих автостопом. В Майами множество подпольных баров, джазовых оркестров, казино, роскошных вечерних клубов, коктейлей и длинного белого берега. Вы никогда не догадались бы о Великой депрессии, увидев шелковые чулки Джеки, золотые пудреницы Джеки с маленьким круглым зеркальцем, куда помещается только мизерный ее кусочек. Но всего этого мало. Все это проходит. Кудряшки обвисают. Из-под пудры проступают жировые выделения. Там, в Панхандле, все еще стоит отмеченная в сердце могила. Ночное небо давит на крышу ее гостиницы, на пальмы в саду, на спящих под ними фламинго. Не оставляет желание вырваться на свободу, но свободу от чего? От позолоченной жизни, которую она с таким трудом выстроила вокруг себя? Прочь, прочь, но куда?

* * *

— Я тоже в детстве купила себе «Форд», — сказала Мэриен. — Деньги заработала тем, что развозила на грузовике товары.

Благосклонность Джеки засветилась ярче:

— Правда? Похвально. Куда вы денете «Бичкрафт», если отправитесь за границу?

— Может быть, продам. Или куда-то поставлю. Не знаю. Ему досталось. Я работала в сложных условиях.

— Знаю. Вы писали в телеграмме. — Джеки протянула руку за журналом Мэриен, открыла его на последней странице и посмотрела общее количество налетанных часов. Выщипанные и подведенные карандашом брови приподнялись и изогнулись: — Странно, почему я не слышала о вас раньше, если вы столько налетали. Я думала, что неплохо знаю самых опытных девушек, но это говорит о том…

Мэриен подождала, пока она скажет, о чем же это говорит, но Джеки продолжила листать журнал.

— Я в основном работала на севере, — уточнила Мэриен. — И на себя.

— Вы, несомненно, налетали.

Подзуживаемая сияющими трофеями, сияющими волосами Кокран, Мэриен призналась:

— У меня больше часов, чем указано здесь. Намного больше.

Джеки вдруг потемнела:

— Почему они не отмечены?

Надо было помалкивать. Мэриен уставилась в окно, соображая, как объяснить, что, не имея лицензии, летала для бутлегеров и, прежде чем вернуться к Мэриен Грейвз, носила имя Джейн Смит.

— Какое-то время, — сказала она наконец, — я жила под другим именем.

— Почему?

— Ушла от мужа и не хотела, чтобы он нашел меня.

— А где он сейчас?

— Умер.

— Понятно. — И Джеки тоже перевела взгляд на окно, похоже, задумавшись.

* * *

В 1932 году в Майами Джеки на ужине сажают рядом с миллионером с Уолл-стрит. Флойд Оллам, ему еще нет и сорока. Родом из Юнион-Сити (Мичиган), скромное происхождение, сын мето-

дистского священника, ставший финансистом. В 1929 году им овладели дурные предчувствия, сильнейшая тревога, которой оказалось достаточно для продажи почти всех своих авуаров до полного краха. Потом Одлам задешево скупал компании. Говорят, он единственный человек в Америке, на депрессии, напротив, зарабатывающий. Он прослышал, что на ужине будет женщина, работающая для того, чтобы жить (он таких встречал немного), и просит посадить его рядом с ней.

За крабовыми тарталетками Одлам спрашивает:

— Чего вы хотите?

— Соли, если можно, — отвечает Джеки.

— Ха. Я имел в виду, в жизни.

— Собственную косметическую компанию.

— Но это такая огромная сфера, столько конкуренции, особенно когда все затягивают ремешки кошельков, а некоторые остаются с одними ремешками, без кошельков.

— В угнетенном состоянии мелкие приятные излишества имеют большое значение, — полагает она.

— Надежда на губную помаду, — кивает он, — правильно. — Потом спрашивает: — А если вам

научиться летать на аэроплане? Вы могли бы быстрее преодолевать длинные расстояния.

Она никогда не думала о том, чтобы летать, но что-то тут же начинает щекотать и подсасывать. Вслух она спрашивает:

— А у меня получится?

— Конечно, получится, — отвечает он так твердо, что ей не остается ничего, как только поверить. И тут она понимает, Одлам будет ей нужен. Он внешний источник ее уверенности в себе.

Для него она очередной обесценившийся товар, имущество, которое можно задешево получить и вдохнуть в него жизнь.

Он уже женат, ну и что?

В первый раз, когда она поднимается в воздух, ее цепляет. Проглатывает целиком. Вот оно. «Прочь».

* * *

Не отводя взгляда от окна, Джеки спрашивает:

— Вам нравится Нью-Йорк?

Обрадовавшись, что разговор о муже окончен, Мэриен отвечает:

— В городе я не чувствую себя дома.

С началом войны Анкоридж, Ном, Фэрбанкс

хоть и разрослись, но остались фронтирами. После Перл-Харбора по ночам теперь отключали электричество, что всех на Территории только раздражало.

— Вы здесь впервые?

— Нет, была много лет назад в медовый месяц. Всего несколько дней.

Джеки с интересом смотрит на нее, но, судя по всему, решает не копать дальше.

— Хорошо. Послушайте, если вы отправитесь в Англию, вам придется подписать договор со Вспомогательной авиацией на восемнадцать месяцев. Вы готовы?

— Конечно.

— Да?

— Да.

— Синекуры не будет.

— Я не знаю, что делать с синекурой.

— И все же я обязана вам сказать, там опасно. Много часов в воздухе, нелетная погода, ограниченный рацион питания и топлива, чуть что, стреляющие зенитчики, подбитые самолеты, которые могут развалиться прямо в воздухе. Радио нет. Немцы на бреющем, которые только и ищут, кого бы подстрелить. Повсюду заградительные аэростаты. Даже ваш корабль может затонуть

по пути туда.

Мэриен не думала, как доберется в Англию.

— Такое уже случалось?

— Погибло множество людей, но из моих девочек никто. Пока. — Джеки смотрит в журнал. Полистав еще немного, закрывает его и протягивает Мэриен: — Вы готовы?

Мэриен берет журнал.

— Ну да.

— Это значит «да»?

— Да.

Наманикюренный пальчик постукивает по столу, на нее устремляется взгляд карих глаз:

— Помимо одежды, начальство настаивает, чтобы все девушки были самого строгого поведения.

— Хорошо.

— Они остекленели от смущения. Некоторые наши мужчины уже там опозорились. Так что девушки должны быть безупречны. Пространства для ошибок нет, ни малейшего. Когда от вас ждут обычности, приходится работать вдвое усерднее, чтобы обычной не быть.

* * *

Флойд помогает взлететь косметическому бизнесу Джеки. Лозунг компании — «Крылья

красоты». Он помогает взлететь и ее физической субстанции — буквально. Она дебютирует на авиагонках 1934 года в английском Саффолке, — одна из двадцати летчиков, направляющихся в Мельбурн. Двигатель плюется, и она садится в Бухаресте, но в следующем году появляется на гонках «Бендикс» в Бербанке (Калифорния). Первой около пяти часов пополудни в опасный, сгущающийся туман поднимается Амелия Эрхарт. Летчик перед Джеки во время взлета падает и погибает. Сгорает. Пока убирают обломки, Джеки зовет Флойда, теперь разведенного и ее жениха, и спрашивает, что делать.

Логика велит выбрать безопасность, отвечает он, но логика не всегда должна перевешивать мощный эмоциональный порыв. Вопрос философский. (Она еще не рассказала ему о Робертемладшем и тем более о человеке, много лет назад сгоревшем в лесу.)

— Да?

— Да, ты сама должна принять решение.

Ответ — прочь отсюда. Но на аэроплане? Или из аэроплана? Она поднимается в воздух, однако, когда забирается вверх и кружит, пытаясь уйти от тумана, двигатель перегревается, опять вынудив ее сесть.

В 1936 году Джеки выходит замуж за Флойда, и они покупают четырнадцатикомнатную квартиру с видом на Ист-Ривер, куда в один прекрасный день Мэриен придет на собеседование. Еще загородный дом в Коннектикуте и ранчо возле Палм-Спрингса. Приобретают здание в Нью-Йорке и организуют там — в самом деле! — сиротский дом для будущих Джеки, босоногих детей с глазами-буравчиками. Частично оплачивают кругосветный полет Эрхарт в 1937 году, тот самый, во время которого они с Фредом Нунаном пропадают, хотя Джеки говорит, что всегда сомневалась в способностях Фреда найти остров Хауленд и предупреждала Амелию — тщетно.

В 1938 году Джеки выигрывает «Бендикс». В 1939-м бьет рекорд высоты среди женщин, два рекорда скорости в США, рекорд времени при полете из одного города в другой. Копятся призы и кубки. Она добровольно испытывает самолеты. В сентябре того же года, когда Германия вторгается в Польшу, пишет Элеоноре Рузвельт, предлагая в случае войны воспользоваться услугами летчиц здесь, в Америке. Организовать подразделение Вспомогательной авиации. Из женщин. Они могут, к примеру, перебрасывать учебные самолеты с заводов на базы, высвобождая мужчин.

Первая леди благодарит ее за предложение. Да, пишет она, если мы вступим в войну, нам понадобится помощь женщин. Но какая именно, будут решать мужчины.

* * *

— Меня интересуют полеты, — сказала Мэриен. — Если бы я хотела гулять, то могла бы заниматься этим и на Аляске. Но больше всего я хочу, чтобы меня оставили в покое.

— Больше всего. Хорошо. Ладно. Только не трезвоньте, что у вас больше часов, чем указано здесь. В журнале все должно быть правильно и по правилам. Понятно?

— Ну да. То есть — да.

Джеки рассмеялась, втянув подбородок, отчего появился второй. Заметив этот маленький недостаток, Мэриен потеплела.

— Вы быстро учитесь. Как я. В Монреале, прежде чем взять на себя хлопоты по переправке, вас будут проверять. Мой совет: будьте любезны с летчиком-экзаменатором. Он из тех, кто предпочел бы видеть вас на кухне.

— Он будет разочарован тем, что я приготовлю, — ответила Мэриен.

* * *

Июнь 1941 года. Джеки добивается того, что ее допускают к штурвалу бомбардировщика «Хадсон», который полетит через Атлантику, из Монреаля в Шотландию. Мужчинам-пилотам Вспомогательной авиации это не нравится. Еще не так давно в честь перелетевших Атлантический океан устраивали парады. Когда распространяется новость про Джеки, пилоты угрожают забастовкой.

Хорошо-хорошо, говорит начальство. Полетит она, но взлет и посадку произведет мужчина.

Когда Джеки подходит к самолету, готовая лететь, выясняется, что из «Хадсона» слита противообледенительная жидкость, неправильно настроена кислородная система и пропал специальный ключ, регулирующий подачу кислорода. Джеки все настраивает заново, покупает новый ключ. Надувной спасательный плот тоже пропал, но, поскольку он так или иначе вряд ли поможет, она решает обойтись без него. Когда самолет садится на заправку в Ньюфаундленде, опять пропадает ключ, кто-то разбивает стекло в кабине. Она покупает еще один ключ, заделывает окно изоляционной лентой. Самолет без приклю-

чений пересекает океан, Джеки за штурвалом, наконец она заходит на посадку и уступает свое место.

* * *

— Моя секретарша организует для вас гостиницу в Монреале, где мы разместили и остальных девушек, — говорит Джеки. — И вам нужно позаботиться о новой одежде. Сегодня же. При условии, если вас возьмут, Вспомогательная авиация снабдит вас в Лондоне формой, но вам нужен дорожный костюм и несколько платьев. В основном вы, наверное, сможете ходить в брюках, но не в таких, что на вас. В красивых. Еще вам понадобится несколько блузок, пара лодочек и какие-то простые оксфорды. — Джеки набросала список на листе бумаги с монограммой. — Однако не переусердствуйте. Некоторые девушки притащили целые чемоданы. У вас есть деньги? Я могу послать с вами в магазин мою сотрудницу.

— У меня есть деньги.

— Я позвоню своей продавщице в «Сакс». Она будет вас ждать. Спросите миссис Спринг. Она отведет вас и в парикмахерскую, к Антуану. Там меня знают. — Джеки встала: — Удачи.

Мэриен тоже встала, они пожали друг другу

руки.

— Увидимся на том берегу, если вы поедете, — сказала Джеки. — Ведите себя хорошо, без нужды не бейте самолетов, и все у вас будет отлично.

В дверях Мэриен остановилась и обернулась:

— Если вы не возражаете, я бы хотела, чтобы факт моего замужества остался между нами. Это возможно?

Джеки посмотрела на нее долгим взглядом и едва заметно кивнула.

* * *

Вернувшись из Британии, Джеки ужинает с Рузвельтами и опять излагает свой план по использованию летчиц для нужд авиатранспортной службы. Возможно, мы рассмотрим вопрос, отвечает президент.

Ее сотрудники штудируют тысячи папок, отбирают сто пятьдесят опытных летчиц. Но генералы говорят, что летчиков у них больше, чем пока самолетов. И как командировать небольшую группу девушек на воздушные базы, где сотни, а может быть, тысячи мужчин? Порядка не будет. А значит — нет. Ответ — нет.

Пока, говорят они, поинтересуйтесь, может, британцы захотят ваших летчиц.

Британцы хотят все и всех, кого только можно. В Лондоне Джеки поселяется в роскошной квартире, арендует «Даймлер», щеголяет в норковом манто. Ей становится известно, что врач Вспомогательной авиации во время медосмотров собирается раздевать ее девочек догола, и она говорит категорическое «нет», упорствует — непонятное британским коллегам существо, деревенщина и недотрога одновременно. (На ткацкой фабрике лягаться и тузить кулаками иногда было недостаточно.)

В 1953 году над солончаками Мохаве Жаклин Кокран станет первой женщиной, преодолевшей звуковой барьер. В 1964-м на F-104G достигнет скорости 1,429 мили в час, непревзойденный рекорд.

Но сейчас 1942-й, и двадцать шесть американских летчиц, девочек Джеки, пересекают Атлантику, плывут из Монреаля в Ливерпуль, среди них — Мэриен Грейвз.

Монреаль

Июнь 1942 г.

Два месяца спустя после знакомства Мэриен с Джеки

Мэриен не знала, что Монреаль — остров, также она не бывала еще нигде, где говорят не по-ан-

глийски. В небе над аэропортом Дорваль царила ярмарочная атмосфера, мешались длинные гулкие канаты шума двигателей, уйма самолетов, прилетающих с заводов, улетающих в Европу или заходящих на второй круг для посадки — в них сидели новенькие. Бомбардировщики B-17 проплывали между одномоторными машинами, как киты сквозь косяки рыб. Крупные бомбардировщики и транспортные самолеты полетят в Гандер, а оттуда прямо в Ирландию или Британию. Истребители поменьше, учебные самолеты либо погрузят на корабли, либо пустят по кубикам льда: Ньюфаундленд, Гренландия, Исландия, Британия. В городе проходил нескончаемый парад самых разных военных форм, и поначалу Мэриен не могла разобраться во всех цветах и эмблемах.

«Тайгер моты» и «пайпер кабы» колесили по летному полю с новичками за штурвалом. Богатый выводок куколок: люди превращаются в летчиков. Война требовала всего и много, больше, еще больше.

Через три недели, за которые ей удалось урвать всего пять летных часов, Мэриен отправилась сдавать экзамен в ярко-желтом учебном самолете «гарвард», чьи створки шасси напоминали изящ-

ные гетры. В кабине пахло горячим металлом и резиной с неуловимой едкой ноткой, со временем она стала связывать этот дух с запахом полета как такового. Экзаменатор, американец, как и предупреждала Джеки, скептически относился к женщинам-пилотам. «Ничего не поделаешь», — сказала одна из девушек, живших в гостинице «Маунт Ройял». Некоторые из них покупали экзаменатору пиво, что приводило к отменным результатам. Мэриен последовала их примеру, выдавила широкую улыбку и придумала как можно больше лестных вопросов, в ответ на что выслушала рассказы летчика о его передрягах и героических спасательных операциях, в которых он принимал участие, пока постоянные головные боли не поставили крест на его службе в армейской авиации.

Врач потыкал, подавил, взвесил, обмерил, взял ее кровь и задал странные подробные вопросы о менструациях.

— Во время менструаций не летать, — велел он, — а также три дня до и три дня после. Таково предписание.

— Ну да, — ответила Мэриен. (Девушки предупредили ее о подобном идиотизме, так что она легко ответила врачу честным взглядом и веж-

ливо согласилась, как будто это не означало половину времени проводить на земле.)

В основном ее работа заключалась в ожидании. На каждый корабль, направляющийся в Британию, брали всего по четыре-пять девушек Джеки, чтобы их всех не разнесло в клочья одной торпедой. И они ошивались на аэродроме и в гостинице «Маунт Ройял». По вечерам Мэриен обычно выпивала в гостиничном баре с другими летчиками авиатранспортной службы, летающими через Атлантику, и девушками Джеки. Она не привыкла к таким большим компаниям, и, если остальные, глотнув, начинали шуметь, Мэриен становилась все тише и лишь кивала на реплики. А в определенный момент — его она не могла предсказать, пока он не наступал, — вставала и, не прощаясь, уходила.

Особенно она не была привычна к женской компании. Да, все девушки любили летать, хотели воспользоваться шансом вырваться и что-нибудь совершить и в большинстве своем не вызывали у Мэриен неприязни, но, как правило, они до сих пор жили с родителями, или в женских общежитиях при колледже, или с мужьями. Она надеялась, что легко сойдется с ними, но оказалось не так просто. Она мало рассказывала им

о себе. («Ты такая загадочная», — сказала девушка, которой отец подарил на шестнадцатилетие аэроплан.)

Спасибо Господу за Рут.

Рут Блум. Из Мичигана. Она приехала через две недели после Мэриен, они познакомились в вестибюле «Маунт Ройяла». Мэриен, еще в летном костюме, проходила через вращающуюся дверь, а Рут стояла у стойки в коротковатом синем платье и лодочках. Потрепанные коричневые чемоданы в ногах с пестрыми наклейками, рекламирующими производителей самолетов и авиагонки, выдавали летчицу. Рут сразу выделила Мэриен и воскликнула:

— Ты, должно быть, одна из девушек Джеки!

Рут была невысокая, грудастая, с сильными, пухлыми икрами, узкой, но крепкой талией, быстрая, общительная; озорство окутывало ее, как боа из перьев. Она рассказала, ее муж учится на штурмана в Техасе и надеется летать на тяжелых бомбардировщиках. Они с Эдди познакомились на правительственных курсах гражданской авиации, куда брали и без высшего образования; не хватало юношей, и для Рут осталось место, вернее, появилось, после того как она ясно дала понять, что никого не оставит в покое,

тогда ее взяли. Эдди сразу после Перл-Харбора записался в армию и, махнув рукой на карьеру летчика, пошел в штурманы. А сама она, когда муж отправился выполнять свой долг, по ее словам, не могла сидеть сложа руки. Получив телеграмму Джеки, вот, приехала.

— Ты замужем? — спросила она Мэриен.

— Нет.

— А собиралась?

Мэриен отвернулась:

— Нет.

— Я слишком любопытная, — извинилась Рут, рассматривая Мэриен.

Что-то в ее оценивающем взгляде напомнило Мэриен девочек мисс Долли. Она почти ждала, что Рут начнет красить ей губы. Но облик Рут в целом — едва сдерживаемая веселость, уверенность с первого мгновения знакомства в дружбе Мэриен — напомнил ей Калеба.

— Ты потрясающая, — сказала Рут. — Хотя и всячески стараешься это скрывать.

Мэриен провела рукой по волосам, приведенным в порядок мастерами салона «Сакс», но теперь приплюснутым от шлема, который она надевала для полета в открытом «гарварде». Ей велели отрастить их хотя бы под мальчика.

— Стараюсь не выделяться.

— Но, опрощая себя, ты привлекаешь внимание. Должно быть, долго работала.

Маленькая мягкая рука метнулась вверх и схватила Мэриен за подбородок. Та покорно позволила Рут повертеть ей голову из стороны в сторону, как лошади на базаре. Рут, кажется, подавила улыбку:

— А ты стеснительная.

— Не очень, — высвобождаясь, ответила Мэриен.

Улыбка Рут прорвалась наружу:

— Если я тебя угощу, расскажешь мне все, что нужно знать про это место?

* * *

Наконец в середине лета они вышли из Монреаля. Четырех девушек поместили в каюту на маленьком шведском грузовом судне: Мэриен, Рут, Сильви-из-Айовы и калифорнийку, которую все звали Молнией. Мэриен пыталась скрыть огромную радость от того, что они путешествуют вместе с Рут и вместе же начнут учиться, поскольку понимала, насколько важна в такие времена каждая дружба. Но Рут тоже, судя по всему, была довольна, поскольку однажды,

чокнувшись с Мэриен пивом, сказала:

— Благодарение моим звездам, нас с тобой не разделили, Грейвз.

Почти год Мэриен не видела Калеба и не писала ему. Джейми тоже ничего о нем не слышал и не знал, женился ли он на школьной учительнице. Мэриен молчала не от злости, она не хотела вмешиваться. Она действительно всегда держалась на расстоянии от Калеба, боясь, что они навалят на свою долгую, старую любовь больше, чем та сможет выдержать. С Рут она боялась пережать, воспринимая их дружбу слишком всерьез, но чаще всего в ее обществе — нежном, горячем, почти волнующем тем, насколько это было похоже на влюбленность, — испытывала удовольствие. Рут не только безо всяких объяснений понимала, что значит для Мэриен летать, но и что значит вообще быть летчицей, понимала все огорчения, негодование, недоверие, сбивавшее с ног, как встречный ветер.

— Я думаю, если бы сороконожка торжественно пообещала ему даже не думать о том, что она может летать не хуже, он бы ее принял, — сказала Рут об экзаменаторе. — Больше ничего не надо. Ему плевать, умеешь ли ты летать, важно, чтобы ты знала свое место.

— Почему сороконожка? — спросила Мэриен.

— Насквозь вижу бабников, таким важны только ноги. Я ему немножко поулыбалась, назвала героем, и вот, плыву в Лондон.

Она обращалась с Мэриен то по-матерински, то шутливо, то кокетливо, то запугивала, то уговаривала, то подзуживала, всегда добродушно. Мэриен даже представить себе не могла, что ей понравится, если ее будут тискать, как котенка, но всегда расслаблялась, лишь выполняя указания Рут.

Небольшим конвоем со старым эсминцем в качестве охраны они сначала прошли из Монреаля в Сент-Джонс, что в Ньюфаундленде, и принялись ждать, когда соберется конвой побольше. Долгие, медленные, теплые дни проходили на якоре. Мэриен продала «Бичкрафт» и теперь, смотря на самолеты, летящие в Европу, испытывала острую боль. По вечерам летчики играли в карты и пили с остальными пассажирами.

Сильви-из-Айовы заявила, что пошла во Вспомогательный транспорт, так как перезнакомилась уже со всеми мужчинами в своем городе, округе, а может, и во всей Айове, да и вообще лучше летать на самолетах, чем их строить. Молния призналась, что, ясное дело, она хочет летать

на «спитфайре». И еще потом сможет говорить, кой-чего, дескать, повидала, поездила по миру.

— Если хочешь просто говорить, можно было остаться дома и все придумать, — сказала Рут.

Молния закатила глаза:

— Конечно, я в самом деле хочу увидеть.

— Тогда так и говори, — отрезала Рут.

Молния и Сильви загорали на носу судна и строчили письма. Рут, облачившись в комбинезон, записала Мэриен помогать ей красить леера. Развеселившиеся матросы, вручив им кисти и ведра с краской, курили, бездельничали, смотрели во все глаза, обменивались комментариями на шведском, пока Рут не похватала их за локти и силой не заставила работать. В самый жаркий день все четыре летчицы разделись и прыгнули за борт, Сильви в купальном костюме, который у нее хватило ума прихватить с собой, остальные в нижнем белье. Девушки взялись за руки, но вода разорвала пальцы. Мэриен, вынырнув на поверхность, отогнала непонятный ей ужас от темной стальной стены корпуса корабля под водой.

Конвой в шестнадцать суден вышел вечером, без всякого оркестра, и взял курс на восток. В первый же вечер член команды, лучше дру-

гих знавший английский, подошел напомнить об отключении электричества. Он стоял в дверях каюты, краснея и больше смотря в потолок, чем на женщин, разлегшихся на койках — Сильви накручивала волосы на тряпичные папильотки, Молния красила ногти на ногах. Матрос указал на занавески наглухо задраенного черным иллюминатора:

— Всегда должно быть закрыто. А это, — он показал на дверь каюты, — открыто, всегда, потому что попадет торпеда, тогда весь корабль, — он показал руками, как будто выжимает полотенце, — а потом, может быть, и так, — он крепко сжал ладони.

— Замурует? — помогла ему Молния.

— Да, так, — благодарно кивнул моряк. — Если вы внутри, то… — он покачал головой.

— Вероятно, мы в любом случае не выберемся, но спасибо за заботу, — сказала Рут из-за книги, которую читала.

Моряк кивнул.

— Спите в одежде, да, чтобы быстро… — он свистнул, резанул рукой вверх, опять кивнул и ушел.

Когда Сильви и Молния решили выключить свет, Мэриен и Рут отправились на палубу. Если

луна и была, то спряталась за облаками. В темноте они слышали моторы других кораблей, но ничего не видели. Несколько раз Мэриен казалось, она различает по правому борту огромную тень, но та всякий раз рассеивалась и появлялась в другом месте — обман зрения.

— Мне не нравится мысль о том, что меня замурует в каюте, — поморщилась она. — Взлететь на воздух — одно, но оказаться в ловушке и долго еще жить, зная… Не нравится.

— Мне тоже. Но, если тебе суждено выжить, ты выживешь, есть такое ощущение. А если нет, то нет.

— Легко говорить, когда у нас все хорошо, мы живы и стоим рядом со спасательной шлюпкой.

— Я думаю, нам надо сделать упор на фатализме. Правда, какая разница — рисковать на воде или в воздухе?

— В воздухе хоть что-то можно контролировать.

— Не так много, как нам хочется думать.

На второй день навалился туман, так и не рассеявшийся до конца пути. Восьмую ночь они провели на якоре, а утром показался Бристольский залив. Когда корабль входил в гавань, Мэриен и Рут стояли у лееров, глядя, как под

странными углами проглядывают из тумана торчащие над водой носы и трубы разбомбленных кораблей, почерневшие, наполовину ушедшие под воду, превращаясь из смутных призраков в разрушенные остовы и снова исчезая.

* * *

Из окна такси Лондон казался сплошной чернотой. Ближе к вечеру в поезде из Бристоля проводник опустил шторы. Свет в вагоне был тусклый, синий, как и на вокзале, а когда они вышли на улицу, возникло ощущение, что вся Британия полностью пропала.

Мэриен втиснулась в одно такси с Рут, Сильви, ручной кладью и чемоданами. Основной багаж с Молнией ехал сзади в другом. На повороте водитель притормозил, и за окном промелькнуло что-то зеленовато-белое, светящееся: видение, состоящее из конуса и двух бегающих по кругу лун.

— Что это? — воскликнула Сильви.

— Привидение, — ответила Рут.

— Перестань, — огрызнулась Сильви.

— Всего-навсего полицейский, — объяснил водитель. — Они красят каски и перчатки фосфоресцирующей краской.

Всматриваясь в улицы, Мэриен начала видеть, что чернота не такая абсолютная, как показалось вначале. Направленные вниз прорези в заглушках на фарах такси слабо освещали дорогу, изредка мимо них проносились белые бамперы других машин. Светофоры, сократившиеся до маленьких плавающих в воздухе красных и зеленых крестиков, повисли в темноте. Когда они остановились на одном светофоре, Мэриен различила фигуры прохожих и красивую лестницу, ведущую к груде обломков.

— Подземный мир, правда? — заметила Рут. — Царство теней.

— Запаситесь белыми перчатками, мой совет, — сказал водитель. — Чем-нибудь белым, чтобы помахать, если понадобится такси.

— Или лодка, — откликнулась Рут. — Чтобы переправить нас через Стикс.

— Не пугай, — буркнула Сильви. — Я и так боюсь темноты.

— Если бы вы оказались здесь во время бомбежки, — усмехнулся водитель, — то знали бы, что есть вещи похуже темноты.

Он притормозил прямо перед автобусом, вдруг вынырнувшим из мрака, как скала, с большим белым кругом на задней панели.

— Например? — спросила Сильви.

— Сильви! — одернула ее Рут.

— Например, огонь, — ответил водитель.

Вестибюль гостиницы, эдакий пузырь шума и света, отгороженный от темноты мешками с песком и тяжелыми шторами, был переполнен людьми в военной форме. Джеки Кокран оставила записку, в которой приветствовала девушек с приездом и сообщала, что они увидятся за завтраком. Сильви и Молния поселились в номере на двоих на пятом этаже, а Рут и Мэриен заняли два одиночных номера на шестом с общей ванной.

Мэриен, лежа полностью одетая на кровати, поняла: с Монреаля она не может закрыть дверь, остаться совсем одна, кроме как в туалете. Она опустила веки и надавила на них руками. Перед глазами поплыли цветные разводы. Звук текущей воды и тихие всплески за дверью говорили о том, что Рут принимает ванну. Мэриен вспомнила женщину в гостинице Кордовы, но отогнала мысли. Она встала, выключила свет и пробралась в пространство между окном и тяжелыми бархатными портьерами. За время, прошедшее с их приезда, толстые облака расплылись на скользящие серебристые ленты. Над затемненным

городом высоко висел яркий полумесяц. Вдалеке, за чернильным пятном — Гайд-парк, она знала, — виднелись крыши, каминные трубы, башни, лунный свет отражался от них, как от обледеневших горных вершин.

Миссула
Август 1942 г.
Вскоре после приезда Мэриен в Лондон

Калеб сидел на пне, служившем ему чурбаном. Джейми, стоя сзади, поднял те самые тяжелые ножницы, которыми Калеб давным-давно стриг Мэриен, и резанул. Длинная, блестящая, черная коса тяжело, мертво шлепнулась ему в руку.

— Что мне с этим делать? — спросил он.

— Сохранить как память.

— Нет уж, спасибо. Она твоя. — Джейми опустил косу Калебу на колени и, как мог, подрезал оставшиеся волосы. — Немножко неровно.

Калеб провел рукой по голове:

— Уверен, армия с удовольствием довершит дело.

— Художественная справедливость: так раньше выглядела Мэриен.

— Никогда не утверждал, что я хороший парикмахер. Просто больше никто бы не сделал.

— Она пишет тебе?

— Нет.

Что-то в голосе Калеба помешало Джейми задать еще вопросы.

— Она в Лондоне, — сказал он.

— Рад за нее.

Джейми, задумавшись, отхватил прядь за ухом Калеба и вздрогнул от того, что увидел.

— Ты еще встречаешься с учительницей? — спросил он.

— Нет. Видишь ли, не смог приноровиться к тапочкам и трубке.

Джейми решил, возможно, это какая-то фигура речи.

— Как тебя понимать?

— Так, что меня нельзя приручить, малыш Джейми. — Калеб стегнул отрезанной косой по бедру и заговорил серьезнее: — Так лучше, ни с кем не прощаться.

Калеб написал Джейми, что попросился в армию, и тот приехал из Орегона его проводить. Все бумаги Калеб уже подписал и готов был идти, когда велят. Скоро. В пункте мобилизации очень заинтересовались его опытом охотника-проводника. Калеб заявил, ему двадцать шесть, не тридцать.

А Джейми все еще не знал, что делать.

Мэриен навестила его в начале апреля по пути в Нью-Йорк. Он рассказал ей о встрече с Сарой Фэи в Сиэтле.

— Она хотела бы иметь возможность сражаться. Легко сказать.

— Очень горько, когда тебе не дают настоящего дела.

— Да, знаю. Действительно знаю. Еще она сказала, мы все должны быть храбрыми. Храбрость сама по себе меня не интересует, но война… — Джейми осекся.

— Понимаю.

— Что мне делать? — он с испугом посмотрел на сестру.

— Я бы очень хотела, чтобы ты жил в мире и безопасности. В общем-то, не так важно, чем заниматься. Если ты отправишься на войну, общая ситуация не сильно изменится. А ты не можешь рисовать мобилизационные плакаты или что-то такое?

— Как будто я уворачиваюсь… Убеждать других людей идти на смерть.

— Вряд ли тебе удастся кого-то убедить, какой бы ты ни был хороший художник.

— Вот ты рискуешь. Ты храбрая.

— Это другое. Ведь я ищу возможности полетать

на боевых самолетах. Не то что я не хочу внести свой вклад — хочу, — но иду не только из принципа. Я желаю что-то получить, а ты желаешь лишь спокойно жить, война же положит этому конец. Да меня, может, и не возьмут.

— Возьмут, — мотнул головой Джейми.

* * *

После стрижки, когда они с Калебом уже почти добрались до дна бутылки, Джейми спросил:

— А если я не смогу?

— Что не сможешь?

Калеб лежал на койке, подложив руку под голову. Джейми сидел в кресле-качалке. Окна были распахнуты в теплую ночь.

— Воевать.

— Тогда, вероятно, погибнешь. Но в один прекрасный день все равно умрешь.

— Перестань.

— Ты не узнаешь этого, пока не окажешься в самой гуще.

— Тогда уже будет поздно.

— Я думаю, большинство ребят в самом деле не умеют воевать. Они просто там. Наращивают количество. Знаешь, можно ведь найти место, где не надо ни в кого стрелять. Есть куча разных

мест.

— Все мне так говорят. Мэриен считает, я могу заняться пропагандой.

— Можно поваром или еще что-нибудь.

Кроме ножниц Берит, Калеб после продажи дома попросил старый граммофон Уоллеса и сейчас встал и, выбрав пластинку, поставил ее, завел граммофон, опустил иглу. Дебюсси. После первых звуков Джейми вспомнил, как в детстве смотрел через балясины перил на Уоллеса и его друзей, споривших об искусстве.

— А у тебя будет выбор?

Калеб сел на койку, перекинул ногу на ногу и закурил.

— Вряд ли. Ты когда-нибудь кого-нибудь убил? Хоть птицу?

— Пауков, мух. Рыб.

— А если нам завтра пойти на лося? Я бы тебя взял. Гон у самцов только начинается. Там интересно.

В надежде, что Калеб не заметит, насколько отвратительна ему сама мысль, Джейми устремил взгляд на дно чашки, погонял виски.

— По-моему, пустое дело убивать, только доказывая себе, что можешь.

— Городские охотники, которых я вожу на охо-

ту, исключительно этим и занимаются. Лосей и косуль слишком много, вот беда, а волков и гризли почти не осталось…

— Благодаря вам, — вставил Джейми.

— …И они умирают с голода.

— Не уверен, что это хорошая проверка. Ведь если ты не убьешь лося, он-то все равно тебя не убьет.

Калеб допил виски и отставил чашку.

— Лося убить легче, чем человека, Джейми. Но тебе не нужно никого убивать.

— Конечно, можно сесть и примириться с тем, что я трус.

Калеб посмотрел ему в глаза:

— Ты не трус.

Джейми хотелось спросить у Калеба, уж не он ли убил Баркли Маккуина. Хотя какая разница? Были ведь люди, кого Джейми хотел убить: мальчишку, мучающего собаку, мистера Фэи, Баркли. Она есть в нем, потребность убивать.

— Хорошо. Завтра идем.

Джейми плохо спал. После виски хижина и стрекотание сверчков медленно кружились, а он лежал на полу у Калеба в центре тошнотворного водоворота и опять думал о письме Саре Фэи. Оно пришло в июле, когда Мэриен уже

давно уехала.

Дорогой Джейми!

Надеюсь, ты не слишком осердишься на мое письмо – твой адрес мне дали в музее. Мы нехорошо расстались, и я с сожалением вспоминаю наш разговор. Мало ничего не делать, я продолжаю так думать, однако теперь, по прошествии времени, пришла к выводу, что непорядочно убеждать совершать насилие людей, ненавидящих его так, как ты. Я бы не хотела, хоть и понимаю: нынешняя война требует прежде всего количества. Это подводит меня к цели моего письма: я кое-что узнала. Все рода войск ищут художников, которые документировали бы происходящее. Мне рассказал один друг нашей семьи, занимающий высокую флотскую должность, поскольку мы, конечно, знаем множество художников, и я назвала твое имя. Насколько я понимаю, тебе придется пройти необходимый курс обучения, чтобы тебя отправили на войну, но не на фронт. Конечно, это опасно, но, если хочешь, я была бы счаст-

лива связать тебя с нужными людьми.

Надеюсь, у тебя и твоей сестры все в порядке. Мой брат, Ирвинг, офицер на эсминце, а Льюис пошел в армию врачом. Я очень по ним скучаю.

Сара.

* * *

Джейми не рассказал о письме Калебу, не упомянул его и когда писал Мэриен, из опасения, как бы они не подтвердили: это, по выражению Сары, «кое-что» прекрасный выход из его затруднений. Саре он тоже не ответил. Он не мог не согласиться с ее подспудной мыслью: дескать, стать военным художником формально значит исполнить свой долг, и все-таки разозлился. Она думала, он не справится. Миллионы других мужчин просто пошли на войну, а ему, считала Сара, нужно особое, теплое местечко. С другой стороны, он действительно пригоден для рисования намного больше, чем для службы в пехоте.

Джейми проснулся всего через пару часов в жару, с пересохшим ртом, сердце колотилось. В воздухе маслянисто пахло кофе. Хотя была еще глубокая ночь, Калеб уже встал и разбивал яйца,

поставив сковородку на горелку.

Они молча позавтракали. Калеб велел ему идти на улицу и отдраить себя мылом у колонки, чтобы лось не сразу почуял запах. Когда тьма разбавилась до темно-синего, они отправились в лес. Несколько часов Джейми шел за Калебом с винтовкой на спине, болью в голове и изжогой в пищеводе. Он не спрашивал, куда они идут. Между стволов, ветвей плыли облака синего тумана. Джейми старался ступать точно в след Калебу, производить как можно меньше шума, но тот скользил, как змея, почти бесшумно, а Джейми топал, будто лошадь-тяжеловоз. У него под ногой хрустнула веточка. Калеб обернулся.

— Прости, — прошептал Джейми.

Калеб поднял руку. Джейми остановился.

Калеб словно к чему-то прислушивался, но Джейми, до боли напрягая слух, слышал только тихо падающие капли, а еще окружающую тишину, пронзаемую звуками, которые невозможно уловить: растущая трава, ползающие насекомые, дрейфующий песок. Он знал, на войне такая тишина загущена возможностью невидимого, кем-то нацеливаемого оружия. Калеб снял с пояса бамбуковый стебель и свистнул. Резкий звук взметнулся на вершину и опустился до хлю-

панья. Они ждали. Где-то далеко взвыл лось. Калеб махнул влево, и они продолжили путь.

У небольшого озера Калеб указал на следы копыт и мазки грязи вывалявшихся в ней животных на деревьях. Через некоторое время он опять остановился и присел, положив винтовку на колени. Джейми сел на подушку из хвойных иголок, прислонившись к стволу. Ничего не было видно, один туман. Джейми позволил себе закрыть глаза.

Скоро Калеб потряс его за плечо и разбудил. Выступы твердой коры впились в спину, по подбородку текла слюна. Калеб кивнул на луг, показавшийся сразу за деревьями. Желтый свет пронизывал клоки тумана, еще висевшего над самой травой. По лугу медленно, пощипывая траву, шло стадо лосей: самки с шишковатыми ногами и ушами, как у мулов, самец в хвосте, бдительный, с темной шерстью на загривке, густом, рваном, будто львиная грива.

Джейми поднял винтовку. Они подползли к опушке.

— Отличная позиция для выстрела, — выдохнул Калеб. — Подожди.

Джейми взвел курок, приложился щекой к прикладу. Лось подошел ближе. В прицел Джейми

смотрел, как он поднял голову и наклонил ее так, что рога слева легли параллельно спине. Черный нос заходил, задрожал; во внутренних уголках напряженных в брачный период глаз показался белок.

— Давай, — прошептал Калеб.

Зверь был мощный, полный жизни. Джейми представил, как у него подкашиваются ноги, восхитительные рога падают на траву, будто отброшенные вилы. Он опустил ружье. Калеб рефлекторно поднял свое, привыкнув стрелять, когда другие промахиваются.

— Не надо, — попросил Джейми.

Лось посмотрел в их сторону, повел ушами. Джейми вскочил и, размахивая руками, закричал. Лось развернулся и побежал, за ним рванули и лосихи. Стадо с глухим топотом стремительно мчалось по лугу, яркими пятнами мелькали бежевые бока, потом их поглотил туман.

Англия
Август — ноябрь 1942 г.
Сразу после приезда Мэриен в Лондон

Сначала Мэриен и остальных летчиков направили в Лутон, к северу от Лондона, на инструктаж и пробные полеты. Всем им, мужчинам и женщинам, пришлось начинать с самого начала,

невзирая на опыт.

— У вас может быть две тысячи налетанных часов, а может быть два, — сказал инструктор, — вам все равно придется сидеть здесь, слушать, а потом сдавать экзамены.

Они ходили в гражданском (военную форму для них шили в Лондоне, в «Остин Риде»), а для полетов выдали большие, бесформенные сидкоты.

Мэриен все было очень интересно, так как она, кроме давным-давно выхваченных в библиотеке Миссулы отрывочных сведений, никогда не изучала аэродинамику, не училась азбуке Морзе и систематически не занималась навигацией и метеорологией. Лутон стал школой ее юношеской мечты: ряды парт, за ними летчики, стены увешаны разными картами, схемами двигателей и приборов. «Не отважно, а осторожно». Инструктор так часто повторял эти слова, что они превратились в своего рода заклинание. Задача летчиков состояла не в проявлении героизма; им предстояло четко, быстро переправлять самолеты туда, где они нужны. И притом не повредить их, по крайней мере не нанести больше повреждений, чем уже есть. Летать они будут и на совсем новеньких образцах, и на покореженных в боях

машинах. А может статься, и перевозить друг друга в напрочь убитых «гробах».

Вспомогательный транспорт действовал в рамках продуманной и смелой, по мнению Мэриен, системы. После окончания летной школы в Лутоне, где пилоты летали на легких самолетах, в основном открытых бипланах, и выполнения определенного количества трассовых полетов, их направляли в штаб-квартиру Уайт Уолтем, к западу от Лондона, где они тренировались на одномоторных истребителях класса-2, в том числе на «хоукер харрикейнах», а после испытательного периода — на «спитфайрах». Когда пилоты доказывали, что могут с ними справиться, их командировали в один из четырнадцати отрядов авиатранспортной службы: самый северный располагался в шотландском Лоссимуте, самый южный — в Хамбле, недалеко от Саутгемптона, где завод «Супермарин» выпускал «спитфайры», их требовалось транспортировать, прежде чем успевали разбомбить немцы.

Каждому летчику выдали небольшую книжечку, скрепленную сверху двумя металлическими кольцами, на синей холщовой обложке стояли желтые штампы «Летчики авиатранспортной службы» и «Только для служебного пользова-

ния». В ней содержалась информация обо всех самолетах, за штурвалом которых они могли оказаться; после беглого просмотра характеристик летчики должны были уметь взлететь на незнакомых моделях. Если они осваивали самолеты класса-2, то возвращались в Уайт Уолтем и пересаживались на легкие двухмоторные самолеты класса-3, и так далее, вплоть до самолетов класса-5 — громоздких четырехмоторных тяжелых бомбардировщиков. В класс-6 входили гидросамолеты, но женщинам на них летать не разрешалось, поскольку тогда их пришлось бы включить в состав мужского экипажа, что свело бы на нет весь порядок.

— Главной вашей проблемой, — говорил им инструктор, — станет нелетная погода. Не уверены — оставайтесь на земле. Радио не будет, чтобы вас не могли запеленговать, а пулеметы, если таковые окажутся на борту, будут не заряжены. — Он помялся. — В теории. Если же вам все-таки попадется самолет в полной боеготовности, вы ни при каких обстоятельствах не имеете права стрелять. — Тут некоторые обменялись воинственными взглядами. — Вы сможете рассчитывать только на себя. Поэтому помните: не отважно…

— А осторожно, — хором ответили летчики.

— Никак не пойму, почему они не учат приборам, — сказала Мэриен Рут, когда они шли на квартиру, к двум маленьким кирпичным домикам на одной улице, где жили семьи, имевшие свободные комнаты.

В комнате Мэриен раньше жил сын, отправившийся в Канаду на инструктаж в составе королевских ВВС. К потолку была прикреплена модель биплана «Сопвич Кэмел», и в первую ночь, лежа на кровати, она смотрела на нижнюю поверхность крыльев и думала, что сталось с Брейфоглами. Она всегда чаще вспоминала Феликса, но теперь задумалась и о Трикси. Восхищаться стоило бы ей.

— Конечно, если накроет нелетная погода, ничего не сделаешь, — продолжила Мэриен. — Они, дескать, не хотят попусту губить самолеты и летчиков. Но ведь меньше разобьется, если летчики будут знать, как летать в облаках.

— Начальство никудышное, вот и все. И вечно куда-то спешит.

— А ты умеешь летать по приборам?

— Не-а, — весело ответила Рут, — но собираюсь летать не отважно, а осторожно. Да и вообще, вспомни Эми Джонсон. Она все знала и тем не ме-

нее попалась.

Мэриен такая логика не устраивала. Они стояли у небольших кованых ворот перед домом, куда поселили Рут.

— Я могла бы кое-чему тебя научить, — пожала плечами Мэриен. — На всякий случай.

— Только если учиться будем в пабе. Школы с меня хватит.

— Там ты не будешь слушать.

— Тогда потом будем вознаграждать себя походами в паб.

— Ты прижала меня к стенке. — Мэриен помахала Рут на прощание.

После нескольких часов полета с инструктором в ныряющих, открытых ветрам и дождям «тайгер мотах» и «майлз мэджистерах» Мэриен полетела одна, «соло». Смешно «солировать» после стольких лет одиночных полетов, но она удержалась от ухмылок и жалоб, добросовестно записав полет в новый журнал. Следующим этапом стали двадцать пять трассовых полетов над всей Британией с использованием компаса и бумажных карт. Летала она вдоль железнодорожного полотна, рек и дорог, проложенных еще римлянами. Дистанции короткие. Внизу гудел мозаичный пейзаж, скрепленный живыми изгородями.

В погожие дни она могла совершить три-четыре полета (Мэриен еще не приноровилась к малости этой страны, которая могла бы поместиться Аляске в карман), но такие дни выпадали нечасто, в основном нависали серые облака. Изредка небо прояснялось, только когда летчиков уже отпускали домой. Но даже в сносную погоду над Лутоном парили отвратительные миазмы, от чего у Мэриен, когда она летела в открытом биплане, щипало глаза. После Дюнкерка автомобильный завод «Воксхолл» переоснастили для производства танков «Черчилль» и армейских грузовиков, и дым заводских труб смешивался с дымом каминов и дымообразующих машин, прикрывавших завод от немецких бомбардировщиков, в густой едкий суп. Кое-где (а в общем-то, везде) она опасалась заградительных аэростатов, крепившихся цепями вокруг аэродромов и заводов, чтобы поймать или хотя бы задержать немецкие самолеты.

И у Мэриен, и у Рут понедельник был выходным, и они взяли в привычку в воскресенье вечером отправляться в Лондон. Обычно шли в кино или театр, а вечером — в клуб Красного Креста, где проводили время дешевле и веселее. Там стояли музыкальные автоматы по одному пенни, подавали неплохие закуски, согревало

центральное отопление и неизменно сновали американские солдаты и медсестры, а иногда и знакомые летчики. В американском армейском магазине «PX» девушки покупали соленый арахис, шоколадные батончики «Нестле» и банки с пивом. Несколько раз пришлось ездить в «Остин Рид» на примерку формы. Летчицам полагались юбка, брюки, две рубашки, китель и шинель, все в синем цвете королевских ВВС, но слишком тесное, на вкус Мэриен, и слишком просторное, на вкус Рут.

Иные девушки с претензиями, как, например, Молния, окончившая модный колледж, или броской красоты, как Сильви, получали приглашение на коктейли в посольство или на ужины Джеки Кокран в Найтсбридже, но Рут и Мэриен были счастливы, оставаясь вдвоем или изредка встречаясь с шапочными знакомыми, вечно окружавшими Рут.

— Странно, что ты не любимица Джеки, — сказала как-то Мэриен Рут после того, как они столкнулись на улице с Сильви, которая обронила, что накануне у Джеки подавали настоящую чернику. — Я бы на ее месте хотела иметь тебя при себе, чтобы ты очаровывала моих впечатлительных друзей.

— Нет. — Рут достала сигарету и задумчиво прищурилась: — Я слишком шумная. Не спорю, Джеки незаурядная женщина, но по большому счету она не очень интересна. Старается, однако напряжение заметно. Тем лучше. Я рада, что у меня нет дополнительных обязательств.

— Если ты рада, то я тоже. Я бы расстроилась, если бы она тебя пригласила, а меня нет, а меня она никогда не приглашала. Наверное, думает, я являюсь в мешке вместо платья.

— Нет, наоборот. Она бы пригласила как раз тебя, если бы мы не были неразлейвода. Ей хочется тебя пообтесать. — Рут взяла Мэриен под руку и положила ей голову на плечо. — Эта гусыня не понимает, что обтесывать тут просто нечего.

Но в сентябре Джеки вернулась в Америку, чтобы возглавить американский аналог Вспомогательного транспорта — Экспериментальную женскую эскадрилью для стратегической переброски войск. Найтсбриджские коктейли закончились. Американский контингент поручили Хелен Ричи, знаменитой тем, что она стала первой американской женщиной-пилотом в коммерческих структурах. Однако к тому времени девушки Джеки уже вовсю проходили инструктаж и не очень нуждались в наставнице.

Казалось, в Лондоне все только и делали, что бодрствовали, пили и жаждали удовольствий. Атмосфера в ночных клубах и танцзалах отличалась вызывающей исступленностью, и Рут затянула Мэриен в самую ее гущу. Сама она флиртовала напропалую, но, насколько было известно Мэриен, ни разу не позволила ни одному мужчине даже поцеловать себя. По вечерам она все время говорила о своем муже, больше, чем днем. А Мэриен, ближе к ночи, могла позволить поцеловать себя в затененном углу танцзала или раздвинуть ноги, если кто-то в темном такси гладил ее по коленке. Будь на то возможность, она могла позволить и больше, однако всегда появлялась Рут и со смехом, однако твердо вызволяла ее, загоняя в целомудренную спальню.

Со временем Мэриен привыкла к отключениям электричества и наладилась различать людей, которые, мелькая белыми перчатками или фосфоресцирующими бутоньерками, двигались в темноте наподобие придонных рыб. Ей нравился резкий перепад от уличной черноты к громкому, влажному, искрящемуся, как внутренность жеода, ночному клубу. Здесь упорствовала подземная жизнь. Довоенный мир выгорел, но корни его остались нетронуты, уце-

лели глубоко в темноте, питаемые алкоголем, табаком и потом.

Как-то в особенно холодную ночь Рут и Мэриен очутились вместе на дежурстве в пожарной охране, и им пришлось спать в будке лутонского аэродрома. В восемь часов, когда уже совсем стемнело и оставалось только спать, Рут, дрожа от холода на койке в шерстяном белье и подкладке сидкота, сказала:

— Мне так холодно, что не заснуть. Как думаешь, сможешь ко мне втиснуться?

— Хорошо, — ответила Мэриен, и Рут приподняла одеяло.

Они лежали спиной к спине, и Мэриен остро чувствовала легкую разницу в ритме дыхания, но, когда она подстроилась к Рут, чувство стало еще более странным, как будто они надували две пары легких. Она также чувствовала мягкие ягодицы Рут на одном уровне со своими, так как Рут, будучи намного ниже, сползла вниз и укрылась одеялом с головой. Мэриен знала, что может сейчас уснуть — она умела спать всегда и везде, — но не была уверена, что хочет.

— Я долго ничего не слышала о брате, — начала она на пробу. — С тех пор как мы сюда приехали.

Рут подтянулась повыше, голова появилась

из-под одеяла, и голос прозвучал без заглушки.

— Может, письма где-нибудь застряли. Я вчера получила пачку, некоторые совсем старые.

— Может.

— Одно письмо от Эдди. Его включили в состав экипажа. Вроде ребята нормальные. Его тошнит каждый раз, но никто не выдает, даже когда он решил выбросить свой блевпакет в унитаз, а тот опять подняло ветром и всех забрызгало. Последний тренировочный полет проходил над водой, поэтому он думает, его скоро переправят через океан. — Рут прижалась плечами к Мэриен. — Он пишет, что они все ладят, это, конечно, здорово.

Мэриен плохо представляла себе Эдди, знала только, что он махнул рукой на уроки пилотирования.

— Ты переживала?

— Немного. Эдди часто приводит людей в растерянность. Пойми меня правильно, он потрясающий. Но иногда… Не знаю. — Рут перевернулась, заскрипев пружинами койки. Теперь к спине Мэриен прижались мягкие груди. — Ты теплая. — Подруга просунула руку под локоть Мэриен, и та очутилась прямо у нее перед глазами. На костяшках виднелись красные, набухшие пятна. — У тебя есть такие? Обморожение. Кошмар.

На ногах тоже.

— Надо лучше просушивать носки и ботинки. — Мэриен показалось естественным утянуть руку подруги под одеяло и прижать к своей груди, чтобы согреть.

— У тебя так бьется сердце, — через минуту сказала Рут.

— Да нет, вряд ли.

— Нет, бьется. — Голос тягучий, сонный.

Мэриен не ответила. Как-то странно Рут говорила об Эдди. Нечеткая мысль пришла ей в голову: если бы она была Рут, то разобралась бы, в чем тут дело. Рут вытянула бы из Рут все, даже не прилагая видимых усилий. Мэриен поняла, что хочет поскорее заснуть, пока Рут опять не изменила положение, и провалилась в себя.

Англия
Ноябрь — декабрь 1942 г.
Продолжение

Наконец пришло письмо от Джейми, датированное сентябрем. Он собрался на флот художником.

> Кто бы мог подумать, что такое бывает? Я точно нет, но мне написала об этом Сара Фэи. Сначала я думал в любом слу-

чае пойти в армию, но потом все-таки решился на художество. В конце концов, им нужен художник, а я и есть художник. Скоро уезжаю на инструктаж в Сан-Диего, а дальше не знаю. Надеюсь, ты не будешь волноваться, по крайней мере не так, как я волнуюсь за тебя.

Значит, свершилось. Война добралась и до Джейми. Мэриен не «волновалась», неправильное слово. Может быть, боялась. Предвкушала горечь от того, что придется увидеть брату, как он изменится. Калеб тоже ушел в армию. Мэриен ничего не могла сделать ни для того, ни для другого и пыталась отгонять страхи.

* * *

По мере приближения зимы погода ухудшалась, все больше затрудняя трассовые полеты, и в начале ноября — Мэриен налетала только восемнадцать из двадцати пяти — Вспомогательный транспорт, отменив собственные требования, дал ей самолет и увольнительную на четыре дня. Рут еще нужно было совершить несколько полетов, поэтому Мэриен отправилась в Лондон одна, правда, как выяснилось, без Рут даже в самых

знакомых районах города она робеет и стесняется. Клуб Красного Креста, такой симпатичный, открытый, когда они бывали тут вместе с Рут, немного пугал. Мэриен привыкла полагаться на то, что в разговоры ее втягивала Рут — так акробат в цирке перебрасывает партнера другому артисту. Когда какой-то капитан ВВС попытался в баре завязать с ней разговор, Мэриен удалось выдавить из себя лишь самые банальные фразы, после чего она при первой же возможности бежала.

Мэриен вдруг поняла, что любит Рут.

Понимание — именно в таких словах, полностью, окончательно — пришло к ней на второй день в Лондоне. Она явилась в «Остин Рид» забрать форму и, глядя на себя в напольное зеркало, пока портной возился с манжетами синего кителя, мечтала, чтобы здесь стояла Рут, которая заполнила бы молчание своей болтовней. Она думала о Рут и вдруг обратила внимание, что у нее изменилось лицо.

Отметила вспыхнувший румянец, испуг на лице, однако не могла разобраться в вызвавших их чувствах. Мэриен была огорошена, причем как тем, что предмет ее любви — женщина (кроме той встречи в Кордове она никогда не думала

о женщинах), так и тем, что после Баркли способна вообще кого-то полюбить через столько лет, наполненных усилиями намертво заморозить на севере свое сердце, ожиданием, чтобы ветер выдул его в ноль.

Но вопрос заключался в том, что теперь делать, и ответ состоял из одного слова — ничего. Рут — ласковая, близкая подруга, но, конечно же, чувства Мэриен вызовут у нее недоумение, или оттолкнут, или испугают. Рут замужем. Мэриен почудилось, в ту ночь, когда они втиснулись в одну кровать в будке пожарной охраны, между ними возникло напряжение, но, разумеется, она нафантазировала. Разумеется, Рут просто хотела согреться. Разумеется, она ни за что и никогда не пойдет на… Мэриен не знала, как назвать то, чего ей хочется. Может быть, обладание. Несомненно, касание. Близость у них уже была, но Мэриен хотелось чего-то более важного, целенаправленного. Она не могла рисковать, открывшись Рут. Та отвернется от нее, а это неприемлемо, хотя, даже сказав себе так, Мэриен не могла до конца поверить, что Рут прогонит ее.

Она ведь всегда все понимает. Почему же не понять этого?

Потому что это патология, потому что это

оскорбление, потому что Рут придет в ужас и почувствует себя преданной. И даже если каким-то чудом поймет, понимание еще не есть взаимность. Понимание без взаимности, конечно, будет иметь тот же результат, что и разрыв: она потеряет Рут. Когда Мэриен полюбила Рут? В момент знакомства, еще ни о чем не догадываясь? Когда та взяла ее за подбородок и принялась рассматривать? В Баркли она влюбилась, когда тот посмотрел на нее у мисс Долли. Почему она так реагирует, когда на нее смотрят?

Как-то раз они с Рут были в клубе Красного Креста и завыли сирены, но, вместо того чтобы спуститься в убежище, они поднялись на крышу, в гибельную ночь. Им говорили, что такие спорадические бомбежки ничто по сравнению с самыми страшными, когда от огромных розовых гор дыма, казалось, съеживается само небо. Но все же они слышали скрежет и гул немецких двигателей, глухие взрывы зажигательных снарядов, видели немые, пустые лица заградительных аэростатов, самолеты, пойманные, как мотыльки, лучами прожекторов. На город валились бомбы. Белые зенитные снаряды вспыхивали в небе. А за ними в разрывах дыма и бегущих облаков бесстрастно светили звезды.

Кругом горело, пусть даже не рядом с Красным Крестом, и Мэриен задумалась, а есть ли в огне люди. Конечно, они там были, но она надеялась, что каким-то чудом все-таки нет. Рут, не отводя взгляда от жуткого зрелища, взяла Мэриен за руку. Какое несоразмерное утешение принесла ее маленькая ладонь. Теплое пожатие послужило неким противовесом лежавшему кверху пузом городу, по мере распространения огня становившемуся все ярче.

Выйдя из «Остин Рида» с тяжелым пакетом, где лежала форма, Мэриен не знала, как ей теперь смотреть на Рут, как делать вид, будто ничего не изменилось. Ощущение легкости, надежности уйдет, в присутствии Рут она будет испытывать лишь тоску и одиночество. Надо подождать, пока все пройдет. Можно ведь разлюбить. Люди почти неизбежно перестают любить. И слегка отодвинув головокружительную непосредственность чувств, Мэриен сочла их бесперспективность благом: она больше не имела права попасться в любовную ловушку. Она не попадется.

В клубе Красного Креста ее ждали инструкции, показавшиеся божественным провидением. Лутон кончился, ей надо было ехать прямо в Уайт Уолтем, так как ее допустили к самолетам клас-

са-2. Она не увидит Рут, сейчас не увидит.

* * *

Уайт Уолтем располагался в симпатичном ярмарочном городке Мейденхед[8] («Господи, ну и название», — сказала Рут) с фахверковыми домами, выстроившимися вдоль неторопливого течения Темзы. Мэриен нашла комнату в маленькой гостинице недалеко от аэродрома, лишь чуть дороже квартиры на постое. Она вернулась в классные комнаты и засела за компрессоры, карбюраторы и тому подобное. Две недели посещала лекции, а потом опять стала подниматься в небо, на «гарвардах», таких же как тот, на котором она сдавала экзамен в Монреале, испугавшись их мощности после вялых трассовых полетов на «тайгерах» и «мэджистерах».

Неподалеку располагался новый Американский клуб с бассейном (закрытым на зиму), террасой и баром. Иногда она ходила туда с другими летчиками выпить по коктейлю, но говорила мало. Без Рут никто не пытался втянуть ее в разговор. Беседуя с людьми, она всегда чувствовала себя неуверенно и совершенно не помнила,

---

[8] Сноски: 8
Девственность (*англ.*). — *Прим. пер.*

как обстояли дела до Баркли, до Аляски.

Мэриен купила мопед и в свободное время и при наличии талонов на бензин ездила по округе. В Хенли она смотрела на греблю. У Итонского колледжа мальчики играли в регби или слонялись во фраках возле кирпичных строений с зубчатыми стенами. Она побывала в деревнях, где можно было забыть, что идет война, и в деревнях, представлявших собой почти сплошь воронки, проезжала мимо обломков B-17 в буковых рощах. Но в основном ее окружали трава, деревья, каменные стены, овцы.

Как-то днем, после тряского кружения в «гарварде», Мэриен вернулась в летную контору и увидела там Рут в синей форме.

— Привет, незнакомка, — улыбнулась та.

Мэриен страшно обрадовалась, но тут же испытала ужас и отвращение, и Рут, уже шагнув к ней, чтобы обнять, заметив перемену, замялась. Они поздоровались скомканно, неловко, как если бы обнялись два манекена.

— Хотела написать тебе, мне дали крылья… и шмотки. — Рут на секунду встала в позу манекенщицы. — Ненадолго посылали в Рэтклифф. В основном работаю таксистом. Вон там я. — Она показала в окно на «Фэрчайлд-24». — Но, когда

перебросили сюда, решила, что увижусь с тобой и могу не писать.

— Поздравляю.

Мэриен отвернулась и принялась изучать большую карту Британии на стене, где ежедневно помечали новые точки расположения заградительных аэростатов и запретные для полета зоны.

— Ты уехала из Лондона, и ни звука, — полуспросила Рут.

— Было много дел.

Рут подождала более развернутого ответа, а не дождавшись, сказала:

— Но ты же, надеюсь, по мне скучала. Хоть и не писала.

Ужаленная, Мэриен перевела взгляд с карты на свои ботинки. Рут подошла ближе.

— Ты такая странная. Что-нибудь случилось? Я что-то сделала не так?

— Ничего. Неважно себя чувствую. Больше ничего. — Мэриен забросила за плечо парашют. — Мне надо идти.

Рут не окликнула ее, не пошла за ней. Отъезжая на мопеде в гостиницу, Мэриен видела, как «Фэрчайлд» поднялся в воздух и исчез.

* * *

Через две недели, в редкий для середины декабря ясный день, Мэриен допустили до ее первого «спита». Она доставила «Харрикейн» в Солсбери, и безо всякой торжественности диспетчер толкнул ей по стойке новое полетное задание.

Самолет ждал, его длинный обтекатель с отверстиями смотрел вверх. На случай фоторазведки «спитфайр» закамуфлировали и, кроме черного пропеллера, опознавательных знаков и трехцветного, выкрасили корпус в васильково-синий цвет, как будто к нему пристало небо. На борту не было ни бомб, ни пулеметов, значит, самолет будет легким, быстрым, быстро достигнет потолка (выше сорока тысяч футов) и вместит достаточно топлива, чтобы долететь до Германии и обратно. Летчицы Вспомогательного транспорта единодушно считали «спитфайр», героя Битвы за Британию и символ храбрости королевских ВВС, женским самолетом. Кабина небольшая, женщина вминалась в нее, как палец в перчатку. Приборы реагировали на малейшее касание. Мужчины, считали они, применяя слишком много физической силы, из желания главенствовать над самолетом лишали его присущей

ему элегантности. Одна англичанка потеряла жениха, когда тот пытался подняться на «спите» с авиадиспетчером на коленях, в шутку собираясь его куда-то подбросить, и не смог отвести рычаг обратно на нужную позицию, потому что два мужских тела заполнили кабину до отказа. Оба погибли.

Мэриен забралась в самолет, сверилась с инструкцией, начала проверку. Она много летала на «харрикейнах», которые любила и которые не сильно отличались от «спита», но в этом самолете было что-то по-новому волнующее: тесные объятия кабины, готовность, с какой приборы реагировали на движения рук и ног. Двигатель завелся с резким шумом, равномерно защелкал, по-особому загудел. Мэриен не стала тратить время, руля по полю, так как «спиты» нередко перегревались на земле. Она походила носом из стороны в сторону, стараясь понять, куда двигаться. В кабине очень быстро стало жарко, Мэриен вспотела. Самолет задуман для того, чтобы находиться в воздухе. Она прибавила скорости. Мимо пронеслось слякотное поле. Скачок через колею, и земля отпустила ее.

Этот «спит» ждали в Колерне, в графстве Уилтшир, недалеко. Она не торопилась, выписывая

запрещенные развороты, петли, выскабливая и разрезая небо тонкими, скругленными крыльями, земля металась сверху вниз. Под куполом из плексигласа Мэриен стала центром, точкой, вокруг нее вращалось все. Она круто набрала высоту, выровнялась. Десять тысяч футов. Уже выше, чем разрешалось. В самолете имелась система поддержания давления, но в инструкции говорилось, что ее необходимо отключить; низко летающие пилоты авиатранспортной службы не имели права ей пользоваться.

Она поднимется только немножко. Потянула штурвал. Триста миль в час. Хочется размазать самолет по небу — синее по синему. Вверх. Пятнадцать тысяч футов. Ее могло снести, приходилось быть осторожной, но Мэриен хорошо чувствовала приборы. Британия внизу дала земной кривизны; поля и живые изгороди скользили радужными переливами на поверхности мыльного пузыря. Вверх. Семнадцать тысяч футов. Нужно быть внимательной, скоро спускаться. Воздуха в легких осталось немного. Мэриен вспомнила, как отказал двигатель «трэвел эйра», когда она взлетела слишком высоко над Миссулой. Откуда у нее желание дойти до самого края, чтобы отбросило назад? Она ощутила начало страха,

так обморожение начинается в теплом нутре, не на коже.

В разреженном воздухе самолет летел быстрее, почти четыреста миль в час. Долго так продолжаться не могло. И все-таки вверх. Ей надо понять, что наверху, оторваться от того, что внизу. Оторваться от Рут. От мира, в котором Джейми пошел на войну. Уже холодно. Слишком высоко, но еще чуть-чуть, и она все узнает. Она была уверена. Вроде бы двигатель работал спокойно, но стрелка высотомера двигалась вправо. На периферии зрения небо стало полуночно-синим, темнота кровоточила вверх, внутрь, она будто тонула.

* * *

Приземлившись, проехавшись по посадочной полосе, выключив двигатель, Мэриен посидела в кабине. Холод внутри не уходил, голова болела. Когда она наконец решила открыть фонарь, рука дрожала. Мэриен прошла в диспетчерскую, отдала полетное задание и получила новое: в Рексем требовалось перегнать «Майлз Мастер».

— Все в порядке? — спросил диспетчер, принявший задание. — У вас зеленоватый подбородок.

— Все хорошо. Только перед отлетом выпью

кофе.

Она прошла в столовую, где, читая газету, за столом сидела Рут. Мир сузился до нее, точно как когда Мэриен теряла сознание, до последней пробившейся через пропеллер искры света.

На звук шагов Рут подняла пустой взгляд, потом встала и подошла к ней.

— Ты в порядке? — спросила она. — У тебя совсем измученный вид.

В столовой сидели еще двое летчиков, они тоже читали газеты.

— Просто голова болит.

— С каких это пор ты такая хрупкая? Того и гляди, в следующий раз расскажешь мне про плохое настроение.

Мэриен посмотрела на летчиков.

— Я думала, кофе поможет.

— Я возьму, — предложила Рут. — Иди на улицу. Подыши свежим воздухом. Я сейчас приду.

Кирпичная стена холодила спину, но солнце согревало лицо, глаза болели. Щурясь, Мэриен приняла у Рут чашку. Горький кофе раздражал рот, но был очень горячий.

— Что с тобой происходит? — спросила Рут. — Ты такая странная.

— Что ты здесь делаешь? — спросила в свою

очередь Мэриен.

Рут, похоже, решила не давить и ответила:

— Перегоняю, что же еще? Похоже, они думают, я неплохо справляюсь, поскольку больше не занимаюсь ничем. Изредка гоняю «моты», ура. Что бы делала мобилизация, если бы не этот захудалый биплан? Но на следующей неделе наконец возвращаюсь в Уайт Уолтем. Мы снова будем вместе. — Последние слова она произнесла с деланой радостью.

— Я тогда уже могу уехать.

Рут полезла в карман за сигаретами и, закурив, сказала:

— Похоже, мы вошли в антифазу.

Мэриен заметила аэроплан, стоявший у ангара.

— Меня, наверное, скоро откомандируют. Я только прилетела на первом «спите».

— Который синий? И как?

Придя в себя, Мэриен обнаружила, что штопором идет вниз, а вертушка из полей и живых изгородей слилась в одно пятно.

— Как все и говорят.

— Божественно?

— Более или менее.

— Умираю от зависти.

С минуту они молчали. Кофе и богатый кислородом воздух чуть ослабили головную боль, хотя сигарета Рут нет.

— Если бы ты написала, я бы сообщила тебе, что Эдди уже здесь, на инструктаже в Бовингдоне, — добавила Рут.

— Правда?

— Правда. — Вспомнив отстраненность Мэриен, Рут попрохладнела.

— Рада за тебя.

Мэриен знала, что в голосе радости не было совсем. Она никогда не испытывала такой ревности, такой остроты ее жала.

Далекий двигатель гундосо запел единственную ноту, усилившуюся по мере приближения. Появившийся «спитфайр» выровнялся, сел.

— Мой пассажир, — сказала Рут. — Пора идти. — Она потушила сигарету о кирпичную стену и положила окурок в карман. — Увидимся, Грейвз. — И пошла прочь.

— Рут, — позвала Мэриен.

Та обернулась. Все, что Мэриен собиралась сказать, застряло в горле.

— Увидимся.

Рут, кажется, совсем пала духом. Мэриен видела ее печаль, которой не понимала.

— Ну да, — кивнула она.

Прежде чем Рут перебросили в Уайт Уолтем, Мэриен перевели в шестой отряд авиатранспортной службы в Рэтклиффе. Ей опять стало легче, и она так и не написала подруге.

Отдайся страсти

ШЕСТНАДЦАТОЕ

— Мы готовы снимать! — кричал Барт. — Настроились! Никаких разговоров, пожалуйста! Тишина, пожалуйста. Звук есть. Камера. Смотрим объектив, проверяем все еще раз. Прекратите всякую работу, прекратите разговоры. Смотрим последний раз. Актеры — пошли!

Жизнь полна звуков, а съемки — тишины. Мы снимали в музыкальном ретроклубе в центре Лос-Анджелеса, большом помещении с галереей, оформленном под лондонский ночной клуб военного времени. Статистов распределили так, чтобы зал казался забитым, и они, бесшумно двигаясь во вращающихся лучах прожекторов, делали вид, будто болтают и смеются, и страшно прели в своих костюмах, поскольку кондиционеры произвели бы слишком много шума. Массовка танцевала в тишине, оркестранты в белых пиджаках, выдвигая кулисы тромбонов, притворялись, будто играют, а дирижер дирижировал музыкой, существовавшей только в его крошечных наушниках.

После того как поцелуй с Алексеем взорвал интернет, мне запретили вообще открывать рот. Шивон и наши пиарщики по экстренным ситуациям решили, лучше всего сделать заявление, что я, мол, не комментирую свою личную жизнь, и пусть все крики летят в пустоту.

На улице, по раскаленному добела тротуару, парни в черных футболках толкали грохочущие тележки, заваленные полезной ерундой: катушками изоленты, мотками кабеля, штативами, осветительными стойками, большими квадратами резинового напольного покрытия. Улицу перегородили грузовики и фуры. Вокруг суетились парикмахерши и гримерши, их пояса отяжелели от щеток, зажимов, пульверизаторов и больших нейлоновых мешков, похожих на те, где дрессировщики носят угощения для животных.

Вместе с актером, играющим Эдди, я изгибалась и вертелась вместе с другими изгибающимися и вертящимися парами, которые, если бы в таком клубе танцевала настоящая Мэриен Грейвз, были бы поглощены собственной жизнью, но теперь служили просто массовкой, обязанной наполнить мой мир, чтобы он показался реальным. Вокруг меня ездила камера, над головой

смазанной черной луной зависла стрела крана, и мне предстояло запасть на мужа подруги.

— Рут моя подруга, — сказала я Эдди.

— Ее здесь нет, — ответил он. — А я завтра полечу над Германией и, может быть, не вернусь. Ну, что скажешь?

* * *

Если у меня когда и случался полноценный кризис, если я когда по-взрослому, без дураков и теряла самообладание, по крайней мере в голове, так в неделю после Вегаса.

Алексей не отвечал на мои СМС и звонки. Не делал никаких публичных заявлений. В конце концов он прислал мне мейл, где говорилось, что нужно многое уладить, сосредоточиться на семье и он не выйдет на связь как минимум какое-то время.

Мне хотелось разодрать свою жизнь в клочья, отшвырнуть всех, кого я знала, поскольку все, кого я знала, меня разочаровали, выстроить новое существование с нуля. Хотелось выскочить из системы прошлого, из всех цепных реакций. Хотелось стать большим взрывом.

Но я взяла бутылку скотча и пошла к сэру Хьюго. М. Г. провез меня сто футов между нашими

воротами, потому что папарацци в конце моей подъездной аллеи буквально поедали друг друга заживо.

— Дорогая, ты становишься токсичным активом, — холодно сказал Хьюго. — Тебе повезло, мы не можем тебя вышвырнуть.

Мы стояли на кухне, он налил два стакана почти до краев.

— В прошлый раз ты говорил, я добавила себе интересности.

— Всему есть предел. Нам нужны женщины, они будут смотреть фильм, а женщины, как правило, не любят тех, кто разрушает семьи. Знаю, нечестно, знаю, виноваты оба, но достается тебе. Мы хотим, чтобы зритель смотрел на тебя и видел Мэриен Грейвз, а не думал о шалаве из таблоидов, которую без конца ловят на том, что она кувыркается направо и налево не с теми мужиками. — Он потянулся чокнуться: — Будем.

Я отпила глоток.

— Если честно, вся эта история с Алексеем… От нее было не уйти.

Меня не остановили бы мелочи вроде достоинства его жены или перспективы полного краха. Как-то в Лос-Анджелесе я видела наклейку на бампере: «Отдайся страсти». Не самый благо-

разумный совет.

— Оно кончилось?

— Надеюсь, да, но, надеюсь, нет.

Хьюго пронзил меня взглядом:

— Ты что, любишь Алексея Янга? — Я поставила стакан, закрыла лицо руками и кивнула. — Но ведь не с Вегаса?

Хьюго не был идиотом. Я открыла глаза:

— Нет.

— Ну, тогда напоминай себе, что, возможно, ты бы любила его меньше, если бы вы в самом деле соединились, поскольку так всегда все и заканчивается. Испытай все прелести тоски и забудь. Пряности жизни. — Хьюго открыл буфет. — Я бы не прочь чего-нибудь пожевать, а ты? — Он достал пачку галет и банку горчицы. — А юный мистер Файфер? Я думал, там может что-то получиться.

— Я считала, что уже получилось. Потом, что не получилось. Потом, что, может быть, получится, а теперь мне сдается, я разрушила все, что бы там ни могло получиться.

Хьюго намазал горчицу на галету.

— Что ж, оно, пожалуй, и к лучшему. Ради фильма.

Я-то думала, фильм меня спасет, возвысит,

как выразился Хьюго, поднимет и унесет прочь. Но я оказалась слишком тяжелая. Я все тянула вниз.

— Как ты думаешь, хороший выйдет фильм? — спросила я.

— Зависит от множества факторов, в том числе от тебя. Но я надеюсь.

— Что я могу сделать?

— К несчастью, не так много, только играть, в идеале офигительно хорошо. И ради бога, не прыгай больше ни к кому в постель. Вообще ни к кому.

— Я играю.

— Я видел отснятый материал. Вполне. Но я все еще вижу тебя, а если честно, ты последняя, кого мне хотелось бы видеть.

— Скажи, как сделать так, чтобы меня не было видно. Пожалуйста.

Хьюго повел рукой:

— Я не могу тебе сказать. И ни разу не верю, что тебе этого хочется. Тебе страшно хочется, чтобы тебя видели. От тебя прямо несет. Ты в ужасе от того, что будет, если на тебя никто не будет смотреть.

— Нет, я хочу исчезнуть. Правда. Хочу, чтобы меня проглотила земля.

— Нет. — Хьюго проглотил кусочек галеты. — Не хочешь. Ты хочешь, чтобы все гадали, куда ты подевалась.

* * *

В ту ночь, может, хватив лишку травки, я была уверена, что на меня смотрит весь дом. В каждом светильнике, в каждой ручке, каждом гаджете, я точно знала, спрятались жучки-камеры, и, чтобы избавиться от них, я вышла на улицу. Но в темноте у бассейна тоже стало страшно. Поднялись ветра Санта-Ана, все пересохло, шуршало и шелестело.

Меня измучила необходимость знать, что так будет не всегда, и я позвонила Редвуду. Я видела его на съемках, но лишь мельком. Об Алексее мы не говорили. Как и о моих посланиях из Вегаса. В общем, ни о чем мы не говорили.

Он снял трубку, голос звучал настороженно.

— Прости за поздний звонок, — начала я, — или вообще за звонок. Я понимаю, все очень странно, но я распсиховалась. — Под конец фразы я дошла до жалостного повизгивания. — Мне правда досталось, и… — И что? Что я могла попросить у этого малознакомого человека? — И я не знаю, что сказать.

Я слышала, как Редвуд глубоко вздохнул, вдох через нос, выдох через рот, по заветам йоги.

— Мне следовало ответить на твое СМС. Я и собирался… Просто требовалось подумать… Но на следующий день везде появилась история с Алексеем, и я порядком растерялся. Еще больше растерялся. Потому что и без того был не на шутку растерян.

— Почему?

Он отвечал тихо, как будто не хотел, чтобы его подслушали:

— Ты мне нравишься. Не могу утверждать, будто знаю, как ты ко мне относишься или чего ты хочешь, но мне лучше соблюдать осторожность… — Он помолчал, затем продолжил: — Сегодня ты пишешь мне, что скучаешь, а завтра эта ерунда с Алексеем Янгом. Несколько неожиданно.

— Хочешь верь, хочешь нет, но там есть история. — Редвуд молчал, и я продолжила: — Я не знала о его приезде в Вегас. Я думала, все кончилось. Все давно уже кончилось.

Он заговорил мягче:

— Ты не обязана ничего объяснять, но, с другой стороны, по-моему, мне теперь стало несколько лучше.

— Ладно. Хорошо.

— Что там происходит? С тобой и с ним?

— Ничего. Опять кончилось.

— Из-за тебя или из-за него?

Я хотела соврать, но сказала:

— Из-за него.

— По крайней мере, честно.

— Не заедешь? Просто потусить.

Он замялся, потом я услышала:

— Не могу. У меня Лиэнн.

— О, тогда не буду больше тебя отвлекать.

Несколько секунд Редвуд молчал.

— Мы с ней в самом деле друзья.

Теперь замялась я, а потом решилась:

— Как вышло, что ничего не произошло в ту ночь, когда я оставалась?

Еще одна огромная пропасть молчания.

— Я стараюсь жить так, чтобы знать женщин, с которыми сплю.

— Мы проболтали целый день.

— И тем не менее всего один день.

Я не могла понять, кто из нас смешон — он или я.

— У тебя никого нет?

Опять молчание, потом:

— Нет. — Вдалеке я услышала голос Лиэнн. —

Но мне нужно идти.

— Еще, последнее. — Мне не хотелось, чтобы он повесил трубку. Я испугалась, насколько не важен был Редвуд, когда рядом находился Алексей, и насколько он оказался необходим, когда рядом не осталось никого. — Я тут думала. Аделаида Скотт сказала, хорошо бы знать, чего ты не хочешь, так вот, я больше не хочу быть шар-бабой. Хочу тусить с теми, кто мне действительно нравится.

— Хорошо, — тихо ответил Редвуд. — Ладно. Поговорим. А сейчас мне действительно нужно идти.

Разъединившись, я подумала написать Трэвису Дею и попросить его приехать, но не написала. Уже что-то. Где моя медалька? Моя награда за контроль над эмоциями? И ночь больше не пугала меня. Это всего-навсего ветер, всего-навсего сметаемые им листья. Мой дом не следил за мной. Никто за мной не следил. Я, как идиотка, сидела у бассейна в темноте, чувствуя, что меня никто не любит, чувствуя жалость к себе, но еще — вдруг, с удовольствием, — что я невидима.

Война

Аляска
Февраль — май 1943 г.
Шесть недель спустя

Письмо с инструкциями уведомляло Джейми, что его задача «по возможности реалистично или символически выразить суть или дух войны». В чем состоит суть или дух войны, письмо не разъясняло.

Ему разрешили высказать пожелания, где бы он хотел служить, и Джейми попросился на Аляску, не потому что считал ее самым подходящим местом для выражения сути войны, а потому что ему был важен край, удерживавший интерес Мэриен. А еще он считал, на обочине войны сможет работать и над собой.

На корабле, идущем из Сан-Франциско к острову Кадьяк, Джейми зарисовывал солдат, играющих в карты, солдат, загорающих на палубе, солдат, втиснувшихся на койки. Их желтая от никотина кожа поблескивала в чахлом свете ламп, свисающих с потолка и раскачиваниями в такт волнам океана вызывающих тошноту. Раньше

корабль перевозил скот, и Джейми решил, что его новое назначение не сильно отличается от прежнего — тоже живой груз.

Как и все остальные, он стоял на вахте, как и все остальные, делал самые первые шаги: маршировал, проходил строевое обучение, стрелял, бегал, ходил по гавани Сан-Диего в китобойной лодке под парусом и спал в гамаке. По ночам некоторые плакали, хотя пытались потише, а некоторые так скрежетали зубами, что звук отдавался эхом.

Целую неделю он видел одну воду. Несмотря на расползающийся кильватер, несмотря на сменяющиеся цвета неба и движение низкого зимнего солнца, корабль, казалось, просто толчет воду на месте, вечно в центре плоского диска пустого моря. Остальной мир утратил всякое значение. Его отец провел свою жизнь в центре таких вот дисков. Какое воздействие они рано или поздно оказывают на человека?

Джейми пытался рисовать рев, стук машинного отделения, примерзающую к леерам бело-зеленую корку морских брызг, полосу бледного неба на горизонте, нос судна, врезающийся в бугры с белыми навершиями и поднимающий стены брызг. Титановые белила. Серый Дэви. Индиго. Сине-черный. Кто-то дразнил его рисунками, кто-

то, даже с беспокойством, спрашивал, умеет ли он стрелять из винтовки. Джейми ограничивался сухим «да». Он был из лучших стрелков в учебном лагере — окупились все консервные банки, разнесенные им вдребезги в детстве.

На Кадьяке ему велели явиться к капитану. Джейми показал свои инструкции, объяснил, что является военным художником.

— Боже, этого еще не хватало! — сказал тот. — Ладно, что вам нужно?

— Точно не знаю, — ответил Джейми. — Я должен зарисовывать то, что вижу.

Ему не хотелось объяснять главную цель: раскрыть то, что он видит. Капитан не показался ему человеком, которому понравится, если его примутся раскрывать.

— Потрясающе. Ну, уж теперь, раз вы тут, они сдадутся немедленно. Валяйте.

Джейми отправил работы, законченные в пути, и приступил к новым, пытаясь не обращать внимания на коченеющие пальцы и немеющие ноги, работая, сколько хватало коротких, холодных дней. Гавань Кадьяка замерзла гладкой плоскостью (титановые белила), оканчивающейся хрустким краем у открытой воды (марс черный). Отламывались и уплывали засыпанные свежим

снегом крупные льдины. Иногда поверхность воды прорезали блестящие черные плавники косаток, похожие на вращающиеся спицы утопленных колес. Приходили рыться в отбросах медведи. У причалов и скал стадами лежали, урчали, кусались морские львы (коричневый Ван Дейк, немного венецианского красного). У самок, меньше и рыжее самцов, были надутые, обиженные морды и полные трагизма черные глаза.

Джейми рисовал слякоть, снег, бараки, ангары, склады, джипы, груды досок. Рисовал траулер, пришвартованный у подводной лодки, эсминец, после метели залепленный снегом по всему борту, два «Лайтнинга Р-38» на фоне заснеженной вершины. Снег был белый, иногда было белым небо, а иногда и море. Ему требовалось больше белой краски, больше серой, синей и охры, а для нежных зимних ночей больше неаполитанской желтой. С возрастом он стал меньше писать акварелью, но вернулся к ней, оставляя сухие, не закрашенные фрагменты листа под снег, добавляя бледные полосы и пятна серого, чтобы наметить размеры гор.

В минуты праздности Джейми чувствовал себя виноватым, чувствовал, что привлекает внимание, хотя, конечно, он привлекал внима-

ние намного больше, когда работал: странный человек у мольберта, фанатик на пленэре, самозабвенно мазюкающий кисточками посреди войны. Именно этого от него требует флот, напоминал он себе. «Верим, мы даем Вам возможность создать летопись, представляющую большую ценность для Вашей страны», — говорилось в письме. Искренне? Иногда Джейми думал, что над ним просто поиздевались.

Он ел мясо, поскольку не видел возможности не есть. Пил, хотя и не очень много.

Пока Джейми не научился крепить доски и холсты, не единожды их с мольберта срывал ветер и, погоняв по грязи, лепил на какие-нибудь колеса или распластывал по стене, размазывая все краски.

Стены бараков внутри сплошь завесили женщинами, полукруглые казармы плотно заклеили улыбающимися кинозвездами и безымянными манекенщицами, как потолки соборов — ангелами и апостолами. Реальных женщин, женщин из дома, хранили в карманах или пришпиливали над койками и умывальниками, будто святых покровителей. Все без конца показывали Джейми своих возлюбленных и жен. С гордостью, волнением. Все переживали, что девушки их

не дождутся, однако сами обычно не отказывались от подворачивающихся возможностей сходить налево. Нужно к кому-то прикоснуться, так они говорили. Вовсе не повод чувствовать себя виноватым.

Там, где обитали медсестры, висели фотографии мужчин в форме. Сестры переживали, что их близкие погибнут, но еще что могут гульнуть.

— Тебя ждет кто-то дома?

Медсестра Дайана показала Джейми фотографию родителей и еще одну — сестры в форме женской Вспомогательной службы сухопутных сил.

— Нет, — признался Джейми. — Вообще никто.

На первой прогулке, когда они оказались с подветренной стороны валуна, он поцеловал ее. На втором свидании, после танцев в офицерском казино, в кабине незапертого бульдозера он засунул руку в ее шерстяные панталоны. Она приподняла бедра, и он стащил штаны, пытаясь не врезаться в разные рычаги и кнопки, наконец втиснулся между ее коленями. Дайана слегка кивнула, и Джейми втолкнулся в нее. Он не был ни с кем много месяцев, все произошло быстро, он выскочил и воспользовался носовым платком. Последовало неловкое прощание, навалилась

грусть, полная мыслями о Саре.

Капитану понравились картины Джейми, и он мрачно спросил, не напишет ли художник гавань лично для него. Когда Джейми принес ему работу, капитан спросил, куда он хочет направиться дальше. На театр военных действий, ответил Джейми, хотя его затошнило от этих слов: веселый, подлый эвфемизм «жестокой смерти». Посмотрим, сказал капитан. Джейми внесли в список пассажиров гидросамолета «Каталина» с лопатообразной мордой, направлявшегося в Датч-Харбор. Они не могли вылететь пять дней подряд, погода стояла ужасная. Три дня им даже не удавалось подняться с земли. Еще два раза они возвращались. Джейми уже не старался попрощаться с Дайаной. На шестой день самолет наконец оказался над океаном, в окна были видны только серые облака, машину трясло, бросало, она с ужасным скрежетом ухала вниз. Джейми, сидя с закрытыми глазами, только прижимал к себе ящик с красками. В Беринговом море почти каждый день тонули самолеты и экипажи, нелетная погода губила их чаще, чем неприятельский огонь. Джейми хотелось, чтобы за штурвалом сидела Мэриен.

В Датч-Харборе, полгода назад разбомбленном

японцами, но большей частью восстановленном, он опять писал и отсылал картины. Самолеты изображал пятнышками в небе, на каждый по паре мазков. Джейми недолго пробыл там, ожидая отправки дальше на запад по дуге Алеутской гряды к Атту и Кыске, крошечным, слякотным, избитым штормами островам в самом конце архипелага, которые в июне захватили японцы. Японцев следовало оттуда прогнать.

С полетом до Адака ему повезло. Он проходил спокойно, а временами даже расходились облака, обнажая острова внизу: крутые, со снежными вершинами, украшенные перьями дыма вулканические конусы плавно спускались к воротникам отвесных скал, обрамленных бахромой волн.

Джейми поселился в бараке с когортой военных корреспондентов. На двери висела табличка «Адакский пресс-клуб».

Военно-морские строительные батальоны заполнили лагуну извлеченным бульдозерами вулканическим пеплом и постелили дырчатую стальную обшивку, соорудив таким образом взлетно-посадочную полосу. После гроз самолеты, отбомбившись, возвращались и садились в стоячую воду. Когда они с сердитым белым

фырканьем врезались в посадочную полосу, пропеллеры поднимали густые облака брызг, так что на виду оставались только нос и края крыльев.

Иногда над лагерем летали японцы, обстреливали, бомбили, но, как правило, не наносили большого вреда. Пули и бомбы поглощала тундра.

— Мы ведь действуем более эффективно? — после одного такого налета спросил Джейми у военного фотографа.

Тот посмотрел на улетающие самолеты.

— М-да, вероятно, их слякоть прострелена сильнее, чем наша.

Однажды, когда Джейми слонялся возле медицинских бараков, из джипа выгрузили человека, раненного осколком бомбы, у него оторвало часть челюсти, форму пропитала кровь. Подбежавший фотограф пригнулся с фотоаппаратом. Загораживаясь от него, раненый поднял липкую красную руку. Джейми зарисовал его по памяти позже, но чувствовал себя при этом отвратительно. Он отметил какую-то беспомощную незащищенность в искореженном теле, приводившую в растерянность очевидность того, что раненый умрет. Человек хотел остаться один.

Джейми приложил к письму Мэриен набросок

самолетов P-40, носовые обтекатели которых разрисовали под пасти рычащих тигров.

> Я бы хотел поговорить с тобой об Аляске, хотя не знаю, имелась ли у тебя когда-либо причина забираться на острова, поскольку раньше тут был один туман, слякоть и топи. Теперь здесь есть гавань и взлетно-посадочная полоса. Палаточный городок. На Атту и Кыску уже приходили какие-то люди, думаю, миссионеры и сотрудники метеостанции, но, похоже, никто не знает, что с ними сталось.

Джейми хотел рассказать Мэриен обо всем принесенном войной на пустынные берега Адака. Бесконечные корабли вывалили все ингредиенты цивилизации, все, чтобы накормить, приютить и развлечь десять тысяч человек. Бараки, ангары, холодильные установки, столовые, кладовки, минно-торпедные мастерские, кинотеатры, спортзалы, хирургические кабинеты. Самая разнообразная техника и все необходимое для ее обслуживания, горы оружия и боеприпасов, инструменты, запчасти. Сутью войны иногда казались скопление и транспортировка материалов, вещей. Он хотел перечислить

Мэриен все эти вещи, поразить ее их количеством, разнообразием и будничностью (взять хотя бы путь одного-единственного консервного ножа), но список никогда не будет полным, ему не добиться цели. Может быть, так и измеряется масштаб войны, мелочами.

Он написал акварелью корабли в гавани и послал Саре, не добавив к рисунку ни слова.

В апреле участились налеты на Японию, наступление представлялось неминуемым. Исходили из того, что Кыска станет первым, поскольку он ближе. По взлетно-посадочной полосе Джейми подбежал к начальнику штаба и высказал пожелание участвовать в наступлении.

— Вы хотите рисовать наступление? — спросил озадаченный начштаба.

— Я должен отображать не только поставки и воздушное прикрытие.

— Десант прибудет из другого места. Здесь они останавливаться не будут, к ним вы присоединиться не сможете. Операция будет быстрая.

— А я не могу полететь на одном из бомбардировщиков?

Над водой плыл туман, и начштаба ткнул в него пальцем:

— Из-за этого дерьма вы почти ничего не уви-

дите. Вы уверены, что не хотите вернуться на Кадьяк? Или отправиться куда-нибудь еще?

Джейми посмотрел, как на берег наползал туман. В войне сторона нейтральная, но могучая. Он окутывал, отсрочивал, заглатывал самолеты.

— Может быть, — ответил Джейми. — Скоро.

Одиннадцатого мая пришло известие: наступление началось. Цель — Атту, не Кыска. Полагали, все займет три дня. На острове находилось всего пятьсот японских солдат.

День шел за днем. Офицеры ходили мрачные. Японских солдат на острове оказалось больше. В разы. Условия плохие, все двигалось медленно.

Через неделю Джейми поднялся в воздух с экипажем бомбардировщика, но начштаба оказался прав: он вообще ничего не увидел. Самолет сбросил бомбы в серую пустоту, просто ради экономии топлива.

— Сраные ушлепки, — выплюнул штурман, и Джейми не понял, кого он имеет в виду: японцев, собственное командование или бомбы.

Его пронзила мысль, что в воздухе их самолет ничем не отличается от исчезнувших. Разница только в шансе на возвращение в Адак. Быть в небе означало быть потерянным для всех кроме себя, и Джейми задумался, не это ли привлекает

Мэриен. А может, она уже не замечает.

В Токийском заливе собралась армада: транспортные корабли, линкоры, эсминцы и т. д., все нацелились на Алеутские острова, чтобы загнать американцев обратно на континент. Флотилия так и не вышла из порта. Могла. Но не вышла.

Через две недели стало известно, что к гавани, откуда отступили японцы, приблизилась пехота. Начштаба прошел мимо Джейми, рисовавшего у берега, затем, чавкая ботинками по грязи, вернулся.

— Сегодня позже сюда зайдет судно, потом оно отправится на Атту пополнить им запасы, — сказал он. — Если вы не передумали, могу организовать. Возможно, успеете к последнему рывку. Ну как?

Так Джейми оказался на корабле, а на следующее утро уже плыл на десантном судне, пыхтевшем в прослойке чистого воздуха между низким туманом и серебристой водой. Потом его ждал мрачный серый пляж, изрытый воронками после артобстрела. В рюкзак он уложил спальный мешок, паек и запасную пару носков, на одном плече висел ранец с карандашами, акварельными красками и блокнотом, а на другом винтовка и снаряды. На песке стояли три трактора. Он

помог загрузить их припасами, а затем с отрядом из восьми-десяти человек пешком двинулся следом. Они шли много часов. Грузовик и тракторы их обогнали, но по колее шлось легко. Один раз он попытался что-то зарисовать, однако ему объяснили, что останавливаться опасно, лучше двигаться дальше.

Наконец показался тыл: островерхие палатки посреди слякоти и сфагнового мха в пологой долине, над которой высились исчерченные снегом вершины гор. Вдоль дороги Джейми увидел тела японских солдат, конечности выступали под странным углом, а иногда поверх месива торчал один шлем. Найдя в походном лагере командующего инженерной ротой лейтенанта, он представился военным художником («Каждый день что-нибудь новенькое», — буркнул тот) и заявил, что хочет на фронт. В данный момент даже идти некуда, получил он ответ. Авангард удерживает позиции.

— Чувствуйте себя как дома. — И лейтенант обвел рукой палатки: — Отведайте все прелести Атту.

* * *

Вечером японские солдаты цедили неподалеку саке. Они провели в тундре год, и у них кончались запасы. Какое-то время стояла почти сплошная ночь, теперь почти сплошной день. Постоянный туман, жуткий ветер. Японский полковник отказывался капитулировать. Оборонительные сооружения американцев в долине были слабые, но за ними на склоне холма стояла батарея гаубиц. Если бы полковник ее захватил, то мог бы обернуть орудия на американцев. План отчаянный, почти невыполнимый, но попытка вызвала бы восхищение.

Осталась тысяча человек. Они прыгали, кричали, топали. Раненым всучили пистолеты, и те, как было велено, застрелились в голову. Тех, кто не мог, приканчивали инъекциями морфия или, когда иссякало терпение, гранатами. Они пили еще все, что могли найти.

На рассвете полковник приказал атаковать американские позиции. Джейми проснулся от криков. Человека, лежавшего рядом с ним, закололи штыком, но его пропустили. Он выбрался из спального мешка и побежал вверх по склону с винтовкой, подальше от неразберихи. Гранаты

метали вверх брызги земли. Джейми чуть не свалился в окоп, уже занятый телом давно мертвого японца.

Неподалеку трое японцев перерезали тросы у палатки, где размещался медпункт. Брезент рухнул, покрыв мечущиеся на кроватях тела. Японцы принялись закалывать раненых. Потом Джейми вспомнит давнишнюю избитую собаку под одеялом, но сейчас, поднимая винтовку и прицеливаясь, он не думал ни о чем. Первому японцу Джейми попал в затылок. Тело подалось вперед, как будто его дернули за веревку. Второму пуля прошила плечо, скрутив так, что он присел. Пока он стоял на коленях, зажимая одной рукой рану, Джейми выстрелил ему в грудь. Третий растерянно оглядывался по сторонам. Как заметил Джейми, его единственным оружием был привязанный к палке штык; он бросил его и стоял, смотря на горы, пока очередной выстрел Джейми не пробил ему лоб.

Отложив винтовку, Джейми достал из нагрудного кармана маленький блокнот и карандаш. Рука сильно дрожала.

Через некоторое время японцы, похоже, потеряли чувство цели и, бестолково размахивая оружием, заметались в разные стороны, как пес-

кари. Кто-то, отбирая у мертвых паек, давился шоколадными батончиками. Они передавали по кругу сигаретные пачки, закуривали. С холма доносился гул сражения, но в низине все разбились на группки, будто на вечеринке. Японцы снимали с поясов гранаты, стучали ими по шлемам, чтобы привести в действие, подносили к подбородку или животу. Стремительные всплески крови. Рассеявшийся, словно завеса фокусника, дым обнажил тела, недавно целые, живые, а теперь безголовые, безрукие, вычерпнутые в середине.

Сидя в окопе, Джейми рисовал, рисовал, только позже осознав, что покрыл страницы несуразными каракулями и кляксами, не имевшими никакого смысла.

Ратклифф Холл, Лестершир, Англия
Март 1943 г.
За два месяца до Битвы за Атту

Два длинных два коротких. Один короткий два длинных. Один длинный. Один короткий один длинный один короткий.

З — В — Т — Р. Завтра.

Мэриен лежала в кровати и представляла, как Рут, лежа точно в такой же кровати, выстукивает одним пальцем. Завтра… Лндн… ужн с Эд…

пжст… Хчшь?..

Тишина. Рут заснула? Забыла Морзе? Мэриен, прижав ладонь к холодной штукатурке, ждала. Наконец отбила указательным пальцем:

Хчшь что?

Ответ: пзнкмться.

В январе, прибыв в Ратклифф Холл, Мэриен узнала, что его называют не усадьбой, не дворцом, а «большим домом». Здесь квартировала еще одна английская летчица и трое мужчин, двое из них американцы, но Мэриен, напуганная роскошной обстановкой и быстрой болтовней соседей, держалась в стороне. Ей выделили одну из комнат над гаражом, во всех них имелась такая роскошь, как обогреватели и горячая вода. Тут были и теннисные корты, и площадки для игры, как она узнала, в сквош. Дворецкий чистил пилотам ботинки, ужин — с вином и элем — накрывали в обитой деревянными панелями столовой. Иногда, без предупреждения, за столом появлялись знаменитые друзья хозяина, сэра Линдси Эверарда.

Сэр Линдси являлся наследником пивоварного состояния и владел соседним аэродромом, который отдал в распоряжение Вспомогательного транспорта. Сам он не летал, однако являлся

большим энтузиастом авиации, коллекционером пилотов и аэропланов, судя по всему, радуясь тому, что война привела к его порогу такое множество и тех и других.

На аэродроме яблоку негде было упасть от пестрого ассортимента королевских ВВС, хотя Мэриен, еще не имея лицензии на все типы самолетов, в основном совершала транспортные полеты и перегоняла «спитфайры», выходящие с конвейера завода, расположенного у Касл Бромвича. Реже она забирала «оксфорды» в Ансти, «дефайанты» в Уолверхэмптоне и летала в ремонтные подразделения Котсволдса.

По крайней мере, должна была летать, поскольку густой промышленный смог, висевший над центральными графствами, по утрам, как правило — чаще всего, — прижимал пилотов к земле. Иногда они не могли вылететь по три дня, хотя из Касл Бромвича поступали все более настоятельные требования забрать накопившиеся новенькие, блестящие «спиты». Когда Мэриен удавалось выполнить поставленную задачу и закончить до темноты, транспортный самолет доставлял ее обратно в Ратклифф, однако она могла вернуться и поездом, а могла и столкнуться с необходимостью искать жилье там,

где очутилась, что оказывалось не всегда легко, а подчас и невозможно. Нередко в глухих незнакомых городках в поисках места, где заночевать, ей приходилось таскать с собой сумку с самым необходимым на ночь и парашют.

* * *

Как-то ночью, в феврале, грязная после перегонки одного «спита» в Брайз Нортон, а другого оттуда в Косфорд, Мэриен вернулась в Ратклифф и заметила, что дверь в соседнюю комнату открыта. Она заглянула. Какая-то женщина, склонившись, распаковывала чемодан. Мэриен замерла, радость поднялась в ней, она не успела ее подавить.

— Рут! — воскликнула она.

Рут выпрямилась с платьем в руке и прохладно улыбнулась:

— Мне сказали, ты в соседней комнате. Я спрашивала, можно ли куда-то еще, но больше ничего не было. Так что виноват Вспомогательный транспорт.

Рут просилась в Хамбл, не в Ратклифф. Но ее взяли на место англичанки, которая уехала получать лицензию на двухмоторные самолеты.

— Не волнуйся. Я не буду мешаться под но-

гами.

— Я рада твоему приезду, — беспомощно пробормотала Мэриен.

Она не отдавала себе отчета в том, как несчастна, но волна радости при виде Рут принесла облегчение, словно противоядие.

— Не знаю, что тебе ответить. — Рут с грохотом повесила платье в шкаф. — Ты совсем меня бросила.

— Прости… Правда, прости.

— Прости? Прекрасно, конечно, но думается, ты должна мне кое-что объяснить.

Мэриен помялась. Она не могла сказать Рут правду, но не хотела врать.

— Ты веришь мне, сможешь простить, даже если я ничего не стану объяснять? Ты права, я повела себя ужасно. Причина есть, но ты можешь поверить, что это не важно?

Рут опять смерила ее взглядом, прикидывая степень искренности:

— Посмотрим.

Несколько дней обе испытывали неловкость, но потом все стало как вначале, даже лучше, они больше радовались друг другу. Рут призналась, что ей тоже было одиноко.

Присутствие Рут заметно оживило обеденный

стол в Ратклиффе. Она без оглядки бросалась в разговоры, а когда через неделю после ее приезда зашла речь о лыжах (Мэриен подозревала, что Рут каким-то образом подвела к ним разговор), сказала:

— Мэриен, расскажи, как взлетать со слякоти.

И ей оставалось лишь описать, как она болталась из стороны в сторону на своей старой «Белланке», пытаясь сбросить с лыж вонючую грязь Валдиза.

— А зачем вообще лыжи, если нет снега? — поинтересовался сэр Линдси.

Мэриен объяснила, что летала на высокогорные рудники, где приходилось приземляться на глетчеры даже летом. Сэр Линдси проявил столь явный интерес и, неуклонно ведя ее от одного случая к другому, задавал столь подробные вопросы, что она почти не заметила, как стала чуть не душой компании, держа в восхищении весь стол. Правда, когда после рассказа о том, как сильный порыв ветра снес ее с ледника, наконец ненадолго воцарилось изумленное молчание, Мэриен смущенно замолчала и принялась сосредоточенно пилить мясо. Сэр Линдси обернулся к Рут:

— Вы разморозили нашего сфинкса. Отличная

работа.

* * *

Мэриен избегала знакомства с Эдди, уклонялась от других приглашений Рут, но, до того как через стену пришло сообщение, переданное азбукой Морзе, прямой просьбы не поступало. До тех пор, если Эдди оказывался в Лондоне, Мэриен извинялась и уезжала на мопеде в Лестер, Ноттингем или еще куда-нибудь. Если же выяснялось, что Эдди не может отлучиться, Мэриен ехала в город с Рут, они шли в клуб Красного Креста, и все продолжалось как прежде — ужин, кино, игры, коктейли, танцы.

Но сейчас Мэриен не могла отказаться. В вопросе о продолжительности жизни члены экипажей истребителей не могли ожидать слишком многого.

Она подняла палец и отбила ХРШ.

Эдди ждал их в «Савое». Мэриен крепко пожала ему руку, посмотрела в глаза. Он был очень высоким, с продолговатой прямоугольной, как у лошади-тяжеловоза, головой, под тяжелыми бровями светились теплые глаза.

— Я уже давно хотел подружиться с вами. — Улыбаясь, он неизменно обнажал длинные

редкие зубы. — Мало кто приводит Рут в восторг.

— Ты ей совсем вскружишь голову. — Рут прижалась к его плечу.

— До войны, — начал Эдди, ведя их к «Американскому бару», — я бы ни за что не осмелился зайти в эту гостиницу, боялся своей сиволапости, но, судя по всему, коли летаю над Германией, то могу выпить, где хочу. Помогает. — Он указал на свой мундир оливкового цвета с серебряными крылышками штурмана: — Не надо ломать голову, что надеть.

Мэриен кивнула. Ее собственная синяя форма тоже казалась броней, объяснением на все случаи жизни.

Рут пихнула ее в спину:

— Тебе сегодня придется поговорить, Мэриен, а то Эдди решит, что я рассказывала ему сказки.

— Я вас понимаю. — Мэриен вспомнила, как Джеки обругала ее за явку на собеседование в летном костюме. — Хорошо быть вне всякой критики.

— Именно! — воскликнул Эдди. — Знаете, я даже боюсь признаться, как мне нравится Лондон. Зажигательная здесь атмосфера, правда? Все отклонились от курса. Вы меня понимаете? Наверное, когда людям все время напоминают, что

можно умереть — что умрешь, — они больше стараются быть живыми. Вы так не думаете?

Все заказали по коктейлю, и Эдди рассказал историю о том, как однажды, когда его самолет уже приблизился к цели, стрелок заснул в своей турельной установке, свернувшись калачиком в пузыре из стали и плексигласа под брюхом B-17.

— Не понимаю, как можно спать, вися в небе, но наш парень может спать везде. Он этим знаменит.

— Мэриен тоже может спать везде, — рассмеялась Рут.

Эдди приподнял бровь:

— Вот как? В чем ваш секрет? Я ужасно сплю.

— Закончите историю, — попросила Мэриен.

— В общем, мы не поняли, он просто как-то затих, оказывается, заснул. Он сказал, что проснулся, только когда по-настоящему загрохотали зенитки, а потом, — Эдди изобразил человека, который, только очнувшись ото сна, шатается и хлопает глазами, — крутанулся и тут же — тут же — уложил «мессершмитт». Мы вернулись живые и здоровые — слегка, правда, продырявленные. Стрелок рассказал, ему снилось, как он метко попадает в самолет, и только он проснулся,

все стало явью. — Эдди нагнулся, переводя веселый взгляд с Рут на Мэриен: — Странно, правда? Должен вам сказать, засыпая, мы все в ту ночь напряженно думали о том, что хотим увидеть во сне, на тот случай, если заразно — когда сны сбываются.

— Надеюсь, тебе снилась воздушная база в Англии, — лукаво прищурилась Рут.

Очаровательный. Мэриен нашла слово для Эдди. Мэриен встречала не так уж много очаровательных людей, по крайней мере обладающих таким легким, щедрым, теплым обаянием. Рут смотрела на Эдди, и Мэриен поняла, что она его любит.

— Мэриен, если бы захотела, легче легкого могла бы заснуть в пузыре, — махнула рукой Рут.

Эдди спросил:

— А какое самое невероятное место, где вы спали, Мэриен?

Рут с надеждой ждала, что Мэриен сейчас изумит, поразит, и та уже чувствовала свое поражение. Ей не стоит даже пытаться соревноваться с Эдди. И все-таки она решила не быть скучной.

— Как-то на Аляске мой самолет упал в реку, довольно глубоко, в кабину набралась вода. До утра помощь подоспеть не могла, и я спала на верху

самолета. — Она ссутулилась, теряя обороты. — Это случилось летом. Не так страшно, только вот комары.

— Расскажи про медведя, — попросила Рут.

— Медведь приходил, — совсем приуныв, пробормотала Мэриен. — За рыбой.

— Гризли, — уточнила Рут.

— Вы всегда были такой смелой? — спросил Эдди. — Какой вы были в детстве?

Мэриен подумала и ответила:

— Наивной. Одержимой. Косила под мальчика.

Эдди широко улыбнулся.

* * *

Ужинать они отправились в греческий ресторан.

— В размерах есть что-то потрясающее. — Эдди рассказывал о Гренландии, над которой штурманом летел из Штатов на новеньком B-17. — Видишь только лед. Белый до горизонта. Мои карты с таким же успехом могли быть пустыми страницами.

Мэриен глодала едкая зависть. Она завидовала Эдди и из-за Рут, и из-за Гренландии. Она помнила гравюры из отцовских книг с изображениями айсбергов и китобойных судов.

— Однажды я вылетела из Барроу, — сказала она, — на самом верху Аляски, и полетела над торосистым льдом. Я с трудом заставила себя вернуться. Было что-то… — Она умолкла, не зная, как выразиться.

— Гипнотическое, — помог Эдди. — На меня пустота оказала гипнотическое воздействие.

— Да, — кивнула Мэриен. — Именно так.

— Мэриен всегда доходит до самого края, — вставила Рут. — Тут ничего не поделаешь. По-моему, весь этот лед ужасен. Там даже людей нет.

— У берегов живут, — уточнил Эдди.

— Выносливый, должно быть, народ.

— В безлюдье отчасти и состоит привлекательность, — предположила Мэриен.

Эдди поднял стакан:

— За безлюдье.

Выйдя из ресторана, они очутились в полной темноте, как будто упали в подводную пещеру. Зрению Пикадилли не давала ничего, зато остальным чувствам — с избытком. Кругом толкались тела. Солдаты и женщины смеялись, улюлюкали, проносясь мимо на машинах, как летучие мыши.

Рут держала Мэриен за руку, а той шум, движение, веселье показались другой формой тишины,

ожидания. Ждали все. Стопки, чтобы опрокинуть. Поцелуя, касания. Рассвета. Сна. Обязанностей, которые опять нужно выполнять. Ждали, что будет продолжаться война, ждали, когда она закончится, если когда-нибудь закончится. Ждали, когда произойдет то, что должно произойти.

Через дверь и темную бархатную завесу маскировочных штор Эдди провел их во влажный пузырь жизни. Множество людей в военной форме скользили, скакали на танцплощадке, напоминающей пятнистый от разноцветных огней ковер водорослей на волнах. Помимо сигаретного дыма, воздух был напитан кисло-сладким запахом, как будто и люди находились в процессе брожения. На сцене блестели валторны, им отвечали ныряющие скрипки, певец, нахмурив брови, вцепился в микрофон, словно невидимый коготь выдирал из него песню. Друзья поднялись на галерею. Эдди как раз описывал вид, открывающийся со штурманского места, расположенного в плексигласовой носовой части бомбардировщика.

— Иногда похоже на розетку собора, — принялся он перекрикивать оркестр, когда они уселись на банкетку, — а иногда на врата ада.

Кружок неба и облаков, появляющиеся из ни-

откуда вспышки зениток, будто черный попкорн. Сотни бомбардировщиков в боевом порядке, самолеты, превращающиеся в горы дыма и огня. Иногда один, сгорая, падал на другой. В самолетах бывало так холодно, что кожа прилипала к приборам. Летчики слоями надевали одежду и обмундирование, становясь огромными, как валуны. Внизу проносилась вода, узкие заболоченные берега, потом геометрия человеческой жизни: поля, дороги, крыши. Они бросали на них бомбы. В дни вылетов на завтрак давали настоящие яйца, не порошок.

Рут, сидя между ними на изогнутой банкетке, привалилась к плечу Мэриен. Мэриен удивилась, почему она не прильнула к Эдди? Пару раз зимой они с Калебом и Джейми ездили на горячие источники возле Миссулы, и погруженность в тепло, в то время как щеки горели от холода, а глаза слезились от ветра, напоминала теперешнюю, она купалась в удовольствии от близости Рут, а руки и ноги оставались открыты холодной полосе неба Эдди.

— Хватит, — перебил сам себя Эдди. — Мэриен, я все думал, как вам пришло в голову летать?

— Просто хотелось. Так ведь бывает почти со всеми, разве нет?

— Но что-то все-таки подтолкнуло?

— Гастролеры, — пихнула ее Рут.

— Да, — неохотно протянула Мэриен. — В детстве я познакомилась с гастролерами.

— В тот самый день, когда Линдберг перелетел через Атлантику, — вставила Рут. — Судьба. — И она дала знак официантке повторить.

— И что потом? — спросил Эдди.

Обычно Мэриен уходила от ответа на этот вопрос. Обстоятельства ее жизни казались слишком необычными, чтобы о них рассказывать, слишком пропитаны стыдом, со всеми последствиями, а она сомневалась, что сможет внятно все объяснить. Но вдруг ей расхотелось молчать или ограничиваться уклончивыми фразами. В разгар войны последствия ее тайн значения не имели. И она сказала:

— Мне уже в детстве пришлось зарабатывать деньги, чтобы научиться летать. Я отрезала волосы, стала одеваться как мальчик, и меня стали брать на разные работы.

— И вам удавалось всех одурачить?

— Кого-то да. Кто-то вообще невнимателен, ни на что не смотрит. А кто-то, наверное, предпочитал не всматриваться. В Миссуле никого особо не удивляли люди, живущие на обочине.

И она рассказала, как собирала бутылки, развозила заказы для мистера Стэнли, о Уоллесе, его пьянстве и азартных играх.

— А потом появился человек, который изъявил готовность платить за уроки пилотирования.

Эдди заинтересовался:

— Почему?

— Оказалось, он хотел на мне жениться.

— И как ты из этого выпуталась? — спросила Рут.

Мэриен заставила себя посмотреть Рут в глаза.

— Я не выпуталась. Я вышла за него замуж. В конце концов.

— Ты вышла замуж?! — Рут отпрянула — возмущенная, потрясенная. — Ты говорила мне, что никогда не собиралась ни за кого замуж!

— Я врала. Не люблю его вспоминать. Не самый приятный человек.

Мэриен посмотрела на танцующих внизу. Они с Баркли танцевали один-единственный раз, по дороге в Англию, во время медового месяца. Вообще Баркли танцы презирал, но в тот вечер шторм утих, и после ужина он повел ее в бальный зал. Пол под ногами поднимался и опускался вместе с волнами, будто кто-то дышал.

— В любом случае он уже умер.

— Но кто он был?

Мэриен ничего не ответила. Как можно объяснить, кто был Баркли?

Теплые, печальные глаза Эдди смотрели на Мэриен.

— Мы и так слишком долго приставали к Мэриен. Теперь пошли танцевать, — Эдди встал и протянул руку Мэриен.

— Так вы оба меня бросаете? — спросила Рут. — Выпить еще не принесли.

— Рути, насколько я тебя знаю, у тебя никогда не было проблем, с кем потанцевать, — сказал Эдди.

* * *

Выйдя опять в ночь, Мэриен обернулась, чтобы быстро попрощаться с Рут и Эдди и бежать от того, как они вместе уходят. Чья-то коротко заалевшая сигарета высветила их объятие. Они не целовались, но стояли, крепко прижавшись друг к другу. Зажигалка щелкнула и потухла, тьма поглотила все. Рут окликнула Мэриен.

— Я здесь, — отозвалась она.

— Где?

— Прямо тут.

Рут взяла ее за руку:

— Пойдем. Ненавижу прощаться.

— Почему ты не идешь с ним?

— А ты хочешь, чтобы я ушла?

— Не понимаю.

— А я не понимаю, почему ты соврала мне про замужество.

Они немного прошли по улице в сторону клуба Красного Креста.

— Разве ты его не любишь? — спросила Мэриен. — Судя по всему, любишь.

— Конечно, люблю. Это же Эдди. Как его можно не любить? Ты разве своего мужа не любила?

Сквозь облака просачивался рассвет. Все очертания сливались в разной плотности тени.

— Под конец ненавидела.

— А вначале?

— Вначале, может быть.

— Ты могла просто сказать, что была замужем. Не такая уж ты особенная, что все вокруг тебя должно быть тайной.

— Я не считаю себя особенной.

— Считаешь, — хмыкнула Рут. — Поэтому можешь бросить человека, а он все равно к тебе вернется, и ты это знаешь. Ты права. Я приползла, стоило тебе щелкнуть пальцами.

— Все совсем не так.

— Тогда объясни как.

— Почему ты не хочешь рассказать мне про Эдди? Вы разве не спите?

— Тебе-то что за дело, Мэриен? Ой!

В сумерках Рут споткнулась о вытянутую поперек тротуара солдатскую ногу и с силой шлепнулась на четвереньки.

— Ой! — повторила Мэриен и присела возле Рут. — Ты в порядке?

Рут села, отряхнув руки.

— Да, но больно.

Пьяный не двигался, и Рут пнула его в ногу. Он пошевелился и слегка распрямился.

— Похоже, не труп, — заключила Рут.

— Пойдем, чтобы об тебя никто не споткнулся.

Мэриен взяла Рут за руку и подняла с тротуара. Они сели на низкие гранитные ступеньки под какой-то дверью. Мэриен уловила запах мочи, дыма и утренней влаги. Ладони у Рут расцарапались, чулки разодрались на коленях, текла кровь. Мэриен нежно взяла ее руку, перевернула и поцеловала костяшки, чувствуя себя «спитфайром», слишком долго ждавшим на земле. Надо двигаться, действовать, иначе она могла взорваться.

— У нас с Эдди немножко не так, — сказала Рут. — Мы любим друг друга, но мы разные. Мы

не… У нас не романтичные отношения. Иногда проще быть замужем, потому что замужние и женатые кажутся такими же, как все остальные. Никто ни о чем не спрашивает. Или не часто. Ты понимаешь, о чем я?

— По-моему, да.

Мэриен, чуть помедлив, наклонилась и поцеловала Рут. Та ответила не задумываясь. В некоторых отношениях это был обычный поцелуй — влажный рот, слепота.

Раздался свист, и они отпрянули друг от друга. К ним, пошатываясь, подошел глумливо ухмыляющийся американский летчик.

— Для меня местечко найдется?

— Ни сантиметра, — отрезала Рут. — Шагай-ка домой.

— Ладно, девочки, будьте людьми.

Мэриен встала и потянула за собой Рут. Когда они торопливо шли по улице, держась за руки, Рут вдруг охнула, как будто что-то вспомнила.

— Что? — спросила Мэриен.

Рут подняла расцарапанную падением руку, которую держала Мэриен.

— Ты делаешь мне больно.

Мэриен неосознанно стиснула ее.

— Прости. — И она опять поцеловала костяш-

ки.

— Светает, — сказала Рут, мягко убирая руку. — Нас могут увидеть.

Ратклифф Холл, Лестершир, Англия
Апрель 1943 г.
Месяц спустя после знакомства Мэриен с Эдди, за месяц до Битвы за Атту

— Ты что-нибудь слышала про ночных ведьм? — спросила Рут, перевернувшись на спину в кровати Ратклифф Холла.

Мэриен покачала головой. Она втиснулась между Рут и стеной, оперлась на локоть, а другой рукой гладила живот Рут под одеялом.

— Русские летчицы на старых бипланах, — продолжила Рут. — Их целый полк. Летают по ночам над Германией и руками бросают бомбы. Вырубают двигатель и со свистом несутся в темноте, как летающая метла. Гибнут, конечно, бешено.

— По крайней мере, делают что-то полезное.

— Мы тоже.

— Я в основном болтаюсь в ожидании, что небо прояснится.

— Это полезно, — сказала Рут и потянула руку Мэриен. — Может, мы тоже ночные ведьмы.

Мэриен улыбнулась и вернула руку в прежнее положение.

— Меня на Аляске звали ведьмой, в шутку, поскольку я могла долететь куда угодно даже в нелетную погоду.

Но она вспомнила и Баркли, как он наполовину поверил в то, что она якобы заговорила матку.

— Просто тебя боялись.

— Может быть. — Она провела пальцем под грудью Рут, и та приподняла ребра. — Как ты думаешь, другие девушки из Транспорта тоже?

— Да. Ладно, не знаю. Могу назвать парочку, которая точно хочет, знают они сами или нет. — Рут улыбнулась, но потом посерьезнела. — От девушек ждут, что им должны нравиться мужчины, и большинство из них никогда не задумывается, а действительно ли это так. Разве у тебя иначе?

Она умоляюще ждала утвердительного ответа. Похоже, Рут все искала у Мэриен заверений, что той не нравятся мужчины или хотя бы что она предпочитает Рут.

— Пожалуй, — сказала Мэриен. — Вроде того.

— Всегда попадались такие девушки, как мы, прятались по углам и закоулкам.

— Я точно не знаю, какая я девушка.

У нее были трудности со словом «девушка», хотя «женщина» применительно к ней тоже казалось не совсем точным. «Женщина» вроде бы

означало человека со сковородками и ниткой жемчуга.

— Люди редко выходят за рамки общепринятого. Я говорила тебе, как называлась моя школа? Успения Богородицы.

— Говорила.

— Монахини только и твердили нам, что грех подпускать к себе мальчиков. И никогда ничего про девочек. — В шутливости Рут проскальзывала язвительность.

— Мне кажется, ты с самого начала знала себя лучше, чем большинство людей.

— Может быть. Но отчасти обычное упрямство.

Рут рассказала Мэриен, что с детства знала о своем предпочтении женщин. Маленькая проныра, достаточно сообразительная, держала рот на замке и понимала, как получить желаемое так, чтобы ее не выгнали из католического прихода в маленьком городке Мичигана, где в ходу еще были вилы.

— Эдди тоже знал?

Поскольку Мэриен наконец поняла природу брака Рут.

— Я бы не хотела говорить за него. — Молчание. — Подумай, сколько всего должно было случиться, чтобы мы с тобой встретились.

— Ну, война.

— Что, конечно, полностью нас оправдывает.

Рут, раздираемая мрачным смехом, громко хохотнула, и Мэриен шикнула на нее. Они посмотрели друг на друга, прислушались, но из других комнат над гаражом не доносилось ни звука.

— Никому и в голову не придет, почему я здесь, — прошептала Рут. — Просто две девчонки заболтались допоздна.

Верно. За месяц, прошедший с первого поцелуя, каждую ночь, когда обе ночевали в Ратклиффе, они оказывались в постели то одной, то другой. Гостье рано или поздно приходилось возвращаться к себе — служанка по утрам разносила чай, — но до сих пор, по-видимому, никто ничего не заметил.

Однажды по счастливой случайности их вместе откомандировали в Лоссимаут, и они нашли постоялый двор, где суровая хозяйка резко предупредила:

— Вам придется поселиться в одной комнате. Боюсь, будет тесно.

— Думаю, устроимся, — согласилась Рут. — Раз надо.

От изобретательности, от недостатка воображения у мира становилось весело, тут Рут

не было равных, хотя Мэриен знала, что ей тоже противна необходимость хранить тайну. Их начали спрашивать, не сестры ли они, хотя девушки ничуть не походили друг на друга: Рут невысокая, пышногрудая, темноволосая; Мэриен высокая, худая, белокурая.

— Они подмечают близость, — сказала Рут, — но не знают, как ее объяснить, поэтому приходят к единственному умозаключению, до которого могут додуматься.

Да, любила повторять Рут, мы сестры.

Не то что Мэриен могло прийти в голову похваляться их отношениями. Она не собиралась писать Джейми, рассказывать ему о своей влюбленности, так как ни одной клеточкой не хотела столкнуться с его удивлением, ужасом. Вряд ли он осудит ее за безнравственность — будучи художником, Джейми знавал самых разных людей, — но она боялась, ему станет неловко и между ними возникнет трещина. И эта трещина будет углубляться, расширяться и, наконец, превратится в пропасть — большую, чем гигантский клин планеты, уже их разделявший. Он невольно примется воображать, чем они занимаются с Рут, и Мэриен боялась, что в нем неминуемо возникнет отвращение, плесенью

покроющее ее образ.

Она не могла сказать, что открыла в себе пристрастие исключительно к женщинам, однако не стала бы с уверенностью утверждать, что предпочитает мужчин. В данный момент она выбрала бы Рут из всех, и все же ей не хватало, чуть-чуть, обязательной диспропорции силы в отношениях с мужчинами, тяги к подчинению, к тому, чтобы твою осаду прорвали, к желанию твердости плоти. Она гнала мысли о Баркли. Когда она бывала с другими мужчинами, даже с Калебом, Баркли отдавался в ней эхом, иногда еле слышно, а иногда громко, заставляя ее содрогаться всем телом, как будто выстрелили в каньоне, что ты ошибочно считал пустым. С Рут она не слышала никакого эха. С Рут было больше равенства и, на удивление, больше тела, движимого жадной изобретательностью, слепой решимостью слиться воедино.

* * *

Когда позволяли обстоятельства, они ездили в Лондон к Эдди. Мэриен ныряла в переполненные, прокуренные помещения, шумные от джаза и забродившие от пролитого алкоголя, и ее охватывало то же головокружительное, бешеное

возбуждение, как в детстве, когда они с Джейми и Калебом пускались в приключения: буйная радость, усиленная заговорщической природой их треугольника. Рут рассказала Эдди, что они пара, Мэриен знала, и Эдди отреагировал едва заметно, окружив Мэриен дружеским, братским теплом. Наверное, у него должны быть свои отношения. Разве можно смотреть на самолеты, такие, как его, с товарищами за штурвалом, которые горели и падали, и не искать удовольствия, облегчения, уюта, жизни?

— Знаешь, Мэриен спасла мне жизнь, — сообщила Рут как-то вечером, отхлебнув коктейль и эффектно приподняв брови.

Они отмечали возвращение Эдди из пятнадцатого налета. Если он останется в живых после двадцати пяти, то сможет вернуться домой. Эдди посмотрел на Мэриен с мягким любопытством. Все постоянно спасали друг друга.

— И каким же образом?

— Не смотри на меня, — сказала Мэриен. — Я не понимаю, о чем она.

— Вчера я летела на «Фэрчайлде» из Уайт Уолтема в Престон. — Рут протянула через стол руку и, коснувшись локтя Эдди, продолжила сладким голосом школьной учительницы: — Ты, может

быть, не в курсе, но, чтобы добраться туда, надо пролететь по ливерпульскому коридору. Ты знаешь, что это такое?

— Уверен, ты мне сейчас расскажешь, — весело предположил Эдди.

— Это полоса воздушного пространства шириной в две с половиной мили между ливерпульскими и уоррингтонскими заградительными аэростатами. В общем, я уже зашла туда, как вдруг из ниоткуда появились облака. Правда, из ниоткуда. Только что было чистое небо, а через минуту сплошная белизна. Как выяснилось, важна точка конденсации. Такое странное явление.

— И Мэриен изменила точку конденсации? — спросил Эдди. — Она богиня погоды?

— Почти.

— Тогда Мэриен, наверное, солнце. Прилетела и выжгла облака.

— Нет, но она немножко научила меня идти по приборам.

— Да ты меня совсем не слушала! — воскликнула Мэриен и объяснила Эдди: — Она разрешала мне говорить только в пабах и все время отвлекалась. Мне с большим трудом удалось хоть что-то ей рассказать.

— Ты учила, что, попав в облако, надо переве-

сти аэроплан в горизонтальный полет, вернуться на прежний курс, очень медленно, полого развернуться в обратную сторону, а затем попытаться нырнуть под облако.

— Тебе любой бы так сказал.

— Но никто кроме тебя не потрудился. В общем, я так и сделала, однако опустилась до пятисот футов, а туман ничуть не рассеялся. Тогда я решила подняться, но облако тоже поднималось. Я дошла до семи с половиной тысяч и все еще торчала в облаке.

— Надо было катапультироваться, — подсказал Эдди.

— Я думала и, наверное, прыгнула бы, но, опаздывая, не успела переодеться в брюки. На мне осталась форменная юбка, и, между нами, закончилось чистое белье, поэтому я не надела трусы. — Рут посмотрела на друзей: — Вы понимаете сложность?

— Рут, — заметил Эдди, — когда приходится выбирать между смертью и прыжком без нижнего белья, я бы решился на второе. Я даже удивлен, что ты не воспользовалась возможностью оказаться в центре скандала.

— Я тоже, — задумчиво кивнула Рут. — Задним числом мне кажется, я не хотела демонстриро-

вать собственную беспомощность. В общем, я… ну, полетела дальше, надеясь, что откроется дыра.

— Я сейчас лопну от любопытства, — улыбнулся Эдди, — хотя, судя по всему, ты выжила.

— Увидела, что рассеивается. По крайней мере, мне так показалось. Могла и придумать. Я представления не имела, где нахожусь. Нырнув, могла влететь прямо в аэростат или склон горы.

Рут замолчала.

— Ты перенервничала. — Эдди взял ее за руку.

— Конечно. Еще как. — Голос Рут дрожал. — Знаете, когда такое случается, ты настолько сосредоточен, что почти ничего не чувствуешь. Зато потом бьет, как будто ты замерз и никак не можешь согреться.

— Мэриен, дай мне какой-нибудь совет, — попросил Эдди. — Любой. На удачу. Что мне надо знать? Что спасет мне жизнь?

— Могу только повторить. Просто здравый смысл.

— Это не совет. Давай еще.

Мэриен подумала.

— Мой первый учитель говорил, что нужно научиться понимать, когда не обращать внимания на инстинкты; идти у них на поводу, когда

хочется сопротивляться, и, наоборот, сопротивляться, когда хочется поддаться. Хотя вообще-то он не очень много разглагольствовал об авиации. И скоро погиб. В авиакатастрофе.

Эдди рассмеялся:

— Мой сильнейший инстинкт советует мне не обращать внимания на твой совет, хотя, возможно, это означает, что я должен его принять. Задала ты мне задачку.

* * *

Через неделю: слухи, что сбили самолет Эдди. Ему присвоили статус пропавшего без вести. Рут лежала на кровати, телеграмма валялась на полу.

— Семнадцатый вылет, — сказала она Мэриен, которая сидела рядом и гладила ее по спине. — Как они могут считать, что кто-нибудь останется в живых после двадцати пяти? Бесчеловечно. Ты бы видела, как они на меня смотрели, когда пришла телеграмма. Как будто я слишком бесчувственная, чтобы плакать. Почему здесь никто не плачет?

— Все боятся заплакать и уже не остановиться.

Через несколько дней, перегоняя «спитфайр», Рут отклонилась от курса и, сославшись на тех-

ническую неисправность, села на базе Эдди. В ангаре и диспетчерской приставала с расспросами ко всем, кого могла найти. И узнала, что члены других экипажей, прежде чем самолет Эдди взорвался, видели три парашюта. Однако никто не знал, кому они принадлежали.

Тихий океан
Июнь 1943 г.
Несколько недель спустя

Транспортное судно проскользнуло под Золотыми Воротами к океану. Джейми стоял сверху у лееров, и ему казалось, что палубы внизу покрыты людьми, будто мхом, ковром из тел цвета хаки, плотным, как дерн. Никто не знал, куда они направляются. Пронзительно яркий вечер сверкал на водных барашках, кружащихся морских птицах, оранжево-красных башнях Золотых Ворот, одну из которых вот-вот поглотит опускающийся с Пресидио туман. Пока туман не накрыл корабль, вода мерцала молочным нефритом. Джейми спустился вниз.

Всю обстановку бывшего океанического лайнера снесли, плотно, как подносами в пекарне, забив помещения койками. Иллюминаторы заколотили или закрасили черным. На палубах, где когда-то, наверное, под ручку гуляли пары,

стояли старые зенитные установки, забросанные мешками с песком. Корабль не мог похвастаться ни новизной, ни быстротой, в случае опасности на его скорость положиться было нельзя (это вам не «Куин Мэри» или «Куин Элизабет»), и поэтому следом шел эсминец. Борта и судовые надстройки выкрасили серой краской, замазавшей также имя судна на носу и на корме, оно стало известно Джейми только на второй день, когда он увидел, как солдаты бросают игральные кости внутри старого спасательного круга в качестве ограждения. «Мария Фортуна».

Он не думал о сестре «Джозефины Этерны» с детства, с тех пор как Уоллес показал ему газетные вырезки с информацией о кораблекрушении. На фотографиях они с Мэриен напоминали две безликие запеленатые куклы, которых по трапу «СС Манауса» сносит отец. Упоминался и другой лайнер пароходства L&O, «Мария Фортуна», поновее, недавно спущенный на воду. Джейми обошел корабль, пытаясь представить себе былую роскошь. На борту осталось несколько служащих торгового флота, и в коридоре под палубой он подкараулил инженера.

— У этого корабля ведь была сестра? — спросил Джейми. — Она утонула. «Джозефина».

— Совершенно верно. Ужасная история. До меня, разумеется. — Мимо в обоих направлениях протискивались солдаты и моряки. — Давайте не будем мешать движению, — сказал инженер, и его поглотил поток.

* * *

После Алеутских островов перед выходом из Сан-Франциско Джейми дали пять дней отпуска, и, когда транспортный самолет из Кадьяка неожиданно приземлился в Сиэтле на заправку, он спонтанно решил сойти.

Он представился по телефону, и Сара Фэи — Сара Скотт — издала негромкий непонятный звук.

— Ты получила мою акварель? — спросил Джейми.

Сара прокашлялась:

— Да.

Джейми подождал, что она скажет еще что-нибудь, а потом добавил:

— Я не хотел тебе мешать. Я думал о тебе, поскольку сейчас в городе, но мы можем и не видеться.

— Да, — туманно ответила Сара. — Да, хорошо.

Он хлопнул дверью телефонной будки, отправился в шумный бар, где толпилось множество

военных, и напился. Будто выйдя из глубины, взбаламутив поверхность, в нем поднялось знакомое чувство — растерянное, цепкое, тоскливое. Почему он позвонил Саре? Почему не мог просто сойти с круга? Если он что и понял после их последней встречи, так это то, что Сара — иллюзия, фантазия, да и в любом случае никакие отношения между ними невозможны. И опять гоняться за ней — верх идиотизма.

Когда Джейми рисовал ту акварель, в гавани Адака установилось редкое затишье между штормами, густо синел горизонт, а воду испестрил ярко-желтый свет. Даже отвратительные нагромождения военной техники на берегу заливало небесное сияние, и в груди у него сдавило — грандиозно. Краски сцеживались с кисти, и его переполнила благодарность Саре. Именно она подтолкнула его к тому, чтобы расширить жизнь.

Атту благодарность не уничтожил, но усложнил, прострелил чем-то тяжелым, темным, как железная руда.

Утром он нашел просунутую под дверь гостиничного номера записку. Не угодно ли ему встретиться с миссис Скотт за ланчем? Указано время и адрес, на той же улице. Он попытался

вспомнить, говорил ли Саре, где остановился, — нет, почти наверняка нет.

До последнего Джейми думал, что не пойдет, и, разумеется, пошел. Сара с напряженным лицом сидела за отгороженным столиком в глубине предложенной ей темной, грязной закусочной, куда не вписывались ее аккуратный синий костюм и лодочки.

— Рад тебя видеть. — Джейми сел и начал изучать меню. — Ты уже выбрала?

Сара накрыла его руку своей:

— Джейми, прости.

Он отложил меню.

— За что?

— Для начала за телефонный разговор. У меня был шок. И сестра находилась в комнате. В ее присутствии я не могла сказать ничего из того, что хотела.

Появился официант, немолодой человек в бумажной шляпе, с брюшком, нависающим над грязным фартуком, и блокнотом с ручкой.

— Что будете заказывать?

— Нам нужно еще некоторое время, — сказал Джейми.

Официант засунул ручку за ухо и отошел.

— Ты действительно голоден? Можно пойти

куда-нибудь поговорить. К тебе в гостиницу? — Сара покраснела. — Я выбрала это место, только потому что оно рядом.

Джейми тут же встал из-за стола. Сара протянула руки:

— Мне может понадобиться твоя помощь. У меня колени трясутся.

— Как ты меня нашла? — спросил он, когда они вышли.

Сара держала его за руку.

— Я решила, что ты остановишься около музея, и начала оттуда, обзванивая гостиницы.

— И сколько обзвонила?

— Семнадцать.

Они не очень много разговаривали, до того как Джейми не снял с нее синий костюм, белую шелковую блузку, отстегнул и скатал чулки, стянул пояс для чулок, бюстгальтер, трусики. Он действовал медленно, методично, останавливая Сару всякий раз, как она хотела помочь или ускорить процесс. Когда наконец Сара легла на кровать и распущенные волосы рассыпались по плечам, Джейми отошел и посмотрел на нее. Она тоже смотрела на него, и Джейми закрыл глаза, проверяя себя, вызывая ее образ, желая вспомнить.

— У меня брат погиб, — сказала она потом, лежа на его согнутой руке. — В Тихом океане. Я только немного пришла в себя, как получила твою акварель. Я, конечно, знала, что ты пошел в армию, но после гибели Ирвинга поняла: будь моя воля, лучше бы ты сидел где-нибудь в безопасном месте. Я действительно пыталась пристыдить тебя. Мне кажется, отчасти все этим и объясняется, нет? Все хотят, чтобы остальные страдали, таковы уж люди. Все хотят навалить на остальных такое, что они даже не могут себе представить. И делают то, что не могли себе представить. Когда пришла твоя акварель, меня не отпускали мысли, что же я наделала. — Она подняла голову и посмотрела на него: — Если бы не я, ты бы пошел?

— Думаю, да. У тебя есть надо мной власть, но все же не абсолютная. Не чувствуй себя виноватой.

Она уронила голову ему на грудь.

— Хотела бы я, чтобы было так просто.

— Я тоже.

— Мой муж в Средиземном море. — Она опять пристально посмотрела на него: — Я правда люблю его.

— Я и в мыслях не держал, что наша встреча

означает твою к нему нелюбовь.

Она снова опустила голову и тихонько потянула его за волосы на груди.

— Такие светлые. Ты оказался мохнатым. Я не думала.

— Я удивлен не меньше твоего.

— Знаешь, что один твой рисунок с Аляски напечатали в журнале «Лайф»?

— Да, мне говорили.

— Ты видел?

Не смущаясь, Сара голая встала с кровати и достала из сумки журнал. Они сели, прислонившись к изголовью кровати, и она пролистала журнал до статьи об Алеутских островах. Рисунок изображал адакский аэродром: приближается гроза, и приземляющийся самолет вздымает горы брызг. Джейми внимательно рассмотрел репродукцию.

— Никогда не думал, что стану пропагандистом.

— А от тебя требовали?

— Нет. Удивительно, но нет. Я имел почти полную свободу. Ну, сколько бывает на флоте. — Джейми подтянул Сару к себе и положил подбородок ей на макушку. — Я сейчас вспомнил, как ты на чердаке помогала мне разбирать

картины. Я тогда острее всего чувствовал, что мы наедине.

— Тогда на нас была одежда.

— Мне отчаянно хотелось, чтобы ее не было.

— Мне тоже.

— Правда?

— Иногда. Я не знала точно, чего мне хотелось. — Она все еще смотрела в журнал. — Привыкаешь думать, что война происходит в черно-белом цвете, из-за фотографий.

— М-м. — Он вспомнил взрывавших себя японских солдат. — Там есть краски.

— Твой рисунок производит несколько иное впечатление, чем фотография, поскольку ты слегка исказил перспективу. Он передает ощущение, которое сообщает информацию иначе, чем голая действительность. — Сара провела стопой по его голени. — Это именно твой рисунок. Это ты.

Джейми встал и достал из ранца блокнот зарисовок с Атту. Открыл на странице с пятнами и каракулями и дал Саре.

— Я это нарисовал во время безрассудной атаки. Думал, рисую то, что вижу.

Она пролистала несколько страниц.

— А на самом деле не видел?

— Я хочу сказать, когда смотрел на бумагу, то

действительно видел реалистические образы. Фигуры, понимаешь. Сцены. — Сара молчала. — Я убил троих человек.

Он еще никому об этом не рассказывал. Рассказывать на Алеутских островах было бы странно. Излишне. Его колотил нервный озноб, хотя призраки троих убитых им людей его не посещали. Но он не мог избавиться от воспоминаний про медпункт и движущиеся под брезентом фигуры.

— Война, — сказала Сара.

— Ты можешь послать его от меня сестре? — спросил он, кивнув на журнал. — Мне бы хотелось, чтобы она увидела. Не знаю, будет ли у меня возможность, прежде чем меня отправят дальше. Я дам тебе ее адрес в Англии.

— Она в Англии?

Джейми рассказал, сколько знал, о Вспомогательном транспорте, о том, что Мэриен год провела на Аляске, а потом и о Баркли.

После некоторого колебания Сара решилась:

— Должна признаться, мама рассказала мне, что Мэриен приезжала в Сиэтл. Не тогда, недавно. После нашей с тобой последней встречи. Не волнуйся, она ничего не говорила отцу. Он вообще почти ничего не знает о ее делах.

— Она совершила великодушный поступок. Даже больше. Дала Мэриен новую жизнь.

— Да, теперь, когда мне стало понятно, я тоже так думаю. Мне неловко за те мои слова, когда ты рассказал, что Мэриен не хочет детей.

— Все в порядке. Мне тоже неловко кое за какие слова, а еще за то, что я так ничего и не узнал о твоей жизни. Расскажешь?

— Не знаю, с чего начать.

— С любого места.

И она рассказала ему о сыновьях, о своей к ним любви, однако и об ограничениях, налагаемых материнством. Рассказала о любви к мужу, но ей обидно, что тот слепо полагается на ее верность. О сестрах, их семьях, о гибели Ирвинга в Батаане. Джейми в свою очередь рассказал, как недалек был от алкоголизма, о том, как Мэриен отвезла его в Ванкувер, о Джудит Уэкслер и Сэлли Аюкаве, о том, как жил в горах, а потом вернулся, о том, как умирал Уоллес. День угасал. В номере стало темно, но они не включали света. Одевшись, они долго стояли в дверях обнявшись, понимая: как только выйдут, все кончится. Джейми проводил Сару до вестибюля и смотрел, как она, так и не собрав волосы, уходит в вечер.

Покидая гостиницу, прежде чем сесть на поезд

в Сан-Франциско, он дал служащему завернутый в бумагу пакет и заплатил за курьерскую доставку Саре. На гостиничной бумаге написал записку, засунув ее в блокнот с набросками:

> Формально рисунки принадлежат ВМС США, и отдавать их я не имею права. Но я не хочу отправлять их в Вашингтон и не хочу больше таскать с собой. Сохранишь для меня? Может быть, я хочу оставить у тебя этот блокнот, чтобы у меня был предлог еще раз увидеть тебя – да, хочу, – но вернусь я на самом деле, так как люблю тебя, и то, что я оставлю от себя, забрать невозможно.

Шталаг «Люфт-1», возле Барта, Германия Июнь 1943 г.

Примерно в то же время, когда Джейми отплыл из Сан-Франциско

Лео, когда Эдди впервые увидел его через неделю после прибытия в лагерь, вышел на сцену в тонком голубом платье, сшитом из крашеных носовых платков, ломком парике из упаковочного материала Красного Креста и с двумя перевязанными бечевкой соломенными косами. Он изображал Гэбби из «Окаменелого леса»,

играя на фоне декораций, которые смастерили из ящиков Красного Креста, используя реквизит, выменянный у немецких надзирателей, позаимствовавших его у городского театра. Тысячи людей, отчаянно нуждающихся в развлечении, стали благодарной аудиторией. Пришли даже надзиратели, они уселись в первом ряду.

— Уйма знакомых мне девушек могут кое-чему тут поучиться, — прошептал парень, сидящий рядом с Эдди, оценивающе осматривая Лео.

Тут. Поскольку что значит «он»? Он очевидно не женщина, но вместе с тем ему как-то удавалось практически не отличаться от женщины. Некоторые из парней, игравших девушек (не только в спектаклях, как узнал Эдди, но и во время серьезных танцев и чаепитий, время от времени проводимых в лагере), перенимали женские повадки, брили руки, ноги, мастерили из чего-то губную помаду и румяна, но Лео, несмотря на большой крючковатый нос и волосатые руки, требовалось лишь придать немного плавности суставам, позвоночнику, лишь осторожно поводить пальцами, и он превращался в одинокую, манерную, порывистую официантку в кафе на аризонской заправке. Следя за действием, Эдди почти чувствовал жар пустыни, запах

жира от фритюрницы.

Эдди потом искал Лео, но почти не узнал его, когда они оказались вместе на помывке, несмотря на нос.

— Ты великолепно играл, — рискнул он. — Был раньше актером?

— Нет, стрелком-бомбардиром.

— Я имею в виду до раньше.

— Я понял, что ты имеешь в виду. Только в снах. У меня не хватало духа на пробы даже в школе. Но здесь почему бы и нет? Что я теряю?

— Ты потрясающий. Мой сосед сказал, что настоящие девушки могли бы кое-чему у тебя поучиться.

Лео сжал губы:

— Им нравится так говорить.

— Наверное, безобидная шутка, — осторожно предположил Эдди.

Лео коротко, вежливо улыбнулся:

— Может быть.

— Отчаянные времена, отчаянные решения?

— Для некоторых.

Эдди понизил голос почти до шепота:

— Бедолаги.

* * *

Его самолет подбил «мессершмитт», загорелся двигатель. Когда пилот велел прыгать, второй пилот и хвостовой стрелок уже погибли, их застрелили. Стрелок-бомбардир прыгнул первым — из того же отверстия, из которого сбросил столько бомб, — потом радист, потом Эдди. Странно было погружаться в небо в одном своем теле, без капсулы в виде самолета, падая посреди зенитных снарядов, пуль, гудящих двигателей, огня. Эдди дернул за вытяжное кольцо.

Радиста застрелили, когда он раскачивался на парашюте, а что сталось с пилотом и другими членами экипажа, Эдди не знал. Эдди и бомбардира задержали во Франкфурте, допросили, а оттуда Эдди переправили в лагерь на побережье Балтийского моря. Когда заключенные шли от поезда к лагерным воротам, люди, столпившиеся на обочине, улюлюкали им, показывали, как будут их вешать и расстреливать.

* * *

— Не понимаю, почему я больше женщина, чем женщина, — сказал Лео Эдди через месяц после

того, как они познакомились.

Они разговаривали в бараке Лео, тот стоял у печки, а Эдди вжался в угол между нарами, поскольку больше приткнуться было некуда. В помещении шестнадцать на двадцать четыре размещали по пятнадцать человек. Лео разжился в прачечной оловянной кружкой с кипятком — особая милость одного из работавших там заключенных — и обмылком от щедрот Красного Креста, он смывал грим.

— После матча лейтенант Борк, или Брокс, или как его там, ну, верующий, который все талдычит, что он из Питсбурга, пошутил, дескать, если бы я очутился в раю, никто бы не создавал Еву. Тогда бы, конечно, случился другой первородный грех, но, по-моему, он смущен. Что-то его смущает.

Вторую половину дня Лео провел в юбке, парике и рубашке, обвязанной вокруг ребер, с карточками по результатам боксерского матча, а сотни военнопленных свистели, кричали и выкрикивали непристойности. Эдди усмехнулся:

— Надеюсь, кто-нибудь когда-нибудь расскажет лейтенанту Броку, откуда берутся дети.

— Парни просто хотят убедить себя, что, если они думают обо мне, когда дрочат, это ерунда.

В конце концов, я больше женщина, чем женщина. Я женственность, дистиллированная до беспримесного состояния, самая грудастая эссенция.

— Думаю, большинство из них скучает по девушкам больше, чем понимает, как с этим справляться.

— Прекрасно, но не моя проблема. Неужели я думаю, что все они хотят мне отсосать? Нет. Неужели я думаю, что никто из них не отказался бы от того, чтобы я у них отсосал? Ладно. — Он повернулся лицом к Эдди: — Все снял?

Тот обмакнул палец в воду и вытер Лео уголок глаза:

— Только тут чуть-чуть.

Большой рукой Эдди обхватил Лео затылок и поцеловал.

Тот отпрянул:

— Кто-нибудь может войти.

— Кто-нибудь всегда входит.

Эдди считал, что Лео слишком стесняется их отношений. В лагере сложилось несколько пар, настоящих, и по большому счету их терпели, пока они соблюдали некое подобие приличий, для чего в переполненном лагере установилась довольно низкая планка. Были и другого рода

отношения, например разбившиеся на пары обычные, бесполые, как старые девы, привязанные друг другу мужчины. Или серьезные отношения, основой которых служил исключительно совместный паек. Или чисто сексуальные связи между голубыми, между голубыми и петухами, между уступчивыми петухами. Те обменивались всяческими любезностями, разнообразными видами любви. Были еще мрачные, непонятные дружеские отношения, заканчивавшиеся недоразумениями, обидами и драками.

— После войны, — сказал Эдди, — я хочу первым делом найти комнату, чистую комнату, где не пахнет парашей…

— Сегодня больше обычного, правда?

— …Чистую комнату с кроватью, с чистыми простынями, с дверью, которая запирается и отпирается, и провести с тобой целую ночь. Я хочу быть совсем голым и не хочу спешить.

Лео потрепал его по щеке:

— Звучит заманчиво.

— И следующую ночь, и потом.

Хамбл, Англия
Ноябрь 1943 г.
Пять месяцев спустя после отплытия Джейми из Сан-Франциско

— Тебя искали, — сказала одна летчица, когда Мэриен села обедать в столовой Хамбла.

Она проглотила кусок запеканки из картошки и капусты.

— Кто?

В сентябре Мэриен несколько недель провела в Уайт Уолтеме, обучаясь летать на тяжелых двухмоторных самолетах класса-4, но потом ее вернули не в Ратклифф, а направили в Хамбл, в женский пятнадцатый отряд авиатранспортной службы недалеко от Саутгемптона, возле заводов Викерса «Супермарин», где «спитфайры» и двухмоторные истребители появлялись с постоянством яиц в курятнике. Город был симпатично занятный. Аэродром, затянутый промышленным смогом и окруженный заградительными аэростатами, располагался между рекой Хамбл и заливом Саутгемптон Уотер.

— Не знаю, — ответила девушка. — Я не видела. Нэнси просила меня передать.

— А где Нэнси?

— По-моему, улетела в Белфаст. Кажется, он приходил утром. Смелый, наверное, твой парень.

— У меня нет парня. Что-нибудь еще? Имя?

— Дай подумать. — Пытаясь вспомнить, девуш-

ка подняла глаза к потолку. — Нет, это все.

Другая летчица поздоровалась с ними и села. Мэриен задумчиво ела, не слушая разговор. Будь за столом Рут, она бы не позволила Мэриен уйти в себя, но Рут откомандировали в Уайт Уолтем, как раз когда Мэриен оттуда уехала, а по завершении курса отправили обратно в Ратклифф. Они опять оказались в антифазе, в основном по логистическим причинам, хотя относились к своей длительной разлуке по-разному. Рут писала Мэриен длинные письма, полные зашифрованной тоски и более откровенных упреков в, как она выражалась, стоицизме. Ответы Мэриен были краткими, деловыми, большей частью про полеты. Разумеется, Мэриен скучала по Рут. Но она заперла чувства на ключ. В соответствии со своей природой она продолжала жить дальше и думать о другом. Конечно, на Рут давило и беспокойство об Эдди. Скоро стало известно: он в немецком лагере для военнопленных. А потом пришла открытка Красного Креста от него самого, где говорилось, что он в шталаге «Люфт-1», больше ничего.

После обеда набежали облака, и около трех метеослужба отпустила летчиц до завтра. Мэриен уехала на мопеде. Большинство девушек жили

в маленьких кирпичных коттеджах, но Мэриен выбрала гостиницу «Полигон» в Саутгемптоне, в семи милях. Ей хотелось держаться на расстоянии от отряда, иметь некое подобие личного пространства.

Неторопливо проезжая по Саутгемптону, уклоняясь от темно-зеленых джипов и грузовиков, полных американцев, которых прибывало все больше и больше, она думала, может, ее посетитель — Джейми. По сведениям Мэриен, он находился в Тихом океане, но она ничего не слышала о нем уже больше месяца. Последнее его письмо Мэриен получила из Папуа — Новой Гвинеи, где Джейми заживо пожирали москиты и он гнил от плесени. «Это что касается рая», — писал брат. Казалось, он свободно маневрирует по войне. Может, министерство ВМС решило, что художник нужен в Европе для фиксации скорого наступления. Всех американцев, собирающихся в Британии в расползшихся по всему южному побережью лагерях, несомненно, пошлют в дело, вопрос ближайшего времени.

В середине лета Мэриен получила от Сары Фэи-Скотт конверт из крафтовой бумаги, где обнаружила экземпляр «Лайфа» с закладкой на рисунке Джейми и короткой открыткой:

Мы никогда не встречались, но я старый друг Вашего брата и слышала о Вас достаточно, чтобы хотеть подружиться и с Вами. Я так рада, что он навестил меня, когда в прошлом месяце был проездом в Сиэтле. Он попросил меня переслать Вам этот журнал – тут его рисунок, который видели миллионы, хотя я уверена, Вы узнаете его руку за милю. Моя мать, кстати, передает Вам наилучшие пожелания. Она называет Вас «силой», что в ее устах высшая похвала.

Мэриен удивилась, почему Джейми не рассказал ей о том, что виделся с Сарой, может, затерялось письмо. Она рассматривала рисунок: Р-4 приземляется на какой-то богом забытый пятачок в Беринговом море. Тема не Джейми, но исполнение его: слегка искривленная перспектива, уверенность, с какой он наметил облака, нависающую белую вершину вулкана, отражения на затопленной взлетной полосе. Хорошо сделан самолет: точно, но не дотошно. Летчику Мэриен не позавидовала. В ее бытность на Аляске на Алеутских островах имелось совсем немного мест для посадки, и уж точно не в такой глуши,

как в Адаке или на Атту — туда вообще незачем летать. Климат гибельный, небо вполне могло оказаться прямым входом в загробную жизнь.

Когда Мэриен доехала до окраины Саутгемптона, было всего четыре, но солнце уже садилось. Поставив мопед, она пошла к вращающимся дверям гостиницы «Полигон», когда кто-то сзади схватил ее за руку.

Калеб. Калеб в военной форме. Она вцепилась в него:

— Что ты здесь делаешь?

— Не знаю, слышала ли ты, но идет война.

Она его оттолкнула.

— Но здесь! Так, значит, ты приходил утром! Почему не оставил записки?

— Я передал сообщение.

— Та, которая его взялась передать, даже не смогла вспомнить твое имя, просто сказала, что меня «искали». О! — воскликнула Мэриен, сама себя перебив. — Твои волосы!

Конечно, на фронте ему в любом случае отрезали бы косу, но ей это не приходило в голову. Мэриен стащила с Калеба пилотку и потрогала короткие волосы:

— Я подумала, может, Джейми.

— Ах. — Похоже, он не обиделся на ее невыска-

занное разочарование. — Он в Англии?

— Насколько мне известно, в Тихом океане. До того был на Аляске. — Она рассматривала его. Кроме стрижки и сильного загара, он — удивительно — не изменился с их последней встречи, когда они обнимались в грязи за хижиной. — Я рада тебя видеть.

— Я не смог вспомнить, кто из нас на кого злился, и решил рискнуть.

— Не я.

— И не я.

Они улыбнулись. Сверху донесся гул двигателя. Мэриен задрала голову. «Спит», едва различимый на темнеющем небе.

— Ты женился на той девушке? Учительнице?

— Нет.

Она кивком приняла новость, испытав меньше облегчения, чем ожидала.

— Пойдем в гостиницу. — Когда они шли ко входу, Мэриен добавила: — Почему-то я знала, что с тобой все в порядке. Расскажи, где ты был.

— Алжир, Тунис, Сицилия. Теперь вот здесь.

— Неудивительно, что так загорел. В таких-то краях.

— Как Джейми? — спросил Калеб.

— Он военный художник. Ты знал про такое?

Рисует и пишет для флота.

Они прошли во вращающуюся дверь. Калеб направился к массивному кожаному дивану.

— Он кое-что рассказывал мне, когда мы виделись последний раз. Почти можно надеяться, дяде Сэму нужны рисунки.

— И не говори. Иногда я помалкиваю, так как боюсь, это не очень прилично.

— Прилично, неприлично — уже ничего не значит. — Калеб наклонился к ней, и от его близости она вспыхнула. — На Средиземном море я пытался запретить себе хотеть быть где-то еще или даже думать, будто что-то еще существует. Казалось, выход. Ты понимаешь, о чем я?

— Да.

— Но иногда, во время ходьбы или когда я засыпал и бдительность притуплялась, я думал о тебе. Я убрал тебя из головы, но теперь… — он замялся и несильно прижал длинный палец к ее ноге.

— Что? Что теперь?

— Теперь у меня осталось двадцать четыре часа из тридцати шести увольнительной. И я бы хотел провести как можно больше из них с тобой.

Мэриен захотелось вскочить ему на колени. Раздеть догола прямо в вестибюле «Полигона» и прижаться к его коже.

— Я переоденусь, и пойдем поедим, — сказала она.

— Я могу остаться на ночь? — В вопросе не слышалось никакой издевки, даже поддразнивания. Он почти умолял.

Если Мэриен переспит с Калебом и Рут узнает, она почувствует себя преданной, будет раздавлена, но заранее Мэриен не могла вызвать в себе чувство стыда. Полюбив Рут, она не перестала любить Калеба. Две любви, как два разных вида, не обращая внимания друг на друга, существовали в одном ареале: лось и бабочка, ива и форель. Одна не отменяла другую. Рут вернула ее к жизни, она никогда не была увлечена Калебом так, как Рут, и все же для жизни он нужнее. Он неотторжим от Мэриен, как часть тела.

— Я не одна.

— Это имеет значение? Вопрос не риторический. Не беспардонность с моей стороны.

— Я сама себя спрашиваю.

— Как я тебе уже говорил, я старался представить, что больше ничего не существует. Именно так я хочу провести сегодняшнюю ночь. Больше ничего.

— Но кое-что еще существует — другие люди.

Калеб ждал. Мэриен не могла решиться.

— Мне утром лететь, — запинаясь, промямлила она.

— Утром я тебя отпущу. Ты знаешь, что отпущу.

— Все так просто?

— Не важно, что просто, а что непросто. Важно, что мы делаем, а что нет.

Мэриен молчала, ее сшибали с ног галактические вихри нерешительности. Наконец она сказала:

— Я не могу.

Калеб, видимо, заметив мучения, легко пихнул ее в плечо:

— Тогда ужин. Тоже неплохо.

Южный океан
Август 1943 г.
За три месяца до встречи Мэриен с Калебом

Сначала Джейми спрашивал названия островов, но обычно получал ответ, что ему знать необязательно. Строго говоря, ему и впрямь необязательно было знать, где он находится: он все равно там.

Но именно поэтому — потому что он все равно уже там — для чего надо держать это в секрете? Кому он может его выдать? Только другим

на том же корабле, но они ведь тоже там, в том же безымянном месте.

Но когда Джейми все-таки удалось выудить названия, он обнаружил, что они ничего не значат или даже не существуют, и перестал спрашивать, подписывая картины и рисунки общо: «Соломоновы острова».

Большинство из них выступали из воды густо поросшим джунглями известняком или базальтом в ограждении патрулируемых акулами рифов, за ними пришельцев поджидали мангровые болота, крокодилы и высокая, острая, как скальпель, трава, где комаров больше, чем можно разогнать прутиком. Изредка попадались деревни, люди на выдолбленных каноэ, дети, играющие на берегу. Иногда судно проплывало мимо затонувших военных кораблей, из воды торчали судовые надстройки, или остов лежал на боку, словно распухшие останки какого-то животного. Некоторые острова представляли собой лишь едва заметные над поверхностью океана песчаные полосы с отдельными вцепившимися в грунт пальмами. Джейми написал один из таких островков — образцово-показательный рай, — попытавшись внести туда свое ощущение пронизывающей все унылости, хрупкости малю-

сеньких пятачков земли в огромной воде. Ветви его пальмы напоминали подвешенного за шею человека, которого, как изодранного летучего змея, трепал ветер.

Однажды ночью, поджидая конвой японских эсминцев, они прикрылись чернотой давно потухшего вулкана. Когда эсминцы появились в поле зрения, Джейми ощутил, как дернулся корабль, будто метнулась рыба. Японцы не видели конвоя, не могли знать, что торпеды уже мчатся в воде, пока их не настигло. Джейми представил холст: почти полностью черный и силуэт тонущего эсминца, освещенный желто-белой вспышкой взорвавшегося снаряда. Но как изобразить сотни тел в воде, жуткое молчание? Почти все японцы отказались от предложенной помощи и предпочли погибнуть. Джейми видел выхваченные лучом прожектора мокрые головы, на некоторых лицах читался безумный молчаливый страх, другие поражали вызывающей отрешенностью.

Он больше не испытывал жалости к врагу. Здесь сострадание не нужнее пальто, но не навалится ли на него, думал Джейми, когда кончится война, не ударит ли с коварством торпеды?

Всякий раз, оказываясь в порту, пересаживаясь на другие корабли в Кэрнсе или Порт-Морсби, он

отсылал свои работы в Вашингтон. Войны, материала для рисунков и картин, было более чем достаточно, однако Джейми терял способность вычленять важное. Он мог часами трудиться над одной-единственной бочкой для смазки и помещал с любовью написанный портрет ржавого куска железа в одну папку с изображением морской битвы, как будто это равноценно. Он слегка утратил нить, ведь его задача — выражать суть или дух войны. Однако если такое и существовало, его нельзя ни нарисовать, ни написать. С таким же успехом можно попытаться изобразить расплавленное ядро Земли или беззвездный уголок ночного неба и заявить, что вот это земля, а это небо. Из-под его кисти выходило и море, чистое, просто синий горизонт, и Джейми отсылал такие работы тоже. Ответов он не получал и не знал, довольно ли начальство плодами его трудов, летописью кочевника, но указаний перебросить его на другую службу не поступало.

* * *

В октябре Джейми высадился на атолле, недавно отвоеванном у японцев, и некоторое время провел в палаточном лагере. Он написал несколько «корсаров» на кипящей от жары

взлетно-посадочной полосе, которую построили, раздробив и разровняв кораллы, миллионы лет труда крошечных животных, в плоскую твердую поверхность. Плавая в море, он надевал самодельные сандалии из шин разбившихся японских самолетов, чтобы живые, не раздробленные кораллы не порезали ноги.

В ноябре Джейми направили в Брисбен, где он поселился в огромном лагере из палаток и хижин, разбитом в общественном парке, лиловом от цветущих жакаранд и едком от эвкалипта. Он просиживал в кино, барах и вообще ничего не рисовал. Несколько писем Мэриен нашли его здесь, все летние. У нее есть подруга. Ей нравится Лондон. Нравится летать.

> Стыдно признаться, но я счастлива как никогда. Мне всегда нужно было понимать, что у меня есть цель, и теперь такая неотменимая цель есть. Поэтому люди воюют? Чтобы чем-то себя занять? Почувствовать себя частью чего-то?

Джейми думал, в конце концов он расскажет Мэриен о встрече с Сарой в Сиэтле, но пока предпочитал хранить эти воспоминания в раковине личного пространства, подальше от чьих-то

суждений, от необходимости объяснять, сколько Сара для него значила. Или не значила. Он изо всех сил старался написать Мэриен хоть что-то осмысленное. Но что он мог ей рассказать? Что война раздробила его, разровняла, превратив в совершенно другую субстанцию, твердую и плоскую? Судя по всему, он теперь стал человеком, который мог смотреть на тонущих людей и не испытывать никакой жалости. Он не разлучался с собой ни на минуту, ни на секунду и не знал себя. Считал, можно писать войну, не будучи ее частью. Воображал себя наблюдателем, однако здесь такого не бывает.

Несколько раз он принимался писать письмо Саре, но бросал. Как-то вечером отправился в бордель и выбрал маленькую рыжеволосую девушку. На следующий вечер пошел туда опять и выбрал другую девушку, полную и светловолосую. Не помогло. Больше не ходил.

После войны, думал Джейми, он поймет, что хотел рассказать Мэриен. После войны опять разыщет Сару.

* * *

За несколько дней до Рождества, на рассвете, он спал на борту транспортного судна в составе

конвоя со множеством морских пехотинцев, которым предстояло где-то высадиться.

В шести милях командир японской подводной лодки смотрел в перископ. Он следил за американским конвоем почти всю ночь и видел круг тусклого неба, черное море и еле заметные очертания кораблей. Он сфокусировался на эсминце, доложил дистанцию и курсовой угол офицеру. Он должен целиться не туда, где корабль находился сейчас, а туда, где он будет к моменту подхода торпед. Траектория эсминца чертила линию по голому синему океану. Его лодка двигалась по другой линии; торпеды соединят их элегантной, однако непредсказуемой геометрией.

Хотя рассвет уже занялся, вода, когда ее прорезали три торпеды, еще была напитана ночью. Ни одна торпеда не попала в эсминец (расчеты командира оказались не вполне точными), но две ударили в корабль Джейми. Он не погиб от первого удара, не погиб и от взрыва, протаранившего борт и выбросившего гейзер воды. Он выжил и успел почувствовать резкий удар, мощно вспенившуюся соленую воду, другие прижатые к нему тела, давление, от которого стиснуло легкие и лопнули барабанные перепонки. Шквальным ветром пронеслась волна

жара. Джейми показалось, что он всплывает, что уже почти можно дотянуться до рябой поверхности солнечного света, что сейчас он вырвется на воздух. И свет действительно приближался, однако то лишь расцветали заревом взрывающиеся котлы. Умирая, Джейми даже не испытал ужаса — у него осталось не много времени. Он также не почувствовал ничего напоминающего покорность, ничего похожего на покой. Не думал ни о Мэриен, ни о Саре, ни о Калебе, ни о своих картинах, ни о Миссуле, хотя, наверное, подумал бы, если бы прожил еще несколько секунд. Не ощутил никакого удовлетворения от того, что наконец нашел дух или суть войны. Погрузившись в непостижимый мир огня и воды, он был ошарашен почти так же, как тогда в детстве, на «Джозефине».

Англия
Декабрь 1943 г.
Несколько дней спустя

— Ты все еще не одна? — спросил Калеб у Мэриен как-то вечером на танцах.

Случайное свидание в Лондоне, удачное совпадение. Танцзал украсили к Рождеству.

— Да.

После появления Калеба ее жизнь стала бы

намного проще, если бы она имела возможность познакомить его с Рут, но Мэриен знала: Калеб догадается, что Рут и есть это «не одна», а Рут начнет ревновать и защищать свою территорию, как бы Мэриен ее ни убеждала. Поэтому последние недели в основном заполняли логистические заботы: как провести время с одним, не вызвав подозрений у другого, а заодно избежать сплетен во Вспомогательном транспорте. Сложность ее расписания и вообще суета военного времени служили некоторым прикрытием, однако пару раз она чуть не провалилась. Лагерь Калеба располагался в Дорсете, ближе к Мэриен, чем Ратклифф, где квартировала Рут, и его она видела несколько чаще, хотя Рут, выполняя транспортные полеты или перегоняя очередной «спитфайр» в ремонтное депо, иногда оказывалась в Хамбле и являлась неожиданно.

Только в воздухе Мэриен могла полностью расслабиться. Только в воздухе она находилась там, где должна была, делала то, что должна была. Никто не мог до нее дотянуться, никто не мог ни о чем ее спросить.

Однако неожиданно ей открылось, что разница между нынешней и прежним возлюбленными лишь усиливает ее нежность к обоим. Что пло-

хого, если тебя любят двое? Кто она такая, чтобы отворачиваться от такого изобилия, ведь у нее никогда не было достаточно любви. Да и вообще, кто знает, сколько им всем осталось жить? Калеб с началом наступательной операции отправится в Европу, а летчики Вспомогательного транспорта гибли не реже летчиков королевских ВВС.

Калебу удалось найти место в толпе, чтобы закрутить ее и отступить на расстояние вытянутой руки.

— Если он так важен, почему я не могу с ним познакомиться?

Песня закончилась, началась новая, все громче звучали деревянные духовые инструменты, поверх сверкали медные. Мэриен и Калеб в основном топтались на месте, стиснутые другими парами.

— А зачем тебе? — спросила она.

— Интересно.

— Нет, не интересно. Ты думаешь, что выиграешь на фоне. Что с тобой никто не сравнится.

Она виском почувствовала, как он улыбнулся.

— И это тоже.

Когда песня закончилась, Мэриен попыталась выйти, но Калеб притянул ее обратно. Притянул ее он, но поцеловала его она. И вдруг, когда она

стояла, прижатая к нему, по силе объятия ощущая его желание, Мэриен вдруг, будто молния, пронзило воспоминание о Баркли, о том, как ее поглотили, стерли, сдавили, превратили в ничто. Разница состояла в том, что Калеб, почувствовав ее панику, отпустил Мэриен. Она убежала, протискиваясь сквозь толпу. Калеб дал ей уйти.

* * *

На второй день Рождества по телефону в диспетчерской авиатранспортной службы прозвучало несколько слов, и когда до Мэриен дошло, что Джейми погиб, ее первой реакцией был страх. Какая ужасная мысль — Джейми погиб. Но почему такая жуткая возможность излагается как факт? Если бы это случилось, если бы он действительно погиб, она бы не вынесла. Ее корчило при одной мысли. Но с той стороны Атлантического океана опять послышался голос Джеки Кокран:

— Мэриен? Мэриен? Вы меня слышите?

— Зачем вы такое говорите? Невозможно. Он художник, не солдат. Он рисует войну.

Трубка молчала, Джеки, вероятно, думала, как извиниться, оправдаться за столь неудачную шутку.

— Не могу вам передать, как мне жаль, — сказа-

ла Джеки, и Мэриен на секунду стало легче. — Но, боюсь, так и есть. Его корабль затонул.

Мэриен положила трубку.

Кто-то постучался в телефонную будку. Мэриен испуганно вскочила. Летчик из Вспомогательного транспорта. Увидев ее, он отпрянул:

— Простите. Я просто хотел узнать, закончили ли вы.

Она почувствовала, как шевельнулись губы, но не вышло ни звука. Она толкала дверь, но не могла открыть ее, потому что превратилась в пар.

— Вы в порядке? — спросил летчик, открывая дверь.

Она пронеслась мимо, а может быть, сквозь него, как привидение.

Нелетная погода привязала пилотов к земле на все утро. Тем не менее Мэриен прошла в дежурку, натянула тяжелый летный костюм, ботинки на меховой подкладке, взяла сумку и парашют. Подошла к «спиту» (его требовалось перегнать в Косфорд), забралась в кабину и, ничего не проверив, взлетела, равнодушно зафиксировав сигнал в конце взлетной полосы — красный, не зеленый. Тут же она очутилась в облаке. Тьма пульсировала кругами света,

как бывает, если надавить на закрытые веки. Скоро Мэриен заметила, что глаза ее в самом деле закрыты. Открыла. Воздух оставался непроницаемо серым. Она на боку или вверх ногами? Какая разница? Мэриен представления не имела, где находится, не задумывалась, куда может влететь. И вдруг очутилась между синим куполом и непотревоженным пушисто-белым слоем.

Джейми погиб. Она кричала в кабине. Самолет не упал с неба обратно в облако, хотя должен был. Сам полет обязан был оказаться обманом. Однако «спит» продолжал лететь, равнодушно гудел мощный двигатель «Мерлин». Мэриен резко развернулась на запад, заложила вираж, снова выровнялась. Увеличивала скорость до тех пор, пока в гул не вонзился вой. Единственное осознаваемое желание — утонуть в океане. Раньше, набирая слишком большую высоту или скорость, она до конца не верила, что сама может стать причиной собственной смерти, но теперь ощутила наличие в небе границы, черты, за которую можно залететь и не вернуться.

В облаке никаких разрывов. У нее нет возможности понять, что внизу — суша или вода. Не важно. Скоро она будет над Атлантикой. Естественно, надо лететь на запад. Монтана на западе. Аляска

на западе. Джейми в Тихом океане на западе, почти точно в противоположной точке земного шара. А тогда все уже оказывалось и на востоке. Ей нужна вода — простор и забвение. Может, она упадет не слишком далеко от «Джозефины». Ей и Джейми суждено закончить вместе в океане.

«Не надо».

Так четко, как будто двигатель вообще не издавал никакого шума, как будто она парила в беззвучном воздухе. Голос Джейми, ошибиться невозможно.

«Вернись».

— Не хочу, — сказала она вслух.

«Разворачивайся».

Она снова над расщелиной. Тело опять уплотнилось, вернулось в себя, даже превзойдя реальную плотность, отяжелело, исполнилось страха. Она стала тяжелее горы, тяжелее всей воды в океане. Хотя такая тяжесть в принципе не могла двигаться, она очень медленно надавила на рычаг, на штурвал, как будто нога — самый тяжелый и медленный поршень в мире. Самолет развернулся.

* * *

Все еще надо было найти место для посадки. Когда топливомер показывал почти ноль, на севере у горизонта появилось темное пятно, где плотное облако разорвалось, как вата. Она взяла курс на холмистую местность, слегка припорошенную снегом. В свете низкого солнца ручьи и озера блестели ослепительно-желтым, будто неаккуратно сорвали лист сусального золота. Она увидела плоское открытое поле фермы — ни коров, ни овец, — посадила самолет, выключила двигатель. Открыла фонарь в вечер и, хотя над ней плыл только холодный воздух, почувствовала давление многих тысяч футов воды.

Проблески

СЕМНАДЦАТОЕ

В конце концов позвонила Аделаида Скотт. Я только закончила разговор с Шивон и решила, что она перезванивает с другого номера, как вдруг услышала:

— Это Аделаида Скотт.

— Кто?

— Мы виделись на ужине у Редвуда Файфера. Скульптор. Похоже, я произвела не очень сильное впечатление.

Она, по ее словам, хотела позвонить раньше, но… в общем, не позвонила. Не была уверена.

— Но потом помощники рассказали мне о вашем… Что вы недавно появились в новостях, и я решила позвонить.

— Правильно. Отлично. М-да, я все думала, зачем вам понадобился мой телефон.

— Это несложно. Дело вот в чем. У меня есть кое-какие письма Мэриен Грейвз — письма к ней, а также ее письма, — и я подумала, они могут вас заинтересовать.

Время, когда скульпторша могла бы заинтри-

говать меня инфой про Мэриен Грейвз, похоже, осталось в другой жизни.

— Честно говоря, я не совсем понимаю, что мне с ними делать. В данном аспекте фильм уже отлит в бронзе.

— Я так и думала. Однако, мне думается, дело в другом. Не знаю, почему мне так хочется вам их показать. Вы… Прозвучит странно, но вы в моих глазах что-то символизируете. Пока не знаю что. Вы как бы дублер. Не ее дублер, а нечто более абстрактное. Что-то про то, как о ней думают.

После того как Аделаида подкараулила меня возле уборной Редвуда, я, вернувшись домой, посмотрела на ютубе старую зернистую документалку о ее фигурных сериях восьмидесятых годов. «Лодкоподобные объекты» — ветхие деревянные конструкции, собранные для того, чтобы их потопить. Некоторым предстояло утонуть самостоятельно, а некоторым после того, как Аделаида Скотт их поджигала. Она натаскала их со всего калифорнийского побережья и десять лет подряд топила и снимала. Каждый объект был подписан лишь римскими цифрами, от I до X. Я смотрела, как более молодой вариант Аделаиды в водолазном костюме натягивает акваланг, затыкает рот загубником, скатывается

спиной в воду. Тогда она носила длинные волосы. Потопленные объекты постепенно исчезали под кораллами, губками, нараставшими на них крошечными существами. Над VII и IX объектами, как конечности затонувшего чудовища, мягко колыхались снопы ламинарии.

Стали ли мои родители костями? Или их кости исчезли? Наросли ли на их самолете крошечные моллюски, покрыли ли его мехом водоросли? В финальной сцене «Пилигрима» я должна сидеть в кабине самолета и, погружаясь на дно океана, смотреть на слабеющий свет. Я сделаю Мэриен так, как представляла своих родителей, не могла представить их иначе: без страха, без борьбы.

— О чем письма? — спросила я Аделаиду.

— О разном. Их писали на протяжении десятилетий. Я не показывала Кэрол Файфер, когда она искала материалы для книги… Ну, похоже, она уже знала, какую историю хочет рассказать, и, наверное, я не хотела сбивать ее, а может быть, не верила, что эти сложности ей по плечу. По-моему, она постоянно пытается все аккуратно увязать. Письма свидетельствуют о довольно сложных отношениях… — Аделаида замялась. Потом: — Кэрол прекрасная женщина, но не Пруст.

— Я тоже не Пруст.

— Значит, вы не хотите их посмотреть?

Хотела ли я? Или было просто лестно, что Аделаида удостоила меня такой чести? Я сказала:

— Завтра я на пять недель улетаю на Аляску. Вы можете мне их прислать? Отсканировать или как-то так?

— Вряд ли. А вы не можете приехать сегодня?

— Сегодня сумасшедший день.

— Хорошо. Тогда по возвращении. Теперь у вас есть мой телефон. — В ее тоне еще слышались повелительные нотки, хотя, может быть, к ним добавилось легкое огорчение. — Вы будете в Анкоридже?

— Наездами.

— Одна моя работа выставлена в городском музее. Можете посмотреть.

Я уже хотела сказать «хорошо, до свидания» и разъединиться, не собираясь ни лицезреть ее шедевры, ни звонить ей потом, как вдруг нечто странное пришло мне в голову:

— А откуда у вас письма Мэриен?

— Она кое-что мне оставила. Картины, фамильные ценности. Один пекарь в Миссуле любезно хранил все у себя в подвале до ее исчезновения. Юристы распорядились переправить хозяйство

моей матери. Там были и письма. Возможно, это ошибка. Возможно, она не собиралась их передавать.

Мне все еще чего-то не хватало.

— Но почему она вообще что-то вам оставила?

Аделаида молчала так долго, что я проверила, не прервалось ли соединение. Наконец она сказала:

— Я просила бы вас, чтобы это пока осталось между нами, хотя, наверное, на самом деле все не так уж важно, но Джейми Грейвз — мой родной отец.

Война

Англия
Декабрь 1943 г.
На следующий день

Фермерское поле, куда села Мэриен, оказалось всего в тридцати милях от второго отряда авиатранспортной службы в Уитчерче. Она думала, у нее хватит топлива. Если нет, найдет еще какое-нибудь поле. Мэриен провела ночь на холодном полу кухни фермера, чья жена подозрительно косилась на нее, а утром ей удалось поднять «спит» с земли, долететь до Уитчерча, заправиться и доставить самолет в Косфорд. Погодные условия, объяснила она диспетчеру. Самолет остался цел и невредим, поэтому выбранили ее лишь формально, предупредив, однако, что придется доложить. Прекрасно, ответила Мэриен. Когда она добралась на Энсоне до Хамбла, спустились сумерки. Она машинально села на мотоцикл, нашарила ключ зажигания. Бездумно, не зная толком, куда едет, двинулась к лагерю Калеба. За две мили у нее закончился бензин, и оставшуюся часть пути она прошла пешком.

У ворот она спокойно бессчетное количество раз повторила: ей нужно видеть Калеба Биттеррута. Наконец военный полицейский сдался и сказал, что нельзя просто так являться, что лагерь закрыт, что, какие бы дела ни были у нее с Биттеррутом, это не проблема армии Соединенных Штатов, что она вторгается на территорию ВВС США, мисс, и будет наказана. В конце концов он велел ей сесть и подождать, а сам ушел на разведку.

Странно вело себя время. Мэриен будто вышла из него и вернулась обратно, только когда к ней в будке примостился Калеб. Он понял, Джейми погиб. Ему стоило только посмотреть на нее. Мэриен испытала благодарность, что не нужно произносить слова. Вдруг она расплакалась и не могла остановиться.

Появился еще один человек, врач, решила она. Он дал ей две таблетки и бумажный стаканчик с водой.

После этого время остановилось, а потом, спотыкаясь, опять пошло, как будто это еще одна машина, у которой кончилось горючее. Встречные фары с заглушками и затененные каменные стены между залитыми лунным светом полями и древними деревьями создавали над дорогой

и сильной тряской джипа туннели тьмы. Мэриен каким-то образом удалось показать водителю путь до мопеда, и они с Калебом втащили его в маленький кузов. Потом была вращающаяся дверь «Полигона», рука Калеба у нее на плече, желтый свет вестибюля за маскировочными портьерами, Рут в синей рубашке Вспомогательного транспорта, развалившаяся в вольтеровском кресле. Когда Мэриен с Калебом вошли, они встала и спросила, что случилось, спросила у Калеба, кто он такой, потребовала объяснить, что происходит. Мэриен удивилась, как Рут может быть такой жестокой — спрашивать, заставлять ее произносить слова. Она помнила, как ехала на лифте и оба поддерживали ее. Как Рут ее раздела, а Калеб уложил в постель. Свой собственный голос, хриплый, велевший Рут уйти, потому что она хочет только Калеба.

Когда она проснулась, Калеб спал в кресле, а Рут ушла. Она удивилась, почему он у нее в комнате, потом вспомнила и выбросила руки, во-первых, защищаясь от того, что знала, а во-вторых, чтобы он подошел к ней.

Небесный ветер

ВОСЕМНАДЦАТОЕ

Я вылезла из самолета и пошла к ангару, где меня ждал мужчина: Баркли Маккуин, бутлегер, мой будущий муж. Я чувствовала себя сильной, умелой, чувствовала, как мне подчиняется все чертово небо. Он слышал, я умею летать, сказал Баркли. Ему нужен пилот.

— Снято!

«Хэдли, пройди еще раз, пожалуйста».

Мы снимали на Аляске, игравшей в фильме не только себя, но и Монтану, так театральные артисты играют несколько ролей и в целях экономии, и чтобы покрасоваться.

Я вылезла из самолета и пошла к ангару, где меня ждал мужчина. Он слышал, я умею летать. Ему нужен пилот. Нужно забрать из Канады — многозначительная пауза — товар. Я знала, этот человек изменит мою жизнь, и испугалась. Подпустила в глаза страха. Нас со всех сторон окружали горы, ржавели осенние деревья.

Мне думалось, играя Мэриен Грейвз, я должна изображать человека, лишенного страха,

но теперь поняла, дело совсем в другом. Дело в том, чтобы стать человеком, обращающимся со страхом, не как с богом, нуждающимся в умилостивлении.

Поскольку фильмы снимают совершенно не в той последовательности, мы как будто взяли жизнь Мэриен и, бросив с большой высоты на что-то твердое, каждый день поднимали разные кусочки и вдавливали их на нужное место, выстилая дорогу обратно к началу, которое стало ее смертью, оно же и концом. Только в силу случайности и расписания звукового павильона последнюю сцену — крушение — мы будем снимать в последнюю очередь, но я радовалась. Я хотела завершения. Хотела, чтобы конец стал концом. Прав Барт, когда говорил, что мы не всегда видим начала. Концы обычно найти проще.

Однако чем больше во мне накапливалось Мэриен, тем больше я ощущала с той стороны пустоту, пустое пространство, вместившее, но не содержащее правду. У Джейми Грейвза была дочь, что Мэриен знала. И об этой правде никто даже не подозревал.

«Дорогая, ты откровение, — написал мне Хьюго как-то вечером, посмотрев отснятый материал. — Я тебя почти не вижу, даже прищурившись».

* * *

Когда у меня выдалось свободное утро, я пошла в анкориджский музей. Под инсталляцию Аделаиды Скотт выделили отдельный зал. Временная выставка, указывалось на табличке. Ниже перечислялись спонсоры, сделавшие ее возможной, в том числе Кэрол Файфер. По центру бледного деревянного пола под потолочным окном стоял огромный керамический цилиндр, может, десяти футов в высоту и двадцати диаметром, его поверхность испестрили бесконечное множество мельчайших черных выскобленных черточек, в совокупности создававших образ моря, подернутого светом, течением и ветром. В верхней части протянулся мягко вырезанный горизонт с намеком на облака и далеких птиц.

Окружая барабан, с потолка свисал гладкий круглый занавес из твердого жемчужно-белого пластика, на котором был выдавлен тот же образ, то же море. Я обошла объект по круговому коридору между цилиндром и занавесом, между двумя вариантами одного и того же. Хотела отойти, чтобы выгоднее смотрелось целое, но конструкция этого не позволяла. Вы попадали в ловушку.

* * *

Мы с Редвудом сидели на верхнем этаже анкориджской гостиницы в баре из дерева, латуни и окон. Внизу неровный асфальтовый край города соприкасался с расстилающейся широкой полосой воды, на той стороне виднелся поросший лесом холм, а за ним вдалеке высилась Денали — в двухстах милях, но такая огромная, что белая вершина все равно поднималась над горизонтом.

— Мне звонила Аделаида Скотт, — сказала я.

— Правда? Зачем?

Меня затрясло мелкой дрожью, но я пошла дальше:

— Сообщила, что у нее есть несколько писем Мэриен, которые могли бы меня заинтересовать.

Редвуд чуть не обиделся:

— Тебя?! Почему тебя?

Конечно, я и сама задавала себе данный вопрос и все-таки огрызнулась:

— Спроси у нее.

— И что в них?

— Не знаю. Она не вдавалась в подробности.

Я поиграла в стакане оливкой на зубочистке.

— Прости, я просто… Она говорила так, как буд-

то письма могут все изменить? За ужином мадам с очаровательной непреклонностью утверждала, будто не знает ничего интересного. А теперь уже поздновато.

Я собиралась сообщить ему, кто отец Аделаиды, но решила, не могу. Сказать означало лишь впрыснуть дофамина, почувствовать собственную важность, повязать себя с Редвудом. Стоит мне произнести нужные для этого слова, информация будет принадлежать не только мне, но и ему, потом неизбежно Кэрол, а потом всем. Было нелепо испытывать собственнические чувства по отношению к факту, который не имел ко мне никакого отношения, и все же я их испытывала. Строго говоря, Аделаида не запретила мне рассказывать. Она заявила, что устала хранить тайны и не собирается заставлять меня. По ее словам, поделившись со мной, она словно играет в русскую рулетку, но в хорошем смысле. Я ее поняла. Ведь я тоже бросила флешку Гвендолин.

— Думаю, мама не в курсе, что у Аделаиды есть письма. — Редвуд разволновался. — А кто-нибудь в курсе? Однако нам следовало знать, из-за фильма. Почему она промолчала? Она правда не рассказала, что в них?

— Вряд ли они так уж важны.

— А могут быть по-настоящему важны. Черт. Ты не спросишь у нее, могу ли я их прочесть? Если честно, меня несколько задевает, что она не показала их маме. А что, если там какое-то невероятное откровение, а она облегчит душу только после окончания съемок? Она способна на это? Мы можем попросить ее так не поступать?

— Ты можешь попросить ее о чем угодно.

— Но в качестве доверенного лица она выбрала тебя. Судя по всему.

Мне не надо было ничего говорить. Въедливость Редвуда меня оттолкнула, и я изо всех сил вцепилась в мою драгоценную крупицу знания. «Мою, не твою».

Я размышляла о том, каково быть Мэриен, что имело ко мне непосредственное отношение, но фильм с каждым съемочным днем интересовал меня все меньше. Мне было уже плевать, получится ли он. Я перестала воображать себя с «Оскаром». Маленькая искорка правды — знакомство Мэриен Грейвз с племянницей перед исчезновением — подмыла фундамент, проломилась через искусственность; так в мультиках фасад здания может рухнуть и сокрушить все,

кроме героя, которого спасает не скособочившееся окно. Посреди обломков я чувствовала себя глупо, но вместе с тем испытывала ощущение свободы.

— Ты же знаешь, что фильм — неправда? — и я посмотрела на Редвуда.

— Зритель захочет, чтобы он был правдой.

— Вряд ли зрителю это действительно важно. Зритель хотел, чтобы «Архангел» был правдой, так как знал, что он неправда. Вся история — уже игра в испорченный телефон. Есть настоящая жизнь Мэриен, потом ее книга, потом книга твоей мамы, а потом фильм. И так далее и тому подобное.

— Я просто хочу поменьше бардака. — Редвуд постучал по виску: — Здесь. Хочу понимать, что происходит.

— А-а, ясно.

* * *

— Не уверена, что любовь можно найти, — ответила я журналистке из «Вэнити фейр», когда она спросила меня, ищу ли я любовь. — Я думаю, любовь — то, во что веришь.

— Вы хотите сказать, это иллюзия?

— Когда-то давно у меня был мозгоправ, он

велел мне представлять сияющего тигра, пожирающего все мои сомнения. Фишка в том, что оно работает, если вы верите. Но значит ли это, что тигр реален? Или что нереальны сомнения?

Потом я рассказала ей, что однажды побывала в пещере и не могла отличить светлячков от звезд, стало быть, мушиных детенышей пожирают, несомненно, звезды.

Круто, восхитилась она, и я поняла, что она собирается выставить меня особой с серьезными странностями.

Если не веришь, что любишь кого-то, то и не любишь, добавила я.

— Может, нам стоит просто переспать? И посмотрим, что получится? — предложил Редвуд в гостиничном баре, все еще обиженный на Аделаиду с ее письмами.

Раздражение на меня придало ему смелости; он хотел порядка и думал, что, переспав со мной, получит его.

— Какой элегантный ритуал соблазнения, — не удержалась я.

— Я говорю прямо. Ценю прямоту. Ты мне нравишься. Меня к тебе тянет. Теперь я знаю тебя достаточно и понимаю: ложусь в постель не с незнакомкой. Разве ошибка признать, что

я тоже нервничаю?

— Ты хочешь сказать, находишься в состоянии неопределенности.

— А твое отношение ко мне определенно? У нас обоих имеются причины соблюдать осторожность. Ни ты, ни я не претендуем на статус романтика. Что, если нам отправиться в постель осознанно, «радикально честно», в рамках эксперимента?

— Ты прав. Это не романтично.

— Но может принести романтические результаты. Стремительное погружение в моем случае себя не оправдало. Хочу попробовать что-нибудь другое.

Закат окрасил вершину Денали в розовый цвет клубничного мороженого. Некоторые в баре делали вид, что заняты селфи, хотя на самом деле фотографировали нас. Я представила, как приглашаю Редвуда спуститься вниз, лечь в залитую угасающим светом постель, как схлестываются наши клацающие доспехи.

— Может быть, — сказала я. — Но не сегодня. — Я показала в окно: — У меня суббота свободна. Не хочешь посмотреть гору?

* * *

— На ее фоне чувствуешь себя совсем маленьким, да? — раздался в наушниках отрывистый авиаголос летчика, перекрывающий шум мотора.

Самолет был красный, с двумя пропеллерами и двумя лыжами. Мы с Редвудом сидели сзади. Сбоку от летчика второй штурвал повторял движения первого, будто им управлял невидимый второй пилот. Мы пролетели над извилистой рекой, сосновым бором, осенними тополиными рощами, превратившимися в мандарин, такой сладкий и яркий, что у меня заныли зубы. Затем очутились в мире снега и камня. Глаза не могли вычленить ничего, поскольку все оказалось слишком большим и в то же время слишком простым: только лед, только снег, только скалы, — а мы на фоне скал, хребтов, отвесных гранитных плит, трещин и морщин ледника превратились в карликов. Вершину Денали окутали облака. Тут не было жизни.

— Вы знаете, кто такая Мэриен Грейвз? — спросил Редвуд в наушники.

— Боюсь, что нет, — ответил летчик.

— Она работала пилотом на Аляске, — уточни-

ла я. — До войны.

— Лучшая на свете работа! — воскликнул летчик.

— Мой отец тоже летал на самолетах, — сказала я. — Хобби. У него была «Цессна».

— О, правда?

— Да.

— Больше не летает?

— Нет. Я брала один урок пилотирования. Мне не понравилось.

— А что вам не понравилось?

— Наверно, ощущение.

— Лучшее на свете ощущение.

— Тот инструктор тоже так говорил. — Летчик рассмеялся. — Я думала, все сейчас испорчу.

— Не-е, — протянул он. — Самолету надо доверять. Самолет хочет летать.

Самолет приземлился на глетчере в ледяной чаше, окруженной горными вершинами, в замерзшем амфитеатре, занимавшем, по утверждению пилота, территорию больше Анкориджа. Двигатели заглохли, и мы вышли в тишину. Огромный, красивый пейзаж, как огромно и красиво понятие смерти — ее красота к человеку неприменима. Я ступала по снегу, и у меня возникло невнятное, зачаточное ощущение, будто

я сейчас провалюсь. Вот, захотелось сказать пилоту, вот такое ощущение. Но он ответил бы мне, что леднику надо доверять.

Редвуд уже прошел вперед, но вернулся и протянул руку. Я приняла ее. Пейзаж представлял собой полную противоположность скульптуре Аделаиды Скотт. Здесь виделось только все целиком. Невозможно было наложить зрелище на масштаб, который имел бы смысл. Тишина казалась огромной, как небо, а мы такими крошечными, что не имело никакого значения, чем заниматься. Поэтому там, в снегах, мы наконец поцеловались, и я, закрыв глаза, спряталась от того, что нас окружало.

День Д

Англия
Июнь 1944 г.
Через полгода после торпеды

15 мая, 1944 г.

Привет, ребенок!

Спорю, ты удивишься, получив мое письмо, памятуя, как мы расстались. Клянусь, пишу не для того, чтобы ныть или ругаться, хотя, возвращая тебе твои письма, могу показаться злюкой. Я просто решила, ты хочешь получить их обратно. Я в [redacted], таскаю на буксире мишени для будущих пулеметчиков, если ты еще не слышала. Кокран говорила про важное сверхсекретное спецзадание, но оказалось примерно так же весело, как быть глиняным голубем, и даже вполовину не так привлекательно. Место стоянки самолетов – весь дерьмовый город. Бесконечные, сколько хватает глаз, ~~A-24s~~ с красными полосами, а зап-

частей нет, и времени на ремонт тоже. [redacted].

Не знаю, как мальчики-стрелки относятся к женщинам за штурвалом (похоже, они точно не знают, куда целиться: в мишень или в самолет), но летчикам это явно не по вкусу. Сорвиголовы, только-только окончившие летную школу, думали, что сейчас полетят сражаться, а их отправляют в игрушечный тир. И так несладко, а тут еще заявляемся мы и делаем то же самое. О-е-ей – примерно так.

Девочки говорят, сначала было хуже, но потом мальчики поняли: пока мы летаем, они могут чаще играть в карты и в них меньше стреляют. Мы все равно всегда добровольцы, поскольку хотим что-то доказать. Я попыталась подружиться с механиками, так как, на мой взгляд, их расположение – лучший шанс не навернуться. До моего приезда погибла одна девушка, Мейбл. Она бы спаслась, но у нее не открылся фонарь, и она сгорела заживо. Неисправная щеколда была отмечена в формуляре, но никто так ни-

чего и не починил.

Была еще одна катастрофа, погибла девушка,
Джеки [redacted] сама приехала разбираться, но потом предпочла помалкивать, не знаю, что ей там удалось выяснить. Она такими усилиями пропихивала нас в этот цирк. Не дай бог кому-нибудь важному придет в голову мысль, будто из-за нас одни неприятности. От нас будут счастливы избавиться.

Некоторые мужики порядком перегрелись. У меня есть воздыхатель. Настойчивый. Я все говорю ему, что замужем и мой муж в плену, а он отвечает: разве ты не знаешь, война? Как будто, если война, я должна бегать за кем-то с гнилым грибом вместо лица.

Может быть, тебе такого рода внимание менее неприятно, чем мне. Мне кажется, тебе все-таки не хватает мужчин. Смешная история: наш женский экипаж, транспортирующий истребители, сел из-за непогоды в какой-то дыре, и их бросили в местную каталажку, поскольку

после наступления темноты женщинам там запрещается ходить в брюках. Шериф не поверил, что они летчицы. Хотя, по-моему, история не такая уж и смешная. Бросаешь мужикам вызов и в конце концов добираешься до сути: они считают себя лучше нас. А ведь войну развязали именно они. Я много думала. Когда злимся мы, не происходит ничего. Когда злятся мужчины, начинает полыхать весь мир. А потом, когда мы хотим что-то сделать, они вечно пытаются уберечь нас от опасности. Поскольку не дай бог нам будет позволено решать за себя. Больше всего они боятся, если однажды мы завладеем нашей жизнью, как они владеют своей.

Я ударилась в разглагольствования, прости, отчасти готовя себя к тому, чтобы сказать: ты причинила мне сильную боль, хотя знаю, ты находилась в жутком состоянии. Я хотела быть тем, кого ты позовешь, а когда ты пошла к нему, объедков мне показалось мало. Судя по всему, несправедливо, что именно я испытываю угрызения совести, поскольку ушла, однако так и есть. А ты их испытываешь? Мне было бы немаловажно знать, если да. Но в любом случае я хотела сказать, если с кем-то из нас что-нибудь случится, знай, во всяком случае с моей стороны, мы друзья. Не уверена, могу ли я сказать, что простила все, но почти все. После случившегося остаться я не могла, но я все еще скучаю по тебе и шлю свою любовь.

Всегда твоя
Рут.

После того вечера в «Полигоне», когда она выбрала Калеба, и до этого письма Мэриен не видела Рут и ничего не слышала о ней.

Тысячи кораблей зацветшими серыми водорослями облепили южное побережье, закупорив

гавани. Несколько недель Мэриен наблюдала, как их становится все больше. В Ла-Манше, который, похоже, грозил выйти из берегов, царили давка и теснота.

Лагерь Калеба на время подготовки наступательной операции закрыли для входа и выхода.

В Хамбле ей дали «Валти Венджанс» для транспортировки в Гаварден. Оттуда Мэриен должна была доставить истребитель «Веллингтон» в Мелтон-Моубрей, но перед вылетом поднялся сильный ветер.

Она нашла комнату над пабом. Утром все еще лил дождь, она позвонила в Хамбл, ей велели ждать. На второй вечер, после бестолкового дня, проведенного в кинотеатрах, она выпила с еще одним застрявшим британским летчиком Вспомогательного транспорта, слишком старым для королевских ВВС.

— Я слышал, флот вышел сегодня утром, но из-за этого повернул назад. — Он бросил полный упрека взгляд на залитые дождем окна. — Не завидую бедолаге, выдавшему метеопрогноз.

Мэриен кивнула. Она не испытывала особого интереса к наступательной операции, хотя понимала, ее нужно провести, если война вообще собирается заканчиваться. Она не могла

заставить себя бояться за Калеба. Гибель Джейми приглушила все. Только в постели с Калебом она чувствовала какую-то жизнь, еще иногда в воздухе при виде неодушевленного великолепия: облака, отороченные снизу дождем; толстый, как слизняк, сгусток розового света у горизонта, который, наливаясь желтым, становился луной; далекие, полные молний облака; то, что существовало независимо от войны, существовало бы, даже если бы исчезли люди. Обо всех страданиях в прошлом она могла сказать только одно: все кончилось, и хорошо. Наступательная операция тоже когда-нибудь кончится.

— Я летал во время Большой войны, — сказал летчик. — И никогда бы не подумал, что увижу войну еще больше.

Риторика — большая, больше — раздражала Мэриен, хотя она понимала, он всего лишь пытается выразить масштаб.

— Я, наверное, в ваших глазах ужасно старый, — продолжил летчик.

Неприкаянный и в то же время кокетливый. Мэриен бросила взгляд на его обручальное кольцо и ответила:

— Нет.

Возраст перестал иметь значение. Молодые

ближе к смерти, чем старики.

Летчик все вертел свой стакан на картонной подставке, и Мэриен решила, он собирается с духом, чтобы пригласить ее к себе. Шла война, такое нельзя исключать. А если ощущение жизни можно получить от его тела?

— Хочешь подняться со мной? — спросила она.

Он вскинул голову:

— Видимо, отказ не принимается? Хочешь что-нибудь выпить, отметить, так сказать?

Она уже чувствовала усталость, уже жалела о приглашении, но идти в пустую комнату было еще хуже.

* * *

На следующий день потолок из облаков отодвинулся от земли. Доставив наконец «Веллингтон», она на «Фэрчайлде» вернулась в Хамбл. На всех мелькавших внизу аэродромах в южном направлении выстроились бесконечные вереницы самолетов, черно-белыми полосками блестели свежевыкрашенные крылья.

От берега к Ла-Маншу тянулись ряды кораблей, стрелы кильватеров нацелились на Францию. Дороги забили танки, грузовики, джипы, они поднимались по трапам, их заглатывали трюмы.

Ночью долго слышался гул двигателей. Утром все исчезло.

Созвездия

ДЕВЯТНАДЦАТОЕ

Аделаида Скотт жила в Малибу, но не на беспардонно прибрежной авеню с вычурными домами, а на живописно запущенной сельской улице к северу от автострады Пасифик Коуст, за рыбацким пирсом и тем рестораном «Муншэдоуз», где Мэл Гибсон, напившись, разразился нацистской тирадой в адрес полицейского, который его и тормознул, за «Нобу», за всеми известными пляжами, вверх от шоссе, над дымчато-синей равниной океана. В воздухе пахло полынью, пылью и солью. Когда Аделаида открыла дверь, из дома выбежали три пятнистые дворняги и, облаяв меня, принялись обнюхивать кусты.

— Как доехали? — спросила хозяйка.

Ритуальное начало любого лос-анджелесского разговора о дорогах и пробках.

— Раньше я держала мастерскую в Санта-Монике, — сказала она, — но дорога стала непереносимой, и я перебралась в Окснард. Его преимущество в том, что он значительно дешевле и туда очень удобно ездить. Помощники никогда мне

не простят, но теперь у меня целый склад.

Дом был оформлен темно-зеленой плиткой и золотисто-красным деревом; окна с расстекловкой выходили на склоны холмов, покрытые сухими, как бумага, калифорнийскими кустами, только того и ждущими, чтобы загореться.

— Я приготовлю чай. — Аделаида указывала дорогу, собаки семенили следом. — Подождите здесь. Не выношу, когда кто-нибудь смотрит, как я вожусь.

Она махнула мне проходить в большую гостиную, залитую золотисто-красными лучами солнца. Над камином по диагонали висел странный спиралевидный рог футов семи в длину, очень острый с одного конца.

* * *

Аделаида откинулась в кресле, положив ногу на пуфик, на шее висели очки для чтения. Возле кресла на полу стоял ящик для бумаг, где, по моим предположениям, находились письма Мэриен. Я села на кожаный диван лицом к выстеленному зеленой плиткой камину и спиралеобразному рогу. Одна собака вспрыгнула ко мне на диван и тут же, уперевшись задом о мой бок, заснула, вероятно, не осознавая, что я звезда игрового

кино и икона большого экрана.

— Что это? — спросила я, указав на рог.

— Бивень нарвала.

— А что такое бивень нарвала?

— Если не знаете, лучше показать. — Аделаида встала и, достав альбом живой природы, нашла фотографию, очевидно, нарвалов, всплывших в полынье. — Это вид китов.

Заляпанные коричневым и серым тупорылые головы были совершенно безлики, не считая единственного невероятно длинного клыка, торчавшего, как копье рыцаря на турнире. Нарвал напоминал помесь единорога с грязным большим пальцем.

— Насколько я понимаю, Эддисон Грейвз, отец Мэриен, приобрел его в своих странствиях, — сказала Аделаида, имея в виду бивень. — У меня и другое есть. Думаю, экзотические сувениры принадлежали ему. Как и старинные книги вон там. А вот эту картину, — она указала на подернутые дымкой верфи, — написал дядя Мэриен — Уоллес. У меня несколько работ Джейми и Уоллеса. Лучшие работы Джейми в музеях. Кэрол Файфер очень интересовалась безделушками, хотя мне неизвестны никакие связанные с ними истории. — Она достала из коробки и дала

мне небольшой блокнот: — А вот это может быть интересно.

Под обложкой лежал сложенный лист бумаги. Я развернула его. «Формально рисунки принадлежат ВМС США…»

— Эта записка Джейми моей матери.

Я стала читать дальше.

«…но вернусь я на самом деле, так как люблю тебя, и то, что я оставлю от себя, забрать невозможно».

Я сложила письмо и стала листать блокнот. Пожелтевшие, крошащиеся страницы покрывали наброски углем, карандашом, иногда акварелью. Горы и океан. Самолеты и корабли. Руки солдат. Палатки в заснеженной долине. Затем рисунки стали абстрактными: беспорядочные линии, пятна, каракули. С десяток таких страниц. Дальше пусто. Аделаида смотрела на меня:

— Беспокойные, правда? Последние страницы?

— А что это?

Аделаида проигнорировала вопрос.

— Меня заинтересовало, что вы говорили тогда за ужином. Когда мы умираем, все испаряется. По-моему, так вы выразились? Ваши слова мне созвучны. А к таким созвучиям я стараюсь относиться внимательно.

Я помнила свои слова, но, что к ним добавить, не знала.

— Если честно, меня раздражала та девушка, Лиэнн, и я попыталась произвести впечатление думающего человека.

— Не отмахивайтесь от своих мыслей, будто от надувательства, — резко сказала Аделаида. — Скучно.

— Простите. — Я растерялась.

— И не извиняйтесь. Особенно поскольку вам это известно по опыту. Ваши родители. Вы не просто порете чушь. Вы точно знаете, сколько можно потерять. — Собака положила голову Аделаиде на колени. Та, погладив ей уши, искоса посмотрела на меня, и в глазах сверкнула знакомая мне минеральная искра. — Ваша ситуация наверняка много хуже, но обо мне люди тоже думают, будто что-то знают, поскольку я кое-где бываю, обо мне пишут и так далее. Почти всем известны лишь отдельные разрозненные данные, но точки произвольно связывают воедино.

— О господи, да! — воскликнула я, пригнувшись. — И придумывают про тебя такое, что им представляется осмысленным, а потому кажется правдой, хотя на самом деле все высосано из пальца.

— Да, точно. Как созвездия. Невозможно объяснить себя, пока ты жив, а если умер, вообще забудь — ты во власти живых. — Аделаида кивнула на блокнот, лежащий у меня на коленях: — Моя мать рассказывала, Джейми говорил ей, что заполнил последние страницы во время сражения. Он думал, делает реалистические наброски, и только потом увидел каракули. — Она отхлебнула чай. Керамическая кружка тоже была зеленая, как и каминная плитка. — Я рада, что он не справился с теми рисунками, которые думал, будто выполнил. Они стали бы враньем. Искусство — искажение, но такая его форма, которая имеет возможность прояснять, как корректирующие линзы.

— Не совсем понимаю.

— Я только хочу сказать, хорошо, когда кое-что пропадает. Это естественно.

— Но вы тем не менее хотите мне их показать, — я кивнула на коробку с бумагами. — А не дать им пропасть.

— Да-а-а, — несколько неуверенно протянула Аделаида. — Только не знаю, заполнят ли письма пробелы или выявят их.

— Но, повторюсь, я правда не могу ничего изменить в фильме. Особенно сейчас. Мы почти

закончили.

Аделаида махнула рукой:

— Фильм только дополнительно наводит тень на плетень. Правда ценна сама по себе.

— Безусловно. — Я испытала странное облегчение. — Мне потребовалось много времени для уяснения, что на самом деле фильм не особо важен, но когда я поняла, то наконец… не знаю… смогла играть. — Я помолчала. — Должна вам признаться, я рассказала Редвуду о письмах Мэриен. Он хочет их прочесть.

— А вы этого хотите?

— Нет.

— Тогда ему и не надо. Я решила показать их вам, именно вам, но, как я уже говорила, не ставлю цели непременно сделать их достоянием общественности. — Она задумалась. — Интересно, я словно сооружаю какую-то инсталляцию. — Потом насмешливо: — Может быть, мой первый опыт перформанса.

Я не знала, как ответить, и поэтому отважилась:

— Еще я не сказала Редвуду, что Джейми ваш отец.

— Родной отец. Конечно, в противном случае, полагаю, Кэрол уже постучалась бы ко мне. А по-

чему вы не сказали?

Теперь задумалась я. Вернувшись с Денали, мы с Редвудом отправились в постель, и все было совершенно замечательно и чудесно, однако я не могла избавиться от неприятного чувства, будто вот-вот что-то рухнет.

— Сначала я думала, сработал инстинкт собственника, — ответила я, — но сейчас полагаю, дело, возможно, в том… Информацию, сведения обо мне предали огласке — или я сама предала их огласке, — и я никак не могу понять, важно ли, сколько людей про меня знают. Они ведь все равно ничего не знают. А значит, не имеет значения, сколько правды в «Пилигриме». Может, даже лучше, что он всего-навсего фильм.

— Чисто из любопытства, что вам еще осталось?

— Мы с основной командой поедем на Гавайи доснять пару натурных сцен, потом крушение самолета, самый конец.

— Почти шоковая терапия в духе «Нью эйдж». Вы снимаете сцену, где самолет падает в воду.

— Может, это перформанс.

— Забавно. Ну что ж, коли уж вы едете на Гавайи, вам стоит навестить ребенка, которого вырастил Калеб Биттеррут. Теперь он старый,

как и я, но я почти уверена, живет в том же доме на Оаху, где Мэриен останавливалась во время полета. Мы обмениваемся рождественскими посланиями. — Мне было трудно представить, что эта женщина поздравляет кого-то с Рождеством. — Его зовут Джоуи Камака. Я видела его один раз, когда ездила повидать Калеба.

Я тупо переспросила:

— Вы ездили повидать Калеба? Калеба Мэриен?

— После двадцати я погрузилась в поиски. О том, что папа не мой родной отец, я знала с четырнадцати лет, но всерьез не пыталась об этом думать. А потом попыталась.

После смерти Митча я вернулась домой из Нью-Йорка продать дом, но прежде походила по нему и нашла папку с письмами моего отца. «Мы мучаем друг друга, — писал он о матери до моего рождения, — но решили, что предпочитаем свои мучения и радость примирений непрекращающемуся животному довольству».

Когда я появилась на свет и отцу стало ясно, что ребенок не решит никаких проблем, письма стали еще тоскливее. Не знаю, почему считается, будто дети буквально все делают проще. Читая его слова, впервые в известном смысле слыша

его голос, я задумалась, а не намеренно ли он разбил самолет. Потом, наняв Р. А. разобраться в той катастрофе, я спросила его, возможно ли убийство-самоубийство, и он ответил, возможно, конечно, все. Но добавил, что в таком случае отец взял бы и меня: такие ребята обычно кончают всей семьей.

Я спросила у Аделаиды:

— Как вы узнали, что Джейми ваш…

— Родной отец? Мне сказали родители. Мои братья к тому времени уже учились в колледже, и папа с мамой усадили меня и выдали. Мой папа, врач, когда меня зачали, был на войне в Европе. История оказалась не особо эффектной. Во время войны Джейми находился проездом в Сиэтле, и они с мамой, по выражению родителей, воссоединились. Мимолетно. Узнав, что она беременна, мама тут же написала отцу и все ему рассказала. Он очень понимающий человек. Любил ее, хотя, могу себе представить, мое существование кое-что осложнило. Мама отправила письмо и Джейми, но он уже погиб. Тогда она написала Мэриен, однако письму потребовалось немало времени, чтобы найти адресата.

— Я видела документальные съемки вашего проекта с затонувшими лодками…

— Лодкоподобные объекты.

— Это про Джейми?

— Тогда я так не думала. Мое название было «Морские коррективы». Знаете тот стих из «Бури»? Отец твой спит на дне морском…

Я не знала.

Он тиною затянут,
И станет плоть его песком,
Кораллом кости станут.
Он не исчезнет, будет он
Лишь в дивной форме воплощен[9].

Аделаида криво улыбнулась:

— Образ невольно завораживает. Наверное, тут не столько о теле, сколько о том, как наше воображение тщится тягаться со смертью и проигрывает.

Я вспомнила, как держала в руках штурвал «Цессны» — будто бомбу. Подумала о падении бутафорского самолета в бутафорский океан, постепенном затемнении.

— Каким был Калеб?

— Очаровательным. Многовато пил. Я провела у него всего несколько дней. Он мог быть шум-

---

[9] Сноски: 9
Перевод Аполлона Григорьева. — *Прим. ред.*

ным, а потом мрачнел. Он явно любил Мэриен, однако не создавалось впечатления, будто утрата сокрушила его. Иногда он даже говорил о ней в настоящем времени, после чего я задумалась, а поверил ли он вообще в ее смерть. А может, просто знал слишком много людей, которые погибли. Не знаю. Мы с ним больше беседовали о Джейми, чем о Мэриен. Однако скажу еще раз, вам надо навестить Джоуи Камаку. Возможно, ему известно больше.

— Я до сих пор не понимаю, почему мне. Почему вы сами не хотите? Почему считаете, что должна я?

— Лично я правду ищу иначе, не собираю информацию по крупицам. От этого меня одолевает уныние. Но я вовсе не хочу сказать, что мне наплевать на правду. А почему вы, не знаю. Так, в голову пришло. Люблю пересечения. Вы играете Мэриен. Ваши родители. — Она подняла коробку на пуфик, сняла крышку: — Посмотрите.

— Сначала мне надо в туалет. Куда?

Я думала, что пописаю, а потом тихо уйду, не оглядываясь, не беря на себя ответственности за судьбу писем — что бы в них ни содержалось, — перестав играть роль пешки в художественной инсталляции Аделаиды. Но, когда

я вышла из ванной, готовясь к бегству, со стены на меня посмотрела Мэриен Грейвз, оригинал портрета углем, прикрепленного к стене вдохновения у художницы по костюмам. Странно, что он был реален, вполне себе материальный объект, который можно вставить в рамку и повесить. И ее лицо на чистом листе вызвала к жизни рука брата, она вывела линии.

На меня вдруг навалилось что-то непонятное, точнее всего назвать наитием. Можно еще кое-что узнать, и мне хотелось узнать. Что-то еще лежало в коробке Аделаиды, а что-то за ее пределами, где-то в пустоте. Я чувствовала это, как во время поцелуя с Редвудом чувствовала бескрайний снежный ландшафт.

Я вернулась в гостиную.

Мне рассказывали о человеке, который подает голос раз в несколько лет, заявляя, что рассмотрел на спутниковых снимках Антарктиды, судя по всему, «Пилигрим», или что нашел на отдаленных субантарктических островах предметы, могущие послужить подсказками, — обломки самолета, старую губную помаду, принадлежавшую, по его словам, Мэриен, или костный фрагмент, который может оказаться человеческим и быть частью Эдди. Человек обещал, если

ему дадут денег, он поедет туда и наконец-то разгадает тайну. Сто процентов.

Может, я превращалась в такого человека. Может, становилась похожа на тех самозваных сыщиков, которые публикуют в интернете старые размытые фотографии, утверждая: на них изображены Мэриен и Эдди в Австралии в 1950-е годы или «Пилигрим», перестроенный в Конго в грузовой DC-3. Может, я становилась похожа на людей, убежденных в том, что земля плоская, а Антарктида ледяной стеной обносит ее по периметру, и считающих, что «Пилигрим» сбили BBC, дабы не дать Мэриен узнать правду. У всех у них тоже были наития. Всем им страшно нужно было верить в свои открытия и откровения, знать: именно они наконец-то скажут правду. Может, я становилась психопаткой или шарлатанкой; может, всего-навсего пыталась проникнуть в непостижимую, давно завершившуюся драму.

А может, прошлому требовалось что-то сказать мне.

Я села на диван Аделаиды и осторожно, почти против воли, потянулась к коробке с письмами.

Полет

С чего начать? Разумеется, с начала. Но где начало? Не знаю, где в прошлом разместить метку, означавшую бы: здесь. Здесь начались полеты. Потому что начало в памяти, не на карте.

***МЭРИЕН ГРЕЙВЗ*[10]**

Нью-Йорк
40°45′ N, 73°58′ W
15 апреля 1948 г.
Полет — 0 морских миль

Матильда Файфер, которой скоро исполнится семьдесят лет, регулярно ходит по Сорок Второй улице. Она одета в черное — не потому что желает подчеркнуть свое вдовство, а потому что любит строгость. Узкая черная юбка, приталенный черный пиджак с эмалированной брошкой в виде леопарда на лацкане, черные туфли-лодочки, черный берет на стального оттенка седых волосах и огромные круглые очки в тяжелой черной оправе. Костлявой рукой, сверкающей

---

[10] Сноски: 10

Из книги «Море, небо, а между ними птицы. Утраченный журнал Мэриен Грейвз». Нью-Йорк, Д. Уэнслес и сыновья, 1959.

кольцами и браслетами, она прижимает к груди пушистого белого песика.

Когда Ллойд умер, никто не был удивлен больше Матильды, узнавшей, что супруг оставил ей не просто все свое состояние, но и полномочия в бизнесе, какие только мог завещать. «По собственному усмотрению принимать решения, какие она считает целесообразными».

Единственным, кто рвал и метал, оказался Клиффорд, второй сын, дурень, может быть, понимая, что из четырех выживших сыновей Файферов меньше прочих заслуживает права голоса. Ллойд, более сентиментальный, чем Матильда, доверил Клиффорду, по крайней мере номинально, отстаивать интересы семьи в пароходстве. Тот все запорол, даже будучи надежно отстраненным от реальной власти, и Матильда уволила его при первой же возможности. Она, конечно, не выставила его на улицу, но, дав много денег, предупредила, подачек больше не будет, и посоветовала уехать куда-нибудь за границу и предаться экономному разврату. (Как подозревала Матильда, Ллойд поставил ее главной, отчасти поскольку знал: она сделает то, на что у него не хватало сил.) Клиффорд переехал на Сент-Томас, женился на карибской девушке,

и у них родилось трое детей, однако Матильда не доставила ему удовольствия и не стала поднимать скандал.

Генри, старший и самый способный, еще при жизни Ллойда стал вице-президентом «Либерти ойл», крупнейшей, с отрывом, их компании, и Матильда ее не трогала. Генри исполнилось сорок шесть; его жена, с которой он воспитывал своих четверых сыновей, не вызывала у Матильды презрения.

Господи, благослови Генри.

Роберт, третий по старшинству, тоже работал в «Либерти ойл». Он не блистал, но и не тянул вниз, в обществе был учтив, хоть и не очень интересен, так и не женился, а ведь ему уже сорок три. Матильда полагала, он голубой.

Следующий Леандр. Каким бы он стал, если бы не дифтерит?

Потом шел Джордж, дорогой Джорджи, дитя, появившееся на свет из темных недр ее скорби по Леандру. Когда умер Ллойд, ему исполнилось всего двадцать четыре года, он единственный из ее сыновей воевал, и теперь будущий геолог заканчивал докторантуру в Колумбийском университете и, женившись на милой девушке, растил двоих детей. Благодарность Матильды

за его возвращение с Тихого океана была безгранична, как космос. Она не перенесла бы утраты еще одного сына, а Ллойда убила война, это она знала. В сентябре 1939 года Германия напала на Польшу, а через несколько дней, в семьдесят четыре года, Ллойд Файфер умер от сердечного приступа по дороге на работу. Матильда считала, что сердце просто не выдержало накала бешенства, испытываемого им по отношению к стране его отца.

На похороны пришло множество женщин в трауре. Матильда пыталась вычислить, кто из них был любовницей мужа, но в унылом раздражении бросила.

Ей потребовалось несколько месяцев, чтобы разобраться в разнообразных финансовых делах Ллойда, одновременно отбивая атаки конкурентов. Почувствовав, что крепко держит бизнес в руках, Матильда продала некоторые авуары, реструктурировала другие и ушла, купив погибающее издательство «Уэнслес и сыновья».

— Почему вдруг книги? — спросил Генри. — Почему не благотворительность? Я знаю множество попечительских советов, которые будут счастливы, если ты к ним присоединишься.

— Люблю книги, — ответила Матильда. — По-

печительские советы мне не интересны.

А кроме того, она дала жизнь пятерым сыновьям, прожила почти сорок лет с волокитой и теперь имела свободу поступать, как ей угодно. Может, именно поэтому Ллойд и оставил ее за главную. Может, таким способом в очередной раз не прямо попросил у нее прощения.

После Перл-Харбора она решила переиздать тысячи книг «Уэнслеса» в бумажных обложках и пожертвовать их армии. Это была ее идея — мягкие обложки. Жест объяснялся искренней доброй волей, но она думала, что юноши, вернувшись домой, и дальше захотят читать. Продажи радовали. Отчасти благодаря ей удобные и доступные книги в бумажных обложках перестали считаться мусором.

Матильда живет недалеко от Брайант-парка и пришла именно оттуда, резко свернув с Сорок Второй улицы и пройдя в стеклянные двери здания, где находится главная контора «Уэнслес». Из лифта она идет прямо в свой кабинет, не обращая внимания на приветствия секретарш и машинисток, похожие на писк птенцов в гнездах. Она выбрала себе кабинет на пятом этаже, где сидят редакторы, а не на четвертом, где отделы продаж и бухгалтерия; некоторых редакторов

видно через полуоткрытые двери; они вечно читают, а иногда читают и говорят по телефону одновременно.

— Не отменила? — спрашивает Матильда секретаршу Ширли, прошедшую за ней в кабинет.

Она бросает берет на книжную полку и небрежно опускает пса Пиджена на пол. На всех доступных поверхностях поверх бумажных завалов, перевязанных веревками рукописей, эскизов обложек, вырезок, писем высятся стопки книг.

Ширли ставит серебряную миску с водой для Пиджена, берет с полки берет и аккуратно кладет его на вешалку.

— Нет, пока нет.

* * *

Вскоре после смерти Ллойда Матильда вдруг задумалась об Эддисоне Грейвзе. Ллойд, как она смутно помнила, говорил ей, что Эддисона выпустили из Синг-Синга, но потом… ничего.

И спросить в общем-то не у кого. Ничего не знали даже старейшие служащие L&O, а юрист Честер Файн умер. Пока Эддисон сидел, Ллойд постепенно перестал его упоминать. Матильда сочла конец их дружбы естественным, печальным следствием гибели «Джозефины» и неопределен-

ности, окружавшей скверные слухи. Возможно, громко защищая Эддисона, Ллойд проявил бы мужество, но ему приходилось думать обо всей компании, о тысячах работников. А утонувшие пассажиры и члены экипажа? Разумеется, их семьи нуждались в… только не в козле отпущения. Разумеется, к ним надо было отнестись со всей справедливостью. Трагедия, что погибла странная молодая жена Эддисона, но по крайней мере спасли детей.

— Он тебе не рассказывал? — в необъяснимом ужасе спросил Генри.

Они сидели одни в конторе «Либерти ойл» друг напротив друга за столом, заваленным папками и бухгалтерскими книгами.

— Что?

И Генри передал ей слова отца о контрабанде ящиков с пулями, снарядами и нитроклетчаткой, а потому именно он, практически несомненно, виноват в гибели корабля, хотя позволил Эддисону взять вину на себя.

— Он кое-как постарался восстановить справедливость, — сказал Генри, — но никогда бы публично не признался, а, вероятно, для Эддисона Грейвза имело значение лишь это. Отправлять такой груз было верхом идиотизма. Конечно,

та поставка никак не могла повлиять на военную экономику. Символический жест. А потом ему пришлось стыдиться до самой смерти.

Матильда пристально посмотрела на сына и, помолчав, спросила:

— Что случилось с детьми? Их ведь отправили к дяде? В Вайоминг?

— Кажется, в Миннесоту.

— У нас есть адрес?

— По-моему, да. Где-то. — Осторожный взгляд: — Почему ты спрашиваешь?

— Я бы хотела им помочь. Не знаю чем.

— Возможно, нам не удастся их найти. Они уже выросли.

— Я бы попыталась.

— Не уверен, что хочу ворошить прошлое.

— Генри! — Матильда вложила в восклицание всю силу упрека.

К тому времени, когда нашелся старый адрес Уоллеса Грейвза в Миссуле (Монтана), тридцать девятый год перешел в сороковой. Германия оккупировала Данию, Норвегию, Голландию, Бельгию, Францию. Матильда написала письмо и отправила его. Ответа она не получила, однако и письмо не вернулась. Она написала еще. В войну Матильда писала раз в несколько меся-

цев, причем более или менее одно и то же: она пытается отыскать детей Эддисона и Аннабел Грейвз, поскольку хочет знать, что с ними стало, и попытаться вернуть долг. В сорок пятом году она писать перестала.

В сорок седьмом получила ответ.

* * *

И теперь Ширли стучит в дверь, пропуская высокую, худую, осторожную светловолосую женщину в шерстяных брюках и длинном плаще без пояса. Пиджен тявкает и мечется.

— Цыц! — Матильда поднимает его с пола и протягивает руку Мэриен.

У той сильное рукопожатие. На вид она старше своих лет, ей должно быть тридцать три — тридцать четыре, постарше Джорджи. На лице морщинки от прищуров и тревог, вид многоопытный. От отца унаследовала костлявость, но зато у нее невероятно бледные волосы и глаза матери, выцветшие, будто они долго пролежали на солнце.

— Чай? Кофе? — спрашивает Ширли. — Могу я взять ваш плащ?

— Нет, спасибо, — отвечает Мэриен.

— Выглядите соответственно, — говорит Ма-

тильда.

— Соответственно чему?

— Ширли, закройте, пожалуйста, дверь, — велит Матильда. Они остаются одни и садятся напротив друг друга за письменный стол. — Ну, вот мы и встретились.

Мэриен осматривает кабинет, но молчит. Матильда ждет, ее не пугает молчание. Наконец Мэриен прерывает его:

— Никогда еще не летала на пассажирском самолете.

— И?

— Нормально. Странно быть грузом. Спасибо за билет. — Подвинувшись на стуле, посетительница скрещивает ноги, такие длинные, что Матильда думает, где она нашла брюки по росту. — В этом не было необходимости.

Матильда отмахивается, а дурной, но бдительный Пиджен принимается лаять на звякнувшие браслеты. Чтобы успокоить пса, хозяйка достает из ящика стола открытую консервную банку с копчеными моллюсками и кормит его с вилки.

В письмах Мэриен не вдавалась в подробности, но они переписывались достаточно долго, и Матильде известно о гибели Джейми и смерти Уоллеса, как и о давнишнем кратком визите

и последующем исчезновении Эддисона. Она не чувствует потребности обсуждать прошлое, хотя решила, если представится момент, скажет правду о взрывах в брюхе «Джозефины». В первых письмах Матильда просто задавала вопросы. Позже написала, как много, по ее мнению, Файферы задолжали Грейвзам (о природе долга она выразилась туманно, позволив Мэриен прийти к выводу, что судьба Эддисона вызывает у нее сожаление) и она намерена предложить некую компенсацию. Поскольку изначальный характер долга не денежный, писала она, полностью покрыть его невозможно, но деньги — это то, что у нее есть, и она может их предложить.

Нет, написала Мэриен в ответ, она не хочет денег. «У меня имеется печальный опыт, покровительство может стать опасным».

«Что же тогда? — спросила Матильда. — Что Вы хотите? Приняв мое предложение, Вы сделаете мне одолжение. Позволив мне уменьшить груз вины, благотворителем будете Вы, не я».

Прошел месяц, прежде чем она получила ответ Мэриен. «Я думала над вашим вопросом, и вот чего я хочу — облететь мир с севера на юг и обратно, над полюсами». Такого еще не делал никто. Будет очень трудно, опасно и, может, невозможно. Да,

ей понадобятся деньги, немало. Помимо прочих расходов, нужно купить правильный самолет, модифицировать его и платить штурману, который с ней полетит. Понадобится топливо, много, что, как ей кажется, «Либерти ойл» в состоянии предоставить, а также поставка топлива в отдаленные точки, что, как ей кажется, «Либерти ойл» в состоянии организовать. Ей также потребуется помощь в получении необходимых разрешений и содействия.

«Приезжайте в Нью-Йорк, — ответила Матильда. — Буду рада с Вами встретиться. Подробно все обсудим».

И вот Мэриен приехала. Непостижимым образом эта настороженная женщина — один из тех запеленатых кульков, что Эддисон сносил по трапу спасательного корабля на газетных фотографиях.

Матильда не видит особого смысла в светских разговорах.

— Я приняла решение помочь вам организовать полет, но у меня вопрос.

Мэриен настораживается:

— Хорошо.

— Не смущайтесь так. Ответ на него будет небольшой уступкой.

— Мне казалось, речь шла о том, что вы мне должны.

Не враждебно, но и не шутливо. Тело Мэриен расслаблено, но так и не снятый плащ подразумевает, что она может уйти в любой момент. Матильда опускает Пиджена на пол, толкает ему банку с моллюсками.

— Наверное, скучно постоянно подсчитывать, кто кому должен. Я надеялась, мы можем стать кем-то вроде сотрудниц.

Мэриен чуть наклоняет голову. Матильда решает принять жест за кивок.

— Я хотела бы знать зачем.

— Что зачем?

— Зачем полет, разумеется. — И постукивая пальцами, продолжает: — По вашим собственным словам, он очень опасен. А пожалуй, и бессмыслен. На полюсах уже были. Все карты уже начертили. Открывать больше нечего. Действительно, невероятно абсурдная затея. Если вы каким-то чудом уцелеете, то купите билет в одну сторону туда, откуда начинали. — Она откидывается на стуле. — Так зачем?

У Мэриен скучающий вид.

— Данный вопрос меня не интересует.

— Вы хотите сказать, что не знаете ответа?

— Не вполне.

— Не вполне знаете или не вполне это имеете в виду?

— И то и другое. Второе.

— Все захотят знать зачем.

— Кто все?

— Если вы полетите, я думала, вы сможете написать книгу.

Мэриен смеется:

— Я не смогу написать книгу.

— Любой может написать книгу, с некоторой помощью.

— Право, не знаю, что сказать.

Матильда берет с полки пачку книг в твердой обложке и кладет их на стол перед Мэриен. Антуан де Сент-Экзюпери. Берил Мархам. Амелия Эрхарт. Чарлз Линдберг, хотя, не простив летчику восхищение нацистами, его она включила в серию неохотно.

— Вы читали?

Мэриен склоняет голову набок, разбирая названия:

— Да.

— Тогда вы знаете, что сказать. Пишите, что видите, что думаете, что происходит. Не так уж сложно. Главное — опыт. Вы. Не какая-то вообра-

жаемая линия на глобусе. Если книга будет иметь успех, откроются другие возможности. Творческие турне. Может, о вас даже снимут фильм.

Во взгляде Мэриен что-то между тревогой и веселостью:

— А может, я хочу сохранить все для себя.

Матильда фыркает:

— Не делайте вид, что вы так скромны и наивны. Тогда вы не решились бы на этот трюк.

Мэриен принимает более свободную позу:

— У меня тоже к вам вопрос.

— Ради бога.

— Тот же самый — зачем?

— Я уже говорила — пытаюсь искупить.

— Что? Какой долг?

Вот он, момент, настал — так очевидно.

Матильда рассказывает, как нелюбовь Ллойда к отцу разожгла в нем ненависть к Германии. Твердым голосом передает рассказ Генри о ящиках на «Джозефине».

— Ваш отец не знал. В подробностях не знал. Я тоже не знала, но, думаю, могла бы догадаться. Однако я не хотела знать, вот это несомненно.

Лицо Мэриен напряглось от сосредоточенности. Матильда без особого труда представила, что с таким же выражением на лице она летает

в грозовую погоду.

— Я не совсем понимаю, что думать, — говорит Мэриен. — Но, наверное, главное, теперь, когда я узнала, стало легче.

— Вы не возмущены? Я очень возмутилась.

— Пожалуй, но не теперь. Все было так давно.

— У вас могла быть совершенно другая жизнь.

— Да, но откуда мне знать какая?

После долгой паузы Матильда решает вернуться к делу:

— Что нужно первым делом? Для полета?

— Найти нужный самолет. — Мэриен оживляется, наклоняется к столу. — Я думаю, лучший вариант — подержанная «Дакота». Их выпускали тысячами. Они почти неуничтожимы. Садятся везде, к ним легко приделать лыжи. В войну на них летали довольно многочисленные экипажи, но я думаю обойтись одним штурманом. Запасные баки повысят дальность, хоть и ненамного, предположительно я смогу обойтись двумя заправками в Антарктиде, что составляет определенную проблему, но, думаю, она разрешима. На берегу моря Росса есть запасы топлива, но на другом… Я еще не выяснила. Возможно, стоит поискать самолет в Австралии или Новой Зеландии и начинать полет оттуда. Я обдумы-

вала разные сценарии. Вопрос в том, чтобы проскользнуть между временами года. В Арктике будет меньше проблем, чем в Антарктиде. — Она воодушевляется, показывает на воображаемую карту, но потом берет себя в руки и предусмотрительно умолкает. — Еще во многом предстоит разобраться.

Очередная пауза, что-то медленно натянулось между ними, проверяя себя на прочность. Матильда кивает:

— Хорошо.

Мэриен вопросительно смотрит на нее.

— Давайте искать самолет, — говорит Матильда.

Они беседуют еще час, закладывают начало плана, шарят по краям бесконечного списка всего, что нужно сделать. Когда Мэриен встает уходить, Матильда тоже поднимается и дает ей обтянутую холстом книгу. Мэриен перелистывает пустые страницы. Желтая бумага в бледно-голубую клеточку.

— Что это?

— Вам, писать.

— Что писать?

— Про полет.

Мэриен закрывает книгу и протягивает ее об-

ратно:

— У меня уже есть журнал.

— Называйте, как хотите. Журнал, дневник… Пусть будут «Волшебные хроники всемогущей Мэриен», что угодно. И не слишком напрягайтесь. Просто записывайте, что происходит, а потом решите, как быть. — Матильда сама удивляется своей серьезности, но вытягивает руки, берет Мэриен за плечи и легонько трясет ее со словами: — Вы должны приложить все усилия, чтобы запомнить. Не только то, что видите, но и то, что это значит. Для вас.

> Зачем вообще лететь? У меня нет ответа, кроме уверенности, что я должна это сделать.

МЭРИЕН ГРЕЙВЗ

Лонг-Бич, Калифорния
33°47′ N, 118°07′ W
30 июня 1949 г.
Полет — 0 морских миль

Мимолетная золотая пора, когда день уже закончился, а вечер еще не начался. Мирное солнце в западной части неба согревает широкий бледный берег, деревянные американские горки, обрамленный пальмами променад, аккуратные

ряды домиков, тянущихся от берега между зелеными кронами деревьев, распростертую фигуру Мэриен Грейвз, лежащей на спине в высокой траве за арендованным бунгало. На животе у нее открытая книга обложкой вниз — пустой журнал, который Матильда Файфер дала ей год назад. Легкий ветер шевелит короткие волосы, мягкие, тонкие и бледные почти до зелени, как пушок внутри артишока.

Поднеся к лицу запястье, она смотрит на часы. Шесть семнадцать. Эдди сказал, что приедет на машине из Флориды. Ему охота попутешествовать. Еще бы тебе было неохота, ответила Мэриен по трескучему межгороду. Полет составит двадцать три тысячи морских миль, плюс-минус.

В письме трехнедельной давности Эдди написал, что приедет сегодня, тридцатого июня, в шесть тридцать вечера, и, поскольку он штурман, она ему поверила.

Мэриен перекатывается на бок, разглаживает страницу и берет ручку. Она пишет редко, робко, собирая разрозненные мысли на страницу, как крошки. Она удивлена, что вообще пишет. Она не может себе представить, как ее каракули (действительно каракули, почерк у нее ужасный) когда-нибудь превратятся в настоящую книгу,

но что-то неоформленное, неизмеримое заставляет ее тянуться к ручке.

Я думала – чаще, чем следовало, – возможно ли совершить полет в одиночку. Безумная мысль, но я все кручу ее, пока разум не встает на дыбы и не говорит: нет, ты не сможешь.

Я не хочу сказать ничего плохого про Эдди; никого на свете я бы не позвала с открытым сердцем. Мысль о том, чтобы лететь одной, должна пугать меня, ведь одиночный полет означает смерть, но, воображая его, я испытываю не страх, а лишь тоскливое желание. Значит ли это, что я хочу умереть? Нет, вряд ли. Но чистое, абсолютное одиночество – а именно так мы уходим из мира – притягивает. Наверное, одиночный полет мне видится максимально чистым экспериментом. Но зачем? Опять тот вопрос Матильды. Причина, как камешек, до которого не дотянуться, неподвижный, неразличимый, мелкий, интересный только своей недосягаемостью.

А может быть, проблема в том, что

штурманом я хочу только Эдди, но вместе с тем вообще не хочу с ним сходиться.

Три быстрых, громких гудка клаксона.

* * *

Что она напоследок говорила Рут в гостинице «Полигон»? Мэриен точно не помнит — успокоительные таблетки врача из лагеря Калеба оказались сильнодействующими, — но ужасно боится, как бы не крикнула: «Уходи!» Горе сделало ее жестокой. Ей казалось необходимым причинить Рут боль, та должна была увидеть, что она оставляет Калеба, а ее прогоняет. Гибель Джейми стала прямым наказанием за глупость и эгоизм, позволившие Мэриен радоваться ее уголку войны, ее в нем свободе, а Рут нерасторжимо с этим связана.

Мэриен ответила на письмо Рут, хоть далеко не сразу. Письмо вернулось. В сентябре сорок четвертого года в Северной Каролине самолет Рут загорелся при взлете и разбился. «Она погибла, — сказала Мэриен Молния, когда они встретились в Хамбле. — Мне жаль. Я знаю, вы дружили».

Мэриен уставилась на Молнию, уверенная, что сейчас упадет, но почувствовала лишь давле-

ние, тяжесть, а потом ничего. Гибель Джейми разодрала, разорвала ее, и она перестала быть герметичной; эмоции вытекли, оставив пустоту. Так прошло ее горе по Рут — она была слишком разбита, чтобы его удержать. Но чувство вины осталось. Впервые с тех пор, как начала летать, Мэриен не находила никакого утешения в своей предназначенности небу. Она забирала полетные задания, коллекционировала самолеты, перегоняла их, куда велели. Ее угнетало собственное существование.

После ухода Калеба с войсками Мэриен принялась копить деньги, не зная зачем. Забросила мопед, ездила на автобусе. Выехала из «Полигона» и поселилась в дешевой конуре. С начала отступления немцев ей стали перепадать полетные задания в Европу, и она пустилась в мелкую контрабанду. Если летела в Бельгию, оставляла парашют и вместо этого набивала сумку банками с какао, на которое не вводили ограничений в Англии, но которого не хватало освобожденным бельгийским пекарям. Она продавала какао и покупала то, что было ограничено или недоступно в Англии — сахар, одежду, кожгалантерею, — а потом продавала их на черном рынке в Британии.

После гибели Рут Мэриен поняла, зачем начала копить: она не хотела прежней жизни, но не могла представить новой. Деньги требовались для того, чтобы купить время в промежутке.

* * *

Не успела она открыть дверь, как Эдди хватает ее и начинает раскачивать, как язык огромного колокола, вперед-назад, благовест. Когда ставит ее обратно, она щурится на солнце, пытаясь понять, изменился ли Эдди. Прошло шесть лет. Большой нежной рукой он дотрагивается до ее стриженых волос:

— Ты только посмотри.

— Ты на две минуты раньше.

— Вероятно, часы спешат.

— Твой?

У бордюра сверкает ярко-синий двухместный «Кадиллак» с откидным верхом. Полированные длинные изгибы, кажется, выдул ветер.

— Подарок самому себе в честь возвращения домой. Сторговался со старым приятелем. Избавлюсь перед полетом.

Она замечает легкую печаль на его лице.

— Не надо! Поставь на хранение.

— Нет, я не хочу, чтобы ей было одиноко. Ладно,

дай мне занести сумки.

В доме они слишком оживленно болтают о текущих событиях, о столь недавнем прошлом, оно еще не осело — взбаламученный кильватер. У Эдди загорелые длинные крепкие предплечья и квадратное лошадиное лицо. Он говорит, ехал не торопясь, по настроению сворачивал и делал крюки. Все то же приветливое обаяние, но что-то изменилось, что-то неуловимое, но сплошное. Он напоминает Мэриен разбившуюся статую, которую потом склеили: форма та же, но по поверхности паутинкой бегут трещинки.

Мэриен рассказывает, как ради поддержания формы перевозит грузы. Она всегда в конце списка, ей не дают пассажирские самолеты, поскольку при мысли о женщине за штурвалом люди начинают нервничать. Ничего не имеет значения: ни тысячи налетанных часов, ни знакомые ей «спитфайры», «харрикейны» и истребители «веллингтон», ни ее приземления на высокогорных ледниках, замерзших озерах и узких песчаных полосах. Но груз пока не жалуется на ее пол. Двигатели и гидравлика не возражают. (Теперь у нее тоже есть лицензия механика.) А кстати, он слышал? Хелен Ричи покончила с собой в январе — таблетки. Говорят, поскольку не могла

получить место летчика.

Нет, Эдди не слышал. Он помнит, что Хелен нравилась Рут. (Первое упоминание Рут, так, мимоходом.)

Мэриен показывает ему спальню — его комнату. Не хочет даже слушать возражения. Сама будет спать на диване. Она настаивает.

— Да на моем диване даже половина тебя не поместится, — говорит она.

— Я не хочу тебя вытеснять.

Она уже идет по коридору.

— За мной, посмотри командный пункт.

* * *

Когда Мэриен въехала, это была вторая маленькая спальня, и она подрядила хозяина, чтобы он помог ей вынести кровать в гараж.

— А если вас приедет навестить матушка? — пятясь задом, спросил хозяин с другого конца матраса. — Или друг?

Наверное, славный человек. Кустистые брови, тяжелые отвислые щеки, гавайская рубашка с плясуньями.

— У меня нет матери, — ответила Мэриен, и хозяин оставил ее в покое.

Карты завесили стены и завалили малень-

кий обеденный стол, одолженный у хозяина. Свернутые карты, будто бамбук, плотно стоят в ящиках и мусорных корзинах. Общий бедлам из наваленных бумаг: списки, счета, аэрофотосъемка, заметки о ветрах и погоде, инвентарные ведомости, каталоги, извещения, руководства по технике выживания, переписка с флотом, переписка с норвежскими исследователями и китобоями, переписка с руководителями норвежско-британско-шведской антарктической экспедиции (которая повезет для нее топливо), списки радиостанций и маяков, переписка и договоры с «Либерти ойл», бланки заказов для запчастей, адреса и телефоны всех, кто может понадобиться, документы для виз, каракули, клочки и так далее и тому подобное.

— Боже милостивый! — восклицает Эдди.

— Тут в основе порядок.

— Хаос не считается особой формой порядка.

В ближнем углу стоит сундук, Мэриен снимает с крышки бумаги и открывает показать Эдди. Внутри, как сгорбленная спина животного, коричневый мех.

— Мы возьмем с собой дохлого медведя?

Она достает парку с капюшоном, такие же брюки, меховые ботинки.

— Северный олень. На морозе лучше нет. Для тебя подберем такие же на Аляске.

— Нанук и Нанук поднимаются в небо. Кстати, я подкован в вопросе о северных широтах. Один парень, с которым я познакомился в войну, сейчас в Фэрбанксе с разведывательным эскадроном. Он прислал мне руководство и несколько карт, правда, при условии, что я пообещаю не продавать их русским.

Эдди проходится по самой большой карте на стене, по меркаторовой проекции мира с Тихим океаном посередине, обе Америки справа, остальные континенты тяжело висят слева. Мэриен карандашом прочертила по ней маршрут.

— Я хотела поговорить с тобой, прежде чем обвести его чернилами.

Эдди неопределенно фырчит и подходит ближе, чтобы рассмотреть карандашную линию и соединенные ею пятнышки суши. Дотрагивается до пустого океана южнее Кейптауна.

— Они даже не потрудились включить Антарктиду.

— Не понимаю, как такое возможно — на плоской карте.

— Но ведь иногда тут серебристое или белое, правда? Просто напоминание, что она суще-

ствует.

Из завалов на столе Мэриен достает карту Антарктиды, по большей части белую, помечено только несколько разбросанных возвышенностей, пара пятен гор.

— Вот она. — Мэриен вертится, обшаривая взглядом комнату: — Где-то есть карты получше.

— Мне показалось, ты сказала, тут в основе порядок.

— Иногда эта основа глубже, чем хотелось бы.

Эдди рассматривает белый массив, потом спрашивает:

— А где у тебя тут можно выпить?

* * *

Они заказывают джин с тоником и, сбросив листья с подушек на стульях, садятся на улице возле высокой травы. С соседнего, нависающего над забором дерева Мэриен срывает лайм и перочинным ножом нарезает его на дольки. Они чокаются.

— За воссоединение друзей, — провозглашает тост Эдди.

Они пьют. Золотой свет ушел. Мэриен не может придумать, что сказать, с чего начать. Они никогда не оставались вдвоем, без Рут, ее отсутствие

висит между ними пустотой, но и еще чем-то, от чего пустота наливается напряжением.

— Знаешь, — говорит Эдди, — на самом деле я дрейфлю. Тебе не кажется, что мы похожи на молодоженов или что-то в этом роде? На договорной свадьбе?

— Я волновалась перед встречей с тобой. Не знала…

— Будет ли по-прежнему? Не будет. Никогда ничего не бывает по-прежнему. Но теперь ты не избавишься от меня долгие месяцы. Что с самолетом?

Весной Мэриен летала в Окленд. Прошла вдоль строя из шести одинаковых на вид, неновых военных «дакот», с тупыми носами, зеленых, как джунгли, но один отчетливо, явно выдавался. Она тут же поняла: ее самолет.

— Кое-что повреждено, — объясняет она Эдди, — но ничего существенного. Он в основном стоял в Новой Гвинее.

— Как ты его назвала?

— Я хотела подождать тебя, но думала о «Пилигриме».

Эдди довольно кивает:

— Мне нравится. Всего час, как мы сыграли договорную свадьбу, и уже родители.

Ее расположение к нему — облегчение, подтверждение: не все прежнее ушло или необратимо надорвано. Она не была уверена, что точно помнит, как он ей нравился.

— Эдди, я хотела поблагодарить тебя.

— За что?

— За то, что ты согласился приехать.

— Я польщен твоей просьбой.

— Нет, правда. Я благодарна, я больше никому не доверилась бы.

— Надеюсь, это оправдано. В последнее время я не слишком пригоден для марш-бросков в неизвестность.

Он служил во Флориде штурманом на «Нэшенл Эйрлайнз», курсируя между Майами, Джексонвиллом, Таллахасси, Новым Орлеаном и Гаваной. Изредка летал в Нью-Йорк.

— Отчасти я доверяю тебе, поскольку ты доверяешь мне, — говорит Мэриен. — Мы никогда не летали вместе, но думаю, ты не из тех, кто будет пытаться верховодить или смотреть на меня, как на диковинку.

— Нет, — тихо отвечает Эдди, — не буду.

Надвигается морской туман. Ей холодно, но она болтает в стакане кубик льда, пьет.

— Вообще-то я не думала, что ты согласишься.

— Полететь с тобой?

Она кивает.

— Почему согласился?

— Лучше мне все равно нигде не было.

— Да ладно.

— Правда. Сначала я вернулся домой в Мичиган, оттуда перебрался в Чикаго, затем в Майами. Все не то. — Он подливает джина Мэриен, потом себе. — Может, просто не могу найти себе место. И не говори мне, что ты вернулась с войны и отлично устроилась.

— Не скажу.

* * *

В известном смысле она дезертировала. Через два месяца после победы, летом сорок пятого, она перегоняла самолет во Францию, но, вместо того чтобы сесть на аэротакси обратно в Британию, добралась автостопом до Парижа, а оттуда отправилась дальше. В любом случае Вспомогательный транспорт в ней больше не нуждался. У нее были кое-какие средства, накопленные и заработанные контрабандой, купюры она прятала в рюкзаке и на себе. Мэриен двинулась на восток, в Германию, шла пешком, ехала автостопом по разгромленной местности, населенной

людьми в лохмотьях и заваленной обугленными танками и грузовиками, по городкам, деревням и даже крупным городам, казавшимся нетронутыми. По дорогам шли солдаты в обтрепанной форме, семьи везли на телегах скарб. Зоны оккупации только предстояло жестко разграничить, и она проделала весь путь до Берлина, глядя, как женщины в платках разгребают обломки.

Из Германии она перебралась в Швейцарию, идиллическую в своем непотревоженном нейтралитете, сверкающую тогда осенними красками. Зиму провела в Италии, потом пересекла Средиземное море и год путешествовала по Африке на юг — по пустыням, джунглям, вдоль широких грязных рек.

В Бечуаналенде сблизилась с одним мужчиной. Как-то вечером в пустыне Намиб они смотрели на вереницу слонов, бредущих краем песчаных дюн. Слоны и небо за ними были красными от пыли. Мэриен поняла, ее радует перспектива сделать привал, выпить, разжечь огонь, лечь в постель с мужчиной. Пронзившее ее удовольствие дало ей понять, что она вышла из войны. Она не свободна от войны, но свободна не будет уже никогда.

Мэриен добралась до Кейптауна и села на ко-

рабль до Нью-Йорка. Когда корабль вышел в море, она стояла на палубе и смотрела на юг, в сторону Антарктиды, изумляясь тому, что между ней и континентом только вода.

* * *

— Я долго возвращалась, — говорит она. — Отдельная история. А вернувшись, поехала в Миссулу искать друга, но вместо него нашла письма Матильды. Они лежали на почте.

Было еще письмо от Сары. Узнав, что у Джейми есть дочь, она аккуратно сложила все письма и убрала их подальше, потрясенная силой своего горя. Она ходила к хижине Калеба. Конечно, Калеб и был тем другом, кого она искала, но он на несколько месяцев уехал на Гавайи, и никто не знал, собирается ли он возвращаться.

— Значит, твое тело вернулась, — сказал Эдди, — а душа уже пустилась в бегство.

— Не знаю, можно ли назвать это бегством.

— А что тогда? Зачем полет?

— Все меня спрашивают. Не знаю.

— Ну, перестань.

Если им неслыханно повезет, если они будут принимать только самые правильные решения, то завершат задуманное. Или у них не получится.

Или они погибнут, что не равно неудаче. Где-нибудь будет последний удар о какую-нибудь гору, или о твердый песок, или потрескавшийся, развороченный глетчер, или, наиболее вероятно, о поверхность океана, которая убьет своей жесткостью, а потом смягчит удар, проглотит, скроет все следы. Иногда ей кажется, что она замыслила полет как детально продуманное самоубийство. Иногда ей кажется, что она бессмертна.

Мэриен пьет.

— Ладно. Лучше я ничего не могу. Когда Матильда спросила, чего мне хочется, перво-наперво пришло в голову… Я будто увидела, как лечу над полюсами. И всякий раз, думая об этом, испытывала нервное возбуждение, точно коснулась оголенного провода. Но — я больше никому не скажу, — написав, изложив ей, чего я хочу, я совершенно не ожидала, что она согласится. А теперь надо лететь.

— Да вовсе нет, — осторожно говорит Эдди. — По большому счету нет. Ты можешь изменить свое решение.

— Не могу. Ты можешь, и я пойму, правда. Но сама не могу.

— Можешь. Матильда продаст самолет.

— Плевать мне на Матильду. Оголенный

провод. Он никуда не делся. Что-то вроде электропогонялки. Полет меня пугает, но я хочу его. Постоянно думаю, что может пойти не так. Столько всего может пойти не так, а теперь я втянула еще и тебя.

— Моя воля свободна. Я не обязан был приезжать.

— Ну… — Она не знает, чего ей хочется: чтобы Эдди ее оправдал или признал виновной. — После того, что случилось с Рут…

Она хочет сказать, что не перенесет, если что-нибудь случится и с ним, хотя, конечно, их судьбы будут спаяны. Если что-то случится с ним, ей, вероятно, и не придется ничего переносить, поскольку она тоже погибнет.

Эдди ставит стакан на столик.

— Давай сейчас скажем и оставим как установленный, взаимно признанный факт. Нельзя, чтобы он давил на нас, да и потом, это правда. Мэриен, ты не виновата в смерти Рут. Мои слова — не пустая любезность. Я много думал. Иногда даже позволял себе винить тебя, но обвинения рассыпались.

— Если бы она осталась в Англии…

— То могла бы разбиться на другом самолете, или погибнуть в автокатастрофе, или в нее

попал бы осколок. Так в прошлом году погибло множество людей. Тебе не дано знать, что могло случиться. Послушай, Рут была взрослой женщиной. Сама принимала решения. Если бы ты думала, что можешь убить всякий раз, когда огорчаешь человека, то не могла бы пошевелиться. Тебе известно, сколько людей в войну потеряли близких по случайности? Сколько погибло, сделав немотивированный, беспричинный выбор?

Мэриен смотрит на неухоженный газон. В тумане все видится неестественно неподвижным.

— Я намерен поставить условием моего участия в полете в качестве штурмана, чтобы ты по данному вопросу приняла мою точку зрения, — заключает Эдди. — Я тоже ее любил. Я говорю тебе: оставь. Хорошо? Скажи «хорошо», и больше не будем об этом.

Мэриен понимает, никто не может отпустить ей грех. Она повторяет:

— Хорошо.

В конце концов, начать было просто.

МЭРИЕН ГРЕЙВЗ

Аэродром Уинуапай, Окленд,
Новая Зеландия — Эйтутаки,
острова Кука

36°48' S, 174°38' E — 18°49' S, 159°45' W
31 декабря 1949 г.
Полет — 1,752 морские мили

Медленное бульканье топлива, заливаемого в баки перед рассветом, обход, проверка по спискам, кашель одного заведенного двигателя, затем другого, рев разбега, сильное ускорение — подъем. Круг над пересекающимися треугольниками посадочных полос и рулежных дорожек аэродрома, опущенные крылья. Матильда Файфер стоит на перроне перед ангаром и машет обеими руками, а вокруг нее толпа газетных репортеров и фотографов, которых она созвала, не брезгуя никем. В один прекрасный день, когда Мэриен и Эдди вернулись с пробного полета, она, явившись без предупреждения, ждала их на аэродроме вместе с оператором для съемки посадки, чтобы потом вставить ее в киножурнал. Пока крутилась камера, они, неловко улыбаясь, стояли возле самолета, после чего Матильда пригласила их на ужин в гостиницу, в которой остановилась в Окленде.

Они поднимаются, и город простирается на юг; длинная береговая линия северной оконечности острова Северный изъедена заливами и бухтами. Внизу проносятся фермы, разграфленные пояса-

ми ольховых и эвкалиптовых деревьев, низкие зеленые горы, берег с широкой рифленой полосой прибоя. А потом вода, одна вода.

Они вылетают в первый день нового года, но по пути к островам Кука пересекут демаркационную линию и вернутся в сорок девятый. У каждого лишь небольшой брезентовый чемодан — экономия веса. Зимние вещи Эдди раздобудет на Аляске, а дополнительное антарктическое снаряжение они отправили кораблем, следующим по маршруту в Южную Африку. Костюм Мэриен из оленьей шкуры запихнули за один из запасных баков с топливом, размещенных в салоне.

Самолет теперь серебристый, желтовато-зеленую краску соскоблили, избавившись от пятисот фунтов веса, стекло заменили на плексиглас, искусственную резину оснастки — на натуральную, не так быстро трескающуюся на морозе. Сотни других замен. («Действительно, шикарно», — заявила Матильда Файфер, увидев блестящую серебристую кожу самолета.)

Легкий ветер. Кое-где безобидные облака, похожие на рассыпавшийся попкорн. Эдди снует между штурманским местом, кабиной и плексигласовым астрокуполом, производя наблюдения,

делая вычисления с неторопливой уверенностью профессионального теннисиста, бросающего мячи. Ловит солнце в секстант, записывает, уточняет курс, выхватывая из пустой синевы сначала остров Северный, затем остров Нанди из архипелага Фиджи, затем остров Апиа из архипелага Самоа. Лагуны, как бирюзовые амебы. Разбросанные по Тихому океану пятачки суши так редки, что каждый остров даже пугает, смущает, почти тревожит. «Как все могло возникнуть само по себе? Во что все превратится?»

Они уже совершили пробный полет на острова Кука, и эту часть океана он знает, чувствует лучше, чем путь, проложенный карандашом у него на карте. Знает самолет, его оглушающий гул, бензиновый дух. Знает форму локтя и колена Мэриен, которые видит через дверной проем кабины пилота. Карандашом Эдди аккуратно записывает цифры, регулярно помечая покрытое ими расстояние, время прибытия. Расстояние равно скорости, помноженной на время. Время равно расстоянию, поделенному на скорость. Проскальзывающие внизу линии широт кажутся ему ступенями лестницы, он смотрит на белые барашки через измеритель угла сноса и замеряет разницу между тем, куда они летят на самом де-

ле, и тем, куда лететь должны. В клинышке этого расхождения — жизнь.

* * *

Автосалон, прямо в центре Роли, нашелся легко. Большая вращающаяся вывеска с надписью «Халлидей Кадиллак».

— Хочу попробовать синий, — говорит он Лео. — Двухместный.

— Прекрасно, сэр, — отвечает Лео. — Подождите здесь, пожалуйста, я схожу за ключами.

Брюс Халлидей был тестем Лео.

Почти все в шталаге «Люфт-1» в сорок пятом умерли бы от голода, если бы не тоненький ручеек посылок Красного Креста. Когда с востока придвинулся грохот артиллерии, немцы заставили американских пленных рыть траншеи и стрелковые окопы. Ходили слухи, что они роют себе могилы.

Чуть позже, майским утром, затемно голос американца в громкоговоритель:

— Ну и каково, ребята, почувствовать себя свободными?

Немцы ушли, русские стояли в трех милях. Все выбежали из бараков. В неразберихе Эдди нашел Лео, сгреб его и прошептал, что любит. Тот, похо-

же, не услышал.

Русские, приехавшие в полных вагонах, были развеселые, подвыпившие. Ходили по домам, что-то брали, разбивали портреты Гитлера прикладами винтовок. Их девушки танцевали для американских военнопленных.

— Я безработный. — Лео смотрел на трех русских девушек в коротких широких юбках, которые крутились на импровизированной сцене.

Солдат аккомпанировал им на гармошке. Девушки хлопали в ладоши и наматывали на себя изголодавшиеся вопли американцев, как нитки на катушку.

— Тем лучше для меня, — заметил Эдди.

Лео кисло улыбнулся:

— Ты же не думаешь, что они нам и дальше так позволят?

— Кто они?

Лео, смутившись, сделал неопределенный жест, обведя рукой мир за проломленным лагерным забором и снесенными вышками. Эдди сказал:

— По-моему, мы заслужили право жить теперь как угодно.

— Было бы неплохо, — вздохнул Лео, и Эдди стало страшно.

Их переправили по воздуху в транзитный ла-

герь недалеко от Гавра. Лео отдалился, избегал Эдди. А однажды взял и исчез, видимо, сел на корабль, идущий домой. Довольно скоро Эдди тоже отправили в Америку. «Ну и каково, ребята, почувствовать себя свободными?»

Год спустя, живя в Нью-Йорке, Эдди получил письмо. Лео женился на своей школьной любви и работает на ее отца. Сожалеет, что у него не было возможности попрощаться.

— Зачем ты приехал? — спросил Лео, когда они выехали на синей машине из «Халлидей Кадиллака».

— Мимо проезжал. Я работаю во Флориде на рейсовых самолетах.

— Я имею в виду, чего ты хочешь? Поверни здесь.

— Хочу услышать от тебя, что ты искал именно такого. Тоскливой возни.

— Ты же женат.

— Вообще-то моя жена погибла. В авиакатастрофе. Я узнал, только вернувшись домой. И ты знаешь, что это не одно и то же.

Лео тронул его за плечо, всего на секунду:

— Мне жаль, Эдди. Очень жаль.

— Оставим.

— Тормозни. Здесь никто не ездит.

Они стояли на узкой, обрамленной лесом дороге. Эдди, слишком высокий для маленькой машины, как мог вывернулся и посмотрел на Лео: старомодный костюм, булавка для галстука, обручальное кольцо и короткая, почти военная стрижка.

— Жена знает?

Лео повернулся к окну и впился глазами в деревья.

— Она хороший солдат. У нас две маленькие дочери. — Он подвинулся и, достав из заднего кармана кошелек, вынул фотокарточку: два карапуза в платьицах и сандаликах.

— Красивые, — сказал Эдди, возвращая фотографию.

— Да-а.

— Наверно, я просто хотел тебя увидеть. — Эдди провел рукой по сиденью, но до Лео не дотронулся. — Ты был прав. Ничего не изменилось. Не так, как я надеялся. Все из последних сил прикидываются, что мы не убивали друг друга пять минут назад, что тут место только заборчикам и детским коляскам. Стиснем зубы и будем счастливы.

— Более или менее.

— Ты не удивлен. Завидую. Как бы я хотел никогда не надеяться.

Лео ладонью накрывает руку Эдди:

— Кто бы мог подумать, что лучше всего мне будет в немецком лагере для военнопленных?

— Ты не можешь уехать? Всего на пару дней?

Лео помялся и уже собрался ответить, но проехала машина, и он, отдернув руку, спросил:

— Ты действительно собираешься покупать машину?

* * *

Довольно длинная взлетная полоса из коралловна Эйтутаки была построена во время войны и оснащена радиомаяком.

— Слишком легко, — говорит Эдди, когда они приземляются. — Может, никакого приключения и не получится.

— Все время так не будет, — отвечает Мэриен.

— Не будет, — соглашается Эдди.

Они поселились в лагуне, в крытом соломой маленьком постоялом дворе на сваях, где останавливались во время пробного полета.

— Празднуете? — спрашивает их хозяин. — Первый день нового года? Там по дороге паб.

Он служил в строительном подразделении флота, помогал строить эту взлетную полосу и вернулся сюда после войны. Тут рай, заявил он,

уверенный, что никто даже не спросит почему.

Эдди в паб не хочется.

На закате он плавает в лагуне. На плоской, стеклянной поверхности воды отражаются первые немногочисленные звезды, пылающее розово-фиолетовое небо. Он видит далекое белое волнение разбивающегося о рифы прибоя и слышит приглушенный, с опозданием доносящийся рев океана, просящегося на сушу. Песчаное дно лагуны усеяно мертвыми кораллами и так плотно населено черными трепангами, что почти невозможно сделать шаг, не почувствовав чавканье под ногами.

Эдди продал синий «Кадиллак» какому-то скользкому калифорнийскому юристу, который теперь, ни о чем не подозревая, носится по Лонг-Бич в фетише утраченной любви.

Стоя в воде по пояс, Эдди закрывает глаза. До того как зайти в воду, он выпил немного рома. Ему кажется, он чувствует вращение планеты. Огромность океана тревожит. Кое-что он не может рассказать Мэриен. В войну он больше всего боялся утонуть — больше пожара на борту, больше нераскрывшегося парашюта.

Он старается думать о том, что за ближайшая суша в том направлении, куда он смотрит, при-

мерно на восток. Может быть, какой-нибудь крошечный остров, но вероятнее, Южная Америка, в тысячах миль.

«Штурман, — говорилось в руководстве Авиации сухопутных войск, — направляет воздушное судно из точки в точку над поверхностью земли. Это искусство называется воздушной навигацией». Ему нравилось слово «искусство», нравилось подчеркивание. Нравилась мысль о том, что именно он «направляет» воздушное судно. Махнув рукой на уроки пилотирования и угрюмо переместившись в класс штурманов, он узнал много понравившихся ему слов. Астрономическое наблюдение. Счисление координат. Снос. Вектор. Точка отсчета.

Значки усыпали карты. Города. Аэродромы. Действующие и заброшенные железные дороги. Настоящие и высохшие озера. Овал означал ипподромы, значок, похожий на журавля, — нефтяные вышки, красная звездочка — проблесковые маяки. Аккуратные, симпатично простые сокращения. Пока его не сбили, он верил в свое искусство, в подлинную связь трехмерного пространства с типографскими картами, в возможность точно указать: «Мы находимся здесь». Но после войны, куда бы он ни попадал, Эдди казалось, что он

застрял, брошен, не может шевельнуться. Должна быть еще другая линия движения, которую он пока не нашел, больше уравнений, помимо известных ему, а под доступным картированию миром — другое, ускользающее измерение.

Мы вынуждены пропустить почти все. Например, над Африкой пролетим только по полосе шириной в размах наших крыльев и увидим горизонты только под одним углом. На востоке останутся невидимками Аравийский полуостров, Индия, Китай, а также огромный раскинувшийся советский медведь с европейской мордой и азиатским задом. Мы не увидим ни Южную Америку, ни Австралию, ни Гренландию, ни Бирму, ни Монголию, ни Мексику, ни Индонезию. По большей части мы будем видеть воду, жидкую или замороженную, потому что больше там почти ничего нет.

МЭРИЕН ГРЕЙВЗ

Оаху, Гавайские острова
21°19′ N, 157°55′ W
3 января 1950 г.
Полет — 4,141 морских миль

Калеб опять отрастил длинные волосы, но теперь чаще забирает их хвостом на затылке, а не заплетает в косу. Когда он ведет грузовик по наветренному берегу и что-то напевает, пряди липнут к лицу. Мэриен не может найти слов. Из ее окна видна бесформенная черная вулкани-

ческая скала, выросшая из воды и раздирающая волны в белые лоскуты. Она высовывает руку, и ветер напруживается под ней, как спина кошки. Со стороны Калеба — выщербленная стена скал, отвесный зеленый горный хребет острова.

Маука. По направлению к горе. Макаи. По направлению к морю. Гавайские слова, которым обучил ее Калеб.

Они с Эдди думали пролететь от Эйтутаки до Гавайев за один присест, но все-таки решили остановиться на полдороге, приземлившись на острове Рождества архипелага Лайн, плоском атолле, по форме напоминающем огромный тромбон, почти голом, не считая кокосовых пальм, нескольких деревень и оставшейся с войны взлетной полосы. Повсюду ползали сухопутные крабы. Они провели здесь ночь и вылетели до рассвета. Ей нравится, что Оаху массивный, высокий, одет в лохматую шубу сочной зелени.

Калеб везет ее посмотреть ранчо, где подрядился ковбоем, паньоло. Приехав на остров, он сначала работал на плантации таро, но здесь ему нравится больше. Мэриен обратила внимание на фотографию у него дома, где Калеб сидит на лошади, а вокруг шляпы намотана гирлянда из розовых цветов.

Калеб останавливается у низких ворот на пять перекладин, Мэриен выходит из машины, открывает их, а когда грузовик проезжает, закрывает. Когда она опять забирается в кабину, Калеб говорит:

— Эдди вроде нормальный.

Эдди заявил, что хочет поспать, и остался у Калеба в маленьком синем домике на сваях у самой воды. Мэриен считает, он специально дал им время, но еще подозревает, что не горит желанием общаться с человеком, которого Мэриен предпочла Рут.

— Без него я бы потерялась. — Мэриен сама себе улыбается. — Штурманские шутки. Мы приехали?

Пересекающий впереди грязную дорогу всадник поднимает руку. Маленькое пастушье седло плоское, покрыто шерстяным одеялом.

— Этот парень был на Ута Бич, — объясняет Калеб. — Видишь, шляпа сидит смешно, ему отстрелили ухо.

Все остальные паньоло — урожденные гавайцы, продолжает он, но его терпят, поскольку он умеет обращаться с лошадьми и только наполовину белый, а еще поскольку стало известно о его военном прошлом.

Главный дом на ранчо — низкий, длинный, из блоков кораллов, крыша выстелена красной плиткой — стоит под горами на волнистом, невероятно ярком зеленом газоне. Кроны гигантских саманов покрывают его идеальной формы куполами.

Калеб проезжает мимо дома в узкую лощину, петляет по лабиринту огороженных пастбищных участков и останавливается у конюшни.

* * *

Он надевает на лошадей веревочные уздечки, даже не подумав о седлах. Прежде чем сесть верхом, снимает ботинки и велит Мэриен сделать то же самое. Она понимает почему, только когда они, проскакав обратно тем же путем, макаи, пересекают дорогу, идущую вдоль берега, и Калеб заходит прямо в воду. Плечи низкорослой норовистой чалой кобылы гуляют перед коленями Мэриен. Ее голые ноги болтаются под животом лошади, и вдруг та переходит на торопливую, тряскую трусцу, не желая отставать, ржет лошади Калеба, бежит за ней в воду. Мэриен не сидела верхом, с тех пор как ушла от Баркли. Она теряет равновесие, выпрямляется. Кобыла бредет по низкому прибою, напряжением преодолевая

тягу воды, белые брызги разбиваются о ее грудь. Погрузившись по пояс, Мэриен чувствует, что лошадь подняла ноги со дна. Некрупный торс поднимается, и Мэриен вытягивается на спине лошади, отпустив поводья, ухватившись за медную гриву. Голова лошади высоко над водой, она тихо фырчит в такт движениям ног.

— Она плывет! — в восторге кричит Мэриен Калебу.

Тот оборачивается. Из-под шляпы искрится прежнее веселье, уверенность, что она его любит.

— Чего ты разлеглась?

Она чувствует ребра, мышцы лошади, ее бьющееся сердце, все это знакомо с детства. Она все тот же ребенок, таскающийся по горам на старом, любимом, умершем Фидлере, одна или прижавшись к брату, его сердце тоже бьется, легкие работают. Ее другое «я» полностью погрузилось в прохладный Тихий океан; вода нежно, но настойчиво тянет ее, поднимает с лошади, отделяет от животного, которое так серьезно, старательно плывет. Куда она, лошадь? Туда, где лошадь Калеба. Они параллельно плывут к берегу. Скоро Калеб поворачивает обратно в воду.

Ее тело — развилка. К морю. К горам. К небу.

К лошади. К мужчине.

* * *

Спальня Калеба наверху, под островерхой крышей голые балки. За окнами пальмы опустили длинные тяжелые листья; у рифа плещется прибой. Темный мир свернулся вокруг маленького синего дома на острове.

— Ты думаешь, я стал мягким? — спрашивает Калеб.

Мэриен голая полулежит на боку, подложив под себя подушки, ее обдувает ветер, проникающий сквозь жалюзи на окнах. Калеб примостил голову на ее согнутой ноге.

— После твоей войны все будет мягким, — говорит Мэриен.

Три года самого страшного — Северная Африка, Италия, высадка в Нормандии, Франция, Германия, — и ни царапины. Невероятное везение приняло на себя тяжесть и мрачность проклятия. Новички прикасались к нему в надежде, что зловещее заклятие вуду, или чем его там заговорили, перейдет на них, а потом шли и гибли в первый же день, иногда прямо рядом с ним. Калеб сказал Мэриен, что его целехонькому телу стало стыдно. По крайней мере, если бы его подстрели-

ли или взорвали, он мог бы остановиться, живой или мертвый. Но он шел и шел, не повредив даже ног, ожидая какого-то конца. Он перестал осторожничать, но ничего не изменилось. Война не проглотила его и не выплюнула.

— Думаю, мягкость — не так уж и плохо, — добавляет Мэриен.

— Иногда я скучаю по войне и ненавижу себя за это.

— Многие по ней скучают.

— И ты?

— Иногда.

Не случись войны, говорит ей Калеб, он, вероятно, всю жизнь проохотился бы в Монтане. Ему бы и в голову не пришло сменить занятие. Но, вернувшись, он понял, что больше не хочет лазить по горам. Не хочет мерзнуть, спать под открытым небом и стрелять. Наелся. Иногда он начинал путаться.

— Сейчас охочусь на лося, а через минуту залягу где-нибудь, прячась от немцев, прошлое и настоящее совсем смешались.

— Пора идти макаи.

Он смеется:

— Ты уже практически местная. Да, думаю, пришло время. Я рассказывал тебе, почему при-

ехал сюда?

— Нет.

— Я много пил и все такое, но еще много читал, так как больше нечего было делать. Случайно взял книгу в библиотеке, увидел рисунки островов и вдруг понял, что мне необходимо на Гавайи. Необходимо. — Его пальцы скользят по ее щиколотке. — Я собрал сумку, сел на поезд, потом на корабль. Вот и все.

— Завидую, — говорит Мэриен. — Найти место, где можно замереть. Жить и быть довольным.

— Неправда. Если бы завидовала, тоже что-нибудь нашла бы. Но ты даже не допускаешь такой возможности.

Она понимает, что он имеет в виду не собственно географию.

— Может быть, когда-нибудь.

Рассвет разливается по гигантским полям неба мгновенно. Дуга света, истекая кровью в звезды, висит от горизонта до горизонта, а в следующую секунду исчезает. Вы будто получаете весть от неизвестного отправителя, непонятного содержания, но непререкаемого авторитета.

МЭРИЕН ГРЕЙВЗ

Барроу, Аляска — Лонгъир, Шпицберген
71°17 ′ N, 156°46′ W — 78°12′ N, 15°34′ E
31 января — 1 февраля 1950 г.
Полет — 9,102 морских миль

В Барроу они ждут четыре дня. Когда приходит благоприятный прогноз, вылетают вечером, так, чтобы прибыть на Шпицберген днем, когда небо на юге будет тлеть синими арктическими сумерками. Солнце по-настоящему не взойдет еще две недели, но по крайней мере им не придется садиться в чернильной темноте. Это преимущество задержки в расписании на шестнадцать дней, проведенных на Гавайях вместо запланированных двух: больше света на севере. С другой стороны, Мэриен с тревогой думает о последствиях того, что они доберутся до Антарктиды в конце лета Южного полушария, если предположить,

что доберутся вообще.

«Норсел», корабль, который должен доставить на Землю Королевы Мод норвежско-британско-шведскую экспедицию, а также топливо для «Пилигрима», задержался, что стоило экспедиции по меньшей мере двух недель, а возможно, и больше. Телеграмму Мэриен получила в аэропорту Гонолулу. Вывод: спешить некуда.

Можно ненадолго залечь здесь, сказали они друг другу, делая вид, что им совсем этого не хочется. Эдди не остался у Калеба, нашел себе в Гонолулу жилье. Именно он привел излет полярной ночи в качестве причины для праздности. Они думали, им придется лететь от Барроу до материковой части Норвегии за один присест (что на пределе возможностей «Пилигрима»), так как на Шпицбергене нет настоящего аэродрома и мало навигационных сигналов, но при летной погоде и наступлении хоть каких-то сумерек у них будет больше шансов. Застряв в постели Калеба, Мэриен ухватилась за эту мысль и решила, другого выхода нет — только остаться.

* * *

Когда тяжело нагруженный топливом «Пилигрим» неохотно вылетает из Барроу, край

замерзшей земли сливается с краем замерзшего моря. На севере усеянная звездами тьма. Зеленое полярное сияние колышется, как лучи света в подвижной воде.

Мороз, как правило, разгоняет пасмурность, но им повезло больше обычного. На протяжении почти всего полета небо не просто безоблачно, но настолько прозрачно, что кажется, воздуха нет вообще. У полюса в черноте вселенной зависли звезды. Звездный свет и полупрозрачная шелуха луны освещают мерзлый океан внизу, его платиновая поверхность вдавливается в треснувшие дюны, во впадинах между ними колышется тень. Там, где приливы и отливы подернули лед трещинами, тонкие ручейки воды, замерзая, дышат туманом. Никогда Мэриен не видела столь исполненной тишины, одноцветной, лишенной жизни природы.

Женщина с Лонг-Бич, делающая пометки на карте, представляется такой далекой, такой глупой, практически неузнаваемой для совсем другой женщины, которая летит в пространстве прозрачной тьмы. Что общего у этой тьмы с той картой?

Если они упадут, выжить будет невозможно, но их подстерегают и другие опасности. Так

далеко на севере гуляет компас. Линии долгот сходятся, как перекладины на верху птичьей клетки. Чтобы понять, где находится самолет, нужно избавиться от всех представлений о настоящем севере, забыть, как они раньше ориентировались на планете. Птичью клетку нужно снять и убрать подальше, путь необходимо прокладывать по специальным картам с уплощенной решеткой, где север изображен ненатурально, а линии долгот выгнуты так, что кажутся параллельными.

На Кадьяке они надели на самолет лыжи. В Фэрбанксе купили Эдди оленью парку, и теперь, оборачиваясь, Мэриен видит сгорбившуюся над столом, лохматую коричневую фигуру, как будто в грезах о полярной ночи ее единственный спутник волшебным образом превратился в зверя. Когда они покидали Гавайи, у Эдди еще оставался синяк под глазом, но теперь он почти выцвел, и кажется, что Мэриен его то ли придумала, то ли увидела во сне, как и всю их тропическую передышку. Она не знает, откуда взялся синяк. Ребята из разведывательного эскадрона Фэрбанкса, почти каждый день летающие в северных широтах, в последнюю минуту давали Эдди советы, но он слушал вполуха, не особенно

придавая им значения. Его будто не волнуют фокусы и обманки Арктики. Он занимается своими картами, таблицами, астрокомпасом со спокойной уверенностью священника, служащего литургию.

По мере приближения к архипелагу Шпицберген длинные черные изогнутые плоскости воды дробят лед, превращая его в серебристый пазл с острыми краями плавучих льдин. Погода пока держится. Почти полдень, на юге горизонт подожжен узкой полосой слабого загвазданного света. Появляются очертания островов, тени на фоне теней.

Как-то раз, когда они еще были в тропиках, Калеб уговорил Мэриен слетать на остров Гавайи. Его юный друг Хоуни, тоже паньоло, во время войны служивший в Тихом океане, забрал их в маленьком аэропорту Кона и посадил на свою старую ржавую лодку. Вечером, посасывая пиво, они отплыли от берега, и Хоуни дал им маски и дыхательные трубки, которые стащил на флоте.

— Им тут нравится, — сказал он, кивнув на чернильную воду.

Мэриен поняла, что от нее ждут вопроса, кто такие «они», но не поддалась и плюхнулась в воду.

Внизу пустота, кобальт, перетекающий в черный. Калеб схватил ее за запястье, пристегнув к себе. Яркий косой луч света уходил в глубину: Хоуни светил сильным фонарем в воду, привлекая плавающую морскую мошкару. Какая-то серебряная рыба сверкнула в глубине, как монета в колодце. Первый морской дьявол появился, как волна во тьме, далеко внизу, едва различимо. Поднявшись, он выгнулся вверх и открыл рот, шевеля жабрами, сияя белым брюхом. Потом скат изогнулся под Мэриен, живот к животу, и между ними ветром пронеслась вода. Став крылатой тенью, скат опустился, ненадолго исчез, а затем, выписав петлю, опять вернулся. Снова и снова выделывая петли в косом луче, он хватал еду, и Мэриен провалилась в расщелину времени, почувствовав головокружительную невесомость петель, нанизываемых над Миссулой бипланом «Стирман».

Эдди передает ей записку. «Возможно, в радиусе радио Ис-фьорда. Попробуем».

Когда она сообщала по радио план их полета из Барроу, на Шпицбергене пообещали всяческую помощь, и теперь диспетчер говорит Эдди, что небо ясное и все в Баренцбурге и Лонгъире включат для них свет.

Нацисты дважды занимали Шпицберген, чтобы разместить там метеостанции. Свободные норвежцы скользили по глетчерам на своих лыжах, гоняясь за радиосигналами, то возникавшими, то пропадавшими, как болотные огоньки, и иногда не находили никого, а иногда находили и убивали немцев на ключе. Подводные лодки доставляли на северные острова все больше немцев. Позже всех остальных в войну сдались немцы на Шпицбергене. Через четыре месяца после Дня Победы. Они сдались бы раньше, но никому не было до них дела.

Мэриен летит с запада, низко над водой, над ледяным устьем Ис-фьорда, по бокам высятся плосковерхие белые горы. Они пролетают над огнями советских поселений в Баренцбурге, его жители занимаются добычей полезных ископаемых. Замерзшая поверхность фьорда в блестящих пятнах: снег выдуло до тонкого слоя. Они пытаются сесть в долину недалеко от Лонгьира, Адвентдалене, где люфтваффе построил взлетную полосу.

Калеб подарил ей морских дьяволов, сказав тем самым, что любит. Он знал, как говорить с Мэриен, чтобы та его услышала. Они с Эдди вылетели двадцатого января, получив известие о пересечении — наконец-то — замешкавшимся

«Норселом» Южного полярного круга и приближении его к Антарктиде. Когда Мэриен уезжала в аэропорт, разумеется, безо всяких «до свидания», Калеб был на ранчо. Их любовь значила все, изменить не могла ничего. Их траектории будут тянуться дальше, любовь не сможет их согнуть.

Мэриен опускается к маленькому заливу Исфьорда, пролетает над скученными желтыми огнями Лонгьира, шаткими деревянными постройками и канатными дорогами, по которым вагончики ездят на рудники. Полет над Северным полюсом, звезды, рассветы, лед уже приняли разобщающую странность сна.

Узкая долина в дымке. В одном из рудников еще тлеют угли, подожженные снарядом немецкого линкора. Там, где горят сигнальные шашки, они приземляются на мягкий снег. Поприветствовать их собралась толпа.

Испытывая неподдельный страх, вы чувствуете настоятельное желание отщепиться от своего тела. Отдалиться от того, что причиняет вам боль и ужас, однако это и есть вы. Вы на борту тонущего корабля, но вы и есть корабль. Вместе с тем во время полета страх непозволителен. Полностью пребывать в себе – ваша единственная надежда, а еще нужно добиться того, чтобы и самолет стал частью вас.

МЭРИЕН ГРЕЙВЗ

Мальмё, Швеция
55°32 ′ N, 13°22′ E
2 февраля 1950 г.
Полет — 10,471 морских миль

Эдди в постели, в темном гостиничном номере, под горой одеяла из гусиного пуха. Каким-то чудом он в тепле, жив и здоров. За окном на небольшую городскую площадь падает снег, набухая ровным слоем, маслянисто-желтым в свете уличных фонарей. Дома узкие, с крутыми крышами и аккуратными рядами окон, на козырьках снег.

Они планировали лететь в Осло, но из-за грозы посадка оказалась невозможной.

— А куда? — крикнула Мэриен, перекрывая

грохот и скрежет самолета, и Эдди, подойдя к картам, ткнул пальцем на южную оконечность Швеции — Мальмё.

По крайней мере, они полетят не над водой. Если разобьются, думал он, пожалуйста, пусть на твердой земле. По радио, сквозь волны помех, он по крупицам собрал информацию: условия в Мальмё неважные, но не смертельные. Кое-как нашел аэродром. Кое-как Мэриен посадила самолет. Аэропорт Буллтофта. Во время войны Эдди слышал, что поврежденные истребители вынужденно садились там, не летели обратно в Англию.

Мягко падающие снежинки, крошечные частички оледеневшего кружева, просеивающиеся сквозь свет фонарей, кажутся такими нежными, невинными, но это посланцы черного слепого бешенства, которое даже сейчас висит над аккуратными крышами, благочестивыми шпилями и точными башенными часами. Он видел, как хлопья носятся и роятся вокруг самолета, яростно бросаясь на него, а теперь мирно укрывают площадь, накапливаясь безобидной пылью, выбитой из неба.

На теле должен быть какой-то шрам, оставленный грозой, думает Эдди, какой-то след,

помимо холода. Он просидел целый час в почти обжигающей ванне, но шрам никуда не делся. Как могут две столь разные точки пространства существовать рядом, одна над другой? То, что он видит вокруг — постельное белье, горячая вода, выключатели и обогреватели, — фрагмент тщательно выстроенной, приятно убедительной и совершенно бессмысленной иллюзии надежности, прочности.

* * *

В Гонолулу, в конце китайского квартала, он нашел дешевую гостиницу. Выцветшие якоря и гавайские танцовщицы облепили окна тату-салонов. В продуктовых магазинах и лавках специй под вывесками с чужеземными иероглифами выставили перекореженные корешки и банки с неизвестными порошками. Во влажном тропическом воздухе витало зловоние: гниющие фрукты, следы от потоков речных нечистот.

Надо было видеть это место во время войны, сказал ему бармен. В баре не протолкнуться от моряков, очереди в бордели на всю улицу, все оттягиваются с самого утра.

— А что делать? Свет-то отключали, — пояснил он. — Теперь бордели закрыли, хотя сутене-

ры, по-моему, ничуть не лучше, но, если хочешь, могу познакомить с симпатичной девушкой.

— Нет, спасибо, — ответил Эдди, глядя бармену в глаза. — Не в моем вкусе.

Бармен понизил голос, наклонился ближе:

— Если хочешь еще чего-нибудь, загляни в «Кокосовую пальму».

После второго посещения «Кокоса», как заведение называлось в народе, он повел парня к себе в гостиницу. Энди, потерявший во время высадки в Нормандии левую руку, учился в Гавайском университете на грошовую правительственную стипендию и предложил Эдди показать город. Они лежали на мелком белом песке пляжа, поднимались на красноземные холмы, чтобы посмотреть стрелковые окопы времен войны, ели толстые блины из орехов макадамии с соусом из маракуйи.

— Зачем тебе понадобилась кругосветка? — спросил Энди, когда они загорали на верху одного из окопов.

Под голыми спинами горячий бетон. Энди заложил руки за голову. Безволосая культя время от времени все еще поражала Эдди.

— Ей нужен был штурман. Мне было скучно.

— Скучно. Ну да. Если скучно, можно сходить

в кино. Ты действительно хочешь лететь?

Внизу до горизонта раскинулся океан. Эдди боялся предстоявших им длинных перелетов над водой: до Кадьяка, до Норвегии, до Антарктиды, до Новой Зеландии.

«У человека нет шестого чувства, которое, судя по всему, ведет морских птиц тысячи миль над океаном, где нет дорог». Первая фраза из руководства Авиации сухопутных войск. Но иногда Эдди подумывал, что, может, у него как раз есть недостающий инстинкт. В воздухе он точно знал, где находится, хотя не мог бы доказать или объяснить, откуда ему это известно.

— Мне хотелось попробовать что-то по-настоящему трудное, — ответил он Энди. — Не в человечески-эмоциональном смысле, а в практически-техническом. Ты всегда находишься где-то, только надо понять где. Место, куда ты хочешь отправиться, существует. Ты просто должен его найти.

Как-то вечером, когда они вышли из «Кокоса», за ними двинулась группка моряков. Эдди велел Энди не оборачиваться. Тот и не оборачивался, но один из моряков бросил в них бутылку, ударившую Энди по спине, и теперь уже пришлось обернуться Эдди. Энди удрал, правда, Эдди не осо-

бо возмутился.

Он нанес несколько неплохих ударов — по крайней мере, если судить по костяшкам на руках, — но один матрос шандарахнул его по голове чем-то тяжелым, и он очнулся некоторое время спустя в грязном переулке между китайской книжной лавкой и рыбным магазином. Открыв опухшие веки, увидел размытое зеленое пятно, медленно ставшее отражением неонового попугая в вонючей рыбной луже, хотя Эдди не мог вспомнить слово «попугай» или понять, почему оное существо должно светиться на земле.

В грозу, когда они летели в Мальмё, Эдди было страшно, но он не думал, что когда-нибудь доведется испытать такой страх, как когда он, уничтоженный, пришел в себя в китайском переулке. Во время грозы он вцепился в сетку удерживающих планету широт и долгот, но тут навалился такой ужас, как если бы его завернули в мешок, связали цепями и бросили в темную воду; безысходность была абсолютной. Гроза, даже убив, не имела бы над ним такой власти, как этот переулок.

Эдди проваливается в сон и резко просыпается: ему снились зеленые огни, которые могли ока-

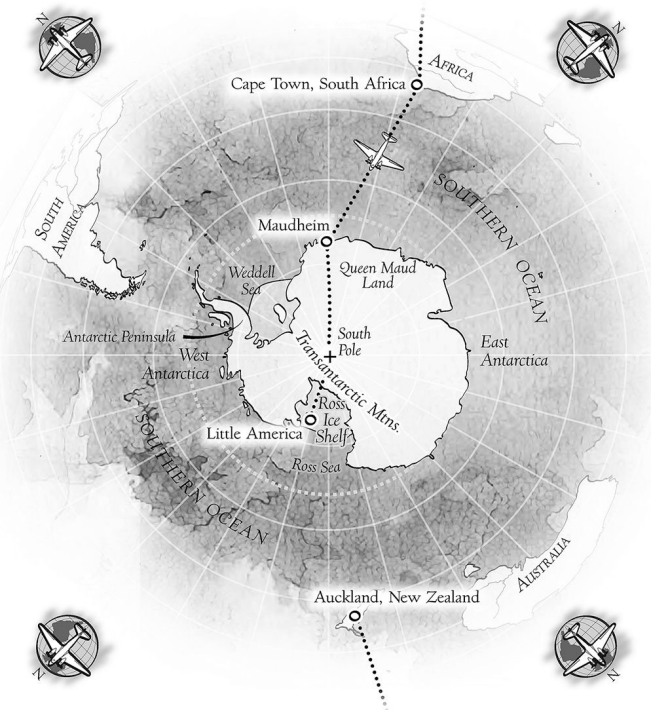
заться как полярным сиянием, так и неоновым попугаем.

Утром он сосредоточится на ванной, кофе, раздумьях, какой сорт шведского джема намазать на тост. Будут слабеть, отступать воспоминания о том, как на самолете наподобие ненужных доспехов нарастал лед — зловредная кристаллическая смирительная рубашка, как «Пилигрим» становился вялым, тяжелым, с каким трудом пыхтели двигатели. Мэриен и Эдди висели на волоске, казалось, их участь решит вес еще одной снежинки, однако они все же коснулись земли в Буллтофте. Потом теплая гостиница, белая постель, невинный снег.

До встречи с Мэриен у него была неделя, чтобы прийти в себя в обшарпанной гостинице Гонолулу, и ему действительно стало значительно лучше, оставался только побледневший синяк под глазом и беспокоили головные боли, непредсказуемыми волнами перекатывавшиеся в мозгу. Мэриен с беспокойством посмотрела на него, спросила, все ли в порядке, и больше не заговаривала на эту тему. Он решил, что все ее мысли о Калебе. Больше он в «Кокос» не ходил и Энди не видел.

Из Мальмё они полетят в Рим, оттуда через

море в Триполи, а потом на юг, во влажную экваториальную жару, во все удлиняющиеся дни.


N
N
N
N
AFRICA
Cape Town, South Africa
SOUTHERN OCEAN
SOUTH AMERICA
Maudheim
Weddell Sea
Queen Maud Land
Antarctic Peninsula
West Antarctica
South Pole
East Antarctica
Transantarctic Mtns.
Ross Ice Shelf
Little America
Ross Sea
SOUTHERN OCEAN
AUSTRALIA
Auckland, New Zealand

Antarctica

Я смотрю вперед, там горизонт. Я смотрю назад. Горизонт. Что в прошлом, то пропало. Я уже потеряна для моего будущего.

МЭРИЕН ГРЕЙВЗ

Кейптаун, Южная Африка — Модхейм, Земля Королевы Мод, Антарктида
33°54′ S, 18°31′ E — 71°03′ S, 10°56′ W
13 февраля 1950 г.
Полет — 18,331 морских миль

В половине третьего ночи звонок. Комната Мэриен на втором этаже маленькой гостиницы возле аэропорта Уингфилд, но отдаленного звука снизу достаточно, чтобы ее разбудить. Даже во сне она ждала. Когда ночной дежурный стучит в дверь, она одета. За окном ясная летняя ночь.

— Звонили с аэродрома, — говорит дежурный. — Сказали… — Дежурный смотрит на клочок бумаги: — Сказали, морось сообщает, что погода наладилась. — Он поднимает голову: — Надеюсь, вы понимаете, о чем речь, потому что так сказали.

— «Норсел». Что-нибудь еще?

— Там сказали, морось говорит, вроде все стабильно, насколько они могут судить, но чтобы я обязательно вам сказал, что могут они не очень

хорошо и если вы все-таки собираетесь лететь, то лучше вылетать как можно скорее. Хотя человек, который звонил, сказал, что лично он советовал бы вообще не лететь.

— Пожалуйста, позвоните туда, — просит Мэриен, — и скажите, мы уже в пути. И еще попросите найти какие-нибудь корабли на юге и узнать метеообстановку.

Дежурный, высунув кончик языка, записывает и спускается по лестнице. Комната Эдди рядом, и Мэриен прислоняет ухо к стене, слушая, что там происходит. Он не мог не проснуться, но тишина полная. Пожалуйста, думает она, почти умоляет, пожалуйста, окажись там.

Они прибыли в Кейптаун девятого февраля, а на следующий день норвежско-британско-шведская антарктическая экспедиция, после того как ее несколько раз отталкивали ледяные массивы, наконец высадилась на берег. До этого — в Риме, Триполи, Либревиле, Виндхуке — Эдди взял в привычку пропадать. Мэриен полагает, его потрясла гроза над Шпицбергеном, а может, перемена как-то связана с событиями в Гонолулу, оставившими синяк под глазом, — что бы там ни случилось. На Аляске он вроде был в порядке, над Северным полюсом летел в пре-

красной форме, но после Мальмё все норовил улизнуть из гостиниц, иногда на всю ночь. Она не может быть уверена в его возвращении.

Мэриен старалась увлечь его последними антарктическими планами, спрашивала, что он думает о ее бесконечной нервной возне с расчетами груза и топлива (мучительной неизвестности добавляли лыжи и сила их сопротивления), но Эдди отвечал кое-как, безразлично, даже резко, как будто она приставала к нему с пустыми, незначительными вопросами. Казалось, он не хочет иметь ничего общего ни с ней, ни с ее картами и карябающим карандашом. Наконец в Кейптауне она велела ему прекратить гулянки. Время уходит. Они должны быть готовы вылететь в любой момент.

Мэриен стучит в дверь.

— Войдите, — тут же отвечает Эдди.

Он сидит на кровати, полностью одет. Кровать нетронута.

— Ты спал? — спрашивает она с порога.

— Не знаю. Нет. Немного. Ночью у меня было предчувствие. Пора?

— Погода наладилась.

Он смотрит в пол, стискивает, ломает свои большие руки.

— Тогда сейчас. Часа через три поднимемся. Часов тринадцать в воздухе. Может быть уже совсем темно, когда доберемся. Все что угодно может быть.

Мэриен подавляет нетерпение. Неужели Эдди думает, что она этого не знает?

— В какой-то момент надо взять и прыгнуть.

Он смотрит на нее, жалкий, умоляющий:

— Я не знаю, смогу ли.

— Ты хочешь сказать, что не собираешься лететь? — она изумлена.

Эдди мотает головой:

— Я хочу сказать, что не знаю, смогу ли найти дорогу.

Мэриен заходит в комнату, подсаживается к нему.

— Если кто и сможет, так это ты.

— Не слишком надежная гарантия.

— Никаких гарантий и не было. Нам обоим следовало принять, что у второго может не получиться.

— Я боюсь.

— Гроза?

— Она, конечно, не способствовала, но скорее накопилось. Я думал, что привыкну к долгим перелетам над водой, но не получилось. — Он

осторожно прижимает пальцы к вискам, в лице проступает боль.

— Ты в порядке?

— Просто голова болит. Пройдет. — Эдди достает из кармана флакон с аспирином, разжевывает две таблетки.

— До Шпицбергена ты был великолепен. — Она словно напоминает упрямому ребенку, что еще вчера он с удовольствием ел то же самое блюдо.

— Там было другое.

Несомненно. Возле Северного полюса правила навигации изменились, но все-таки у них имелись приличные карты, радиосвязь в Барроу и Туле, им надавали множество советов, их ждали в Лонгъире. Им также повезло с небом, оно оставалось ясным, светили звезды, Эдди мог ориентироваться по ним. На юге у него будут прискорбно фрагментарные карты, не будет навигационных сигналов и звезд — кроме солнца, которое, вероятно, часто будет закрыто из-за пагубных, часто меняющихся метеоусловий.

— Я много думал о том, что все может полететь к чертям, — говорит Эдди. — Но еще о том, что будет, если все пройдет хорошо. Ты думаешь про потом?

— Я стараюсь жить день за днем. Один перелет,

одна посадка.

Она чувствует, что Эдди на грани распада, но не может оценить серьезность проблемы, так структурный дефект самолета может привести к трагедии, а может и не привести, зависит от уровня нагрузки. Он наклоняется, ставит локти на колени, обнимает большими руками большую голову.

— Я втянула тебя? — спрашивает Мэриен.

— Нет. — Он снова мотает головой: — Нет, я сам решил. Мне нужно было… Нужно было что-то, и я подумал, может, вот оно.

— Мы уже столько прошли, — тихо умоляет она. — Еще немножко полетать. Земля, вода, лед — на самом деле, одно и то же.

Конечно, ложь. Они полетят навстречу страшной опасности. Он знает не хуже нее, но ей все равно. Ей уже трудно представить себе, как это — когда не все равно. Она закостенела внутри. Важен только полет.

Она знает, что Эдди знает, что она лжет, но вдруг он говорит:

— Ты права.

Ей не терпится на аэродром.

— Ты готов?

Эдди поднимает голову. Вид у него измучен-

ный.

— И всегда буду готов.

* * *

Они поднимаются в воздух на рассвете, плавно сворачивают на юг, бросают последний взгляд на Столовую гору, освещенную косым розовым светом восходящего солнца. По воде бегут бесконечные белые барашки. «Пилигрим» трясет на ветру. Пока не набрали высоту, Мэриен слишком жарко в шерстяной одежде. Она не может себе представить, что ей понадобятся оленья парка, унты и толстые носки, лежащие на сиденье второго пилота, но очень скоро не сможет представить, как без них.

Через два часа внизу образуется тонкий покров тумана, кое-где рваный. Впереди поднимается стена облаков, серая, плотная, слишком высокая, чтобы перелететь сверху. Они входят в блеклую неизвестность.

Время от времени Эдди приносит записки с корректировкой курса. Она ничего не может считать по его бесстрастному лицу. Пытается передать ему свою депешу, весточку веры: он найдет дорогу. Возможно, внутри у него срастется, когда они замкнут круг. В шестом часу облако сверху начи-

нает светлеть, редеть, белизна трясется и гремит, потом самолет чудесным образом выбрасывает в открытое небо, его брюхо скользит по белому. Эдди кладет записку. «ТН — 30». Точка невозврата через тридцать минут.

Он не предлагает повернуть назад, только говорит, что любая возможность развернуться назад скоро исчезнет — обычная практика. Но Мэриен уже давно перешла черту. Их начало и их конец впереди.

Облачность проясняется. ТН растворяется где-то сзади. Внизу ребристое от волн полотно темной синевы. В самолете падает температура. Мэриен скучает — знакомое уютное забытье полета, — следит за приборами и двигателями, переключается с одного топливного бака на другой, выполняет указания Эдди. Больше она ничего не может.

Появляется первый айсберг, плосковерхий остров размером с городской квартал, по краям волнами вырыты голубые пещеры. Кружат белые птицы. Из-под воды просвечивает мерцающий карандаш льда. Внизу, конечно, больше айсберга, гораздо больше, гигантские мерзлые корни.

Очумев от переизбытка юга, начинает гулять компас. Холод одолевает обогреватели «Пилигри-

ма». Мэриен и Эдди надевают тяжелые свитера. Где-то в одиннадцатом часу над горизонтом яркое белое пятно, ледяные блики на затянутом облаками небе, отражающем лед, которого они еще не видят. Вода теперь черная, блестящая, как обсидиан, скоро появляется полоса пакового льда, месиво из слякоти, плит и айсбергов. Местами вода испещрена полупрозрачными ледяными дисками, похожими на скопление медуз. Сбившись в кучу, на льдине лежат тюлени. Насторожившись от шума, они шевелятся, ворочаются. На другой льдине, будто маковые зерна, крапинки пингвинов.

Потолок облаков опускается, выдавливая их вниз до четырехсот футов. Эдди, склонившись над своим местом, молчит, считает, пересчитывает. На крыльях, склеиваясь, как наносимые облаками обслюнявленные бумажные шарики, образуются плюшки льда. По краям крыльев, чтобы отодрать корку, Мэриен надувает протекторы антиобледенителя. Двенадцать с половиной часов.

Что-то странное между чернотой моря и белизной облаков: тонкая серебристая пунктирная линия из вертикальных палочек, как расползающийся клеевой шов, протянувшийся, сколько

хватает глаз, во все стороны. Мэриен зовет Эдди и, когда он подходит, хлопает его по плечу. Шельфовый ледник. Она не ожидала такого взгляда — взгляда человека, ставшего свидетелем чуда. Глаза у него увлажняются. Он с такой силой сопротивлялся полету, что восторг застает его врасплох, решает Мэриен.

Они летят низко, вдоль кромки шельфа. Через двадцать минут в ответ на многократные сигналы Эдди устанавливается радиосвязь с базой экспедиции в Модхейме. Члены экспедиции пометили взлетно-посадочную полосу флажками. Через сорок минут: корабль, пришвартованный ко льду, штабеля грузов, вереницы собак на цепи, следы на снегу от корабля до того места, где возводят хижины, и маленькие, машущие руками фигурки. Флажки и ветровой «колдун» обозначают ровную полосу снега. Мэриен делает круг, выпускает лыжи.

Шум ветра стал моим представлением о тишине. Настоящая тишина давит на уши тяжело, как могила.

МЭРИЕН ГРЕЙВЗ

Модхейм, Земля Королевы Мод — Литл Америка-III,
шельф Росса
71°03 ' S, 10°56' W — 78°28' S, 163°51' W
13 февраля — 4 марта 1950 г.
Полет — 20,123 морских миль

Им предлагают разместиться на «Норселе», но на корабле страшно воняет китовым мясом, псиной, человеком, и Мэриен с Эдди, радуясь, что после ужина могут уйти, ставят палатку у привязанного канатами самолета (лыжи вдобавок подперты комьями снега). Во время первой экспедиции Ричарда Бэрда, в 1929 году, ветер сорвал «Фоккер» с привязи, перевернул и разнес в клочья. Если такое случится с «Пилигримом» после вылета из Модхейма, лучше всего будет лечь в снег и ждать, думает Мэриен. Помощь в ее планах не значится. Ее не будет. Экономя вес, они берут с собой еду, только чтобы продержаться один-два фронта нелетной погоды.

Ее кости еще вибрируют в такт воспоминаниям о двигателях. Прежде чем погрузиться в сон, она

опять выглядывает на улицу. День — разумеется, хотя уже поздно. Облака прояснились, и вокруг самолета поблескивает аура ледяных кристаллов. Антарктида всегда представлялась неправдоподобной, а теперь кажется, что это единственное место, где можно находиться, остаток угасающего мира, будто диковинно пламенный сон.

Ночью их будит звук, похожий на выброс оружейного огня. Полежав немного с открытыми глазами, Эдди говорит:

— Лед движется.

За ужином он был оживлен, так похож на того очаровашку, которого она знала в Лондоне, что Мэриен растерялась, почти испугалась. Летчики, побывавшие в Антарктиде, предупреждали ее о миражах, призрачных горных хребтах или айсбергах, нависающих над горизонтом, дублируя или увеличивая незначительные детали местности. А вдруг такой Эдди — еще одна фата-моргана, думает Мэриен.

Утром солнце ушло, облака слишком низко. Метеоролог велит ждать.

Они посильно помогают обустраивать Модхейм. Члены экспедиции лебедками поднимают с корабля ящики, оборудование, бочки с топливом «Либерти ойл» и опускают их на вездеходы

с танковыми гусеницами, с пыхтением и скрежетом ползущие по льду полторы мили до хижин. Мужчины сооружают фундаменты изо льда, ставят деревянные опорные конструкции, роют углубления для складов и мастерских, выстраивают проходы из ящиков и брезента, нагромождают бочки с нефтью для защиты от ветра. Все это скоро похоронит дрейфующий снег. Не умолкает лающий, воющий хор десятков упряжных собак, привязанных где только можно.

Руководитель экспедиции говорит Мэриен, что никогда еще не видел таких счастливых собак. На море их загнали в конуру на палубе и привязали. Псов заливало морскими брызгами, кровью, сочащейся из китовых туш, и собственными испражнениями, но, высадившись, едва оказавшись на льду, они вывалялись дочиста, досуха в снегу, принялись лаять, резвиться и возродились. Возможно, Эдди не мираж; возможно, его просто освежила здешняя чистота.

* * *

После суток облачности небо проясняется. Приносят бочки с топливом, заправляют «Пилигрим». Двигатели оттаивают под холщовыми покрывалами, их кормят на завтрак теплой нефтью.

Несмотря на груз и неподатливый на морозе штурвал, лыжи без помех отрываются от утрамбованного снега. Мэриен разворачивает самолет над машущими людьми, лающими собаками, океаном и летит в никуда.

Спустя час они видят внизу горы, не помеченные на их картах. Возможно, их вообще никто еще не видел. Изо льда выступают крутые хребты черных скал и одиночные нунатаки.

Затем поражающая воображение бесконечность белого.

Поверхность льда постоянно меняется, как океан. (Мэриен считает, что это отдельное море, в тысячи футов глубиной.) Заструги ребрятся, будто застывшие волны; по ним, подобно течениям, бегут трещины. Даже несмотря на солнцезащитные очки, яркий свет сверлит ей череп. Через четыре часа образуется прозрачная дымка, она становится плотнее: облегчение от света, но проблема в ином. На крылья налипает лед. Мэриен забирается на двенадцать тысяч футов, в чистый воздух, всего около трех тысяч футов над плато, неуклонно поднимающимся к полюсу. Солнце отбрасывает тень самолета на просвечивающее облако: идеальное миниатюрное изображение, окруженное радугой; называется «глория».

По правилам они должны надеть кислородные маски, но она принимает решение экономить. Кто знает, как долго еще будет туман, как высоко им придется подняться?

«Вот и Южный полюс», — говорится в записке Эдди, которую он приносит чуть позже. «ТН — 30». Он улыбается, воодушевлен, настроение явно приподнятое. Мировое дно еле проступает сквозь дымку, белое, сплошное, неотличимое от сплошной белизны. Мэриен смотрит без эмоций. Единственное, куда она хочет, — вперед, прочь. Теперь она понимает, что тут, где все огромно и безжизненно, может обитать сама смерть.

Стрелка масляного манометра опустилась до нуля, но, вероятно, он просто вышел из строя на морозе, ведь двигатели еще гудят. Обогреватель тоже выдохся, металл в кабине такой холодный, что можно обжечь кожу.

Вспоминая о ТН, она испытывает сомнения. Но откуда они? Ведь все в порядке. Она кричит Эдди:

— Что думаешь?

У него растерянный взгляд, он кричит в ответ:

— Ты о чем?

— Летим дальше?

Он смотрит на нее из-под капюшона оленьей парки:

— Почему нет?

— Просто проверила.

Он улыбается и поднимает большой палец: «Все отлично».

Может, перепуганный человек в кейптаунской гостинице, таращившийся на нее, словно она пришла отвести его на виселицу, ей приснился? Как это мог быть тот же Эдди, теперь столь бесстрашный и веселый? Но кроме того, он рассуждает логично: нет убедительной причины возвращаться, а не двигаться вперед. Видимость не идеальная, но могла быть куда хуже. С самолетом все в порядке. Если они вернутся в Модхейм, у них не хватит топлива на вторую попытку, им придется пережидать сезон, пользоваться припасами и гостеприимством экспедиции, ждать корабля, который их забрал бы.

Еще один рывок. Сопротивляйся инстинктам, говорил ей Голец. Сдавайся, когда хочешь бороться, говорила она Эдди в Лондоне. Борись, когда хочешь сдаться. Она летит дальше.

* * *

Небо и лед сливаются в бесшовную оболочку, их невозможно расчленить. Как в миске с молоком, говорят пилоты. Горизонт исчез. Вокруг нее пустое пространство — сверху, снизу, и возможностей измерить его нет. Высотомер показывает одиннадцать тысяч футов, но это выше уровня моря. А она не знает, какой толщины лед. Самолет может быть всего в тысяче футов ото льда. Кроме мутного вихря летящего снега, она не видит ничего. Эдди рядом с ней наклоняется, вглядывается в окно.

Однажды на Аляске она перевозила на медный рудник городского парня, инспектора из Сан-Франциско. Их поймало облако, они не могли ни подлететь под него, ни подняться над ним, пришлось проходить сквозь. Через некоторое время она заметила, как парень держится двумя пальцами за мочку уха. Когда она спросила, не болят ли у него уши, он сухим шепотом признался в необычайно странном чувстве. Ему казалось, они уже разбились, погибли и бесформенная гулкая белизна — чистилище. А пощипывания придают уверенности, что он еще жив.

Теперь она понимает. Где граница между жиз-

нью и небытием? Как кто-то может уверять, будто знает, где она проходит?

Мэриен делает пологий поворот, отлетев в надежде на лучшую видимость. Вроде внизу слабый проблеск льда? Но тот уже исчез. Им нужно немедленно сесть и не тратить топливо. Почти вслепую, опасно подобравшись к скорости сваливания, она опускается. Порывы ветра. Стон двигателей. Шквал, и она видит лед, тормозит. Ужасный скрежет, толчок, самолет кренится набок.

* * *

Палатка плывет в пустоте. Ветер воет беспрерывно, грозит в любой момент разодрать полощущийся брезент. Мэриен хочется назвать его немилосердным, но милосердие тут понятие неуместное, бессмысленное.

Метель слепит и душит. Все белое. Ей кажется, она висит, поскольку невозможно отличить снег внизу от воздуха. Мэриен не видит самолет там, где они прикопали его и привязали, только надеется, что «Пилигрим» не унесло ветром. Она не может дойти до него. Несколько шагов в белизну — и ей никогда не найти дорогу обратно к палатке.

Чудо, что они сумели сесть, погнув лишь одну лопасть пропеллера и повредив одну лыжу. На Аляске она погнула миллион пропеллеров и знает, как разгибать их кувалдой, как пользоваться клейкой лентой, накладывать шины на лыжи. Чудо, что метель еще не разыгралась в полную силу, когда они сели и смогли (с огромным трудом) закрепить самолет, установить палатку и разжечь печь, чтобы молча страдать от мучительной боли, отмораживая руки и ноги.

Они спят и просыпаются в оленьих спальных мешках, спят и просыпаются, а в часы бодрствования в основном лежат молча. Через два дня, когда ветер наконец затихает, Мэриен в состоянии думать только о самолете. Осторожно, стараясь не разбудить Эдди, она выползает из палатки. На том месте, где был самолет, еле заметны очертания сугроба. Она бежит, топая тяжелыми ботинками, но всего через десяток шагов со снегом под правой ногой происходит какая-то странность.

Еще не понимая, что случилось, она инстинктивно переносит вес влево и падает на колени.

Она ступила в черное пространство, будто пробив из белого мира в подземную пустоту отверстие около фута диаметром. Несколько футов

вертикального льда голубовато светятся в расщелине, ниже — знакомая темнота. Эта тьма преследовала Мэриен с тех пор, как она впервые перелетела канадскую границу, а возможно, с тех пор, как затонула «Джозефина». Мэриен сидит на тонкой заслонке между белой и черной пустотами. Две половинки шара, каждая состоит из ничего: ни цвета, ни света.

Обратно к палатке она ползет на четвереньках. Эдди, когда она заползает, шевелится, бормочет, что ветер стихает. Мэриен в силах только мыкнуть, надеясь, он сочтет мык согласием. На улице ждет пропасть, невидимая, как крокодил в воде. Самолет, если он еще там, возможно, стоит на краю пропасти. Палатка, возможно, поставлена на снежном мосту, который может рухнуть в любой момент. Думая о маленькой черной дыре в снегу, она испытывает ужас, но еще жалость к своему телу, его жалкой, угловатой хрупкости, его малости, онемевшему весу. Сейчас она больше ничего не может. Снова поднимается ветер. Она погружается в сон.

* * *

Метель укутывает палатку снегом, отгородив их от мира. Они раскапывают вход каждые

несколько часов, убеждаясь, что их не погребло окончательно. Когда Мэриен рассказывает Эдди о пропасти, он сохраняет стальную твердость собственного антарктического двойника. Сейчас, говорит он, можно лишь соблюдать осторожность, а когда метель утихнет, они увидят то, что увидят. Если самолет пропал, то все кончено. Однако ему думается, он еще на месте, только под снегом.

Погода должна поменяться. Даже в такой враждебный мир должны вернуться солнце и небо, все время твердит себе Мэриен, но до конца не верит. Опять вспоминает пассажира на Аляске, пытавшегося убедить себя, что он еще не умер. Может, они уже умерли? Кажется, возможно все, но вместе с тем невозможно ничего, кроме белизны и холода. Нет, думает она, небытие должно быть чистым, а их присутствие оскверняет здешнюю чистоту. Они пятнышко несовершенства, свидетельствующее о жизни.

У них еще остались продукты и керосин, но через неделю смерть, похоже, начинает приближаться — не прыжками, а небольшими шажками, бочком. Холод не переставая глодает руки и ноги Мэриен, пытаясь забраться вовнутрь, отыскивая брешь в ее обороне. Онемение — это

не отсутствие ощущений, а ощущение отсутствия всего. Если они слишком долго на улице, от обморожения лица белеют, как посмертные маски. Мэриен и Эдди растирают щеки, носы, пальцы ног, терпят боль возвращения к жизни.

Индевеющее дыхание наслаивается на спальные мешки и стенки палатки шелушащимся инеем, что нужно счищать дважды в день. Эдди оставляет влажный носок на полу палатки, а когда поднимает, тот ломается с шоколадным хрустом.

Холод забрался в самое ее нутро, а раз уж обосновался, его почти невозможно изгнать. Покрытые коркой желтые пятна на носу и щеках, от которых она не может избавиться, затуманенность разума — смерть свернулась клубочком, ждет внутри, собрала свою мощь вдоль ее границ. У нее дикие, красочные сны, кажущиеся мелким, но живым протестом против окутывающего саваном небытия.

Иногда она все еще ловит себя на мысли, что после полета поедет к Джейми. Когда вспоминает правду, в ней невысокой волной детонирует взрыв горя.

— Полный абсурд, — подает она голос из спального мешка, — но иногда смерть брата придает

мне мужества. Я ловлю себя на мысли, если он смог умереть, смог выдержать, тогда могу и я, хотя, понятно, у меня нет выбора, да и вообще смерть не то, что «выдерживают». На самом деле как раз наоборот.

— Я думаю, мужество надо черпать, где только можно, — отвечает Эдди. — Что тут плохого?

Ее благодарность Эдди не знает границ, и все же наступают мгновения, когда ей хочется, чтобы его не было. Докопаться до сущности Антарктиды можно, только побыв с ней наедине, так велит Мэриен инстинкт. А может, сущность слишком огромна, слишком пуста и ее вообще невозможно понять, как бы близко ты к ней ни подошел. Может, именно это и привлекает в Антарктиде, неудержимо влечет к ней. Она вспоминает, как Джейми рисовал бесконечное пространство, прекрасно зная, что нарисовать его нельзя.

Когда они во время затишья вылезают из палатки, Эдди стоит к Мэриен спиной и смотрит на белую плоскость, судя по всему, не слыша своего пилота.

В палатке он говорит, что ему нравится Антарктида, так как сюда не добралась война. Нравится, что здесь нечего восстанавливать.

— Восстановление давит на меня похлеще

разрушений. По крайней мере, развалины были честнее.

Она помнит города, превратившиеся в плоские коврики розовато-серой пыли и беспорядочные груды камней. Наверное, Эдди имеет в виду, что, несмотря ни на какие искренние обещания мира, ни на какие кусочки, которые потом соберут и склеят, мертвые не вернутся. Вернуться в прежний мир нельзя, единственная возможность — создать новый. Но создавать его, вероятно, нудно и утомительно.

* * *

Небо ясное, и они копают, эксгумируя бескровное серебристое тело самолета из снежного холма. Они уже откопали одно крыло и почти весь хвост. Внутри тоже полно снега. Руки расцарапаны и под варежками, но надо продолжать. Эдди, тыча палаточным шестом, внимательно осмотрел расщелину и разметил безопасную тропу. По его мнению, впереди самолета твердый лед. Они лихорадочно копают, надеясь, что погода продержится.

* * *

Облака смыкаются, расступаются, опять смыкаются. Они копают целый день, останавливаться нельзя, иначе потная одежда заледенеет до хруста. Откопав корпус самолета, они освобождают от снега и его внутренности, потом кое-как выпрямляют лопасть пропеллера, кое-как склепывают лыжу.

Наконец остается только стряхнуть последний снег с капотов и со страхом ждать, пока прогреются двигатели. Больше всего хочется спать, но запросто может грянуть еще одна снежная буря и погубить все плоды их труда.

Пропеллеры слабо крутятся, останавливаются. Мэриен копается в редукторе. Топливопроводы кашляют; рыча, оживают двигатели; пропеллеры вращаются, да, вращаются. Наконец пора дать газу и оторвать лыжи ото льда. Дергает болью уставшая рука. Снег все быстрее мечется за окнами кабины. Их трясет, мотает, и она молится, чтобы не вписаться в большие заструги или расщелины. Какое-то время самолет идет ровно, затем поднимается. Удерживавший их пятачок льда и скрытая под ним расщелина стремительно исчезают, их уже не отличить от общей

белизны. Эдди производит наблюдения, показывает ей на карте, где они стояли. Пустое место, как и все остальное. Когда полет убаюкивает ее, адреналин выдыхается. На нее давит сон. Голова опускается, вскидывается.

Трансантарктические горы прорывают белую шкуру континента: пирамидальные вершины, черные изрезанные хребты, голубые поля изломанного льда. Мэриен держит тринадцать тысяч футов, лавируя между перевалами. Она хочет надеть кислородную маску, надеясь, что та ее разбудит, но клапан замерз. Перелетая Атлантику, Чарлз Линдберг не спал более пятидесяти часов, напоминает она себе. Но — возражает жалость к себе — ему не надо было сначала выкапывать самолет из снега.

Уровень топлива падает слишком быстро. Она осматривается и видит радужные брызги, веером разлетающиеся за крылом. В полусне она не заметила, когда это началось, теперь остается только надеяться, что течь не усилится. О том, чтобы приладиться починить, не может быть и речи. Наверное, один из проводов отсоединился во время жесткой посадки или какой-то топливный шланг треснул на морозе.

Они приближаются к леднику Акселя Хейберга.

За ним, внизу, слой облаков простирается до самого горизонта. Тревога ее бодрит. Эдди передает корректировку курса, они обмениваются многозначительными взглядами. Что тут скажешь? Ледник под облаком больше девяти тысяч футов тянется с гор к шельфовому леднику Росса — плавающему ледяному одеялу размером с Испанию. Им виден только низкий покров серости.

Теперь лучше всего залететь за лед. Они летят дальше, топливо вымывается до нуля, сейчас самолет должен быть над водой. По сигналу Эдди Мэриен падает в облако. Ниже, еще ниже, сквозь слепую белизну. Наконец снизу стремительно надвигается тьма, и они оказываются в чистом воздухе, прямо над черной водой, подернутой туманом там, где полынья. Неподалеку крупный столовый айсберг, почти касающийся нижней части облака. Мэриен разворачивает самолет, и вот уже кромка шельфового ледника, отвесная голубая стена, поднимающаяся из моря. Эдди точно вычислил цель.

Здесь Роальд Амундсен поставил базу Фрамхейм, отсюда отправился на лыжах к Южному полюсу. Здесь утопленные в снегу базы Ричарда Бэрда, Литл Америка с первой по четвертую — подземные лабиринты жилья, лабораторий,

мастерских с припрятанным топливом и припасами. Мэриен писала участникам экспедиций, Эдди составил примерную карту баз. Они гадали, что может быть видно из-под снега, что нужно искать.

Но лед не бывает неподвижным, его выталкивает с континента собственная накопленная масса, он вечно соскальзывает в море, отламывается, уплывает. У кромки льда, ближе, чем ожидала, головокружительно близко, Мэриен видит остатки Литл Америки-IV: полукруглые крыши бараков, поставленных в 1947 году в рамках операции ВМС, в которой участвовали четыре тысячи семьсот человек, тринадцать кораблей и семнадцать самолетов. И она нацеливается на вышки и мачты в нескольких милях на северо-востоке: Литл Америка-III.

* * *

Странно — тепло. Они так удивились, когда ожил генератор, что в ужасе отскочили, а затем рассмеялись и, измученные, чуть не плача, повалились на пол ледяного туннеля. Эдди врубил его на пробу, почти в шутку, но команда адмирала Бэрда, вероятно, оставила в живучем агрегате керосин, поскольку он загрохотал, взревел

и ворчливо принялся за работу. Суть конструкции в том, что генератор гонит теплый воздух между двумя слоями пола, поэтому лютость холода быстро ослабевает. После стоянки на плато Мэриен даже малейшую убыль холода стала воспринимать как тепло, но теперь, когда она лежит на койке после бесконечного сна, это в самом деле здорово. Ушло мучительное чувство борьбы.

Пока они крепили самолет и укрывали двигатели, гадая, где лучше копать, у Мэриен было такое ощущение, будто она испаряется, как морской туман. Она надеется, ей никогда больше не придется копать снег. Ее руки напоминают окровавленную говядину, замороженную, а затем оттаявшую. Один участник экспедиций Бэрда набросал для нее схему базы, и, руководствуясь ей, они с помощью лопаты и кирки вломились в подземное логово жилищ и ледяных туннелей, отыскали генератор, растопили снег, нашли койки и рухнули в спальных мешках.

Она просыпается в полной темноте. Медленно — все остальные чувства отступили — до нее доходит, как сильно болят руки и спина, колет пальцы и ладони, затем жажда, переполненный мочевой пузырь, слабая, еле заметная качка: шельф движется, вздымается на волнах. Мэриен

зажигает керосиновую лампу. Наручные часы показывают четыре, но она не знает, дня или ночи.

— День добрый, — где-то близко говорит Эдди.

— День? А что было, когда мы легли спать?

— Видимо, вчерашний вечер.

Они в помещении, заставленном койками, заваленном припасами и снаряжением, кучами брошенной шерстяной одежды и поношенных ботинок, оставленных тридцатью тремя людьми. Книги открыты на тех же страницах, что и десять лет назад. На стенах и балках нацарапаны имена и таинственные послания. Смеются, показывая Мэриен и Эдди на ноги, пришпиленные девушки. Ничего страшного здесь не случилось, но ощущение жуткое. Это холод, из-за него все застыло, он замедляет распад. Нет воды, из-за которой могло заржаветь железо, нет прожорливых бактерий, гнили — ничего, что могло бы отсчитывать ход времени. Рухнул один ледяной туннель, чуть провисли крыши, но в целом отсюда ушли будто вчера.

Мэриен выходит на улицу и вдруг с удовольствием видит низкие облака. Они еще такие усталые, что им вряд ли по силам подготовиться к отлету.

Подземные ледяные туннели ведут к отдален-

ным баракам и иглу. Они находят машинное отделение, кладовку с лыжами, радиоузел. В каморке с ворванью ждет разделки груда выпотрошенных тюленьих туш. Вдоль туннелей ящики со съестными припасами и банки с керосином. В собачьем туннеле при свете лампы Мэриен сначала принимает замороженные испражнения за огромных блестящих коричневых жаб.

Из обилия прекрасно сохранившихся, намертво замороженных продуктов они готовят ветчину с початками кукурузы (урожая 1938 года, как указано на упаковке). Эдди бродит по туннелям, приносит неожиданные сокровища. Находит сигару, затем патефон, ставит Бенни Гудмена и Бинга Кросби. Музыка эхом отскакивает от балок, от голых стен, ото льда, ее слышат плавающие под водой тюлени.

* * *

Небо по-прежнему затянуто. Всякий раз, когда Мэриен вылезает проверить погодные условия, сплошные облака, иногда снег. Было бы лукавством утверждать, что она сильно расстроена. Внизу легко забыть: так не может длиться вечно, им придется сделать еще один рывок. Напоминая об этом, скрипит лед.

Они нашли бочки с бензином и заправили «Пилигрим». Каждый день им приходится освобождать самолет от налипшего снега. Они проверили все шланги, клапаны, прокладки, вроде устранили все возможные протечки, но Мэриен мучают сомнения. И Эдди опять странный. Он чаще нее поднимается наверх, задумчиво бродит вокруг, однако, возвращаясь, деловито хлопочет, наводя порядок в бараках и проверяя припасы.

Антарктида та еще обманщица. При определенном освещении далекие горы оказываются снежными холмиками по плечо на расстоянии пятидесяти футов. А десятки марширующих на них высоких черных людей, вытянувшихся фронтом вдоль невидимого горизонта, превращаются в пятерку пингвинов Адели высотой по колено, разросшихся и размножившихся в результате оптической иллюзии.

* * *

Когда Эдди сообщает, что дальше не полетит, они в кабине «Пилигрима». Небо прояснилось, и они в очередной раз закончили выгребать снег, надутый сквозь щели. Мэриен слушает вполуха, думая, что еще нужно сделать, что еще проверить.

— Дело вот в чем, — почти легко объясняет Эдди. — Даже если я полечу, вряд ли у нас получится, а я не хочу утонуть. Единственное, за что я был благодарен в войну, так это за то, что не утонул.

Погруженная в другие мысли, Мэриен решает, Эдди так странно шутит.

— Что?

— Я остаюсь, — повторяет Эдди.

Не веря своим ушам, теряясь в догадках, она говорит ему, что он, конечно же, не останется. Он нужен ей. У них все получится. Никаких причин считать, что не получится. Они заткнули течь. Они столько пролетели.

— Нет, — спокойно отвечает Эдди. — Не думаю, что получится. С моей точки зрения, риск не оправдан.

— Ты имеешь в виду предчувствие?

— Можно и так назвать.

Все еще надеясь на розыгрыш, шутку, Мэриен спрашивает, почему он тогда, если не летит, в поте лица выгребал из самолета снег, и Эдди, по-прежнему мирно, отвечает, что, наверное, хотел все же попытаться, один.

— Но ты же не думаешь, что у меня получится? — говорит Мэриен. — Ты думаешь, я утону.

— Ты можешь остаться.

— Нет. Ты вообще о чем? Ты намерен торчать тут и ждать корабля, который нас возьмет? Сезон, уже слишком поздно. Нам придется ждать год, да и вообще в этом нет никакого смысла.

— Нет, я не про то. Я знаю, что ты полетишь. Но я не хочу. Я останусь здесь и знаю, что меня ждет.

Она потрясена, она в бешенстве, в ужасе.

— Ты замерзнешь или умрешь с голоду. Или упадешь в расщелину и замерзнешь или умрешь с голоду там.

— Может быть. А может быть, дождусь зимы, в ясную ночь выйду на улицу и лягу под полярным сиянием.

Она кричит, что это безрассудство, что он нарушает свое слово, обрекает ее на смерть. Эдди дает ей прокричаться, а потом объясняет: ему не нравится вся эта ерунда в остальном мире, он ее больше не хочет.

— Ты мне мстишь? — спрашивает Мэриен. — За то, что случилось с Рут?

— Пожалуйста, не оскорбляй меня, — тихо отвечает Эдди.

Она успокаивается, говорит осторожно:

— У тебя будет жизнь, после того как мы доле-

тим. Ты ее найдешь. Антарктида не убавит твоего одиночества.

— Но я здесь не одинок. В том-то и дело. А там для меня жизни нет, — он машет в сторону воды, в сторону земли за ней, на север. — Я никого не хочу. Я пытался. Правда, пытался. Мне не найти дороги.

— Найдешь. Ты штурман.

— Это просто работа. Дело.

Мэриен убеждает, что не может лететь и одновременно прокладывать курс. Не в таких условиях. Без него она не справится.

— Ты этого хочешь? — спрашивает она.

— Чего я хочу, не имеет никакого значения.

— Что ты имеешь в виду?

— Мы не долетим. Конец один, но я не хочу в воду.

— Мы долетим. Мы обязаны попытаться. Почему нельзя завершить полет, а потом сесть и подумать? Если тебе нужно уединение, можно найти клочок земли и жить припеваючи.

Эдди смотрит на нее с сочувствием:

— «Потом» не будет. Прости, Мэриен, я понимаю, тебе тяжело, но я выбираю свой путь. Ты тоже можешь выбрать. А я хочу знать, как быть здесь одному. Очень хочу.

Это Мэриен понимает, ведь Эдди дарит ей то, чего она вроде бы хотела: летать одной, — но она шипит:

— Никогда не слышала большего эгоиста.

Может быть, соглашается Эдди. Но в Антарктиде он чувствует, что принадлежит себе, поскольку больше ничего нет. Точнее, не будет, как только Мэриен улетит. Он проложил маршрут; возможно, ей удастся пройти его одной. Но, повторяет Эдди, скорее всего, они в конце пути. Она может умереть либо в Антарктиде, либо в Южном океане.

— Что тебе делать — твой выбор. Я принял решение.

Она требует ответа на вопрос, почему он согласился лететь, если собирался лишь бросить ее, подставить.

Поскольку до сегодняшнего дня, отвечает Эдди, верил, что сможет, но испугался. Теперь он знает, он не полетит. И не боится. Все к тому шло. Ему нужно было испытывать страх, чтобы заметить, когда тот уйдет.

Мэриен стонет, что он убьет ее своим суеверным упорством. Собрался умереть — пожалуйста, но не надо впутывать ее. Рут точно воспротивилась бы. И срывающимся голосом она говорит,

что он не может вот так ее бросить.

— Нет, — отвечает он. — Это ты собираешься меня бросить.

* * *

Задыхаясь, она делает последнюю запись в журнале, выходят каракули. «Я поклялась себе: мой последний спуск будет не беспомощным падением, а нырком баклана». Если ей суждено долететь до Новой Зеландии, она, оставив Эдди во льдах, ничего не сможет сказать о полете, о завершенном круге, она не перенесет, если кто-то прочтет слова человека, совершившего столь позорный поступок.

Мэриен уверяет себя, что Эдди не оставляет ей выбора, но, может, она просто не умеет разговаривать с людьми, не может догадаться, как убедить его? «Я ни о чем не жалею, — записывает она в журнале, — но буду жалеть, стоит лишь себе позволить. Могу думать только о самолете, ветре, береге — таком далеком, где опять начинается земля». Однако, если она погибнет, пусть останется какая-то версия случившегося, даже фрагментарная, неполная, хотя шансы на то, что кто-нибудь когда-нибудь наткнется на нее, и стремятся к нулю. «Мы, как могли, заделали

течь». Она медлит, потом все-таки пишет «я», не «мы». «Я скоро улетаю».

Скорее всего, лед отколется и унесет Литл Америку в море вместе с ее журналом.

«Я совершила безрассудный поступок, но у меня не было другого выхода». Скорее всего, снег глубоко похоронит журнал и никто никогда его не найдет. «Никто никогда этого не прочтет. Моя жизнь — мое единственное достояние».

Скорее всего.

«И все же, и все же, и все же.

Она закрывает журнал, заворачивает его в спасательный жилет Эдди и оставляет в жилой комнате Литл Америки-III.

До самой смерти она будет думать, можно ли было убедить Эдди полететь с ней. До самой смерти будет помнить его маленькую темную фигуру на льду, машущую ей обеими руками, когда она делает круг. И будет бояться, что в какой-то момент, когда она уже отлетела слишком далеко и не могла заметить, прощальный взмах мог превратиться в мольбу о том, чтобы она вернулась.

Гризли-Сидящий-в-Воде

ДВАДЦАТОЕ

Я постучала в дверь синего домика. Джоуи Камака открыл ее и расхохотался. Он смеялся так, что даже согнулся, уперев руки в колени.

— Правда вы, — сказал он, придя в себя. — Я не сомневался, что это розыгрыш.

Джоуи близилось к шестидесяти, он был жилист, в пляжных шортах и футболке, босой и с коротким седым хвостом на голове. Маленькая девочка, лет восьми, тоже с хвостом, обняла его сзади за пояс и уставилась на меня огромными глазами мультяшной крольчихи.

— Моя внучка Калани, — представил Джоуи. — Она видела только первого «Архангела», потому что остальные слишком страшные, но зато у нее есть все диски с Кейти Макги. Она очень любит Кейти Макги.

Он махнул мне заходить, и я, сбросив шлепанцы, добавила их в кучу обуви у порога. Дом небольшой, но светлый: стены и потолки из побеленного дерева и затертая темная напольная доска. Я впервые оказалась в помещении, где,

я точно знала, бывала и Мэриен Грейвз. Все остальное было декорация и эрзац. В заваленной игрушками гостиной лежал плетеный коврик, а перед большим телевизором с плоским экраном стоял просиженный диван; в одну дверь я мельком увидела ванную, в другую — розово-фиолетовую берлогу, где царил полнейший беспорядок, предположительно комнату Калани. Наверх, через открытый люк вела лестница, а на стене чуть криво висел пейзаж: горы под острыми углами, густо покрытые лесом и тенями. Я подошла посмотреть.

— Это?.. — спросила я.

— …Джейми Грейвз. Калеб привез ее с материка. Я знаю, она дорого стоит, я должен продать или по крайней мере поставить какую-нибудь охрану, но картина из тех вещей, что были всегда. Для меня она все еще принадлежит Калебу.

Накануне вечером в более просторном и красивом двойнике дома Джоуи, которую нашел наш сотрудник по поиску натуры, я отснялась в сцене, где Мэриен и Эдди гостят у Калеба; ночью разражается гроза; Мэриен, изменив Эдди, идет к Калебу, и, пока Эдди внизу притворяется, что спит, они трахаются. Актер, играющий Калеба, и я с маленькими заплатками телесного

цвета в низу живота изображали бурную-бурную страсть, вокруг стояла куча людей со штангами и отражателями, и координатор интимных сцен говорил что-то вроде: «Хэдли, вам будет удобно, если он будет держать вас не за бедра, а за талию?» Барт начал возбухать, типа сцена будет лучше, естественнее, если выставить мою грудь, и я не сомневалась в своем «да», поскольку поступала так всегда, но вместо этого произнесла: «Необязательно всем видеть сиськи Мэриен, Барт». И все закончилось.

Слава богу, я прочитала письма из коробки Аделаиды Скотт только под конец съемок, поскольку теперь мне приходилось играть на двух уровнях: 1) быть такой Мэриен, которая сообразовывалась бы с концепцией фильма, и 2) играть так, как будто я не знаю того, что знаю, а именно что Эдди был геем, а Мэриен любила его жену.

В гостиной Аделаиды я сначала разложила письма на полу, как огромный пазл, а потом читала до поздней ночи, пока не заснула у нее на диване. Некоторые были адресованы Мэриен, некоторые писала она.

Страшная западня. Я с трудом представляю, сказала я ему, что у меня когда-ни-

будь будет ребенок, и уж точно не сейчас. Я думала, он поймет, но… Нет, он понял. Но ему плевать, вот в чем дело. Он хочет заманить меня в западню.

Пожалуйста, пиши, даже если мои ответы будут такими же безжизненными, как этот. Я сейчас не вполне в себе.

Прости, я молчал. Мы хранили долгое молчание, и нарушить его оказалось слишком трудно.

Не уверена, могу ли я сказать, что простила все, но почти все. После случившегося остаться я не могла, но я все еще скучаю по тебе.

Пишу Вам, поскольку, как мне стало известно, мой покойный муж, Ллойд Файфер, стал причиной того, что ваш отец пал жертвой большой несправедливости.

Джоуи провел меня в маленькую кухню с фанерными шкафчиками и старым бежевым холодильником.

— Я сейчас доделаю обед Калани, — сказал он, — и мы поговорим. Могу я вам что-нибудь

предложить? — Он залез в холодильник: — Вода, фруктовый пунш, молоко, пиво?

— Люблю пиво днем, — ответила я.

Вообще-то, я не шутила, но, протягивая мне банку, Джоуи рассмеялся, а потом открыл себе вторую. Его смех звучал не из глубины, а сразу под поверхностью. Обед Калани — разрезанный на треугольники сэндвич, немного мини-моркови и порция чего-то фиолетового — дед выложил на пластиковую менажницу и, вручив ей тарелку, вывел меня на улицу. На веранде стояла ротанговая мебель с линялыми подушками, на которых были тиснуты крупные зеленые листья. Над головой лениво крутился вентилятор. Маленький запущенный двор, обнесенный сетчатым забором, заросшим каким-то виноградом, возле детского игрушечного домика из выцветшего розового пластика на боку лежал розовый же велосипед с белыми шинами. В углу на кусте гибискуса висел гидрокостюм. За ним виднелся черный скалистый берег, низкие вспененные волны и необъятность воды.

— Моя жена, кстати, не сомневаясь в розыгрыше, отправилась в «Костко». Не хочет, мол, быть свидетельницей моего унижения. — Джоуи усмехнулся — что-то вроде предупредительной

рокочущей конвульсии перед извержением — и плюхнулся на диванчик. — Надеюсь, она вас еще застанет, иначе ни в жизнь мне не поверит.

В дверях, сжимая двумя руками тарелку, появилась Калани и уставилась на меня жадно и одновременно испуганно, как будто она Индиана Джонс, а я знаменитый, про́клятый, по всей видимости, артефакт. Джоуи похлопал по соседней подушке:

— Давай, Калани, садись рядом с дедушкой. Хэдли не кусается. — А мне сказал: — Не так уж часто к нам заглядывают кинозвезды.

Я поманила Калани мизинцем, и она бросилась обратно в дом, а за ней посыпался дождь из маленьких морковок. Джоуи чуть не лопнул от смеха.

— О боже, — выговорил он наконец. — Знаете, наверное, так и нужно реагировать на встречу со своими героями. Просто спасаться бегством.

— Она живет с вами?

— Временно. — Он помрачнел: — У ее родителей некоторые проблемы.

— Простите.

— Это жизнь. Так вы снимаетесь в фильме о Мэриен Грейвз?

* * *

— Нет, Калеб так и не женился, — сказал Джоуи. — Не тот человек. Хотя встречался с симпатичными девушками. Какое-то время с хиппи Черил, которая дружила с моей матерью. Когда я заканчивал среднюю школу, а матушка моя сбежала с одним типом в Аризону и у меня начались неприятности — году в семидесятом — семьдесят первом, — Калеб и Черил взяли меня к себе и поставили на ноги. Через пару лет они расстались, Черил уехала, а я остался. У меня, по сути, не было отца, поэтому у нас с Калебом бывало всякое, но мы всегда держались одной маленькой командой, понимаете? Я съехал, только когда женился. Потом Калеб заболел, и мы с женой и детьми вернулись к нему помогать. Не то чтобы я когда-нибудь мог ему отплатить. — Джоуи указал на океан: — Я развеял его прах прямо там.

— Вам, должно быть, его не хватает.

— Да, иногда, хотя прошел двадцать один год. Знаете, трудно до конца понять, как нам не будет хватать некоторых людей, пока они не уйдут.

Я вспомнила Митча.

— Да, знаю.

Он с любопытством посмотрел на меня:

— Значит, Аделаида Скотт рассказала вам о своей… хм… связи с Джейми Грейвзом.

Я кивнула:

— Она сказала, что приезжала сюда.

— Да, очень давно. Она тогда вовсю занималась семейной историей. Пыталась кое в чем окончательно разобраться.

— В чем, например?

— Думаю, для вас не станет новостью. Кто я? Что мне делать со своей жизнью? Я был молод и не наловчился задавать, ну, наводящие вопросы, поэтому особо ее не расспрашивал. Кроме того, я влюбился по уши, она действительно огонь, прямо жуть наводила. Казалась взрослой, но ей было, наверное, двадцать с хвостиком. Она добилась большого успеха, верно? Какая-то знаменитая художница? Правда, больше она общалась с Калебом, не со мной. Да и что у нас могло быть общего, понимаете?

Я не могла придумать, что спросить. Пытаясь скрыть неловкость, потягивала пиво. Чтение писем у Аделаиды вызвало приятные ощущения — что-то волнующее, откровенное, почти как желание. Думаю, желание и было. Хотелось знать больше. Но теперь правда о Мэриен казалась слишком большой, слишком бесформенной,

чтобы мне ее собрать. Правду эту, как обломки затонувшего корабля, разнесло на плавающие мелкие фрагменты, которые не соединялись.

Джоуи, похоже, не замечал моей растерянности.

— А лучше Калеба я никого не знаю, — продолжил он. — Он мог быть и строгим, и не из тех, кто притворяется, что у них все хорошо, когда все плохо, но, понимаете, благородный. На него можно было положиться. Может, иногда пускался во все тяжкие, но, по-моему, он решил, я, мол, пережил войну да пошло оно все. Пока совсем не постарел, работал на ранчо, а потом в маленькой библиотеке, там, по дороге. Любил читать. Мало рассказывал о войне, но повторял, что она научила его читать. Когда заболевал, сидел здесь целый день и читал. Потом слишком ослаб, читать уже не мог, просто сидел с книгой на коленях и смотрел на океан. Он взял меня к себе далеко не юношей. Тогда ему, наверное, было примерно столько же, сколько мне сейчас. — Он заглянул в дом, куда убежала Калани. — Однако жизнь полна сюрпризов.

— Он много рассказывал о Мэриен Грейвз?

— Знаете, честно говоря, он вообще не отличался болтливостью. Ничем таким не делился.

Но иногда о ней заходила речь, да. Он говорил, Мэриен была действительно смелой и действительно отличным пилотом. Однажды я смотрел о ней передачу, пытался прочесть ее книгу, но не пошло. Я так себе читатель. Калеб все пытался заставить меня читать. В общем, Мэриен оставила личные вещи Аделаиде Скотт, а все деньги — не так уж много — Калебу. Потом, когда на Южном полюсе, или где там, нашли ее книгу, он получил за нее гонорар. Деньги копились. Я даже не знал, сколько накопилось, пока он не умер. В завещании указал все деньги, и я подумал: откуда же они взялись? Адвокаты объяснили мне, что за книгу, думаю, она правда имела тогда успех. Пришлось кстати, поскольку мой сын собирался в колледж на материке, а теперь у нас Калани.

— Калеб не упоминал, их с Мэриен не связывали… отношения? — спросила я.

— Романтические? — Джоуи надул щеки и, задумавшись, поднял глаза на вентилятор. — Вряд ли, хотя я бы не удивился. А почему вы спрашиваете? У них был роман?

Я рассказала о письмах, хранившихся у Аделаиды. Калеб писал немного, и, конечно, не любовные письма, но я знала, он ездил к ней на Аляску,

да и в письме Рут содержался некий намек. Кэрол Файфер подарила Мэриен и Калебу роман, братья Дей пошли у нее на поводу, но все сильно отдавало догадками. Пока я говорила, из дома выползла Калани и, забравшись к Джоуи, избегая смотреть на меня, принялась играть с пластмассовой русалкой.

— Вот это да, — сказал Джоуи, когда я закончила, и смешок всплыл у него из живота. — Ну и жук. Знаете, если его вспомнить… Он вроде никогда не искал, ну, партнершу. У него случались романы, длились год-два, как бы случайные, но в то же время довольно страстные, потом все рушилось. Какое-то время жил один, а когда находила охота, появлялась новая женщина. Подружки у него не прекращались почти до самого конца. Приходили, тусили, готовили ему ужин. Может, история с Мэриен вроде того. Ну, их пути пересекались, и отлично. Продолжали с того же места, где остановились. — Он посадил Калани к себе на колени. — А может, она была любовью всей его жизни. Может, он так ни с кем и не сошелся окончательно, потому что не хотел никого пускать на ее место.

— Безумие вздыхать по ком-то, кого нет уже несколько десятилетий.

— Я только хочу сказать, может, ему до конца ее не хватало. Я всегда думал, почему он так и не бросил якорь.

— Вы никогда не спрашивали его?

— Не-а. Он бы просто отшутился. Хотел бы я рассказать вам больше. Хотя я сохранил кое-какие вещи Калеба, если хотите посмотреть. Я достал их, получив ваше электронное письмо.

Опустив Калани, он встал, зашел в дом — внучка потянулась следом — и вернулся с открытой картонной коробкой.

* * *

Сверху валялись неразобранные фотографии. Я вынимала одну за другой и складывала в стопку. Джоуи ткнул пальцем в черно-белую фотографию темноволосого мужчины в армейской форме, в лице что-то азиатское, сидит на каменной стене:

— Это Калеб.

Я перевернула фотографию. На обороте карандашом написано: «Сицилия».

— Иди поиграй, Калани, — Джоуи подтолкнул девочку в сторону сада, и она, как суслик в нору, юркнула в пластиковый игрушечный домик.

Были и цветные фотографии, некоторые вы-

цвели: Калеб на лошади в шляпе, украшенной цветами фуксии. Калеб с женщиной на пляже, с другой женщиной на свадьбе или еще где, с третьей женщиной — сидит, свесив ноги, на какой-то цементной конструкции у склона холма.

— Вот Черил, о которой я рассказывал, — сказал Джоуи. У Черил по плечам стекали длинные, волнистые светлые волосы. — Это наблюдательный пункт оборонительных сооружений времен войны. До сих пор стоит.

Калеб верхом на лошади по грудь в океане. Древняя черно-белая фотография из ателье в потускневшей серебряной рамке: бледная девушка с темными, забранными волосами в платье с кружевным воротничком. Изображение было призрачно, размыто временем.

— Думаю, это его мать, — пояснил Джоуи. — Он говорил только, что она пила и ей не везло.

Трое неулыбающихся детей сидят на заборе, все в комбинезонах: Калеб, Мэриен и Джейми Грейвз. На обороте ничего. Улыбающийся подросток Джоуи в полосатой футболке, чем-то занят у дымящегося мангала, а Калеб наблюдает за ним с пивом в руках. Еще черно-белая фотография: Калеб в военной форме, откинувшись в кожаном кресле, держит сигарету; вспышка отразилась

в бокалах для коктейлей. Рядом, глядя в сторону, стоит Мэриен Грейвз в синей форме Вспомогательного транспорта. На обороте: «Лондон, 1944 г.».

Под фотографиями пачка писем, аккуратно перевязанная шнурком. Джоуи смущенно потянулся за ними.

— Это мои, когда мы с Ханако путешествовали по материку. Нас не было всего месяц, но я писал ему каждый день.

Под письмами лежала бумажная папка, потертая от времени. В ней я увидела газетные вырезки с заметками о полете Мэриен, датирующиеся временем как до, так и после ее исчезновения.

— Калеб собирал, — объяснил Джоуи. — Я удивился, найдя их. Он вообще-то не копил вещи.

Я начала разворачивать ломкую бумагу.

— Наверное, иногда люди надеются, что если собрать много обрывков, то прояснится вся картина.

— Этим вы пытаетесь заниматься?

— Не знаю, чем я пытаюсь заниматься, — сказала я.

В газетах пошла одна и та же фотография: Мэриен и Эдди стоят возле «Пилигрима» перед отлетом из Окленда. Оба почти застенчиво улы-

баются, скрестив руки на груди. Потом, когда журналисты покопались в прошлом Мэриен, появилась старая фотография Эддисона Грейвза, который несет близнецов по трапу «СС Манауса». Еще была фотография Мэриен в форме Вспомогательного транспорта, залезает в «спитфайр». И ее свадебная фотография рядом с каким-то оптимистичным заказным матерьяльчиком о «яркой» жизни.

Я закрыла папку. Под ней в коробке еще лежала грамота из библиотеки, где работал Калеб, и программка его похорон. Затем шел журнал, заложенный бумажкой на статье о ранчо с фотографией Калеба верхом на лошади в океане.

На самом дне оказалось адресованное Калебу письмо в белом конверте с несколькими иностранными марками. Адресом отправителя значился почтовый ящик в Новой Зеландии.

— Можно?..

— Конечно, — ответил Джоуи. — Я так ничего из него и не понял. Почему-то Калеб держал его в сейфе вместе со свидетельством о рождении и другими важными бумагами. Даже не знаю, зачем я его сохранил.

* * *

Всего лишь клочок бумаги, еще одна пожелтевшая газетная вырезка, аккуратно сложенная в несколько раз. Я развернула ее и разгладила. По краям обсыпалось. Фотография из газеты «Курьер Квинстауна». 28 апреля 1954 года. Четверо мужчин в шляпах сидят или лежат на поросшем травой пригорке с бутылками пива в руках. На заднем плане пасутся овцы. Подпись: «Горные пастухи на заслуженном отдыхе после работы». Кто-то черной ручкой направил стрелку на одного из пастухов и что-то написал на полях. Почерк почти не разобрать, но характерные особенности неразборчивости были настолько знакомы, что у меня внутри все зашипело, как будто я проглотила бенгальский огонь. Я прищурилась, пытаясь прочитать. «Гризли-Сидящий-в-Воде». Когда я отложила вырезку, та покоробилась и медленно сложилась по сгибам, будто живая. Я снова разгладила ее.

— Гризли-Сидящий-в-Воде, — прочитала я Джоуи. — Вам это о чем-нибудь говорит?

— Вообще ни о чем. Я как-то искал в интернете и нашел только про какую-то индианку, притворявшуюся мужчиной. Подробностей не помню.

Человек, на которого указывала стрелка, вытянув длинные тонкие ноги, приподнялся на локте, отвернулся от камеры и скрыл лицо тенью шляпы. Я не знала, рассказывать ли Джоуи, но не смогла удержаться. Достала телефон и, увеличив фото одного из писем Мэриен Рут, развернула его так, чтобы строки из нечитаемых островерхих слов шли параллельно накарябанной надписи на газетной вырезке.

— Посмотрите.

Джоуи подошел, встал позади меня и наклонился к телефону:

— Что это?

— Это письмо писала Мэриен Грейвз.

— Да ладно! — сказал он, когда до него дошло. — Вот те раз!

— Тот же почерк, да? Я ведь не придумываю?

— Правда похоже.

— Он еще получал письма из Новой Зеландии? Вы не знаете?

— Мама родная, да он ездил туда! Ездил много раз! Я не упомянул, так как думал, ему всего-навсего нравилась Новая Зеландия. На нее действительно западают. — Джоуи плюхнулся обратно на диванчик и, схватившись руками за голову, повторил: — Вот те раз.

Бенгальский огонь у меня в животе разорвался. Мне казалось, должен быть виден, просвечивать сквозь кожу скелет.

— Когда он туда ездил?

— Точно не помню, в какие там годы, но обычно уезжал, расставшись с очередной подругой, как-то так. Не после каждой, ну, может, раз в пять лет, как-то так. Я знаю, он был там пару раз до того, как приютил меня. Никогда никого с собой не брал. Говорил, что хочет один, и да, получал еще какие-то письма, но не хранил. По-моему, даже сжигал. Помню, я заметил как-то клочки в банке из-под кофе, которую он использовал под пепельницу, и еще подумал, надо же, как театрально. Обычно-то он письма не жег.

— Вы когда-нибудь спрашивали, кто ему пишет или зачем он туда ездит?

— Он только говорил, что у него там приятель с войны.

— Вы помните еще что-нибудь? Он привозил фотографии?

— Нет, никаких фотографий. Хотя дайте подумать.

Джоуи закрыл глаза. Я ждала. Солнце над океаном стало белым. Калани смотрела на меня из окна домика и, увидев, что я обернулась, за-

лезла обратно. Наконец Джоуи открыл глаза и покачал головой:

— Нет. Извините. Больше ничего не могу вспомнить. Я перебрал пожитки после его смерти, и вы видели практически все, что я сохранил. Да и прошло уже больше двадцати лет. Вы действительно думаете, он ездил к ней?

Что я имела? Фотографию шестидесятилетней давности, пастух без лица, нацарапанное прозвище, возможно, никогда не существовавшего туземца. «Я скоро улетаю», — написала Мэриен в конце журнала.

«Я». Я никогда не задумывалась, почему «я», не «мы». А Эдди? А самолет? Каким образом Мэриен могла добраться до Новой Зеландии так, чтобы никто не узнал? Возможно ли вообще женщине жить как мужчина? А Аделаида Скотт? Если Мэриен выжила, значит, решила больше не видеть племянницы.

— Я не знаю, что и думать, — сказала я.

Ветерок в пальмах и шум волн придавали тишине изменчивую бархатистость.

— Что вы будете делать? — спросил Джоуи.

— А вы как думаете, что мне делать?

— Господи, откуда мне знать. Допустим, вы приметесь всем рассказывать вашу безумную

версию, что она выжила, и что? Если вы правы и она действительно выжила, то явно не хотела, чтобы кто-нибудь об этом знал. Если нет, все решат, что вы с приветом или ищете внимания, как-нибудь так. Наверное, первое, что приходит в голову, — не буди лиха, пока оно тихо.

Калани метнулась из домика к невысокой седой женщине в широкополой шляпе от солнца, которая в одной руке держала огромное пластиковое ведерко с крендельками, а в другой — огромную коробку мороженых вафель.

— Джоуи! — позвала она. — Помоги, пожалуйста, разгрузиться.

— Иду! — крикнул он в ответ. — Но тебе придется развлечь нашу гостью.

Она подняла глаза и, заметив меня, от потрясения открыла рот. Было видно, она искренне, абсолютно не верила, что я переступлю ее порог. Но вот она я. Джоуи расхохотался.

Полет

Мы летим на солнце, против его ежедневного движения. Иди на запад, говорит солнце. Оно тянет за собой, убегает, как ребенок, пытающийся вас заманить. Но мы должны двигаться на север, оставляя свет за спиной.

МЭРИЕН ГРЕЙВЗ

Литл Америка-III, шельфовый ледник Росса – остров Кэмпбелл
78°28 ′ S, 163°51′ W — 52°34′ S 169°14′ E
4 марта 1950 г.
Полет — 21,785 морских миль

Самое страшное из ее мучений в первые часы — мысль о том, что она долетит до Новой Зеландии. День голубой, по большей части ясный. Эдди дал ей карты, пометив их азимутами и углами для секстанта. Он крепко обнял ее, крепко поцеловал в щеку, пожал руку и отправил туда, где она встретит свою смерть — в этом, по крайней мере, по его словам, он был убежден. Он взял с Мэриен обещание никого не посылать за ним в том маловероятном случае, если она доберется

до земли. Не имеет никакого смысла, сказал Эдди, она должна говорить, он упал в расщелину. Мэриен представляет, как Эдди ясной ночью лежит в снегу и ждет смерти. Вспоминает Баркли, чуть не сдавшегося снегу в ночь их встречи, Калеба, ребенком заблудившегося в метель. Оба почти отдались холоду, но потом передумали. Она надеется, Эдди не передумает, и вдруг понимает, что звезды и полярное сияние дозовутся его. Может быть, она оставила свой журнал, чтобы покинуть правду, как покинула Эдди.

Мэриен проходит ТН, и тут слишком быстро начинает садиться топливо. Из-под левого крыла вырывается пар. Сначала она испытывает только облегчение. Эдди избежит участи, которой так боялся.

«Нырок баклана». Она помнит свои слова. Смотрит, как падает топливо, и решает сдержать слово. Решает и все же летит дальше. Понимает ли она тогда, как хочет жить? Воспоминания о тех минутах останутся странно пустыми, сопротивляясь ее попыткам извлечь из них правду. Позже она придет к выводу, что испытывала противоречивые желания: жить, умереть, вернуться, прожить жизнь заново, все изменив, еще раз прожить жизнь, ничего не меняя.

Мэриен не знает, сколько времени прошло, прежде чем она собралась с духом. Она не думает, а давит на штурвал, ныряет. Двигатели ревут. Навстречу поднимается вода.

Когда она решила погрузить в море «спитфайр», Джейми, уже мертвый, велел ей вернуться. Тогда она послушалась. И благодаря этому увидела, как кончилась война. Увидела гальку, реки, слонов на фоне красных дюн. Морских дьяволов и полярные ледяные вершины. На Оаху лежала в постели с Калебом, слушая, как дуют пассатные ветра. Сейчас она ничего не слышит, кроме воя двигателей и порывов ветра, однако снижает скорость. Самолет выравнивается недалеко от волн. Большие парящие птицы — альбатросы с огромными крыльями — режут воздух. Ей не место среди них. Мэриен поднимается вверх, обратно в небо. Руки дрожат. Она кладет на колени карты.

Топливомеру плевать, что она передумала. Стрелка по-прежнему падает. Пар по-прежнему стекает с крыла. На синей разграфленной бумаге она рассматривает карандашные пометки Эдди в поисках потайного хода обратно в жизнь. Сначала видит остров Маккуори, длиной в двадцать миль, вытянутый почти точно с севера на юг.

Мэриен знает, там метеорологическая станция, работающая круглый год. Но остров довольно далеко на западе. Лететь надо против ветра, а у нее нет топлива. Дальше на север, но восточнее еще одно пятнышко. Остров Кэмпбелл.

Юг по-прежнему налегает на компас. Вокруг пустой океан. Найти остров будет трудно, даже если бы не заржавели так ее навигационные навыки. Может, не получится, но она попробует.

Из последующих часов Мэриен запомнит, как ловила солнце в секстант, царапала расчеты, метала туда-обратно «за» и «против». Страх почти задушила необходимость сосредоточиться, действовать.

Она не запомнит, как решила, что самолет должен исчезнуть, что им необходимо пожертвовать, а сама она должна попытаться, если удастся, утаить свое спасение. Единственный способ борьбы за продолжение жизни — это создание новой. Решения станут простыми фактами ее прошлого, точкой на дороге, где она свернула, изменив свою судьбу. Все сомнения, все контрдоводы, приводимые ей самой себе, будут потеряны, стерты неотменяемостью в конечном счете сделанного.

Когда очертания острова пробивают горизонт под высокими облаками, она сбрасывает

оленью парку, надевает парашют и надувной спасательный жилет. Остров неуклонно приближается. Она изо всех сил сжимает штурвал. Нужно только придать самолету устойчивости, и то на несколько необходимых ей минут. Когда внизу оказывается земля, она идет в заднюю часть салона, открывает дверь, прыгает.

Мэриен никогда не прыгала с парашютом. С гордостью говорила себе, что сажала самолеты, когда другие прыгнули бы, но теперь, камнем летя в пространстве, думает, немного практики не помешало бы. Она дергает вытяжное кольцо. Резким рывком парашют раскрывается.

«Пилигрим» летит дальше, не осознавая своей новой независимости, надвигающейся смерти в воде. Острая боль. Мэриен отводит взгляд. Между ногами покачивается поросшая травой, клочковатая гора.

Вот она, правда: лучше прятаться, лучше совсем перестать быть Мэриен Грейвз, чем нести груз того, как она поступила с Эдди. Круг не завершен, но теперь ей плевать. Это не навлекает на нее позор. Но она действительно думает, что несет смерть окружающим ее людям. Перед полетом Мэриен ездила в Сиэтл повидать дочку Джейми. Она хотела после полета время от времени

навещать племянницу, узнавать, как та растет, но теперь уверена, что принесет одно несчастье. Пусть Аделаида будет кем-то совсем другим. Пусть она не будет Грейвз[11].

Ветер выталкивает ее к длинной узкой бухте с черной водой. На нее оборачивается пролетающий со свистом альбатрос. Спускаясь, она видит на кочковатой горе птичьи гнездовья: огромные, ослепительно-белые птицы, словно комья снега в траве, которую полощет ветер. Между ботинок все еще блестящая черная вода. Пытаясь вырулить, она тянет стропы парашюта, но ветер неуклонно тащит ее к бухте, в море. Сразу за скалистым берегом, чтобы ее не отнесло дальше от суши, она отстегивает ремни и падает.

Холод воды. Ее сила. Она в конечном счете совершает свой нырок баклана, но ногами вперед. Видит мутный мрак, серебристый купол сверху. Оглушенная, будто рыба ударом палки, Мэриен пассивно наблюдает, как удаляется поверхность, пока не вспоминает, что надо потянуть за шнуры жилета и надуть его.

Она запомнит воздух и волны, тяжесть ботинок и одежды, отупляющий холод, испугавший ее

---

[11] Сноски: 11
Могилы (*англ.*). — *Прим. пер.*

почти дельфиний прыжок маленького пингвина из воды. Грохочет прибой. Черные канаты водорослей, длинные, толстые, как пожарные шланги, извиваются в поднявшейся волне, когда ее швыряет на камни — у нее в памяти остается только осколок броска: каскад пены, сильный удар. Жилет пропорот, лицо содрано, нос сломан. Последний кувырок в бурлящей воде, наконец под пальцами крупный песок.

Она с трудом выползает из воды, позволяет себе полежать неподвижно в промокшей одежде, потом перестук зубов напоминает, что надо идти. Густые, ломкие кусты цепляются за лодыжки, грязь засасывает ботинки. (Ей повезло с приливом. Позже, когда она пробудет на острове некоторое время и повторит маршрут, берега вообще не будет, только скала.) Она много раз садится, отдыхает, спотыкается и, когда добирается до хижины с радиомачтой и крутящимся анемометром, из трубы которой поднимается дым, переохлаждение уже полное. Собрав последние силы, она стучит в дверь.

Сознательное погружение

ДВАДЦАТЬ ПЕРВОЕ

Вернувшись в Лос-Анджелес, перед съемками авиакатастрофы я взяла еще один урок пилотирования. На этот раз инструктором была деловая женщина в джинсах «рэнглер», со строго стриженными оранжевыми волосами и в очках-авиаторах.

— Я уже брала один урок, — сказала я ей, пока она водила меня по самолету, объясняя, что я вижу, — но, когда настала моя очередь взяться за штурвал, психанула.

— Что значит «психанула»?

— Не хотела лететь, и все. Отпустила все рычаги. Вот так, — я подняла руки, будто кто-то наставил на меня пушку.

— А сейчас хотите?

— Наверно, нет. Но попробовать хочу.

— Круто.

На сей раз был день и морской туман рассеялся, осталось только открытое небо, грязноватое от смога. «Каталина» покачивалась недалеко от берега; горизонт океана утопал в мягкой дым-

ке. Во всех остальных направлениях тянул свои щупальца город. Самолеты, взлетающие из Лос-Анджелеса, задрав носы, вызвали у меня чуть не сострадание к нашей отважной маленькой «Цессне».

— Хорошо, — кивнула инструктор, когда мы с усилием свернули на Малибу, — давайте берите штурвал. Летите устойчиво и ровно, больше ничего.

* * *

На Гавайях, вернувшись от Джоуи Камаки в гостиницу, я плюхнулась ничком на кровать и заплакала. Я плакала из-за того, что Мэриен Грейвз не утонула и — для одного человека — не исчезла. Из-за доброты Джоуи, из-за того, что позавидовала Калани, не лишенной детства, из-за того, что я, как последняя скотина, завидую маленькому ребенку, чьи родители не могут ее растить, из-за Митча и своих родителей. Я плакала, так как завелась, а иногда нужно просто прореветься.

За моим балконом, за пляжем Вайкики, в самом центре Тихого океана солнце клонилось к закату. Воду усеяли серфингисты с досками. На мелководье играли дети. В кино я сейчас выбе-

жала бы на пляж и опрометью бросилась в воду. Рожденная заново, навечно преображенная, я плыла бы на спине, блаженно улыбаясь небу.

Поскольку ничего лучше в голову не пришло, я надела купальник, спустилась на зеркальном лифте в роскошный, оформленный в этническом стиле вестибюль, выскочила в шлепанцах на улицу и с трудом прошла по идеальному мельчайшему песку. Скинув гостиничный халат, зашла в океан и нырнула.

Под водой, покачиваясь вместе с волнами, я представила, как песчаное дно полого опускается во тьму, к ушедшим под воду пустыням, каньонам, горным хребтам, потом снова поднимаясь к берегам континентов. Я думала о съеденных ржой и крошечными прожорливыми существами, заросших губками и кораллами кораблях, самолетах и костях, по которым шмыгают крабы. О «Пилигриме» и о том, что его никто никогда не найдет. Никто никогда не узнает, где искать. Когда я вынырнула, волна подбросила меня и толкнула обратно к берегу. Я снова заплыла. Я почему-то забыла, что солнце — огонь, что оно расплавлено, пока не увидела, как оно колышется, краснеет, соскальзывает, почти просачивается за море.

Потускнела вода, вспыхнули облака. Я не знала, что буду делать после окончания съемок. В голову пришло, можно поехать в Новую Зеландию или в Антарктиду, продолжить игры в сыщика, но нет, мне не нужна вся история. Ни одна история никогда не бывает полной. Погуглив Гризли-Сидящего-в-Воде, я узнала: он умер, когда кто-то забрался ему внутрь и отрезал кусочек сердца, но после этого тело его не разложилось, как будто без целого сердца он не мог больше перевоплощаться, даже в пыль. Я надеялась, Мэриен сохранила свое сердце целым.

* * *

Я положила руки на штурвал. Пластмасса была теплой от солнца, я чувствовала вибрацию двигателя. Инструктор показала мне, на какие приборы смотреть, где там у них горизонт, где крылья, как их выравнивать.

— Все хорошо? — спросила она.

— Кажется, да.

— Если немного потянуть на себя, нос поднимется.

Я потянула на себя. Ветровое стекло медленно наполнилось небом.

Лос-Анджелес, 2015 г.

ДВАДЦАТЬ ВТОРОЕ

Когда самолет ударяется о воду, звук отрубается, остается только слабый звон. Прежде был ветер, двигатели, мое учащенное дыхание, но в момент удара все уходит. Общий план: мощный, беззвучный всплеск в пустом море. Самолет покачивается на волнах. Нос уходит под воду, потом все остальное. Океан сам запечатывает себя. Огромные белые птицы парят над волнами, и слышен высокий, долгий звон, такой тихий, что может показаться наполовину воображаемым. Потом мы под водой, смотрим на меня и Эдди в кабине. У меня из носа поднимаются пузыри; на голове колышутся короткие волосы Мэриен. Эдди без сознания, его лоб в крови. Я наклоняюсь вперед, смотрю вверх на удаляющуюся поверхность океана — печально, но решительно. Закрываю глаза. Затем, словно чтобы оставить меня одну, пока я тону, монтажный стык — и вид «Пилигрима» в воде сверху, его тело погружается в черноту.

Я жду, что сейчас все станет черным, но сквозь

темноту просачивается свет, разъедает ее, как плесень, заполняет экран.

— Это Барт придумал, — шепчет Редвуд, хотя, кроме нас, в просмотровом зале никого нет. — Белый.

Музыка затихает. Пошли финальные титры.

Лицо Редвуда ярко освещено отраженным светом. Он показывает:

— Вот!

Его имя на экране, затем оно исчезает.

Я не смотрю на свое.

— Готов? — спрашиваю я, и, встав, мы через боковую дверь выходим в ослепительный полдень.

Не такая уж крупная победа, что я не психанула на «Цессне», не мотала ее во все стороны. В основном я чувствовала облегчение. И некоторое удивление. А потом, вероятно, опять влезла в шкуру Мэриен Грейвз, так как на секунду ощутила свободу.

Конец

Она в океане, как и было задумано с самого начала. Большая ее часть разбросана по холодному южному морскому дну, но отдельные мельчайшие, легчайшие частички, плавающую пыль, еще сносит течение. Рыбы съели несколько ее крошечных комочков, пингвин съел одну из этих рыб, срыгнул своему детенышу, и какая-то бесконечно малая ее кроха в виде гуано на время вернулась в Антарктиду, в гнездо из гальки, пока шторм не смыл ее обратно в море.

Она умирает дважды, во второй раз через сорок шесть лет после первой смерти. Она умирает в Южном океане, на овцеводческой ферме Фьордленда, в Новой Зеландии.

* * *

Человека, открывшего дверь хижины на острове Кэмпбелл, зовут Гарольд, и он, как сказал бы сам, поскольку не питает склонности к напыщенной лексике, несколько озадачен, увидев у своих ног промокшую женщину в полубессознательном состоянии. Она что-то бормочет, лопочет.

Насколько он может разобрать, умоляет никому не говорить, что она здесь.

— Но кто вы? — спрашивает он, поднимая ее на ноги и заводя в дом.

Однако ответить она уже не в силах.

На острове живут еще Джон и бордер-колли по кличке Свифт. Хижина и несколько небольших хозяйственных построек были поставлены во время войны для береговых наблюдателей, откомандированных сюда, чтобы, буде они завидят вражеские корабли, предупреждать материк. Правда, наблюдатели так ни разу никого и не предупредили, но их метеорологические наблюдения оказались настолько полезными, что после войны станция продолжила работу. Работа на год, для определенного типа людей. Уравновешенных, педантичных, не особенно нуждающихся в обществе, с удовольствием каждый день выполняющих одну и ту же работу, проводящих одни и те же измерения, записывающих одни и те же данные, переводящих данные в азбуку Морзе и отправляющих их невидимому адресату, чтобы данные использовали те, кого они никогда не увидят, предпочли бы никогда не увидеть.

Одним из важнейших поворотных пунктов в жизни Мэриен является то, что Гарольд и Джон

как раз такие люди.

Несколько дней она мечется в лихорадочном бреду. С первыми проблесками сознания при виде молчаливых бородатых мужчин испытывает страх, думая, как они, проводя долгие месяцы в изоляции на пустынном острове, скорее всего, поступят с женщиной. Но Гарольд и Джон лишь изредка прикасаются к ней, осторожно ухаживают: кладут руку на лоб, меняют повязку на лице, где порезы от камней, поддерживают голову, когда она пьет бульон, — и никогда не засматриваются, не задерживаются дольше, чем нужно, даже если приходится помогать ей мочиться в ведро у кровати. У обоих в Крайстчерче жены и дети, но со временем она начинает подозревать, что им милее остров, что они вполне счастливы со своими барометрами, вертушками и метеозондами. Немного поправившись, она расскажет им о себе кое-что, а потом и все, поскольку думает, увидев всю картину и уступив ей право на тайну, они скорее сохранят молчание. Правда, ей не под силу рассказать об одном — о том, что она оставила Эдди. Штурман провалился в расщелину, произносит она, горя не столько от лихорадки, сколько от стыда.

Джон и Гарольд слушают внимательно, без ком-

ментариев, выходят на улицу посоветоваться. А вернувшись, рассказывают: за неделю до ее появления они получили радиограмму, где всем велели сообщать любые сведения о «Дакоте С-47», поскольку имелись опасения, что она пропала. Джон и Гарольд спрашивают, кто ее хватится. Никто, отвечает Мэриен. Калеб простит ей эту ложь. У нее нет ни мужа, ни детей, ни родителей, ни брата. Джон и Гарольд уважают ее желание, заверяют они, и не станут сообщать о ней, но доставивший их корабль придет только в январе, почти через десять месяцев. К тому времени она может изменить свое решение. А пока, пожалуйста, пусть остается.

Снова стыдно. Вторгшись, она разрушила маленькую колонию из двух человек, испортила им мирный год. Она обещает быть полезной; Джон и Гарольд безучастно кивают. На вопрос о продуктах отвечают, что должно хватить, кроме того, если понадобится, есть морские птицы и их яйца, немного капусты (они выращивают ее сами), а также овцы, оставшиеся после неудачного эксперимента, в рамках которого правительство сдавало остров в аренду фермерам. Ее присутствие не будет означать для них никаких лишений, говорят они.

Считают ли они, что она не права, пытаясь избавиться от себя? Джон и Гарольд обмениваются непроницаемыми взглядами. Наконец Гарольд говорит:

— По нашему мнению, это ваше дело.

«Но что будет, когда придет корабль?» — спрашивает она. Придется объяснить ее присутствие, о ней узнают, и все усилия пойдут прахом. «Это можно обдумать позже, — отвечают Джон и Гарольд. — Куда спешить?»

* * *

По форме остров Кэмпбелл напоминает изъеденный насекомыми дубовый лист, его побережье изрезано фьордами, заливами и двумя длинными узкими гаванями: Персеверанс (в ее устье упала Мэриен), и Северо-Восток. Склоны острова вроде пологие, но ходить трудно из-за клокастой травы, грязи и густого кустарника, чье название — Dracophyllum longifolium — она узнает от Джона, больше Гарольда интересующегося ботаникой. Помимо бород, как она про себя называет приютивших ее мужчин, собаки Свифта и нее самой, на острове живут овцы, крысы, дикие кошки, морские львы, морские котики, морские слоны, редкие морские леопарды, до-

вольно много видов альбатросов, другие морские и наземные птицы, а также два вида мелких пингвинов: вездесущие скалолазы, в соответствии со своим прозванием обитающие в скалах, и менее общительные, гнездящиеся в кустах пингвины великолепные, которых обычно можно увидеть лишь мельком, когда они шустро перебегают по пляжу.

Она спрашивает себя, мог ли Эдди передумать. Если да, он в состоянии продержаться довольно долго, питаясь запасами Литл Америки и охотясь на тюленей и пингвинов. Она спрашивает себя, если Эдди действительно был так уверен в ее гибели, может ли он надеяться, что она все-таки пришлет помощь. Она спрашивает себя, жив ли он еще.

Она сожалеет о том, что Матильда, Калеб и, возможно, Сара Скотт опечалятся, но им, наверное, и так было бы грустно, поскольку она уехала.

Самцы морских львов ушли на год, говорит Гарольд. Но самки удалились в глубь острова, чтобы принести потомство, и она часто их видит. Они с ревом выламываются из кустов, где спрятаны детеныши, и по грязным колеям на холмах съезжают на пузе к морю.

Гарольд ведет учет южных королевских аль-

батросов, и Мэриен ходит с ним, пересчитывает гнезда и птенцов и, одной рукой крепко зажимая клюв, держит крупных птиц, пока Гарольд надевает на розоватые кожистые лодыжки кольца с номерами. Они бродят по всему острову даже на леденящем зимнем ветру и записывают в Гарольдов журнал учета девятьсот тридцать восемь птиц. На земле альбатросы неловки, их легко поймать. Взрослые особи роскошно-белые, у них добродушные черные глаза-пуговки, толстые розовые клювы и размах крыльев в два человеческих роста.

Когда Мэриен только появилась, птицы еще сидели на птенцах, но постепенно те превращаются в голодные комки белого пуха, достаточно крепкие, чтобы родители могли отправиться в море на поиски пропитания и оставить их одних. Оперившись, птенцы встают на ноги, расправляют на ветру крылья, и наконец, примерно к отъезду Мэриен, впервые отваживаются на неуверенный пробный прыжок в воздух. Гарольд говорит, что после этого они не коснутся земли несколько лет. Облетят Антарктиду и однажды вернутся на Кэмпбелл с другой стороны для размножения.

Особо Мэриен занимается овцами. До войны на сельское хозяйство острова, как на безнадеж-

но убыточное, махнули рукой, и овцы оказались предоставлены сами себе. Они выносливы и пронырливы — те, кто выжил и размножился, — и Мэриен обнаруживает, что ее тянет к ним. Пес Свифт разделяет ее интерес к овцам, и они вдвоем медленно, через пень-колоду начинают учиться, как перегонять овец с места на место, просто из интереса, получится ли.

В одном из заброшенных фермерских строений Мэриен находит старые ножницы. Латает покосившийся загон, несколько дней терпеливо трудится вместе со Свифтом, прежде чем им удается загнать в него одну овцу. Джон в молодости работал с овцами и, проходя мимо, дает советы, но в основном Мэриен может рассчитывать только на себя. Стрижка — трудное дело, и, прежде чем поднатаскаться, она измучила не одну овцу. Нет никаких веских причин стричь безнадежно диких овец острова Кэмпбелл, однако до нее начинает доходить, что, если ей предстоит стать новым человеком, понадобится не только умение летать на самолетах, но и другие навыки.

Через шесть месяцев после появления Мэриен на острове бороды усадили ее и сказали, что, пожалуй, есть способ переправиться на Большую землю инкогнито.

— Мы бы рассказали раньше, — говорит Джон, — но, простите, не были до конца в вас уверены.

Оказывается, Гарольдов брат, заядлый яхтсмен, собирается навестить обитателей Кэмпбелла в начале лета, раньше ежегодного январского корабля, который привезет новые бороды и заберет старые. Если брата удастся уговорить, она, наверное, сможет уплыть с ним. Они не хотели обсуждать вопрос по радио, поскольку нельзя гарантировать конфиденциальность, так что придется подождать и посмотреть на его реакцию, если он вообще доберется. Если он не согласится или она не согласится, что ж, тогда надо думать дальше.

— Но вы по-прежнему уверены, что больше не хотите быть самой собой? — спрашивает Гарольд.

Мэриен уверена, брат (который оказывается еще молчаливее Гарольда) соглашается, поэтому после долгих безмолвных прощальных рукопожатий она покидает остров Кэмпбелл и в январе 1951 года доходит под парусом до Инверкаргилла.

* * *

Десять месяцев она носила одежду, одолженную ей бородами, после чего кажется естественным продолжать одеваться как мужчина. Она чувствует себя, как тогда, подростком, когда шаталась по Миссуле в комбинезоне и низко надвинутой кепке, хотя теперь ее маскировка более убедительна: сломанный нос, обветренная кожа, загрубевшие руки и мускулистые после стрижки овец плечи.

Мэриен идет на север, к горе Кука, ее берут горным пастухом. Она держится особняком, это несложно, живя в хижине на склоне горы и присматривая за яростно блеющими стадами мериносов. Они не такие пугливые, как овцы острова Кэмпбелл, и не такие выносливые, но отнюдь не послушные. Она лучше ладит с овчарками, лучше, хотя и не особенно быстро, управляется со стрижкой. Она неразговорчива, не жалуется, умеет пить, ее уважают. У бород Мэриен научилась сносно говорить с новозеландским акцентом, постепенно он становится второй натурой; все странности она объясняет тем, что ее мать американка — чистая правда. Впоследствии некоторые будут утверждать, будто

чуяли что-то неладное в этом мужчине, но тогда никто не высказывался, прямо нет. Конечно, она терпит насмешки, касающиеся ее малости (Прутик — так ее называют в сарае, где стригут овец), но сломанный нос, авиаприщур, шрамы на лице, оставшиеся после обморожения и скалистого берега острова Кэмпбелл, придают ей жесткости. У нее никогда не было пышной груди, какую не скрыла бы жесткая перетяжка и пара надетых одна поверх другой рубашек. Она называет себя Мартином Уоллесом.

Мэриен считает, что заслуживает изоляции и неизвестности, что одиночество — сообразное наказание. Но время ослабляет решимость. Самообвинения становятся менее суровыми. Она живет в горах уже три года, когда ее фотография (лицо скрыто тенью) случайно появляется в газете Квинстауна, и Мэриен, поддавшись импульсу, вырезает ее и отправляет Калебу. «Гризли-Сидящий-в-Воде», — пишет она, гадая, вспомнит ли он историю, которую однажды сам ей рассказал. Мэриен не может заставить себя написать голую правду и предпочитает оставить все на волю случая. В каком-то смысле она начала утрачивать твердые представления о том, что есть правда. Вспоминает падающего в расщелину Эдди, хотя

такого не было. А может, и было, потом. Но она действительно помнит, как ее нога проваливается в снег и зависает между белым небытием и черным.

Калеб приезжает к ней на Рождество в 1954 году, и между двумя ее жизнями теперь заметна брешь. Она встречает его корабль в Окленде, ее первая поездка в город, после того как они с Эдди ночевали в Эйтутаки, и так круг замкнулся, без оркестра, через пять лет после начала. За две недели с Калебом она возвращается в свое тело. Безо всяких сомнений — таковых не было и не будет — он не останется, но столь же несомненно, что приедет опять.

На Гавайях она говорила, что завидует ему: он нашел место, усмирившее неугомонность. Она не думала когда-нибудь найти такое для себя, но в Новой Зеландии находит. Возможно, мир в ее душе от этой земли, а возможно, она просто израсходовала себя. Она очень хочет летать, но очень не хочет видеть горизонт. И понимает необходимость жертвы во искупление того, что выжила, оставила Эдди. Она не будет летать. Она не увидит дочь Джейми.

* * *

Собственная книга на книжной полке — мрачная шутка. Мэриен вообще не собиралась ее писать, однако вот она, в суперобложке горчичного цвета. Если бы полет прошел успешно, если бы они по плану с триумфом опять очутились в Окленде, она бы никогда не дала опубликовать свои записи в таком виде. Она оставила их в Антарктиде из духа противоречия, как память о том, что существовала, как каменный могильник. А потом не добилась успеха и не умерла.

Пока журнал не нашли, она редко вспоминала о нем. А в 1958 году он появился на газетной фотографии, в обтянутых перчатками руках ученого, проводившего исследования в Литл Америке-III. Она потрясена и испугана тем, что, вероятно, поднимется шум, что ее фотографии стали печатать и перепечатывать, что всем напомнили о факте существования Мэриен Грейвз. Долгие годы она боялась, как бы кто-то ее все же не узнал, но нет. Она очень сильно изменилась, а кроме того, поселилась в уголке мира, где не особо обращают внимания на такие мелочи, как пропавшие американские летчицы. Когда нашли журнал, она думала, а не найдут ли теперь и Эдди.

Она думала, возможно ли, что спустя восемь лет он еще жив, хотя, конечно, даже если бы ему удалось прокормиться и обогреться, его сломило бы одиночество, отчаяние. Впрочем, вопрос праздный — он не хотел выжить.

Какими стали его последние дни? Сколько их было? Дожил ли он до зимы? Провалился ли все-таки в расщелину? Ученые не нашли на базе Литл Америки его тела. На месте Эдди она сделала бы то, о чем он говорил: зимней ночью ушла бы подальше от базы и легла в снег под звездами и полярным сиянием. А может, и нет — для нее не прошло незамеченным, что ей дважды не удалось решиться на смерть. Жизнь — ее единственное достояние, записала она в журнале. И ее она сохранила, она ей была дорога.

В 1963 году экипаж ледокола Военно-морского флота заметит внутри дрейфующего в трехстах милях от шельфового ледника Росса столового айсберга постройки, мятые, как начинка для сэндвичей: Литл Америка-III, койки, патефон, мерзлые собачьи экскременты, початки кукурузы — все ушло в море.

Эдди тоже, где бы ни застала его смерть, в конце концов будет выдавлен в Южный океан

в айсберге и двинется на север на своей грандиозной погребальной ладье, погребальном костре, который не сгорит, а растает. В конце концов окажется в океане, но он наверняка это знал.

Калеб приезжает в Новую Зеландию во второй раз. Они ругаются из-за денег. Он хочет, чтобы Мэриен взяла все гонорары за книгу. Наконец она уговаривает его оставить себе сорок процентов. Благодаря появившимся средствам, пусть и скромным, она может опять изменить себя. Почти на целый год уезжает на остров Северный, снова становится женщиной, называет себя Элис Рут. Необходимые документы покупает у мошенника в Окленде. Почувствовав, что готова, Мэриен возвращается на остров Южный, покупает ферму, преуспевает. Дрессирует лошадей и овчарок. Нанимает специалистов. Она одна из первых, кто использует вертолет для сгона овец — местность сложная; овцы забираются туда, куда пешком идти несколько дней. Она кое-что себе позволяет: учится летать на вертолете.

В первое время Мэриен нет-нет да встречает кого-нибудь из пастушьей поры; обычно ее не узнают или не слишком уверены, чтобы спросить прямо, однако тем, кто говорит, что она напоминает им человека по имени Мартин

Уоллес, Элис Рут почти небрежно отвечает: да, некоторое время она выдавала себя за мужчину, поскольку искала работу и хотела освоить овцеводство. Кто-то негодует, кто-то после краткого удивления даже восхищается ее мужеством. Мало-помалу слухи расходятся среди овцеводов, и про нее узнают все. Хотя некоторые лицемеры отказываются иметь с ней дело и вовсю распространяют злобные сплетни, она к тому времени уже крепко стоит на ногах и достаточно независима, чтобы не придавать значения подобным разговорам. Судьбы женщин, выдававших себя за мужчин и становившихся солдатами, моряками и даже пиратами, известны издавна. Кому какое дело до одинокого пастуха?

Новорожденные ягнята, ягнята, предназначенные на убой, стриженые овцы, цены на шерсть. В конце шестидесятых туристические агентства начинают предлагать путешествия на остров Кэмпбелл, и в 1974 году они с Калебом отправляются туда. Когда корабль входит в гавань Персеверанс, она показывает, где ее выбросило на скалы, где она шла по холму, пока не наткнулась на бород. Он видит тюленей и пингвинов. В то время на острове еще водятся овцы, только в восьмидесятые последние будут выбракова-

ны, за исключением нескольких, их перевезут на Большую землю для генетических исследований. Они такие живучие, такие выносливые. Мэриен с Калебом сидят на неровной траве вместе с другими туристами в анораках и смотрят, как молодые королевские альбатросы прихорашиваются, гарцуют, расправляют крылья и кричат, задирая розовые клювы в небо. Это называется «гэмминг», говорит она Калебу, слово обозначало у китобоев обмен визитами вежливости, когда их суда встречались в море.

Ей шестьдесят лет.

Она показывает Калебу горизонт, куда напоследок летел «Пилигрим» и, невидимый, упал где-то в океан. И так она возвращается к другому началу, замыкает другой круг.

Она рада, что, когда состарится, у нее не будет вереницы потомков, за которых надо переживать. Мир будет жить как хочет, но ее крови в нем не будет. Когда она узнает о поисках людей в интернете, находит Аделаиду Скотт и узнает: та стала художницей. Джейми был бы рад, думает она.

В последний раз Калеб приезжает, когда ей семьдесят пять. Несколько лет спустя он пишет ей, что болен. Он не будет прощаться, пишет он.

Временами у нее шалит сердце. Становятся хрупкими кости. Гравитация, похоже, стала еще более жадной, все норовит свалить ее на землю. Финальная немощь. В завещании она отписывает имущество женщине, управлявшей ее фермой и проработавшей у нее дольше остальных. Женщина всегда хотела побывать в Антарктиде, и Мэриен оставит деньги для поездки на море Росса заодно с просьбой где-нибудь южнее от острова Кэмпбелл развеять ее прах с корабля.

Она может представить себе, как над Южным океаном струя западного ветра подхватит ее прах, как частички зубов и костей утонут сразу, как на поверхности образуется серая шероховатая пленка, пока зыбь не смешает ее с водой. Но она не знает, что случится с той ее частью, которая не является телом. Всякий раз, сталкиваясь со смертью, она никогда особо не задумывалась, что может быть потом. Теперь задумывается. Полагает, ничего не будет. Каждый из нас разрушает мир. Мы закрываем глаза и гасим все прошлое, все будущее.

Но если бы ей предоставили выбор, она бы попросила ее поднять. Хотела бы вырваться из своего тела, и чтобы все было так, как когда она впервые взлетела, будто ее удерживала в воз-

духе чистая возможность, будто она собиралась увидеть все.

ОБ АВТОРЕ

Мэгги Шипстед — выпускница Мастерской писателей Айовы, получала стипендию им. Уоллеса Стегнера в Стэнфордском университете и стипендию Национального фонда искусств. Ее первый роман *Seating Arrangements* стал бестселлером «Нью-Йорк таймс», лауреатом премии Дилана Томаса и книжной премии «Лос-Анджелес таймс» в номинации «Дебют».

БЛАГОДАРНОСТИ

Издательство выражает признательность командиру воздушного судна Сергею Захарову за помощь при подготовке издания.